

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

3
2018

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Барков С.А., Зубков В.И.</i> Метанарратив о свободе: мифология или наука?	3
<i>Батуренко С.А.</i> Социальное неравенство в эпоху глобализации: концепция Ульриха Бека	14
<i>Ван Ян.</i> Высшая школа в дискурсе европейской научной мысли: проблемы и перспективы	23
<i>Кравченко А.И.</i> Антропосоциогенез – начало социетальной социализации	32
<i>Мамедов А.К.</i> Эскапизм в виртуальную реальность: новые поля социализации	56
<i>Медведев П.С., Фарахутдинов Ш.Ф.</i> Метод мобильной этнографии в маркетинговых и социологических исследованиях	67
<i>Никулин Д.Н.</i> Развитие концепций школы и университета: сравнительный и исторический анализ	74

ГОРОД И ТЕРРИТОРИЯ

<i>Грачева О.Е.</i> Новые тенденции нормативно-правовой поддержки развития социального обеспечения Москвы	82
<i>Борисова Ю.В.</i> Стратегическое развитие территории	87
<i>Грибова К.Л.</i> Имидж города в условиях глобализации	93
<i>Дзуцев Х.В.</i> Общественное мнение о городском автотранспорте Владикавказа	102
<i>Иванов Н.В., Михайлова С.Ю.</i> Советская модернизация и уровень культуры работников милиции Чувашской АССР	105
<i>Лебедь О.Л., Ляликowa С.В., Пинчук А.Н.</i> Городские парки Москвы как платформа для поддержания здорового образа жизни	109
<i>Попова М.В.</i> Бренд территории как ресурс развития (на примере Байкальского региона)	118
<i>Пейганович С.С.</i> Тенденции и проблемы устойчивого развития регионов России в современных условиях	126
<i>Тихонова Т.Е.</i> Социальная политика города Москвы в области активного долголетия	135

СЕМЬЯ И МОЛОДЕЖЬ

<i>Алимова О.В.</i> Современные субкультуры: понятие и особенности	140
<i>Гаглов А.Т., Хугаева А.А.</i> Политические предпочтения молодежи Северной Осетии	143
<i>Гридина В.В.</i> Отношение студенческой молодежи к распространению суицидального контента в социальных сетях	148
<i>Кабайкина О.В., Сущенко О.А.</i> Взаимовлияние брачно-семейной и трудовой сфер жизни современного человека	155
<i>Москвин А.С., Кушова И.А., Коротышева Н.Н.</i> Виртуальный дауншифтинг в молодежной среде города Кирова: возрастной аспект	163
<i>Новоселова Е.Н.</i> Современные российские женщины в сфере труда и в семье: карьерные и репродуктивные амбиции	168

<i>Полуцыган А.А.</i> Функции сельской семьи как отражение её культуры: интерпретация научных подходов	178
<i>Решетников В.А.</i> Молодежное движение как инструмент социализации гуманизма	184

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

<i>Гомцян О.А., Морева Я.А.</i> Профилактика синдрома выгорания в процессе профессиональной подготовки социальных работников	189
<i>Игумнов О.А.</i> Социальная ответственность бизнеса в социологическом дискурсе	193
<i>Камышенков Р.В.</i> Динамика реальной заработной платы как фактор формирования потребительских ожиданий	197
<i>Ли Жуньнань.</i> История формирования понятия «социальное управление организацией»	203
<i>Поплёвкин Н.П.</i> Особенности институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих контрактной службы	208

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

<i>Жемерикин А.Б.</i> Социальная защита населения как институциональная система общества: социологический аспект	212
<i>Ким А.С.</i> Социокультурные задачи работы национальных некоммерческих организаций Сибири и Дальнего Востока	217
<i>Малых С.В.</i> Академическая мобильность как ресурс интернационализации университетов	222
<i>Маткин А.В.</i> Фантастическое как метод построения кинематографических вымышленных вселенных	227
<i>Нехвядович Э.А., Гурко Г.И., Белов В.Г., Парфенов С.А., Сапожников К.В.</i> Детерминанты верификации тоталитарных сект	234
<i>Пудовкина И.М.</i> Влияние социальных факторов и социальных ролей на гендерную религиозность	245
<i>Скуденков В.А.</i> Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области)	250
<i>Шу Хуэйшань.</i> Коммунистическая партия Китая как основа правящей элиты КНР	256
<i>Пархитко Н.П., Таран И.А.</i> Исторический аспект освещения СМИ миграционного вопроса в ФРГ	263
<i>Королев М.А.</i> Теоретические предпосылки социологического анализа профессиональной деятельности социальных работников участвующих в оказании медико-социальной помощи	269
<i>Васильев А.Ю., Ягудина А.Р.</i> Проблемный анализ демографической ситуации в муниципальном районе Стерлитамакский район Республики Башкортостан	278
<i>Смак Т.С.</i> Замещающая семья в общественном мнении	285

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Метанарратив о свободе: мифология или наука?

Барков С.А., Зубков В.И.

Данная статья продолжает тему опубликованной ранее статьи «Метанарративы: судьба научных идей в эпоху постмодерна». Предметом исследования является свобода как один из метанарративов эпохи модерна. Цель исследования – выявление социальной роли свободы и особенностей ее научной рефлексии в постмодернистскую эпоху. Авторы приводят гносеологические и социологические аргументы «за» и «против» свободы, иллюстрируя их примерами из истории и повседневной жизни людей. На основе комплексного (междисциплинарного, ретроспективного и поведенческого) сравнительного анализа выявляются прямые и косвенные связи между теорией свободы и ее социальным восприятием.

Сделан вывод о том, что в эпоху постмодерна метанарратив свободы, с одной стороны, может являться предметом веры, а с другой, – научной категорией, которая может быть по-разному операционализована для ее реализации в социальной практике. Свобода соотносена с другими важнейшими общественными ценностями – счастьем, открытостью, безопасностью и др.

Ключевые слова: свобода, права человека, открытость, либерализм, свобода «от» и «для», модерн, постмодерн, «кривая свободы», степени свободы, плата за свободу, русская цивилизация, интеллигенция

Barkov S.A., Zubkov V.I.

Metanarrative About Freedom: Mythology Or Science?

The article is a continuation of the previously published article «Metanarratives: scientific ideas in the postmodernity.» The subject of the study is freedom as one of the metanarratives of the modern era. The purpose of the study is to reveal the social role of freedom and the features of its scientific reflection in the postmodern era. The authors give epistemological and sociological arguments «for» and «against» freedom, illustrating them with examples from the history and everyday life of people.

On the basis of a complex (interdisciplinary, retrospective and behavioral) comparative analysis, direct and indirect links between the theory of freedom and its social perception are revealed.

In the postmodern era, the metanarrative of freedom, on the one hand, can be a creed, symbol of faith, and on the other hand, a scientific category that can be variously operationalized for its implementation in social practice. Freedom is correlated with other important social values – happiness, transparency, security, etc.

Keywords: freedom, liberty, human rights, transparency liberakism, freedom «from» and «for», freedom modernity, postmodernity, «freedom curve», degrees of freedom, payment for freedom, Russian civilization, intelligentsia

В споре о сущности свободы сломано немало копий. Начиная с философов древности и заканчивая чиновниками «Эмнисти интернешнл», множество субъектов общественной жизни пытались дать ответы на вопросы о том, что есть свобода и в каком виде она нужна человечеству. Современная ситуация, характеризующаяся неоднозначностью понимания политических прав и свобод и специфическим изменением стиля мышления, который очень условно можно назвать постмодернизацией, заставляет вновь обратиться к данной теме. Нижеследующий диалог о свободе является частью цикла, открытого статьей «Метанарративы: судьба научных идей в эпоху постмодерна», и посвящен свободе именно как метанарративу. Этот метанарратив, как и любой другой, содержит в себе изрядное количество условностей, «недосказанностей», а также неожиданных, а часто и неправданных «кульбитов» мысли. В нем сплетены воедино научные факты и верования людей разных эпох. Авторы статьи хотя бы отчасти попытались разобраться в этих хитросплетениях и пролить свет на современное состояние метанарратива о свободе. Под рубрикой *Pro* помещены аргументы в пользу свободы как общественной ценности и научной идеи. Под рубрикой *Contra* представлены аргументы против свободы и соответственно за то, чтобы считать ее в первую очередь мифологемой, идеологемой или даже фетишем.

Contra

Наиболее абстрактным и вместе с тем наиболее влиятельным метанарративом современ-

ности является свобода. С определенной степенью условности можно утверждать, что в эпоху модерна возникла особая религия свободы со своими догматами, жертвами и мучениками. Религиозные войны, которые велись под лозунгом «За нашего Бога!», погубили, безусловно, больше всего человеческих жизней. Затем по числу жертв следуют сражения под лозунгом свободы. Но за последние два века идея свободы по своей «убийственной силе» явно приблизилась к религиозным идеям. Если сегодня ИГИЛ (организация, запрещенная в России) и родственные ей террористические организации ведут в той или иной степени религиозную войну, то их противники из стран Запада постоянно декларируют, что борются за свободу.

Картина оказывается черно-белой, лишённой каких бы то ни было промежуточных тонов. Одни люди, якобы, борются за свободу, и они, естественно, праведники, другие ограничивают свободу, и поэтому они преступники. Вопросом о том, что такое эта самая свобода, в данном случае никто всерьёз не задаётся. Так Запад узурпирует свободу в качестве ценности своей цивилизации, превращает ее в свое мощное оружие и с ее помощью покоряет мир.

Современная западная цивилизация во главе с США в своей внутренней и внешней политике руководствуется идеологией либерализма, которая уже якобы сделала Запад свободным и сделает (конечно, при соответствующих «усилиях» самого Запада) таким же свободным весь остальной мир. Как пишет А. Дугин, либерализм провозглашает индивидуальную свободу человека практически от всех традиционных социальных институтов, а также от традиционных форм коллективности. Абсолютизация свободы позволяет любому сказать «нет» чему угодно, даже самой свободе. Поэтому человек надолго самому себе и превращается в киборга, клона, бесполого мутанта¹.

Опыт покорения народов посредством свободы уже стал повседневностью для миллиардов людей на планете, которые понимают, что свобода отнюдь не приносит счастья. Просто она выгодна одним людям и вредна для других. Вспомним и такой аргумент: старая дева свободна, но хорошо ли это? Аргументы аргументами, но когда «гуманитарные интервенции» ООН в Югославию, украинский «майдан» и «арабскую весну» — события принешие стра-

дания миллионам людей — называют борьбой за свободу, всем здравомыслящим людям становится очевидно, что со свободой что-то не так.

Как же так получилось, что абстрактное понятие с не слишком ясным содержанием стало играть такую важную роль в жизни людей?

Pro

У свободы есть вполне конкретное содержание. И никакие войны к этому содержанию отношения не имеют. Как научная категория свободы применима ко множеству субъектов и процессов. Свобода нужна не только человеку, но и другим высшим животным. Еще в начале прошлого века российские физиологи И.П. Павлов и М.М. Губергриц экспериментально доказали, что у собак существует врожденный рефлекс свободы. Как известно, для изучения приобретенных (условных) слюнных рефлексов у собак И.П. Павлов использовал специальный станок, к которому привязывалось животное. У собак с развитым рефлексом свободы из-за ограничения свободы передвижения довольно долгое время наблюдалось общее возбуждение и произвольное слюноотделение без формирования условного пищевого рефлекса. Правда, у собак рефлекс свободы «в резко подчеркнутой и хорошо изолированной форме» встречается очень редко. Гораздо чаще можно видеть врожденный рефлекс рабской покорности, который демонстрирует большинство щенков и маленькие собачки, которые падают перед большими собаками на спину, отдавая себя на волю сильнейшего².

Но похоже, что сегодня свобода «в резко подчеркнутой и хорошо изолированной форме» тоже нужна не многим людям, хотя большинство респондентов социологических опросов ратуют за нее. Так, в опросе ВЦИОМ 2006 г. респонденты, оценивая личную независимость и свободу по семибальной шкале (1 — совсем не важно, 7 — очень важно), ответили так: 7 — 56%, 6 — 15%, 5 — 13%³. Поэтому нужно разобраться, кто действительно ценит свободу, и кто чувствует себя свободным?

Contra

Вопрос правомерный, и чтобы на него правильно ответить, проще всего обратиться к истории. В доиндустриальную эпоху свобода че-

ловека понималась вполне конкретно. Раб и крепостной крестьянин, бывшие в известном смысле вещами своего владельца, действительно были несвободными. Борьба за свободу и освобождение в этом случае наполнялись абсолютно понятным содержанием. Получить свободу, обрести свободу означало просто перестать быть собственностью другого человека. Поэтому в начале индустриальной эпохи категория свободы совсем не являлась фетишем или метанарративом. А вот, когда феодализм и рабство на американском юге ушли в прошлое, свобода начала становиться все более абстрактной ценностью и использоваться элитами для вдохновения масс на различные «подвиги» и противопоставление людей.

Подобные метаморфозы происходят и с другими идеями, например, с идеей феминизма. В период расцвета индустриального общества феминисты (точнее в подавляющем большинстве – феминистки) вполне оправданно боролись за гражданские права женщин, прежде всего, за их избирательное право. Затем, уже на излете эпохи модерна возник агрессивный феминизм, согласно которому вся предыдущая цивилизация была-де цивилизацией «самца», и теперь нужно пересмотреть все ее основы – науку, философию, социальный строй, – чтобы вписать в нее «самку».

Далее заметим, что свободу всегда и особенно ценит интеллигент. В осмыслении истории и расстановке приоритетов развития обществ огромную роль играют интеллектуальные элиты (в России – интеллигенция). Интеллигент кровно заинтересован в свободе, ведь для него, как для античного раба и средневекового крестьянина, свобода имеет вполне конкретное содержание, связанное с творчеством. Поскольку творчество признается высшим предназначением человека, постольку ограничение свободы, например, цензурой – это выступление против природы человека. Для интеллигента свобода – это прежде всего возможность мыслить самостоятельно, а не по канонам, предложенным другими. Цензура для него – прямой аналог крепостного права.

Счастье творца заключается в том, чтобы познакомить публику со своими творениями и снять ее любовь. И если на этом пути возникают барьеры, художник или ученый чувствует себя обездоленным. Нет ничего ужаснее, чем

«писать в стол», снимать фильмы, которые «лягут на полку», проводить исследования, результаты которых не будут обнародованы... Именно поэтому интеллигент ради свободы готов пожертвовать всем и активно убеждает других в том, что это важнейшая ценность. И он очень убедителен, даже если люди в глубине души и чувствуют неоднозначность его доводов. Дело в том, что обыденный мир человека, приходя в противоречие с идеями интеллигентов, часто терпит фиаско из-за невозможности так же красиво репрезентировать свое содержание, как это позволяют сделать метанарративы, созданные интеллигентами.

Pro

Свобода нужна не только элите, но и всем людям. При этом в каждую эпоху свобода, имея одну и ту же основу, приобретает свою специфическую трактовку. Действительно, исторически первым (в Античности) сформировалось понятие свободы как свободы от власти рабовладельцев и деспотии правителей, затем в средние века культивировалась свобода от греха. Эпоха Возрождения провозгласила цель всестороннего раскрытия свободной человеческой личности. В эпоху Просвещения – эпоху рождения либерализма в понимание свободы были включены так называемые естественные права человека, а затем и его права в социальной, экономической, политической и культурной сферах. Во всех этих сферах, а не только в науке и искусстве, люди могут стремиться в свободе творчества.

При этом, как заметил Н.А. Бердяев, средний человек массы в сущности не очень дорожит свободой, поэтому она все-таки скорее аристократична, чем демократична⁴. Большинству людей в реальной жизни нужны стабильность и предсказуемость (предсказуемость перспектив), а не свобода. Опросы же фиксируют приверженность людей свободе как ценности, ибо по большому счету понятно, что свобода лучше, чем несвобода. Если же говорить более предметно, то ценность свободы заключается в том, что она переживается как возможность выбора, как состояние непредопределенности, как палитра возможностей, что психологически комфортно для любого человека. В экономике и менеджменте прогнозирование часто осуществляется с помощью построения дерева решений.

Так вот, для любого человека психологически важно осознавать, что он свободен выбирать, по какой ветке этого дерева будут развиваться дальнейшие события. При этом выбор может быть основан на ценности, рациональной калькуляции, интуиции или жребию. Выбор может быть сделан или не сделан. Но важна сама возможность выбора. Это и есть ощущение свободы самоопределения субъекта социального действия.

Так, закрепленная в законодательстве возможность заниматься индивидуальным предпринимательством не означает, что каждый человек будет предпринимателем или даже просто попробует себя в этом непростом деле. Однако эта возможность составляет важнейшую часть экономической свободы при капитализме – человек необязательно должен работать «на дядю», он не обязан присоединяться к организациям, имеющим цели явно отличные от его собственных. Он в принципе всегда может создать свой бизнес и попытаться реализовать именно свои, а не чужие идеи по части «делания денег», преобразования хозяйственной жизни, преобразования социальной реальности. Как только у тебя появляется сама возможность сказать «да» или «нет», ты ощущаешь себя свободным, и тем в большей степени, чем больше масштаб и значимость возможного выбора.

Далее следует отметить, что ощущение свободы, как и другие показатели социального самочувствия, определяется не только наличием реально существующих прав и свобод в конкретном обществе, но и другими более общими факторами. Прежде всего, это понимание свободы в той или иной культуре. Например, свобода в Японии невозможна без слитности с группой. С этим фактором связана система социализации на основе национальной идеологии. Чем более она патриотична, тем лояльней население⁵. В ряде случаев трактовка свободы связывается не с национально-культурными традициями, а с определенной идеологией. Так, свобода при социализме предполагает солидарность людей к жизни друг друга, веру в общие моральные ценности и справедливость, общее понимание смысла жизни. При этом даже тоталитарная доктрина, если она совпадает с субъективными побуждениями, может стать основой свободы человека. Капитализм же, каким он задумывался и формировался, фактически

пренебрегал этими ценностями и устремлениями, и поэтому подвергался и подвергается критике за протестантский индивидуализм, прагматизм и утилитаризм, а также абсолютизацию свободы. Что касается современной России, то угрозы свободе россияне видят: в большом разрыве между богатством и бедностью – 45%; в отсутствии равенства всех перед законом – 29%; и в сращивании власти и капитала (олигархов и высшей бюрократии) – 25%⁶.

Contra

Множественные трактовки свободы в разных условиях и в разные времена – это не различные аспекты одного явления. Эти трактовки настолько разнообразны, что позволяют отрицать единое содержание категории свободы. «Свобода» – это слово для обозначения самых разных феноменов. И сегодня становится понятно, что некоторые из них совсем не так притягательны, как принято считать. Свобода превратилась даже не в двуликого Януса, а в многоликого божка, отнюдь не доброго по своему характеру и деяниям.

Философы намного раньше, чем простые люди осознали всю неоднозначность свободы и предложили несколько ее толкований. У Б. Спинозы с его определением свободы как осознанной необходимости, свобода по большому счету сводилась к компетентности. Если человек что-то знает и не совершает ошибок, он свободен, прежде всего, от неудач. Либералы трактовали свободу как свободу действий, которая теснейшим образом связана с верой в разум человека. Но если свобода – это возможность действовать согласно своему разумению, то все люди будут мешать друг другу. И здесь один из классиков либерализма Дж. Ст. Миль изобрел формулу столь же непонятную, сколь и догмат о троице в христианстве: твоя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека⁷. Но как понять, где она начинается? Все люди разные, и поэтому один человек сможет понять даже ночное вторжение в свой дом, а другой малейший шум соседей готов рассматривать как покушение на свою свободу. Ясности в понимании свободы формула Милия явно не прибавила, но позволила сохранить свободу в качестве одной из самых притягательных идей и ценностей.

Кроме того, само стремление к свободе, вроде бы очень понятное людям, в философ-

ком плане не означает практически ничего. Многие философы, начиная с Ф.Ницше, весьма образно критиковали свободу как философскую категорию и придумывали множество афоризмов и ситуаций, показывающих всю неоднозначность и противоречивость ее содержания. Французский философ А.Глюксманн, автор очередной переделки афоризма Р. Декарта «Я мыслю, значит, есть государство!», в одной из своих работ обратил внимание на абсолютную нерациональность стремления к свободе. Он процитировал Мао Дзедуна, который говорил: «Если я говорю тебе “Будь свободен!”, что бы ты ни сделал, ты всегда останешься несвободным!»⁸. Получается, что свобода – это просто ощущение, причем один человек это ощущение назовет свободой, а другой, например, одиночеством.

Pro

И все-таки существует тот объективный стержень, на который нанизываются все кажущиеся такими разными трактовки свободы. Онтологической основой свободы является многовариантность развития социального мира. Будущее непредсказуемо, и история, в особенности опыт эпохи модерна это, безусловно, подтверждает. Будущее – это господство случайности, и именно случайность (замеченная еще Эпикуром, признавшим самопроизвольное отклонение атомов от прямолинейных траекторий) создает незабываемый фундамент свободы.

Однако один из парадоксов модерна заключался в том, что рационализм, как следствие веры в разум человека, на словах всегда ратовал за свободу, однако, претендуя на возможность открытия незабываемых законов развития общества, подобных закону тяготения, фактически сводил эту свободу к нулю. Социальная мысль всегда настаивала на своей прогностической способности, роднящей ее с естественными науками. Однако постоянные явные отклонения от прогнозов в экономике, политике, культуре на практике заставляли задуматься о самой возможности досконально предсказать нечто в отношении людей. Несбывшиеся прогнозы, с одной стороны, подрывали методологические основы рационализма, а с другой, – подталкивали людей к признанию принципа свободы в процессе социальных изменений. В целом же осознание ограниченности познавательной де-

ятельности ориентирует на непредсказуемое и, в этом смысле, свободное развитие как отдельных индивидов, так и общества в целом.

Ученые, свято верящие в предсказательную силу социальных наук, часто противопоставляют отдельных индивидов и их сообщества. Понятно, что предсказать траекторию развития отдельной личности невозможно, подобно тому как нельзя предсказать траекторию движения отдельного фотона. Но, по их мысли, опять-таки аналогичной мысли естествоиспытателей, можно статистически предсказать развитие больших групп людей и общества в целом. Опыт эпохи модерна в целом опроверг и эту вроде бы оправданную претензию. Сколько бы ни создавалось изящных моделей, предсказывающих поведение людей, исключений из прогнозов всегда оказывалось больше простой статистической погрешности, и они радикально меняли ситуацию, когда модель из прогнозируемого будущего превращалась в реальность.

Если же рассматривать свободу вне веры в предсказуемость развития общества, ее содержание оказывается достаточно ясным. При этом понятно, что абсолютной свободы не существует. У нее на практике всегда будут ограничения. Поскольку человек существо биосоциальное, то его свобода, с одной стороны, зависит от физических и экономических факторов жизнеобеспечения, с другой, – от особенностей общественного устройства. Кроме того, а может быть и прежде всего, человек существо духовное. Н.А. Бердяев писал, что свобода есть духовное начало в человеке (внутренняя свобода), а не бытие. Дух есть свобода, материя же есть необходимость. Поэтому свобода увеличивается по мере приближения к духу и уменьшается по мере приближения к материи. Недостаток хлеба (символ экономики) есть также и недостаток свободы. Но хлеб это не цель, а средство утверждения свободы.⁹ Поэтому главное ограничение свободы – это существование материального мира с его законами и неизбежным воздействием как на отдельного человека, так и на самые разные сообщества.

Contra

Если уж речь зашла о материальном мире и его ограничениях, то следует обратить внимание на вопрос о соотношении свободы и счастья. Весьма примечательно, что древнеримская

богиня Libertas, от имени которой происходит название политической идеологии либерализма и множество однокоренных слов, в содержании которых отражаются определенные элементы свободы, изначально олицетворяла плодородие и полноту жизни, и только затем личную свободу гражданина и республиканскую свободу. Фактически, она была богиней счастья и свободы. Однако со времен Великой французской революции свобода, будучи первым ее лозунгом, представляемая политической элиты никогда напрямую не связывалась со счастьем. Счастье слишком субъективная категория, свобода же – совсем другое дело. Всегда можно сказать, что мы боремся за свободу, и наша борьба святая. Фактически, в политике свобода неявно подменила собой счастье. Ведь ратуя за свободу, политик в глазах многих ратовал за счастье. Американцы до сих пор свято верят в то, что живут в самой свободной стране, и это самое лучшее, что могло с ними случиться в жизни. Если свобода – это не само счастье, то, по крайней мере, существенная часть его. И в угаре политической пропаганды никто не обращает внимания на то, что свобода может трактоваться: как свобода умирать, не имея медицинской страховки; как свобода навязывать западные ценности и образ мысли другим народам; как невозможность сказать хоть что-то против нетрадиционной сексуальной ориентации и т.п. И вот за такую двусмысленную, неопределенную, противоречивую и не приносящую конкретной пользы миллионам людей идею в истории последних веков было пролито столько крови!

Pro

Вопрос о соотношении свободы и счастья нужно ставить шире. Если счастье трактовать в первую очередь как материальное благополучие и потребление (ведь рыночная демократия, по мнению либералов, должна удовлетворить самые разнообразные, и даже изощренные человеческие потребности), то стоит задуматься, зачем нужно такое счастье, и не идет ли оно вразрез с основами существования человечества как биологического вида. Максимальное удовлетворение потребностей может оказаться отнюдь не благом. Не будем рассматривать известные вещи о том, что удовлетворение все более возрастающих потребностей человечества

связано с истощением природных ресурсов, загрязнением среды обитания и т.п. Напомним лишь результаты экспериментов с грызунами, проведенных американским этологом Джоном Кэлхоуном (Calhoun) еще в 60-70 гг. прошлого века и неоднократно обсуждавшихся в советской и российской литературе в контексте возможных последствий «сытой жизни» для людей¹⁰.

Наиболее известным является эксперимент Кэлхоуна «Вселенная-25» (25-й по счету и закончившийся аналогично предыдущим) по созданию так называемого «мышинного рая» в просторном загоне, рассчитанном примерно на 4000 мышей, в котором была комфортная для них температура, имелись в изобилии еда и вода, поддерживалась чистота, осуществлялся ветеринарный контроль, были оборудованы многочисленные гнезда для самок. В загон были помещены четыре пары здоровых мышей, которые быстро размножились, пока популяция не достигла численности 2200 особей. К этому времени стали наблюдаться следующие процессы. Поскольку продолжительность жизни увеличилась, стареющие особи не высвобождали места для молодых и конфликтовали с ними, в результате чего часть молодых и неопытных мышей, не нашедших места в социальной иерархии, переходила в разряд отверженных. Снизилась активность молодых самок, они перестали защищать самок, но периодически нападали на отверженных. В результате самкам пришлось самим защищать себя и свое потомство, повысилась их агрессивность, и не только к окружающим, но и к собственному потомству. Затем самки перестали ухаживать за мышатами и вместо этого убивали их и уединялись в дальних гнездах. Появилась каста «красивых» самцов, которые не участвовали в социальной жизни, а только чистили свою шерстку. Интересно, что Дж. Кэлхоун помещал этих «красивых» и самок-одиночек в новый «мышинный рай», но они свое поведение не изменяли, не давали потомства и умирали от старости. В целом индивидуализм мышей возрастал, увеличивалось и количество девиаций (чрезмерная агрессивность, пансексуальность и гомосексуальность, каннибализм). Наконец, смертность молодняка достигла 100%, количество беременностей постепенно снижалась до нуля, и мыши стали стареть. Через четыре года в загоне осталось только 122 мыши

вне репродуктивного возраста, и эксперимент пришлось завершить.

Конечно, напрямую экстраполировать результаты этого эксперимента на общество нельзя. Но разве сегодня в странах «золотого миллиарда» мы не наблюдаем дискриминацию молодежи на рынке труда из-за отсутствия профессионального опыта, ее эскапизма, нарциссизма (селфипомешательство), индифферентных мужчин и «идейных» женщин-одиночек, движение «чайлд фри», «красивых» (метросексуалы), асексуалов, распространение половых девиаций (гомосексуалы, бисексуалы и т.п.). Напомним и об аполитичных и воспринимающих жизнь как игру хипстерах, мировоззрение которых сформировалось под непосредственным влиянием идей постмодернизма. Население развитых стран вымирает из-за снижения потребности в детях до одного-двух. Причем вымирание началось еще в 1970 годы со Швеции и Финляндии – стран наиболее благополучных в экономическом отношении и с точки зрения социальной защищенности населения. Сегодня вымирает почти вся Европа, Россия, Австралия, такие крупные страны Нового света как Канада и Бразилия¹¹. Если в каких-то из этих стран и фиксируется рост населения, то только за счет иммигрантов. Значит, в обществе свободы потребления что-то не так, и нужно менять модель свободы. Ведь альтернативы либерализму существуют, например, традиционализм, консерватизм, концепция креатосферы и др.

Contra

Постмодерн не только выявил тупики в ходе единого направленного движения к свободе. Он также с очевидностью показал неприемлемость некоторых нарративов, базировавшихся на признании свободы как непререкаемой ценности и одновременно «строго выверенной» научной категории. В эпоху модерна появились концепции, которые напрямую соотносили целесообразность существования обществ со степенью свободы в них. На деле же свобода, в конечном счете, всегда сталкивалась с ценностями не менее важными – прежде всего, с безопасностью и патриотизмом. И от неумения дать отпор тотальной идеологии свободы страдали многие общества.

Наиболее яркую концепцию, рисующую русских и их государство как недостойных суще-

ствования из-за отсутствия свободы, изложил в свое время В. Гроссман. Гроссман – писатель, а литература в нашей стране представляет собой наиболее развитую часть социальной мысли. Именно русская литература, не втиснутая в прокрустово ложе научных догматов, дает нам достаточно ясное представление о жизни соотечественников как вчера, так и сегодня¹². Так вот, будучи писателем и не оглядываясь на необходимость доскональной аргументации, Гроссман в повести «Все течет»¹³ изложил свою концепцию в следующих предложениях. «Прогресс в основе своей есть прогресс человеческой свободы. Да ведь и сама жизнь есть свобода, эволюция жизни есть эволюция свободы. Русское развитие обнаружило странное существо свое – оно стало развитием несвободы». «Год от года все жестче становилась крестьянская крепость, все таяло мужичье право на землю, а между тем русские наука, техника, просвещение все росли да росли, сливаясь с ростом русского рабства». «Так тысячелетней цепью были прикованы друг к другу русский прогресс и русское рабство. Каждый порыв к свету углублял черную яму крепостничества». «Пора понять отгадчикам России, что одно лишь тысячелетнее рабство создало мистику русской души».

Русская цивилизация, будучи весьма специфичной по своей системе ценностей, не смогла отмахнуться от западной пропаганды свободы, как это сделали китайцы, опираясь на свою многотысячелетнюю национально-культурную специфику. Россия была включена в культурное пространство Европы посредством множества связей, в том числе в областях образования, науки и политики. Но для простого русского человека свобода воспринималась скорее не по-европейски, а как возможность вседозволенности. Поэтому интеллектуалы и противники власти всегда цеплялись за то, что в России недостает свободы, и это-де свидетельствует о незрелости народа и его культуры.

Многочисленно высказывался о стремлении к свободе как высшем призвании человека главный русский бунтарь М.А. Бакунин¹⁴. И это «стремление» позволяло ему сходить с самыми яркими противниками России по всему миру и поддерживать любые антирусские выступления. Так он якобы боролся с самым главным душителем свободы на планете – русским царем. Это же «стремление» привело А.И. Герцена

и, в особенности, его друга Н.П.Огарева к поддержке террористов в России. Именно это «стремление» оправдывало тех, кто выступал за освобождение В.И.Засулич после совершенного ею покушения на убийство петербургского градоначальника. Именно это «стремление» привело русскую интеллигенцию к тому, чтобы ратовать за поражение России в войне с Японией. Все это должно было способствовать торжеству мифической свободы в стране. Да и в 1990-е годы именно стремлением к свободе интеллектуалы оправдывали крушение Советского Союза как последнего царства несвободы в Европе, разрушение плановой «крепостнической» экономики как варварского аналога хозяйственного рабства, фактическую утрату государственной независимости в пользу открытости общества, повлекшую нарастающую культурную и демографическую деградацию.

Переход от социализма к капитализму в России осуществлялся, в том числе под лозунгами свободы. Однако в 2007 г. ВЦИОМ попросил респондентов сравнить социалистический и капиталистический (рыночный) строй с точки зрения политических свобод и прав человека и получил следующие ответы: преимущество имеет социалистический строй – 33%; преимущество имеет капиталистический строй – 39%; затрудняюсь ответить – 28%¹⁵ ...

В последнее время вера российской интеллектуальной элиты в свободу пошла на убыль, и в ее дискурсе существенное место наконец-то стали занимать такие ценности русского мира, как патриотизм и безопасность. Этому в немалой степени способствовали эксцессы реализации монополизированной американцами идеи свободы по всему миру, проявления откровенной русофобии западными элитами в условиях стабилизации социально-экономической ситуации в нашей стране, а также расставившее все точки над *i* присоединение Крыма. Однако действительный русский постмодернизм не отрицает, но и не превозносит ценность свободы, ставя ее в ряд с другими не менее важными социальными идеями.

Pro

Действительно, понимание свободы в русской культуре, и даже шире, в русской цивилизации весьма специфично. В одном из дореволюционных российских журналов под извест-

ной карикатурой с названием «Кто как понимает» сделаны следующие подписи. Американец: «Никто не может меня ударить: у нас свобода». Русский: «Я могу кого угодно ударить: у нас свобода».

Эта иллюстрация опять-таки отсылает нас к конкретным трактовкам свободы. Наиболее известные из них – это «свобода от» и «свобода для». По Э.Фромму, «свобода от» есть негативная свобода, а «свобода для» есть свобода позитивная. У И.Берлина, позитивная свобода – это свобода людей от ограничений, налагаемых социальной системой, негативная свобода – это свобода действий человека от вмешательства других людей. Все это в целом согласуется традицией, идущей от Т.Гоббса, который различал свободу в обществе и свободу воли, т.е. свободу выбора, несмотря на определенные обстоятельства.

«Свобода для» предполагает некую цель, определяемую не только индивидуальной жизненной стратегией («философией»), но и общественной пользой, государственной идеологией, цивилизационной миссией народа. «Свобода для» и более трудна для человека, чем «свобода от». Во-первых, потому что «свобода для» предполагает выбор между различными возможностями на основе далеко не однозначных критериев, что предполагает борьбу мотивов и требует волевых усилий, а иногда и реальной борьбы для достижения цели. Исторически наиболее распространенными критериями выбора являются: добродетель – выбор на основе различения добра и зла, выбор на основе различия истины и лжи, выбор личной пользы или долга перед окружающими. Во-вторых, «свобода для» предполагает ответственность. В отсутствии критериев выбора и ответственности за него свобода становится опасной как для ее субъектов, так и для окружающих. Причем это касается как «свободы действия», так и «свободы бездействия». В-третьих, не будем забывать и о «муках творчества», которые напрямую связаны с непредсказуемостью его результатов. Ведь формула «Отрицательный результат – это тоже результат!» никоим образом не может сгладить неудовлетворенность творца.

Поэтому свобода вообще, и особенно «свобода для», может стать для человека тяжелым бременем, от которого хочется избавиться. Часто за свободу приходится чем-то платить, в

том числе несвободой в каком-то ином отношении, и, наоборот, свободой жертвуют ради чего-то более важного. Сегодня вероятно наиболее актуальной является сложная взаимосвязь свободы и безопасности, прежде всего, в контексте осмысления терроризма. Есть и более радикальный взгляд на издержки свободы, в соответствии с которым любая свобода есть лишь следствие «переструктурирования несвобод»¹⁶. С точки зрения З.Фрейда, культура вообще предстает как система запретов, т.е. тех же несвобод.

Contra

Чтобы понять всю относительность свободы как ценности, ее подлинное место в современном мире, нужно соотносить ее не столько с несвободой, сколько с понятиями, которые могут иметь столь же сильное идеологическое влияние на общество. Как уже говорилось ранее, такими понятиями являются счастье, безопасность, благополучие и др. Свобода на какое-то время узурпировала их место в картине мира человека эпохи модерна. Он готов был жертвовать всем ради свободы. А это неверно.

Интересной, а в каком-то смысле даже парадоксальной является связь свободы с понятием открытости. Свободная экономика – это открытая экономика, лишенная барьеров для входа. Свободная страна – это открытая страна, не ограничивающая перемещения граждан через свои рубежи и позволяющая иностранцам работать на своей территории. Отсюда напрашивается логический вывод о том, что свободный человек – это человек с открытым для других жизненным миром. Но с этим вряд ли согласятся даже те люди, которые с гордостью называют себя свободными. Тогда выходит, что связь свободы с открытостью – это очередная условность метанарратива о свободе. Что бы ни говорили западные экономисты, следует признать, что большинство стран с незащищенным рынком, где очень «свободно» чувствуют себя многонациональные корпорации, не могут похвастаться процветающей экономикой. А в большинстве стран, где действуют западные неправительственные организации (открытых для них), политический процесс деформируется в пользу дружественных для Запада сил. Из этих же стран происходит активная «утечка мозгов», причем, опять-таки в сторону Запада. Че-

ловек же, не оберегающий свой жизненный мир, мгновенно становится игрушкой обстоятельств и других людей.

Получается, что в реальном мире действует не возвышенная логика метанарратива, согласно которой свободный человек открыт внешнему миру, а вполне приземленная формула: если ты открыт, тобой легче манипулировать. Открытым может быть только сильный; открытость слабого приведет лишь к тому, что в противостоянии с другими людьми он лишится свободы, вынужденно следуя за более сильными. Кроме того, социальный субъект – будь то индивид, общность или государство – для достижения своих целей должен ограничивать воздействие других субъектов, а значит ограничивать их свободу. Значит, абсолютизация свободы не способствует, а препятствует самореализации субъекта.

Pro

Вопрос о соотношении свободы и открытости действительно сложный. Но социальное пространство нельзя рассматривать только со стороны одного субъекта. Если все субъекты будут закрытыми и не будут идти на контакт друг с другом, они тем более не смогут достичь своих целей. Ведь во многом мы достигаем их посредством взаимодействия с другими людьми. Поэтому важно (хотя это и не просто) найти оптимальную степень открытости в определенном социальном и психологическом контексте. То же самое касается и свободы.

Так, в соответствии с моделью кривой свободы Ю.Козелецкого, первоначально с расширением зоны свободы (главным образом с увеличением числа доступных альтернатив) удовлетворенность индивида возрастающей произвольностью своих действий усиливается. В определенный момент кривая достигает точки максимума, которая соответствует уровню свободы, дающему индивиду максимальное удовлетворение. Дальнейшее увеличение степени свободы уже не вызывает возрастания удовлетворенности, а, наоборот, может ее уменьшать. Могут появиться трудности с целостным пониманием ситуации, анализом всех вариантов, избеганием хаоса¹⁷. Все это справедливо не только для отдельных индивидов. Замечен парадокс, когда большие группы людей чувствуют себя более защищенными и свободными в жесткой закрытой системе с ограни-

ченными возможностями выбора занятий и социального продвижения, чем в подвижной открытой системе, характеризующейся неопределенностью¹⁸.

В целом же цивилизация эпохи модерна и классический либерализм как ее идеологическая квинтэссенция, безоглядно воспевая свободу, часто не обращали внимания на ее ограничения, на то, что люди не могут или не хотят ею воспользоваться. Они не видели разрушительности свободы для всей социальной ткани, для социальных связей и отношений, делающих людей людьми. Но при этом окончательно утвердили свободу в качестве важнейшей и непреходящей ценности. В эпоху постмодерна люди, активно критикуя либерализм, обращают внимание на издержки свободы, но они не перевешивают ее достоинств. И эти позитивные светлые стороны свободы всегда будут привлекать людей, создавать для них психологический комфорт и в какой-то мере даже оправдывать их существование.

* * *

Общественное развитие двух предыдущих столетий продемонстрировало один непреложный факт – свобода может восторжествовать, только если ею управляют. Но это уже совсем не та свобода, о которой так пеклись философы, политики и интеллектуалы эпохи модерна. Чтобы сохранить себя общество в лице политической и интеллектуальной элиты должно «дозировать» свободу. Свобода хороша, если она не подрывает моральные устои общества, не приводит к повальной преступности, не разрушает экономику и систему безопасности страны и т.п.

Наконец, следует отличать категорию свободы – категорию сложную, допускающую различные толкования, но, тем не менее, в различных вариантах конкретно операционализируемую, от мифологемы (фетиша) свободы, выступающей в качестве бренда «свободного мира» и играющей роль оправдания всего чего угодно во имя его дальнейшего процветания.

Литература

1. База данных ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s.
2. Бакунин М.А. Государственность и анархия. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014.

3. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря // Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С.224-334.

4. Бизнес в литературе: социологический анализ / Под ред. С.А.Баркова, В.И.Зубкова. М.: Академический проект, 2014.

5. Гроссман В.С. Все течет. М.: Эксмо, 2010.

6. Дугин А. Четвертая политическая теория. Россия и политическая и политические идеи XXI века. СПб.: ООО Издательство «Пальмира»; М.: ООО «Книга по требованию», 2017.

7. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. URL: http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul_content.htm.

8. Ковалев А.Д. Аномия // Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С.17-18.

9. Козелецкий Ю. Человек многомерный (психологические эссе). К., 1991.

10. Миль Дж. Ст. О гражданской свободе. М.: Либроком, 2017.

11. Павлов И.П., Губергриц М.М. Рефлекс свободы // Политикам об экономике. Лекции нобелевских лауреатов по экономике / Вступ. статья, общ. ред. Г.Ю. Семигина. М.: Современная экономика и право, 2005. С.552-556.

12. Перумова Н.И. Социальная доктрина М.А.Бакунина. М.: Ленанд, 2017.

13. Снакин В.В. Путь к устойчивому развитию: мифы и реальность // Век глобализации, 2016. №1-2. С.80-86.

14. Gluksmann A. Les Maitres-penseurs. P.: Editions Grasset, 1977.

Ссылки:

1 См.: Дугин А. Четвертая политическая теория. Россия и политическая и политические идеи XXI века. СПб.: ООО Издательство «Пальмира»; М.: ООО «Книга по требованию», 2017. С.80.

2 См.: Павлов И.П., Губергриц М.М. Рефлекс свободы // Политикам об экономике. Лекции нобелевских лауреатов по экономике / Вступ. статья, общ. ред. Г.Ю. Семигина. М.: Современная экономика и право, 2005. С.552-556.

3 См.: База данных ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=223&q_id=18340&date=21.11.2006. После 2006 г. ВЦИОМ вопросов о свободе респондентам не задавал и специальных исследований свободы не проводил. (Ведь если звезды свободы не зажигают, значит это никому не нужно...)

4 См.: Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря // Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С.287.

5 О том, какая идеология существует в современной России, просим подумать читателя самостоятельно.

6 См.: База данных ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=163&q_id=13616&date=28.05.2005.

7 В четвертой главе трактата «О свободе» Дж.Ст. Миль разъясняет, какие аспекты жизни должны управляться индивидуумом, а какие обществом. Он считает, что человек должен быть свободен в реализации собственных интересов, если это не наносит ущерба интересам других лиц. Последняя ситуация должна управляться обществом.

8 Gluksmann A. Les Maitres-penseurs. P.: Editions Grasset, 1977.

9 Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря // Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С.289-290.

10 См., например: Снакин В.В. Путь к устойчивому развитию: мифы и реальность // Век глобализации, 2016. №1-2. С.83.

11 Вместе с тем в самых богатых и «свободных» Соединенных Штатах сегодня рождаемость составляет два-три ребенка на женщину фертильного возраста. Неизвестно, что будет дальше, но этот пример показывает, что если

люди и их правительства, которых они заслуживают, не будут уподобляться мышам, они способны нивелировать угрозы собственному существованию. Один из авторов этой книги около двадцати лет являлся участником проекта «Крепкая семья», стартовавшим в 1978 году под эгидой и с финансовым обеспечением правительства США и включавшим в себя исследования крепких семей по всему миру и популяризацию результатов этих исследований.

12 См.: Бизнес в литературе: социологический анализ / Под ред. С.А.Баркова, В.И.Зубкова. М.: Академический проект, 2014. С.4-6.

13 Гроссман В.С. Все течет. М.: Эксмо, 2010.

14 Бакунин М.А. Государственность и анархия. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014; Перумова Н.И. Социальная доктрина М.А.Бакунина. М.: Ленанд, 2017.

15 См.: База данных ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=417&q_id=33526&date=18.03.2007.

16 См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. URL: http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul_content.htm.

17 См.: Козелецкий Ю. Человек многомерный (психологические эссе). К., 1991. С. 179-181.

18 См.: Ковалев А.Д. Аномия // Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 18.

Социальное неравенство в эпоху глобализации: концепция Ульриха Бека

Батуренко С. А.

В статье рассматриваются некоторые аспекты исследования социального неравенства в условиях глобализации, описанные У. Беком в рамках принятого им методологического подхода, как попытка дать адекватное описание современной социальной реальности.

Ключевые слова: глобализация, капитализм, социальное неравенство, индивидуализация.

Baturenko S. A.

Social Inequality During The Globalization Era: Ulrich Beck's Concept In article some aspects of research of a social inequality in the conditions of the globalization, described by U. Beck within the methodological approach accepted by it, as attempt to give the adequate description of modern social reality are considered.

Key words: globalization, capitalism, social inequality, individualization

Процессы глобализации в современном мире приобрели настолько огромное значение, что любое явление или процесс, происходящий в обществе невозможно рассматривать без учета связи с глобализацией. Необходимость изучения комплекса фундаментальных систематических знаний данного процесса способствовали возникновению целого научного направления — социологии глобализации. Проблема социального неравенства как одна из центральных в современной социальной науке точно также не может быть адекватно изучена без учета контекста глобальных изменений. Одним из самых известных теоретиков глобализма является немецкий социолог Ульрих Бек. Прежде всего он известен как автор теории общества риска.

У. Бек родился в 1944 году, получил разностороннее образование. В Мюнхенском университете он изучал юридические науки, философию, социологию, политологию, психологию. На счету ученого две успешно защищенных диссертаций. В настоящее время он преподает в ведущих университетах Германии, Финляндии и Лондонской школе экономики, является директором Социологического института Мюнхенского университета. Особое внимание социологов всего мира привлекла его работа «Общество риска. На пути к другому модерну», открывающая особое критичное отношение автора к все возрастающему экономическому, социальному и политическому всемирному объединению, а также описание важнейших тенденций развития глобализации. Кроме того У. Бек опубликовал десятки работ, посвященных проблеме общественного развития в условиях глобализации («Противоядие», «Политика в обществе риска», «Изобретение политического», «Что такое глобализация?», «Космополитическое мировоззрение», «Власть и ее оппоненты в эпоху глоба-

лизма» и другие), однако на русский язык переведены лишь немногие, большая же часть работ, опубликованных на разных языках остается недоступной русскоязычным читателям.

В 2001 году У. Бек приезжал в Россию, где был представлен его доклад «Политическая динамика глобального общества риска. Террористическая угроза». У. Бек обратил внимание социологов и общественности на возрастающую утрату своей прежней роли классических национальных государств, с одновременным возрастанием влияния различных транснациональных образований. Ульрих Бек подчеркивает: «Гражданские угрозы в значительной мере лишены территориальной привязки, а потому трудно винить в них кого-то конкретно или контролировать их в национально-государственных рамках»¹. Как и другие современные социологи Бек отмечает влияние глобального капитализма на демократические свободы, радикализацию социального неравенства, изменение принципов безопасности и социальной справедливости, усиление тенденций национализма.

Современному обществу соответствует иной новый капитализм, значительно отличающийся от прежнего, сформированного в первые десятилетия XX века, и обладающий специфическими чертами. Среди характерных черт нового капитализма, непосредственно влияющих на систему социального неравенства, особенно стоит отметить роль огромных транснациональных корпораций, сокращение роли национального государства и национального суверенитета, интенсификация и глобальные масштабы конкуренции, изменившие и саму структуру капитала, сохраняющаяся тенденция к разделению труда во всемирном масштабе. Вместе с тем в современном глобальном обществе господствуют все те же императивы, всегда существовавшие в истории капиталистического общества, такие как получение прибыли, власти и контроля. Это значит, что мы можем рассуждать не о различиях в самих принципах его организации, а о широте и последовательности их применения.

Глобальная экономика как одно из важнейших проявлений глобализации имеет первостепенное значение, обуславливая не только другие проявления глобализации, но выступая в качестве движущей силы происходящих изменений в целом. Необходимость понимания раз-

личия между глобальной экономикой, основанной на мировом разделении труда и мировой экономикой, представляющей собой простую сумму экономик различных стран послужили поводом более тщательного изучения проблемы социального неравенства в современном обществе. С целью учесть все возможные проявления глобализации, Ульрих Бек делает попытку выделения транснациональных, наднациональных, интернациональных и глобальных неравенств, отличая их от привычных нам, описанных предшествующими исследователями внутренних национально-государственных неравенств, которые в общей космополитической теории ученого рассматриваются как «малые».

В XX веке произошли значительные изменения в социальной структуре и системах неравенства всех обществ. Данные преобразования трансформировали критерии социальной дифференциации. Изменились представления о границах, численности, состоянии, тенденциях развития современных социальных слоёв и групп. Глобализационные процессы повлияли на возможности новой социальной мобильности. В современной социологии в настоящее время существует огромное количество подходов к исследованию процесса глобализации, а также определений самого понятия. Глобализация, согласно, например Э. Гидденсу, имеет четыре составляющих: мировая капиталистическая экономика, система национальных государств, мировой военный порядок и международное разделение труда. Именно эти явления в своей взаимосвязи позволяют говорить об определённом едином для всего мира качественном состоянии². В современной отечественной социологии чаще исходят из того, что глобализация – это процесс воздействия различных факторов международного значения (политических, экономических и культурных) на социально-экономическую и социально-культурную реальность³.

У. Бек в работе «Что такое глобализация?» дает следующее собственное определение: «Особенность процесса глобализации заключается сегодня (и, возможно, будет заключаться в будущем) в устанавливаемых эмпирическим путем расширении, плотности и стабильности взаимодействующих регионально-глобальных сетей связи и их масс-медиальной самоидентификации, а также социальных пространств и их теле-

визионных потоков на культурном, политическом, хозяйственном, военном и экономическом уровнях»⁴. По мнению У. Бека: «глобализация имеет в виду процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности...»⁵.

В современной социологической науке ведётся множество исследований о влиянии и последствиях факторов глобализации на различные процессы социальной жизни. Воздействие процесса глобализации разными учеными воспринимается неодинаково в зависимости от того, исходят ли они из целостного видения данного процесса или выделяют отдельные аспекты (политику, экономику, информационную сферу, культуру и др.). Некоторые же ученые и вовсе ставят под сомнение глобализацию, отрицая существование такого социального факта, либо указывая на ее ограничения. Описывая последствия глобализации, которые многочисленны и затрагивают практически все аспекты социальной жизни, У. Бек отмечает их особенности и характерные черты. Вместе с тем ученый подчеркивает открытый и внутренне противоречивый характер процесса глобализации, с чем связаны сложности прогноза его последствий, а также возможности контроля над ним. У. Бек показывает, что происходящие события, а также их последствия находятся за пределами возможностей предвидения и контроля со стороны обычных людей, но на самом деле не поддаются даже контролю специалистов и экспертов.

Процесс глобализации характеризуется динамизмом, означающим связь с определенным риском. Бек полагает, что период глобализации способствует формированию глобального общества рисков. Вместе с тем проблемы общества риска, по его мнению, связаны не только с загрязнением окружающей среды, угрожающим здоровью. К их числу ученый относит и целый ряд взаимосвязанных изменений в современной социальной жизни. Это появление новых тенденций в области трудоустройства, связанную с этим возрастающую неуверенность в завтрашнем дне. Это снижение степени влияния традиций и обычаев, имеющих значение при формировании индивидуальности, изменения семейного уклада, очевидная демократизация

межличностных отношений. У. Бек выделяет наряду с указанными рисками еще одну из самых важных по его мнению проблем для всего человечества XXI века - проблему углубляющегося неравенства как в отдельно взятом обществе, так и между различными странами мира. Ульрих Бек подчеркивает, что сегодня совершается переход, влекущий за собой изменения, с одной стороны, в устройстве общества, а с другой – изменения на индивидуальном уровне, в частности, перемены в образе мыслей и способности действий. Риски приобрели универсальный характер, и сегодня, затрагивая все человечество, они могут означать «возможное самоуничтожение жизни на Земле»⁶. Автор отмечает тенденцию, согласно которой риски, представляя собой продукт промышленных технологий, неизбежно будут усиливаться по мере развития и совершенствования технологий.

Приступая к изучению проблемы неравенства Ульрих Бек ставит следующий вопрос: в какой мере изменилось за последние три десятилетия социальное значение неравенства. Объектом исследования в первую очередь становится современное общество ФРГ. С одной стороны, по наблюдениям Бека, отношения социального неравенства в ФРГ остались в значительной степени постоянными. Однако, с другой стороны, по его мнению, «классовое общество» целиком поднялось на этаж выше. У. Бек отмечает, наблюдаемое коллективное увеличение доходов, увеличение шансов получить образование, возможности путешествовать, возрастание правового, научного обеспечения и обеспечения товарами массового спроса. В результате отмеченные ученым изменения, происходящие в современном обществе, способствуют уменьшению субкультурных классовых идентичностей и связей. Автор утверждает, что одновременно наблюдается начало процессов индивидуализации и диверсификации ситуаций и стилей жизни, разрушающих иерархическую модель социальных классов и слоев и ставящих под сомнение ее реальное содержание. Принимая во внимание статистические данные, действительно наблюдается повышение уровня жизни, проявляемое в расширении жизненных возможностей; увеличении продолжительности жизни; сокращении времени активного труда; в значительном увеличении заработной платы. Отвечая на вопрос о том, в какой степени изме-

нилось социальное значение неравенства. Бек отмечает подъем материального уровня жизни при статистически фиксируемом неизменном социальном неравенстве. Наблюдаемое явление ученый называет «эффектом лифта». Ральф Дарендорф, описывая те же процессы, приводит следующий пример: когда все ездят на автомобилях, богачи пересаживаются в личные самолеты, подчеркивая тем самым возрастание материального богатства и одновременное сохранение при этом позиционного неравенства⁷.

У. Бек утверждает, что при сохранении социального неравенства одновременно произошел переворот в отношениях между трудом и жизнью. Деньги по-новому смешивают социальные группы и в то же время размывают их контуры в обществе массового потребления. «В нерабочее время жизнь делилась на «классовые ареалы», теперь их место занимают неодинаковые стили потребления (в обстановке, одежде, средствах массовой информации, планировании жизни и т.д.), но и они – при всех различиях между ними – отказались от классово-культурных атрибутов»⁸. В современных обществах можно наблюдать тенденцию освобождения от социальных форм, характерных для индустриального общества, в частности от деления на прежние классы и слои. Проявляется индивидуализация, при которой индивид зависит в большей степени от самого себя, а не от классовой принадлежности. Особое значение приобретает собственная индивидуальная судьба «на рынке труда с ее рисками, шансами и противоречиями»⁹. Индивидуализация проявляется в обществе, с сохраняющимся социальным неравенством, при этом класс не является для индивидов указанием к определенному образу жизни, к определенным моделям поведения. Традиционные образы мышления заменяются индивидуализированными. Возникает тенденция ««бесклассового характера» социального неравенства»¹⁰. По мнению У. Бека дифференциация индивидуальных ситуаций видна на двух основных компонентах рынка труда: а) мобильности и б) образовании. При этом очевидной становится «индивидуализация рынка труда», которая проявляется в повышении уровня жизни, образования, мобильности и т.д. Таким образом в обществе всеобщего благоденствия расширение сферы наемного труда оборачивается индивидуализацией социальных классов. Тео-

рия индивидуализации социальных неравенств является особым значимым вкладом ученого в разработку проблемы.

В условиях государства благоденствия одновременно с осуществлением наемного труда наблюдается и распад традиционного классового общества. Однако следует отметить, что по мнению Бека, ликвидация классов связана с определенными типичными условиями, сложившимися в данный период времени и, соответственно, при изменении этих условий она может быть в свою очередь аннулирована. «То, что индивидуализировало классы вчера и делает это сегодня, например, при резко обострившемся неравенстве, может обернуться новыми, понимаемыми уже не в традиционном смысле, опирающимся на достигнутый уровень индивидуализации «процессами образования классов»»¹¹. Опираясь на свои наблюдения, Бек не исключает возможности появления новых, непривычных, нетрадиционных процессов образования «классов, не признающих социальных границ» и протекающих в условиях систематически обостряющегося кризиса на рынке труда.

В условиях увеличивающейся зависимости от образования возникают новые внутренние дифференциации, с одной стороны, хотя и продолжающие старые, традиционные, определяемые средой, но, с другой, значительно отличающиеся от них своей обусловленностью именно уровнем образования. Бек полагает, что складываются новые социальные «внутренние иерархии», однако их значение для образа жизни и перспектив людей все еще по-настоящему не осмысленно, в силу того, что они не затрагивают границ, определяющих интересы крупных групп населения, или, как говорит Бек, перешагивают эти границы.

Опираясь на свои исследования, Ульрих Бек приходит к следующему выводу – соотношение социального неравенства и его социального классовый характер могут изменяться независимо друг от друга. При этом социолог показывает, что индивидуализация нисколько не противоречит особенностям «новой бедности», но скорее объясняет ее. Автор приводит в пример необходимость учета такого коллективного аспекта как массовая безработица. Индивиды, становящиеся жертвами безработицы в современном обществе, должны в одиночку преодолевать трудности, для которых в привычных к бед-

ности, сложившихся на классовой основе условиях жизни, существовали и передавались по наследству компенсационные противодействия, формы защиты и поддержки. «Пораженная безработицей и нищетой общественная единица уже не группа, не класс и не слой, а порожденный рынком и существующий в специфических условиях индивид. Ни одна квалификационная или профессиональная группа не дает гарантий от безработицы»¹². Таким образом Бек еще раз иллюстрирует свой вывод о том, что классовая судьба расщепилась на свои самые мелкие составляющие, которые он называет «преходящие периоды жизни». На примере современной массовой безработицы, распределенной по отдельным судьбам, ученый показывает, специфику индивидуального восприятия любых общественных проблем и кризисов, которые больше не являются судьбой классов или маргинальных групп, они превращаются в обобщенную судьбу и становятся нормой жизни. У. Бек подчеркивает, то, что раньше было групповой судьбой, сегодня распределяется, если можно так сказать, по биографическому принципу, или говоря другими словами, противоречия социального неравенства проявляются как противоречия между разными этапами одной биографии.

Учитывая отмеченные изменения У. Бек поднимает еще одну проблему, неразрывно связанную с наблюдаемыми трансформационными процессами. Это вопрос об изменении способа осмысления происходящего, о том, что мышление и исследование в традиционных категориях больших общественных групп – классов, сословий, социальных слоев – становится проблематичным. Бек пишет: «Общество, которое больше не функционирует в социально различимых классовых категориях, находится в поиске иной социальной структуры и не может безнаказанно, ценой опасной утраты действительности и релевантности, снова и снова насильно отбрасываться в категорию класса»¹³.

Современное представление о неравенстве в условиях глобализации позволяет предположить, что расслоение – это «аморфная масса с первоклассной операционной оснащенностью. Последний шаг из класса через слои в действительную ирреальность «чистой» классификации, которая содержит в себе понятие «класса», но которая позволяет науке распоряжаться ею по собственному усмотрению»¹⁴. Анализируя со-

циальное неравенство современного общества ФРГ, Бек утверждает, что в результате развития ФРГ, фундамент мышления в прежних привычных категориях классов и слоев не был разрушен. Этому способствуют и некоторые объективные условия, такие как, сохранение в своих существенных изменениях разницы между большими группами населения; также по-прежнему, при распределении социальных шансов, имеет значение и происхождение как важный фактор.

Основными чертами современного общества, по мнению Бека, являются так называемый «эффект лифта» и индивидуализация социального неравенства. В связи с чем и сложилась ситуация особой трудности мышления в категориях больших социальных групп. Прежние привычные категории: слои или классы затрудняют адекватное понимание того же самого «эффекта лифта» в развитии например общества ФРГ. С одной стороны, рабочий класс не может приблизиться к уровню жизни буржуазии, несмотря на то, что статистика утверждает прямо противоположное. Различия между двумя основными классами: рабочими и буржуазией остались прежними, а в некоторых отношениях даже возросли. У. Бек пишет: «Исторический перелом определенным образом изменил положение народа, но явно не применительно к «классам» или слоям: старые различия снова восстанавливаются на новом уровне»¹⁵.

Учитывая происходящие изменения, Бек называет несодержательными дискуссии в традиционных классовых категориях, не способными отражать реальную действительность. «Спор о рабочем классе и рабочем движении во второй половине XX века отмечен печатью *ложной альтернативы*»¹⁶. Основная сложность состоит в том, что, с одной стороны, приводятся многочисленные все новые и новые аргументы, указывающие на то, что положение рабочего класса при капитализме значительно улучшилось. В качестве таких улучшений рассматривается увеличение материального благосостояния, новые открытые возможности для получения образования, профсоюзная и политическая организованность и достижения в области завоеванных прав на социальные гарантии. Как альтернатива, также называемая автором *ложной*, с другой стороны, утверждается, что, какими бы ни были улучшения, классовая ситуация, как отношение к наемному труду и все, что с этим связано:

отчуждение, зависимость, риски не только остаются неизменными, но и более того, они получили широкое распространение и значительно обострились, например, массовая безработица, потеря квалификации и другие. Предлагаемая альтернатива, по мнению Бека, представляется ложной, поскольку имеет определенные цели и осуществляется в рамках мышления индустриального общества. В обоих случаях очевидно невозможность выхода за его пределы, где используются прежние основания и категории. Приведенные рассуждения в первом случае стараются доказать, что рабочий класс распадается, во втором — что он продолжает существовать. «В том и другом случае не осознается главное направление развития, а именно: исторический симбиоз сословия и класса разлагается, причем таким образом, что, с одной стороны, сословные субкультуры исчезают, а с другой — генерализируются основополагающие признаки классового характера»¹⁷. У. Бек доказывает тот факт, что в современном обществе риски, связанные с наемным трудом, сами по себе больше не создают общностей, поскольку любые общественные кризисы становятся индивидуальными и больше не воспринимаются в их общественной содержательности. Это означает, что возникло новое социальное неравенство, представляющее в ином социально-культурном контексте, где «конкурируют содержательные притязания на «смысл работы», на социальную пользу, на то, что называют «полнотой жизни», с ценностями экономической безопасности и представлениями о статусе»¹⁸.

Ульрих Бек также обращает особое внимание на другую характерную черту современных изменений, оказывающую влияние на систему социального неравенства. Речь идет о современном развитии науки, экономики и модернизации экономико-технической системы. В результате наблюдаемой модернизации прежде всего именно в экономико-технической системе открываются совершенно новые неведомые ранее возможности целенаправленного воздействия, с помощью которых можно изменить не только социальные основы прежней жизни и труда, но даже культурные константы. Ярким примером этого служит развитие микроэлектроники, позволившее изменить, например, систему занятости в ее социальной основе. У. Бек раскрывает некоторые аспекты таких возмож-

ностей, влияющих на изменение социального неравенства в современном обществе. В частности социолог отмечает, что волна микроэлектронной автоматизации породила смешанные формы оплачиваемого и неоплачиваемого труда, в которых доля рыночно опосредованного труда сокращается, но значительно возрастает доля активного труда самого потребителя, указывая при этом на изъятие из рынка труда огромного количества труда оплачиваемого. «Волна автоматизации в секторе услуг вообще по сути представляет собой сдвиг труда из сферы производства в сферу потребления, от специалистов — к общности, от оплаты — к самоучастию»¹⁹.

Развитие микроэлектроники повлияло на другие процессы, ставшие еще одной важной чертой трансформации современного общества, речь идет об изменении стандартизации наемного труда. «Властная иерархия крупных организаций, возможности рационализации уже не придерживаются давних схем и подчинений, преступая железные границы отделов, предприятий и отраслей; структуру производственных секторов можно с помощью электроники объединить в новую сеть; технические производственные системы можно изменить независимо от человеческих рабочих структур»²⁰. У. Бек показывает, что в современном обществе микроэлектроника уже давно позволяет разъединить трудовые и производственные процессы, отмечая, что система технического производства и система человеческого труда могут варьироваться независимо друг от друга.

У. Бек описывает возникновение систем, где прежнее «господство» становится редкостью, вместо этого взамен приказа и повиновения устанавливается электронно контролируемая «самокоординация» «носителей функций» при заранее установленных и строго соблюдаемых принципах производительности и интенсификации труда. Доказательством тому служит возникновение предприятий, «прозрачных» с точки зрения контроля производительности и кадровой политики.

В связи с интенсивным развитием экономики и техники, У. Бек напоминает о необходимости соотношения социально-политической культуры и технико-экономического развития. Речь идет о том, что законы экономики действуют не постоянно, они целиком привязаны к культур-

ной системе общества и поэтому не могут достигаться независимо. «Когда формы общественной жизни и общественные ценности изменяются, неизбежно изменяются и экономические принципы. Если, например, большинство населения отвергает ценности экономического роста, то ставятся под вопрос все наши представления об организации труда, критериях продуктивности и направлении технического развития и возникает новое принуждение к политическому действию»²¹. Учитывая происходящие изменения, ученый еще раз обращает внимание на необходимое тождество технического прогресса и прогресса социального, отмечая при этом, роль процессов глобализации, роста и изменения характера рисков, способствующих в настоящее время, исчезновению соответствия технического и социального прогресса.

Процессы трансформации, наблюдаемые в современном обществе, демонстрируют изменение ценностей и норм, как утверждает У. Бек, или же неизвестные до сих пор различия между разными социальными группами. Сложившаяся ситуация становится очевидной: технико-экономическое развитие утрачивает свое культурное согласие, причем происходит это в условиях, когда ускорение технического преобразования и диапазон общественных изменений приобретают, как говорит Бек, исторически невиданный размах. С другой стороны, утрата прежнего доверия к прогрессу в самом процессе технических преобразований ничего не может изменить. В данном случае в качестве иллюстрации Бек приводит в пример структуру действия медицинского «прогресса» как стандарта преобразований условий жизни общества, осуществляемого без одобрения. Бек утверждает, что «происходит как бы *совершаемая втихомолку социальная и культурная революция*»²². Пример развития медицины как науки, демонстрирует основные тенденции изменения системы социального неравенства в современном обществе. По мере развития медицины, складывается ситуация, при которой она сама себе становится и парламентом и правительством, вследствие того, что, например, решение о «врачебной ошибке» в соответствии с «социальной конструкцией рациональности» может быть принято исключительно медицинскими работниками. Научно-технический прогресс таким образом по-новому структурирует общество, пере-

страивает всю привычную систему социального неравенства, которую люди не только не успевают осознать, но и испытывают при этом известные затруднения, находясь в традиционных рамках мышления. Таким образом очевидным становится так сказать принудительный характер изменения общественного сознания. Данный пример подтверждает и еще один вывод Бека, относительно размышления о «прогрессе». Речь идет об отсутствии субъекта, в интересах которого происходили бы данные изменения, что позволяет увидеть отсутствие не только какого-то класса, но и любого другого субъекта, осуществляющего такое развитие из соображений собственной пользы. Возникает представление о том, что деятельность и мышление теперь направлены на противоположное — на объект, на овладение природой и возможное благодаря этому умножение общественного богатства.

Вопрос о влиянии науки и техники на общественное развитие в истории социологии всегда являлся одним из основных. Техничко-технологический детерминизм часто принимается социологами во внимание, как фактор определяющий все стороны общественной жизни. И несмотря на то, что в современных социальных науках все чаще стали избегать технократического детерминизма, размышления о влиянии микроэлектроники в эпоху глобализации приобретают особую популярность как среди ученых, так и среди общественности. Что касается Ульриха Бека, который также уделяет проблеме большое внимание, то по его мнению, дискуссии о социальных последствиях микроэлектроники и у исследователей и у общественности характеризуются логической предсказуемостью в смысле преобладания все одной и той же достаточно определенной позиции. На первом месте отчетливо стоят вопросы и исследуются возможности потери рабочих мест, изменения квалификаций и квалификационных иерархий, возникновение новых профессий и исчезновение старых. Типичные для этих размышлений вопросы, по мнению Бека, показывают, что люди мыслят в категориях «доброе старого индустриального общества», несоответствующих в своей основе реальным изменениям и тенденциям развития современного общества.

Еще один вопрос, тесно связанный с развитием науки и техники, это вопрос о роли ин-

формации, выходящий на передний план, при оценке изменения системы социального неравенства. Тезис о связи владения информацией с новой системой неравенств не является новым для современной социологии, поскольку вывод о превращении информации в центральное средство системы иерархии стал привычным. У. Бек добавляет к этому значение информации как главного средства, обеспечивающего единство и общность производственной единицы. Социолог пишет: «Нетрудно предсказать, что в производственных дискуссиях будущего стычки по поводу распределения информационных потоков и по поводу распределительных ключей станут серьезным источником конфликтов»²³. При этом нужно учитывать происходящую децентрализацию производства, являющуюся следствием характерной для постсовременности замены контроля государства контролем потребителя. Бек не отрицает существование массового производства, он пишет: «Эпоха фабрики, этого «храма индустриальной эры», отнюдь не заканчивается, кончается только ее монополия на будущее»²⁴. Массовое производство все больше не соответствует потребностям индивидуализированного общества, развитие индивидуализации распространяется и на мир труда. Эти тенденции и приводят к тому, что «организационные гиганты» теряют способность гибко реагировать на быстро меняющиеся, революционные технологии, разнообразие товара и культурно – политически обусловленные изменения рынка в обществе, склонном к рискам и разрушениям. Прежняя массовая продукция больше не соответствует появившемуся стилю жизни, ориентированному на высокую мобильность, карьеру, индивидуалистическую систему ценностей и слабую связь с «общиной». Массовое производство не имеет возможности воспользоваться для индивидуализации продуктов и услуг современными технологическими возможностями. Принимая во внимание децентрализацию производства, вслед за юридической собственностью расчленяется и фактическое распоряжение средствами производства. Учет описанных изменений имеет огромное значение в дискуссиях о масштабах, направлении и степени влияния информации.

Заслуга Ульриха Бека заключается в том, что он замечает возникновение совершенно новой, по современным понятиям противоречивой тен-

денции. С одной стороны, налицо небывалая ранее концентрация данных и информации, с другой, – такая концентрация сопровождается упразднением крупных бюрократий и управленческих аппаратов, организованных по привычному иерархическому принципу разделения труда. При этом также стоит в полной мере осознавать все возможные последствия влияния микроэлектроники. В частности, например, одну из отмеченных тенденций: одновременную мобилизацию рабочей силы потребителей, осуществляемую помимо рынка труда и интегрируемую в организованный производственный процесс. В данном контексте, по мнению Бека и следует рассматривать современные дискуссии «новом обществе», развитие которого связывается в первую очередь с внедрением микроэлектроники, информационных средств, генных технологий.

Классические теории социального неравенства, сложившиеся в истории социальной мысли и претерпевшие известные трансформации в течении всего XX века, по мнению некоторых теоретиков глобализма, и в частности по мнению Бека, в силу известных причин не годятся для объяснения современного состояния общества. Опираясь на особое научное направление – методологический космополитизм, в рамках своей космополитической социологии У. Бек создает так называемую критическую теорию социальных неравенств. Социолог замечает, с одной стороны, рост глобального неравенства в современном мире, а с другой, – недостаточное внимание к проблеме со стороны как классических теорий, так и принятого им методологического подхода, отрывающего новые возможности для познания. Ученый одним из первых заметил недостаточность и острую необходимость учета глобального неравенства наряду с анализом локальных внутренних неравенств, а также определенные сложности подхода. Теория социального неравенства Ульриха Бека представляет собой попытку адекватного отражения очевидных изменений социальной реальности, характеризуемую с точки зрения ученого, как многоаспектный и противоречивый процесс, сопровождаемый индивидуализацией, культурной и информационной универсализацией, дифференциацией и интеграцией.

В соответствии с учетом основных методологических положений, У. Бек выявляет элемен-

ты современной системы социальной стратификации, а также особенности взаимного влияния национально-государственного и не тождественного ему глобального неравенства, различаемых автором как «большие» и «малые». Методологический космополитизм как раз предоставляет возможность и необходимость анализа влияния одних типов социальных неравенств на другие, а также позволяет более четко представить последствия процессов глобализации относительно изменения системы социального неравенства.

В отечественной науке критика работ Ульриха Бека встречается не часто, в отличие от обширной критики, существующей в англоязычной литературе. Чаще к критическим замечаниям относятся следующие аспекты: серьезное отличие от классических принципов осуществления научного исследования; недостаточный учет современных законов накопления и движения капитала, а также закономерностей развития потребительского общества; национальная узость эмпирического базиса его концепции, отсутствие последовательного и полного и целостного описания теории социального неравенства. Подобные критические оценки можно принять во внимание лишь частично, поскольку не все из них выглядят логично и доказательно. При этом нужно отметить, что У. Беку удалось выявить определенные универсальные черты перехода от Первого модерна ко Второму в терминах производства и распространения риска, описать их воздействие на систему социального неравенства и тем самым расширить возможности исследования данной проблемы в социологической науке.

Литература

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика / Пер. с нем. А. Б. Григорьевой, В. Д. Седельника. — М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего» (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»), 2007. — 464 с.
2. Бек У. Космополитическое мировоззрение. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. — 336 с.
3. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии, 2003. Т. VI. № 1. С. 28.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой; послесл. А. Филиппова. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
5. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THISIS. — 1992. № 5.
6. Бек У. Творческое саморазрушение мирового порядка // «Россия в глобальном мире». — 2004.
7. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьевой и В. Седельника; Общая редакция и послесл. А. Филиппова. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 304 с.

Ссылки:

- 1 Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.32
- 2 Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004. С. 360
- 3 Социальная стратификация российского общества. /Под ред. Голенковой З.Т./ М., 2003.
- 4 Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. С.28
- 5 Там же. С.26-28
- 6 Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.24
- 7 Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002
- 8 Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000, с. 114
- 9 Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000, с. 106
- 10 Там же. С.107
- 11 Там же. С.122
- 12 Там же. С.132
- 13 Там же. С.128
- 14 Там же. С.129
- 15 Там же. С.130
- 16 Там же. С.141
- 17 Там же. С.141
- 18 Там же. С.138
- 19 Там же. С.327
- 20 Там же. С.321
- 21 Там же. С.302
- 22 Там же, с.310
- 23 Там же. С.325
- 24 Там же. С.328

Высшая школа в дискурсе европейской научной мысли: проблемы и перспективы

Ван Ян

В статье анализируются основные тренды развития университетского образования в современную эпоху, а также рефлексия европейской научной мысли по данному поводу. Рассмотрены вызовы информационного общества, угрозы и опасность нивелировки роли университетского образования. Раскрыты основные позиции и парадигмы исследования университетского образования.

Ключевые слова: Гуманизация, информация, кризис образования, парадигма, Римский клуб, университетское образование.

Wang Yang

Higher school in the discourse of European scientific thought: problems and prospects

The article analyzes the main trends in the development of university education in the modern era, as well as the reflection of European scientific thought on this issue. The challenges of the information society, threats and the danger of leveling the role of university education are considered. The main positions and paradigms of the university education research are revealed.

Key words: Humanization, information, crisis of education, paradigm, Roman club, university education.

В настоящее время в европейском научном сообществе исследования высшего образования представляют собой поле острого научного дискурса. Это связано с тем фактом, что глобальные проблемы транзитного периода качественным образом трансформируют существенные характеристики и самой системы образования, и системы функционирования европейских университетов. Стремительное развитие современной цивилизации, обусловленное научно-технической парадигмой, определило качественные и количественные изменения, и, прежде всего, в мировоззрении человека, его отношении к «багажу» прошлого. Знания, накопленные тысячелетиями, стали восприниматься как «балласт», а на первый план выступают технические науки (например, информатика, кибернетика), способные в «автономном режиме» обеспечить парадигмальные изменения, которые определяют ход современной истории.¹

Тенденция «гуманизации» общества и, соответственно, высшего образования, выбранная учеными, политиками, аналитиками в качестве вектора современного развития системы высшего образования, науки и общества не только не стала панацеей, но и во многом осталась декларативной. Высшее образование вступило в период кризиса, который приобрел глобальные масштабы, затронув даже элитные университеты мира. Впервые в наше время вопрос о кризисе системы образования в мировом масштабе был поднят во второй половине XX века в 1967 году на Уильямсбургской конференции ЮНЕСКО, где прозвучал доклад директора Международного института планирования образования Ф. Г. Кумбса «Всемирный кризис образования». Через 3 года, по заказу отделения образования, науки и культуры ООН, Кумбс публикует монографию, посвященную проблематике кризиса образования – «Кризис образования в совре-

менном мире: системный анализ»², где обосновал основные сущностные концепты кризиса. В частности – «неспособность образования идти в ногу с развитием общества», и все больше и больше возрастающее «несоответствие между надеждами отдельных личностей и потребностями общества с одной стороны, и возможностями системы образования – с другой».³ Кумбс особенно выделял неспособность высшей школы мобильно адаптироваться к изменяющимся условиям особенно в условиях стремительного развития научно-технического прогресса. Эти выводы подтверждали и другие ученые. В частности, ведущий эксперт Европейского института образования и социальной политики В. Церих отмечал, что инженерные знания устаревают уже через 3 года⁴. Также и П. Друкер, «отец менеджмента», в книге «Практика менеджмента» писал, что «знания устаревают каждые десять минут»⁵. Акцент на способность гуманитарных наук адаптировать общество к новым условиям практически не делался.

В 1980-х годах парадигма кризиса высшего образования стала очевидной. Появляется ряд публикаций по данной проблематике, в рамках которых кризисная парадигма получает теоретическое обоснование на основе исследования и анализа мирового опыта. В данном контексте, интерес представляют исследования Римского клуба, которые поставили кризис образования в ряд глобальных проблем современного человечества. Участники Римского клуба – ведущие ученые с мировым именем, суммируя выводы экспертов, обозначили причины кризиса, которые напрямую связаны с парадигмальными изменениями цивилизационного характера. В частности, выделен ряд аспектов, которые, с одной стороны, отражают парадигмальные изменения цивилизационного транзита от постиндустриального к информационному обществу, с другой стороны, выступают как маркеры кризисного состояния системы образования. Первым таким аспектом является стремительное обновление объема знаний. Лавинообразная динамичность развития научно-технического прогресса приводит к тому, что образование не способно мобильно адаптироваться к новым научно-техническим «прорывам» и адекватно реагировать на изменения. По сути, современное образование предоставляет устаревшие знания, навыки и умения, которые не отвечают требованиям времени. В

контексте такого подхода тезис Кумбса о непреодолимости кризиса образования⁶ подтверждает свою актуальность.⁷

Во-вторых, развитие научно-технического прогресса определило научно-методологическая дифференциация технических/естественно-научных и гуманитарных наук. Усиление технической составляющей научного знания привело к значительным расхождениям в мышлении и мировоззрениях представителей этих областей знаний. Все больше стал преобладать естественнонаучный методологический подход к пониманию мира, в котором все изучаемые объекты и процессы детерминированы законами природы и поэтому четко предсказуемы в их собственной логике и законосообразности. Естественнонаучное мышление, способное видеть мир таким, «каков он есть сам по себе» независимо от каких бы то ни было приоритетов и предпочтений исследователя привнесло в мировоззренческие установки человека и общества рациональную логику и «диктатуру фактов» понимания мира и оценки самого себя. Гуманитарные науки с их приоритетом поиска «человечности», ценностно-нравственной ориентацией, концептами культуры, морали и этики становятся вспомогательными, вторичными. Спор «физиков» и «лириков» заканчивается победой (не «Пирровой» ли?) техников, и понимание мира как логически выстроенной схемы становится определяющим. Абсолютизация технического, рационального и логически-функционального начал, при игнорировании значимости гуманитарного не только стали одним из значимых кризисных аспектов, серьезным источником кризиса образования, но и имели катастрофические последствия, которые обусловили третий аспект кризиса образования – дегуманизацию науки. Современными учеными дегуманизация науки выражается как размытость нравственных и мировоззренческих ориентиров, рационализм и технократизм мышления⁸ и, соответственно, ценностной и морально-этической деградация, которая не только отличает многих современных специалистов, но и затронула все сферы жизнедеятельности современного социума.

В данном контексте, совершенно справедливо слова проф. В.П. Зинченко, который выделяет сущностные черты технократического мышления и, прежде всего, «примат средства

над целью, цели над смыслом и общечеловеческими интересами, смысла над бытием и реалиями современного мира, техники (в том числе и психотехники) над человеком и его ценностями. Технократическое мышление – это Рассудок, которому чужды Разум и мудрость. Для технократического мышления нет категорий нравственности, совести, человеческого переживания и достоинства. Технократическое мышление не является неотъемлемой чертой представителей науки вообще и технического знания в частности. Оно может быть свойственно и политическому деятелю, и полководцу и представителю искусства, и гуманитария, и деятелю образования⁹. Так кризис современного образования, имея в большей степени техногенную природу, оказался кризисом Человека, его ценностных ориентаций, морально-нравственных установок. Морально-этическая деградация усиливается третьим кризисным аспектом сферы высшего образования, а именно, стремительным увеличением объема информации, которое в условиях формирования общества массового потребления привело к смысловой деградации.¹⁰

Эта деградация усиливается с развитием компьютерных технологий, которые, с одной стороны, упрощают коммуникационные взаимодействия, но, с другой стороны, приводят к формированию фрагментарного и поверхностного мышления, не способного ни поглощать информационные потоки, ни адекватно воспринимать информацию, вычленять и логически перерабатывать информационные смыслы (что особенно заметно в молодежной среде). В 1992 году, когда гаджеты еще «не захватили» общество председатель комиссии Сената США по проблемам экологии и защиты окружающей среды А. Гор в книге «Земля на чаше весов. В поисках новой общей цели» обратил внимание на остроту данной проблемы. Примечательно, что исследования в области проблематики экологического кризиса и защиты окружающей среды, А. Гор начинает с проблемы информационного перепроизводства и кризиса образования. В частности, он пишет: «Когда ... на смену индустриальному веку пришел век информационный, производство информации стало намного превышать возможности ее использования... Человечество столкнулось с кризисом, который само же создало: оно тонет в море информа-

ции. Мы произвели на свет столько статистических данных, формул, образов, документов и деклараций, что не в состоянии их усвоить. И вместо того, чтобы искать новые пути осмысления и усвоения уже созданного, мы все более быстрыми темпами продолжаем производить новую информацию. Мы создали горы данных, которые, однако, не породили ни единой мысли... Вероятно, такого рода данные следовало бы называть не информацией, а эксформацией, поскольку они существуют сами по себе, вне человеческого мозга и независимо от него. ... Мы наблюдаем кризис образования на фоне избытка информации – это не простое совпадение. Образование – это процесс переработки знаний, однако нам кажется проще генерировать новые факты, чем хранить и использовать те, которыми мы уже обладаем. Мы же, сталкиваясь с невежеством, производим еще больше информации, не желая понять, что хотя она, возможно, имеет ценность, но заменить знания, тем более мудрость ей не дано. И производя исходную информацию в гораздо больших количествах, чем когда-либо, мы начали вмешиваться в процесс превращения ее в знания. В обычном виде он напоминает ферментацию: информация «очищается», и при этом возникает знание, которое затем ферментируется, часто становясь мудростью. Однако сейчас объемы информации настолько превышают прежние, что лавина новых данных захлестывает неторопливый процесс рождения знаний»¹¹. Эта информационная лавина захватывает не только ученых, преподавателей, но и трансформирует сознание и мышление студентов – будущих специалистов. Исследователи отмечают, что под воздействием громадных потоков информации мозг человека не способен ее перерабатывать. Кроме того, масштабность информационных потоков, их доступность порождает «восприимчивость к готовым решениям», когда человек, не задумываясь, использует информацию по принципу «подходит – не подходит», практически не анализируя ее объективность, достоверность и другие аспекты, характерные для научного исследования. Эта ситуация отличает образовательный процесс, особенно в части самостоятельной работы студентов и молодых исследователей. Шаблонные решения, «программы» становятся основой для их научной работы.

В конечном итоге, и этот факт, также отмечают исследователи, формируется своеобразный тип «мозаичного мышления», в котором фрагментарность знаний становится основополагающей. К настоящему времени психологи даже выдвинули термин «смс-мышление», то есть мышление, характеризующееся короткими «смсными» фразами, образами и, соответственно, смыслами, которые не отличаются глубиной, структурированностью или связанными логическими схемами. Иные исследователи оперируют понятиями «клиповое» или «файловое» мышление. Исходя из этого, образование в его классической форме (работа с информацией) перестает выполнять свою функцию воспроизводства знаний. Студенты, слушатели не способны воспринимать, перерабатывать и анализировать информацию, научные знания и логически развивать их. Таким образом, данные факторы показывают, что современное образование уже перестало выступать «превосходящим» аспектом научного прогресса, а представляет собой его «запаздывающий» сегмент, который способен только объяснить и адаптировать студентов и молодых специалистов к реалиям современного им мира.

Уже в 1970-х годах эксперты пришли к выводу, что данная ситуация становится катастрофической и выступает уже не столько как отдельная проблема, но развивается в виде образовательной рефлексии что, по сути, приводит к деградации научного знания и мышления в целом. Это становится проблемной глобальной масштаба. Подобные выводы и предложения по выходу из образовательного кризиса прозвучали в докладе Дж. Боткина, М. Эльманджры и М. Малицы «Нет пределов обучению», где была предложена концепция «инновационного обучения», в котором тезис «образование на всю жизнь» заменяется лозунгом «образование через всю жизнь» (Lifelong Learning – в течение всей жизни). Концепция классического образования (школа – вуз), по мнению ученых, должна трансформироваться в систему самообразования, в которой университетское обучение должно обеспечить базовые знания и, главное – сформировать мировоззренческие установки и поведенческие ориентиры, определяющим аспектом которых становится «человеческая инициатива», способность человека анализировать социальные реалии, оценивать последствия, и

принимать адекватные решения. Для этого человек на уровне поведенческой рефлексии должен быть способным продолжать образование самостоятельно, следить за изменениями (реальными и потенциальными) в ходе научно-технического прогресса. Авторы доклада обозначили основные тренды «Lifelong Learning», реализация которых позволит, если не вывести человечество из кризиса, то хотя бы сгладить кризисные ситуации: свободное развитие личности на основе непрерывного и добровольного приобретения новых знаний, активная жизненная позиция и участие в общественной жизни на основе интеграции гуманистических ценностей. Кризисная ситуация, выявленная и обоснованная в рамках деятельности научного сообщества, стала объектом пристального внимания не только ученых, но и государственных деятелей. В течении второй половины XX века в ведущих странах мира шло осознание того, что от уровня выпускников университетов напрямую зависит дальнейшее развитие государства и общества. Этому во многом способствовали изменения в социальной, научно-технической и производственной сферах и те кризисные ситуации, которые произошли в рамках этих изменений. Прежде всего, это отставание университетского обучения от потребностей экономического развития.

Вторым немаловажным фактором стали социальные изменения в университетской среде, которые обострились на рубеже 1960-х – 1970-х гг. Они связаны с формированием, прежде всего, в университетской среде, традиционно обладающей большим свободомыслием, нового социального слоя – «новых интеллектуалов», представители которого находятся на «неокапиталистическом» этапе развития. Эта, тогда еще студенческая субкультура вышла за пределы университетских стен и с присущей молодежной среде мобильностью становилась значимой силой, оказывающей влияние на социально-политические и экономические процессы. Государственные структуры понимали, что использование потенциала этой силы на благо будущего позволит осуществить качественные и количественные прорывы. Практика деятельности университетов как образовательная, так и научная, востребованность студентов на рынке труда и подобные аспекты становятся опорными точками реформирования системы выс-

шего образования. Начиная с 1960-х годов, в развитых странах были проведены реформы высшей школы, но наиболее активные процессы реформирования начинаются с 1980-х годов. В этот период осмысление кризисной ситуации в сфере высшего образования шло по двум направлениям – в рамках научного познания и в контексте правительственных программ и реформ, направленных на повышение качества образовательного процесса. Причем, эти направления не только не противоречили друг другу, но и действовали в одном контексте. Представители научного сообщества, понимая и принимая важность и актуальность проблемы, активно сотрудничали с государственными структурами, в разных странах мира появляются правительственные документы, в которых отражается кризисная ситуация в системе высшего образования.

В 1983 году по поручению президента США Р. Рейгана был подготовлен доклад «Нация в опасности: необходимость образовательных реформ» («A Nation at Risk: The Imperative for Education Reform»), который хотя и напрямую не касался высшей школы, а основной акцент делался на школьное образование, тем не менее, обозначил эперные цели реформирования – всеобщая грамотность, адекватные требования научно-технического прогресса. В докладе прозвучала идея, что «в настоящее время уже невозможно обеспечить прогресс в области науки и техники лишь за счет небольшой группы хорошо подготовленных людей». В связи с этим цель реформы образования «должна состоять в максимальном развитии способностей каждого. Для достижения этой цели необходимо, чтобы образование предъявляло действительно высокие, а не минимальные требования к знаниям учащихся. Это не должно зависеть от того, талантливы ли они или обладают меньшими способностями, зажиточна ли семья или испытывает материальные трудности». ¹² Либерализация, профессионализация и коммерциализация системы высшего образования как панацея в кризисной ситуации коррелировали с содержанием опубликованной в 1984 году работы «Образование американцев для XXI века». Эти и подобные работы ¹³ обусловили качественные изменения системы образования в США, которые напрямую коснулись высшей школы. Законодательные акты США, закрепившие эти

направления, позволили значительно улучшить ситуацию в высшей школе, решить проблему модернизации системы высшего образования, адаптировать ее к требованиям времени. Аналитики отмечают, что в рамках реформирования в ведущих вузах США, прежде всего в исследовательских университетах, решение проблемы видят в отходе от узкой специализации (что является характерной чертой американской высшей школы), в подготовке кадров широкого профиля, вооружении специалистов основными научными принципами вместо информативных знаний и конкретных навыков, то есть в ставке на теорию, системный подход. С такой задачей лучше всего справляются учебные заведения, в которых не только сосредоточены научные школы в самых различных областях наук, обеспечивающие широкую междисциплинарную и фундаментальную базу образования, но и где получаемые знания постоянно поддерживаются научными исследованиями, в которые вовлечены преподаватели, аспиранты и студенты старших курсов. Вузы стали активнее готовить специалистов новейших профессий – аналитиков систем, специалистов в области геномной инженерии, в области информационных технологий ¹⁴.

Система высшего образования Европы, в университетах которой сконцентрирован богатейший опыт университетской науки и образования, также переживала кризисный период, основные тенденции которого обусловили необходимость модернизации. Дополнительными сложностями в системе высшего образования Европы выступали проблемы общеполитического и общеэкономического характера, связанные с итогами Второй мировой войны. С другой стороны, многовековые традиции европейских университетов в значительной степени усложняли решение проблем модернизации университетов. Но, вместе с тем, необходимость решения кризисных проблем поставила вопросы реформирования системы высшего образования в качестве приоритетных – доклад департамента образования Великобритании «Лучшие школы» (1985), Швеции «Качество в образовании» (1984), ФРГ «Образование для 2000 года» (1985) и т. д. Эти работы определили контуры реформирования системы высшего образования, которое начинается в тех же 1980-х годах. Комплексные и планомерные реформы

образования проводились в Великобритании, Франции, Германии, Швеции.

Процессы модернизации высшей школы в Европе имеют национальные особенности, но, вместе с тем, в ходе их проведения выделяются общие характерные черты: либерализация, гуманизация, профессионализация и коммерциализация университетского образования. Особенно интересен опыт Французской республики: процессы реформирования системы образования отличаются наибольшей гибкостью, мобильной адаптацией к изменяющейся среде. Реформирование высшей школы Франции включает несколько последовательных этапов, которые отражают реакцию государства на парадигмальные изменения – научно-технический прогресс:

1. 1960-е гг. – реформы Фуше – создание кратких технологических циклов, новых децентрализованных университетов, финансовая, педагогическая и административная автономия, увеличение частного финансирования, участие производственного сектора в управлении университетами, профориентация студентов с упором на технический сектор (стажировки на производственных предприятиях);

2. 1970-е гг. – профессионализация высшего образования, интеграция с региональным окружением путем привлечения региональных и местных органов власти, предпринимателей к университетскому управлению;

3. 1980-е гг. – оптимизация содержательной части образования (например, сокращение обучающихся по программе «метриз», максимальная специализация и т.п.), внедрение новых форм обучения (например, новый диплом ДООУ, сочетание обязательных и элективных дисциплин и т.п.), модернизация систем управления образования, оптимизация преподавательской деятельности (интеграция в системе «образование – НИР», программы непрерывного обучения, введение контрактной системы, реорганизация докторантуры);

4. 1990-е гг. – реализация планов «Университет - 2000» (1990 г.) и план «Университет 3-го тысячелетия» (1997 г.) – увеличение направлений в университетских инженерных институтах, введение диплома инженера-магистра, программ, позволяющих сочетать учебу и работу, образование университетских профессиональных институтов (УПИ) увеличение финансирования на НИР,

расширение автономных прав университетов, увеличение децентрализации и др.

Аналогичные реформы проводились и в других европейских странах, что обуславливается схожестью проблем в системе высшего образования. Результаты реформирования позволяют говорить о том, что эти проблемы не только не решились, но и во многом усугубились и приобрели глобальный характер. В той же Франции проблемной зоной оставалась, например, правовая платформа системы высшего образования. так, до 1990-го года во Франции действовало более 100 законодательных актов, регламентирующих деятельность высшей школы. кроме того, исследователи и аналитики отмечают фрагментарный характер реформирования, который характерен практически для всех стран Европы и США. И хотя модернизация системы высшего образования во многом оптимизировала высшую школу, ее фрагментарность не позволила комплексно решить вставшие во всей остроте проблемы.

В 1990-х годах решение проблем перешло в плоскость интегрированных попыток модернизировать высшую школу. Одной из таких попыток стал Болонский процесс, ведущий свое официальное начало с момента подписания в 1999 году совместной декларации европейских министров, ответственных за высшее образование «Европейское пространство высшего образования». (The European higher education area Joint Declaration of the European Ministers of Education (The Bologna Declaration of 19 June 1999) Болонская Декларация, 19 июня 1999г.)¹⁵. Болонская декларация стала закономерным результатом деятельности государств и университетов по модернизации системы высшего образования и базировалась на концептуальных идеях, озвученных еще в 1953 году в Европейской конвенции об эквивалентности дипломов, ведущих к доступу в университеты. В последующие периоды рядом документов¹⁶ были сформулированы основные принципы и цели, которые закрепились в Болонской конвенции 1998 года и в Совместной (Лиссабонской) конвенции Совета Европы и ЮНЕСКО – Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе.¹⁷ Болонская декларация закрепила десять основных направлений Болонского процесса (10 Bologna Action Lines):

1. Принятие системы общепонятных, сравнимых квалификаций (степеней);
2. Внедрение двухступенчатой системы высшего образования (бакалавриат – магистратура);
3. Применение системы зачётных единиц (академических кредитов), количество которых зависит от объема часов по дисциплине и отражение учебной программы в приложении к диплому, образец которого разработан ЮНЕСКО;
4. Развитие академической мобильности студентов, преподавателей и административно-управленческого персонала;
5. Взаимное признание квалификаций и соответствующих документов в области высшего образования, обеспечение автономности вузов;
6. Развитие европейского сотрудничества в области обеспечения качества высшего образования;
7. Обучение в течение всей жизни;
8. Активизация участия вузов и студентов в развитии Болонского процесса;
9. Усиление европейской составляющей в системе высшего образования Европы;
10. Введение докторантуры в общую систему высшего образования (в качестве третьего уровня); объединение Европейского пространства высшего образования и Европейского пространства научных исследований.¹⁸

Автор не ставит перед собой цель дать развернутую характеристику Болонских и иных деклараций или же масштабный анализ их реализации. На наш взгляд, Болонский процесс выступает одним из сегментов общеевропейской политики интеграции, проводимой в рамках ЕС. Основная цель болонского процесса – создание условий в виде единых квалификаций в области высшего образования для единого рынка труда (рабочей силы). Вторым фактором, обеспечивающим реализацию направлений болонского процесса – коммерциализация системы высшего образования, которое превратилось в высокорентабельный сегмент бизнеса и, соответственно, конкуренция в этой сфере с лидирующими позициями высшей школы США. С момента подписания Болонской конференции прошло почти 20 лет. В настоящее время проводятся комплексные широкомасштабные исследования по данному вопросу, но дискурс остается достаточно острым. Положение усугубля-

ют негативные факторы, связанные с процессами экономической интеграции европейского пространства. Анализируя результаты исследований по реализации Болонской конвенции, можно сделать вывод, о том, что, несмотря на ряд положительных и эффективных результатов, основные проблемы остались не решенными.

Вместе с тем, за последние годы накоплен достаточно большой опыт в теоретико-методологической части относительно проблематики высшего образования. В сфере научного познания сформированы направления, в рамках которых система высшего образования получила широкомасштабные исследования. Тем не менее, именно многообразие теорий и концептуальных подходов, определивших проблемное поле острейшего научного дискурса, определенным образом «рассеивает» парадигмальное осмысление феномена высшего образования. Проблематика функциональной направленности в деятельности высшей школы решается в автономном режиме – на уровне конкретных университетов и в зависимости от того, сторонниками какой концепции являются их руководители. Во многом, как говорилось выше функционал и развитие университетов зависит от проблем коммерциализации и ориентации на региональные производственные нужды. Эта ситуация не способствует развитию системы высшего образования как центра фундаментального образования, как центра формирования качественно новых мировоззренческих ориентиров и установок, что в конечном итоге, несмотря на высокий уровень и престижность высшего образования, снижает роль университетов как акторов социально-культурного развития государства, общества и личности. С одной стороны, высшая школа, выполняя социальный заказ и адаптируясь к вызовам времени, определила свой функционал в плоскости развития естественно-научных знаний, имеющих прикладное значение. Подготовка профессионалов, необходимых для деятельности и развития сферы наукоемких технологий обусловила кардинальные изменения в системе образования.

Гуманитарная составляющая, по сути, не только отошла на второй план, но и стала восприниматься как балласт в обучении. Университеты, нацеленные на получение конкретных результатов «здесь и сейчас» отошли от своей

традиционной цели – формирования мировоззренческих установок, ценностных ориентиров, идеалов нравственности, социокультурных основополагающих ориентиров. Культурная компиляция, односторонность понимания роли университетов повлекла достаточно серьезные проблемы, которые затронули не только университеты, но государство и общество в целом. Попытки осмысления целеполагания и функционала системы высшего образования, ставшие объектом пристального внимания со стороны государственных деятелей, аналитиков, ученых, пока еще не привели к каким-либо значимым результатам. Тем не менее, острая научная полемика относительно высшей школы, которая разворачивается со второй половины XX века, со всей очевидностью показывает значимость университетов как центров, в котором синтезируются научно-исследовательские, образовательные и мировоззренческие основы современной цивилизации..

Литература

- 1 Социология науки Мамедов А.К. Бабосов Е.М. место издания МБА Москва, ISBN 978-5-902445-51-7, 2011 с.26
- 2 Кумбс, Ф. Г. Кризис образования в современном мире: системный анализ: Пер. с англ./ Под ред. Г. Е. Сорова. - М.: Прогресс, 1970. - 293 с.
- 3 Там же.
- 4 Глобализация и конвергенция образования: технологический аспект. Научное издание / Под общей редакцией профессора Ю. Б. Рубина. - М.: ООО «Маркет ДС Корпорейшн», 2004. С. 24.
- 5 Друкер, П. Ф. Практика менеджмента: Пер. с англ. / П.Ф. Друкер. – М.: Вильямс, 2000. – 398 с.
- 6 Кумбс, Ф. Г. Кризис образования в современном мире: системный анализ: Пер. с англ./ Под ред. Г. Е. Сорова. – М.: Прогресс, 1970. – 293 с.
- 7 Когнитивный дискурс «нового» образования: информационное поле и акторы Коркия Э.Д., Мамедов А.К. в журнале Глобальный научный потенциал, издательство МОО ФРНК (Тамбов), № 2 (59), 2016 с. 10
- 8 Самойлов Л. П. Инженерное образование в современных условиях: проблемы и перспективы./ Инновации в образовании № 10, 2012. – с. 25-32.
- 9 Зинченко В.П. Аффект и интеллект в образовании. – М.: Изд-во Тривола, 1995. – с. 17
- 10 Эпистемология социального познания Мамедов А.К. место издания КАНОН+ Москва, ISBN 978-5-88373-077-0, 2017 с.170
- 11 Гор А. Земля на чаше весов В поисках новой общей цели/ Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. Электронный ресурс: http://iir-mp.narod.ru/books/inomezcev/page_1557.html
- 12 Смирнов И. П. Нация в опасности/ Профессиональное образование. Столица, № 8, 2011. – с. 4.
- 13 Доклад Национального института по образованию «Изучение условий повышения качества образования в вузах США» (1984), доклад Ассоциации американских колледжей «Новый виток в системе общего образования» (1988), доклад Национального Фонда гуманитарных наук «Возрождение наследия» (1984), исследования фонда Эксон, фонда Форда и др.
- 14 Супян В. Б. Образование – ключевой фактор социально-экономического развития США в XXI веке/ Аналитический сайт «Бюджетная система Российской Федерации. Электронный ресурс: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2001/vestniksf140-09/vestniksf140-09110.htm>
- 15 Болонский процесс: нарастающая динамика и многообразие (документы международных форумов и мнения европейских экспертов)/ Под науч. ред. д-ра пед. наук В.И. Байденко. – М. Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2002 стр. 146-149 Электронный ресурс: Sovm-dekl-min.pdf
- 16 Европейская конвенция 1956 года об эквивалентности периодов университетского образования, Европейская конвенция 1959 года об академическом признании университетских квалификаций, дополнительный протокол 1964 года к Конвенции 1953 года, европейская конвенция 1990 года. особое значение имела Сорбонская декларация 1998 года, которая ввела понятие европейское пространство высшего образования (Сорбонская декларация от 25 мая 1998 г. «О гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования» (Déclaration de La Sorbonne, 25 mai 1998 – Harmoniser l'architecture du système européen d'enseignement

surjieur.) Материалы по статье Четверикова А. О. Право Совета Европы и Болонский процесс/Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63) февраль – с. 79- 91

17 Лиссабонская конвенция была подписана в 11 апреля 1997 г. в г. Лиссабоне. Для России вступила в силу с 1 февраля 2000 г. В настоящее время участниками данной Конвенции являются 53 государства, что несколько больше числа государств - участников Болонского процесса (48 в конце 2015 г.)/ Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (ETS №

165) от 11 апреля 1997 г. (Лиссабонская конвенция). Электронный ресурс официального сайта национального информационного центра по вопросам признания образования и (или) квалификации, ученых степеней и званий, полученных в иностранном государстве (ФГБУ «Главэкспертцентр»): http://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/lis/Conv_Recog_Qualif_High

18 Болонский процесс. электронный ресурс: http://interstudy.by/index.php?view=article&id=53%3Abologna-process&format=pdf&option=com_content&Itemid=

Антропосоциогенез – начало социетальной социализации

Кравченко А.И.

Автор продолжает разговор о формах, этапах и закономерностях социализации – одной из ключевых категорий социологии. В статье речь идет об основах трансисторического процесса социализации – антропосоциогенезе, составными частями которого выступают антропогенез – процесс превращения человека из биологического существа в социальное, и социогенез – развитие общества. Ему исторически предшествует, а сегодня он развивается параллельным путем, другой глобальный процесс – развитие животной формы социальности, именуемой эвсоциальностью¹.

Ключевые слова: антропосоциогенез, эвсоциальность, культура, общество, труд, язык, социализация, отбор, социальная организация, иерархия.

Kravchenko A.I.

Anthroposociogenesis - the beginning of societal socialization

The author continues the conversation about the forms, stages and laws of socialization - one of the key categories of sociology. The article deals with the fundamentals of the transhistorical process of socialization – anthroposociogenesis, the components of which are the anthropogenesis – the process of the transformation of man from a biological being into a social one, and sociogenesis – the development of society. It is historically preceded, and today it develops in a parallel way, another global process – the development of an animal form of sociality, called eusociality.

Key words: anthroposociogenesis, eusociality, culture, society, labor, language, socialization, selection, social organization, hierarchy.

Человек, рождаясь, уже застает готовыми все нормы, ценности, традиции, роли и модели поведения, которые ему предстоит усваивать и осваивать на протяжении всей своей жизни. Это и есть онтогенетический процесс социализации. Зададимся другим, более интригующим вопросом: было ли такое время в истории Земли, когда человек проснулся, а никаких норм, ценностей, традиций и ролей нет? Что такое начало времен или начало всех начал для человеческого рода? Ответ на этот вопрос предполагает углубление в самый загадочный и противоречивый процесс – антропосоциогенез. Назовем его филогенетической формой трансисторического уровня социализации (первый уровень классификации, рассмотренной автором в предыдущей статье). Его нельзя наблюдать воочию, как-то измерить, описать или поставить эксперимент. О нем судят по косвенным данным – археологическим останкам и генетическому анализу ДНК. Модус его существования всегда был и навсегда останется историко-гипотетическим. А все что связано с прошлым и гипотезами, то кишмя кишит заблуждениями, ошибочными гипотезами, сомнительными утверждениями и робкими научными прозрениями. Здесь почти ничего нельзя утверждать наверняка, но зато для фантазии и воображения – самая благодатная почва.

Антропосоциогенез: от австралопитеков к астронавтам

В ноябре 1859 года Чарльз Дарвин опубликовал опаснейшую идею, что все живое эволюционировало в процессе естественного отбора. Хотя в трактате Дарвина почти не упоминалось о человечестве, его соображения неизбежно привели к радикальному пересмотру человеческой истории, изменив наше самоощущение². Одним ударом Дарвин низвел нас от созданных по образу и подобию Бога существ до уровня

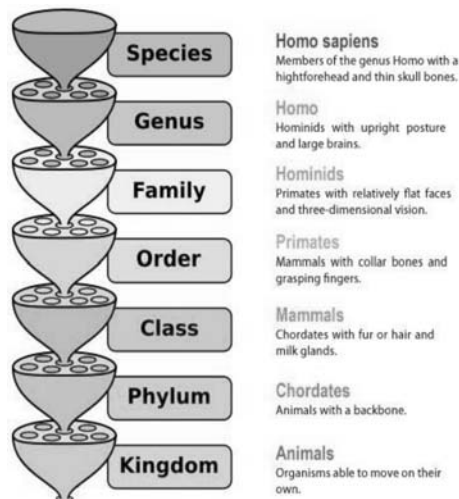

Рис. 1. Линейная иерархия людей. Источник: <https://chapter7taxonomy.weebly.com/linnaean-hierarchy.html>

обезьян, являвших собой кульминационный пункт эволюции безличностных механизмов естественного отбора. Спустив нас с небес на землю, Дарвин создал предпосылки для научного понимания происхождения человека, называемого теперь антропосоциогенезом.

Антропосоциогенез — исторически длительный процесс превращения человека из биологического существа в социальное и культурное — представляет собой единство двух параллельно протекающих процессов: **антропогенеза** (формирование человека) и **социогенеза** (развитие общества). Классическая модель антропогенеза, т.е. биологической эволюции человека выглядит как линейная последовательность видов: *Homo habilis* (человек умелый) — *Homo erectus* (человек прямоходящий) — *Homo neanderthalensis* (человек неандертальский) — *Homo sapiens* (человек разумный)³. Между учеными не достигнуто единства в понимании начала и конца антропогенеза. Одни ученые начинают антропогенез с самых древних ископаемых форм гоминид и отодвигают границу на 6-7 млн. лет назад. Другие предлагают распространить понятие антропогенеза не на всех гоминид, а только на первых людей (пралюдей), в названии которых присутствует Homo. Тогда счет следует начинать с хабилисов, пришедших на смену австралопитекам примерно 2,2-2,5

млн. лет назад. Третьи именуют первыми людьми архантропов (питекантропов, синантропов, атлантропов и т.п.), сменивших хабилисов, примерно, 1,6 млн. лет назад. Таким образом, нижняя граница варьируется от 7 до 1,6 млн. лет назад. Научные дискуссии о границах антропосоциогенеза, хотя и выглядят как спор о цифрах, носят скорее концептуальный характер: кого считать первым человеком (Homo)? Надо ли ограничивать этот процесс только человекоподобными формами или распространить его также на обезьяноподобных предков, предполагая, что человек появился не вдруг, а прошел очень долгую и сложную эволюцию?

Известный американский палеонтолог Стивен Джей Гулд охарактеризовал человеческую эволюцию как «удивительную невероятность» ('awesome improbability'). По его мнению, роль естественного отбора в эволюции живых существ была сильно преувеличена, а значение альтернативных механизмов эволюции было незаслуженно приуменьшено. Известные находки древних гоминид чрезвычайно редки и неполны. Выражаясь языком социологии, размер выборки слишком мал, чтобы делать какие-либо статистически обоснованные выводы. Так, первый претендент на роль связующего звена между обезьяной и человеком, обнаруженный в провинции Афар Эфиопии в 1974 г. и названный Люси (его научное имя — *Australopithecus Afarensis*), живший 3,6-3,2 миллиона лет назад, представлял собой сохранившийся лишь на 40% скелет, что дало повод для многочисленных разногласий по поводу его двуногости. Второй претендент, *Australopithecus Ramidus*, 4,4-миллионное существо, похожий на карликового шимпанзе, обнаруженное в 1994 г., несмотря на 70-процентный полный скелет, не стал категорическим доказательством двуногости, не говоря о других человеческих качествах. От третьего претендента *Australopithecus Anamensis*, датированного 4,1-3,9 млн. лет, обнаружены фрагменты костей более чем 20 особей. Голень использовалась для подтверждения, что существо передвигалось на двух ногах⁴. Свидетельства ископаемых предков еще потому сбивают с толку, что они не тесно связаны друг с другом. Кроме того, необъяснимое отсутствие ископаемых доказательств за предыдущие 10 миллионов лет не позволило подтвердить точную дату отделения ранних гоминидов от четвероногих обе-

зьян. У многих из этих находок черепа больше похожи на шимпанзе, чем на человека.

Новые открытия заставляют отказаться от упрощенных диаграмм, представляющих классическое генеалогическое древо, очерчивающее происхождение человека от обезьян, знакомое нам в школе. Они уступают место понятию генетических островов. Возможно, что эволюционная история человечества останется окутанной тайной и в обозримом будущем. Идея единого общего предка пока является центральной для теории эволюции. Однако в последние годы стали говорить о том, что, возможно, мы имеем дело не с деревом жизни, а с паутиной жизни, основанной на нескольких предках, чьи наследники обменивались генами в ходе развития, как это свойственно микроорганизмам. В 2008 г. группа французских и испанских обнаружила факты, свидетельствующие в пользу продолжающейся эволюции человека.

Мнение науки о полицентризме антропогенеза как в зеркале отражается в общественном мнении простых людей. Опрос россиян в 2009 г., проведенный ВЦИОМ, показал: 23% опрошенных полагают, что человек создан Богом или высшими силами; доля поклонников эволюционной теории – 19%; 3% респондентов уверены, люди произошли от пришельцев из космоса; 8% россиян заявили, что вопрос происхождения человека их вообще не интересует⁵. Согласно опросу Гэллапа, проведенного в 2005 г., большая часть населения Америки (53% опрошенных) полагает, что Бог создал людей такими, каковы они сейчас, и что никакой эволюции не было. Подобные же исследования были проведены среди итальянцев. Если считать, что среди них креационизм не нашел большого количества сторонников (при учете только 17% ответов), то гипотезы о том, что эволюцией руководит высший разум, нашли поддержку в 38% случаев. 31% итальянцев же считают, что Дарвин прав: существование людей – всего игра случая⁶. По данным другого опроса, большинство британцев (54% респондентов) в совмещении религии и науки не видят ничего зазорного: правы как Дарвин, так и Библия⁷.

В широком значении антропогенез – совокупность всех историко-эволюционных форм гоминид до появления *Homo sapiens sapiens*. Социогенез – совокупность доисторических форм общества вплоть до появления первых

обществ-государств (античность). Верхней границей антропосоциогенеза в отечественной литературе принято считать период 35–40 тыс. лет тому назад, т.е. верхний палеолит, когда на смену формирующимся людям (пралюдям) и формирующему обществу (праобществу) пришли готовые, сформировавшиеся люди и готовое, сформировавшееся человеческое общество. Таким образом, история человечества прежде всего подразделяется на два основных периода: 1) историю праобщества (праисторию) и 2) историю собственно человеческого общества⁸.

Большинство исследователей склонно считать, что с появлением *Homo sapiens sapiens* завершился одновременно как антропогенез, так и социогенез. Таким образом, 30–40 тыс. лет назад закончился единый процесс антропосоциогенеза. Приблизительно в это время появляется кроманьонский человек и происходит возникновение искусства. Антропогенез по костным останкам изучает физическая и биологическая антропология, социогенез – по археологическим артефактам и живущим ныне племенам социальная и культурная антропология. В общем и целом антропогенез сопровождался следующими революционными изменениями в анатомии гоминид: структурные преобразования мозга, увеличение мозговой полости и головного мозга, развитие двуногого передвижения (бипедия), развитие хватательной кисти, опущение гортани и подъязычной кости, уменьшение размера клыков, появление менструального цикла, редукция большей части волосяного покрова. Благодаря универсальности речевых возможностей человек создал языки самой разной сложности и самых разных видов. Язык стал своеобразным транспортным средством цивилизации: благодаря ему информация передавалась, создавалась, записывалась, дублировалась, переводилась. Самый продолжительный период истории занимает древний каменный век – *палеолит*. Он продолжался около 2 млн. лет. В это время происходят два глобальных процесса: становление человека (антропогенез) и становление общества (социогенез). Ранний палеолит – период антропогенеза, поздний палеолит – период социогенеза. Общество зарождается в тот момент, когда на смену биологической эволюции приходит эволюция культурная, когда орудийная деятельность пред-

человека сменяется трудовой деятельностью человека⁹.

Природа обошлась с человеком как злая мачеха: как только он подрос и начал проявлять самостоятельность, она бросила его на произвол судьбы. Homo sapiens — единственное из живых существ, лишённое не только волосяного покрова, но и инстинктов — готовых форм поведения и ориентации в окружающем мире. Вот почему дикая природа кажется ему неорганизованным хаосом. И вот почему человеку пришлось выдумывать искусственные заменители природных ориентиров.

Окончание антропогенеза означает, что появившаяся речь (язык), вклинившись между ним и окружающей средой, ускорила разрыв с природой. Впервые **культурная эволюция**, начавшаяся 40 тыс. лет назад¹⁰, стала обгонять биологическую: инстинкт и эмоции уравновесились обычаем и мыслью. Именно *речь* явилась основой коллективной деятельности, от которой в свою очередь зависело, каким группам первобытных людей суждено было выжить в борьбе за существование, а каким — погибнуть. Таким образом, те, кто обладал более развитой речью, систематически выходили из этой борьбы победителями, что давало эволюционное преимущество особям с более развитым мозгом и тем самым способствовало его ускоренному росту. Способность к общению развивавшаяся у доисторических предков человека очень медленно, сделала гигантский скачок в последние 30-40 тыс. лет — от рисунков кромаignonцев на стенах пещер до современной письменности. Все достижения цивилизации являются следствием того, что человеку свойственно образное и абстрактное мышление. Известно, что у раннего примата Afarensis объем черепа равен примерно 500, у Habilis Australopithecus — около 700, у питекантропа — 900, у Homo erectus он увеличился примерно до 900–1000, у синантропа — около 1200, у неандертальца — до 1400, у кромаignonца — примерно 1600 см³. Таким образом, за многомиллионную эволюцию размеры человеческого мозга увеличились в три раза. Если учесть, что за тот же период средние показатели роста человека и окружающей его грудной клетки возросли всего лишь на 20-40%, то увеличение объема мозга на 200% наводит на мысль, что эволюция человека шла прежде всего в области развития мозга.

Одно время мозг гамадрил даже опережал в развитии мозг человека, но затем стабилизировался и даже уменьшился, как только стабилизировалась среда обитания и стала менее разнообразной. И сегодня мозг качественно прогрессирует только у тех человеческих особей, которые живут в более трудных условиях, решают сложные задачи и адаптируются к более разнообразной среде.

Не менее важное обстоятельство — постоянное ускорение эволюционного процесса. От появления первых млекопитающих до отщепления от них приматов прошло примерно 200 млн. лет. Спустя еще 20 млн. лет появились австралопитеки. От них до первых питекантропов прошло около 1,5 млн. лет. Переход к неандертальцу занял всего несколько сотен тысяч лет. Прошло еще 200 000 лет — и на Земле появился человек разумный. Таким образом, появление человека было не просто появлением нового вида. Произошел великий качественный скачок в истории Земли. Возник не просто человек, а человеческое *общество*, подчиняющееся не только биологическим законам. Началась человеческая история, подчиняющаяся особым, социальным, законам¹¹.

Возможно, что за успехи в биологической и культурной эволюции человечество вынуждено расплачиваться дряхлостью и старостью. За последние полтора века число пожилых пар постоянно увеличивается, однако наиболее тяжелая судьба выпадает на долю тех, кто, потеряв спутника жизни, оказывается в полном одиночестве и не имеет никого, с кем можно было бы разделить повседневные радости и невзгоды. Этим изменениям предшествовал длительный процесс эволюции человека и главным образом его головного мозга. Это, с одной стороны, позволило людям значительно обогнать в развитии всех других обитателей планеты, но, с другой, старческие расстройства мозга или угасание его функций часто делают человека совершенно беспомощным¹².

Как только культура появилась в качестве самодостаточной суспензии человеческого бытия, она начинает функционировать по собственным, независимым от биологии, законам. В биологическом мире своя причинно-следственная цепочка событий, в культурном мире — совсем другая, независимая от первой причинно-следственная связь, где одни искусственные вещи,

созданные человеком — так называемые артефакты, — влекут за собой появление других, как правило, более сложных, изощренных и угонченных. На смену биологии в качестве движущего механизма эволюции приходит технология. Да и сама эволюция с тех пор называется прогрессом. Она привела нас от австралопитеков к астронавтам.

Труд как драйвер развития

Период безорудийной деятельности длился очень долго. Если учитывать самые ранние из обнаруженных сегодня форм древнего человека, около 7 млн. лет, и появление первых орудий труда, случившееся 2,7 млн. лет назад, то он продолжался не менее 5 млн. лет, т. е. значительно дольше, чем вся последующая цивилизация. Древние гоминиды начали использовать орудия и питаться мясом крупных животных за миллион лет до того, как до этого додумался род Номо. Прежде *орудия труда* считались привилегией рода Номо. До сих пор самые древние доказательства разделывания туши животных при помощи каменных орудий относятся ко времени 2,5 млн. лет назад. Биологи подчеркивают, что никто из наших современных ближайших родственников — ни шимпанзе, ни бонобо — не охотится на крупных животных и не питается их падалью. Так что австралопитеки совершили в этом настоящий прорыв. С помощью орудий они смогли конкурировать с хищниками, у которых для этой цели имеются зубы и когти¹³. Кроманьонцы стали делать орудия не только из камня, но и из бивней мамонта, оленьих рогов. Рыбу ловили с помощью плетеных ловушек и гарпунов с острыми наконечниками. Люди научились шить одежду из меха. Они изобрели костяные иглы, которыми сшивали шкуры лис, песцов, волков и более мелких зверей. Ученые обнаружили, что древние люди создавали каменные ножи, пики и топоры раньше, чем считалось, а именно 1,76 млн. лет назад, в то время как до этого возраст старейших находок колебался от 1,4 млн. до 1,6 млн. лет. Труд способствовал развитию мышления человека. Его мозг становился совершеннее. Руки стали более ловкими, кисти — подвижными, а пальцы — гибкими и умелыми. Труд сплачивал людей. Они сообща делали орудия, собирали коренья, охотились. Общение стимулировало развитие речи. Орудия имеют более сложное строение, для

которого необходимо проектирование, анализ и символическое мышление.

В 2010 г. получены доказательства, что орудия труда применяли уже австралопитеки. И с их помощью питались мясом крупных животных. Изучение царапин на ископаемых костях, найденных в Эфиопии и Танзании, показало, что уже 3,4 млн. лет назад австралопитеки афарские¹⁴ использовали каменные орудия для соскребания мяса с костей крупных травоядных, а 1,3 млн. лет назад представители вида *Homo ergaster*, вероятно, уже умели сами охотиться на крупную дичь¹⁵. До сих пор большинство антропологов считали, что первооткрывателями каменной индустрии были «люди умелье» (*Homo habilis*), а их предшественники — австралопитеки — каменных орудий делать не умели.

О роли труда в эволюции человека и общества писали очень многие мыслители. Одни считали ее решающим фактором антропосоциогенеза, другие отодвигали труд на второй план. Классическая формула Ф. Энгельса, из которой в советское время исходило общественное знание, включая антропологию, утверждала, что труд сделал из обезьяны человека. «Для археологов, — утверждает английский археолог В.Г. Чайлд, — человек есть животное, производящее орудия труда. Человек создает орудия труда, так как он должен их создавать»¹⁶. По мнению Г. и Ж. Ленски¹⁷, технология служит главным критерием деления истории человечества на стадии, или эволюционные фазы: охота и собирательство (до 7 тыс. до н.э.); выведение плодовых культур (с 7 тыс. до 3 тыс. до н.э.); развитие сельского хозяйства (с 3 тыс. до 1800 н.э.) и промышленности (с 1800 н.э.). Изготовление орудий труда — **первая глобальная революция** в истории человеческого рода, выведшая гоминид на путь *сапиентизации*¹⁸. В истории первобытного общества выделяют три эпохи: 1) первобытного **стада**, или праобщины — самая протяженная; 2) первобытной **родовой общины** (начинается в верхнем палеолите и заканчивается к эпохе раннего металла); 3) эпоха **первобытной соседской** (протокрестьянской) общины. Сознание *Homo sapiens sapiens* составляют идеи, нормы, принципы и символы, которые рождаются в организованных группах и ради организации совместного взаимодействия в группах. Хотя их носители отдельные индивиды, правила и нормы принадлежат че-

ловеческому коллективу в целом. В каждой местности, замкнутой географическими границами и служащей средой обитания самостоятельного этнического объединения, возникают свои, в чем-то непохожие на других, социокультурные коды поведения. Иначе говоря, системы правил и норм, регулирующих взаимодействие с соплеменниками и с представителями чужих этносов.

Прослеживается такая закономерность: чем продуктивнее способ производства, тем больше усилий от человека он требует. Земледелие по затратам труда тяжелее огородничества, огородничество тяжелее собирательства и охоты. Даже использование животных в земледелии ненамного облегчило труд человека. Промышленное производство, на своей ранней индустриальной стадии, было не легче тогдашнего земледелия, а то и тяжелее. Качественные изменения произошли в XX в., когда современные технологии, автоматизация и механизация, вывели человека за сферу непосредственного производства, оставив ему роль наблюдателя за преимущественно умственным трудом.

Развитие производительных сил стало движущей силой прогресса человеческого общества, а его техническое могущество настолько велико, что человечество уже сегодня превратилось в мощную *геологическую силу*. Породив Человека, Природа избрала еще один могучий катализатор мирового прогресса. Благодаря технике деятельность человека приобрела планетарный размах, а будущее всей Земли, и не только ее органического мира, теперь зависит от дальнейшего хода *человеческой истории*. Сегодня нет ни одного континента, где бы ни жил и ни трудился человек¹⁹. Человек покрыл Землю поселениями, густой сетью железных и шоссейных дорог, прорыл каналы, создал искусственные водохранилища и зеленые насаждения, засеял поля. Возникли небывалые прежде искусственные ландшафты.

В последние 10 тыс. лет человек двигался вперед гораздо быстрее, чем в предшествующие миллионы лет. За этот период он прошел путь от каменного века до освоения космоса. Сегодня один человек узнает за один день больше, чем его предок, живший в саванне, узнавал за всю жизнь.

Иными словами, одновременно с социальным прогрессом совершался технический прогресс.

Ему миллионы лет. А вот научно-технический прогресс — это всего лишь поздняя стадия технического прогресса. Она стала возможной с превращением науки в движущую силу общественного производства. Если говорить в общем, то технический прогресс постоянно ускорялся по мере приближения к нашему времени.

В каменном веке технический прогресс полз со скоростью улитки. Технический и социальный прогресс в наше время взметнулся ввысь подобно ракете. В XVI-XVII вв. к техническому прогрессу подключилась дополнительная сила — наука, и теперь уже научно-технический прогресс с удвоенной и утроенной энергией помчался вперед. Прогресс наблюдался во всех отраслях, даже в такой застывшей, как сельское хозяйство. В далекую эпоху собирательства и охоты требовалось около 2 кв. км для того, чтобы прокормиться 1 человека. В начале XX века для этого достаточно было уже всего 100 кв. м. Таким образом, за 10 тыс. лет продуктивность земли возросла в 20 тыс. раз. Если в древние времена человек обходился лишь 18 химическими элементами, то к XVIII веку он использовал уже 25, в XIX веке — 29, в XX веке — 47, а к началу XXI столетия — 54 элемента, в середине же этого столетия — 97 элементов.

По мере приближения к нашим дням его скорость постоянно нарастала. А в XXI в. скорость прогресса усилилась сверх всякой меры. К примеру, поколение двухтысячного года будет знать в 40 раз больше, чем поколение 1980-х. Сегодня за один час рабочий производит столько, сколько изготавливали 3 человека 50 лет назад. Раньше надо было ждать десятки, а то и сотни поколений людей, пока одно поколение техники сменится другим. Иными словами, скорость смены поколений орудий труда отставала от скорости смены поколений людей. Но сегодня скорость смены поколений техники опережает скорость смены поколений людей. Сколько поколений гаджетов и компьютеров сменилось на нашем веку? Современная формула прогресса звучит так: чем больше изобретено, чем больше изобретают и еще больше изобретут. Закон аккумуляции прогресса означает, что объем накопления знаний прямо пропорционален скорости научно-технического прогресса. И еще: чем больше знаешь, тем легче познавать новое, поскольку каждому следующему поколению не обязательно запоми-

нать всю историю с Адама и Евы, а достаточно постичь, как работает последнее поколение техники, в котором и овеществлена предыдущая история новаций. Вот почему ускоряется темп изменений. Развитие технологии все больше и больше «разогревает» технический прогресс. В своем постоянном ускорении техническое развитие приносит изменения не только в экономику, но и в общество в целом. И, конечно же, он отражается на характерных особенностях, механизме и процессе социализации, которые мы еще только начинаем понимать.

Зарождение социальной организации

Социальная организация человеческих сообществ зарождается очень рано — поначалу в своих самых примитивных формах — и совершенствуется по мере развития человеческого мозга, человеческой речи и трудовой деятельности. **Социальная организация** — закрытая иерархическая структура, создаваемая ради выполнения конкретных задач и обладающая формальной статусно-ролевой и ценностно-нормативной системами. Статус — социальная позиция (положение) индивида в группе или обществе. Роль — модель поведения в соответствии с правами и обязанностями, закрепленными за данным статусом соответствующими социальными нормами. Социальная организация — структура, предназначенная для координации деятельности двух и более людей путем разделения труда и иерархизации власти для достижения общей цели. Это формулировки западных специалистов (М. Ньюпорт, Р. Тревата, Д. Биддл, Р. Эвенден). Таким образом, социальная организация — это совокупность иерархически расположенных социальных позиций (статусов), выполняемых функций (ролей), форм деятельности, отношений и связей работников. В социальной организации единицей служит не индивид как таковой, а его роль. Поэтому социальную организацию можно определить как совокупность подобных ролей, объединенных в систему благодаря каналам коммуникации. Кроме того, социальная организация — это и целевая группа, т.е. объединение людей, стремящихся к реализации определенных целей упорядоченным образом.

Будучи общетеоретическим понятием, социальная организация описывает любое струк-

турированное сообщество, взаимодействующую совокупность или взаимосвязанное множество отношений между людьми. Социальные организации обладают такими чертами, которые напоминают свойства других типов коллективностей, например, *статусные иерархии* в социальных организациях и в социальных классах чем-то сходны. Но в организации высший, равный и низший статусы очень точно предопределены как должности. Понижение и повышение в должности иногда резко меняет поведение человека, круг его обязанностей, рабочее место. Для ранних форм социальной организации характерна неустойчивость состава и межгрупповая мобильность — будь то небольшая группа охотников-собирателей или современная бригада строителей.

Понятие социальной организации, если рассматривать человеческое общество, применимо по отношению даже к небольшой группе, включающей двух и более индивидов, например семье или клике²⁰. Вместе с тем оно характеризует также большие социальные группы, насчитывающие миллионы людей. Социальная организация, будучи очень широкой категорией и охватывая такой масштабный список явлений, является очень гибкой, как сегодня говорят, вариабельной переменной. У животных и людей существуют различные типы социальной организации. Внутри каждого из двух видов живых существ, в зависимости от рассматриваемой популяции и исторической фазы ее развития, также отмечен свой собственный, непохожий на других, вид социальной организации. Известно, что социальная организация пчел, муравьев и термитов — разная. Она разнообразится даже внутри семейства пчел или муравьев у разных видов, скажем, муравьев-амазонок и лесных муравьев. У каждого народа, у каждой страны на Земле — свой тип социальной организации. Даже у одного народа в разные исторические периоды вид социальной организации не обязательно один и тот же. Исторически эволюция социальной организации определялась несколькими фундаментальными факторами, а именно: переходом к прямохождению, возникновением речи, добытием огня, приручением животных, окультуриванием растений, переходом к оседлости, усовершенствованием орудий труда и технологии производства, изобретением календаря и использованием диеты. Челове-

ческая походка — один из наиболее выгодных способов передвижения с точки зрения расхода энергии: мы постоянно смещаем центр тяжести и как бы немного падаем вперёд на свободную ногу, сами того не замечая, что позволяет прикладывать минимум усилий. В 2009 г. ученые исследовали способ передвижения приматов и обратили внимание на то, что при ходьбе гориллы опираются на кулаки, держа руки выпрямленными, подобно тому, как ходят слоны. В то же время бонобо и шимпанзе демонстрируют более свободные, гибкие движения, которые помогают им лучше сохранять равновесие на ветвях. Таким образом, хождение на двух конечностях, свойственное человеку, развилось из походки приматов, живших не на земле, а на деревьях.

Ярким примером социальной организации служит *родоплеменная организация*, где родственная структура представляет собой: а) закрытую систему, обеспечиваемую иногда правилом эндогамии (жениться только на представителях своего племени); б) иерархическую статусную систему, где обладатель статуса «отец» возглавляет социальную пирамиду и распределяет функциональные обязанности между носителями других родственных статусов; в) экономическую корпорацию, выполняющую все необходимые виды трудовой деятельности ради обеспечения материального существования; г) социокультурную единицу, где единство и солидарность поддерживаются устойчивой системой традиций, ценностей, правил и ритуалов.

Социальная эволюция, или социогенез начинается 40 тыс. лет назад именно с зарождением *родоплеменного строя*. По мнению специалистов, род возник на рубеже раннего и позднего палеолита. Именно в это время зарождается современный тип человека. Господство биологических законов естественного отбора кончается. Человек расселяется по всем климатическим зонам Земли. Появляются одежда, жилище и очаг, климат становится постоянным. **Род** — дисциплинированный и организованный коллектив, создавший постоянные условия жизни. Отныне главным стало не приспособление к среде, а адаптация к законам и нормам коллектива. Начинается социализация в подлинном смысле слова. Детей в родовой общине воспитывали сообща. Дети знали обычаи рода и сле-

довали им. Когда мальчики подрастали, они должны были пройти инициацию, чтобы быть принятыми в число взрослых мужчин-охотников. В мозге человека того исторического периода были наиболее развиты как раз те участки, которые связаны с общественной жизнью. Они регулировали взаимоотношения и тормозили проявления зоологического индивидуализма.

Некоторые специалисты уверены, что это без сомнения был материнский род. В палеолите почти не встречается изображений мужчин, зато во множестве обнаружены статуэтки беременных женщин — родоначальниц и продолжательниц человеческого рода. Крупные родовые общины обитали в больших удлинённых домах. Подсчеты доказывают, что в каждом проживало не менее 50 человек. Источником пищи служила охота на крупных животных, которая требовала много участников. Площадь одного поселения составляла от 20 до 40 тыс. кв. м. Жили на одном месте долго, оседло.

Интенсивное развитие центральной нервной системы оказало глубокое воздействие не только на среду обитания человека, но и на численность народонаселения мира: в 1000 г. оно составляло порядка 300 млн., к 1900 г., то есть 9 веков спустя, возросло до 1,5 млрд., а в 2000 г. эта цифра превысила 6 млрд. Таким образом, только за XX в. численность народонаселения мира возрастает на 4,5 млрд. человек²¹. Марк Стоункинг, изучив различные варианты ДНК 120 человек разных рас, пришел к выводу, что размер популяции в плейстоцене составлял порядка 18 тысяч человек²².

Социальная организация человечества на протяжении многих тысяч лет строилась на фундаменте **родственных отношений** и системы родства. Общинами управляли наиболее мудрые члены рода — старейшины, которые следили за тем, чтобы все члены рода следовали установленным правилам поведения, чтобы никто не претендовал на долю другого при распределении продуктов, одежды и места в жилище. Отношение к старшему в роде выстраивало социальную иерархию, отношение к умершим предкам лежало в основании религиозных культов, системы нравственных ценностей и духовных практик. Социальный статус индивид определялся внутри или благодаря системе родства — вне ее он считался социальным изгоем.

Родственные отношения строились на трех принципах: 1) биологического родства – происхождение от единого предка; 2) брачного союза – объединение некровных родственников в один семейный клан благодаря легитимизированным нормам; 3) фиктивного родства, когда индивид становится родственником через приёмного родителя, крестничество или товарищество. Третий тип родственных отношений распространён во многих районах Южной Европы, в Латинской Америке, среди испаноязычного населения США, у народов Северного Кавказа и у арктических народов.

В традиционном обществе **брак** не считается частным делом брачующихся. Союз мужчины и женщины, выбор супругов, сохранение прочности брачного союза и деторождение являются обязанностью обоих родственных коллективов и выступают важными элементами социальной организации. Свадебный обряд означает общественное признание вновь образуемой семьи. *Брак* – один из видов социальной организации, которая устанавливает и упорядочивает отношения между полами через систему социальных норм, прав и обязанностей. В животном мире нет социальных норм, регулирующих отношения между полами. Поэтому в нем можно встретить лишь биологические аналоги брака и семьи. Тем не менее, взаимоотношения и взаимодействие между животными, как индивидуальными, так и коллективными, регулируются известными нормами и правилами, напоминающими социальные, но таковыми по своей сути не являющимися. У них есть особое название – *эвсоциальные отношения*. В традиционном обществе система родства, подобно паутине, охватывала всю деревенскую общину. Вне ее не существует ни индивида, ни семьи. Традиционная община – это по существу расширенная и территориально организованная система родства.

Протоисторические формы социализации: общество животных

Благодаря достижениям современной науки, антропогенные свойства распространились сегодня далеко за пределы собственно человеческого вида – ими наделяют насекомых (эвсоциальность), стадных животных (социальные животные), высших приматов, дельфинов, некото-

рые виды птиц, слонов, домашних животных (зачатки мышления и социальные чувства). На исторической шкале времени социогенез включает следующие процессы и фазы: социальные животные, формирование стада предлюдей, становление стада людей, возникновение семьи, рода, племени, первобытной общины и вождества. Львиная доля того времени, которое потратило на свой эволюционный путь человеческое общество, никак не могла быть описана в истории общества, по той простой причине, что она составляет его предысторию. История – это совокупность письменных свидетельств о различных явлениях и событиях. Но истоки общественных форм лежат в мире социальных животных. Пчелиные ульи и муравьиные колонии служат хорошим примером: несмотря на относительную простоту организма отдельных насекомых (как пчел, так и муравьев), и незначительные возможности их мозга, образуемый ими социум представляет собой весьма сложную систему, отличающуюся исключительной прочностью и слаженностью функционирования.

Анализ эволюции общества на стадиях, предшествующих появлению *Homo sapiens sapiens*, т.е. собственно социогенез, необходим для того, чтобы в дальнейшем более полно и всесторонне рассмотреть собственно историю человеческого общества, когда решающими факторами развития выступали цивилизация, письменность, разделение общественного труда, научно-технический прогресс. На двух исторических этапах – стадии социогенеза и стадии истории общества – определяющими факторами выступали общественное разделение труда и технический прогресс (эволюция орудий труда), причинно обусловившие появление других факторов роста, скажем, урбанизации или частной собственности. Таким образом, технический прогресс и углубление общественного разделения труда – два глобальных фактора, действовавших на обеих фазах развития человеческого общества – генезиса и истории, – являющиеся общими для них, а потому их объединяющими. Специфическим фактором, действовавшим на стадии истории, и отсутствовавшим на стадии генезиса, является в частности письменность. Вероятно, при дальнейшем анализе могут появиться и другие специфические факторы.

Однако как общи, так и специфические факторы, присущие генезису и истории челове-

ческого общества, отсутствуют в другом фундаментальном процессе, имеющем к фундаментальной социологии самое непосредственное отношение, а именно к развитию общества животных. У социальных насекомых, а также у других видов общественных животных, существовали и существуют по сию пору такие формы социальной организации, которые похожи на: а) зачаточные, эволюционно ранние формы социальности у человека (стадо, локальную группу, род, семью), б) зрелые, эволюционно поздние формы социальности у человека (муравейник или пчелиный улей напоминают по социальному устройству сложный тип современного общества).

Примечательная особенность заключается в том, что формы разделения труда и кастового строя, обнаруженные у социальных насекомых (пчел, ос, термитов, муравьев), имеют совсем другой, нежели у людей, фундамент, а именно биогенетический²³. Похожие на человеческое общество типы взаимодействия животных, в частности коммуникация, не приобретены в процессе социализации, а встроены в организм, запрограммированы самой природой. Несмотря на столь кардинальные различия без изучения этих предшественников, мы не сможем до конца понять само человеческое общество.

Определяя общество как «вторую природу», мы по умолчанию ставим общество *вне* естественной природы, доказывая или, точнее сказать, утверждая в качестве некоей аксиомы, что общество нельзя считать логическим продолжением природы, способным функционировать по ее законам. Если в обществе мы находим нечто похожее на организм, как это делал в свое время Герберт Спенсер, или на естественные законы борьбы за существование, как это делали социал-дарвинисты, то такого рода методологическая параллель должна, опять же по умолчанию, выполнять чисто метафорическую функцию. Общество как бы похоже на природу и одновременно это совсем *Другое*.

В случае эвсоциальности слово «другое» придется писать не с заглавного, а с строчного знака. Многие авторы считают, что человеческое общество как раз и является прямым продолжением биологического сообщества животных, и что в обществе нет ничего такого, чего не было и не могло бы быть в животном мире. По мнению специалистов, организация сообщества

социальных животных — образец сложной системы. Ярким примером служат пчелиные ульи и муравьиные колонии: несмотря на простоту организма насекомых и незначительные возможности их мозга, образуемый ими социум представляет собой весьма сложную систему, отличающуюся исключительной прочностью и слаженностью функционирования. Научно доказано, что выведение из строя (механическое удаление) до 40% элементов таких систем практически не сказывается на функционировании всего социума²⁴.

Муравейник представляет собой совершенный аналог человеческого общества: он так же, как оно, сложно организован, в нем существует разделение труда и специализация, свой язык, на котором «разговаривают» муравьи и т.д. Как выяснили новосибирские ученые Ж. Резникова и Б. Рябко, насекомые делятся друг с другом сведениями о направлении пути, о числе встреченных объектов, улавливают закономерности движения и упорядочивают информацию методом сжатия. Все это позволяет считать подобные контакты муравьев языковыми. Правда, «разговаривают» муравьи гораздо медленнее людей. Зато с обучением языку, похоже, все как у нас. Лингвистические способности не даются муравьям от рождения, а прививаются воспитанием в семье. Ни один из муравьев, изолированных с момента выхода из кокона, не проявил потом способностей к общению и совместным действиям с сородичами²⁵. Поэтому муравьев, как и многих других живых существ, ведущих совместный образ жизни, сторонники такой теории называют *социальными животными*. Муравьи способны образовывать семьи, состоящие из нескольких «каст» (колон). Одни виды муравьев возводят наземные города, напоминающие современные мегалополисы с разветвленной и сложно организованной транспортной инфраструктурой, системой кондиционирования, превосходящей по качеству все создаваемое в своих поселениях человеком, а другие ведут бродячий образ жизни, напоминающий наших далеких предков — собирателей и охотников²⁶. Подобно людям, муравьи занимаются уходом за личинками и их вскармливанием, дежурят у входа и защищают свой дом от вторжения чужаков, даже «пасут» и «дят» тлей. Социальная структура термитника напоминает монархию, во главе которой стоят царица-матка и царь.

Следующую ступень в иерархии этих муравьев занимают термиты-воины, ступенью ниже — термиты-рабочие. Термиты-рабочие сооружают постройку, скрепляя крупницы глины слюной, они добывают корм, беспрерывно уносят из покоев царицы яйца, ухаживают за ней, присматривают за белыми, почти прозрачными личинками. Рабочее сословие гораздо многочисленнее воинского. Во время походов войны идут впереди рабочих. Работницы-самки заняты воспитанием подрастающего поколения, приучают его к промыслу, защищают от всевозможных опасностей. Царица-роженица и крошечный царь живут в особых покоях постройки. Пищу для них непрерывно приносят, их чистят, убирают из кельи отбросы. Дело царя и царицы — производить потомство²⁷. Муравейник — специфический тип иерархической системы, которую современные биосоциологи именуют гетерархией. Она предполагает, что особи, занимающие более высокий ранг, управляют поведением особей, занимающих более низкий ранг, но лишь до определенной степени. В то же время активность низкостатусных особей влияет на поведение высокостатусных. Такую взаимосвязь между макро и микроуровнями, построенную на принципе обратной связи, ученые называют также бидиректоральным потоком²⁸.

Социальной меткой, при помощи которого в муравьином обществе различают особей разного ранга, проводят границы между высоко- и низкостатусными индивидами, служит химическое вещество. В крупных колониях статус завоевывается в нелегкой борьбе, цена за каждую новую ступеньку часто бывает слишком высокой, а претендентов на одну вакансию слишком много. Муравьиные виды, сохранившие сложную иерархию соподчинения, формируют клики - неформальные сообщества, состоящие из нескольких дюжин особей. У многих видов муравьев, в частности древесных, если матка производит слишком много самцов, бескорыстные, казалось бы, сестры-работницы организуют команду, которая штурмует камеры с личинками и убивает будущих самцов десятками и даже сотнями²⁹. Феромоны играют исключительную роль в жизни насекомых: они регулируют состав колонии и специфическую деятельность ее членов. Работницы индийского вида *Neopengathos saltator* даже источают особый букет ароматов, который показывает их статус:

муравьи высших рангов могут выделять редкие молекулы смеси углеводов. Чем сложнее ароматический состав, тем больше преимуществ при откладывании яиц. Когда шествует такое душистое насекомое, низшие ранги отступают и сгибаются в поклоне. Ведут себя почти как приматы.

Экспериментально установлено, что более 50% информационных посланий муравьи посылают и принимают при помощи а) феромонов и б) языка жестов³⁰. Состав феромона в каждой колонии очень специфичен, поскольку зависит не только от физиологии муравьиных особей, но и от состава пищи, которой они питаются. Уникальность феромона позволяет ему выступать идентификационной меткой. С ее помощью особи распознают представителей своего вида, отличают чужаков и немедленно объявляют тревогу либо распознают дорогу к дому. Способность муравьев отличать членов собственной колонии от всех прочих насекомых — основа их общественной жизни. При встрече муравьи ощупывают (фактически — обнюхивают) друг друга своими антеннами, проводя безошибочную идентификацию. Муравья, пытающегося проникнуть в гнездо муравьев другого вида, хозяева немедленно убивают. Исход встречи с особями своего вида из других колоний варьирует от постепенного признания до смертельной схватки³¹. У людей, как мы знаем, идентификационными маркерами служат цвет кожи, строение тела, форма черепа, стиль одежды, язык и т.п. Ничего подобного муравьи не различают. Некоторые ученые считают, что они вообще глухие. Кроме того, у муравьев нет голоса.

Велик соблазн и человеческое общество представить по образу и подобию муравейника. Выдающийся русский философ В.С. Соловьев в своей книге «Оправдание добра»³² писал о том, что не только человека, но и другие существа, в частности муравьев, следует причислить к разряду общественных животных. Муравейник напоминает крупные мегаполисы типа Лондона и Пекина: здесь такая же сложная социальная организация и многочисленное население. Эволюционное учение доказывает, что «муравьиная общественность... развилась по некоторым общим социологическим законам». Если характерным признаком цивилизации есть социальное разделение труда, считает Соловьев

ев, то невозможно отрицать существования муравьиной цивилизации. У муравьев оно развито достаточно высоко: в их сообществе есть воины, рабочие и рабы. Более того, у муравьев в обилии есть домашние животные (прирученные насекомые из других зоологических семейств).

Тем не менее, внешнее сходство часто бывает обманчиво. Человеческое общество является результатом эволюции природы, а не ее органической частью. Муравьи живут 65 млн. лет и ни один из 10 тысяч видов за это время практически не изменился. Человек существует всего 2 млн. лет, но претерпел за такое короткое время качественные изменения. В чем же дело? А дело в том, что все насекомые — муравьи, пчелы или гусеницы — эволюционируют не как индивиды, а как род. У животных — а человек по своей биологической природе принадлежит к ним — действует *естественный отбор*, известным нам по описаниям Ч. Дарвина. У насекомых же царствует *грегарный отбор* (от лат. *grex* — стадо): совершенствуется не особь, а вся популяция. Вот почему объединения насекомых называют *биологическими сверхорганизмами*. Все особи действуют генетически запрограммировано как организм одного типа. Сверхорганизм подобен машине³³. Животные и люди биологически универсальны, они поочередно могут выполнять различные функции (добывание пищи, размножение, строительство, оборона и т.д.) К тому же они однополые. Но муравьи и пчелы биологически специализированы, в большинстве своем они бесполое. Одни особи способны только к размножению, другие могут добывать пищу, но лишены способности к воспроизводству.

У насекомых минимальные способности к обучению, а у человека — максимальные. Поведение людей на 80% социально приобретенное и на 20% биологически прирожденное. Середину на воображаемом континууме способности к обучению занимают высокоразвитые животные, например, обезьяны, которые в обучении достигают поразительных успехов. Чем выше способности к обучению, тем выше уровень индивидуального развития. Все насекомые похожи друг на друга. Но это трудно сказать о животных и совершенно невозможно о людях. Только люди создали общество — высокоорганизованную форму совместной деятельности индивидов. Следовательно, уровень индивидуального и уровень общественного развития тес-

но связаны друг с другом: чем богаче индивид, тем сложнее общество³⁴. Выражение «социальные животные», относимое к муравьям и пчелам, остается скорее метафорой, нежели строгим научным понятием.

Хотя между человеком и животными современные ученые обнаруживают много общего, серьезные различия двух видов живых существ не должны отходить при этом на второй план. Только человек способен соединить оба вида естественного отбора — индивидуальный и коллективный (грегарный). У животных они разделены. Волки подчиняются индивидуальному отбору, а муравьи и пчелы — грегарному. Последние эволюционируют всем родом, но не способны развиваться по одиночке³⁵.

В эволюционной истории планеты появился новый вектор естественного отбора, который антропологи назвали *грегарно-индивидуальным отбором* (от греч. *gregus* — стадо). Его суть в том, что стадо с лучше отработанными навыками коллективного взаимодействия, социальной солидарностью и вместе с тем простором для развития индивидуальных черт, обеспечивающее большее их разнообразие, получало стратегическое преимущество в борьбе за выживание. Длительный период становления стада предлюдей, продолжавшийся миллионы лет, надо считать наиболее подходящим временем для формирования грегарно-индивидуального отбора. Подобная фаза соединила в себе два противоположных начала: 1) коллективную взаимопомощь, коллективную опеку над слабыми особями, 2) индивидуальную иерархию, борьбу за господство над всеми наиболее сильных, агрессивных представителей³⁶. Благодаря действию первой тенденции шанс выжить и оставить потомство получали особи с менее развитой мускулатурой, менее агрессивные, но с более развитым мышлением. Лучшие перспективы развития получили стада, где все взрослые получали доступ к охотничьей добыче и к половым контактам, где была лучше организована взаимопомощь, слабые от рождения или вследствие ранений могли выжить, обогащая генофонд, накапливая и передавая коллективный опыт. Действие второй тенденции привело к возникновению неравенства, иерархии, системы власти и развитию сильной личности — изобретателей, народных умельцев, шаманов, художников, вождей. Немалую роль в эволю-

ции человеческого общества играли выдвигавшиеся вожаки, обладавшие силой, способностью к убеждению и организации, выполнявшие потестарные, т.е. властные, функции³⁷.

Благодаря единству двух начал человеческий род способен был передавать опыт, информацию и накопленные знания: «в человеческом обществе опыт, приобретенный отдельными, наиболее способными членами, становится достоянием всего коллектива, не теряется для будущих поколений. Иначе обстоит дело с коллективно живущими животными, у которых индивидуальная пластичность поведения, как правило, не закрепляется в коллективном опыте, что вынуждает новые поколения всякий раз начинать с нуля»³⁸. Индивидуально человек прогрессирует, развивая свои физические и духовные способности. Прогрессирует и общество в целом, продвигаясь по пути демократии и цивилизованности, двигаясь от простого к сложному, от традиционного к постиндустриальному обществу. Не только люди обучают друг друга, но и животные. Выдра обучает выдренка плавать, волчица учит волчонка навыкам охоты. Но каждое следующее поколение выдр и волков не становится лучше предыдущего. Благодаря сознанию человек научился не только совершенствовать орудия труда, но и изобрел способы внетелесной передачи информации методом ее кодирования в знаковых объектах (книгах, рисунках, чертежах, ритуалах и т.д.), составляющих носители культуры. В результате современные врачи способны применять не только последние достижения науки и техники, но и использовать методы древнейшей тибетской медицины. Но способны ли животные применять и совершенствовать знания своих предшественников?

Тем не менее, соединение двух механизмов эволюции - индивидуального и группового отбора — не всегда приносит ожидаемые плоды. Как считает В.М. Алексеев: «Сама установка на социальные связи противоречит индивидуальной установке (инстинкту сохранения) животного на борьбу за существование, на то, чтобы выжить и оставить потомство, подавляя в нем важнейшие качества, определяющие поисковую активность, инициативность, агрессивность. Некоторые особи в условиях группового развития оказываются наименее приспособленными к индивидуальному существованию как по физиологическим параметрам (мышечная масса),

так и по уровню агрессивности. Оказываясь вне сообщества, такие особи элиминируют намного вероятнее по сравнению с другими особями, обладающими наибольшими перспективами при движущем отборе. И все же более подготовленные к обособленному существованию особи не выдерживают конкуренции со стороны особей, ведущих групповой образ жизни, поскольку в этом случае они противостоят не обособленным особям, а организации этих особей»³⁹.

Социальность и эвсоциальность⁴⁰

По отношению к насекомым термин «социальное» вряд ли может применяться в том же самом значении, в каком его используют социологи, описывая человеческое общество. Для характеристики форм поведения и типов организации, похожих на человеческие, но, тем не менее, человеческими не являющимися, энтомологи и биологи придумали термин «эвсоциальное» (eusocial). Он включает корень «социальное (общественное)» и приставку «эв», которая придает весьма специфический оттенок всему слову. Эта специфика на первый взгляд выглядит весьма странно, и вот почему.

Эвсоциальный (eusocial) переводится как (очень) общественный, истинно общественный. Энтомологический термин, описывающий большинство высокоразвитых форм обществ (сообществ) животных. К ним относятся колонии муравьев, термиты, осы и пчелы. С приставкой «эв» (eu) образовано немало слов, приобретающих в результате превосходную степень чего-то. Так, эвдемонизм — это этическое направление, считающее счастье, блаженство (греч. eudaimonia) высшей целью человеческой жизни; эвфемизм (от греч. Euphemia) — воздержание от неподобающих слов; эвфуизм (греч. euphuos — благовоспитанный) — изысканно-перифрастический, высокопарный слог; эвристика (от греч. heurisko — отыскиваю, открываю) — специальные методы, используемые в процессе открытия нового (эвристические методы). Эвсоциальность (eusociality)⁴¹ — феномен репродуктивной специализации, присущий некоторым видам живых существ; это означает, что в колонии нерепродуктивных животных существуют специализированные касты, осуществляющие функцию воспроизводства потомства. Наиболее известные примеры - муравьи, осы и пчелы⁴².

Таким образом, приставка «эв» придает слову какое-то превосходящее значение. Получается так, что по отношению к животному миру мы говорим о некой высшей социальности. Но это далеко не так. Более высокой, чем в человеческом обществе, социальности не существует⁴³. Как станет ясно из дальнейшего, эвсоциальность действительно описывает высшую или истинную социальность, но лишь по сравнению с другими, низшими, формами социальности, которые характеризуют самые разные виды общественных насекомых и животных (солитарность, полусоциальность и др.).

У отряда перепончатых насекомых развиты экстенсивное разделение труда, морфологическая специализация и кооперация, существуют касты, за которыми природой закреплены конкретные задачи, например, собирательство, оборона, воспитание. Воспроизводство рода осуществляется избранными и способными к репродукции особями (элитой), которых обслуживают бесплодные рабочие особи. В колонии проживает сразу несколько поколений, которые поддерживают благосостояние сообщества. Сходный уровень социальной организации отмечен у некоторых видов позвоночных. К примеру, крысы имеют кастовую систему, в которой взрослые особи, неспособные к воспроизводству рода, заняты сбором пищи, рытьем и утеплением нор⁴⁴.

Эвсоциальность ученые называют еще **анонимной** характеристикой. Это случилось потому, что насекомые, в отличие от человеческого общества, способны формировать лишь такие сообщества, где особи признают друг друга не как индивидуальности, а только как членов группы⁴⁵. Минимальное количество каст у эвсоциальных насекомых – три: 1) королевы, царицы, матки (фертильные женские особи), основная функция – воспроизводство потомства; 2) рабочие (стерильные женские особи), основная функция – помогать матке в выращивании и воспитании потомства; 3) трутни (пчелиные самцы), основная функция – оплодотворение самки и воспроизводство потомства⁴⁶. У некоторых видов насекомых дополнительными кастами выступают солдаты, защищающие колонию. У других они входят в число основных каст. Далеко не все виды насекомых можно назвать истинно социальными, или эвсоциальными. Социальные качества не закреплены в их гене-

тическом аппарате или в морфологии. Они собираются вместе на очень короткое время – ради производства потомства или выполнения иных функций. Затем распадаются и уже ничто их больше не связывает. Некоторые насекомые даже не нуждаются в партнере, поскольку они двуполые.

Эвсоциальность (eusociality) характеризует лишь три вида насекомых: 1) некоторые Hymenoptera, т.е. перепончатокрылые (муравьи, пчелы и осы), 2) все термиты (Isoptera), 3) тля растительная. Эвсоциальных насекомых (Eusocial insects) выделяют три основные черты:

- **Коллективная забота** о подрастающем поколении;

- **Репродуктивное разделение труда**, подразумевающее наличие сервисных (обслуживающих) каст, стерильных в половом отношении;

- Одновременное существование нескольких **поколений** особей, помощь старшего поколения в выращивании молодых особей⁴⁷.

Таким образом, у многих, но не у всех, эвсоциальных насекомых существуют хозяйственная дифференциация (распределение заданий и разделение труда), кастовая дифференциация (основанная на морфологических различиях особей) и возрастная дифференциация (существование в рамках одной семьи или колонии молодых и старых особей) (табл. 1).

Многие виды эвсоциальных насекомых (муравьи, пчелы и осы) являются гаплодиплоидными⁴⁸ одновременно. У них женские особи имеют две аллели⁵⁰, а мужские – только одну. Как следствие, у них более разнообразная и запутанная система родственных отношений (kin), чем у диплоидных видов. К примеру, гаплодиплоидные особи предпочитают заботиться о своих материях, подкармливая их, а не о своих дочерях или сестрах. В результате у таких насекомых рождаются стерильные касты, не способные к продолжению рода, не занятые заботой о своем потомстве, его выращивании, но все время и силы затрачивающие на обеспечение королевы-матери. Общественные, или социальные насекомые на первое место ставят благополучие рода, а не индивида, поэтому продолжение рода на индивидуальном уровне, равно как и создание семьи в нашем понимании, здесь практически отсутствует⁵¹.

Таблица 1
Примеры эвсоциальных насекомых⁸

Виды	Характеристика	Примеры
Муравьи	Все муравьи эвсоциальны. Королевы-матери и рабочие особи отличаются морфологически. У некоторых типов муравьев рабочие не имеют даже яичников; у других типов рабочие откладывают только яйца мужских особей.	Fire Ants, <i>Solenopsis invicta</i> Pharaohs ants, <i>Monomorium minimum</i> Carpenter Ants, <i>Camponotus Pseudomyrmex</i> .
Пчелы	Многие виды пчел вообще несоциальные существа.	Sweatbees, <i>Lasioglossum</i> Bumblebees, <i>Bombus</i> Honeybees, <i>Apis mellifera</i> Carpenter Bees, <i>Xylocopa</i>
Осы	Некоторые виды ос эвсоциальные, но многие таковыми не являются.	Paper Wasps, <i>Polistes</i> Yellowjackets, <i>Vespula</i> Stenogastrine wasps Tropical Wasps, <i>Epiponines</i> , <i>Polybia</i>
Термиты	Все термиты являются социальными. У них есть мужские и женские особи-рабочие, хотя большинство социальных насекомых диплоидны ¹ . Часто у них есть король и королева.	
Тля ² и трипс ³	Некоторые виды тли и трипса эвсоциальны. Когда формируются их скопления, стерильные особи способны выполнять только функции защиты (солдаты), но не воспроизводства и воспитания. В результате этот вид насекомых не способен создавать более продвинутые общества.	

¹ Диплоид (от греч. *diploos* — двойной и *eidos* — вид), клетка или особь с двумя гомологичными наборами хромосом.

² Тля - мелкое насекомое, длиной 1 - 3 мм, ползающее и летающее, в основном, зеленого цвета.

³ Трипс - маленькое крылатое насекомое темно-бурого цвета.

Насекомые, образующие крупные скопления, не обязательно являются эвсоциальными, т.е. истинно общественными. Пчелиная семья — великолепно организованный, очень гибкий, простой в своем естественном совершенстве и в тоже время беспредельно сложный мир. Сообщества состоят из десятков тысяч особей. Каждая особь (рабочая пчела, матка, трутень) развивается из отдельного яйца и является в известном отношении самостоятельным организмом. Тем не менее, ни одна из них не в состоянии жить отдельно⁵². Пчела очень быстро, бук-

вально за несколько часов, умирает, если оказывается в одиночестве. Семьи медоносных пчел складывались в разных природно-климатических условиях и географических зонах, которые привели к возникновению форм, существенно отличающихся друг от друга.

Про общественных насекомых, писал Конрад Лоренц в своей книге «Агрессия (так называемое «зло»)», с давних пор известно, что их сообщества, зачастую насчитывающие до нескольких миллионов членов, по сути дела являются семьями, поскольку состоят из потомков

одной - единственной самки или одной пары, основавшей колонию. Пчелиная семья состоит из одной матки, нескольких десятков тысяч рабочих пчел (от 15-20 до 80-100 в разное время года) и нескольких сотен, очень редко 1-2 тысячи трутней, живущих только в летнее время. Выполняемые особями функции строго разделены, отсюда тесная и практически полная зависимость как друг от друга, так и от всего сообщества. Во главе пчелиной семьи находится пчела-матка, основная функция которой состоит в производстве потомства. Вся работу «по дому» выполняют пчелы-работницы, а появляющиеся в летний период трутни – пчелы-самцы – пригодны только для оплодотворения матки. Поскольку главные действующие лица пчелиной жизни – матка и рабочие пчелы – женские особи, пчелиный улей можно назвать эволюционным торжеством *матриархата*. Впрочем, он царит и у других социальных насекомых, в частности муравьев.

С этих позиций пчелиный рой и муравейник представляют собой практически полный аналог (или прообраз?) человеческого общества, в котором так же, как и у нас, существует неравенство, но только биологически, а не статусно обусловленное⁵³. Они, так же, как и человеческое общество, сложно организованы, у них существуют и разделение труда, и специализация, и свой язык, на котором «разговаривают» муравьи (запах) и пчелы (танец). По своим делам, подчиняясь инстинктивной программе, одновременно направляются тысячи муравьев, каким-то странным образом координируя совместные действия. Поэтому муравьев, как и многих других живых существ, ведущих совместный образ жизни, сторонники такой концепции называют социальными животными. Об этом писал еще Аристотель. Его удивляла способность маленьких существ к согласованным действиям, кооперации и разделению труда, образованию иерархического сообщества, четкому порядку и подчинению.

Социобиологи различают несколько уровней организации групповой жизни. Ученые-энтомологи выделяют следующие **степени (уровни) социальности:**

1. Солитарность (solitary – обособленность) – отсутствие репродуктивного разделения труда, сосуществования поколения и воспитания поколения;

Субсоциальность – родительская забота о молодых особях;

Коммунальность – представители одного поколения живут в одном месте (рой, стадо, гнездо), но у них отсутствует забота об отпрысках;

Квасисоциальность – представители одного поколения живут в одном месте (рой, стадо, гнездо) и у них есть забота о выводке;

Полусоциальность – дополнительно к квасисоциальности существует репродуктивное разделение труда;

Эвсоциальность – дополнительно к полусоциальности присутствует совместное проживание нескольких поколений особей⁵⁴.

В некоторых источниках квасисоциальность и полусоциальность (semisocial) входят в качестве подвидов в субсоциальность⁵⁵. В других источниках вводится термин «парасоциальность», куда включают коммунальность и квасисоциальность⁵⁶.

Благодаря ранжированию социальных насекомых по уровню развития у них общественных связей становится понятным то, почему энтомологи называют эвсоциальность истинной социальностью (truly social). Эвсоциальность находится на самой вершине эволюционной пирамиды и включает все, а не часть, признаков, выделяющих общество животных: социализацию, многопоколенность и разделение труда.

У одного и того же вида, как правило, встречается все многообразие уровней социальности, которые характеризуют тот или иной подвид. Среди пчел существуют солитарные, эвсоциальные, полусоциальные и коммунальные подвиды. Около 1000 их подвидов проживают в небольших колониях, где правит балл королева-мать с несколькими дочерьми-работчицами. Колонии эвсоциальных пчел, а их несколько сот разновидностей, представляют собой сложные, высоко координированные общества. Матка, окруженная обслуживающими ее репродуктивные функции особями, руководит коллективным процессом воспитания молодого поколения⁵⁷. Внутри колонии особи выполняют узкоспециализированные функции. Они общаются между собой посредством «химических посланий», прикосновений, звуков и символических танцев. Гнездо представляет сложное архитектурное сооружение с множеством галерей, тай-

ных ходов, запасных выходов, отделений, камер и помещений⁵⁸. Функции защиты, сбора и хранения пищи, воспроизводства, равно как и другие виды деятельности, регулируются автоматически. Биологический механизм управления колонией (роем) реагирует на изменение условий существования вне и внутри улья.

Насекомых называют коммунальными, если особи одного поколения занимают одно составное гнездо, но каждая заботится только о собственном потомстве. У полусоциальных видов существует репродуктивное разделение труда между половой кастой и стерильными рабочими особями, однако все они относятся к одному поколению. В гнездах эвсоциальных таксонов, кроме различных каст, присутствует несколько рабочих поколений: старшие заботятся о своих младших братьях и сестрах. Полная эвсоциальность известна только в двух отрядах насекомых — у термитов (Isoptera) и перепончатокрылых (Hymenoptera). Все муравьи эвсоциальны, тогда как у пчел и ос встречаются разные уровни социальной организации⁵⁹.

Подавляющее большинство пчел — солитарные (создают общее гнездо), некоторые их виды — коммунальные (плюс к тому в нем проживает несколько поколений). Совсем немногие разновидности пчел проживают маленькими колониями и относятся к полусоциальным насекомым.

Основными причинами, обеспечившими успех социальным насекомым в межвидовой борьбе, ученые называют:

! Синхронное выполнение заданий: фуражирование, воспитание потомства, забота о жилище, воспроизводство. При повышенном уровне активности насекомые не мешают и не вредят друг другу.

! Рабочие особи наводят порядок и решают проблемы благодаря высокому уровню кооперации и сотрудничества, на что неспособны солитарные насекомые. Сюда относятся защита от врага, строительство гнезда, забота о молодежи, кооперация во время охоты и собирательства.

! Разделение и специализация труда служат залогом успешного поддержания равновесия (гомеостаза): ресурсное обеспечение колонии, поддержание и управление микроклиматом в гнезде, соответствие кастовой конструкции колонии экологическим условиям местности⁶⁰.

В эволюционной борьбе каждое животное выступает само за себя. Однако по неустановленным причинам возникают колонии и сообщества, где каждый готов пожертвовать собой ради общего блага. Подобную самоотверженность объясняют генетическим сходством особей. Теория родственного отбора (kin selection theory) долго служила базой для обоснования эволюции эусоциальности пока не появилась стандартная гипотеза репродуктивной пригодности, согласно которой число насекомых, которые бескорыстно способствуют благоденствию своих общин, но сами по себе не производят потомство, должно стремиться к нулю⁶¹. Они не имеют права существовать, это аномалия, но они повсеместно распространены, и их колонии сказочно процветают. Всего 2% насекомых эусоциальны, но на их долю приходится две трети биомассы насекомых⁶². Теория выбора родственников объясняет данный феномен очень просто: общественные (эусоциальные) животные — носители общих генов. Именно этим и определяется социальная кооперация⁶³. Но сегодня и эта теория поколеблена: эусоциальность (или «настоящая социальность») обнаружена у термитов и тлей, раков-щелкунов и голых землекопов, не связанных генетическим родством⁶⁴. А это значит, что между эусоциальностью и генетическим родством нет жесткой корреляции. Ученые предлагают считать колонию единым организмом, где отдельная особь — это отдельная клетка. Похожим образом из стволовых клеток вырастает организм, в котором каждый элемент выполняет свои функции ради общего блага. Королева, к примеру, выступает аналогом половой клетки. А самопожертвование отдельной особи должно удивлять не больше, чем «альтруизм» белого кровяного тельца. Никакого «родственного отбора» в таком случае не требуется. Такой механизм эволюции возникает очень редко, но и эусоциальность возникла всего 10–20 раз в истории. Человеческая кооперация имеет иную природу. Здесь дело не в генетике, а в сознании и культуре⁶⁵.

Гармония, утопия, конфликты

В муравьином социуме некоторые авторы стремились увидеть воплощение социальной утопии, недостижимое в человеческом мире. С их слов, в муравейнике якобы царят равенство, братство и справедливость: каждый вовремя

накормлен и защищен, никто не обижен, все друг друга любят, постоянно заботясь о слабых⁶⁶. Муравьиная царица не захватывает чужое имущество и не разоряет низшие касты, поэтому муравьи-рабочие не ходят толпами, выкрикивая «Долой царицу и ее клику!». Правда, смеяна правительства в муравейнике выглядит весьма жестоко: захворавшую царицу выбрасывают из уютных апартаментов. У социальных насекомых, как и при коммунизме, все общее: общее имущество, общие заботы, общая судьба и даже дети. Они не знают своих родителей, поскольку института родительства у социальных насекомых не существует. У одной царицы-матери от разных отцов вылупляется огромное количество отпрысков, которые являются достоянием всей муравьиной республики. И заботятся о них все без исключения. Правда, в отличие от человеческого общества, дитя у семи нянек не остается без глаза: муравьиная молодежь вырастает здоровой, крепкой, трудолюбивой. Муравьи не перекадывают друг на друга свои обязанности, поскольку они пожизненно, на генетическом уровне, закреплены именно за ними⁶⁷. В муравейнике, как и в улье, всё происходит по законам природы: «У муравьев нет ни сотовой связи, ни компьютерных сетей, ни электричества, ни даже парового отопления. Нет у них ни министерств, ни ведомств, ни даже самой простенькой демократии. Наконец, они мелки, города их хрупки, и любой может шутя разрушить муравьиный мегаполис. Они никогда не создают вакцин против своих муравьиных болезней, не слетают на Луну и не построят хотя бы игрушечный танк. Всё это так. За универсальное совершенство своего маленького мира муравьи расплатились дорогой ценой. Но справедливое и гармоничное общество муравьев существует десятки миллионов лет, а наша цивилизация — чуть больше пятидесяти веков»⁶⁸.

Возможно, что эволюция муравьиного общества происходила в том же направлении, что и человечества — от неравенства к равенству, от автократии к демократии, от иерархии к сетевым структурам. Что тогда — правы певцы муравьиной утопии? Социальные насекомые, считают ученые, в ходе эволюции утратили принцип иерархического построения колонии. Когда-то одна из самок в результате борьбы монополизировала кладку яиц. Но со временем она утратила преимущества, даваемые высоким рангом,

у нее остались только обязанности класть яйца. Мы называем ее царицей, но она никем и ничем не управляет. Та же эволюция сформировала касту рабочих муравьев, которой было отказано в воспроизводстве последующих поколений. Архаическое разделение на ранги не устояло перед равенством всех особей, диктуемым запрограммированным инстинктом благополучия всей семьи⁶⁹.

Тогда и вправду эволюционная линия развития муравьев — от организма к сверхорганизму. Сверхорганизм — удивительное явление, свойственное немногим видам так называемых социальных насекомых. В нем царит принудительный мир. Он завершил долгую эволюцию, прошедшую через множество внутренних конфликтов. Сегодня становится все яснее, как много сделала эволюция для социальных насекомых, преодолев поистине неразрешимые противоречия, некогда раздиравшие муравьиные коллективы⁷⁰.

Муравьиная эволюция сходна с человеческой и в другом — в движении от неразвитого разделения труда к развитому. Первоначально, считает знаток общества насекомых известный социобиолог Е. Уилсон⁷¹, в муравейнике не было ни разделения труда, ни каст. Царица-матка и ее дочери выполняли весь круг работ по «дому» — от сбора пищи до заботы о потомстве. Однако позже появилось то и другое. Вначале произошло генетическое разделение на плодоносящих и бесплодных особей, затем — хозяйственное, а после этого — эвосоциальное на касты, выделенные не по экономическим, как у людей, а по морфологическим критериям.

Так ли уж безобидно на самом деле муравьиное царство? Так ли оно безоблачно, гармонично и радостно? Эволюция действительно достигла немало. Победили муравьиные демократии, не разделенные на ранги. Колонии, освобожденные от ссор и междоусобиц, быстро разрастались. Возникли блуждающие виды, например, так называемые армейские муравьи, обосновавшиеся в Америке. Они сотнями тысяч шествуют через леса, уничтожая всех, кто не может убежать с их дороги. А в раскаленных песках Сахары каждое утро сотни тысяч муравьев вида *Cataglyphis bicolor* выходят, чтобы собирать для колонии в качестве корма трупы мертвых насекомых. Одни муравьи убивают своих, другие питаются останками чужих, но то и дру-

гое – жертвы войны, а не мира. Так может быть на смену иерархии пришла не только демократия, но и социальный (социобиологический) хаос?

Мир муравьев чрезвычайно разнообразен. И не только в силу региональной специфики, заставляющей одних принимать гигантские, а других микроскопические размеры, одних быть рыжими, а других – черными, одним тесниться в переполненном мегаполисе, а другим уютно устраиваться почти в деревенской тиши и заниматься фермерским хозяйством. Существующие ныне муравьи, и в этом ученые правы, находятся на разных эволюционных фазах.

Начиная с середины 1960-х годов энтомологи все внимательнее изучают внутреннюю жизнь муравьиного общества и выясняют о нем все новые подробности, которые не всегда укладываются в существующие стереотипы. Действительно, в ряде случаев муравейник устроен на удивление гармонично, и миллионы маленьких граждан взаимодействуют как некий сверхорганизм. Но часто сообщество раздрают внутренние противоречия и конфликты. Взаимоотношения между муравьями одного вида, не говоря о еще более сложных межвидовых взаимоотношениях, не так просты и гармоничны, как это может показаться на первый взгляд. В это мире обнаружены конфликты, соперничество, убийства, поедания, калечение, не кормление, паразитирование, рабовладение и множество иных пороков, которые, как считалось прежде, принадлежат лишь человеческому обществу⁷².

Классическое государство муравьев, с давних времен служившее для человека образцом совершенства, в действительности не перестает испытывать сильное внутреннее напряжение. Муравьиные сообщества волнуют не только постоянные конфликты с воспроизводством молодняка⁷³. Более сложная проблема встает из-за близкого родства всех членов сообщества: когда родственные гены господствуют в такой монокультуре, есть все условия для внедрения в колонию паразитов. Оказалось, что «в муравейнике, где все муравьи – сестры и братья, разводятся тысячи тунеядцев. Когда муравьиная колония переезжает на новую квартиру, сторонний наблюдатель сможет вволю посмеяться: помимо собственных личинок и куколок работницы тащат целый зоопарк клещей, тараканов,

пауков, чешуйниц, жуков и мух, которые выдают себя за друзей муравейника и кормятся от него. Жук атемелес... располагает целым арсеналом желез, благодаря которым он легко подделывает запах своих кормильцев; большего не требуется. Муравьи сами заносят дармоеда в святая святых – инкубатор, где вызревают личинки колонии. Здесь нагнец обустроен с комфортом: отдыхает, чистится и кормится – пожирает личинки»⁷⁴.

Первой причиной дисгармонии служит несходство генетических программ, по которым построены базовые касты в муравейнике. Одни особи могут откладывать яйца, другие лишены детородных функций, хотя по половому признаку они относятся к женщинам. Стало быть, желание продолжать род у них сохранилось, но оно заблокировано. Как следствие, между двумя одинаково мощными биологическими программами – коллективно-запретительной и индивидуально-разрешительной – возникает противоречие, затем – напряжение, и в конечном итоге оно проявляется в протестном поведении. В колониях, где матка не обладает монополией на яйцекладку, царит хаос, идут непрерывные стычки из-за прав на продолжение рода. Муравьи затрачивают на соперничество больше времени, чем на работу. А когда кладка завершена, некоторые стремятся сожрать яйца соперников⁷⁵.

Дело доходит до брато-, сестро- и матерубийства. Самцы муравьев родственны с самками всего лишь на 25%, у них нет отцов, поскольку появляются самцы из неоплодотворенных яиц. Случается, что матка производит слишком много братьев, и тогда самоотверженные сестры убивают сотню-другую мужских личинок. Богатые белком личинки скормливаются женским отпрыскам⁷⁶. Но гибель мужских личинок – утрата для царицы-матери, которая, во-первых, состоит в одинаковом родстве как с дочерьми, так и с сыновьями, во-вторых, лишается продолжателей рода, которые однажды оплодотворят молодую матку другого государства и станут основателями родственной колонии.

Американские исследователи, обобщив многочисленные факты о конфликтах в мире муравьев, пришли даже к выводу, будто не гармония, а противоречия и столкновения – основной мотив эволюции данного вида⁷⁷. Появились два новых понятия – *intergenomic conflict*

intragenomic conflict. Первое характеризует межвидовой конфликт — борьбу разных видов и колоний муравьев, второе — внутривидовой конфликт, или столкновение между кастами, представляющими социальную структуру муравьиной колонии. Однако вскоре и этого оказалось мало. Обнаружился новый тип конфликта — генетический⁷⁸. Казавшийся некогда простым и гармоничным муравьиный организм оказался куда более сложным и более противоречивым. Его биологическая программа состоит из разных генетических подпрограмм, которые, развиваясь по-разному, вызывают разрыв репродуктивных функций. Митохондрия передается исключительно по материнской линии, в то время как ядерные гены (*nuclear genes*) в равной мере наследуются мужскими и женскими особями⁷⁹.

Лучшее средство преодолеть генетический конфликт — спаривание царицы-матки со многими самцами. В результате генетического перемешивания обогащается наследственный генофонд вида, и все члены колонии приобретают одинаковую степень родства. Так поступают, в частности, муравьи-листорезы, создавшие самые высокоразвитые на Земле сообщества насекомых. Специалисты называют это «генетической гармонизацией»⁸⁰. Правда, есть риск, что развитие семьи примет опасное направление. Чем больше число разных отцов у рабочих сестер, тем тоньше между ними родственные связи. Через несколько поколений может вернуться древний принцип: рабочие муравьи станут снова сами производить потомство.

Впрочем, войны у муравьев случаются куда реже, чем может себе представить человек, поскольку они соблюдают границы своих владений и снисходительно относятся к добыткам, забредшим на их территорию. В отличие от людей, во время войн муравьи не жгут чужих домов, не разбивают муравьям головы об угол и не насилюют молодых самок. Существуют в муравьином царстве свои изгои, неприкасаемые, маргиналы (*интеркасты*)⁸¹.

Поскольку разные виды муравьев находятся не на одинаковых эволюционных стадиях, у них господствуют различные формы социального устройства. В тропиках обнаружили маленькие колонии, где происходят постоянные распри. У них сохранились обычаи, свойственные ранним стадиям эволюции. Так, например, у подвидов

Ponerinen рабочие сестры против обыкновения откладывают яйца. Между ними часто возникают единоборства в стремлении решить спор: кто больше отложит яиц в общую камеру для выращивания. Схватки за жизненное пространство неизбежны там, где царица не добилась монополии на кладку яиц. Часто проходит неделя, пока в мятежном муравейнике не установится покой. Конфликты порой занимают больше времени, чем работа. Так было и в давние эпохи муравьиной эволюции. Эти древнейшие муравьи все еще живут при многоступенчатой иерархии.

Другие виды в ходе эволюции отказались от иерархии⁸². Когда-то они делегировали для кладки яиц матку, которая только считается главной царицей, но фактически ничего не решает. А каста работниц отказалась от продолжения рода и тем самым от соперничества в пользу своих плодovitых сестер. У них сильнее развиты демократические начала, и они каким-то образом достигают согласия между морфологически различными кастами внутри сообщества. Инстинкт равноправных существ запрограммирован на всеобщее благо. И это сразу принесло необычайный успех: в муравейники вернулись спокойствие и рабочая дисциплина. Колонии, свободные от внутренних распри, вырастают до колоссальных размеров. Муравьи-солдаты миллионными колоннами патрулируют окрестности империи и уничтожают все, что не пускается наутек⁸³.

Вряд ли правы те, кто утверждает, будто история муравьев — это история борьбы за выживание. В таком случае и человеческая история — непрекращающаяся война. На самом деле генезис социальных насекомых, равно как генезис и история человеческого общества, знали самые разные периоды, как мирные, так и немирные. Да и сами сообщества неоднородны по составу. Не только у насекомых, но и у людей разные страны находятся на различных исторических и эволюционных ступенях: кто-то живет при родовом строе или феодализме, а иные шагнули в технотронную эпоху. Отсюда разные интересы, ценности и идеалы, разные традиции и методы борьбы, разное представление о справедливости передела геополитической карты мира.

Действительно, внешнее сходство человеческого общества и животного социума весьма

обманчиво. Герберт Спенсер предостерегал от подобного отождествления, указывая, что, в отличие от человеческой общины, совокупность обитателей любого муравейника, термитника, пчелиного роя — это всегда *дети одной и той же матери*, то есть, независимо от своих размеров, сообщества «общественных насекомых» представляют собою не что иное, как *одну единственную семью*. Поэтому даже *рода* как такового у них нет. Человеческое же общество на самом деле является *результатом эволюции* природы, а не просто одной из ее составных органических частей. И, поскольку оно *выделилось* из природы, постольку оно действительно в известном смысле *противостоит* ей. Так что выражение «социальные животные», относимое к муравьям и пчелам, остается скорее метафорой, нежели строгим научным понятием. Поведение муравья *генетически запрограммировано* на выполнение определенного комплекса видов деятельности. В отличие от членов человеческого общества, каждое из этих насекомых просто не в состоянии переключиться на другие, не известные им прежде, или просто принципиально новые виды деятельности. Биологически (на генетическом уровне) запрограммировано у насекомых и *сотрудничество*: помогая друг другу транспортировать тяжелый предмет, муравьи действуют инстинктивно⁸⁴. В социологическом же смысле они не взаимодействуют. Социальное взаимодействие (или, как его называют по англоязычной кальке, — *интеракция*) возможно только там, где есть мыслящие⁸⁵ индивиды, обладающие осознанными намерениями, целями, потребностями и интересами, при этом оно всегда носит в гораздо большей степени *стохастический*, нежели жестко детерминированный характер.

Гармония часто достигается очень дорогой ценой — за счет подавления индивидуальных интересов и разнообразия. Некоторые авторы полагают, что муравейник напоминает не современное плюралистическое общество, а тоталитарное государство или фашистский строй, где все одето в униформу и осуществляется по единому стандарту. По мнению Б. Холлдоблера, у многих видов разделение обязанностей в колонии зашло так далеко, что муравьи на всю жизнь генетически заключены в рамки той «специальности», которую они получают, еще не увидев солнечного света. Такая колония живет

как единый сверхорганизм, из него никто не может убежать или поменять в нем свое положение⁸⁶. Если муравейник и напоминает человеческое общество, то это общество закрытого типа с жесткой системой предписанных статусов: если родился рабочим, то останешься им на всю жизнь, если родился солдатом, будешь только солдатом. Строгая иерархия, жесткая специализация, отсутствие социальной мобильности, свободы действий, неподвижная социальная структура и инстинктивный автоматизм поведения — характерные черты муравьиного общежития. Здесь отсутствует семья как основная ячейка общества, нет частного пространства и личной жизни, отношения между поколениями, радости наслаждения дружескими чувствами и интимными отношениями. Зато внешне муравейник — социально отлаженная и высоко стабильная общественная система⁸⁷.

Люди уникальны. Правда, не так, как раньше думали. Попугаи могут говорить, обладают зачатками логики и математики. Попугаи и вороны могут решать проблемы. Белки и обезьяны — хитрые преступники, превосходящие городскую шпану в своей изобретательности. Слоны известны как заядлые художники. Мы, вероятно, еще не понимаем интеллекта китообразных. Просто людям легче оперировать с предметами и интеллектуально развиваться. С вертикальной позицией, крупным мозгом и противостоящим большим пальцем руки проще переделывать мир под себя, подчинять себе другие виды животных, превращая флору и фауну в свою кормовую базу, а недра планеты — в карьер для добычи полезных ископаемых.

В каждом из нас глубоко скрыт процесс антропосоциогенеза, и, возможно, не все из нас прошли его до конца, застряв на промежуточной стадии. Наше прошлое таит в себе гораздо больше загадок, чем думал Ч. Дарвин, создавший единую и, казалось бы, непоколебимую теорию происхождения всего живого на Земле. Эволюционная теория, предложенная Чарльзом Дарвином, до сих пор не имеет ни серьезного опровержения, ни доказательства. Мы еще не полностью знаем, как происходит дрейф генов, хотя о дрейфе континентов нам известно гораздо больше. По мнению экспертов, реки человеческих генов и генов шимпанзе отделились

от общего родового источника между 5 и 7 миллионами лет назад, в то время как река генов горилл разветвилась немного раньше. Для того чтобы видообразование произошло, три популяции общих предков обезьян (будущих горилл, шимпанзе и гоминид) должны географически разделиться. И главным таким географическим фактором стал исход древних людей вида *Homo sapiens* из Африки и последующее расселение по всем континентам 60 тыс. лет назад⁸⁸.

Формально антропогенез завершился, начался процесс социогенеза. Но по существу и в наши дни исход из древней родины человечества продолжается — сотни тысяч африканцев бегут в Европу от войн, терроризма, голода, нищеты, бесправия, которые им столетия назад принесли европейские колонизаторы, мнящие себя вершиной социального и культурного прогресса человечества.

Ссылки:

1 В основу статьи положена материалы, опубликованные автором в ряде изданий, в том числе: Кравченко А.И. Культурология: Учеб. пособие для вузов. — М.: Академический проект, 2000; Культура и культурология: Словарь / Сост. и ред. А.И.Кравченко. М.: Академический проект, 2003; Кравченко А.И. Социальная антропология: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2003; Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. В 15 томах. Т. 4. Общество: статика и динамика — М.: ИНФРА-М, 2004; Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. В 15 томах. Т.8. Социализация и образование. М.: ИНФРА-М, 2005; Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. В 15 томах. Т.9. Возрасты человеческой жизни. М.: ИНФРА-М, 2005; Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. В 15 томах. Т. 10. Гендер. Семья. Родство. М.: ИНФРА-М, 2006; Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. В 15 томах. Т. 11. Культура и религия. М.: ИНФРА-М, 2007; Добренков В.И., Кравченко А.И. Социальная антропология. Учебник. М.: Инфра-М, 2015; Кравченко А.И. Социокультурная антропология: учебник. М.: ИНФРА-М, 2018.

2 Alford Alan F. The Mystery of Homo Sapiens: A Brain Teaser for Darwin // https://www.bibliotecapleyades.net/ciencia/esp_ciencia_life03.htm

3 Сегодня его принято называть *Homo sapiens sapiens*.

4 Alford Alan F. The Mystery of Homo Sapiens: A Brain Teaser for Darwin // https://www.bibliotecapleyades.net/ciencia/esp_ciencia_life03.htm

5 Источник: <http://www.vokrugsveta.ru/news/6114/>

6 Источник: <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/theory/137/>

7 Источник: <http://www.vokrugsveta.ru/news/6894/>

8 Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966.

9 Подробнее см.: Кравченко А.И. Антропо-социогенез (Социальная антропология) // <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0128859:article?vnum=25700>

10 Несмотря на последние открытия археологов и антропологов, научная теория антропо-социогенеза пока еще не пересматривалась.

11 Шестопапов И.П. Биосфера и ноосфера В.И. Вернадского // http://advsoft.1september.ru/fiz/1999/no46_1.htm

12 Кейп Р. Мозг человека и беспомощность престарелых // Третий возраст. Импакт: Наука и общество, 1990, № 1.

13 Источник: <http://www.infox.ru>

14 Вид, к которому относится знаменитая Люси.

15 Balter M. Score One for Hunting at Olduvai // *Science*. 2010. V. 329. P. 1464–1465.

16 Childe V. Gordon. *Society and Knowledge*. N.Y., 1956. P. 9.

17 Lenski G., Lenski J. *Human societies: an introduction to macrosociology*. N.Y.: McGraw-Hill, 1974.

18 Сапиентация (сапиентизация) - процесс прогрессивных изменений в человеке и в человеческом обществе на базе развивающегося разума.

19 Шестопапов И.П. Биосфера и ноосфера В.И. Вернадского // http://advsoft.1september.ru/fiz/1999/no46_1.htm

20 Lenski G. *Human societies. A macrolevel introduction to sociology*. N.Y.: McGraw Hill Book Co., 1970. p.39.

21 Кейп Р. Мозг человека и беспомощность престарелых // Третий возраст. Импакт: Наука и общество, 1990, № 1. с.31.

22 См.: Amer. J. Phys. Anthropol., 1997, Suppl. № 24, p. 210.

23 Wilson E. O. One giant leap: how insects achieved altruism and colonial life // *Bioscience* 58,

- 17–25 (2008); Queller D.C., Strassmann J. E. Kin selection and social insects // *Bioscience* 48, 165–175 (1998)
- 24 Costa J.T. *The Other Insect Societies*. Harvard Univ. Press, 2006.
- 25 Лачинов В. Муравей себе на уме // http://www.poptsov.ru/alfavit/archives/1999/49_99/5.htm
- 26 Frank S.A. *Foundations of Social Evolution*. Princeton Univ. Press, 1998.
- 27 Песков В. Дворцы из глины // *Комсомольская правда*, 2001, 25 мая.
- 28 Hughes W.O.H., Boomsma J.J. Genetic diversity and disease resistance in leaf-cutting ant societies // *Evolution* 58, 1251–1260 (2004)
- 29 Heylighen F., Campbell D.T. Selection of Organization at the Social Level: obstacles and facilitators of metasystem transitions // *World Futures: the Journal of General Evolution*, 1995. 45, p. 181-212.
- 30 Misra B. The tiny world of Ants // <http://209.196.185.114/earth/ants/>
- 31 Ross K.G., Keller L. Genetic control of social organization in an ant // *Proc. Natl Acad. Sci. USA* 95, 14232–14237 (1998)
- 32 Соловьев В.С. *Оправдание добра. Нравственная философия*. Том 1. М.: Мысль, 1988
- 33 Rousset F. *Genetic Structure and Selection in Subdivided Populations*. Princeton Univ. Press, 2004.
- 34 Nowak Martin A., Tarnita Corina E., Wilson Edward O. The evolution of eusociality // *Nature*. Volume 466, 1057–1062 (26 August 2010).
- 35 Schwander T., Rosset H., Chapuisat M. Division of labour and worker size polymorphism in ant colonies: the impact of social and genetic factors // *Behav. Ecol. Sociobiol.* 59, 215–221 (2005)
- 36 Wilson E.O., Hüllendobler B. Eusociality: origin and consequence // *Proc. Natl Acad. Sci. USA* 102, 13367–13371 (2005)
- 37 *The Genetics of Social Evolution* / eds Breed, M. D. & Page, R. E. Jr. Westview Press, 1989, 61–80.
- 38 Человек и общество. Кн. 1. Что такое общество? /Под редакцией В.И.Купцова. - М.: Изд-во МГУ, 1993. с.28.
- 39 Алексеев В.М. Физические принципы антропосоциогенеза (2001) // <http://valexeev.narod.ru/dem1.htm>
- 40 *Behavioral Ecology and Sociobiology*. Vol. 47, Issue 5 (2000). pp 293-303; Alexander R.D., Noonan K.M., Crespi B.J. The evolution of eusociality // *The Biology of the Naked Mole-rat*. /Ed. by P.W. Sherman, J.U.M. Jarvis, & R.D. Alexander. Princeton: Princeton University Press, 1991. pp. 3-44.
- 41 Иногда термин «эвсоциальность» записывается так: (eu)sociality.
- 42 Wikipedia encyclopedia, 2002 // <http://www.wikipedia.org/wiki/Eusocial>
- 43 Thorne B.L., Breisch N.L., Muscedere M.L. Evolution of eusociality and the soldier caste in termites: influence of accelerated inheritance // *Proc. Natl Acad. Sci. USA* 100, 12808–12813 (2003)
- 44 Eusocial // *A Dictionary of Biology*. Oxford: Oxford University Press, 2000
- 45 См.: Sherman Paul W., Jarvis Jennifer U.M., Alexander Richard D. (Eds). *The Biology of the Naked Mole-Rat*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991.
- 46 Caste // *A Dictionary of Biology*. Oxford: Oxford University Press, 2000
- 47 См.: Wilson E. *The Insect societies*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1976.
- 48 Дается по источнику: Eusocial insects // <http://es.rice.edu/projects/Bios321/eusocial.insect.html>
- 49 Яйцеклетки живых существ, у которых ядра с гаплоидным (одинарным) и диплоидным (двойным) набором хромосом. Диплоидный набор содержит полный набор хромосом (по одной хромосоме в каждой паре от матери и от отца), гаплоидный - неполный набор.
- 50 Аллели (от греч. allelon – друг друга, взаимно) (аллеломорфы), различные формы одного и того же гена, расположенные в одинаковых участках (локусах) гомологичных (парных) хромосом; определяют варианты развития одного и того же признака.
- 51 Traulsen A., Nowak M. A. Evolution of cooperation by multilevel selection // *Proc. Natl Acad. Sci. USA* 103, 10952–10955 (2006)
- 52 Nowak M.A. Five rules for the evolution of cooperation // *Science* 314, 1560–1563 (2006)
- 53 West S.A., Griffin A.S., Gardner A. Evolutionary explanations for cooperation // *Curr. Biol.* 17, R661–R672 (2007)
- 54 Crow G. *Social Solidarities*. UK: Open University Press, 2002; Bonaeau E. 1997. Self-organization in social insects // *Trends In Ecol Evol.* 12: 188-193; Foin T. et al. 1998. Kin selection and social insects // *Bioscience*. 48: 165-176; Queller D. et al. 2000. Unrelated helpers in social insects // *Nature* 405: 784-787; Thorne B. 1997. Evolution of eusociality in termites // *Annual Review Of Ecology And Systematics*. 28: 27-55.
- 55 Insect sociality // <http://courses.washington.edu/insects>

- 56 Insect societies // <http://loki.stockton.edu/~cromartw/Entomology/social1.html>
- 57 Hunt J.H. The Evolution of Social Wasps. Oxford Univ. Press, 2007.
- 58 The Social Biology of Wasps / eds Ross, K. G. & Mathews, R.W. Comstock Pub. Associates, 1991, p.33–73.
- 59 Муравьи // Энциклопедия «Кругосвет», 2001
- 60 Social Insects // <http://www.d.umn.edu/~tcrraig/EntEusocial.htm>
- 61 Nowak Martin A., Tarnita Corina E., Wilson Edward O. The evolution of eusociality // Nature. Volume 466, 1057–1062 (26 August 2010).
- 62 Jones, J. C., Myerscough, M. R., Graham, S. & Oldroyd, B. P. Honey bee nest thermoregulation: diversity supports stability. Science 305, 402–404 (2004)
- 63 Fletcher J.A., Doebeli M. A simple and general explanation for the evolution of altruism // Proc. R. Soc. Lond. B 276, 13–19 (2009)
- 64 van Veelen M. Group selection, kin selection, altruism and cooperation: when inclusive fitness is right and when it can be wrong // J. Theor. Biol. 259, 589–600 (2009)
- 65 Теория эволюции эусоциальности от Эдварда Уилсона // <http://nauka21vek.ru/archives/7304>
- 66 Evolutionary Ecology of Social and Sexual Systems: Crustaceans as Model Organisms / eds Duffy, J. E. & Thiel, M. - Oxford Univ. Press, 2007, p.387–409.
- 67 Johns P.M., Howard K.J., Breisch N.L., Rivera A., Thorne B.L. Nonrelatives inherit colony resources in a primitive termite // Proc. Natl Acad. Sci. USA 106, 17452–17456 (2009)
- 68 Муравейник // <http://www.star.spb.ru/~felix/apn/COLL/NW/STORY062.HTM>
- 69 Александровский Г. Эволюция муравьев длится 100 миллионов лет. Как оценить ее в век компьютеров и генетики? (По материалам журнала «Der Spiegel») // <http://www.follow.ru/article/234>
- 70 Animals and Societies: Theories and Facts / eds Itf, Y., Brown, J. L. & Kikkawa, J. Japan Scientific Societies Press, 1987, p. 1–16.
- 71 Wilson E. O. The insect societies. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971.
- 72 Schmid-Hempel P. Parasites of Social Insects. Princeton: Princeton U.P., 1999.
- 73 Clutton-Brock T. Cooperation between non-kin in animal societies // Nature 462, 51–57 (2009)
- 74 Богомолова В. Легко ли быть муравьем? // <http://kokshetau.online.kz/ot/40.htm>
- 75 Богомолова В. Легко ли быть муравьем? // <http://kokshetau.online.kz/ot/40.htm>
- 76 Khila A., Abouheif E. Evaluating the role of reproductive constraints in ant social evolution // Phil. Trans. R. Soc. B 365, 617–630 (2010)
- 77 Conflict in insect societies // <http://www.kuleuven.ac.be/bio/ento/conflict.htm>
- 78 Wenseleers T. Conflict from Cell to Colony. Belgium: University of Leuven, 2001
- 79 Conflict in insect societies // <http://www.kuleuven.ac.be/bio/ento/conflict.htm>
- 80 Fletcher J.A., Zwick M. Strong altruism can evolve in randomly formed groups // J. Theor. Biol. 228, 303–313 (2004)
- 81 Antal T., Ohtsuki H., Wakeley J., Taylor P.D., Nowak, M. A. Evolution of cooperation by phenotypic similarity // Proc. Natl Acad. Sci. USA 106, 8597–8600 (2009)
- 82 Erber J., Page R. The Evolutionary Dynamics of Social Organization in Insect Societies // The Bulletin of the Santa Fe Institute. Electronic Issues, 2001. Summer. vol. 16, no. 1.
- 83 Богомолова В. Легко ли быть муравьем? // <http://kokshetau.online.kz/ot/40.htm>
- 84 Более того, как показывают данные некоторых энтомологических исследований, они тянут его в разные стороны, и перемещение в определенном направлении происходит лишь в результате равнодействующей от векторного сложения сил.
- 85 Что означает значительное увеличение числа степеней свободы.
- 86 Heinze J., Hülldobler B., Peeters C. Conflict and cooperation in ant societies // Naturwissenschaften, 1994. 81: 489–497.
- 87 Wade M.J. et al. Multilevel and kin selection in a connected world // Nature 463, E8–E9 (2010)
- 88 Предыдущая и неудачная попытка выхода людей состоялась в промежутке между 200 и 120 тыс. лет назад. А гоминиды начали мигрировать из Африки два миллиона лет назад и делали это много раз. Они формировали поселения на территории Европы и Центральной Азии, где климат был прохладнее. Некоторые окаменелости указывает на то, что группы Homo erectus покинули Африку и распространились по Китаю, Австралии и Европе между 1 млн. -700 тыс. лет назад, но по неизвестным причинам исчезли около 300-200 тыс. лет назад. Однако, что между Homo erectus и Homo sapiens нет прямой родственной связи. Соответственно оба типа глобальной миграции – гоминид и людей – представляют собой разные социальные явления.

Эскапизм в виртуальную реальность: новые поля социализации

Мамедов А.К.

Виртуальная реальность становится таким же модным трендом в исследовательской практике, как когда-то «нуклеарность», «экзистенция», «архетип», «образ мира». В данной статье актуализируется явление симптоматики игромании, выделяются стадии формирования компьютерной аддикции. Проанализированы причины и факторы ухода подростков в виртуальный мир. При этом довольно трудно выделить в этих процессах что-то общее. Так, можно обнаружить, по крайней мере, три типа явлений, претендующих на статус «виртуальных». Переход виртуальной реальности в реальную реальность повторяется в точности как с реальными предметами. Именно виртуальный мир дает ту свободу действий, свободу выражения мыслей, чувств и эмоций, которые в реальной жизни зачастую не всегда возможны. Яркие, неожиданные ситуации виртуального мира становятся для общества и привлекательнее, и реальнее культуры повседневности.

Ключевые слова: традиции, социальный институт, виртуальная реальность, десоциализация, феноменология, аддикция, культурное поле.

Mamedov A. K.

Escapism Into Virtual Reality: A New Field Of Socialization

Virtual reality becomes the same fashionable trend in research practice as it used to be «nuclear», «existential», «archetype», «image of the world». In this article, the symptomatic phenomenon of gambling is updated, the stages of the formation of computer addiction are highlighted. The causes and factors of adolescent care in the virtual world are analyzed. At the same time, it is rather difficult to single out something common in these processes. So, you can find at least three types of phenomena claiming to be «virtual» status. The transition of virtual reality into real reality is repeated exactly as with real objects. It is the virtual world that gives the freedom of action, the freedom to express thoughts, feelings and emotions that are often not always possible in real life. Bright, unexpected situations of the virtual world are becoming more attractive to the public and more real than the culture of everyday life.

Keywords: traditions, social institution, virtual reality, desocialization, phenomenology, addiction, cultural field.

Рассматривая проблематику отношений внутри современной семьи, прежде всего, необходимо коснуться важнейших факторов, в значительной степени повлиявших на сам статус семьи. Это, в первую очередь, трансформация или, точнее сказать, эрозия ценностей данного института. Роль семьи в социуме, поля ее существования в конкретный культурно-исторический период являются социальными индикаторами, демонстрирующими реальный потенциал и перспективы развития государства.

Уникальное значение семьи в воспроизводстве общественной жизни и жизни каждого человека не вызывает сомнений. Но, также становится и очевидным тот факт, что семейные традиции претерпевают значительные изменения, и не всегда положительные. Мы не будем останавливаться на анализе трудов [9, 19], исследующих причины и характер процессов, радикально изменивших институт семьи. Отметим лишь основные тенденции в изменении структуры данного института, выявленные исследователями. Во-первых, это тотальная нуклеаризация, сопровождающаяся различными трансформациями состава семьи: уменьшением количества семей с представителями всех трёх поколений, уходом или исключением из состава семьи взрослых детей и последующее увеличение числа престарелых одиночек. Во-вторых, это снижение количества зарегистрированных браков, рост числа нерегистрируемых документально сожительств и незаконнорожденных детей, увеличения количества матерей-одиночек, масштабное распространение повторных брачных союзов, в которых либо один из родителей не обладает статусом родного родителя для детей, либо сосуществуют дети от настоящего брака и от предыдущих браков обоих супругов. В-третьих, превращение явления малодетности семей в массовое [3], что связано не только с

влиянием различных аспектов европейской «прогрессивной» социальной этики, но и конкретных медиа нарративов, транслирующих малодетность как безальтернативную стратегию урбанизирующегося социального пространства.

На сегодняшний день эти тенденции приобретают системный характер, и традиционная семья в эпоху «быстрой истории» и «мерцающей реальности» уже не рассматривается обществом как некая константа. Семья перестает быть социально значимым институтом, ответственным за воспроизводство поколений, за сохранение культуры, морали, традиций [17]. Ее структура, тип и характер видов деятельности трансформируются в рамках адаптации к быстро изменяющимся или «текущим» основаниям общества [10], а важнейшие функции становятся делегированными другим социальным институтам. В результате современная семья превратилась в институт с различной статусной и функциональной конфигурацией, но только не в институт традиционного, в привычном его понимании, воспроизводства поколений.

В целом, в научной литературе большинством исследователей признаётся, что все перемены, происходящие с семьей, вызваны именно текущим состоянием общества, а точнее устройством настоящей индустриальной и постиндустриальной цивилизации, изменениями в социальной структуре общества, непрерывно протекавшими на протяжении почти двух последних столетий, но наибольшую остроту приобретшими во второй половине XX века. Универсальная причина деградации института семьи порождается модернизацией традиционного общества с присущими ему индустриализацией и урбанизацией. Они обусловили, во-первых, дифференциацию и специализацию функций и институтов, направленных на поддержание уже существующих поколений, а не на воспроизводство новых, а во-вторых, усиление выдвигания на первый план ценностей индивидуализма и их качественное улучшение по сравнению с семейными ценностями.

Существенным моментом в этом процессе стала экспоненциальная информатизация общества, которая в последние десятилетия является основным фактором развития всех сфер его жизнедеятельности. Совершенно незаметно, на первый взгляд, информационно-телекоммуникационные технологии, СМИ, Интернет

вошли в нашу жизнь, сделав калькой «общества театра» [13] и, по сути, подчинили нас. Сегодня мы не представляем себе, например, общение, ключевую коммуникационную практику без сотового телефона; рабочий день начинаем с прочтения электронной почты и интернет-новостей, а семейный вечер не мыслим без фонового сопровождения включенного телевизора. Современные средства коммуникации сопровождают нас повсюду, и мы не представляем свою жизнь без всевозможных гаджетов. Быстрое распространение новых информационных технологий становится одним из атрибутов современности, сциентизируется быт и повседневность как таковая.

Но стали эти средства спасением, облегчающим нашу жизнь, или же мы постепенно, но неуклонно попадаем под их влияние и становимся все более и более зависимыми от современных средств коммуникации? Действительно, как оценить, например, влияние Интернета (одного из самых распространенных и наиболее доступных средств современных информационных коммуникаций) на человека, семью и социум в целом. Можно смело говорить и об опасности Сети, о том, что чрезмерная киберзависимость приводит к потере привычных практик, делает людей неспособными нормально общаться в реальной жизни, в семье. Но также будут правы и те, кто уверяет, что не так страшен Интернет, как его пытаются изобразить, и что он помогает многим избавиться от комплексов. Заводя новые знакомства (стоит только перейти из реального пространства в виртуальное), можно поделиться своими проблемами, снять стресс или просто отвлечься «в игре» [8], тем самым, купирова домашний скандал. В любом случае, очевидным становится тот факт, что мир Интернета настойчиво изменяет реальный мир, а также не только создает перед нами новые проблемы, но и вскрывает негативные факторы, которые стали «бичом» современного общества в целом и семьи в частности.

Одна из самых, на наш взгляд, острых проблем современной семьи – «вечная» тема (уже не в тургеневском варианте) «отцов и детей» – также попала под влияние информатизации. Термин, введенный в 1996 году американским психиатром Айваном Голдбергом в качестве шутки, «интернет-зависимость» («интернет-аддикция») [2], был призван обозначить поведе-

ние со сниженным уровнем самоконтроля при работе с компьютером и Интернетом. Диагностические критерии для определения зависимости от Интернета, предложенные Голдбергом, построены на основе признаков патологического пристрастия к азартным играм (гемблинг). Впоследствии интернет-зависимость стала рассматриваться как серьезный социально-психологический симптом, термин был актуализирован и получил следующие синонимы: интернет-поведенческая зависимость, нетаголизм, виртуальная аддикция, избыточное или паталогическое использование интернета и так далее [1, 5].

В настоящее время интернет-зависимость становится фактором, во многом определяющим не только проблематику взаимоотношений в современных семьях, но и поле современного развития института семьи. И хотя еще с конца 90-х годов формулировка «патологическое использование Интернета» (Pathological Internet Use, сокращенно PIU) стала обозначать форму психического расстройства [2,5], проблематика интернет-зависимости до сих пор не является предметом комплексных социально-психологических исследований. Официальная медицина совсем недавно забила тревогу, но все же пока еще не придает интернет-зависимости статус психического диагноза. Некоторые эксперты в области психиатрии и вовсе склонны относиться к интернет-зависимости с недоверием с точки зрения оценки ее вреда для человека или существования как явления в принципе. Это, в какой-то степени, объяснимо: например, в России сеть Интернет наиболее активно использует лишь треть населения [23]. Тем не менее, социологи и медики отмечают заметный рост интернет-зависимых. Эта ситуация характерна не только для России, но и для других стран, в которых уровень распространения информационно-коммуникационных технологий гораздо выше. Так, по официальным данным в России от интернет-зависимости страдает около 5% населения (данные колеблются в пределах 4-6%) [20]. В Америке более 10% страдают зависимостью от Сети. И цифра эта продолжает увеличиваться. Особенно от интернет-зависимости страдают подростки (в возрастной категории от 13 до 17 лет), чья психика не только неустойчива и дискретна, но и некритически восприимчива ко всему новому. Статистика подросткового «нетаголизма» удручает.

Например, по данным корейских исследовательниц, среди старших школьников возможная Интернет-аддикция регистрируется у 38% подростков [14]. В России процент ниже – 25% подростков страдают Интернет-аддикцией. Опасность вызывает не процентное соотношение, но то, что темп роста интернет-зависимых подростков во много раз превышает аналогичный у взрослых, т.е. подростки становятся все более активными пользователями сети, в связи с чем усиливаются процессы Интернет-аддикции среди молодежи [14].

Очевидно, что недооценивать эту проблему сейчас становится как странно, так и во многом опасно. Ведь интернет-зависимость – это не только зеркальное отражение современного развития информационных технологий, проблема лежит гораздо глубже. Синдром интернет-зависимости свидетельствует о других серьезных проблемах подростка – депрессия, во многом латентная и неосознанная, коммуникационные проблемы и др. Все они так или иначе демонстрируют неспособность подростка самостоятельно справиться с последствиями различных форм стресса и дезадаптации в повседневной жизни. Априорный (то есть заложенный генетически), но неиспользованный запас эмоционального напряжения и страстей, подросток стремится разделить не с близкими людьми, а с анонимным и виртуальным другом. Можно констатировать, что интернет-зависимость – это симптом латентной проблемы, присутствующей в семейных взаимоотношениях еще до включения в них сети Интернет. Данная проблема объединяет в себе и недостаток в реализации коммуникационных потребностей, и сексуальную неудовлетворенность, и отсутствие единого подхода у родителей по отношению к воспитанию своего чада, и самовольный отказ от поддержки близких родственников и друзей, а также затруднительное финансовое положение.

Что же такое интернет-зависимость? Современные исследования данной проблематики (К. Янг) выделяют 10 симптомов, среди которых основными считаются следующие пять характеристик:

1. Пристрастие к виртуальным знакомствам – избыточность знакомых и друзей в Сети;
2. Навязчивая потребность в Сети - игра в онлайн-азартные игры, постоянные покупки или участия в аукционах;

3. Информационная перегрузка (навязчивый web-серфинг) - бесконечные путешествия по Сети, поиск информации по базам данных и поисковым сайтам;

4. Киберсексуальная зависимость - непреодолимое влечение к посещению порносайтов и занятию киберсексом;

5. Компьютерная зависимость - навязчивая игра в компьютерные игры (стрелялки - Doom, Quake, Unreal и др., стратегии типа Star Craft, квесты) [22].

Значимыми факторами привлекательности, лежащими в основе развития интернет-зависимости у подростков, являются анонимность личности в сети Интернет, доступность информации и интерактивных (в том числе и порнографических) зон, отсутствие контроля со стороны взрослых, внутренние чувства подростка, имеющие на подсознательном уровне больший уровень доверия к онлайн контактам, нежели чем к реальному общению с родными [4].

Для рефлексии и получения целостного представления о статусе личности в киберпространстве и осуществления системного анализа новой формы бытия человека в киберцивилизации требуется теоретико-социологический подход, особый концептуальный анализ, предполагающий в качестве введения в тематику включение следующих направлений исследования:

1. Личность есть объект, которому с необходимостью приписываются (в силу ряда причин) множество качеств социальности субъекта, но статус существования онтологически не актуализирован и не определен. «Виртуальное» здесь обозначает нейтрализацию между «реальным» и «нереальным» [12].

2. В классическом научном дискурсе «виртуальное» противостоит «материальному». Виртуальная личность, в отличие от реальной (телесной или «традиционной»), не имеет физического, материального тела и полностью состоит из символов (иероглифов) и действий. В узком смысле её можно определить как комплекс знаков, существующий в электронной среде, которая выступает носителем-субстратом этих знаков. Однако, как было отмечено выше, реализация значений знаков происходит, прежде всего, в голове (в сознании). Как и реальная личность, виртуальная личность может вызывать у другого участника коммуникации отклик в виду чувств, образов и мыслей. Указанный

посыл определяет коренное различие между средой и сущностью.

3. В качестве основы (носителя) виртуальной личности могут выступать, наряду с электронным устройством, материальные объекты – бумага, камень, холст, киноплёнка и т.д., а также сам человек. Форма существования и реализации имеет скорее лишь функциональное значение, в отличие от того эффекта, который производится в психике соответствующим комплексом знаков. Такой подход позволяет определять виртуальную личность не через свойства среды, а шире – как метафорическое раскрытие понятия виртуальной личности в узком смысле, возникающее при восприятии реальности по аналогии с виртуальной реальностью (так литература легко сближается с киберпространством).

4. К основным качествам виртуальной личности относятся наличие собственного имени и её бесконечных вариантов, а также способность такой личности к неограниченному автономному действию. Все прочие качества являются производными (и не всегда в первой степени) от указанных.

Отсутствие собственного имени, уникального (определяющего) обозначения себя, делает затруднительным или практически невозможным различие между субъектами виртуального взаимодействия. Например, анонимные комментарии в он-лайн дискуссиях воспринимаются как безличные, даже притом, что содержат оригинальные идеи и обладают признаками индивидуального стиля. С другой стороны, записи, сделанные рядом людей, подписанные одним и тем же именем, создают впечатление, что они относятся к той же самой личности. Подобным образом, наделение (маркировка) неодушевленного предмета именем собственным, например, дерева, кружки или части тела, сообщает ему качества личности (некая форма гилозоизма).

В случае отсутствия действия со стороны объекта трудно определить, является ли этот объект субъектом, то есть, является ли он личностью как таковой. Для устранения указанного рода неопределённости следует принимать в расчёт не только семантическую составляющую виртуальной личности, но и результат её деятельности – различные идеи (их внедрённость) в умах других. Тогда уже существующий в киберпространстве контент и его автор могут вос-

приниматься как «живые» за счёт инвестирования психической энергии субъектов. К их числу относятся творец виртуальной личности, воспринимающие её субъекты (читатели, зрители, пользователи и т.д.) и «привратники» (издатели, критики, эксперты и т.д.). Тем не менее, автономность действия должна присутствовать, хотя бы как факт прошлого, некая эстафета памяти [16].

В случае, когда внешние силы воздействуют и направляют, или даже предопределяют действия коммуниканта, мы можем говорить о нём исключительно как об объекте, а не субъекте взаимодействия. И его личные качества определяются в отрицательной коннотации. В качестве примера можно привести записи на форуме или в онлайн-дневнике. Для нас, если мы уверены в существовании писавшего, эти знаки воспринимаются не как проявление виртуальной личности, а как действия реального человека. Но возможен и «обман», когда в ходе общения с программой или роботом мы оцениваем их сообщения как спонтанные, в результате чего и возникает иллюзия личного общения (проект «Робот Дацюк» [24]). Стереотипный характер действий человека (воспроизводство однотипного набора реакций, текстов, идей) рассматривается как характер действий робота. Так, мы можем наблюдать своеобразную «киберконвергенцию» двух динамических систем.

5. Исчезновение в виртуальной среде демаркационных граней между реальным и нереальным позволяет говорить о виртуальной личности как о произведении искусства. Поскольку мы имеем дело с результатами действия индивида, то потенциально каждая виртуальная личность является произведением искусства. Однако таким качеством могут обладать лишь те, кому присуща (или кем приобретена) «новая эстетика» или *блеск формы* [21], воспринимаемый непосредственно.

6. Виртуальная личность может пониматься и как форма реализации поэтической стратегии самоизобретения. Популярный западный исследователь У. Спенгеманн в анализе жанра автобиографии от Августина до Кафки выделил 3 модуля самоописания: *исторический, философский и поэтический* [7]. Каждому модулю соответствует определённая процедура: первому – *самообъяснение*, второму – *самоисследование*, третьему – *самовыражение* и *самоизобретение*.

ретение. Указанные стратегии используются для представления личности он-лайн, так «*curriculum vitae*», являющийся практически обязательным элементом домашних страниц, в целом относится к историческому модулю и представляет собой компендиум осевых этапов развития. Рефлексивное самоисследование характерно для экспериментальных или игровых сетевых проектов, изучающих взаимоотношение между онлайн-овым и оффлайн-овым «я» и проблемой «я» в целом. В онлайн-дневниках, как правило, доминирует стратегия самовыражения. В целом, говоря о креации виртуальной личности, мы констатируем значительную роль и доминирование не какого-либо факта и его соотносённость с той или иной реальностью, а актуализацию творческого начала, творческого самоизобретения.

7. Виртуальная среда при некотором допуске может быть сопоставлена по своим свойствам с человеческим умом. Нематериальность, бестелесность, пластичность позволяют создавать широкое разнообразие образов, форм и значений. И в этом свойства новой социальной реальности тождественны воображению (причём в данном случае – неограниченному). Как афористично выражено в романе «Киберцыгане: о любви, жизни и путешествиях на электронном фронтире», «киберпространство – это имя, которым мы наделяем человеческое воображение, когда получаем к нему доступ через модем» [6:113].

Существует принципиальное различие между творческим актом в среде электронных коммуникаций и в других творческих средах: литература, музыка и живопись. В виртуальном пространстве порождения воображений разных людей могут взаимодействовать между собой: «До недавнего времени мы были одиноки в своем воображении. С какой бы яркостью пьеса, фильм или книга не оживляли персонажей в наших умах, мы всегда образуем аудиторию, состоящую из одного. В киберпространстве впервые мы творим воображаемые миры..... Нам больше не нужно следовать сценарию. Мы можем играть внутри воображения друг друга» [6:131].

8. Аналогом виртуальной личности в узком смысле может являться персонаж – созданный и воображаемый существо, наделенное конкретным именем и способностью к автономному

действию в воображаемой среде. Так, уже в упомянутом нами романе «Киберцыгане» персонаж разъясняет: «Когда ты участвуешь в ролевой игре (When you roleplay), ты – персонаж. Сценария нет. Ты открываешь рот и удивляешься тому, что из него исходит. У твоего персонажа есть своя жизнь и свои друзья. Ты можешь не соглашаться с тем, что он вытворяет, но это уже не твоё дело. Мы, кукловоды, носители масок, обязаны не вмешиваться, но нам нужно хорошо знать персонажей, так же, как мы знаем себя... Большинство из нас знают себя весьма приблизительно... [6]. Как говорится в «Киберсутре», включенной в роман: «кибер-персонажи это воистину живые существа со своей собственной жизнью» [6].

Часто мыслители [15, 17] постулируют, что созданные персонажи обладают достаточной самостоятельностью, своего рода отдельным (отделенным) и независимым существованием от воли их создателя. С другой стороны, можно наблюдать ещё одно примечательное сходство – отождествление создателя с сотворенным им героем. Эти два вида отношений между автором и его персонажами на первый взгляд кажутся противоречащими друг другу. Тем не менее, это несоответствие может быть разрешено, если мы примем во внимание тезис, что «большинство из нас знают себя весьма приблизительно». В процессе создания воображаемых миров или участия в виртуальном мире человек парадоксальным образом достигает самопознания через объективацию своего «я» (или некоторых его сторон) в персонаже, который он сам создает или в которого играет (геймеризация практик) [16]. Поэтому создание виртуальной личности можно рассматривать одновременно и как креативный акт, и как путь к самопознанию, реализацию творческого потенциала. При этом в создании зачастую могут принимать участие несколько акторов: «Твой персонаж не является лишь твоим творением. Он создается и постоянно пересоздается тобой и твоим партнёром совместно» [6].

9. Обязательным элементом во взаимоотношениях виртуальной личности и её создателя является псевдоним. Это небызвестное литературное (культурное) явление, представляющее собой вымышленное или фиктивное имя, используемое вместо реального имени человека. Псевдоним может использоваться как

для идентификации, так и сокрытия идентичности (этим активно пользовались различные революционеры, артисты, писатели и др.). Псевдоним рассматривается нами и как попытка перенесения вины на иное, несвязанное с конкретным актором.

В Интернете применение такого рода имени как ключевого компонента идентификации как правило используется в форме «имени пользователя» для подключения к сервисам или входа на сайты с ограниченным доступом. Обязательны такие «прозвища» в онлайн-форумах, разговорных средах (chat) и службах моментальных текстовых сообщений и т.д. Однако, для создания виртуальной личности наличие псевдонима необходимо (свобода в новой среде), но не достаточно. Для достижения определённой степени автономности и формирования полноценной виртуальной личности необходимо наличие собственной биографии, характерных индивидуальных черт и произведений творчества, разветвлённой системы связей. Поэтому за пределами Интернета виртуальные личности возникали, как правило, в рамках литературных мистификаций.

10. Амбивалентность отношений между виртуальной личностью и создателем проявляется в отождествлении (полном или частичном) её с автором и стремлении оторваться, обособиться от создателя, вести независимое феноменологичное существование [17]. Представляется, что эта амбивалентность является предпосылкой совершенной виртуальной личности.

Действительно, психологи отмечают, что указанные факторы способствуют росту интернет-зависимости как социальному эскапизму – средству ухода от реальности, поиску альтернативных и, как правило, «легких» путей решения проблем. Ведь подростковая психика в пубертатный период обладает повышенной чувствительностью и раздражительностью, беспокойным и легко возбудимым состоянием, а зачастую физическим и душевным недомоганием, которые находят свое выражение в драчливости и капризах. Подростки не удовлетворены собой, и это переносится на окружающий их реальный мир. Ш. Бюлер справедливо констатирует: «Они чувствуют, что их состояние безрадостно, что их поведение дурно, что их требования и бессердечные поступки не оправдываются обстоятельствами, они хотят стать дру-

гими, но их тело, их существо не подчиняется им. Они должны бушевать и кричать, проклинать и насмехаться, хвататься и сердиться, даже если они сами замечают странность и некрасивость своего поведения» [18]. К этому присоединяется еще и ряд новых влечений к тайному, запретному, «необычному, к тому, что выходит за пределы банальности, привычной и упорядоченной повседневной жизни, ведь «непослушание, занятие запрещенными делами обладает в этот период особой притягательной силой». К этому, естественно, присовокупляются разочарования как результат и следствие радикальных практик. И как следствие, мы наблюдаем «общее снижение работоспособности, изоляцию от окружающих или активно враждебное отношение к ним и различного рода асоциальные поступки» [18]. «Безрадостным» называет Бюлер этот жизненный период подростка. Все это отмечается в начале фазы пубертатного периода, которая, как правило, наблюдается у девочек в возрасте от 11 до 13 лет, у мальчиков – в период 14-16 лет. Именно на этот возраст приходится и наибольший процент интернет-аддикций.

Проблема аддикций в целом и интернет-аддикций, в частности, начинается у подростка в период, когда желание «прыжка» от реальности в виртуальный мир доминирует в сознании, представляется центральной (зачастую и навязчивой) идеей, так как реальный мир становится чужим в силу психологических аспектов, и усиливается враждебность под влиянием равнодушия взрослых, делая подростка одиноким, непринятым и непонятым в его ближайшем социуме. Именно в этот период велика вероятность того, что подросток с серьезными психологическими проблемами, не найдя понимания от взрослых, видя их равнодушие или негативную (на их субъективный взгляд) реакцию родных, могут пойти по наиболее простому пути, избрав виртуальное общение как приоритетное, усугубив таким образом свои проблемы. Типичная ситуация: подросток не умеет общаться и заводить друзей, испытывает непреодолимую робость в общении с представителями противоположного пола. Родители, в силу субъективных или объективных причин, не могут его этому обучить. Социальная адаптация подростка затрудняется. И тут на помощь приходит Сеть. Место, где им всегда рады, где с легкос-

тью находят единомышленников, друзей или, на худой конец, собеседников. Происходит процесс, во время которого подросток решает важные для себя проблемы самым доступным способом – посредством Интернета, который предоставляет подростку «методы решения» всех его трудностей. Зачем думать о повседневных проблемах и строить реальные отношения, когда есть такая возможность быть выслушанным и понятым? И тогда WWW может стать настоящей паутиной, из которой очень нелегко вырваться.

В частности можно выделить (по аналогии с дифференциацией Кимберли С. Янг) следующие аспекты «ухода» подростка от реальности:

1. Виртуальный мир предоставляет возможность анонимных социальных интеракций. Интернет притягивает подростка тем, что создает иллюзорный мир, в котором подросток чувствует себя комфортней, чем в реальной жизни, так как, оставаясь анонимным, он может свободно делиться своими проблемами. Но сложность в том, что подросток не осознает глубину и причины этих проблем, не может достаточно точно идентифицировать их, и тем самым, не столько решает проблему, сколько создает угрозу эффективности решения трудностей в реальной жизни;

2. Интерактивные компоненты сети обуславливают восприятие виртуального мира как зеркального отражения реального, «сближают» эти миры в сознании подростка, создавая иллюзию реальности виртуального пространства. У тинэйджеров появляется чрезвычайно широкая возможность поиска нового собеседника, удовлетворяющего практически любым критериям (здесь важно отметить, что нет необходимости удерживать внимание одного собеседника - т.к. в любой момент можно найти нового). В результате это облегчает создание интернет-зависимости, которая негативно влияет на внутрисемейные отношения и стабильность семьи как таковой, что в первую очередь, ведет к отдалению подростка от социума, к десоциализации;

3. Возможность создания альтернативных он-лайн персонажей, в зависимости от настроения и желания самого подростка. Он может реализовать свои представления, фантазии с обратной связью (в том числе возможность создавать новые образы “Я”; вербализировать соб-

ственные видения и/или фантазии, невозможные для реализации в обычном мире, например, ролевые игры в чатах и т.д.). Это помогает уйти от реального мира с его эмоциональными проблемами (стресс, депрессия, беспокойство), или же от простых жизненных сложностей (проблемы в учебе, расстройств в семье). Мгновенное бегство в фантастический мир Интернета (например, «хочу быть взрослым – без проблем: создам себя 30-летним!», «хочу быть сильным – без проблем: стану рыцарем!») служит поддержкой для привыкания, за которым следуют психологические разногласия в реальном общении, трудность, а порой и невозможность социальной идентификации и адаптации;

4. Усиление различных отклонений от нормы, ложь и даже совершение криминальных действий типа просмотра и скачивания непристойных или же вовсе запрещенных картинок (порнография), которые широко распространены на многих сайтах. Такое поведение часто начинается как любопытство и латентно заканчивается как влечение.

Важным фактором интернет-зависимости, результатом неограниченного доступа к информации является «информационный вампиризм». Подросток «заглатывает» всю информацию, к которой получает доступ, но его сознание не способно анализировать ее и делать логические выводы, оценивать по критериям «хорошо» / «плохо». Во многом этому способствуют и подростковый нигилизм, и отсутствие (или отторжение) традиционных ценностей, традиционной морали, которые кажутся подростку атавизмами. В результате у него формируется навык «поглощения» любой информации, он легко может стать объектом для манипуляций, теряет способность к индивидуальному мышлению.

Исследователи проблемы интернет-зависимости (К. Янг и Д. Гринфилд) [11] отмечают, что причины аддикции, как правило, обусловлены низкой самооценкой, склонностью к депрессии, ощущением своей незащищенности, одиночеством подростка. Немаловажным является и то, что ситуация не понята или не принята близкими, которые не стремятся разобраться в проблеме вместе с подростком, а «выдают» готовые, основанные на своем опыте решения. В результате подросток переносит свое неприятие (непонимание ситуации или проблемы) на

конкретные аспекты своей жизни. Он тяготеет к учебной, социальным окружением и стремится от них «уйти» в мир, где ему все понятно и приемлемо (подростковый эскапизм, т.е. бегство в «виртуальную реальность»). Наряду с «решением» проблем он реализует и такие потребности как поиск новизны, стремление к постоянной стимуляции чувств, эмоциональную привязанность, т.е. возможность выговориться, понятым и принятым, освободиться от остро переживаемых неприятностей быть эмпативно в реальной жизни, получить поддержку и одобрение. Он получает и возможность ощутить себя «виртуозом» в применении компьютера для работы в Интернете, повысить самооценку, осознать собственную значимость.

Как же распознать у подростка симптомы интернет-зависимости? Исследователи выделяют следующие наиболее распространенные симптомы:

1. Психологические:

- потребность в скрытности - это может быть симптомом того, что он пытается скрыть свои виртуальные отношения. В первую очередь, предпринимаются попытки организовать секретность вокруг компьютера и информации. Компьютер может быть перенесен в дальний угол комнаты, запирается на ключ. Также должна насторожить смена паролей и любое другое окружение его секретностью. Попытка потревожить подростка во время нахождения он-лайн, вызывает злобную или защитную реакцию;

- игнорирование домашних забот, школьных обязанностей - с возрастом времени, проведенного он-лайн, время, отведенное на выполнение домашних обязанностей, уменьшается, и они часто остаются невыполненными. Это не является автоматическим знаком интернет-зависимости, но если посуда остается невымытой, вещи не убранными, то это должно послужить знаком, что внимание подростка обращено на что-то другое. Обычно в семьях обязанности разделены между ее членами, и их невыполнение означает, что, возможно, возникли какие-то посторонние отношения, которые подросток ставит выше семейных. Необходимо помнить, что интернет-технологии сегодня во многом «облегчили» выполнение домашних заданий и, следовательно, сделанные уроки – это не факт того, что подросток самостоятельно подготовился к ним;

· изменения в характере - у интернет-зависимых наблюдаются заметные отличия в настроении, поведении по сравнению с тем, что было до начала использования Интернета. Например, нежная и ласковая дочь может стать холодной и безучастной, а веселый и жизнерадостный сын - замкнутым и серьезным. Если их спросить о таких изменениях, то ответом, скорее всего, окажется в лучшем случае какое-нибудь объяснение или же ответа не будет вовсе, в худшем случае это будет немотивированная агрессия или истерика. И это не только проблематика пубертатного возраста. Для подростков, которые пристрастились к Интернету, подобные разговоры будут казаться не только и не столько досадной помехой, которая затрудняет им проводить время так, как они хотят, сколько стремлением взрослых влезть в их «индивидуальный, заботливо построенный, идеальный мир»; вернуть в среду, враждебную и непонятную им;

· потеря интереса к жизни — интернет-зависимый подросток неожиданно теряет интерес к прежним увлечениям, друзьям, родным. Это может выражаться в вялости, безразличии, потере энтузиазма. Подросток ничего не просит, ему ничего не нужно и не интересно. Эти симптомы могут быть индикатором того, что появился иной канал выхода эмоций;

· безразличие к семейным отношениям - подростки просто не хотят участвовать в семейной жизни, предпочитая ей Интернет. Они избегают каких-либо разговоров, не получают удовольствия от совместных поездок на природу. Мысли в основном сосредоточены на интернет-партнерах, а не на реальных людях.

Данные психологические симптомы во многом схожи с «традиционными» проблемами пубертатного периода. Следствием интернет-зависимости становятся такие психологические симптомы как хорошее самочувствие или эйфория за компьютером и ощущения пустоты, депрессии, раздражения без него.

2. Физические:

· изменения в режиме — часто подростки отправляются в постель уже утром, или наоборот, встают на несколько часов раньше, чтобы обменяться письмами с интернет-друзьями. Многие практически все свободное время проводят в сети Интернет;

· синдром карпального канала - туннельное поражение нервных стволов руки, связанное с

длительным перенапряжением мышц. Как правило, это, в первую очередь, сказывается на руке, которая «ответственна» за компьютерную мышь;

- сухость в глазах, нервный тик;
- головные боли по типу мигрени;
- боли в спине, в ногах;
- нерегулярное питание, пропуск приемов пищи;
- пренебрежение личной гигиеной.

Знание этих симптомов поможет вовремя заметить проблему. Также необходимо помнить, что семьи со сложностями наиболее часто подвержены риску, что дети превратятся в интернет-зависимых. Сегодня, когда на улицах небезопасно, а у школы и семьи не хватает ресурсов для того, чтобы обеспечить полномасштабный контроль за подростками, многим родителям кажется, что компьютер решит все проблемы — отвлечет ребенка от «плохих» компаний, позволит «спокойно» преодолеть сложный период. Но это только иллюзия. Виртуальные отношения подростка легко возносят в ранг идола именно те аспекты, которые пусть сложно, но преодолеваются с течением времени в реальной жизни.

Немаловажным является и такой фактор, как непонимание зависимости самими подростками. Анализируя интернет-форумы [25], посвященные проблеме, стоит обратить внимание на то, что практически все участники не считают себя интернет-зависимыми и в качестве главных аргументов приводятся следующие:

«Какая ... зависимость, если человеку нравится сидеть в интернете почему бы и нет, я вот, например, очень люблю на велосипеде кататься, иногда могу целый день кататься, никто почему-то не кричит, что я велосипедозависим, а все говорят, что я спортсмен, многие целыми днями смотрят телевизор, если действительно интересно в интернете, то почему бы и не сидеть за ним по 18 часов...»,

«... Ищут болезни на пустом месте, а то, что у каждого человека должно быть хобби, они не думают. А по телевидению показывают одни и те же концерты с одними и теми же певцами и сериалы с одними и теми же актерами - не бездумное ли это препровождение времени? И не известно, что лучше, сидеть в инете или смотреть TV?», «Интернет - наиболее оперативный и дешевый способ интерактивного взаимодействия... а это уже серьезно...»,

«По-моему, интернет, особенно для молодых, - это, прежде всего, средство общения. Если пользоваться им по назначению, ни о какой зависимости речи быть не может. Нет ведь никакой зависимости от телефона»,

«В большинстве своем мы все-таки немощные люди. И лучше уж нам говорить о божественных вещах в сети, чем заниматься всяким непотребством, пытаясь себя выразить»,

«Сейчас сеть — неотъемлемая часть существования, и где-то половину всей осознанной информации я получаю именно оттуда».

В процессе обсуждения нередко приходило и понимание того, что ситуация выходит за какие-то рамки «нормальности» («Боюсь, у меня тоже такая зависимость есть. Только я совсем не наслаждаюсь... Мне так времени жалко бывает порой... А что делать? Так и живем...», «так я и не отрицаю, что она есть, может пока еще в слабой форме, поэтому я не сижу сутки в интернете, а только так, по ночам, но если я не могу, хотя бы раз в день зайти в интернет, меня, признаться, колбасить начинает»), но самостоятельно подросток не может полностью осознать последствия процесса, тем более решить проблему интернет-зависимости.

Главным оружием в этой ситуации становится восстановление доверия в семье, создание альтернативы, адекватно воспринимаемой подростком, который воспринимает альтернативу лишь в случае, если верит в искренность намерений старшего поколения, если его интересы интересны всем в семье. На наш взгляд, необходимо понимать, что интернет-зависимость — это следствие семейных проблем, одно из средств, с помощью которого подросток «уходит» в более комфортные социопсихологические условия. И задача родителей, учителей, близких создать адекватную атмосферу в «реальном формате». К сожалению, в отличие от таких стран как Китай, США, Великобритании, где открываются специализированные центры психологической помощи интернет-зависимым подросткам, в России институт «интернет-психологов» не развит; перед родителями стоит проблема самостоятельного поиска алгоритма решения. И здесь особенно ценным становится традиционный институт семьи, возрождение семейных ценностей, морали и культуры в семейных отношениях.

Литература

1. Egger O., Rauterberg M. Internet Behaviour and Addiction. Semester thesis // Work & Organisational Psychology Unit (IfAP), Swiss Federal Institute of Technology (ETH) Zurich, 1996. — 173 p.
2. Goldberg I. Internet addictive Disorder (IAD) diagnostic criteria. Available at: <http://web.urz.uniheidelberg.de/Netzdienste/anleitung>.
3. Heinsohn G. *Sühne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Munich: Piper, 2008. — 189 p.
4. Korkiya E. D., Lipatova M. E., Mamedov A. K. Virtual personality: A search for new identity // *Indian journal of science and technology*. — 2016. — Vol. 9, no. 36. — P. 1–6.
5. Morahan–Martin, Janet and Schumaker, Phyllis. Incidence and Correlates of Pathological Internet Use. Paper presented at the 105th annual meeting of the American Psychological Association, August 18, 1997. Chicago, IL.
6. Sinha, I. *The Cybergypsies: A Frank Account of Love, Life and Travels on the Electronic Frontier*. London: Scribner, 1999. — 405 p.
7. Spengemann William C., *The Forms of Autobiography: Episodes in the History of a Literary Genre*. New Haven: Yale Univ. Press, 1980. Esp. PP. XIII–XVII.
8. Turkle, S. *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. London: Phoenix, 1995 — 347 p.
9. Антонов А. И. *Микросоциология семьи*. — Инфра–М Москва, 2016. — 368 с.
10. Бауман З. *Текущая современность* / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
11. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от интернета // *Психологический журнал*. 2004. Т. 25. № 1. С. 90–100.
12. Горный Е. *Онтология виртуальной личности / Бытие и язык: Сб. статей по материалам международной конференции*. Новосибирск: Новосибирский институт экономики, психологии и права (Новосибирский классический институт); Новосибирское книжное издательство, 2004. — С. 78–88.
13. Дебор Г. *Общество спектакля*. Пер. с фр. / Перевод С. Офертаса и М. Якубович. М.: Издательство "Логос" 1999. — 224с.
14. Егоров А., Кузнецова Н., Петрова Е. Особенности личности подростков с интернет-за-

- висимостью. / Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2005. Т. 5. № 2. С. 20–27.
15. Ильин, И. Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте Старшего. Опыт систематического анализа / И. Ильин // Вопросы философии и психологии. – М., 1912. – Год XXIII, кн. 111 (I). – С. 1–39; год XXIII, кн. 112 (II). – С. 290–344.
16. Коркия Э. Д., Мамедов А. К. Идентичность в виртуальной реальности: новые альтернативы // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). – 2017. – № 2. – С. 9–13.
17. Мамедов А.К. Эпистемология социального познания. М., 2017. Канон-+. С48-50.
18. Ребенок в современном обществе. /Сб-к трудов Всероссийской научно–практической конференции «Ребенок в современном обществе». // М.: МГППУ, 2007. -336 с.
19. Синельников А. Б. Трансформация семьи и развитие общества. Учебное пособие. – КДУ Москва, 2008. – 320 с.
20. Шаталина М.А. К проблеме интернет–зависимости в молодежной среде. /Современные исследования социальных проблем: Сборник статей Общероссийской научно–практической конференции. Вып. 5. «Социально–педагогические и психологические исследования» / Красноярск: Научно–инновационный центр, 2009. – С. 252–255.
21. Эстетика Фомы Аквинского. История эстетической мысли в 6-ти томах. / М.: Искусство, 1985. Т. 1, С. 299–302.
22. Янг К.С. Диагноз – Интернет–зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24–29. Интернет-источники:
23. Пресс–выпуск ВЦИОМ № №3346. 27% граждан признались, что если интернет исчезнет, их жизнь сильно изменится. [Электронный ресурс]: ВЦИОМ 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116148> (дата обращения: 01.06.2018).
24. Робот Дацюк. [Электронный ресурс]: Личный сайт. URL: <http://rosd.org.ru/datsuk.html> (дата обращения: 01.06.2018).
25. Об интернет–зависимости. [Электронный ресурс]: Форумы. URL: <http://love-is.ru/showthread.php?t=3594>; <http://www.klops.ru/forum/topic/1379>; <http://predanie.ru/forum/index.php?showtopic=1401>. (дата обращения: 01.06.2018).
26. Harcourt, W. 1999. Women@Internet: creating new cultures in cyberspace. London; New York: Zed Books.
27. Kolko, B. E., Nakamura, L. and Rodman G. (1999). Race in cyberspace. London: Routledge.
28. Kroker, A., and Weinstein, M. (1994). Data trash: the theory of virtual class. Montreal: New World Perspectives.
29. O'Farrell, M. A., Vallone, L. (1999). Virtual gender: fantasies of subjectivity and embodiment. Ann Arbor: University of Michigan Press.
30. Riva, G., and Davide, F. (2001). Communications through virtual technologies: identity, community, and technology in the communication age. Amsterdam; Washington, DC: IOS Press.
31. Жичкина, А.Е., Белинская, Е.П. (2000). Самопрезентация в виртуальной реальности и особенности идентичности подростка-пользователя Интернета // Образование и информационная культура. М. С. 431-460.
32. Кузина С. Врачи взялись спасать людей от интернет-зависимости. /Комсомольская правда. 21.08.2009.
33. Чудова И.В. Особенности образа «Я» «Жителя Интернета» // Психологический журнал. 2002. Т. 22. № 1. С. 113-117.

Метод мобильной этнографии в маркетинговых и социологических исследованиях

Медведев П. С., Фарахутдинов Ш. Ф.

Работа посвящена методу мобильной этнографии, получающему распространение в маркетинговых и социологических исследованиях. В статье приводится краткий исторический обзор и сущность традиционного этнографического метода, области его использования. Рассматриваются предпосылки возникновения метода мобильной этнографии. Описывается суть метода мобильной этнографии его отличия от традиционных этнографических исследований, а также от других исследовательских методов. Анализируются особенности формирования выборки и рекрутирования респондентов для исследований с использованием мобильной этнографии.

Ключевые слова: этнографический метод, мобильная этнография, маркетинговое исследование, выборка, рекрутирование.

Medvedev P. S., Farakhutdinov Sh. F.

The work is devoted to the mobile ethnography method which is widely used in marketing and sociological researches. The article provides a brief historical overview and the essence of the traditional ethnographic method. Also it represents the area of its use. The backgrounds of the mobile ethnography method emergence are considered. The article describes the key issues of the mobile ethnography method, its difference from traditional ethnographic research, as well as from the other research methods. The features of sample formation and the respondents' recruitment for the mobile ethnography research using are analyzed.

Keywords: ethnographic method, mobile ethnography, marketing research, sampling, recruitment.

В наши дни методы социологических и маркетинговых исследований усложняются параллельно с развитием технологий и информационно-коммуникационной сферы жизни общества. Так, для проведения нейромаркетинговых исследований или аналитики «больших данных» необходимы не только глубокие знания в области психофизиологии или IT, но и дорогостоящее оборудование, программное обеспечение. В то же время существует доступная для освоения группа современных методов, которые появились не с «нуля», а являются следствием постепенных трансформаций традиционных инструментов. Это, прежде всего методы, используемые для проведения исследований через интернет: онлайн опросы (в т. ч. экспертные), онлайн фокус-группы. Сюда же можно отнести метод мобильной этнографии, набирающий в последнее время популярность и всё чаще встречающийся в арсенале маркетинговых компаний.

На сегодняшний день в научной литературе практически не встречается публикаций, посвящённых детальному описанию метода мобильной этнографии. Это можно объяснить, в том числе, отсутствием длительного опыта его применения. Основными источниками информации, которые позволяют сформировать представление о сферах применения и конкретных исследовательских кейсах являются сайты исследовательских компаний, сетевые издания о маркетинге и маркетинговых исследованиях, профессиональные форумы, материалы отраслевых конференций, видеолекции профессионалов, работающих с этим методом. Настоящая статья является попыткой обзора и обобщения указанных источников с целью формирования у читателя, насколько это возможно, полного представления о мобильной этнографии.

Краткая история и сущность этнографического метода

Ю. В. Бромлей и Г. Е. Маркова определяют этнографию как науку, изучающую народы-этноты и другие этнические образования, их происхождение, состав, расселение, культуру. Основным методом этнографии является непосредственное наблюдение быта и нравов народов, их расселение и культурно-исторические взаимоотношения. Используются также и письменные, и вещественные источники [11]. Этнографические исследования имеют длинную историю и богатые традиции. В социологии этнографический метод связан с Французской социологической школой и именем Э. Дюркгейма. Также этнографический подход в социологии часто связывают с направлением, восходящим к научной традиции чикагской школы, относящейся к 1920-м годам. Американский социолог Г. Гарфинкель, создатель этнометодологии, использовал этот термин для обозначения исследования «рациональных свойств индексных выражений и других практических действий как возможных непрерывных достижений организованной искусственной практики повседневной жизни» [1].

Понятие «этнографический метод» может быть раскрыто в трёх аспектах: научная дисциплина, специфический жанр исследований, особая методология исследования культуры. Последний аспект позволяет социологам при помощи этнографических методов осуществлять «описание людей», проводить детальный анализ определённого сообщества с точки зрения его норм, традиций, ценностей [4].

Российские социологи и социальные философы, опираясь на зарубежные исследования, подчёркивают актуальность использования этнографического метода именно для исследования современного общества и современной культуры. Наиболее сильной стороной этнографического метода называют его способность делать доступными живые смыслы социальных (символических по сути) процессов и явлений в их тесной взаимосвязи с жизненным опытом и переживаниями живых людей. Сегодня этнография служит надёжным аналитическим инструментом в изучении действительности [9].

Особенностью этнографического подхода является сбор эмпирических данных в естественных, повседневных условиях и в прямом взаи-

модействии с объектом исследования [2]. Исследовательский материал получается в результате использования включённого наблюдения, неформализованных интервью во время длительного нахождения исследователя в среде изучения. Материалом для анализа выступают также записи в дневниках, аудио-, фото-, видеоконтент, документальные свидетельства (письма, документы). Часто сбор информации осуществляется без предварительного информирования, преимущественно на «партизанских» принципах [12]. Таким образом, собранный материал характеризуется фрагментарностью и разнохарактерностью. Аналитические алгоритмы имеют в своей основе описательную логику.

Отсутствие жёсткой схемы использования этнографического метода даёт свободу действий исследователю. Такая поливариантность приводит к уникальности каждого исследования. В то же время существуют попытки классификации подобных исследований. Так Е. В. Полухина предлагает следующие критерии для дифференциации: «включённость/невключённость» в объект исследования, а также «формальность/неформальность» сбора данных. Руководствуясь этими критериями, она построила своеобразную карту применения этнографических методов в социологии [8].

Одним из наиболее интересных современных примеров использования этнографического подхода является изучение А. А. Ильиной социальных представлений о городе при помощи метода «go-along». Суть этого метода заключается в том, что интервьюер передвигается вместе с респондентом по городу, тем самым вызывая и фиксируя эмоции и чувства респондента к городу в настоящий момент [5]. «Go-along» подходит для того, чтобы изучать социальные представления «живую», т.е. «здесь и сейчас», среди того, что окружает респондента в данный момент времени: город, его район, музей, парк и т.д. Данный пример способен продемонстрировать гибкость этнографического метода и его возможности в исследовании неординарных задач.

Этнографический подход получил широкое распространение и развитие в маркетинговых исследованиях. Ещё до появления «эры смартфонов» этот метод широко использовался (используется и по сей день) для изучения потребителей в естественных условиях их повседнев-

ной жизни. Исследователь погружается в жизненный мир целевой группы, семьи или организации и на протяжении определённого периода времени фиксирует интересующие его аспекты. В процессе активно используется видеосъёмка, аудиозаписи, фотографирование. Такие исследования полезны при выводе на рынок новых товаров, ребрендинге, изучении стиля жизни потребителей. Этнографические приёмы также используются и при изучении характера потребления отдельных субкультур.

Предпосылки возникновения метода мобильной этнографии

Широкое распространение смартфонов дало толчок для дальнейшего развития метода. Возникнув в маркетинговой сфере мобильная этнография сегодня приобретает большую популярность. Ключевым аргументом в пользу использования этого метода является факт, что человек как источник информации в большинстве случаев не надёжен. Особенностью мозга является фиксация внимания на существенных событиях жизни, в то время как незначительные нюансы в памяти долго не хранятся. Для маркетинговых исследователей это является серьёзной проблемой, поскольку их интересуют именно детали, которые способны указать на неудовлетворённые потребности и возможности создания новых продуктов или усовершенствование существующих. Традиционные методы (например, интервью или фокус-группы) не способны в полной мере решить эту проблему. Существуют некоторые сложности и с традиционными этнографическими исследованиями, проводимыми в маркетинговых целях. Так, например, в ходе домашнего визита исследователь неизбежно оказывает влияние на респондента. Такая ситуация на подсознательном уровне рассматривается респондентом как вторжение в личное пространство. Присутствие постороннего требует дополнительных психических ресурсов, что, в свою очередь, оказывает влияние на поведение человека, как бы естественно он ни старался себя вести. Конечно, со временем респондент привыкает к присутствию исследователя, однако это требует значительных ресурсов с обеих сторон [6].

Современные смартфоны обладают рядом функций, позволяющих любому пользователю создавать собственный контент. Это возмож-

ность аудио- и видеозаписи, фотографирования, создания текстовых сообщений. Бесплатные мессенджеры и социальные сети позволяют транслировать его в любую точку мира в режиме реального времени. Широко распространены групповые чаты. Подавляющее большинство молодых людей, являющихся активными потребителями, пользуются смартфонами практически в круглосуточном режиме. Доля пользователей старших возрастов также постоянно увеличивается.

Сегодня необходимость в личном присутствии исследователя в ходе этнографического проекта серьёзно снизилась. Исследователь может зафиксировать мельчайшие детали потребительского опыта, эмоции, настроение респондента, изучая создаваемый им контент. Именно поэтому мобильная этнография набирает популярность как в маркетинговых, так и социологических исследованиях.

Сущность метода мобильной этнографии

Мобильная этнография представляет собой групповое или индивидуальное общение модератора с респондентами через интерактивные каналы коммуникации. Оптимальное число респондентов, с которыми модератор может удерживать контакт, отслеживая индивидуальную историю каждого из них, варьируется от 8 до 20. Процесс общения может длиться от нескольких дней до нескольких месяцев.

Постоянный контакт с респондентами в режиме реального времени формирует доверительную среду для обсуждения самых интимных деталей. Через 2-3 дня общения респонденты перестают воспринимать модератора как исследователя. Даже если в первые дни исследования респондент пытается создать какой-либо образ, то удержать его на протяжении долгого времени ему не удаётся. В итоге исследователь всё равно получает необходимую информацию, не зависящую от каких-либо социальных и психологических фильтров.

Примером использования рассматриваемого метода может быть изучение содержимого холодильников респондентов. Такие исследования могут быть актуальными, например, для крупных ритейлеров. Анализируя фотографии, отправленные респондентами, можно узнать, как разные люди раскладывают продукты, ка-

кие конкретно продукты используются, определить тип питания, изучить сортировку продуктов, какие марки привлекают внимание респондентов и т.д. Как правило, к фотографиям респонденты прикладывают описание, которое позволяет определить культурный контекст, окружающую обстановку, её самооценку.

Техническая сторона реализации мобильной этнографии связана с использованием мессенджеров, социальных сетей или специально разработанных приложений для смартфонов. Основными преимуществами мессенджеров и социальных сетей является их доступность и привычность в использовании для большинства респондентов. Для самих же исследователей намного удобнее пользоваться специализированными приложениями. Обладая расширенным функционалом, они позволяют создавать и вести проекты, структурировать их, управлять списком контактов, присваивать им различные статусы. Кроме того, приложения позволяют вести групповой диалог участников одного проекта, если это предусматривает программа исследования, а также предоставляют возможность загрузки информации при отсутствии подключения к Интернету. Модератору данные передаются позже, когда сеть станет доступной, в автоматическом режиме.

Таким образом, основными преимуществами мобильной этнографии можно считать:

- Удобство. Контакт с респондентом может осуществляться в любое время суток, без географических ограничений.

- Возможность лонгитюдных исследований. Исследовательский процесс с согласия респондента может осуществляться на протяжении длительного периода времени. Модератор при этом имеет возможность отслеживать динамику изучаемого процесса. Это свойство может быть полезно для исследования изменений потребительских предпочтений беременных женщин или людей, проходящих длительный курс лечения определённым препаратом.

- Экономичность. По сравнению с традиционным этнографическим исследованием, мобильная этнография обходится намного дешевле. Снижение стоимости достигается за счёт уменьшения командировочных расходов, а также уменьшения нагрузки на модераторов.

- Возможность исследования чувствительных и интимных аспектов жизни респондента. Это

актуально для изучения средств личной гигиены, лекарственных препаратов.

- Инклюзивность. Мобильная этнография позволяет снизить до минимума фактор внешнего вмешательства в исследовательский процесс.

Важно отметить, что, какой бы проект ни реализовывался с использованием метода мобильной этнографии, практически каждый из них уникален и предполагает разработку индивидуального исследовательского дизайна и средств решения поставленных задач.

Изначально появившись в исследованиях B2C, мобильная этнография набирает популярность в сфере B2B. Такие исследования могут помочь выявлению технологических недостатков, совершенствованию бизнес-процессов, внедрению инноваций. Так, например, этнографическое исследование процесса монтажа системы отопления способно дать сервисной компании, заинтересованной в таком исследовании, подробную информацию о нюансах этого процесса. Сам монтажник может не обращать внимания на некоторые сложности и быстро забывать о них, но видеозаписи процесса монтажа с комментариями, которые он осуществляет, могут выявить системные проблемы, с которыми сталкивается специалист. Устранение таких проблем способно снизить издержки, указать на пути совершенствования процесса, тем самым повысить эффективность бизнеса [13].

Мобильные этнографические исследования могут быть использованы в самых разнообразных сферах. Это, например, особенности использования определённого товара или услуги, формы проведения досуга, испытываемые человеком эмоции при покупке товара или использовании услуги, стиль жизни. Отдельного внимания заслуживают UX-исследования¹, представляющие собой изучение опыта и впечатлений пользователей цифрового продукта: сайтов, мобильных приложений, компьютерных игр и т.д. Сегодня дизайн пользовательского интерфейса - это одна из самых востребованных профессий в цифровой индустрии, а UX-исследования одно из самых динамично развивающихся направлений исследований. UX-исследования тесно связаны с самим процессом дизайна. Они помогают узнать пользователей, мотивы их поведения, цели и потребности, показывают, насколько удобна навигация в системе, какие трудности возникают у пользователей и,

что самое важное, какие ощущения у них появляются при взаимодействии с цифровым продуктом. UX-исследования часто осуществляются при помощи мобильной этнографии и представляют собой тестирование удобства использования (юзабилити), которое считается чрезвычайно важной составляющей при разработке цифрового продукта [10].

Особенности формирования выборки при проведении исследований методом мобильной этнографии

Рекрутирование респондентов. Поиск и отбор респондентов — это один из наиболее ответственных этапов любого исследования. В условиях, когда осуществляется глубокое погружение в жизненный мир респондента, его соответствие образу типичного представителя целевой аудитории — необходимое условие. В маркетинговом исследовании основным параметром для подбора респондентов здесь является опыт в исследуемом продукте или функционале. По этой характеристике могут быть выделены три группы:

- опытный пользователь;
- пользователь с аналогичным опытом (конкурентный продукт или решение задачи каким-то другим способом);
- неопытный пользователь.

Для удачного рекрутирования необходимо конкретизировать, что понимается под «пользователем продукта». Чем подробнее будут описаны характеристики пользователей, подходящих для теста, тем больше вероятность получения полезных результатов. Важно учитывать такие параметры, как активность (частота, длительность, использование разнообразного функционала) и особенности использования продукта. При отборе неопытных пользователей также важно изучить особенности их взаимодействия с продуктом. Это может дать понимание момента первого знакомства с продуктом новой аудитории. Это должны быть люди, у которых потенциально есть потребность в продукте. Если же пригласить людей, не имеющих вообще никакого интереса в предметной области, скорее всего, выполнение заданий ими будет механическим.

Помимо социально-демографических характеристик и опыта потенциальных респонден-

тов, существует ещё ряд параметров, которые необходимо учитывать при рекрутировании. В UX-исследованиях, это может быть, например, тип используемой платформы (десктопная или мобильная версия цифрового продукта), «продвинутость» пользователя (опыт использования аналогичных продуктов), «хардкорность» (этот критерий может быть актуален при тестировании игр). В социологических исследованиях такими критериями могут выступать социально-демографические характеристики, ценностные установки респондентов, принадлежность к той или иной субкультуре.

Выборка. Количество респондентов во многом зависит от исследовательских целей. В маркетинговых исследованиях небольшие выборки способны решать задачи при тестировании прототипов и концептов, когда важно найти самые очевидные и наиболее критичные проблемы разрабатываемого продукта. После внедрения, когда возникает необходимость «доработки» деталей, требуется увеличение количества тестирований на более разнообразной аудитории. В социологии при использовании мобильной этнографии небольшие выборки могут быть актуальны на этапе пилотажа инструментария и в ходе разведывательных исследований. В дальнейшем, при решении основных исследовательских задач есть смысл расширять количество исследуемых респондентов.

Основатель компании «Nielsen Norman Group» и специалист по юзабилити Якоб Нильсен обозначил, что для любого юзабилити-теста достаточно пяти человек. Он показал, что после первых нескольких участников юзабилити-тестирования количество новых обнаруженных проблем снижается. Нильсен постулирует, что выборка из пяти человек позволяет обнаружить 85% проблем интерфейса [144]. Несмотря на популярность утверждения о пяти респондентах, многие исследователи предпочитают брать больше участников исследования. В 2012 году на основании экспертного опроса было показано, что более 81% исследований базируются на выборках больше, чем пять человек (медиана 10) [7]. В маркетинговых исследованиях размеры выборки составляют 10-20 человек. Представляется, что для социологических исследований выборки в размере 10-15 человек будут оптимальны.

Источники рекрутирования

В практике маркетинговых исследований существует несколько источников рекрутирования.

1. Специальные рекрутинговые агентства. Этот способ удобен, но имеет ряд недостатков. Первый связан с высокой стоимостью. Вторая проблема – это профессиональные респонденты – люди, для которых участие в исследованиях способ получить вознаграждение. Зачастую они могут предоставлять недостоверную информацию о себе и давать социально одобряемые ответы, что негативно сказывается на результатах исследования.

2. Онлайн-панели. Для этого источника также актуальны проблемы, указанные выше. В то же время у онлайн-панелей есть ряд преимуществ: большое разнообразие различных типов респондентов, широкий географический охват, высокая скорость рекрутирования.

3. Самостоятельное рекрутирование представляет собой трудоёмкую задачу. Основную сложность здесь составляет не столько сам поиск респондентов, сколько решение организационных вопросов: согласование времени, уточнение критериев, постоянные напоминания и т.п. В то же время это самый недорогой и доступный способ привлечения людей к проекту. Самостоятельное рекрутирование может осуществляться по нескольким направлениям: среди друзей и коллег, в тематических группах в социальных сетях, с использованием контекстной и таргетированной рекламы в социальных сетях, на сайтах по поиску подработки. После привлечения первых нескольких респондентов можно использовать метод «снежного кома», когда респонденты рекомендуют своих друзей, знакомых, родственников, соответствующих критериям отбора в проект.

4. Полевое рекрутирование осуществляется в местах большого скопления людей. Это могут быть кафе или торговые центры. Такой вариант подходит в случае необходимости привлечения достаточно широкой аудитории. В некоторых случаях представителей целевой аудитории можно искать в тех местах, где они в силу своих особенностей бывают часто. Так, молодых родителей можно застать в детских игровых зонах крупных торговых центров. Вне зависимости от источника рекрутирования всегда важна дополнительная проверка соответствия респондента критериям выборки.

Подводя итог, отметим, что метод мобильной этнографии относится к разряду перспективных. Ежегодные исследования GRIT (Greenbook Research Industry Trends), направленные на изучение перспективных исследовательских методов подтверждают это. Так в отчёте GRIT за 2017 год, метод мобильной этнографии находится на 8 строчке в списке новых методов, которые используются, или рассматриваются для использования. Среди экспертов – руководителей исследовательских компаний, принявших участие в опросе, 35% указали что уже используют этот метод, ещё 26% рассматривают его для потенциального использования, а 61% интересуются мобильной этнографией [3].

К сожалению, сегодня использование новых исследовательских методов в академической и вузовской социологии не получает широкого распространения. Крупные исследовательские компании, за редким исключением, также консервативны в этом вопросе. Хочется надеяться, что метод мобильной этнографии станет исключением, поскольку, по нашему мнению, он обладает большими эвристическими возможностями для изучения современных социальных проблем.

Литература

1. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии [Текст] / Г. Гарфинкель. - Санкт-Петербург : Питер, 2007 – 335 с.
2. Ильина А. А. Этнографические методы в социологии: на примере эмпирического исследования [Текст] / А. А. Ильина // Актуальные вопросы социологической науки: теория, методология, практика : материалы ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных / ред. Н. П. Нарбута, Т. И. Лариной. – Москва, 2016. - С. 147-152.
3. Карпова А. Топ 20 перспективных методов исследования в 2017 году / А. Карпова // Сайт ассоциация исследовательских компаний «Группа 7/89». - URL: <http://789.ru/magazine/eto-interesno/13452-top-20-perspektivnykh-metodov-issledovaniya-v-2017-godu.html>
4. Кистова А. В. Этнографический метод в социально-гуманитарных исследованиях [Электронный ресурс] / А. В. Кистова // Современные проблемы науки и образования. - URL : <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10495>

5. Ларина Т. И. Реконструкция социальных представлений о городе: опыт использования метода GO-ALONG [Текст] / Т. И. Ларина, А. А. Ильина // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. - 2016. - № 3. - С. 20-32.

6. Мобильная этнография - окно в повседневную реальность респондента [Электронный ресурс] // Сайт компании Ipsos Comcon (запись вебинара). - URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-comcon/ru-ru/mobilnaa-etnografia-okno-v-povsednevnuu-realnost-respondenta>.

7. Спрогис Наталия. Тонкости подбора респондентов для UX-исследований [Электронный ресурс] / Н. Спрогис // Коллективный блог Хабрахабр. - URL : <https://habrahabr.ru/company/mailru/blog/304720/>

8. Полухина Е. В. Этнографический метод в отечественных социологических исследованиях [Текст] / Е. В. Полухина // Социологические исследования. - 2010. - № 7. - С. 143-146.

9. Романов П. В. «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии [Текст] / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова / Социологический журнал. - 1998. - № 1-2. - С. 145-160.

10. Сегодня Алексей. Что такое UX/UI дизайн на самом деле? [Электронный ресурс] / А. Сегодня // Коллективный блог Хабрахабр. - URL: <https://habrahabr.ru/post/321312/>

11. Этнография : учебник / под ред. Ю. В. Бромлея, Г. Е. Маркова. - Москва: Высш. школа, 1982. - 320 с.

12. Полюшкевич О.А. Социальная антропология. Статья в открытом архиве № 4 15.01.2015 [электронный ресурс] - URL: http://regionstudy.narod.ru/Region_Department/Social_antropology/Antropol_main.htm

13. Daniel Mullins. 5 Ways B2B Research Can Benefit From Mobile Ethnography [Electronic resource] / D. Mullins. - URL : <https://rwconnect.esomar.org/5-ways-b2b-research-can-benefit-from-mobile-ethnography/>

14. Jakob Nielsen. Why You Only Need to Test with 5 Users. [Electronic resource] / J. Nielsen. - URL: <https://www.nngroup.com/articles/why-you-only-need-to-test-with-5-users/>

Ссылки:

1 UX - User Experience (дословно: «опыт пользователя»). Часто вместе с UX используют другое понятие: UI - User Interface (дословно «пользовательский интерфейс»)

Развитие концепций школы и университета: сравнительный и исторический анализ

Никулин Д.Н.

В статье рассматриваются классические и современные концепции школьного и университетского образования. Автором прослеживается динамика их исторического развития и проводится сравнительный анализ концепций школы и университета в исторической перспективе. В статье также ставится проблема отсутствия достаточной степени интеграции между социальными институтами школы и университета в современной системе образования и обосновывается возможное решение этой проблемы через социальный институт «предуниверсариев» или предуниверситетского образования.

Ключевые слова: школа, университет, система образования, образовательная траектория, предуниверсарий

Nikulín D.N.

Evolution of school and university concepts: comparative and historical analysis

The article considers classical and modern concepts of school and university education. The author traces the dynamics of historical evolution of these institutes and compares the concepts of the school and university in the historical perspective. The article also poses the problem of the lack of a sufficient degree of integration between the social institutions of the school and the university in the modern education system and substantiates the possible solution of this problem through the social institution of «pre-universal» or pre-university education.

Keywords: school, university, education system, educational trajectory, pre-university

Введение

Традиционно школа и университет как социальные институты системы образования в значительной мере противопоставлялись друг другу. Их взаимоотношения хорошо описывает компетентностный подход – в данном случае предполагается, что школа и университет связаны с принципиально различными кластерами компетенций, которые зачастую выступают как противоречащие друг другу – взять хотя бы стереотипные суждения о формировании в одном случае строгого и шаблонного «школьного» мышления, а в другом – свободного «университетского».

В результате, передвижение из одной подсистемы в другую становится классическим с антропологической точки зрения обрядом перехода – поступление в университет позиционируется как вхождение в новую жизнь, с необходимостью забыть все, что было на этапе «до» и с готовностью принять новый статус, определяющий человека заново. Таким образом, с успехом пройдя лиминальный (пограничный) этап (в статусе «абитуриента»), уже прошедший первичную инициацию студент как неопит должен стать своего рода *tabula rasa* – чистой доской, на которой записываются его новые знания и компетенции.

И здесь мы сталкиваемся с важной с точки зрения социальной системы проблемой – если образование все больше мыслится и проектируется как некая траектория – т.е как планомерное движение из пункта А (детский сад или младшие классы школы) в пункт Б (окончание бакалавриата/специалитета/ магистратуры/аспирантуры и выход на рынок труда), то ни один из контрольных пунктов или этапов этой траектории не может противоречить другому. Это порождает ситуацию своего рода функциональ-

ного вакуума, когда между двумя соседними контрольными пунктами образовательной траектории не существует достаточной связи (или она непоследовательна).

Следовательно, для того, чтобы в полной мере проанализировать данную ситуацию в современной системе образования представляется необходимым:

- 1) Выявить ключевые концепции школы и их наиболее значимые аспекты;
- 2) Определить основные концепции университета и составляющие их элементы;
- 3) Проследить развитие концепций школы и университета в исторической перспективе (начиная с Нового времени);
- 4) Провести сравнительный анализ наиболее значимых элементов и аспектов концепций школы и университета.

На решение приведенных выше задач и ориентирована данная работа.

Классическая концепция школьного образования

Прежде всего, необходимо отметить, что подобно науке, школьное образование как объект философской (в широком смысле слова) рефлексии появляется лишь в Новое время. На более ранних исторических этапах мыслители делали акцент не на осмыслении школы как социального института, а скорее на процессах воспитания как более широкой формы передачи определенных значимых для конкретного общества навыков, знаний и ценностей. Именно воспитание, а не школа, находились в фокусе внимания Платона, Аристотеля, Руссо и многих других философов.

Что касается концепций уже собственно школы и школьного образования, то их можно условно разделить на классическую и современную. Карл Маннгейм предлагает в качестве их обозначения «фрагментарную» и «интегральную» [9], хотя подобные обозначения не в полной мере отражают все ключевые концептуальные элементы классического и современного подходов к пониманию школы и ее наиболее значимых институциональных элементов.

Так что же предполагается в рамках классической концепции школьного образования, повсеместное распространение которой можно было в наиболее явной форме наблюдать, например, в 19 веке (в той же России и Франции)? [2]. Здесь можно выделить два ключевых аспекта:

1) Отделенность, замкнутость школы от общества, его потребностей и изменений.

В предшествующую историческую эпоху школа мыслилась как принципиально обособленный от общества, самостоятельный и самореферентный институт: «Образование считалось независимой областью, поскольку школа и общество превратились в две категории, не дополняющие, а противостоящие друг другу» [9, с.462].

Такой подход приводил к явному противопоставлению не только школы и общества в целом, но также школы и института семьи: «семья и школа являются двумя враждебными лагерями, вместо того чтобы быть тесными союзниками в деле образования и воспитания детей» [5, с.245]. С точки зрения семьи, школа была не только площадкой для получения знаний и повышения (или сохранения) социального статуса индивида, но и своего рода временной ссылкой, где в наиболее сильной форме осуществлялось определенное социальное давление на него, регламентирующее его поступки и образ мышления: «До определенного возраста образовательные институты пытались оказать влияние на вас и ваше поведение; после достижения этого возраста вы считались свободным» [9, с.462].

Но чем обосновывалась подобная отделенность школы? Во многом это следовало из представлений о неизменности фундаментальных ценностей, знаний, качеств, на сохранение, передачу или развитие которых и была ориентирована школа: «Важнейшие цели и ценности образования неизменны; конечная и исключительная цель образования – воспитание свободной личности путем беспрепятственного развертывания внутренних качеств» [там же, с.462]. Отсюда – излишний упор на традиции обучения (например, изучение латыни и древнегреческого языка), отсюда же – неизменный характер самих классических школ (которые, как цельные и самореферентные системы, могли не меняться десятилетиями).

2) Сословный и, позже, классовый характер школьного образования.

Не менее значимым элементом классической школы как социального института был также и ее очевидный сословный или классовый характер (в зависимости от того, о какой стране и о какой исторической эпохе идет речь).

Возьмем в качестве релевантного в этом контексте пример классической школы Российской империи в эпоху правления Николая I. Согласно Высочайшему рескрипту императора 1827 г., было решено, что обучение крестьян в лицеях и гимназиях не соответствует интересам государства — с одной стороны, считалось, что принятое в традиционных крестьянских семьях воспитание зачастую было «дурным» по своему характеру и приводило к своего рода нравственной порче поступивших в те же учебные заведения детей из «благородных» семей, с другой стороны, в процессе обучения в гимназиях лучшие выходцы из среды крестьян (по своим способностям и академическим успехам) «причисляются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию» [7, с.230] — выпускаясь из таких учебных заведений, крестьяне все равно оказывались отрезаны от большинства легальных возможностей для улучшения своего социального статуса в рамках актуальной на тот момент социальной системы. Что, разумеется, могло привести к росту революционных настроений.

В итоге была сформирована школьная система, где «приходские училища существовали преимущественно для крестьян, уездные — для купечества и оберофицерских дворян, гимназии — преимущественно для дворян» [там же, с.229], в явной форме основанная на сословном делении.

Однако подобный подход, с акцентом уже скорее на неявной, латентной (в терминологии Мертона) стратификационной дискриминации, был характерен не только для сословных социальных систем, но и для классовых. Именно в таком ключе институт школы рассматривал Бурдье — один из главных теоретиков классового стратификационного анализа, — главная идея которой состояла в том, что весь процесс школьного образования ориентирован на воспроизводство текущей классовой структуры, т.е. осуществляется «в интересах господствующих групп или классов» [1, с.25].

Это проявляется на нескольких уровнях. В первую очередь здесь важна позиция учителя как носителя символической власти (т.е. способности навязывать другим определенные представления, установки). Даже если мы предположим, что сами учителя (в зависимости от статуса учебного заведения) могут быть выход-

цами из разных классов, то унификация школьных учебников и программ в любом случае формирует в них принципиально одномерный характер преподнесения информации и оценки успехов учеников (как соответствующим или несоответствующим принятому стандарту), который, в свою очередь, отражает текущую классовую ситуацию и интересы политической элиты. Как пишет Бурдье, система школьного образования «стремится наделить агентов, отвечающих за обучение, равной подготовкой, уравнивающими и уравнивающими средствами» [там же, с.68], в которых необходимо видеть «не только вспомогательные средства обучения, но и инструменты контроля, призванные гарантировать ортодоксию против индивидуальной ереси» [там же].

Более того, классовый характер приобретает также и оценка академической эффективности. Если стандарт образования заточен на передачу ценностей и установок господствующего класса, то, разумеется, более успешными в его освоении будут те социальные агенты, у которых сформирован соответствующий габитус (в данном случае его можно трактовать как своего рода социо-культурный бэкграунд, связанный с предшествующей средой воспитания ребенка или подростка) — «Отсюда логически следует, что школьный отсев увеличивается при движении в сторону классов, наиболее далеких от школьного языка» [там же, с.80].

Современная концепция школьного образования

Постепенно, на волне все возрастающей критики (как теоретической, так и практической) школьного образования и самой школы как социального института начинает формироваться новая концепция школьного образования — ее можно условно обозначить как современную — как и в случае с «фрагментарностью» классической концепции, «интегральность» современной также можно назвать лишь одним из ее значимых содержательных аспектов (поэтому здесь, опять же, терминология Маннгейма будет не совсем корректна).

Собственно, начать ее представление можно как раз с того самого присущего ей интегрального характера. В отличие от классической концепции с установкой школы на неизменность, вечность передаваемых ей ученикам ценностей и знаний, здесь, напротив, можно уви-

деть акцент на учете исторических, социальных, экономических, политических условий, в которых находится конкретный ученик и школа как включенный в этот всеобщий контекст социальный институт.

Другими словами, школа начинает трактоваться как элемент социальной системы, который должен быть соотнесен с другими ее элементами, соответствовать и не противоречить им: «В школе та же дисциплина, что и в обществе. Правила, определяющие для школьника его обязанности, сравнимы с правилами, диктующими манеру поведения взрослому человеку» [6]. Следовательно, институт школы по необходимости должен быть эффективно интегрирован в социальную систему как ее часть, а не как отдельное самодовлеющее целое.

Это переносится и на характер взаимодействия школы и семьи. Если в классической концепции эти социальные институты зачастую противопоставлялись друг другу, то в концепции современной можно увидеть их функциональное переплетение в рамках общей для определенной социальной системы модели воспитания индивида – как пишет Мангейм, «если семья и школа... будут действовать изолированно и не учитывать влияние друг друга, они не достигнут нужного эффекта» [9, с.462].

Более того, чтобы эффективно выстроить образовательную траекторию конкретного индивида (успешно включив его тем самым и в институт школы), необходимо «принимать во внимание всю историю его жизни и множество социальных факторов, воздействующих на него наряду со школой» [там же, с.463]. Здесь вновь становятся актуальными теоретические находки Бурдьё, согласно которому габитус индивида предопределяет его дальнейшие жизненные шансы – т.е. «габитус, приобретенный в семье, служит основой рецепции и усвоения школьного сообщения, а габитус, приобретенный в школе, служит основой другого уровня рецепции и другой степени усвоения сообщений, создаваемых и распространяемых индустрией культуры» [1, с.55].

Интегральный характер современной школы предопределяет также содержание школьных знаний. В первую очередь, и это создает сильный контраст с классической концепцией школы, передаваемые школой знания постоянно обновляются, с необходимостью соответ-

ствуя актуальному общественному контексту – это можно увидеть даже в трансформации содержания российских школьных учебников по обществознанию, где внимание постепенно начинает все больше уделяться таким значимым для современности тенденциям, как глобализация, формирование информационного и постиндустриального обществ и т.д.

Вместе с тем, школьные дисциплины должны соответствовать не только актуальным социальным тенденциям, но и друг другу, формируя настолько же общий и цельный взгляд на социальную и физическую действительность, насколько «единой и неделимой» [9, с.463] является сама человеческая личность, с которой они входят в соприкосновение – в таком случае, «только координированное наступление на разум индивида может быть эффективным» [там же].

Наконец, не менее значимые элементы современной концепции школьного образования наблюдаются и в рамках так называемого Образования 2.0.

Предполагается, что школа отныне не может считаться лишь организацией, транслирующей обучающимся стандартизованные знания. Современная школа – это, прежде всего, «специально организованное пространство для обмена частным знанием участников образовательного процесса» [3, с.228]. Несмотря на то, что и в этом случае опора может происходить на специальную учебную литературу, сама по себе «носителем объективного знания» она не является, выступая лишь в качестве одного из элементов образовательного процесса.

Все это, в свою очередь, меняет форму коммуникации между учителем и учениками – «принцип сотрудничества понимается гораздо шире, и в первую очередь как реальное, а не «игрушечное» равноправие участников образовательного процесса, детей и взрослых» [там же, с.229]. Учитель, в таком случае, как и любой участник образовательного пространства, приходит в школу развиваться и совершенствовать свои навыки и знания, чему как раз способствует его более свободное (чем в классической концепции) взаимодействие с учениками. В итоге, «в организованном таким образом образовательном процессе грань между понятиями «учитель» и «ученик» постепенно стирается» [там же].

Концепции университета в Новое время

Итак, в предыдущих разделах работы были разобраны ключевые элементы классической и современной концепций школы и школьного образования. Следующие три раздела, в свою очередь, будут представлять развитие концепций университета – и начать снова стоит с Нового времени.

В этот исторический период принято выделять две ключевых концепции университетского образования – классический университет и исследовательский университет Гумбольдта.

Классическая концепция университета, нашедшая свое отражение во многих высших заведениях 17-18 веков, ориентируется отчасти на те же фундаментальные представления об образовании, что и классическая школа. Знание, к примеру, здесь носит универсальный, а не прикладной характер [12, с.68], т.е ориентировано прежде всего на универсальный образовательный фундамент («обучение достижениям культуры, развитие интеллекта и духовности» [там же, с.69] через «свободные» или «либеральные» дисциплины), а не на социальные и экономические потребности (обучение эффективной реализации которых – «прерогатива иных, нежели университет, образовательных институтов» [там же]). Тем самым подчеркивается свобода, отделенность университета и от общества, и от государства.

Впрочем, как и в случае с классической школой, подобное дистанцирование от общества и его нужд в начале 19 века и позднее привело к отказу от классической концепции университета – отчасти это было связано и с «отсутствием серьезных исследовательских работ, что подрывало основания элитарности и легитимности влияния интеллектуалов» [там же, с.70].

Именно на реализацию университета в научном поле и был сделан акцент в следующей концепции университета – исследовательской (или, как ее еще называют, концепции университета Гумбольдта), которая «способствовала блестящим и беспрецедентным на мировом уровне успехам немецкой университетской науки в XIX. и даже до конца 30-х годов XX в» [там же].

Отчасти эта реформаторская по своему характеру концепция была реакцией на классический университет – «университет, погрязший

в цеховщине» [13, с.68], учебные материалы которого настолько следовали образовательным традициям, что «не были пригодны даже для практической жизни» [там же], не говоря уже о формировании и развитии научного знания. Более того, дисфункциональной для развития университетского образования была и мотивация учащихся классических университетов, многие из которых приезжали в университетские кампусы «не ради учебы, а для того, чтобы «вести свободную жизнь»» [там же].

Потенциально альтернатив классическому университету было две – утилитарная, практическая направленность обучения («именно та профессиональная подготовка, которую сегодня ожидают от университетов не органы государственного управления, а «хозяйство и общество»» [там же, с.70]), что могло бы связать университет и общественную жизнь в ущерб развитию многих направлений науки, и собственно научная направленность взаимодействия студентов и преподавателей, на реализацию которой и была направлена концепция Гумбольдта, видевшего ключевое назначение университета в «занятии наукой в самом глубоком и широком смысле этого слова» [4].

Строго говоря, Гумбольдт даже не называет университеты высшими учебными заведениями – для него более характерно их обозначение как заведений научных, где учитель и ученики, для которых «наука всегда представляет собой проблему, еще не нашедшую своего окончательного решения» [там же], вместе занимаются исследованиями – «отношение между профессорами и студентами для Гумбольдта представляет собой сократический диалог, в который каждый что-то вносит и каждый что-то получает» [13, с.76] – преподаватель более опытен в исследованиях и владеет большим запасом знания, а ученики – большей энергией и способностью придумать и создать что-то новое.

Это становится возможным благодаря двум фундаментальным принципам исследовательского университета – одиночеству и свободе. Первая предполагает «по меньшей мере временное, необходимое в течение нескольких лет уединение человека, уход из мира» [там же, с.80] – университетские кампусы должны быть своего рода замкнутой от остального мира системой, не содержащей в себе ее несовершенства и слабости. Только в таком случае для студента ста-

новится возможной реализация принципа свободы — он «не впадает ни в праздность, ни в заботы практической жизни» [там же, с.76], а его исследовательские устремления не сковываются строгими учебными планами и экзаменами — «студент также должен иметь нерегулируемый досуг, работать сам по себе и, значит, над собой» [там же].

Впрочем, принцип свободы распространялся также и на отношения университета с государством, которое (при условии признания ценности достижения научного знания и прогресса как ключевой или, по крайней мере, одной из ключевых) не имело право навязывать направления исследований, регулировать учебные программы и т.д.: «профессор — не государственный служащий, а член университета... государство не должно вмешиваться в содержание научных исследований и учебных курсов, решения насчет этого должны приниматься самостоятельно учеными и преподавателями» [14]. Более того, ориентируясь, прежде всего, на развитие научного знания, исследовательский университет с необходимостью должен был обладать сверхнациональным характером — служить науке, которая не знает национальных границ, «человечеству в целом и не участвовать в борьбе наций» [там же].

Современная концепция университета

В то же время формирование массового университета, связанного с процессами демократизации образования и трансформации социальной системы в целом привело к появлению новой, современной концепции университета.

В первую очередь, она связана со становлением в развитых странах информационного общества. «Лавинообразное нарастание объема разнородной информации, революционные изменения в способах ее производства и передачи» [12, с.73] приводят к тому, что понемногу начинает утрачивать свою значимость универсальное университетское знание, и все более актуальным становится развитие у студентов специфических навыков работы с большими объемами постоянно меняющейся информации «в жестком соответствии с целями и задачами, поставленными перед собой не самим субъектом, а его внешней агрессивной средой» [там же, с.75].

Более того, если «внешняя агрессивная среда» склонна к постоянным изменениям (что действительно характерно для современных обществ), то на первый план выходит обучение студентов «умению определять собственную образовательную траекторию в соответствии с меняющейся жизненной и профессиональной ситуацией» [там же, с.79]. Другими словами, в современном мире практически не осталось так называемых профессий «на всю жизнь» — рынок труда постоянно трансформируется вслед за трансформацией самих социальных систем, а значит, современный работник должен быть способен в любой момент сменить свое профессиональное поле на другое, более актуальное и соответствующее общественным запросам. Следовательно, и его образование должно быть не столько заточено на знание определенного предмета или блока дисциплин, сколько на формирование в нем «навыков междисциплинарного подхода» [там же, с.80].

Такая трактовка современного университета во многом становится ориентированной уже не столько на общество, сколько на индивидуальную адаптацию к нему проходящих обучение студентов. Здесь можно увидеть определенное противоречие — если ранее университет всегда определял себя в терминах общественного блага (развитие науки, формирование культурной элиты, «просвещение» людей через их массовое включение в актуальный социо-культурный контекст), то сегодня на первый план выходят блага частные (к которым можно отнести и получаемые студентами индивидуальные дипломы, и формируемые у них навыки индивидуальной адаптации к внешней социальной среде) [8].

Отсюда же следует и принципиально новое отношение к науке — вне зависимости от того, о государственном или частном финансировании современных университетов идет речь, научные исследования стали простым количественным, т.е. измеряемым показателем эффективности их работы. И это вполне естественно — если в предыдущие исторические эпохи существовало не так много высших учебных заведений, то в условиях массовизации высшего образования между университетами с необходимостью должна была произойти своего рода статусная дифференциация: «Если раньше поступление в университет свидетельствовало об элитарном ста-

туса, то теперь большое значение приобрел вопрос о том, что именно это за университет» [там же, с.292]. В такой ситуации неизбежно должен был появиться новый количественный параметр, в значительной мере определяющий статус университета – высокий, средний, низкий – и таким параметром стала продуктивность научных исследований – «основной способ, которым институты конкурируют за престиж; они требуют этой продуктивности от своих профессоров и преподавателей даже в тех случаях, когда почти не дают времени и средств для проведения таких исследований» [там же, с.296]. Впрочем, подобное отношение к науке как ключевому источнику статуса университета и его финансирования полностью соответствует уже обозначенной ранее ориентации на производство университетом в первую очередь частных, индивидуальных, а не общественных благ.

Сравнительный анализ концепций школы и университета

Наконец, перейдем к сравнительному анализу концепций школы и университета. Начнем с классических концепций. Как можно было увидеть, и классическая концепция школы, и классическая концепция университета, прежде всего, предполагают создание обособленной от общества самостоятельной образовательной системы. Более того, и в том, и в другом случае, образовательные институты транслируют набор ценностей и знаний, который считался в том или ином обществе фундаментальным и неизменным – отсюда, в частности, вытекало и изучение так называемых «мертвых» языков – латыни (в Новое время), древнегреческого. Интересно, что подобная ситуация, предполагающая замкнутость от общества (и друг от друга) школы и университета как особых образовательных систем фактически приводила к тому, что они были отлично интегрированы в общую образовательную траекторию учащихся (особенно это было характерно для высших сословий и классов), что редко наблюдается в современном обществе.

Это, в свою очередь, связано с появлением концепции университета Гумбольдта, где университет за счет своей ключевой цели – развития научного знания, и характерных для него фундаментальных элементов – одиночества и свободы, начинает принципиально отделяться от школы и школьного образования, которые

не предполагали ни подобной цели, ни подобных принципов, ориентируясь в тот исторический период на традиции классической школы. В данном случае различия между школой и университетом как разными «образовательными мирами» становятся наиболее разительными.

В то же время нельзя не отметить, что подобные противоречия в содержательных элементах концепций школ и университета связаны и с самой направленностью этих образовательных институтов – классически школа все-таки была массовой, а университет – элитарным, и концепция Гумбольдта лишь подчеркнула эту важную особенность.

Но как, в таком случае, друг с другом соотносятся концепции уже массовых по своему характеру, т.е. современных школ и университетов? В первую очередь необходимо подчеркнуть, что концепция университета Гумбольдта данной социальной ситуации уже не соответствует. Более релевантной в этом случае становится концепция массового университета Ортега-и-Гассета, с позиции которого университет должен быть, во-первых, практико-ориентированным, выпуская специалистов во всех значимых для социальной системы областях, и, во-вторых, должен выполнять интегративную функцию для самих студентов, включая их в актуальный исторический, социальный и культурный контекст [11]. Как можно увидеть, подобные тенденции сохраняются и в самых современных концепциях университета, где делается особый акцент на том, чтобы студент/выпускник был настолько эффективно интегрирован в актуальную социальную ситуацию, чтобы при необходимости он мог резко и без особых карьерных и финансовых потерь сменить свою профессиональную траекторию.

Что касается современных концепций школы, то и здесь интеграция выходит на первый план. Во-первых, подчеркивается, что школа как образовательный институт должна быть интегрирована в социальное целое и соотносена с прочими институтами воспитания – в частности, с семьей (чего не наблюдалось в классической концепции). Во-вторых, школа должна с необходимостью учитывать различия в габитурах обучающихся, чтобы их образовательные траектории в итоге были выстроены более эффективно. Наконец, интеграция должна происходить и между школьными дисциплинами, ко-

торые должны формировать в ученике цельное представление о социальной и физической реальности, в которой он находится и к которой он вынужден адаптироваться (для того, чтобы в итоге эта адаптация была успешной) – этот принцип, в свою очередь, прекрасно соотносится с тенденцией к междисциплинарному подходу к обучению, который становится неотъемлемой частью университетского образования.

Заключение

Как можно увидеть, современные концепции школы и университета предполагают, прежде всего, интеграцию в актуальное социальное целое как самих этих образовательных институтов, так и тех индивидов, которые проходят через них на разных этапах формирования своей образовательной и, в дальнейшем, профессиональной траектории. Однако к настоящему моменту ни в тех, ни в других концепциях не сформировано четкого положения о том, что школа и университет должны быть интегрированы также и друг с другом. Именно этим и объясняется функциональный вакуум (или частичный разрыв в образовательных траекториях учащих-ся) между этими элементами системы образования, который был обозначен уже во введении и который является крайне актуальным на текущем этапе развития школы и университета.

Однако, в последние годы эта ситуация начинает все больше проблематизироваться и постепенно, на базе старших классов школ формируется новый образовательный институт, получивший название «предуниверсарий». В данном случае речь идет о получении школьниками старших классов необходимого набора фундаментальных (базовых) университетских знаний и компетенций – способности создавать и анализировать академические тексты, ориентироваться в своем поведении на принципы академической свободы и ответственности, на более высоком, чем школьный, уровне понимать ключевые тенденции современного мира (благодаря углубленному прохождению социально-гуманитарного блока дисциплин – социологии, экономики, политологии, права) и некоторых других.

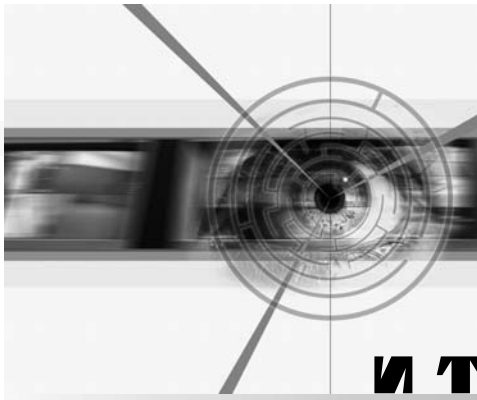
Другими словами, предполагается, что один из фундаментальных элементов школьной образовательной траектории (старшие классы) реконструируется с целью создания прямой и

последовательной связи между школой и университетом, согласно обозначенному ранее фундаментальному для современных концепций данных образовательных институтов интегральному принципу. Возможно, именно этот образовательный институт станет решением обозначенной выше проблемы.

Литература

1. Бурдые П., Пассрон Ж. Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Просвещение. 2010.
2. Гаврилина Ю. Г. Французские реформаторские идеи в сфере образования в педагогической теории России (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы образования, 2009, № 2. С. 254–268.
3. Гольдин А. М. Образование 2.0: модный термин или новое содержание? // Вопросы образования, 2010, № 2. С. 224–237.
4. Гумбольдт К. фон О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас, 2002, № 2 (22)
5. Днепров Э. Д. Кризис общего среднего образования в конце XIX в. // Вопросы образования, 2008, № 4. С. 238–255.
6. Дюркгейм Э. Социология образования. (Глава – «Воспитание, его природа и роль») Под ред. В. С. Собкина и В. Я. Нечаева. М.: Интор, 1996.
7. Калинина Е. А. Реформа среднего и начального образования в России при Николае I // Вопросы образования, 2014, № 4. С. 227–245.
8. Калхун К. Университет и общественное благо // ПРОГНОЗИУ, 2006, № 3(7). С. 283–320.
9. Манхейм К. Диагноз нашего времени (Глава 4-5) / Пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994.
10. Миттельштрасс Ю. Будущее науки и настоящее университета // Логос, 2013, №1 (91). С. 100–121.
11. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета // Отечественные записки, 2002, №2.
12. Строгеецкая Е. В. Идея и миссия современного университета // Вопросы образования, 2009, № 4. С. 67–81.
13. Шельски Г. Уединение и свобода. К социальной идее немецкого университета // Логос, 2013, №1 (91). С. 65-86
14. Ясперс К. Идея университета / пер. с нем. Т. В. Тягуновой; ред. пер. О. Н. Шпарага; под общ. ред. М. А. Гусаровского. – Минск: БГУ, 2006.

ГОРОД И ТЕРРИТОРИЯ

Новые тенденции нормативно-правовой поддержки развития социального обеспечения Москвы

Грачева О.Е.

В статье осуществлен анализ новых тенденции нормативно-правовой поддержки развития социального обеспечения Москвы. Проекты и программы, реализуемые городскими властями, нацелены на улучшение качества жизни людей всех возрастов во всех направлениях. Активно развиваются все отрасли городской жизни. Сформировалась новая инфраструктура – строительная, транспортная, экологическая, социальная. Москва становится удобной и комфортной для каждого. Первый в России проект по активному долголетию направлен на расширение возможностей участия граждан старше 55 лет, которые хотят вести активный образ жизни и использовать все возможности для самореализации в культурных, образовательных, физкультурных, оздоровительных и иных досуговых мероприятиях. В рамках проекта в каждом районе Москвы будут проводиться занятия на бесплатной основе по самым востребованным направлениям в зависимости от пожеланий жителей города. В настоящее время уже запущена цифровая трансформация российской экономики и ее субъектов. Постепенный и последовательный переход на электронную систему учета основных показателей социального обслуживания один из необходимых и прямых шагов к развитию цифровой социальной сферы в России.

Ключевые слова: повышение качества социальных услуг, пожилые люди, пилотный проект «Московское долголетие», цифровизация социального обслуживания.

Gracheva O.E.

New trends in legal and regulatory support for the development of social security in Moscow

The article analyzes the new trends in the legal support of the development of social security in Moscow. The projects and programs implemented by the city authorities are aimed at improving the quality of life of people of all ages in all directions. All branches of city life are actively developing. A new infrastructure – construction, transport, environmental and social has been formed. Moscow is becoming convenient and comfortable for everyone. Russia's first project on active longevity is aimed at expanding the opportunities for citizens over 55 years of age who want to lead an active lifestyle and use all opportunities for self-realization in cultural, educational, physical, recreational and other leisure activities. Within the framework of the project, classes will be held in each district of Moscow on a free basis in the most popular areas, depending on the wishes of the residents of the city. The digital transformation of the Russian economy and its subjects has already been launched. The gradual and consistent transition to an electronic system of accounting for the main indicators of social services is one of the necessary and direct steps towards the development of the digital social sphere in Russia.

Key words: improving the quality of social services, elderly people, pilot project «Moscow longevity», digitalization of social services.

За последние 7 лет средняя ожидаемая продолжительность жизни в Москве увеличилась на 3 года и превысила 77 лет. Рост продолжительности жизни, повышение качества медицинских услуг, улучшение состояния здоровья пожилых людей постепенно формируют новое отношение к старшему возрасту как к «лучшей половине жизни». Пожилые люди стремятся получить больше возможностей для активной насыщенной жизни, чтобы сохранять хорошее здоровье и бодрость на максимально длительное время.

Откликаясь на эти запросы, Правительство Москвы приняло решение о проведении масштабного пилотного проекта «**Московское долголетие**». Для пенсионеров организованы спортивные, досуговые и развивающие занятия на бесплатной основе. Организаторами и заказчиками занятий являются территориальные центры социального обслуживания. Для участия в проекте откликнулись образовательные центры, учреждения культуры, спорта, парки и другие организации.

Пожилые люди стремятся получить больше возможностей для активной, насыщенной жизни, чтобы максимально длительное время сохранять хорошее здоровье и бодрость. Учитывая эти запросы, Правительство Москвы приняло решение о проведении масштабного пилотного проекта по активному долголетию. В середине февраля на заседании президиума столичного правительства мэром Москвы Сергеем Собяниным проект был утвержден.

Проекты и программы, реализуемые городскими властями, нацелены на улучшение каче-

ства жизни людей всех возрастов во всех направлениях. Активно развиваются все отрасли городской жизни. Сформировалась новая инфраструктура – строительная, транспортная, экологическая, социальная. Москва становится удобной и комфортной для каждого.

Первый в России проект по активному долголетию направлен на расширение возможностей участия граждан старше 55 лет, которые хотят вести активный образ жизни и использовать все возможности для самореализации в культурных, образовательных, физкультурных, оздоровительных и иных досуговых мероприятиях. В рамках проекта в каждом районе Москвы будут проводиться занятия на бесплатной основе по самым востребованным направлениям в зависимости от пожеланий жителей города.

Среди трех миллионов пенсионеров, проживающих в столице, 400 тысяч женщин в возрасте 55-60 лет и 250 тысяч мужчин – от 60 до 65. Количество «молодых пенсионеров» Москвы сопоставимо с населением целого российского региона. Проект, прежде всего, нацелен на эту группу людей.

Чтобы стать участником программы, необходимо обратиться в территориальный центр социального обслуживания в своем районе или позвонить по телефону горячей линии проекта. Площадки открыты для прессы – для освещения их работы.

Пожилые и одинокие люди, увлеченные интересным и полезным занятием, уходят от депрессии, радуются жизни, и эти возможности им открывает программа активного долголетия.

Для реализации поставленных задач было принято Постановление Правительства Москвы от 13 февраля 2018 г. N 63-ПП «О проведении в городе Москве пилотного проекта по расширению возможностей участия граждан старшего поколения в культурных, образовательных, физкультурных, оздоровительных и иных досуговых мероприятиях». В целях дальнейшего создания условий для устойчивого увеличения продолжительности жизни населения города Москвы и принятия комплексных мер по организации активного досуга граждан старшего поколения принято решение провести в городе Москве пилотный проект по расширению возможностей участия граждан старшего поколения в культурных, образовательных, физкуль-

турных, оздоровительных и иных досуговых мероприятиях (далее - пилотный проект), направленный на:

1.1. Повышение жизненной активности граждан старшего поколения, развитие внутренних ресурсов граждан старшего поколения, позволяющих расширить возможности их самореализации.

1.2. Содействие в формировании позитивного представления граждан старшего поколения об активном образе жизни, реализации дальнейших мер по улучшению качества жизни граждан старшего поколения.

1.3. Развитие различных форм социальных коммуникаций, в том числе путем участия граждан старшего поколения в проводимых районных, окружных, городских конкурсах и фестивалях для демонстрации своих достижений, обмен полученными навыками, умениями и достижениями.

Для организации проведения пилотного проекта был создан Общественный совет по проведению пилотного проекта по расширению возможностей участия граждан старшего поколения в культурных, образовательных, физкультурных, оздоровительных и иных досуговых мероприятиях.

По итогам проведения пилотного проекта с учетом сложившихся интересов граждан старшего поколения в участии в проводимых досуговых занятиях планируется формирование соответствующей программы и московского стандарта организации досуговых занятий для граждан старшего поколения. Типовые формы документов утверждены приказом департамента труда и социальной защиты населения города Москвы от 14.02.2018 № 150.

Пилотный проект проводится для граждан, имеющих место жительства в городе Москве и достигших пенсионного возраста (мужчины - 60 лет, женщины - 55 лет), независимо от факта осуществления ими трудовой и иной деятельности.

Пилотный проект предусматривает организацию проведения культурных, образовательных, физкультурных, оздоровительных и иных досуговых занятий для граждан старшего поколения в каждом районе города Москвы без привлечения средств граждан, методические рекомендации по проведению которых утверждены приказом Департамента труда и социальной

защиты населения города Москвы от 24.05.2018 № 637.

В настоящее время уже запущена **цифровая трансформация** российской экономики и ее субъектов. Социальная защита наименее коммерциализированная отрасль, но важность и своевременность ее цифровизации не оставляет сомнений. Поэтапный и последовательный переход на электронную систему учета основных показателей социального обслуживания - учет услуг, оказываемых клиентам отделений социального обслуживания на дому (ввод услуг социальным работником, специалистам в момент оказания услуги с использованием планшета), формирование единого реестра получателей социальных услуг, получение статистической отчетности по оказанным услугам - один из необходимых и прямых шагов к развитию цифровой социальной сферы в России. Результатом автоматизации процесса социального обслуживания станет повышение качества социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, а также других категорий получателей услуг (выпускники интернатных учреждений, молодые инвалиды, и другие) посредством улучшения качества ведения служебной документации, ее сокращения и унификации.

В Москве в рамках реализации Государственной программы города Москвы «Информационный город» проводится пилотный проект по введению электронного учета социальных услуг (Постановление Правительства Москвы от 28 марта 2017 г. N 140-ПП). Социальные эффекты заключаются в повышении качества жизни в городе Москве. На основе развития и широкого применения информационно-коммуникационных технологий обеспечивается повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти города Москвы и государственных учреждений города Москвы в сферах образования, здравоохранения, социальной защиты населения, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, науки, культуры, спорта, туризма и отдыха, обеспечения охраны окружающей среды и других сферах. Реализация Государственной программы обеспечивает искоренение «цифрового неравенства», а также широкий доступ граждан и организаций к государственным услугам. Государственная программа направле-

на на реализацию государственной политики Правительства Москвы, целями которой является повышение качества жизни населения города Москвы, в том числе на основе создания социально ориентированной информационно-коммуникационной среды.

Цель проекта – предоставление социальных услуг с учетом использования современных информационных технологий.

Можно определить следующие Задачи проекта:

- Оптимизация трудозатрат персонала;
- Повышение качества предоставления услуг получателям социальных услуг (далее - ПСУ);
- Повышение качества предоставления услуг ПСУ;
- Изучение общественного мнения ПСУ;
- Организация процесса «планирования», предоставления услуг с учетом индивидуальной загрузки сотрудников;

В настоящее время все 37 территориальных центров социального обслуживания населения города Москвы (740 социальных работников и 60 заведующих отделений социального обслуживания) занимаются технологическим обеспечением и реализацией следующих направлений проекта:

- электронный учет оказания услуг;
- планирование рабочего времени сотрудников;
- планшетное / мобильное приложение для сотрудников;
- электронный отчет сотрудника;
- запись на прием к врачу;
- оплата коммунальных услуг;
- изучение общественного мнения;
- информирование населения;
- применение игровой мотивационной модели «герои социального труда».

Электронный учет услуг позволит повысить контроль работы сотрудников, упростить логистику перемещения сотрудников, получить обобщенные статистические данные об оказываемых услугах за любой интересующий период времени, упростить ведение отчетной документации.

Перспективными направлениями развития проекта являются:

- социальное такси - возможность взаимодействия через мобильное/планшетное приложение с Московской службой «Социальное так-

си» для осуществления перевозки маломобильных граждан;

- заказ товаров - возможность заказов товаров через электронную торговую площадку с безналичной оплатой, что сократит риски, возникающие при работе с наличными средствами, обеспечит уход от тяжелого физического труда (походов в магазин), способствует внедрению в практику элементов социальной адаптации ПСУ, путем вовлечения в процесс формирования и получения заказа;

- показания счетчиков - услуга позволяет передать показания приборов учета электроэнергии, получить и распечатать архив переданных показаний, проверить статус поверки электросчетчиков, оплатить расход электроэнергии, получить и распечатать текущий баланс и задолженность по счету.

Следующее приоритетное направление нормативно-правового реформирования социальной сферы города Москвы – это внедрение **стационарозамещающих технологий** на основе перевода части услуг на внешнее исполнение (аутсорсинг), привлечение и поддержка негосударственных поставщиков услуг (разгосударствление услуг), нормирование труда специалистов отрасли (по категориях ухода и видам оказываемых услуг), современные технологии по долговременному уходу за гражданами старшего поколения, полностью или частично утратившими способность к самообслуживанию, а также стимулирование родственного ухода за данной категорией граждан.

Стационарозамещающие технологии социального обслуживания нацелены на максимально возможное продление автономной жизни в привычных условиях пожилых граждан и поддержание их социального, психологического и физического статуса, оптимизацию затрат на оказание той или иной услуги, повышение качества и доступности социальных услуг.

На основании приказа Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы от 21.09.2016 N 1011 «О передаче в 2017-2018 гг. организациями стационарного социального обслуживания внешним исполнителям функций по предоставлению отдельных услуг» во всех государственных стационарных учреждениях социального обслуживания города Москвы на срок с 01.02.2017 по 31.12.2018 переданы внешним исполнителям (ООО «Скудова

Голд», ООО «Милосердие», ООО «Бюро социальных проектов», ООО «Социальная служба помощник», ООО «Линия жизни», ООО «Гало-Ком» и др.) функции по предоставлению услуг по уходу и медико-социальной помощи гражданам пожилого возраста и инвалидам, проживающим в указанных организациях стационарного социального обслуживания. Общая сумма контрактов по передаче вышеуказанных функций составила около 1 млрд. руб.

В реестр поставщиков социальных услуг города Москвы в соответствии с приказом Департамента социальной защиты населения города Москвы от 30 декабря 2014 г. N 1172 «О включении в реестр поставщиков социальных услуг города Москвы» (с изменениями от 28.04.2018 № 521) включено более 30 некоммерческих организаций, которым предоставлено компенсаций на сумму 1.2 млрд. рублей.

В целях создания условий, необходимых для внедрения рациональных организационных, технологических и трудовых процессов, улучшения организации труда, обеспечения нормального уровня напряженности (интенсивности) труда при предоставлении социальных услуг гражданам на дому и повышения эффективности социального обслуживания граждан был принят приказ Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы от 24 августа 2015 г. N 721 «О нормировании труда социальных работников при оказании социальных услуг в форме социального обслуживания на дому». В настоящее время разрабатываются методики по введению нормирования для среднего медицинского персонала государственных учреждений социального обслуживания города Москвы на (по категориях ухода и видам оказываемых услуг).

Правительством Российской Федерации (от 14 декабря 2017 г. № ОГ-П12-8359) утвержден комплекс мер по созданию системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, включающей сбалансированные социальное обслуживание и медицинскую помощь на дому, в полустационарной и стационарной форме с привлечением патронажной службы и сиделок, а также по поддержке семейного ухода.

Минтруд (Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 23 апреля 2018 г. N 12-3/10/П-2728) представил рекомендации по

уходу за ослабленными пожилыми людьми. Рекомендации подготовлены экспертами в области геронтологии, гериатрии и паллиативного ухода. Рекомендации предполагается использовать в пилотных регионах для создания системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, включающей сбалансированные социальное обслуживание и медпомощь на дому, в полустационарной и стационарной форме с привлечением патронажной службы и сиделок, а также по поддержке семейного ухода.

Рекомендации раскрывают несколько тем:

- оценка нарушений потребностей человека, получающего уход (в том числе оценка психического статуса, оценка риска развития пролежней, основы успешной коммуникации);
- старческая астения (в том числе тактика ведения пациентов старческой астении);
- хронические неинфекционные заболевания (в том числе алгоритмы помощи и ведения пациентов);
- общее понятие процесса ухода.

В Москве в рамках реализации указанных документов в настоящее время разрабатывается концепция долговременного ухода, которая будет включать следующие мероприятия:

- мероприятия по развитию и поддержке семейного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами;
- определение классификации ограничений жизнедеятельности граждан пожилого возраста и инвалидов;
- механизмы межведомственного взаимодействия медицинских организаций и организаций социального обслуживания, включая синхронизацию информационных систем в соответствующих сферах и способах передачи необходимой информации о состоянии пациента его родственникам и организациям социального обслуживания.

Литература

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года № 1632-р. «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации».
2. Постановление Правительства Москвы от 13 февраля 2018 г. N 63-ПП «О проведении в

городе Москве пилотного проекта по расширению возможностей участия граждан старшего поколения в культурных, образовательных, физкультурных, оздоровительных и иных досуговых мероприятиях».

3. Постановление Правительства Москвы от 28 марта 2017 г. N 140-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 9 августа 2011 г. N 349-ПП».

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2017 г. № ОГ-П12-8359 «Об утверждении комплекса мер по созданию системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, включающей сбалансированные социальное обслуживание и медицинскую помощь на дому, в полустационарной и стационарной форме с привлечением патронажной службы и сиделок, а также по поддержке семейного ухода».

5. Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 23 апреля 2018 г. N 12-3/10/П-2728 «Органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере социальной защиты населения» (о рекомендациях по уходу за ослабленными пожилыми людьми).

6. Приказ Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы от 24.05.2018 № 637 «О внесении изменений в приказ Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы от 1 сентября 2017 г. № 917».

7. Приказ Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы от 21.09.2016 N 1011 «О передаче в 2017-2018 гг. организациями стационарного социального обслуживания внешним исполнителям функций по предоставлению отдельных услуг».

8. Приказ Департамента социальной защиты населения города Москвы от 30 декабря 2014 г. N 1172 «О включении в реестр поставщиков социальных услуг города Москвы» (с изменениями от 28.04.2018 № 52).

9. Приказ Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы от 24 августа 2015 г. N 721 «О нормировании труда социальных работников при оказании социальных услуг в форме социального обслуживания на дому».

Стратегическое развитие территории

Борисова Ю. В.

В статье приводится анализ стратегического развития территории через брендинг и маркетинг территории. По материалам эмпирического исследования, проведенного в Иркутской области Республике Бурятия сопоставляются перспективы естественных и социальных форм стратегического развития анализируемых территорий. Обозначаются проблемные и положительные формы и тенденции социального развития.

Ключевые слова: стратегическое развитие, территория, брендинг, маркетинг территории

Borisova Yu. V.

Strategic development of the territory

The article analyzes the strategic development of the territory through branding and marketing of the territory. Based on the materials of the empirical study conducted in the Irkutsk region, the Republic of Buryatia compares the perspectives of natural and social forms of strategic development of the analyzed territories. Denote problematic and positive forms and tendencies of social development.

Key words: strategic development, territory, branding, territory marketing

Стратегический план социально-экономического развития территории играет определяющую роль в планировании маркетинговой стратегии. М. Портер большое значение придает кластерному подходу. По его мнению, кластеры являются основным фактором конкурентоспособности территории. Конкуренция территории рассматривается как позитивный показатель формирования и развития современных кластеров, по-другому, сконцентрированных на определенной территории групп крупных компаний действующих в одной сфере деятельности. Территории соперничают между собой за определенный кластер, тем самым повышая свою конкурентоспособность.

При определении основных направлений развития территории возникает ряд проблем:

1. Высокий уровень дифференциации между социально-экономическим развитием территорий;
2. Малое количество предприятий на территории сельских поселений;
3. Не разработаны налоговые послабления для бизнеса;
4. Низкая вовлеченность населения в общественно-политическую жизнь территории;
5. Слабые экономические связи между муниципальными образованиями различного уровня;
6. Отсутствие квалифицированных кадров по формированию имиджа территории;
7. Не осуществляется контроль за исполнением стратегических планов и программ;
8. Низкая экономическая отдача бюджетных вливаний. [4]

Стоит также отметить, что краткосрочные стратегические планы развития не перспективны, так как их может быть большое количество на одной территории, и все они, как правило,

разрознены. В стратегическом планировании необходим комплексный подход развития территории, повышения ее конкурентоспособности, включающий все сферы маркетинговой деятельности.

Стратегический план развития территории рассматривается не только как формирование экономических структур территории, но и как средство изменения всей модели жизни населения. Работа над разработкой стратегического планирования должна проходить совместно с местными жителями и хозяйствующими субъектами территории. Стратегия развития реализуется в большей степени там, где присутствует сильный административный ресурс с существенным инструментом воздействия. В настоящее время государственная политика складывается так, что местные органы власти получают больше свободы в управлении территорией, тем самым подвигая местную администрацию на поиск новых технологий управления, дополнительного финансирования и т.д. [5]

Из всего вышеперечисленного следует, что конкуренция напрямую влияет на уровень развития территории, она обеспечивает рост экономики по пути инновационного развития. Конкурентоспособность территории определяется уровнем жизнеобеспечения населения, который определяется показателями рейтингами городов, регионов и целых стран.

Создание стратегии развития территории и ее реализация может быть закреплена за многими подразделениями в муниципальной и региональной администрации. Закрепление может быть по их основным функциям – туризм, экономика, социальная сфера, образование, транспорт и др. Также в мировом опыте есть практики, когда функции территориального маркетинга берут на себя структуры, реализующие принцип партнерства, такие как торговая промышленная палата, центр содействию предпринимателей.

Российские города и регионы в большинстве своем осознают необходимость территориального маркетинга. Меняется отношение к маркетингу не только у властей, но также у населения. Приходит понимание о направлении своих действий с сторону создания и поддержания престижа территории, привлекательности сосредоточенных на ней ресурсов, повышения конкурентоспособности. И конечной целью

в итоге будет повышение качества жизни населения.

Территориальный брендинг

Территориальный брендинг – основа стратегического развития. Но далеко не все представители власти, а еще больше – простые обыватели, представляют что это такое и как управлять данным процессом.

В настоящее время, период глобализации, городам приходится бороться друг с другом за инвестиции, информационные потоки и, особенно, за молодежь, за высококвалифицированные кадры. В этих условиях позиционирование положительного образа становится фактором выживания. Городам приходится бороться за внимание, быть активнее в привлечении новых специалистов и финансов. Причина всему усилению мировой конкуренции между странами, городами. Поэтому сегодня маркетинг территории необходим больше прежнего – чтобы именно с его помощью конкурировать с другими местами за целевую аудиторию.

На деле получается, что большинство городов и регионов в России имеет слабо выраженный имидж. О городах отсутствует необходимая информация и реклама, не очерчены конкурентные преимущества, неграмотное продвижение территории [2]. Все это дает отрицательную оценку территории. Для любой целевой группы огромное значение имеют имидж и репутация территории, на которую они имеют какие-либо планы, будь то место учебы, работы, жительства, либо инвестированию. И экономисты, маркетологи задумались, возможно ли использовать инструменты, которые служат для продвижения товара, для аналогичного продвижения территории. Так появляется идея маркетинга территории.

Когда органы власти создавали первые проекты по продвижению территории, они использовали маркетинговые инструменты в отдельных случаях, не воспринимая маркетинг как долгосрочную и системную деятельность. Перед муниципалитетами ставились определенные задачи, такие как проведение масштабного мероприятия, поиск средств для реконструкции здания, отлаженная система вывоза мусора. Каждая задача решалась обособленно друг от друга, применяя определенные маркетинговые инструменты без создания единой маркетинговой

стратегии. Это привело к тому, что технологии маркетинга стали основным рычагом для решения большинства территориальных проблем. А функции маркетинга чаще всего выполняли либо специально созданные отделы при администрации, либо общественные или бизнес организации (торгово-промышленная палата, ассоциация предпринимателей, агентство регионального развития и др.).

Рассматривая данную точку зрения, можно сделать вывод, что маркетинг территории – это набор управленческих инструментов, которые применяют непосредственно для решения конкретных территориальных проблем. Другими словами, для каждой проблемы разрабатывается свой определенный маркетинговый проект. Когда проблема решена, проект завершают [3].

На сегодняшний день существует множество определений данного понятия. Все их можно разделить на два вида. Первую группу определений можно назвать *экономической*. Здесь маркетинг определяется как экономическая процедура, сводящаяся к рекламе города. Это своего рода соотношение между городскими функциями и спросом на них целевой аудитории. Вторая группа определений относится к *управленческой*, маркетинг рассматривается как инструмент управления территорией. «*Территориальный маркетинг – это процесс планирования, координации и контроля прямых связей городского управления... с его различными партнерами и целевыми группами*» [4, 96].

На наш взгляд, каждое определение раскрывает лишь часть всего смысла маркетинга, так как накладывают рамки на сферу его воздействия и назначения. Во-первых, одной из цели маркетинга является распространение влияния территории за ее пределы для достижения своих интересов. А также маркетинг выступает инструментом повышения конкурентоспособности территории на самых разных уровнях. Во-вторых, маркетинг относится к нестандартному, но от этого не менее эффективному способу решения тех проблем территории, с которыми обычные и традиционные управленческие инструменты не справились. Специфика и спектр таких проблем очень широкий – от решения транспортных проблем до увеличения доходной части бюджета территории. В-третьих, маркетинг можно смело назвать идеологией, которая влияет и изменяет всю городскую

жизнедеятельность, заставляет работать все сферы на выполнение собственных задач. И наконец, территориальные органы власти, основная задача которых создавать комфортные условия для проживания, являются не единственным субъектом маркетинга.

В наше время существует множество маркетинговых практик. Но у всех практик есть общие черты, выделив которые Денис Визгалов определяет маркетинг: «*это комплекс действий городского сообщества, направленных на выявление и продвижение своих интересов для выполнения конкретных задач социально-экономического развития города*» [3]. Говоря иначе, это продвижение интересов города.

Маркетинг территории как инструмент развития

Маркетинг территории – система мер, определяющих социально-экономическое будущее региона, формирующих привлекательность и устойчивое развитие на года, а то и десятилетия.

Формирование территориальных стратегий базируется на маркетинговом исследовании территории, что требует комплексного анализа целого ряда социально-экономических проблем, внутрирегиональных интересов и потребностей, оценки возможностей территории и их удовлетворения. Поэтому основной задачей маркетинга региона является создание лучших по сравнению с другими территориями конкурентных преимуществ [5].

В связи с этим резко встает вопрос об оценке маркетингового потенциала, позволяющего определять те возможности для повышения качества жизни потребителей, которыми территория обладает, обнаруживать скрытые резервы и формировать тот потенциал, которым регион способен обладать в стратегической перспективе.

Реализация федеральных и муниципальных программ развития региона, проведение эффективной инвестиционной политики требуют комплексного анализа целого ряда социально-экономических проблем, внутри региональных интересов и потребностей, оценки возможностей региона и их удовлетворения. Именно поэтому основной задачей маркетинга региона, считаем, создание лучших по сравнению с другими территориями конкурентных преимуществ [1].

Таблица 1
Условия маркетинга территории Иркутской области и Республики Бурятия (в%)
ИО – Иркутская область, РБ – Республика Бурятия

Условия	Формы условий	Высокая		Средняя		Низкая	
		ИО	РБ	ИО	РБ	ИО	РБ
Социальные условия	возможности трудоустройства	20	35	50	50	30	15
	наличие развитой инфраструктуры	35	15	35	30	30	55
	наличие жилья	5	30	25	45	70	25
	возможности отдыха	5	30	15	50	80	20
Естественные условия	особенности климата	10	30	30	55	60	15
	особенности природно-ландшафтного обеспечения	30	40	45	45	25	15
	особенности воды	35	30	45	50	20	20
	особенности пищи	20	45	40	50	40	5

Данные идеи легли в основу нашего исследования, которое было проведено в Иркутской области и Республике Бурятия в 2016 году. В исследовании приняли участие 1500 человек (1000 человек в Иркутской области и 500 в Республике Бурятия). Исследование проходило методом снежного кома. Целью исследования было выявление влияния социальных и естественных условий на маркетинговую привлекательность региона.

Для анализа данных, социальные и естественные условия мы разбили на несколько групп. К социальным условиям мы отнесли: возможности трудоустройства, наличие развитой инфраструктуры, наличие жилья, возможности отдыха и т.д. К естественным условиям мы отнесли: особенности климата, особенности природно-ландшафтного обеспечения, особенности воды, особенности пищи и т.д.

Также мы рассматривали привлекательность территории как ресурс для социально-демографического и социально-экономического воспроизводства: высокая – желание тут остаться, создать семью и растить детей, чувство патриотизма и гордости за свою малую Родину; средняя – желание остаться на территории какое-то время, но сделать все, чтобы дети уехали жить в другое место; низкая – не желание жить в нашем регионе, реальные варианты миграции в другие территории страны и другие государства.

Анализ результатов исследования.

Результаты исследования выявили достаточно интересную картину. Социальные и есте-

ственные условия маркетинга территории для Иркутской области и Республики Бурятия отличаются, хотя в определенных местах достаточно близки и прогнозируемы (см. таблицу 1).

Результаты изучения маркетинга территории показывают, что потенциал развития социальных и естественных факторов выше в Республике Бурятия. Потенциал адаптации жителей указанных регионов зависит от множества факторов, вызванных как объективными социально-экономическими и политическими причинами, так и субъективными личностно-индивидуальными факторами адаптации и встраивания в социальную реальность [2].

Единственный критерий, где доминирует Иркутская область – это развитие инфраструктуры, что вызвано как социально-экономическими условиями советского прошлого нашей страны, так и особенностями эколого-климатического и географического характера. О высоком уровне инфраструктуры говорят 35% жителей ИО и только 15% жителей РБ (по сути – только в столице мы говорим о наличии продуманной инфраструктуры, остальные территории Бурятии достаточно слабо развиты), о среднем практически одинаково – в ИО – 35%, в РБ – 30%, о низком – 30% в ИО и 55% в РБ. Иными словами, в Иркутской области примерно одинаковые группы тех, кто высоко, средне и низко оценивает перспективы развития данной отрасли, а в Республике Бурятия большая группа низко оценивающих данные возможности.

Но все остальные критерии развития территории говорят в пользу Республики Бурятия. Высокие возможности трудоустройства в РБ –

35%, в ИО – 20%, средние совпадают – по 50%, а низкие в РБ в два раза ниже (15%), чем в ИО – 30%. Возможно, ответ кроется в том, что во время исследования не уточнялась – какая именно работа, где и кем. Но субъективное восприятие жителей Бурятии более положительно, к своему будущему на данной территории. Отсутствие жилья является одним из самых негативных факторов развития Иркутской области. По темпам строительства Иркутская область находится в конце списка. Высоко свои перспективы оценивают только 5%, средне 25% и низко 70%. В республике Бурятия прямо противоположная картина – высоко оценивают 30%, средне – 45% и низко – 25%. Вероятно, это вызвано наличием сельских территорий, где потенциально больше возможностей для жилья, хотя встает вопрос о его качестве.

Возможности отдыха жители РБ более положительно воспринимают, чем жители ИО, несмотря на то, что обе территории граничат с озером Байкал. Возможности отдыха высоко оценили только 5% ИО, средне – 15%, низко – 80%. Жители РБ – высоко оценили 30%, средне – 50%, низко – 20%. Таким образом, социальные факторы освоения территории более развиты в представлениях жителей Республики Бурятия, это позволяет делать выводы о большей сплоченности жителей региона, что подтверждается исследованиями О.А. Полюшкевич [6,7] и различными стратегиями и формами социального лидерства, как это показано в работе В.А. Скуденкова [8] и экономическими притязаниями и возможностями их реализации [9]. Естественные условия маркетинга территории также более положительно оцениваются жителями Республики Бурятия.

Особенности климата, жители РБ высоко оценили в 30%, средне – 55%, низко – 15%. Жители ИО высоко оценили особенности климата в 10%, средне в 30% и низко в 60%. Особенности пищи также сильно отличаются, можно сказать, что прямо противоположны. Жители ИО высоко оценили особенности климата в 20%, средне в 40% и низко в 40%, жители РБ высоко оценили в 45%, средне – 50%, низко – 5%. Республика Бурятия, возможно за счет сельского хозяйства более обеспечена всем необходимым, чем жители Иркутской области. Особенности природно-ландшафтного обеспечения примерно разны среди респондентов

анализируемых регионов: жители ИО высоко оценили особенности климата в 30%, средне в 40% и низко в 25%, жители РБ высоко оценили в 40%, средне – 45%, низко – 15%. Особенности воды также не сильно варьируют между собой в представлениях жителей двух регионов. Жители ИО высоко оценили особенности климата в 35%, средне в 45% и низко в 20%, жители РБ высоко оценили в 30%, средне – 50%, низко – 20%.

Таким образом, субъективное восприятие жителями двух регионов перспектив своего развития достаточно противоречиво. С одной стороны, социальные и естественные факторы показывают все условия для развития данных территорий, но с другой стороны, существует несформированность в сознании жителей этих территорий определенных пространств, точек роста. Для жителей Иркутской области это социальные факторы трудоустройства и жилья, для жителей Республики Бурятия – это инфраструктура. Среди естественных факторов для жителей Иркутской области негативно оцениваются климат, природно-ландшафтное обеспечение и пища, неудовлетворенность жителей Республики Бурятия естественными факторами очень низка (вероятно, это вызвано традиционно-мировоззренческими особенностями жителей), что может служить одной из опор перспективного развития данной территории.

Литература

1. Борисова Ю.В., Ушаков С.В. Место маркетинга в формировании политики территории // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 305-312.
2. Визгалов Д. В. Позиционирование города: поиск городской идентичности и разработка концепции бренда/ Д. В. Визгалов// Муниципальная власть. 2014. №2. С. 26-33.
3. Визгалов Д.: пусть города живут : научное издание / Московская высш. шк. соц. и экон. наук ; сост.: М. Губергриц, Н. Замятина, М. Ледовский. М.: Сектор, 2015. 271 с.
4. Гайдаенко Т.А. Маркетинговое управление. М.: Эксмо, 2008. 512 с.
5. Полюшкевич О.А. Потенциал адаптации жителей региона к модернизационным процес-

сам в стране // Baikal Research Journal. 2010. № 5. С. 116-119.

6. Полюшкевич О.А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130). С. 3-18.

7. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.

8. Скуденков В.А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 180-184.

9. Скуденков В.А., Скуденков Е.В. Экономические притязания в социальном измерении // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы научно-практической интернет-конференции. Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. 2016. С. 260-265.

Имидж города в условиях глобализации

Грибова К.Л.

В статье рассматривается сущность понятия «имидж города» как инструмента конкурентной борьбы между субъектами за роль центров-лидеров глобального пространства. Выявлены механизмы формирования имиджа российских городов и проблемы создания имиджа города в условиях глобализации. Приведены рекомендации и принципы создания успешного имиджа города, примером которого является имидж Казани, сложившийся в результате XXVII Всемирной летней Универсиады 2013 года.

Ключевые слова: глобализация, глобальные города, имидж городов, брендинг территорий, рейтинги привлекательности, ценности.

Gribova K.L.

The City Image in the context of globalization

The article deals with the essence of the concept «city image» as a tool of competitive struggle between the subjects for the role of the leading centers of the global space. The formation mechanisms of Russian cities image and problems of creation of the city image in the conditions of globalization are identified. The recommendations and principles for creating a successful the city image are presented on the example the image of Kazan formed as a result of the XXVII world summer Universiade 2013.

Key words: globalization, global cities, the city image, territory branding, ratings of the attractiveness, values.

Современная глобальная мировая система характеризуется интенсивным процессом урбанизации, усилением роли городов и возрастанием степени их взаимосвязанности. Наряду с такими субъектами международных социально-экономических отношений, как государства, транснациональные корпорации (далее ТНК) и международные общественные организации, особое значение приобретают города, заинтересованные в привлечении инвестиций и ресурсов различного рода, являющихся важнейшим фактором и условием развития современных городов. По мнению К.Динни, «инвестиции создают рабочие места, расширяют налогооблагаемую базу, помогают управлять бюджетами и кредитными рейтингами, финансируют образование, инфраструктуру и сферу услуг. Регионы и города активно рекламируют свои преимущества» [1. Р. 48].

Отечественные исследователи отмечают, что «город становится уже не просто совокупностью экономических ресурсов, сконцентрированных на одной территории, но в некотором роде “предпринимателем” или “предприятием”, которое распоряжается этими ресурсами с максимальной эффективностью для получения от них наибольшей отдачи» [2. С. 57]. Растет роль городов не только в мировой экономике, но также в национальных и региональных: «От уровня развития регионального рынка капитала во многом зависит инвестиционная привлекательность региона и, как следствие, объем привлеченных внешних и внутренних инвестиций» [3. С. 166]. Неудивительно, что городские исследования вызывают все больший интерес, в том числе и у отечественных авторов [4. С. 60-84]. Наиболее значимыми для понимания роли городов в глобальном мире считаются исследования С. Сассен [5. С. 59], уже несколько десятилетий изучающей данный вопрос. Города становятся гло-

Таблица 1
Глобальные города будущего к 2025 г. [9]

	ВВП, млрд \$		ВВП на душу населения, млрд \$		Население, тыс.	
	2010	2025	2010	2025	2010	2025
Нью-Йорк	1,180	1,553	62	79	18,925	19,697
Токио	1,875	2,219	41	49	36,442	36,687
Шанхай	0,251	1,112	19	46	22,315	30,905
Лондон	0,752	0,943	49	60	14,862	16,245
Пекин	0,206	1,028	19	44	18,827	29,613
Лос-Анжелес	0,732	1,052	57	70	12,860	15,005
Париж	0,764	0,971	54	65	11,811	12,897
Чикаго	0,496	0,661	52	65	9,482	10,153

бальными с точки зрения их роли, реализуемой в рамках современного глобального социально-экономического пространства.

По словам американского социолога, профессора Колумбийского университета С. Сассен, глобальные города представляют собой «важные центры управления мировой экономикой» [6. Р. 34]; это «центры обслуживания и финансирования международной торговли, инвестиций и штаб-квартир. Многообразие специализированной деятельности, осуществляемой в глобальных городах, имеет решающее значение для ценообразования, переоценки ведущих секторов капитала» [7. Р. 208]. Результаты современных социологических и статистических исследований свидетельствуют о возрастающей значимости городов как политических, социально-экономических и культурных единиц, которые можно охарактеризовать по определенным показателям.

Исследовательская компания *AT Kearney* ежегодно предоставляет отчет о самых влиятельных городах мира, их ресурсном, инновационном потенциале в контексте глобальных отношений между субъектами. Согласно рейтингу глобальных городов 2017 года (*Global City Index 2017*) [8], тройку лидеров составляют Нью-Йорк, Лондон и с большим отрывом от них Париж (63.2, 62.9 и 53.2 соответственно). Следует отметить, что данные города характеризуются интенсивным развитием экономики, человеческого капитала, высокой политической и информационной активностью, что позволяет успешно интегрироваться в сеть глобального взаимодействия.

Согласно Прогнозу развития глобальных городов до 2025 г. [9], вклад 100 городов-ли-

деров в рост мирового ВВП составит около 35% общего роста до 2025 года. А 600 ведущих городов (*City 600*) будет генерировать 60% роста мирового ВВП. Таким образом, именно города становятся центрами мировой экономической системы и обеспечивают ее развитие. Социально-экономические и демографические показатели крупнейших глобальных городов мира к 2025 г., какими они будут, по мнению экспертов, представлены в Таблице №1.

Рост значимости городов ведет к конкуренции между ними, которая представляет собой «соревнование между урбанизированными территориями на равных с аналогичными ей территориями на рынке инвестиционных ресурсов, соперничество на рынке товаров и услуг, которые соответствуют требованиям мирового и национального рынков, представляют более высокую ценность по сравнению с аналогичными продуктами, производимыми на территории других городов, а также возможность создавать в результате благоприятные условия для жизни горожан» [10. С. 38]. Специфика конкурентных отношений между городами в условиях глобальной коммуникативной среды заключается в свойствах «конкурентоспособного предложения». Актуальным становится создание инструмента, обеспечивающего успешное позиционирование города в глобальной мировой системе субъектов (внешняя ориентация), и поддерживающего лояльность местного населения, социально-экономическую стабильность (внутренняя ориентация).

Одним из таких инструментов сегодня является имидж города, под которым мы будем понимать целенаправленно сформированный

комплекс представлений о городе и его месте в глобальной системе отношений между субъектами, результат рационального, образно-символического и эмоционального восприятия совокупности географических, финансово-экономических, социокультурных, политических и правовых особенностей городской среды.

В процессе исследования отношений субъектов глобальной коммуникативной среды именно понятие имиджа города является наиболее релевантным. В-первых, в данном случае мы исследуем город в сети конфигурации интересов множества глобальных субъектов, образующих сети взаимосвязи, обеспечивающие финансово-экономические, образно-символические и людские потоки. По мнению С. Сассен, экономическое благосостояние глобальных городов меньше всего зависит от регионов, где они расположены, и от их национальных экономик. Большая часть рабочих мест в глобальном городе должна быть ориентирована на международный рынок, оказание услуг ТНК, которые располагают на территории городов свои предприятия [11]. Во-вторых, понятие «имидж города» позволяет учесть влияние случайных информационных факторов глобальной коммуникативной среды, которые оказывают влияние на представления о городе. Данная особенность отличает имидж города от смежного понятия «бренд города», который подразумевает исключительно целенаправленные пути создания образно-символического продукта города.

В рамках современного научного сообщества проблема формирования имиджа города является дискуссионной как с теоретико-концептуальной, так и с практической точек зрения. В целях раскрытия сущности исследуемого понятия и выявления механизмов формирования имиджа современных городов автором было проведено эмпирическое исследование. Методом сбора первичной социологической информации выступил экспертный опрос.

Выбор данного метода связан со спецификой объекта и предмета исследования, которые относятся к междисциплинарному полю научного знания и требуют особого подхода в процессе анализа сущности имиджа городов и механизмов его конструирования. Обращение к мнению экспертов представляется наиболее адекватным в рамках исследования проблематики, так как тема и связанные с ней вопросы

носят дискуссионный характер, допускают существование различных точек зрения. Анализ различных экспертных оценок и подходов с привлечением информации из вторичных источников данных позволит получить валидные результаты и использовать их в дальнейших исследованиях проблем глобализации и развития современных городов.

Опрос проводился методом глубинного полуструктурированного интервью с представителями российского научно-исследовательского сообщества, специалистами в сфере городской антропологии и социологии, городского проектирования архитектуры и инфраструктуры, геоурбанистики и территориального брендинга. Основным критерием отбора экспертов являлась их профессиональная принадлежность. Выбор данных областей научно-исследовательского знания определяется многогранным характером понятия «имидж города» и необходимостью представить данное понятие с различных сторон. Экспертные интервью проводились в период с января по февраль 2017 года.

В интервью обсуждались проблемы теоретико-концептуального определения понятия «имидж города», методологические аспекты (вопрос о возможности социологического измерения), а также вопросы о его роли в условиях глобальной коммуникативной среды. Большинство экспертов единогласно сходятся на том, что существует заметная разница между понятиями «имидж города» и «бренд города»: *«Бренд – это продукт осознанного конструирования, когда городу сознательно создается тот или иной образ и используется для целей продвижения туризма, развития уровня локального патриотизма у местных жителей и так далее» (М.Д.); «Бренд – это продукт для продажи, представляющий собой некое конкретное предложение, обладающее определенными свойствами» (О.И.).*

Однако в отношении правомерности разграничения понятий «имидж города» и «образ города» среди экспертов существуют различные точки зрения. Отмечая заимствованный характер слова «*image*» из английского языка, ряд экспертов считают тождественными понятиями «имидж города» и «образ города», отмечая, при этом, важность выбора стороны рассмотрения исследуемого явления: *«...с моей точки зрения,*

это примерно одно и то же, просто слова из разного языка» (М.Д.). «Провести грань между образом и имиджем города намного сложнее, разделить их, с моей точки зрения, нельзя. Это все зависит от конкретных задач исследования». (О.И.). «Имидж города – что это? Образ территории, который может складываться в голове целевой аудитории на уровне ассоциаций, или образ, с помощью которой аудитория себя репрезентирует на уровне массовых коммуникаций» (П.Е.).

Несмотря на то, что не во всех случаях удалось четко провести грань между понятиями, эксперты подчеркивали включенность имиджевых характеристик города в глобальный информационно-коммуникационный, социально-экономический и политический контекст. *«Если это сторона, ориентированная на бизнес, на политику, на достижение каких-то результатов, то чаще употребляется слово «имидж» (О.И.). «Когда мимо города проплывают теплоходы с богатыми туристами, продвигать имидж города намного проще, чем, когда город находится в глухой Сибири» (М.Д.). Когда встанет вопрос о развитии городов, тогда станет актуальным вопрос имиджа, который самих людей волнует, на самом деле, в последнюю очередь, но волнует правительством городов – в первую» (И.В.).*

Эксперты в целом были согласны с правоммерностью рассмотрения конкуренции как свойства глобальной коммуникативной среды и повышению внимания к понятию «имидж города». *«Главной причиной стало обострение конкуренции городов в борьбе за разного рода ресурсы (экономические, человеческие, культурные и т.д.). В этих условиях городам нужно «оружие», так как города обладают разным комплектом и объемом ресурсов, возможность улучшить свои позиции обеспечивается как раз за счет брендинга городов» (М.Д.). «Имидж и бренд – это не самоцель, это некий инструмент повышения привлекательности, чтобы наша аудитория идентифицировалась на первом уровне только через положительные смыслы, а не отрицательные. Это все, конечно, конкуренция» (П.Е.).*

Однако, по мнению некоторых исследователей, метафора «конкуренции» не применима, когда речь идет о городе. Среди причин выделяют, во-первых, гуманистическую составляющую: *«Понятие “конкуренции” плохо применимо к городам в принципе. Если речь идет о ком-*

пании, она может проиграть, обанкротиться, выиграть, но с городом этого не может произойти. Город не может “уволить” людей и оставить их со своими проблемами, подобно тому, как это делает компания. Поэтому идея конкуренции хороша как метафора, но плоха как исследовательский инструмент». (О.И.). Во-вторых, отмечались уникальность и своеобразие путей социально-экономического развития каждого города, что также затрудняет возможность применения конкурентного анализа.

Именно проблема разработки аутентичного имиджа в условиях унификации информационного пространства (что является следствием процесса глобализации) является одним из актуальных вопросов, когда речь идет об имидже городов.

С одной стороны, включенность в сеть глобального взаимодействия обуславливает общие для всех субъектов требования, которым должны соответствовать успешно развивающиеся территории. По мнению экспертов, *«в Москве сейчас местные власти активно осуществляют осознанную политику увеличения конкурентоспособности, развития городской среды, комфортной и привлекательной, что является совершенно привычной и нормальной логикой западной философии» (М.Д.).* Кроме того, нельзя не согласиться с тем, что *«у территорий во-многом однотипный набор, у любой из них есть гостиницы, аэропорты, дороги, что само по себе не является тем, за чем люди приезжают. Это само собой разумеющееся. Если брать курортный город, то много городов предлагают пляжи, all inclusive, достопримечательности, развлечения» (П.Е.).*

С другой стороны, принципиально важным, по мнению большинства исследователей, является внимание к ценностям, интересам, особенностям жизнедеятельности городского местного населения, что позволяет учитывать индивидуальный городской контекст при формировании имиджа. В качестве примеров эксперты приводили такие города, как Байкальск и Пермь.

«Из собственного опыта могу привести исследование в городе Байкальске, который печально прославился на весь мир благодаря целлюлозно-бумажному комбинату, сбрасывающему все отходы в Байкал. Большой победой экологов было закрытие этого завода несколько лет назад. При этом это оказало влияние на

занятость города: из 14 тыс. жителей около 2 тыс. работали на комбинате. В исследовании мы уделяли много времени вопросам локальной идентичности, образу города, и довольно быстро стало понятно, что комбинат, который представлял «мировое зло» для внешних ориентиров, с точки зрения жителей, наоборот, являлся поводом для гордости. Для подростков это, своего рода, мифологический образ их дедов – основателей. Ни один брендолог к этому бы не обратился, а для местных жителей это важно» (М.Д.).

«В Перми этим летом я беседовала с одним местным активистом, представителем гражданского общества, и пыталась у него выяснить, какую роль пермская опера играет в культурной жизни. Он сказал: “Ненавижу ее. Все деньги, которые должны идти на поддержку культурной жизни, развитие школ, все идут в эту пермскую оперу. Да, все билеты всегда выкупаются, с пермской оперой ездят по всему миру. Но что нам от этого? Нам не хватает денег на то, чтобы сделать во дворе изостудию для детей”. Эта позиция понятна. Но, с другой стороны, тогда у этих детей не будет такого высокого образца, как пермская опера, и не будет мотивации. Да, эти дети знают, что в Москве есть Большой театр, но ведь когда это есть рядом с тобой (пусть даже и не доступно), ты можешь увидеть высокие образцы, к которым можно стремиться» (О.И.)

При этом, ситуация Перми упоминалась и другими экспертами как пример попытки формирования бренда, которая в результате повлияла на имидж города. «Бренд Перми – “третья культурная столица” или “столица современного искусства”. С точки зрения технологии все было грамотно и последовательно. Был создан информационный повод, проведены реальные мероприятия, работа с экспертами, и в итоге был достигнут определенный резонанс. Другое дело, что этот резонанс был политизирован, пермский культурный проект послужил поводом для критики губернатора Перми на федеральном телевидении. Данный проект ставился ему в вину, обсуждалось, зачем вообще тратить деньги на культуру, на бренд, а не на дороги. Потому что местных жителей все-таки интересуют не абстрактные и возвышенные ценности, а их интересует то, что “здесь и сейчас”» (П.Е.).

В данном примере, во-первых, подчеркива-

ется значимость влияния информационного фактора на имидж города (в процессе создания бренда из-за определенных событий иначе сложился имидж города), во-вторых, обозначена важная проблема целесообразности формирования имиджа городов (средних и малых) с неблагоприятной социально-экономической обстановкой.

Зачастую социально-экономическая ситуация, уровень благосостояния граждан и благоустройства городов требует первоочередной оптимизации. Следовательно, актуальным является вопрос о том, следует ли в подобных городах выделять финансирование на целенаправленное формирование имиджа, на реализацию инструментов брендинга. Подобная проблема особенно актуальна для малых, нередко депрессивных городов России. Мнение экспертов в этом отношении разделилось.

В некоторых интервью эксперты затрагивают проблему доступа малых городов на федеральное телевидение, что заметно усложняет процесс продвижения их имиджа: «Многие регионы находятся в информационном “пузыре”, их активности редко выходят на федеральный уровень, так как федеральной медийной повестке это не очень интересно» (П.Е.). «Большого всего на имидж российских городов влияет телевизор» (В.А.). Однако, по мнению другого специалиста, заниматься формированием имиджа малых городов существенно легче, чем, в случае с крупными городами. «Я думаю, что проще с малыми городами, так как мегаполисы слишком многогранные и сложные. У Москвы, например, есть образ “черной воронки, засасывающей все деньги России”, однако есть и позитивные образы. Очень сложно подстроиться под всех. У Кинермы в этом плане все намного проще» (М.Д.).

Однако все исследователи убеждены в том, что имидж города должен соответствовать реальной ситуации в городе: «Имидж как инструмент оружия в конкурентной борьбе может эффективно работать только в случае, если за ним “что-то стоит”. Если вы продвигаете город как туристически привлекательный, а в реальности нет гостиниц, закрыты музеи, то имидж можно “надуть” сколько угодно, но работать это не будет» (М.Д.). «В одних случаях пользуются имиджевой политикой, в других – предпочитают делать ставку на реальные деньги, реальные

проекты, вкладываются не только в имидж как в нечто "виртуальное", а в общественное пространство, в то, что может имидж поддерживать» (О.И.). «Основная идея должна быть направлена не на имидж, а на создание экономичного, экологичного и дружелюбного города не только на бумаге и в логотипе, но и по всем действиям» (И.В.). «Здесь нельзя действовать по методу исключения, т.е. мы делаем дороги, но не занимаемся продвижением в социальных сетях. Или, наоборот, мы создали только прекрасную "обертку", но внутри ничего не меняем, не проводим активностей» (П.Е.).

Необходимо также обратить внимание на сущность понятия самостоятельности города, которая заключается не только в непосредственно самом факте включенности в сеть финансово-экономических, образно-символических потоков и других потоков между глобальными субъектами, но и в способности функционировать в данной сети в качестве устойчивого, самодостаточного элемента. В отношении России эксперты отмечают, что «все города у нас – дотационные, это такие "дети Москвы", которые получают средства из федерального бюджета и не стремятся сами зарабатывать. В этом смысле города самостоятельными субъектами не являются» (И.В.).

Специфика глобальной коммуникативной среды обуславливает необходимость выработки универсальной методики оценки привлекательности имиджа городов, среди которых можно выделить рейтинги. Большинство исследователей убеждены в несостоятельности рейтинга как инструмента исследования городов на предмет успешности их имиджа. «Москва, Каргополь и Елец находятся в совершенно разных категориях, и рейтинги тут не работают, потому что критерии нужно подбирать каждый раз индивидуально» (М.Д.). «Имидж – очень субъективная вещь. Нужно понимать, что все источники информации содержат в себе огромное количество стереотипов, это как социологическое правило» (О.И.). «Рейтинги меряют только свою направленность. Они дают важные данные, но не могут быть универсальными. Скажем, индекс цитируемость в СМИ для какого-то аспекта – это объективная категория, но объяснить все с помощью него невозможно» (П.Е.).

В качестве метода исследования городов специалистами было предложено изучение пу-

теводителей («что они описывают, на чем концентрируются (на достопримечательностях или местах для жизни)» (О.И.) и «опросы жителей» (И.В.). Многие подчеркивали необходимость сочетания количественных и качественных методов (как, например, в исследовании «Механика Москвы», где авторы задействовали телефонный опрос и картографирование).

В оценке политики формирования имиджа городов в условиях глобальной коммуникативной среды специалисты отмечают ряд проблем, характерных для российских городов. В частности, это «излишняя ориентация в процессе его формирования во вне. Зачастую власти приглашают специалистов по брендингу (например, из Москвы, из Питера), которые смотрят на город "глазами туристов" и, на самом деле, принимают решения не в интересах города» (М.Д.). «В России новый глава региона перечеркивает все и отмежевывается от всего того, что было до него сделано. Это уже не его политический проект, ему нужен свой, который он рассматривает как источник имиджевых политических дивидендов, и все начинается заново, что является большой проблемой» (П.Е.).

Таким образом, по мнению экспертов, можно выделить следующие критерии успешного имиджа города:

- соответствие реальной социально-экономической и политико-правовой ситуации в городе;
- соответствие ценностям местного населения;
- учет интересов и потребностей местного населения;
- формирование несколькими субъектами (с привлечением экспертов и местного населения);
- систематическое конструирование;
- оригинальность.

Только с учетом всех требований мы можем говорить об имидже города, который представляется конкурентноспособным, конструируется «в диалоге» между заинтересованными субъектами, и, что наиболее важно, формируется не в отрыве, а в тесной взаимосвязи со значимыми ценностями местного населения.

Как отмечали эксперты, в определении механизмов разработки имиджа городских образований необходимо учитывать своеобразие и специфику каждого отдельно взятого города,

его социально-экономические, политические, географические, культурные особенности и характеристики. Следовательно, в процессе формирования имиджа российских городов следует принять во внимание следующие аспекты.

Во-первых, стоит учитывать особенности территориального распределения городов, входящих в состав Российской Федерации, демонстрирующих высокую концентрацию в европейской части страны, особенно в Центральном федеральном округе, где расположена пятая часть всех городов (около 230) [12].

Во-вторых, российские города занимают различное положение в национальной социально-экономической системе в связи с неравномерным распределением политико-административных, финансово-экономических и других типов ресурсов. В этой связи в дальнейших теоретических разработках нуждается проблема формирования имиджа малых городов, а также «депрессивных» городов РФ с проблемами инфраструктурного развития, социального обеспечения нуждающихся слоев населения и другими компонентами жизнеобеспечения горожан.

В-третьих, отличительной особенностью значительной части городов России является искусственный характер их возникновения согласно плану освоения территории советского государства. «Почти треть российских городов появились искусственно – при заводах, в ходе строительства железных дорог, портов и др. Искусственный город обычно монофункционален, нацелен на решение одной задачи. Тут нет органического разнообразия, создаваемого длительным эволюционным развитием, а эффект масштаба работает в большей степени для производства» [13].

Примером имиджа города, сконструированного с учетом локальной специфики и отвечающий по большинству параметров критериям успешного имиджа (выделенных на основании мнения экспертов), на наш взгляд, можно считать имидж Казани.

В июле 2013 г. в столице Республики Татарстан было проведено масштабное спортивное и культурное событие – XXVII Всемирная летняя универсиада. Подготовка к столькому крупному мероприятию предполагала разработку стратегии социально-экономического развития региона, крупномасштабную работу по всем направлениям, обеспечение устойчивого взаи-

модействия со всеми целевыми аудиториями (в частности, с крупным бизнесом, предпринимателями и инвесторами). Так, согласно результатам исследования аудиторской компании «PWC» [14], общий поток инвестиций в Республику Татарстан за весь подготовительный период Универсиады составил около 290 млрд. рублей (в том числе, внебюджетные инвестиции), а общая величина экономического эффекта составила 10,8 млрд. руб. (включая прямой и косвенный эффекты от мероприятия).

Значимость влияния успешного проведения данного события подчеркивается в официальной миссии XXVII Всемирной летней Универсиады, которая состоит в том, чтобы «собрать молодых спортсменов со всего мира в городе с уникальным многонациональным наследием. Продолжить российские спортивные традиции, послужить трамплином для новых поколений спортсменов. Сделать жизнь казанцев разнообразнее, интереснее, комфортнее. Обеспечить жителей города всех возрастов возможностью заниматься любимыми видами спорта, вести здоровый образ жизни. Внести весомый вклад в формирование положительного имиджа России в мире» [15].

Для проведения подобного рода спортивного крупномасштабного события городу необходимо апеллировать к уже имеющемуся спортивному потенциалу, который в Казани заключается, во-первых, в числе существующих (или реально запланированных к моменту старта события) спортивных сооружений. Так, по данным официальной статистики [16], Республика Татарстан в 2007 году уже располагала 8506 сооружениями, их число на конец 2012 г. (с учетом введенных, убывших, уточненных паспортизацией) составило уже 9275 (это 109% от уровня 2007 г.).

Во-вторых, спортивный потенциал Казани заключался в заметной доле населения, активно занимающейся физической культурой и спортом. По данным Министерства по делам молодежи и спорту Республики Татарстан [17], в 2007-2012 гг. была достигнута значительная положительная динамика в росте численности населения, занимающегося физической культурой и спортом. Важнейшим результатом реализации спортивных программ и мероприятий явилось увеличение населения республики на 69,1%, занимающегося физической культурой

и спортом, в 2012 г. к уровню 2007 г., что составило 1 103 873 человека. Иными словами, Казань не только позиционировала себя как «спортивная столица» в информационно-коммуникационном пространстве, но и реализовывала конкретные действия, апеллировала к реальным условиям жизнедеятельности горожан.

В процессе организации и проведения мероприятия особое внимание было уделено историческому и культурному наследию как инструменту формирования имиджа города. Следует отметить, что Универсиада, в данном случае, служит только поводом для привлечения целевых аудиторий, в связи с чем актуальным стал вопрос о дальнейшей «конверсии» интереса, проявленного к Универсиаде, в интерес к городу в целом. С этой целью была разработана программа «Развитие сферы туризма и гостеприимства в Республике Татарстан на 2014–2020 гг.», направленная на повышение конкурентоспособности республики на российском и зарубежном туристском рынке. По мнению экспертов, «в Татарстане могут быть развиты девять направлений туризма, среди которых наиболее популярными будут бизнес-туризм, городской туризм и туризм в сфере культуры. Мастер-план австрийской консалтинговой компании *Kohl&Partner* предполагает удвоение турпотока в Татарстане к 2020 г. В 2014 г. планируется поддержать темп прироста въездного туризма (3,5 млн чел.) на уровне 2013 г. – 15 %» [18. С. 105]

Помимо этого, Казань позиционировалась как открытый, доступный город, с высоким инновационным потенциалом. Вовлеченность и приобщение жителей Казани к подготовке к Универсиаде, в процессе которого граждане усваивали ключевые ценности данного мероприятия, совместно погружались в атмосферу значимого для города события, повышалась за счет специальных мероприятий, которые стартовали в городе уже с 2010 г. Так в Казани проходили Международный танцевальный проект *VERSIA DANCE AS YOU ARE?* сентябрь 2011 г.; «Милосердие» 2010-2013 гг.; «UNI-ЭЛИТА» и «UNPEЗEPB», включенные в конкурсные программы казанских фестивалей «Созвездие-Йолдызлык»; Весенние выкрутасы – 2011», «Весенняя капель – 2011», «Большая перемена – 2011», «Ягмылыз ? 2010», и «Студенческая весна»; конкурс на лучшую песню о Казани и XXVII Всемирной лет-

ней Универсиаде 2013 года «Россия, Казань, Универсиада!»). Кроме того, проводились ежегодные фестивали и фольклорные праздники («Науруз», «*Kremlin live*», «Каравон», «Сабантуй» и др.), а также специальная культурная программа, проходившая в период самих игр, с 6 по 17 июля 2013 года, на специальной площадке – в так называемом Культурном Парке Универсиады [19. С. 89-90]

Также в рамках реализации мер по повышению уровня вовлеченности граждан в спортивное событие был реализован проект «Урок Универсиады» – «внеклассное, внеаудиторное занятие, в ходе которого учащимся и студентам должна быть представлена комплексная актуальная информация о XXVII Всемирной летней универсиаде, которая пройдет в столице Республики Татарстан с 6 по 17 июля 2013 года. Цель занятия: дать комплексное представление о Всемирных студенческих играх как крупном международном мультиспортивном и культурном событии в жизни молодежи современной России» [20. С. 6].

Таким образом, Универсиаду в Казани, на наш взгляд, можно оценивать как пример фактора, позитивно влияющего на развитие региона и обуславливающего формирование успешного имиджа города. Разработка программы масштабного мероприятия осуществлялась во взаимосвязи с системой ценностей местных жителей, что обеспечивало реализацию механизмов идентификации с городом, взаимодействие множества заинтересованных субъектов (государственная, региональная и местная власть, бизнес, местное сообщество).

Имидж города как целенаправленно сформированный комплекс представлений о городе и его месте в глобальном пространстве отношений между субъектами определяет геополитические позиции и ресурсный потенциал современных городов. В данных условиях именно грамотно сформированный имидж становится эффективным инструментом в рамках конкуренции городов за инвестиционную привлекательность, что обуславливает необходимость осуществления продуманной и планомерной политики, различных мероприятий по созданию имиджа города на различных уровнях информационного взаимодействия.

Казани в этом отношении удалось создать успешный имидж, который позволил реализо-

вать социально-экономический и культурный потенциал города, способствовал обновлению инфраструктуры, привлечению потоков туристов, развитию бизнеса и укреплению городской идентичности местного населения. Универсиада и связанные с ней мероприятия по развитию и оптимизации городских инфраструктурных объектов, вовлечению граждан в культурную жизнь, популяризации культуры спорта – это, прежде всего, социальный проект глобального масштаба, успешная реализация которого повысила конкурентоспособность города и укрепила позиции Казани как спортивной столицы России.

Литература

1. Dinnie K. City Branding Theory and Cases. P. 48.
2. Старовойтов В.Г. Повышение конкурентоспособности городов России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. №8. С. 57.
3. Карабанова С.Ф. Слагаемые имиджа региона // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2016. № 1. С. 166.
4. Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 4. С. 60–84.
5. Вершинина И.А. Локализация мировой экономической системы в глобальных городах // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 59.
6. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton U.P., 1991. P.34.
7. Sassen S. Whose City Is It? Globalization and the Formation of New Claims // Public Culture. The University of Chicago 1996, 8: 208.
8. Karney A.T. Global Cities. [Электронный ресурс] URL: <https://www.atkearney.com/research-studies/global-cities-index/current-research-detail>. (дата обращения: 23.04.2018)
9. Urban world: Mapping the economic power of cities. McKinsey. Global City GDP 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mckinsey.com/global-themes/urbanization/urban-world-mapping-the-economic-power-of-cities>. (дата обращения: 23.04.2018)
10. Анимиджа Е. Конкуренция в территориальном измерении // Интеграция: власть, наука, производство. 2003. № 1. С. 38.
11. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton U.P., 1991, New Jersey. 396 p.
12. Росстат [Электронный ресурс] URL: <http://www.gks.ru/>. (дата обращения: 23.04.2018)
13. Зубаревич Н. Быть отличным: особенности российских городов. [Электронный ресурс] URL: <http://www.citysocialclub.ru/articles/strelka-oblik-gorodov>. (дата обращения: 23.04.2018)
14. Исследования PWC. Выделяя Казань на карте мира. Экономический эффект от проведения Универсиады-2013 в Казани. [Электронный ресурс] URL: http://www.pwc.ru/ru/press-releases/2014/univers_13_benefits_kazan.html. (дата обращения: 22.10.2017)
15. Универсиада в Казани. [Электронный ресурс] URL: http://kazan2013.com/ru/about_universiade. (дата обращения: 23.04.2018)
16. Федеральная служба государственной статистики по Республике Татарстан. [Электронный ресурс] URL: <http://tatstat.gks.ru>. (дата обращения: 23.04.2018)
17. Постановление Кабинета Министров № 522 от 21.07.2014 «Об утверждении государственной программы «Развитие сферы туризма и гостеприимства в Республике Татарстан на 2014–2020 годы». Сайт правительства Республики Татарстан. [Электронный ресурс] URL: http://prav.tatarstan.ru/rus/docs/post/post1.htm?pub_id=255669 (дата обращения: 23.04.2018).
18. Крамин М.В., Леонов П.Е. Оценка влияния крупных региональных инвестиционных проектов на социально – экономическое развитие региона на примере проекта «Универсиада 2013» // Вестник АГТУ. Сек.: Экономика. 2014. №2. С. 105.
19. Яцык А.В., Макарова Г.И. Культурная Универсиада 2013 в оценках ее посетителей и участников // Гуманитарные науки в XXI веке. 2014. № 3. С. 87-96.
20. Ванюхина Н.В., Галиуллина Ф.Ш., Саглам Ф.А., Скоробогатова А.И., Сулима Л.О. Методические материалы для проведения «Урока Универсиады» в образовательных учреждениях Республики Татарстан / авт.-сост. Н.В. Ванюхина, Ф.Ш. Галиуллина, Ф.А. Саглам, А.И. Скоробогатова, Л.О. Сулима. Казань: Познание, 2012. С.6.

Общественное мнение о городском автотранспорте Владикавказа

Дзугев Х.В.

В мае-июне 2017 г. Северо-Осетинским отделом социальных исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук и кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова было проведено исследование на тему: «Общественное мнение о городском автотранспорте города Владикавказа Республики Северная Осетия-Алания.» Всего были опрошены 200 экспертов: архитекторы, ученые, журналисты, работники культуры, преподаватели школ и вузов, врачи, юристы и жители города.

Ключевые слова: благоустройство, современный город, маршрутная сеть, общественный автотранспорт, закон тишины, салют, пассажирские перевозки, санитарное состояние, малогабаритный автобус, трамвай.

Dzutsev H.V.

Public opinion about the city of Vladikavkaz

In May-June 2017 the North Ossetian Department of Social Studies of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences and the Department of Sociology of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov conducted a study on the topic: «Public opinion about city motor transport of Vladikavkaz of the Republic of North Ossetia-Alania.» A total of 200 experts were interviewed: architects, scientists, journalists, cultural workers, teachers of schools and universities, doctors, lawyers and residents of the city.

Key words: landscaping, modern city, route network, public transport, the law of silence, fireworks, passenger transportation, sanitary condition, small bus, tram.

Понятие «городской автотранспорт»? это комплекс различных видов транспорта, осуществляющих перевозку населения и грузов на территории города и ближайшей пригородной зоны, а также выполняющих работы, связанные с благоустройством. В современном городе, каковым является г.Владикавказ, это важный аспект повседневной жизни горожан, поэтому эта проблема находится у социологов на первом плане. И как показали материалы наших опросов, довольны качеством обслуживания маршрутными и городскими такси всего 18,4% опрошенных, это нелегитимная цифра для данной системы. Подавляющее большинство экспертов (67,1%) ответили отрицательно на данный вопрос, затруднились ответить на него 14,5% (табл. 1).

От маршрутных такси нужно было давно отойти. Бегающие по нашим дорогам многочисленные «ГАЗели» не предназначены для этих целей, по своему замыслу «ГАЗель»? это микроавтобус, созданный для перевозки людей, работающих вахтовым методом. Вместо пяти-шести таких «ГАЗелей», состояние которых ниже критики, нужен один автобус. Как только город избавится от засилья этих маршруток, он избавится и от существующего сегодня уровня интенсивности движения, и не будет столпотворения на конечных пунктах. Кроме того, нужно полностью разобраться с маршрутной сетью – 59 маршрутов, из которых не менее трети накладываются друг на друга, слишком расточительны для Владикавказа.

В западной культуре не положено навязывать окружающим свои желания, например, громкую музыку в общественных автотранспорте, местах. Если звучит музыка в ресторанах, то тихо, потому что есть понятие «закон тишины» и его никто не имеет права нарушать. У нас чуть ли не ежедневно по ночам слышны салюты, фейерверки, даже стрельба. В обществе есть приятие салютов в общероссийские праздники,

Таблица 1

Довольны ли Вы качеством обслуживания маршрутными и городскими такси? в %

Да	18,4
Нет	67,1
Затрудняюсь ответить	14,5
Итого	100,0

Таблица 2

Если Вы недовольны, то чем именно? (Возможно несколько вариантов ответа)¹, в %

Низким уровнем комфорта	60,0
Санитарным состоянием	60,0
Условиями безопасности	69,2
Другое	6,2
Затрудняюсь ответить	9,2

Таблица 3

Если Вы недовольны состоянием маршрутных такси, то что можете предложить? (Возможно несколько вариантов ответа)², в %

Увеличить количество единиц общественного городского транспорта (автобусы, трамваи)	56,3
Сократить общую численность маршрутных такси, чтобы разгрузить автодороги от автотранспорта	26,6
Запретить громкую музыку в маршрутных такси, учитывая, что у каждого пассажира есть право на тишину	60,9
Внедрить единую форму одежды для водителей маршрутных такси	14,1
Другое	9,4
Затрудняюсь ответить	9,4

но многие не приветствуют салюты частных лиц, отмечающих те или иные даты.

В Вашингтоне нет трамвайных путей, но есть автобусы, очень похожие на старые трамваи. Довольно много людей пользуются этим транспортом.

60,0% опрошенных недовольны в первую очередь низким уровнем комфорта в маршрутных такси, их санитарным состоянием, 69,2% беспокоят условия безопасности (табл. 2).

Вопросы, связанные с комфортом, санитарным состоянием и безопасностью пассажиров, должны быть отражены в условиях проведения конкурсов на определение перевозчиков. То, что

сейчас происходит, терпеть просто невозможно. Систематическое повышение цен на услуги маршрутных такси никак не повлияло на качество обслуживания.

Эксперты считают, что психологи должны определять профпригодность водителей маршруток. 56,3% опрошенных предлагают увеличить количество единиц общественного городского транспорта (автобусы, трамваи); 60,9% ? за запрет громкой музыки в маршрутных такси; 26,6% считают, что необходимо сократить общую численность маршрутных такси, чтобы разгрузить автодороги от автотранспорта; 14,1% ? за то, чтобы водители носили единую форму одежды (табл. 3).

По мнению экспертов, необходимо сократить общую численность маршрутных такси, чтобы разгрузить дороги от автотранспорта, в то же время увеличить количество единиц общественного городского транспорта (автобусы, трамваи). Запретить громкую музыку в маршрутных такси, учитывая, что у каждого пассажира есть право на тишину. Хотелось бы видеть водителей маршрутных такси в единой униформе.

Эксперты уверены: для улучшения движения автотранспорта во Владикавказе необходимо вообще вывести маршрутные такси из пассажирских перевозок, у нас и так маленький город, чтобы загружать движение таким количеством автомашин.

Некоторые эксперты считают, что нельзя запрещать маршрутные такси, т.к. это работа для многих людей. Но нужно следить за санитарным состоянием машин, и необходимо создать благоустроенные конечные остановки для маршрутных такси и их водителей.

Нужны всесторонние обследования пассажирских потоков – там, где высокие показатели, необходимы вместительные автобусы, где минимальная загрузка, следует использовать маршрутные такси. Когда установится оптимальная схема маршрутной сети и будут обозначены подходы, многие вопросы отпадут.

68,9% опрошенных считают, что проверять ежедневно техническое состояние маршрутных и городских такси; 58,1% предлагают проверять маршрутные такси на предмет перегруженности пассажирами; столько же экспертов ? систематически проверять водителей на предмет употребления алкоголя и наркотических средств (табл. 4).

Из Владикавказа надо вообще убрать маршрутки и заменить их малогабаритными автобусами, тогда и все вышеперечисленные проблемы решатся. Как можно было убрать троллейбусы?! И ведь нашлось объяснение, что нет в бюджете средств на их содержание. А маршрутки убрать не пробовали, прежде чем убирать такой экологичный и удобный транспорт?!

Городской автотранспорт должен быть под государственным контролем. Все, что связано с маршрутными такси: автомашины, их санитарное состояние, физическое состояние водителей, количество маршруток – это еще одна характеристика коррупционности. Безопасность перевозок должна быть в первую очередь отражена в договорах мэрии с перевозчиками (табл. 5).

Функционирование трамвая зависит от четырех факторов, причем жестко связанных – это состояние подвижного парка, рельсового хозяйства, подстанционного хозяйства и контактной сети. Владикавказ трамваи не выпускает, рельсы и шпалы тоже не производит, не производит контактные провода, столбы, нет производства электроподстанций. В такой ситуации нужно за все платить, экономить фактически не на чем, а это значит, что развитие трамвайного хозяйства в таких городах, как он, должно быть включено в соответствующую федеральную целевую программу.

Трамваи и пути в очень плохом состоянии и требуют модернизации. В общественном транспорте, в том числе в трамваях, не должно быть мягких матерчатых сидений – это негигиенично. Если нужны трамваи, то только с деревянными, как в добрые времена, сиденьями.

Материалы исследованию позволяют сделать следующие выводы: абсолютное большинство горожан недовольны качеством работы городских маршрутных такси, то есть они, негативно оценивают комфорт внутри салона и предлагают, чтобы горожан обслуживали в основном трамваи и автобусы.

Литература

1. Дзуцев В.Н. Владикавказ и его люди: Монография. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – 408 с.
2. Дзуцев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН),

Таблица 4

Что Вы можете предложить по улучшению уровня безопасности на городском автотранспорте? (Возможно несколько вариантов ответа³), в %

Проверять ежедневно техническое состояние маршрутных и городских такси	68,9
Проверять маршрутные такси на предмет перегруженности пассажирами	58,1
Систематически проверять водителей на предмет употребления алкоголя и наркотических средств	58,1
Ввести практику остановки маршрутных такси на официальных остановках, утвержденных АМС г. Владикавказа	51,4
Другое	2,7
Затрудняюсь ответить	6,8

Таблица 5

Пользуетесь ли Вы трамваем при передвижении по городу? в %

Да	57,9
Нет	39,5
Нет ответа	2,6
Итого	100,0

Таблица 6

Если да, то оцените внешнее и внутреннее состояние трамваев, в %

Удовлетворительное	32,9
Неудовлетворительное	40,8
Другое	1,3
Затрудняюсь ответить	7,9
Нет ответа	17,1
Итого	100,0

2012. – 734 с.

3. Лубченков Ю.Н. города России. – М.: Белый город, 2008. – 400 с.

4. Мясников А.Л. Золотое кольцо. История городов. – М.: Александр ПРИНТ, 2007. – 304 с.

5. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Астрель, 2006. – 1176 с.: ил., 24 с. ил.

Ссылки:

1 С учетом того, что каждый эксперт мог выбрать несколько вариантов, общая сумма ответов составляет более 100%.

2 С учетом того, что каждый эксперт мог выбрать несколько вариантов, общая сумма ответов составляет более 100%.

Советская модернизация и уровень культуры работников милиции Чувашской АССР

Иванов Н. В., Михайлова С. Ю.

Статья посвящена культурно-массовой работе проводимые руководством МВД ЧАССР в 1930-х – первая половина 1980-х годов, как одна из направлений воспитательной работы с личным составом милиции в свете модернизации общества, которые происходили по всей стране. Проведенные мероприятия не ограничивались только чтением в ленинских комнатах газет и журналов, еще каждый сотрудник был обязан их выписывать, а также регулярно посещать театры и музеи. Руководство проводило ряд мероприятий в виде аттестации, где устанавливали уровень культурного развития сотрудников

Ключевые слова: культурно-массовая работа, модернизация общества, Чувашская АССР, милиция, работники, общая культура, культура в работе, награждение, служебная аттестация

Ivanov N. V., Mikhailova S. Yu.

Soviet modernization and level of culture of police employees of the Chuvash ASSR

The article is devoted to the cultural mass work conducted by the leadership of the Ministry of Internal Affairs of the Czechoslovak Socialist Republic in the 1930s and the first half of the 1980s as one of the areas of educational work with the militia personnel in the light of the modernization of the society that took place throughout the country. The events that took place were not limited to reading in Lenin's rooms of newspapers and magazines, every employee was obliged to write them out, and also regularly visit theaters and museums. Management conducted a number of activities in the form of attestation, which set the level of cultural development of employees

Keywords: cultural mass work, modernization of society, Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, militia, workers, general culture, culture in work, awarding, performance appraisal

1. Введение

Курс на формирование в Российской Федерации информационного общества и цифровой экономики порождает значительные социальные трансформации. В условиях нарастания глобальных угроз и вызовов успех модернизации во многом зависит от стабильности общественной системы. Важнейшими факторами ее обеспечения являются механизмы безопасности и преемственности. Первый из них реализуется в деятельности соответствующих государственных органов – правоохранительных. Преемственность же в значительной степени связана с культурой. «Модернизация сегодня имеет большее, чем прежде, многообразие своих типов и проявлений, тесную связь с культурной спецификой отдельных обществ и регионов, большее количество вариаций и путей преобразования, чем это предполагалось на предшествующих фазах модернизации – при переходе от традиционного средневекового общества к современному, при попытке незападных обществ последовать догоняющей модели модернизации Запада» [4, с. 31]. К пониманию взаимосвязи категорий модернизации, государства и культуры нас приближает тезис В. Г. Федотовой о том, что: «Сегодня представления о задачах, возможностях и целях модернизаций выделяется и на национальном, и даже на региональном уровнях в пределах как крупных территориальных единиц, так и отдельных регионов страны (Беляева, 2014). Национальные модернизации осуществляются сообразно целям государств, в которых она происходит, с опорой на особенности культуры и их роль в качестве мотора модернизации или препятствия ей. Культура стран имеет значение в данном контексте как фактор, способный поддержать или затормозить модернизационные процессы» [4,

с. 33]. Означенная проблема включает множество сюжетов, среди которых одно из центральных мест занимают исторические. Суммируя выше изложенное, цель данной статьи определяется необходимостью изучения уровня культуры работников милиции Чувашской АССР, нацеленных на борьбу с преступностью и охрану общественного порядка на территории национальной автономии, в условиях советской модернизации – перехода от традиционного аграрного общества к современному индустриальному обществу в СССР.

2. Общекультурное развитие работников милиции Чувашии

До наших дней дошло небольшое количество сведений о культурном облике работников милиции Чувашской АССР в 1930-е – первой половине 1980-х гг. Как правило, они содержатся в плановых и отчетных документах первичных партийных организаций в тех или иных подразделениях милиции, представляются в контексте партийно-политической и воспитательной работы. Судя по ним, культурная жизнь работников милиции состояла в основном из чтения периодической печати и художественной литературы.

Известно, что в начале 1930-х гг. в штат политического отделения УРКМ при СНК Чувашской АССР входил библиотекарь [10, д. 581, с. 31-37]. В 1930-е гг. была сформирована сеть культурно-просветительских учреждений в милиции, включавшая ленинские уголки и ленинские комнаты. Дошедший до наших дней архивный документ 1940 года дает нам возможность воссоздать их деятельность на примере ленинской комнаты Чебоксарского ГОМ. В ней систематически проводились лекции, беседы, доклады, политические информации, читки газет, художественной литературы и журналов, работал хоровой кружок, имелись шашки, шахматы, домино, различные музыкальные инструменты [5, д. 35, с. 25].

Большую роль в организации культурной жизни сыграли ленинские комнаты в годы Великой Отечественной войны. Здесь в свободное от службы время работники милиции могли прочитать свежие газеты и журналы, прослушать лекции и беседы на различные темы. В 1943 г. для них было выписано 69 экземпляров центральных и республиканских газет и журналов, в том числе для ленинской комнаты Чебоксарского городского отделения милиции НКВД Чувашской АССР – газеты «Известия», «Комсомольская правда», «Сообщения Совинформбюро», «Красная Чувашия», «Чувашская коммуна» (на чувашском языке) [11, д. 1, с. 83]. В этом же году Ядринское районное отделение милиции отчиталось о том, что «для общего пользования выписываются газеты: «Правда», «Красная Чувашия», «Чаваш коммуни» и журнал «Большевик», газеты подшиваются аккуратно и находятся в Ленинской комнате» [8, д. 11, с. 15].

В 1946 г. при Чебоксарском районном отделении МВД Чувашской АССР функционировал кружок по чтке художественной литературы [6, д. 8, с. 2-4]. Разного рода культурные мероприятия включались в планы работ первичных партийных организаций. В одном из них было предусмотрено, что в апреле 1948 г. в Аликовском районном отделении МВД Чувашской АССР следовало организовать коллективную читку художественной литературы два раза в месяц, вечера самодеятельности по пятницам четыре раза в месяц [9, д. 2, с. 14], в другом – в феврале 1954 г. «провести коллективный смотр кинокартины» [9, д. 8, с. 5].

По данным за 1954 г., работники Янтиковского районного отделения МВД Чувашской АССР выписывали газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Пионерская правда», «Советская Чувашия», «Коммунизм ялаве», «Сталин ялаве», журналы «Советская милиция», «Пожарное дело», «Партийная жизнь», «Блокнот агитатора», «Наука и техника», «Работница», «Огонек», «Ялав» и др. [7, д. 20, с. 35].

В 1969 г. силами личного состава были проведены коллективные экскурсии и культпоходов – 79, проведено обсуждений кинофильмов – 64, читательских конференций – 18 раз, советами ленинских комнат было организовано 442 мероприятий [12, д. 18, с. 6-10].

В начале 1970-х гг. в МВД Чувашской АССР были организованы кружки самодеятельности во всех районных и городских отделениях. Их участники выступали на всех праздниках, проводили конкурсы песен и плясок среди личного состава милиции. Регулярно стали проводиться тематические вечера. В это же время был построен ведомственный Дом культуры. Он располагался на достаточной базе: полезная площадь составляла 1890 м², фойе, включая семь просторных классов для кружковой работы и любителей

ских объединений, раздевалку на 400 мест, зрительный зал вмещал в себя 400 мест, функционировала широкоэкранный киноустановка КПД-7, При Доме культуры работали мужской хор, численность которого составляло 40 чел., драматический кружок – 13, эстрадный коллектив – 12, кружок сольного пения – 9 чел. [13, д. 20, с. 1]. Для достойного функционирования клуба, работникам политико-воспитательной работы приходилось прилагать много сил.

Также в начале 1970-х гг. широко стали применять такой способ культурно-массовой работы как коллективное посещение театров, музеев, например, за 1972 г. было проведено 143 коллективных посещения, 127 спортивных соревнований, 203 прочих культурных мероприятий [12, д. 20, с. 51-55].

В целом, общекультурный уровень личного состава милиции Чувашии повышался, что вполне соответствовало общему ходу социальных трансформаций, порожденных советской модернизацией. Однако этим аспектом взаимосвязь понятий «культура» и «модернизация» в преломлении деятельности правоохранительного органа не исчерпывается.

3. «Культура в работе» милиции Чувашской АССР

В 1930-е гг., когда в стране создавались основы индустриального общества, постановлением СНК СССР от 25 мая 1931 г. был утвержден основополагающий для милиции документ – «Положение о рабоче-крестьянской милиции» [1]. «В качестве общесоюзного закона оно распространялось на органы милиции всех союзных республик. В постановлении рабоче-крестьянская милиция характеризовалась как административно-исполнительный орган Советской власти, охраняющий революционный порядок и общественную безопасность. Постановление устанавливало единые для всех органов милиции СССР организационные формы, а также права и обязанности.

Постановление СНК СССР от 25 мая 1931 г. открывало новый этап в правовом регулировании организации и деятельности милиции. <...>» [3, с. 160].

В организационном документе категория «культура» опосредуется всего лишь упоминанием в пункте 45 культурно-бытовых комиссий, которые «действуют на основе специальных

положений, издаваемых Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов по согласованию с начальниками главных управлений милиции союзных республик» [1].

В 1970-е гг., когда в СССР все отчетливее стали проявляться признаки позднеиндустриального общества, 8 июня 1973 г. правительство утвердило «Положение о советской милиции» [2]. В нем «рост благосостояния и культурного уровня народа» определяется в качестве одного из факторов, которые «предъявляют все более высокие требования к соблюдению общественного порядка, законности и дисциплины, на страже которых наряду с другими государственными органами стоит милиция». В пункте 4 было установлено: «Каждый работник милиции обязан проявлять высокую организованность и культуру в работе, быть тактичным и вежливым в обращении с гражданами». Актуализация положения о «культуре в работе» может стать исходной точкой для выявления и рассмотрения еще одного аспекта культуры работников милиции Чувашии. В качестве показателей культуры в работе представляется уместным рассмотреть результаты служебной аттестации, в ходе которой определялись личные и служебные качества и степень политической подготовки работников милиции, а также численность работников – отличников милиции.

В 1939 г. была проведена аттестация начсостава Управления рабоче-крестьянской милиции Чувашской АССР: 190 из 267 чел. подлежали аттестации, аттестационная комиссия рассмотрела дела 138 чел. По результатам ее работы было аттестовано на продвижение 14 чел., на увольнение – 16, на перевод на другую работу – 7, соответствует занимаемой должности – 105 чел. Через служебную аттестацию прошло 83 участковых инспекторов (из них на продвижение – 10 чел., на увольнение – 9, соответствует занимаемой должности – 64 чел.); 23 паспортных работников (из них на продвижение – 2 чел., на увольнение – 5, соответствует занимаемой должности – 15, на перевод на другую работу – 1 чел.); 19 помощников уполномоченных уголовного розыска (из них на продвижение – 1 чел., на увольнение – 1, соответствует занимаемой должности – 16, перевод на другую работу – 1) [10, д. 1642, с. 85].

В 1979 г. было аттестовано 2 361 человек личного состава МВД Чувашской АССР [12, д.

38, с. 4]. В 1980 г. успешно прошли служебную аттестацию 2 103 работников, в 1981 г. – 1834, в 1982 г. – 2571 [12, д. 47, с. 74].

С начала 1950-х гг. отличившиеся сотрудники награждались нагрудным знаком «Отличник милиции» с занесением в личное дело. В 1971 г. 232 работников милиции Чувашии имели нагрудный знак «Отличник милиции» [12, д. 19, с. 66], в 1972 г. – 171 [12, д. 20, с. 51-55], в 1973 г. – 215, из них руководящий состав – 29, работников уголовного розыска – 17, работников БХСС – 9, следователей – 7, участковых инспекторов – 27, дежурных – 5, работников паспортного отделения и столов – 9, работников ГАИ – 12, милиционеров – 55, других работников – 10 [12, д. 22, с. 7]. В 1974 г. было 332 отличников милиции [12, д. 22, с. 29]. В 1975 г. их численность составляла 348 человек, в том числе: руководящий состав – 39 человек, сотрудников уголовного розыска – 67, сотрудников БХСС – 11, следователи – 21, сотрудники ГАИ – 14, милиционеров – 106, других работников – 90 [12, д. 25, с. 128-143]. По результатам работы нагрудным знаком было награждено в 1977 г. 56 человек [12, д. 35, л. 7], в 1978 г. – 82 [12, д. 38, с. 7], в 1979 г. – 66 [12, д. 38, с. 19], в 1980 г. – 88 [12, д. 38, с. 67], в 1981 г. – 104, в 1982 г. – 240 человек [12, д. 47, с. 74]. Удельный вес отличников милиции ко всему личному составу составлял в 1977 г. 28,6%, в 1978 г. – 29,3% [12, д. 35, с. 78], в 1979 г. 28,1%, в 1980 г. – 21,3% [12, д. 38, с. 67].

В то же время были случаи, когда работники милиции были лишены звания «Отличник милиции»: в 1972 г. – 1 чел. [12, д. 20, с. 51-55], в 1973 г. – 2 [12, д. 22, с. 7], в 1974 г. – 3 [12, д. 22, с. 29], в 1975 г. – 7 [12, д. 25, с. 128-143], в 1977 г. – 7 [12, д. 35, с. 7], в 1978 г. – 6 [12, д. 38, с. 7], в 1979 г. – 4 [12, д. 38, с. 19], в 1980 г. – 4 [12, д. 47, с. 74].

4. Заключение

Следует иметь в виду, что исследователь истории советской милиции в целом и милиции Чувашии в частности испытывает значительные трудности с историческими источниками в силу специфики деятельности правоохранительного органа. Но даже имеющиеся на сегодняшний день архивные данные позволяют фиксировать те или иные тенденции изменения уровня культуры работников милиции Чувашской

АССР в условиях модернизации советского общества.

В 1930-е – середине 1980-х гг. на первое место была поставлена «культура в работе», что отражало присущие индустриальному обществу рациональный прагматизм, технократические тенденции. Общекультурное развитие шло в русле политико-воспитательной работы, что свидетельствует о значимости данного направления для руководящих структур. В то же время внимание к общей культуре работников милиции сводилось, как правило, к приобщению их к массовой культуре – периодической печати, кино. Причем речь не должна идти о том, что работники милиции были способны воспринимать исключительно культурный «ширпотреб». Необходимо учитывать, что они были сильно перегружены на работе, у них зачастую не было свободного времени. В своей повседневной работе они сталкивались с разными негативными явлениями в ходе исполнения служебного долга, что, несомненно, влияло на их психологическое состояние.

Литература

1. Положение о рабоче-крестьянской милиции: постановления Совета Народных Комиссаров // СЗ СССР 1931 г. № 33. Ст. 247.
2. Свод законов СССР, т. 10, с. 236, 1990 г.
3. Мулукаев Р. С. К вопросу о правовом регулировании организации и деятельности советской милиции (октябрь 1917 – 1991 гг.) // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 158-163.
4. Федотова В. Г. Культура в исторически меняющихся моделях модернизации // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4. С. 31-44.
5. Государственный архив современной истории Чувашской АССР (далее – ГАСИ ЧР). Ф. П-53. Оп. 1.
6. ГАСИ ЧР. Ф. П-302. Оп. 1.
7. ГАСИ ЧР. Ф. П-471. Оп. 1.
8. ГАСИ ЧР. Ф. П-1278. Оп. 1.
9. ГАСИ ЧР. Ф. П-1728. Оп. 1.
10. Государственный исторический архив (далее ГИА ЧР). Ф. Р-599. Оп. 1.
11. Информационный центр Министерства внутренних дел по Чувашской Республике (далее ИЦ МВД по ЧР). Ф. 61. Оп. 1.
12. ИЦ МВД по ЧР. Ф. 107. Оп. 1.
13. ИЦ МВД по ЧР. Ф. 120. Оп. 1.

Городские парки Москвы как платформа для поддержания здорового образа жизни

Лебедь О.Л., Ляликova С.В., Пинчук А.Н.

В последнее десятилетие в общественном мнении повышен интерес к проблемам сохранения здоровья и поддержанию здорового образа жизни (ЗОЖ). Сформировавшиеся у населения настроения могут стать наиболее благоприятным фактором для пропаганды ЗОЖ и прежде всего для увеличения личных сроков жизни в свете новых вызовов. В статье, на примере социолого-демографических исследований описана сложившаяся ситуация в области досуговой и рекреационной деятельности населения. В центре внимания находятся специфические возможности московских парков, обусловленные особенностями парковой инфраструктуры, использование которых в контексте ЗОЖ может оказать воздействие на ценностные ориентации посетителей.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, самооценка здоровья, физическая активность, экологическое мышление, самосохранительное поведение, фокус-групповое исследование.

Lebed O.L., Lyalikova S.V., Pinchuk A.N.

Moscow City Parks As A Platform For Healthy Lifestyle

In the past decade, the public opinion has raised the interest in health and a healthy lifestyle. The moods that have been formed in the population can be the most favorable factor for the promotion of healthy lifestyle and, first of all, for increasing personal challenges. In the article, an example of sociological-demographic studies, the modern situation in the field of leisure and recreational activities of the population. The focus is on the specific capabilities of the Moscow parks, due to the peculiarities of the park infrastructure, the use of which, in the context of a healthy lifestyle, can affect the value of orientations of visitors.

Key words: healthy lifestyle, self-assessment of health, physical activity, ecological thinking, self-preserving behavior, focus-group research.

Социологические исследования являются одним из наиболее перспективных направлений в изучении здоровья населения. До сегодняшнего времени основным источником определения уровня заболеваемости в нашей стране остается официальная регистрация заболеваемости по данным о посещаемости, которые предоставляют государственные медучреждения. Однако, как отмечает Семенова А.Ю., данный метод обладает рядом недостатков, как например: некачественный учет заболеваемости в медицинских учреждениях, отказ граждан от обращения в медицинские центры¹. Подтверждением данного факта являются результаты исследования ВЦИОМ, которое показывает, что более трети населения в случае недомогания или болезни занимается самолечением (35%)², а не спешит к специалисту. Одним из эффективных методов при оценке уровня здоровья населения может стать метод самооценок. Анализ самооценок здоровья³ показал положительную динамику, наблюдающуюся с 1997 г. по 2015 г., вдвое снизилась доля респондентов, оценивающих свое здоровье как плохое, их число составило 13%, на шесть процентных пунктов выросла доля тех, кто убежден, что обладает хорошим уровнем здоровья (38%), еще 48% респондентов оценили свое здоровье как среднее. «Здоровье можно считать даром природы, но от человека и от общества зависит сохраниться, умножиться или растратиться этот бесценный дар»⁴. Отрадно, что на 20 процентных пункта увеличилось число тех, кто заботится о своем здоровье (72%), причем женщины данному феномену уделяют больше внимания (77%).

Однако, даже позитивная динамика в области самооценок здоровья населения, достижение исторического максимума в значении ожидаемой продолжительности жизни и прочее все еще отстают от мировых нормативов. Именно

поддержание «болезнецентрической парадигмы»⁵, долгое время господствующей в отечественном здравоохранении, не позволит выйти нам на качественно новый уровень здравоохранения и социального самочувствия. Считается, что здоровье человека всего на 10-15% зависит от уровня здравоохранения, остальное влияние относится к таким факторам как образование, воспитание, жилищные условия, а также условия труда и др. Многие исследователи видят ключевую проблему в «отсутствии идеологии здоровья»⁶ в нашей стране. В России здравоохранение сосредоточено преимущественно на лечении и предупреждении конкретных заболеваний, тогда как на профилактику здравоохранительных линий поведения и на продление личных сроков жизни - ни ресурсов, ни возможностей нет.

В современном мире одним из ключевых инструментов в повышении уровня самооценки здоровья населения, может стать пропаганда здорового образа жизни как стиля поведения. Человек должен быть осведомлен об основных и необходимых способах сохранения своего здоровья и здоровья своих близких, создавать уникальный образ жизни, который позволит ему достичь психического, социального и физического здоровья. В исследовании М.Г. Москвичевой, Н.В. Бредихиной среди основных характеристик здорового образа жизни, по мнению специалистов в области пропаганды ЗОЖ, выделяются: занятия физкультурой и спортом (26,0%), рациональное питание (20,4%), отсутствие вредных привычек (18,7%), активный образ жизни (14,8%) и др.⁷ (см. табл. 1) Среди основных компонентов культуры ЗОЖ выделяют: культуру движений, поведения, досуга, питания и физическую культуру личности, на формирование каждой из которых требуется существенная доля времени, выделенная в структуре суточного фонда индивида⁸.

За последние несколько десятилетий среди населения наметилась тенденция к увеличению доли свободного времени, а также к снижению разницы между значениями данного показателя среди представителей обоих полов. С 1990 г. по 2014 г. доля свободного времени среди горожанок в будние дни возросла на 3,4 процентных пункта, достигнув 9,0%, а в выходные составила 21,0%⁹. Анализ бюджета времени представителей мужского населения, проживающе-

Таблица 1

Основные характеристики здорового образа жизни, по мнению специалистов о пропаганде ЗОЖ, (в % к числу опрошенных)

Источник: Москвичева, М.Г., Бредихина, Н.В. Проблема здоровья и здоровый образ жизни современного человека (социологический анализ). Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. (2 (57)), 2006. С. 197.

Характеристика ЗОЖ	Специалисты о пропаганде ЗОЖ
Занятие физкультурой и спортом	26,0
Рациональное (хорошее) питание	20,4
Отсутствие вредных привычек	18,7
Активный образ жизни	14,8
Соблюдение норм и правил сохранения своего здоровья	11,2
Хорошее настроение	5,7
Соблюдение режима дня	5,6
Получение радости от жизни	5,6
Отсутствие стрессов	4,6
Успешность физическая и психологическая	3,8
Долголетие	3,8
Красота	3,8
Культура жизни человека	1,9
Крепкая семья	1,9
Здоровые дети	1,9
Разумное отношение к досугу	1,9

го в городах, значительно отличается от женского. Мужчины располагают в среднем за неделю 30% свободного времени, а в будние дни 11,9%.

На вопрос о том, как проводят свое время наши граждане, по данным ВЦИОМ, оказалось, что за последние несколько лет произошли значительные изменения. Например, ранее излюбленное занятие – просмотр телепередач, стало в два раза менее популярным (в 2010 – 63%, в 2017 - 29%). Респонденты отдают большее предпочтение домашнему хозяйству, детям и даче (60%)¹⁰. Стоит отметить, что за последнее время вдвое возросло число тех, кто проводит свободное время на природе, в парках - если в 2010 г. таковых было всего 17%, то в 2017 г. их число достигло 34%. (см. табл.2) По словам А. Кибовского главы департамента культуры города Мос-

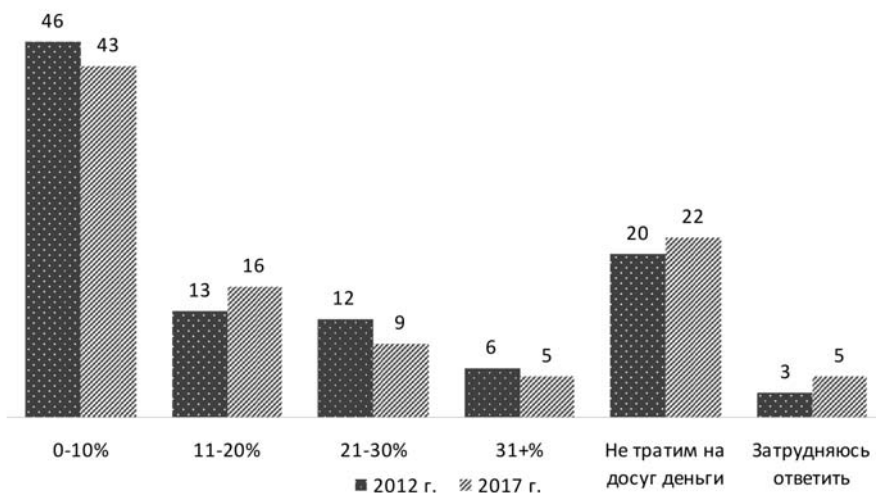

Рис. 1. Доля семейного бюджета, отведенная респондентами на проведение досуга, в (%) (Ответ на вопрос: Какую примерно долю Вашего семейного бюджета (доходов) Вы (Ваша семья) тратите на проведение досуга)
 Источник: А на досуге мы танцуем буги-вуги? ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3524. 29.11.2017 URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116559> (дата обращения: 06.06.2018)

Таблица 2

Динамика популярности основных способов проведения досуга в 2005-2017гг., (в %) (Ответ на вопрос: Скажите, чем Вы обычно занимаетесь в свободное время?)

Источник: А на досуге мы танцуем буги-вуги? ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3524. 29.11.2017 URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116559> (дата обращения: 06.06.2018)

Варианты проведения досуга	2005	2008	2011	2017
Занимаюсь домашним хозяйством, детьми, дачей	40	46	47	60
Провожу время на природе, гуляю	13	15	17	34
Встречаюсь и общаюсь с друзьями дома или в гостях	23	33	24	30
Смотрю телевизор, слушаю радиопередачи	45	60	63	29
Имею хобби и занимаюсь им дома	7	11	11	26
Читаю книги	21	27	24	23
Увлекаюсь компьютером, интернетом, играю в компьютерные игры	5	12	15	21
Посещаю спортклубы, секции, тренировки	5	5	7	12

квы столичные парки культуры и отдыха в 2017 приняли 118 миллионов посетителей¹¹.

Отчасти, подобную популярность парковых развлечений можно объяснить относительной «малозатратностью». По результатам социологических исследований¹², респонденты готовы выделить на отдых и развлечения лишь незначительную часть семейного бюджета. (см.рис. 1) В 2017 г. почти половина опрошенных тратит на проведение досуга менее 10% дохода. С другой стороны, ценность здоровья в современном мире оказывается наиболее важной для значительной доли населения. Согласно «Мониторингу образа жизни супружеских пар с разным числом детей – 2016»¹³, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ среди жителей Москвы и Московской области, именно «здоровье» возглавило рейтинг жизненных ценностей респондентов, опередив ценность «семьи, детей и заботливых близких» (см. табл.3).

Трансформации, происходящие в обществе, непременно воздействуют на взгляды, мотивацию и поведение человека, а также его ценностные предпочтения, ориентации и установки. Фокус-групповое исследование, проведенное

среди посетителей двух из 16 парков Москвы (Перовском и ПКЮ Фили) явилось частью более масштабного проекта: «Потребности и запросы посетителей парков культуры и отдыха города Москвы». Группы были сформированы на основании половозрастной гомогенности (18 – 25 лет; 26 – 35 лет; 36 – 55 лет; две фокус-группы от 55 лет и старше; а также группа: родители/родственники, посещающие парк с детьми до 12 лет).

Согласно проведенному исследованию, респонденты часто посещают московские парки, наиболее популярными среди которых оказались: государственный музей-заповедник «Царицыно», Московский объединенный музей-заповедник «Коломенское», ЦПКЮ имени Горького, «ВДНХ», «Сокольники», а также парки «Лосинный остров», «Фили», «Сосновый Бор», «Измайловский», «Кусково», «Терлецкий», «Перовский» и другие. Наиболее благоприятным временем года для посещения парков оказывается летний период, а также при допустимых погодных условиях весна и осень. Зимой респонденты стараются не планировать дальних вылазок на природу, стараясь компенсировать потребность в ЗОЖ подыскивая парки недалеко от дома.

- «Часто бываю в Царицыно, Коломенском, ВДНХ. Большие площади, огромные музеи - заповедники. Все зависит от сезона, от времени года. Приятно осенью, летом, зимой, когда не очень холодно». (молодой мужчина)

- «Парки посещаем разные по Москве, но самые частые места для посещения: Измайлово, потому что мы живем там, ... в Перово ходим всей семьей, или с сыном, в Царицыно мы ездим, потому что там наша бабушка живет». (молодая женщина)

Исследование, проведенное ФОМ¹⁴, показывает, что при необходимости провести летний отрезок времени в столице, делать это лучше на территории лесопарковых зон (25%). Большинство населения (67%) считает, что в Москве достаточно мест для отдыха в летнее время. Причем чем ниже степень укорененности на территории города, тем выше уверенность в том, что мест для отдыха достаточно количество. Отметим, что среди лиц, проживающих в Москве менее 10 лет таковых - 78%. При выборе парка учитывается не только место его расположения, но и цель посещения парка (пешая или велосипедная прогулка, катание на коньках или лыжах, наличие

Таблица 3

Иерархия жизненных ценностей респондентов по результатам Мониторинга образа жизни супружеских пар с разным числом детей в 2016 г.
Примечание: рассчитано для двухдетных супружеских пар Москвы и МО.

Ценность	Ранг	Поставили на 1 место, в (%)
Здоровье	1,71	67,3
Семья, дети, заботливые близкие	3,58	19,2
Интересная работа	6,42	1,9
Материальное благополучие, заработок, достаток	6,42	1,9
Свобода и самостоятельность в жизни	6,95	5,8
Спокойная, безопасная жизнь	7,07	3,9
Верные и надежные друзья, общение	7,19	1,3
Душевное благополучие, согласие с собой	7,34	4,5
Возможность занятий по душе, духовного развития, творчества	8,12	0,6
Уважение, благодарность других людей	9,06	1,3
Возможность путешествовать, ездить без ограничений	9,91	0,7
Физическая сила	10,29	1,3
Высокий статус, положение в обществе, карьера	10,73	1,3
Веселая, полная удовольствия и приключений жизнь	11,61	0,6
Деньги в неограниченном количестве	11,82	2,6

аттракционов, посещение прибрежной зоны и прочее). Одни парки подходят только для пассивного вида отдыха, другие – для активного, а крупные городские парковые комплексы сочетают в себе оба преимущества.

- «Перовский больше парк для отдыха семьи. ВДНХ - выставки, он культурный парк, ... у лесопарков другое назначение». (мужчина средних лет)

Ранним утром парки наполняются любителями спорта и легких пробежек. В утренний

Таблица 4

Частота занятий спортом среди респондентов (Ответ на вопрос: Занимаетесь ли Вы физкультурой, спортом или нет?)

Источник: Здоровый образ жизни: мониторинг. ВЦИОМ. Пресс-выпуск №3611. 21.03.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116757> (дата обращения 06.06.2018)

Частота занятий спортом	2006	2009	2013	2018
Да, регулярно	9	12	15	25
Да, время от времени	16	16	20	30
Очень редко	19	17	17	24
Никогда	55	53	47	20
Затрудняюсь ответить	1	2	1	1

отрезок времени или в послеобеденное время в парках чаще всего можно увидеть матерей с колясками, а также дошкольников в сопровождении бабушек и дедушек. В обеденное время основными посетителями парка становятся преимущественно лица третьего возраста, а вот в вечернее время парк наполняется молодежью и лицами среднего возраста, прогуливающимися после трудового дня.

- «Этот парк предназначен для детей разного возраста, разной активности. Парк охраняется, очень светлый. Когда плохая погода, идём в «Енот» [крытый павильон для детей]. (молодая женщина)

- «Вечером парк преображается абсолютно. Из детского-гуляночного превращается в молодёжный». (молодая женщина)

Сегодня парки это не просто места для отдыха и релаксации, они работают в режиме многозадачности, стараясь удовлетворить широкий спектр запросов посетителей, которые предъявляют к парку достаточно высокие требования. Среди положительных характеристик парка указывают на возможность совместной деятельности для разных возрастных групп. Очень интересными оказываются для посетителей различные фотовыставки и современные инсталляции, последнее время особой популярностью пользуются разнообразные мастер-классы для детей, а также кинотеатры под открытым небом, концерты и развлекательные мероприятия, организованные на летних верандах в парке. Данные мероприятия повышают настроение индивидов, а также позволяют получить радость от жизни, что по данным исследования Моск-

вичевой, М.Г., Бредихиной входит к перечню характеристик здорового образа жизни и, по мнению специалистов в области ЗОЖ набирают в среднем по 5,5% (см. табл. 1).

Физическая активность является ключевым критерием при оценке ЗОЖ. По данным ВЦИОМ, с каждым годом возрастает доля физических активных граждан, в 2018г. доля лиц, занимающихся спортом и физкультурой, достигла 79%¹⁵ (к сравнению в 2015г. таковых было 61%). По данным ФОМ москвичи чаще, чем россияне в целом, говорят, что занимаются спортом ежедневно (20% против 16%) или несколько раз в неделю (30% против 19%)¹⁶.

Участники фокус-группового исследования считают, что парк становится центром «спортивного притяжения» и выражают некоторое недовольство, в сдерживании администрацией их тяги к спортивным занятиям. В качестве примера можно привести «несправедливое», по мнению респондентов, решение об использовании стадиона, расположенного на территории парка Фили, исключительно для игр и тренировок детско-юношеской команды. Посетители парков внимательно относятся к расположенным в парковых зонах площадкам для спортивных игр, респонденты отметили наличие столов для настольного тенниса, поле для скейтбордов, тренажеры, прокат велосипедов и иного инвентаря, а также наличие прочих спортивных сооружений на выделенной территории.

- «Мне не нравится, что стадион чаще всего закрыт, раньше можно было туда заходить и заниматься спортом, сейчас нет». (женщина пенсионного возраста)

- «Стали выставлять столы для настольного тенниса, в который можно поиграть не только детям, но и взрослым. Построили площадку для скейтбордистов, дети с удовольствием играют». (женщина пенсионного возраста)

При оценке положение дел в сфере развития физической культуры и массового спорта в сравнении с 2006 г. наметился положительный сдвиг, так к 2013 г. исследовательское агентство ВЦИОМ фиксирует, что больше половины опрошенных оценивают сложившуюся ситуацию как скорее хорошую, или хорошую (59%)¹⁷. Однако, большинство респондентов считает, что государству в первую очередь следует сосредоточить свое внимание на развитии массового спорта (69%), а не на профессиональной под-

готовке (18%)¹⁸, в то время как половина опрошенных заявляет, что никогда не занимается спортом (51%)¹⁹.

Респонденты отмечают недостаточно оборудованные территории для занятий спортом, расположенные недалеко от места их проживания (69%)²⁰. Среди заядлых спортсменов каждый второй указывает на наличие футбольного поля в пешей доступности от дома, около трети (28%) – «хоккейной коробки». Примерно равное число опрошенных (в среднем по 20%) знают, неподалеку расположен «воркаут», а также волейбольная и баскетбольная площадки²¹.

- «В Терлецком лесопарке есть спортивные площадки: теннисный корт оборудован и волейбольная площадка, футбольные. Причем они разбросаны не в одном месте. Это здорово. Плюс есть зона отдыха пляжная. Купаться я бы не стала, а вот позагорать – да». (молодая женщина)

Огромное внимание уделяют участники фокус-группового исследования спортивным мероприятиям (секциям, кружкам), наиболее предпочтительными оказались секции йоги, гимнастики, танцев на свежем воздухе и др. Очень популярными оказываются занятия йогой на свежем воздухе. Согласно исследованию ФОМ²², йога является достаточно распространенной практикой среди москвичей, практически все без исключения участники опроса (96%) когда-нибудь о ней слышали. У трети опрошенных есть знакомые, разделяющие данное увлечение, среди молодежи (от 18 до 30) данное значение достигает 40%.

- «Для взрослых есть йога, проходит два раза в неделю. Из-за плохой погоды ее иногда отменяют, т.к. она проходит на свежем воздухе». (женщина средних лет)

- «Здесь постоянно собираются ребята, они занимаются спортом, тренируются». (молодая женщина)

Спортивные занятия и физические нагрузки воспринимаются нашими гражданами как один из методов заботы о своем здоровье. При ответе на вопрос «Можете ли Вы сказать о себе: «я забочусь о своем здоровье» или нет?» среди ответивших положительно самым одним из самых популярных вариантов ответа оказывается «не пью и не курю», каждый пятый ответивший утверждает, что занимается физкультурой и спортом (см. табл. 5).

Таблица 5

Возможности заботы о своем здоровье, в (%) (Ответ на вопрос: Можете ли Вы сказать о себе: «я забочусь о своем здоровье» или нет? Если да, то в чем это проявляется?)

Источник: Здоровье и как мы о нем заботимся. ВЦИОМ, 21.01.2013
URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1208> (дата обращения: 06.06.2018)

Варианты заботы	Все опрошенные	Мужчины	Женщины
В случае болезни обращаюсь к врачам, выполняю все их требования	38	32	44
Не пью и не курю	36	23	47
Смотрю передачи о здоровье, читаю мед. книги и журналы	25	15	33
Правильно питаюсь	25	20	29
Регулярно проверяю свое здоровье, прохожу диспансеризацию	25	18	30
Стараюсь не перегружать организм, нахожу время на отдых	22	20	23
Занимаюсь физкультурой, спортом	21	27	17
Употребляю витамины/БАД	8	5	11
Нет, это не про меня	15	23	9
Затрудняюсь ответить	1	2	1

Впрочем, не только спорт помогает людям заботиться о здоровье и вести здоровый образ жизни. Среди ключевых факторов, оказывающих влияние на здоровье выделяют: «условия жизни» (37,5%), «усилия самого человека по сохранению здоровья» (37,2%), а главным оказывается «природная среда и экология» (40,0%)²³. По данным ВЦИОМ именно плохая экологическая обстановка становится одной из главных причин плохого самочувствия населения (28%)²⁴. Большинство россиян обеспокоены экологической ситуацией в стране, фиксирует агентство ФОМ. По мнению 58% участников исследования, экологическая ситуация в России в последние годы ухудшается, треть респондентов оценивает экологическую обста-

новку в своем регионе как плохую²⁵. Среди мер, которые необходимо принять государству, чтобы улучшить сложившуюся ситуацию респонденты называют озеленение территорий, создание и сохранение зеленых зон города и окрестностей (6%)²⁶.

Исследование Гринпис показало, что с 2000 по 2015 год Москва лишилась 700 га древесной растительности²⁷, однако по-прежнему входит в топ-100 самых зеленых городов мира согласно рейтингу Arcadis²⁸. «Разрушение зеленых пространств в черте и на периферии больших городов, кроме того, что оно наносит эстетический ущерб, уничтожая “завесы” тишины и препятствуя регенерации атмосферы, имеет также и весьма серьезные психические последствия»²⁹.

Для большинства участников фокус-группового исследования, цель посещения парков заключается преимущественно в отдыхе и прогулке по живописным аллеям. Свежий воздух благотворно влияет на умственное и физическое состояние здоровья. Для данной категории посетителей большую роль играет уровень комфорта, предлагаемый парком, достаточное наличие зон для отдыха, хорошая музыка, а также наличие недорогих, но качественных пунктов общественного питания и рабочей зоны wi-fi. Парк ассоциируется у респондентов с тихим, зеленым островком свежего воздуха, расположенным недалеко от дома, где удастся скрыться от шума и смога большого города.

– «В Москве, где повсюду смог, дым и машины... Парк - райский уголок...». (женщина средних лет)

Как следует из вышеизложенного материала, в последнее время забота о здоровье, активный образ жизни и экологическое мышление становится все более популярным среди россиян. Люди стремятся к тому, чтобы быть в хорошей форме (79%)³⁰. Однако, если для зрелых граждан «здоровье» венчает иерархию жизненных ценностей респондентов³¹, то для подростков, «хорошая физическая форма и самочувствие» не входит даже в топ - пять самых важных ценностей³². Следовательно, необходимо изменить существующие тренды и формировать представления о самосохранительном поведении, здоровом образе жизни, а также закладывать основы экологического мышления еще на ранних этапах социализации ребенка, форми-

руя правильную систему ценностей, основанную на истинных идеалах.

В связи с появлением значительной доли свободного времени, население с целью разнообразить свой досуг все большее предпочтение отдает парковому отдыху. Парки сегодня представлены уникальным спектром услуг, среди которого каждый сможет найти себе занятия по душе: для кого-то это тихий спокойный отдых с книгой в руках, для кого-то активные спортивные тренировки на свежем воздухе, место встречи с друзьями и приятелями. Парк остается одним из самых популярных мест для посещения в столице, особенно в летний период. А грамотное благоустройство и использование территорий парковых зон может вызвать интерес посетителей и послужить дополнительным стимулом в их стремлении к здоровому образу жизни.

Литература

1. Антонов А.И., Новоселова Е.Н., Карпова В.М. и др. Семьецентризм: миф или реальность. М.: Макс Пресс, 2016.
2. Васильева И., Яблоков В. История уничтожения зеленых легких Москвы. Гринпис России, 2016. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2016/greenMoscow/>
3. Женщины и мужчины России. Статистический сборник. Росстат. М., 2016. 208 с. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906
4. Журавлева И.В. Почему не улучшается здоровье россиян? Вестник Института социологии РАН. № 6, 2012.
5. Здоровый образ жизни: мониторинг. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3611. 21.03.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116757>
6. Йога: распространенность практики в столице. ФОМ. 7 декабря 2014. URL: <http://fom.ru/Zdorove/11918>
7. Лето в Москве. ФОМ. 18 Августа 2014 URL: <http://fom.ru/Kultura-i-dosug/11673>
8. Москвичева, М.Г., Бредихина, Н.В. Проблема здоровья и здоровый образ жизни современного человека (социологический анализ). Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. (2 (57)), 2006. С. 196-201.
9. На досуге мы танцуем буги-вуги? ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3524. 29.11.2017 URL: <https://>

wciom.ru/index.php?id=236&uid=116559

10. Национальный мониторинг здоровья россиян. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3371. 11.05.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116194>

11. Новоселова Е.Н. К вопросу о роли социологии в изучении и сохранении здоровья населения России. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. № 3. М., 2017. С.30-57.

12. Опрос подростков: отношения с родителями и жизненные ценности. ФОМ. 11.05.2017. URL: <http://fom.ru/TSennosti/13317>

13. Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. М., 2016. № 4. С. 129.

14. Отношение к здоровью. ФОМ. 23 сентября 2015. URL: <http://fom.ru/Zdorove/12324>

15. Посетители московских парков. РИА Новости. 6 марта 2018. URL: <https://ria.ru/society/20180306/1515845718.html>

16. Правильное питание, спорт и отказ от вредных привычек - три составляющих здорового образа жизни. ВИЦОМ. 12.0.2015. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/food-diet/article/pravilnoe-pitanie-sport-i-otkaz-ot-vrednykh-privyчек>

17. Решетников А.В. Социология медицины. М.: ГЭОТАР- Медиа, 2006.

18. Россия спортивная: факты и тренды. ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2274. 09.04.2013. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113837>

19. Россиянам важно быть в форме. ФОМ. 30.08.2013. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11057>

20. Семенова А.Ю. Систематизация и развитие методических подходов к оценке уровня здоровья населения. Экономический журнал. 2016. №43. С.97-109.

21. Ситуация с массовым спортом. ФОМ. 15 Августа 2014. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11672>

22. Терехина Р.Н., Теодорос Павлидис Компоненты основ культуры здорового образа жизни. Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта, № 12, 2008, С. 78-82.

23. Экология. ФОМ. 20 августа 2017. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/13693>

24. Zurich Revealed As Most Sustainable Global City URL: <https://www.arcadis.com/en/global/news/latest-news/2016/09/zurich-revealed-as-most-sustainable-global-city/>

Ссылки:

1 См.подробнее: Семенова А.Ю. Систематизация и развитие методических подходов к оценке уровня здоровья населения. Экономический журнал. 2016. №43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistematizatsiya-i-razvitiemetodicheskikh-podhodov-k-otsenke-urovnya-zdorovya-naseleniya> (дата обращения: 06.06.2018). С.98.

2 Национальный мониторинг здоровья россиян. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3371. 11.05.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116194> (дата обращения: 27.02.2018)

3 Отношение к здоровью. ФОМ. 23 сентября 2015. URL: <http://fom.ru/Zdorove/12324> (дата обращения: 28.02.2018)

4 Решетников А.В. Социология медицины. М.: ГЭОТАР- Медиа, 2006. С.65.

5 Новоселова Е.Н. К вопросу о роли социологии в изучении и сохранении здоровья населения России. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. № 3. М., 2017. С.33.

6 Журавлева И.В. Почему не улучшается здоровье россиян? Вестник Института социологии РАН. № 6, 2012. С.64.

7 Москвичева, М.Г., Бредихина, Н.В. Проблема здоровья и здоровый образ жизни современного человека (социологический анализ). Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. (2 (57)), 2006. С. 197. <https://cyberleninka.ru/article/v/problema-zdorovya-i-zdorovyy-obraz-zhizni-sovremennogo-cheloveka-sotsiologicheskii-analiz>

8 Терехина Р.Н., Теодорос Павлидис Компоненты основ культуры здорового образа жизни. Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта, № 12, 2008, С.80.

9 Женщины и мужчины России. Статистический сборник. Росстат. М., 2016.. С.163-164. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906 (дата обращения: 15.02.2018)

10 А на досуге мы танцуем буги-вуги? ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3524. 29.11.2017 URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116559> (дата обращения: 25.02.2018)

11 Посетители московских парков. РИА Новости. 6 марта 2018. URL: <https://ria.ru/society/>

20180306/1515845718.html (дата обращения: 19.03.2018)

12 А на досуге мы танцуем буги-вуги? ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3524. 29.11.2017 URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116559> (дата обращения: 25.02.2018)

13 Антонов А.И., Новоселова Е.Н., Карпова В.М. и др. Семьецентризм: миф или реальность. М.: Макс Пресс, 2016.

14 Лето в Москве. ФОМ. 18 Августа 2014 URL: <http://fom.ru/Kultura-i-dosug/11673> (дата обращения 26.02.2018)

15 Здоровый образ жизни: мониторинг. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3611. 21.03.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116757> (дата обращения 23.02.2018)

16 Отношение к здоровью. ФОМ. 23 сентября 2015. URL: <http://fom.ru/Zdorove/12324> (дата обращения: 28.02.2018)

17 Россия спортивная: факты и тренды. ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2274. 09.04.2013. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113837> (дата обращения: 24.02.2018)

18 Ситуация с массовым спортом. ФОМ. 15 Августа 2014. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11672> (дата обращения: 25.02.2018)

19 Здоровый образ жизни: мониторинг. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3611. 21.03.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116757> (дата обращения 23.02.2018)

20 Ситуация с массовым спортом. ФОМ. 15 Августа 2014. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11672> (дата обращения: 25.02.2018)

21 Там же.

22 Йога: распространенность практики в столице. ФОМ. 7 декабря 2014. URL: <http://fom.ru/Zdorove/11918> (дата обращения: 25.02.2018)

23 Новоселова Е.Н. К вопросу о роли социологии в изучении и сохранении здоровья населения России. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. № 3. М., 2017. С. 38.

24 Правильное питание, спорт и отказ от вредных привычек - три составляющих здорового образа жизни. ВЦИОМ. 12.0.2015. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/food-diet/article/pravilnoe-pitanie-sport-i-otkaz-ot-vrednykh-privyчек> (дата обращения 22.02.2018)

25 Экология. ФОМ. 20 августа 2017. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/13693> (дата обращения 20.02.2018)

26 Там же.

27 Васильева И., Яблоков В. История уничтожения зелёных легких Москвы. Гринпис России, 2016. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2016/greenMoscow/> (дата обращения 22.02.2018)

28 Zurich Revealed As Most Sustainable Global City URL: <https://www.arcadis.com/en/global/news/latest-news/2016/09/zurich-revealed-as-most-sustainable-global-city/> (дата обращения 22.02.2018)

29 Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. М., 2016. № 4. С. 129.

30 Россиянам важно быть в форме. ФОМ. 30.08.2013. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11057> (дата обращения: 06.06.2018)

31 См. подробнее: Семьецентризм: миф или реальность?// под ред.А.И. Антонова, М.:Макс Пресс, 2016.

32 Опрос подростков: отношения с родителями и жизненные ценности. ФОМ. 11.05.2017. URL: <http://fom.ru/TSennosti/13317> (дата обращения: 06.06.2018)

Бренд территории как ресурс развития (на примере Байкальского региона)

Попова М.В.

В статье рассматриваются теоретические подходы и исторические условия формирования бренда территории. Отмечается, что форма управления территориальным брендингом строится на установках и представлениях представителей разных поколений, живущих на одной территории. В эмпирической части приводятся результаты исследования представлений о бренде территории жителей Байкальского региона, состоящего из трех субъектов РФ (Иркутской области, Республике Бурятия и Забайкальском Крае).

Ключевые слова: бренд, имидж, территория, население, представления.

Popova M.V.

The brand of the territory as a resource for development (on the example of the Baikal region)

The article examines theoretical approaches and historical conditions for the formation of the brand of the territory. It is noted that the form of management of territorial branding is built on the attitudes and representations of representatives of different generations living in the same territory. In the empirical part, the results of the study of the concept of the brand of the territory of the inhabitants of the Baikal region, consisting of three subjects of the Russian Federation (the Irkutsk Region, the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory) are presented.

Key words: brand, image, territory, population, views.

На сегодняшний день все более актуальным становится вопрос о региональной привлекательности и стратегическом управлении развитием территорий. Территориальное брендование выступает одним из ключевых этапов этого процесса, так как позволяет подчеркнуть реальные и создать новые смыслы, формы и значения определенной территории во времени и пространстве.

Брендинг территории выступает инструментом повышения привлекательности и конкурентоспособности города, области, страны для привлечения различных ресурсов (финансовых, человеческих, культурных, инвестиционных и иных). В основе брендинга территории лежит представление об ее уникальности и неповторимости. Бренд территории с одной стороны – делает экономически и стратегически привлекательной данную территорию, с другой стороны – формирует позитивную территориальную идентичность ее жителей. Бренд – это инструмент консолидации территории. Цель данной статьи показать на примере Байкальского региона противоречия и перспективы построения бренда территории как на государственном уровне, так и на уровне представлений жителей региона.

Социально-исторические стратегии продвижения территории

Рассматривая исторический опыт можно выделить ряд характерных стратегий продвижения региона.

Религиозная. Продвижение территории осуществлялось через строительство уникальных религиозных сооружений или свидетельство жизни и смерти святых и мучеников какой-либо из религиозных доктрин. Данный аспект способствовал развитию инфраструктуры на самой территории и «славы» о ней за ее пределами [1].

Образовательная (университетская). Данная стратегия в Европе и США связана с религиозной, так как изначально университеты создавались на базе монастырей (Оксфорд, Кембридж, Сорбона). Изначальная цель университетов при монастырях – дать монахам более полное образование, переросла в масштабную стратегию и форму регионального развития, когда молодые люди светского двора стремились получить образование для соответствующего положения в обществе. Обслуживание университетов для окрестных земель давало возможность выжить и преумножить свое состояние [2].

Экономическая (торговая). Формирование ярмарок на пересечении торговых путей, в определенных городах концентрировали вокруг себя не только местных и иностранных купцов, ремесленников, но и артистов, гадалок и служили тем самым центрами развлечений. Продуманные управленческие действия привели к эффективным формам развития территории (Ярмарка в Антверпене служит центром консолидации с X в., на Руси аналогичными стратегиями возникли Сергиев Посад, Тихвин).

Экономическая (промышленная). Возникновение фарфоровых, соляных и иных производств привело также к консолидации местного населения вокруг определенных центров. Например, в XVIII в. началась история фарфорового производства в немецком Мейсене и британском Веджвуде. К XVI-XVII вв. восходит вологодское кружевоплетение, к XVIII в. – история ивановских ситцев и гжельской керамики. В данном случае вещи – ассоциируются с территорией [13].

Оздоровительная. Данная форма территориального бренда возникла как правило в особых горных или водных территориях, где природа обладала целительными свойствами (лечение ревматизма или суставов грязями на Кавказе или Алтае, туберкулеза влажным воздухом Красного моря и т. д.)

Брендинг территории как подход управления

Территории продают продукты и услуги, которые могут создавать потенциал для роста инвестиций и иных ресурсов, так и наоборот – его нивелировать. В работе 1993 г. Ф. Котлера, Д. Хадера, И. Рейна «Маркетинг территорий: привлечение инвестиций, промышленности и туризма в города, штаты и страны» всестороннее раскрыто использование маркетинга тер-

ритории как способа продвижения ее на различных рынках.

С этого момента принято считать, что брендинг территории стал общепринятой практикой государственного и регионального планирования развития.

В 2002 г. С. Анхольт впервые стал говорить о «брендинге мест», который включает в себя комплексный, диверсифицированный подход, а не узконаправленный (туризм, образование, религия). Анхольту принадлежит концепция «конкурентной идентичности», которая состоит из политики, бизнеса и инвестиций, культуры, туризма, экспортных брендов и людей. Бренд территории не возникает на пустом месте, задача исследователя – найти эту основную точку, которая может стать основой для развития территории. Большинство брендов европейских государств или отдельных европейских городов строится на этом бренде (Рим, Мадрид, Берлин, Гамбург и др.).

Примерно в это же время К. Дини предложил концептуальную модель бренда страны, которая включает совокупность активов бренда, связанных с его именем и символом [6].

Бренд государства складывается из внешних и внутренних активов. Внутренние активы, в свою очередь, делятся на «врожденные» (иконография, ландшафт, культура) и «приобретенные» (внутренние встречные закупки, поддержка искусства, уровень лояльности). Во внешних активах К. Динни выделяет «активы, оцениваемые через опыт других людей» (восприятие имиджа страны, изображение страны в иностранной поп-культуре), и «рассредоточенные активы» (послы национального бренда, диаспора, экспорт). Согласно данной модели, архитектура национального бренда включает три уровня: собственно, зонтичный национальный бренд; определяемые им бренды в отдельных сферах (туризм, экспорт, внутренние инвестиции, политика и культура, привлечение квалифицированных специалистов, спорт); самостоятельные бренды на уровне регионов, городов, отдельных национальных товаров и услуг, культурных и образовательных центров [17]. В рамках этой концепции разработан бренд США, Австралии, Канады и других государств.

Брендинг региона – это консолидация климатических и географических, исторических и культурных, экономических и политических ус-

ловий возникновения и развития регионов [16]. В основе *бренда региона* (территории) должна лежать некоторая общепризнанная уникальность региона, а соответственно, можно говорить о следующих видах брендов территорий:

- *бренд географического места* – Тибет, о. Байкал, Альпы;
- *бренд места исторического события* – Куликово поле, Карлов Мост, Ватерлоо;
- *бренд государства и входящих в него административных единиц* (бренд земли, штата, области, края, республики, города, района) – «Земля Обетованная» (Израиль), «мировой финансовый центр» (Нью-Йорк, Лондон), «культурная столица России» (Санкт-Петербург), «город невест» (Иваново), «город влюблённых» (Париж), «середина земли» (Иркутск), «город возможностей» (Ангарск);
- *бренд производителя или территории происхождения* (бренд государства, географический регион, группа районов, городов) – «японская техника», «швейцарские часы», «венецианское стекло», «уральские самоцветы», «вологодские кружева», «хохломянская роспись» [4].

Бренд территории касается различных целевых групп, в каждой из которых раскрывается по-новому. Но в любом случае, он создает ценностно-идентификационную принадлежность, формирует инвестиционную и трудовую привлекательность и туристическую ценность [8].

Теоретические подходы изучения брендинга территории

На сегодняшний день не сложилось единой теории формирования брендинга территории. Авторы опираются на разные подходы территориального брендинга. Рассмотрим основные из них.

Геокультурный подход рассматривает символические и мифологические образы культурной реальности той или иной территории как основные формы возникновения и развития идентичности жителей. Задачей тех, кто развивает бренд в рамках данного подхода, является выделение ключевых символических образов, соединяющих всех жителей и характеризующих данную территорию с последующей ретрансляцией внутри и вне данного социума (Иркутяне – жители середины земли; Россия – основа духовного возрождения мира) и многое другое (Д. Н. Замятин [9], И. Б. Бритвина [3]).

Маркетинговый подход предполагает создание инвестиционной, экономической привлекательности региона, формирование такого образа территории, которая бы расширила финансовые, человеческие, управленческие и иные потоки на конкретной территории. Задачей имиджмейкеров с позиции этого подхода является конструирование привлекательных пространств и как следствие увеличение привлекательности территории для коренных ее жителей. Иными словами, процесс управления территорией рассматривается как маркетинговая задача, решить которую возможно разными способами (И. С. Важнина [5], А. В. Мазуренко [10] и т. д.).

Политический подход предполагает, что брендинг отдельной территории или страны является частью региональной или глобальной политики. Бренд территории несет своеобразный политический вес, регулирующий интересы того или иного государства на политической, экономической и культурной арене. Например, Тибет для Китая; Гонконг, взятый в аренду Великобританией у Китая на 99 лет в 1898 г. и отданный обратно по истечении договора; острова на Дальнем Востоке отданные Россией Китаю в начале XXI в. или же при Александре III проданная Калифорния, Аляска, Гавайские и Маршаловы острова США (И. Я. Рожков [19], Т. Л. Нагорняк [12]).

Социологический подход опирается на восприятие территории как пространства отношений, формирующих у людей представления и предпочтения. Благодаря данному подходу изучаются такие вопросы формирования бренда территории как идентичность, самовосприятие, социальная память и многое другое, что позволяет создавать условия для социального моделирования (например, территория Сочи перед и после последней Олимпиады; территория Крыма (*Крым – НАШ!*); «Санкт-Петербург – культурная столица России» и прочее (Ю. М. Маркина [11], К. Е. Тумакова [21], М. В. Попова [18]).

Каждый подход предполагает свои модели развития и управления территорией. Наша цель обусловлена изучением особенностей брендинга Байкальского региона, пониманием специфики и особенностями форм территориального брендинга отдельного региона.

Характеристика исследования

Исследование проходило весной 2017 г. среди жителей Байкальского региона, в кото-

Таблица 1
Подходы восприятия бренда территории (в %)

Подходы	Старшее поколение (41 – 75 лет)			Младшее поколение (18-40 лет)		
	ИО	ЗК	РБ	ИО	ЗК	РБ
Геокультурный	45	40	50	20	20	30
Социологический	40	35	40	25	20	25
Политический	5	10	5	15	20	10
Маркетинговый	10	15	5	40	40	35

рый входят три субъекта РФ, объединяемые принадлежностью к бассейну о. Байкал – феномену мирового значения. Сегодня это Иркутская область (далее ? ИО), Республика Бурятия (РБ), Забайкальский край (ЗК). Регион обладает всеми признаками ландшафтно-экологической и хозяйственно-культурной целостности. Географическое и геополитическое положение Байкальского региона также выгодно отличается от соседних регионов. Располагаясь между Сибирью и Дальним Востоком, эта территория, имеющая хорошие выходы в страны Центральной и Восточной Азии, всегда использовалась Россией для установления контактов и торговли с этими странами, а также служила базой для освоения Ближнего Севера и Приамурья. В советское время она стала военно-стратегическим плацдармом, а в экономическом плане превратилась в транзитно-буферный регион.

Современные социально-экономические условия ставят новые задачи перед лидерами данного региона, которые зачастую носят противоречивый характер. Разработка единого бренда территории позволит создать единую буферную зону инновационного развития и формирования единой территориальной идентичности для жителей данного региона.

В анкетном опросе не коренных народов приняли участие 2 600 человек в возрасте от 18 до 65 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин, имеющих разный уровень образования, места жительства и социально-экономического статуса. Также, нами было проведено 6 фокус-групп, в которых приняли участие 48 человек (каждая группа состояла из 7-9 человек). Для фокус-групп привлекались представители различных соци-

альных групп, опрошенных в ходе анкетного этапа исследования.

Обработка и анализ данных опроса проводились с использованием пакета SPSS.

Результаты исследования

Формирование бренда территории неоднозначно для жителей различных субъектов РФ, входящих в Байкальский регион. Вероятно, это является препятствием для формирования единой государственной политики развития бренда и имиджа данной территории.

Опрос жителей Байкальского региона показал, что среди старшего поколения доминирует геокультурный и социологический подход восприятия регионального бренда, а среди младшего поколения – маркетинговый и значительно в меньшей степени политический подходы (табл. 1).

Стоит отметить, что представления старшего поколения строятся на бытовом уровне, на жизненном опыте, а представления младшего поколения на четком понимании функционирования и развития региона изнутри. Поэтому существует противоречие между данными группами.

Жители региона, чьи ответы раскрывают геокультурный подход, говорили о ценности и значимости культурного пространства региона:

«На нашей территории имеется множество культурно-исторических памятников, что делает нашу территорию уникальной и неповторимой» (Н. Д., 37 лет, ИО); «Уникальная буддистская культура сохранилась на территории всего Байкальского региона – это надо хранить как величайшую ценность!» (Н. Г., 54 года, РБ); «Мы связаны со своими предками и потомками невидимыми нитями судьбы, поэтому нам нельзя терять символы и знаки нашей Земли» (О. А., 54 года, ЗК); «Байкальская земля священна – ее надо оберегать и хранить, иначе кара духов будет неизбежна» (А. А., 31 год, РБ).

Кого мы отнесли к социологическому подходу, говорили о важности идентичности и качества жизни:

«Наше видение будущего строится на восприятии прошлого – дореволюционного, советского, особенностей нынешней жизни. Так вот и плюсы для развития надо искать в настоящем, а не в ошибках прошлого» (О. О., 36 лет, ЗК); «Будущее мира лежит в воде, в нашем реги-

оне – вода это уникальный ресурс, его надо хранить. Я не уеду никуда отсюда» (Л.Ю., 31 год, ИО); «У нас есть уникальное озеро, немного развить инфраструктуру и все в порядке будет» (Л. А., 37 лет, РБ).

Ответы респондентов, близкие к политическому подходу, концентрировались роли территории как стратегического ресурса политических сил:

«Иркутская область – это стратегический ресурс для России, она сокровищница Азии и жемчужина Европ» (Н. Н., 35 лет, ИО); «Байкальский регион – это середина земли. Это точка интересная и Европе и Азии» (С. Д., 59 лет, РБ).

Ответы респондентов, близкие к маркетинговому подходу опирались на инвестиции и развитие инфраструктуры региона:

«Стратегическое развитие Байкальского региона – это стратегическая задача страны. Приоритетными направлениями является добыча ресурсов и развитие туризма. После – этот регион станет одним из самых уникальных в России» (Я. Я., 42 года, РБ); «Развитие инвестиционного климата и потенциала приведет к мировым трансформациям социального и политического расклада как внутри России, так и на международном уровне. Ключевым пространством этого процесса станет Байкальский регион» (О. О., 69 лет, ИО).

Представители старшего и младшего поколения по разные стороны. Это так называемый информационно-коммуникативный разрыв, где молодежь говорит на языке не понятном для старшего поколения, о формах, особенностях и целях политики для повышения привлекательности бренда территории. Это формирует разорванность смысловых полей и пространств территориального развития. Разные поколения говорят на разных языках, вкладывают не одинаковые смыслы и значения и тем самым формируют зону непонимания, а вместе с тем и не поддержания форм и инструментов брендинга территории.

Не менее ярко прослеживается данная тенденция и в фокус-группах. Приведем некоторые примеры:

«Если нам дадут деньги на развитие региона, то хорошо если половина из них будет потрачена хотя бы на предварительную разработку его... а то и меньше.» (М. А., 32 года, ИО); «Деньги на бренд территории – это деньги на

Таблица 2

Эмоции, связанные с развитием бренда территории (в %)

Эмоции	Старшее поколение (41 – 75 лет)	Младшее поколение (18-40 лет)
Доверие органам власти в развитии территории	5	13
Радость за то, что живу именно тут	15	16
Гордость за территорию	24	20
Раздражение от ненужных трат	19	15
Не готовность участвовать лично в формировании бренда территории	22	23
Не знание и не готовность требовать с представителей власти территориального брендинга	12	10
Эмоциональная и поведенческая поддержка решений правительства в области территориального брендинга	5	3

ветер, слишком аморфная категория для того, чтобы за это готовы были платить и в это вкладывать деньги» (С. Т., 43 года, РБ); «Как можно оценить эффективность бренда за год или два? Тут нужна целенаправленная работа десятилетиями, а у нас на это нет ни кадров, ни ресурсов» (И. А., 54 года, ИО).

Очевидно еще одно противоречие – гордость за территорию, но не готовность поддерживать траты на ее развитие. Иными словами, существует установка на то, что все должно случиться «само», без усилий или эти усилия должен организовать «кто-то», но не каждый житель региона, но не главы субъектов РФ, входящих в этот регион, ни их служащие. Надежда на «волшебство», и уверенность в силе геокультурных факторов, уводит от рационального и

Таблица 3
Примеры когнитивно-эмоциональных противоречий

Негативная идентичность (начало высказывания)	Эмоциональная включенность (продолжение высказывания)
Развитие бренда невозможно, у нас же все воруют – от начальника, до дворника хотя если заставить всех что это надо, то конечно будут работать на совесть, как при Сталине работали
При развитии бренда всегда будут косяки, потому что не так рассчитали, не так подумали, не тем поверили так то, промахи всегда бывают. Но если мыслить большими категориями – дело хорошее. Например, Советский Союз имел отличный имидж во всем мире, нас все боялись, хотя внутри не все и не всегда было гладко ...
Да у нас все хорошо никогда не бывает, что-нибудь, где-нибудь и как-нибудь будет не так но если все по уму делать, то может и выйдет супер бренд

взвешенного подхода развитию территории. Это нежелание принять ответственность за судьбу региона на себя. Вне зависимости от занимаемой должности, статуса и положения в обществе. Люди без ответственности за судьбу региона не могут комплексно развивать его, не могут стать по-настоящему его частью.

«Бренд – это громкие слова, которые интересны только тем кто идет во власть или зарабатывает на этом деньги. Простым людям он не нужен» (Л. Е., 39 лет, ЗК); *«Простой человек не думает о бренде территории, он думает о том как кормить семью и как жить самому»* (А. Ю., 55 лет, РБ); *«В бренде заинтересованы те, кто сможет извлечь из этого деньги. А простой человек итак гордиться той территорией, где живет»* (И. Н., 64 года, ИО).

Еще одно противоречие связано с идентичностью. С одной стороны, доминируют геокультурные факторы, которые опираются на гордость за данную территорию, ее культурно-ис-

торическое прошлое и настоящее. Но с другой стороны, существует отрицательная территориальная идентичность, которая формирует желание уехать поскорее с этой территории *«А что тут может держат людей? Ни нормального жилья, ни достойной работы, ни гарантий для будущего детей. Поскорей бы уехать»* (А. Г., 33 года, ЗК); *«Меня тут ничего не держит. Я хочу жить полной жизнью в больших городах»* (Л. С., 23 года, ИО).

Л. Л. Гудков говорит о том, что негативная идентичность выражается в агрессии людей, неготовности помогать, отсутствия мотивации достижения [7], О. А. Полюшкевич говорит об отсутствии социальной эмпатии [14; 15], В. А. Скуденков об отсутствии социального лидерства и социальной общности [20]. Это все показывает дефицит территориальных ценностей, включенный в реальные повседневные практики. У людей есть представление о том, как должно быть (эмоционально и когнитивно они это осознают), но на практике, в обычной жизни не готовы этому следовать, а скорее наоборот, опровергают это.

Демонстрация негативной идентичности сопровождается положительной эмоциональной включенностью.

Как видно из таблицы, положительная оценка включается тогда, когда есть сравнение с прошлым опытом или отдельными фигурами, которые показали иные ориентиры в развитии страны.

Проводя формальный анализ мы можем сказать, более 70 % ответов опирались не на когнитивные моменты (четкое знание и понимание того, что надо развивать, какими инструментами и методами), а на аффективные состояния (эмоциональное восприятие, чувственную оценку), более того деятельностные моменты – реальные поступки и действия, которые могут создать бренд и имидж территории смогли обозначить далеко не все (как в отношении себя лично, так и в предъявлении требований к представителям власти, бизнеса, НКО).

Это говорит о том, что они не воспринимают бренд территории как *свой продукт*. Это надо для власти, бизнеса, но не для меня.

Среди всех опрошенных мы можем выделить скептиков (35 %) – они говорят о реальных трудностях и сложных механизмах оценки разработки и продвижения бренда территории;

патриотов (25 %) – рассматривают развитие бренда как ресурс потенциального развития, но среди них нет тех, кто рационально может просчитать, отследить и контролировать эффективность и последовательность данной работы; индифферентных (30 %) – тех, кому все равно, как и что будет развиваться; затруднившихся с ответом (10 %).

Таким образом, проблемное поле территориального брендинга Байкальского региона лежит не только, вернее не столько в отсутствии понимания, что необходимо делать, а в отсутствии внутреннего понимания смысла и целей этих действий, как для жителей региона, так и для самих государственных и муниципальных служащих.

Доступность информации, открытость и четкое понимание того, как можно оценить развитие рендинга территории может помочь выявить не только аффективные (эмоциональные) и когнитивные части развития бренда в сознании населения, но и привести к поведенческому (деятельностному) участию каждого члена регионального социума в продвижении бренда территории и совместном развитии того места, где мы живем.

Властям Байкальского региона необходимо найти свою нишу развития территории. Ключевыми показателями успеха в настоящее время становятся не территориальные размеры и экономическая база, а нестандартные управленческие решения и четко и грамотно сформулированные стратегические интересы, доступные для понимания всех поколений и представителей всех заинтересованных сторон (власти, бизнеса, НКО и др.).

Литература

1. Багаева Т. Л., Рожков И. Я. Возможности повышения результативности социального управления брендинговой деятельностью / Т. Л. Багаева И. Я. Рожков // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – №4. – С. 194-204.
2. Баженова Е. Ю. Бренд территории: содержание, модели формирования, практика конструирования в российских регионах / Е. Ю. Баженова // Terra ecomotikus. – 2013. – Т.11. – №3. Часть 2. – С. 120-125.
3. Бритвина И. Б., Старостова Л. Э. Бренддинг территорий: проблема поиска ценностных оснований / И. Б. Бритвина, Л. Э. Старостова // Известия Уральского Федерального университета. Серия 1. Проблемы образования науки и культуры. – 2014. – Т.129. – №3. – С. 163-171.
4. Булина А. О. Бренд территории как ключевой фактор её развития / А. О. Булина // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – №5. – С. 23-29.
5. Важенина И. С. Бренд территории: сущность и проблемы формирования / И. С. Важенина // Маркетинг в России и за рубежом. – 2012. – №2 (88). – С. 91-101.
6. Воробьев В. П., Голубовская О. Л., Еремина Е. В. Роль региональных брендов в формировании региональной идентичности и имиджа территории / В. П. Воробьев, О. Л. Голубовская, Е. В. Еремина // Власть. – 2014. – №11. – С. 122-127.
7. Гудков Л. Д. Негативная идентичность: статьи 1997–2002 гг. / Л. Д. Гудков. – М.: НЛО. – 2004. – 816 с.
8. Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю. Имиджевые ресурсы территории: стратегии анализа и концептуальное осмысление (на примере проекта по формированию брендов городов Свердловской области) / Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2015. – №1. – С. 26-45.
9. Замятин Д. Н. Геокультурный брендинг территории: концептуальные основы / Д. Н. Замятин // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – №5. – С. 11-23.
10. Мазуренко А. В. Формирование ключевых показателей оценки брендинга территории: дис. кан. экон. наук. 08.00.08 / А. В. Мазуренко; СПб. гос. ун-ет. Им. Герцена. – СПб., 2014. – 165 с.
11. Маркина Ю. М. Конструирование имиджа дальневосточного региона как социологическая задача / Ю. М. Маркина // Вестник ТОГУ. – 2010. – №2(17). – С. 257-262.
12. Нагорняк Т. Л. Бренддинг территории как вектор политики / Т. Л. Нагорняк // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 4. – С. 13-19.
13. Новосельская В. В. Культурное пространство территории как ресурс экономики впечатлений / В. В. Новосельская // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – №3. – С. 72-86.
14. Полюшкевич О. А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества

/ О. А. Полюшкевич // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – № 6 (130). – С. 3-18.

15. Полюшкевич О. А., Антонова Л. Л., Кацаев А. Е. Эмпатия и социокультурная солидарность / О. А. Полюшкевич, Л. Л. Антонова, А. Е. Кацаев // Философская мысль. – 2016. – № 10. – С. 71-82.

16. Попова М. В. Брендинг территории как инструмент консолидации общества / М. В. Попова // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич. – Иркутск: Изд-во ИГУ. – 2016. – С. 222-224.

17. Попова М. В. Позиционирование территории как фактор городского развития / М. В. Попова // Культура и Взрыв: Социальные смыслы в трансформирующемся обществе: VII всерос. науч. интернет-конф. / Под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич. – Иркутск: Изд-во ИГУ. – 2015. – С. 52-57.

18. Попова М. В. Современное развитие территориального брендинга (на примере сибирских городов) / М. В. Попова // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы научно-практ. интернет-конф. – Вологда: ИСЭРТ РАН. – 2016. – С. 81-88.

19. Рожков Р. Я. Проблемы формирования сильного бренда «Россия» и технологии брендинга в ее решении / Р. Я. Рожков // Имидж государства, региона в современном информационном пространстве. Материалы Симпозиума 23-24 марта 2009. – СПбГУ., СПб., 2010. – С. 301-306.

20. Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие / В. А. Скуденков // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 2. – С. 180-184.

21. Тумакова К. Е. Региональная идентичность и брендинг территории как социально-управленческий ресурс / К. Е. Тумакова // Власть. – 2010. – №3. – С. 70-73.

Тенденции и проблемы устойчивого развития регионов России в современных условиях

Пейганович С.С.

Работа представляет собой взгляд на современные тенденции и проблемы устойчивого развития регионов России в настоящее время. Без рассмотрения тенденций и проблем устойчивого развития отдельных регионов Российской Федерации, невозможно иметь полное представление о протекаемых процессах в сфере устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности бизнеса. Государственная власть также начинает осознавать проблему региональных проблем развития территории. По нашему мнению, наиболее важное для решения задач устойчивого развития региона является положение о том, что всякое развитие идет путем накопления и преодоления (разрешения) противоречий. Многие из них – это противоречия, между требованиями экономичности производств, изделий, технологий и требованиями сохранения ресурсов для будущих поколений. Все противоречия в мире преодолеваются, именно инновационными решениями, однако, эти идеи не всегда создаются своевременно, что является, основной причиной неустойчивости развития. Несвоевременность создания инновационных идей по развитию устойчивости социально-экономической и экологической сфер, разработок и внедрения современных технологий управления процессом устойчивого развития региона, ведет к социально-экономическому «отставанию территориальной единицы», снижению качества жизни населения.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, устойчивое развитие, управление изменениями, внутренняя стратегия, стейкхолдеры, управление.

Peuganovich S. S.

Tendencies and problems of sustainable development of Russian regions in modern conditions

The work is a view of the current trends and problems of sustainable development of Russian regions at the present time. Without considering the trends and problems of sustainable development of individual regions of the Russian Federation, it is impossible to have a complete picture of the ongoing processes in the field of sustainable development and corporate social responsibility of business. The state power also begins to realize the problem of regional problems of the territory development. In our opinion, the most important for solving the problems of sustainable development of the region is the provision that any development goes through the accumulation and overcoming (resolution) of contradictions. Many of them are contradictions between the requirements of economy of production, products, technologies and requirements of conservation of resources for future generations. All the contradictions in the world are overcome, it is innovative solutions, however, these ideas are not always created in a timely manner, which is the main reason for the instability of development.

Key words: corporate social responsibility, sustainable development, change management, internal strategy, stakeholders, management.

Актуальность проблем устойчивого развития в настоящее время возрастает настолько, что требует научного подхода не только к конкретным областям человеческой деятельности, к конкретным территориям и отраслям, но и к самому понятию «устойчивое развитие» в целом. Наиболее удачным, на наш взгляд, является определение Е. В. Скоморохиной, которая рассматривает устойчивое развитие, как «развитие общества, при котором улучшаются условия жизни человека, а воздействие на окружающую среду остается в пределах хозяйственной емкости биосферы, так что не разрушается природная основа функционирования человечества».¹

Во-вторых, можно говорить о способности удовлетворять потребности, как об уровне жизни. Это значит, что для будущих поколений он должен быть как минимум таким же, как уровень жизни нашего поколения. При этом совершенно необязательно, чтобы это было достигнуто благодаря обеспеченности природными ресурсами. Например, мы можем сейчас инвестировать природные ресурсы в развитие человеческого капитала и знаний, и будущие поколения будут обеспечивать более высокий уровень жизни за счет прироста знаний.

Начало перехода России к устойчивому развитию было положено Указом Президента РФ «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»². Модель устойчивого развития, как и всякая общественная модель, представляет собой систему интегрированных компонентов, их существенных отношений и связей, отражающих основное содержание процессов сбалансированного социально-экономического и экологического развития. Условно можно выделить следующие внешние факторы, влияющие на устойчивое развитие региона, среди них: природно-экологические условия, стабильность бюджета региона, независимость от дотаций, влияние монополий, наличие разви-

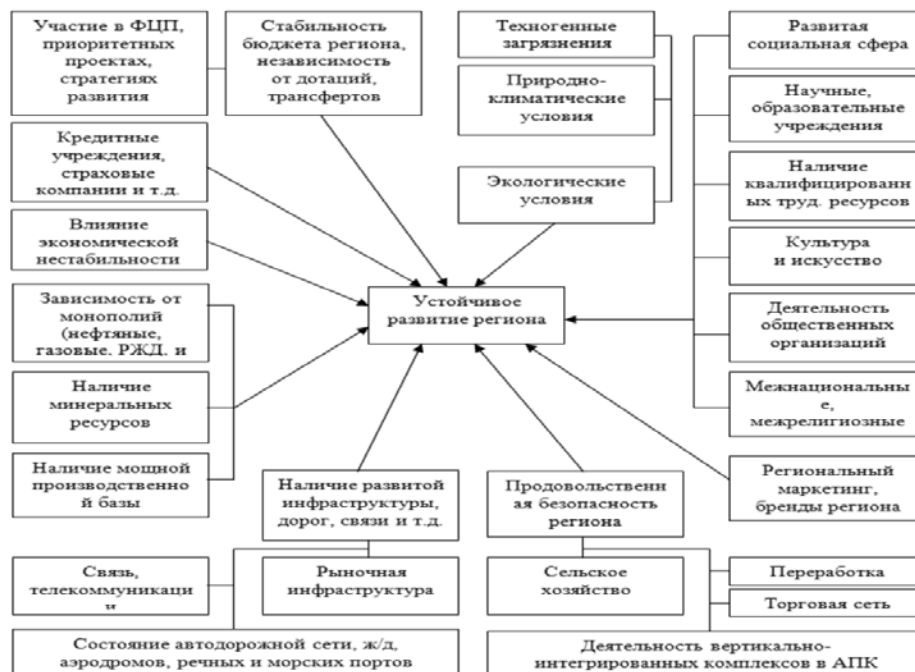

Рис. 1. Факторы устойчивого развития российских регионов.

той инфраструктуры, продовольственная безопасность, региональный маркетинг, уровень развития социальной сферы, банковской сферы, экономическая стабильность в стране (рис. 1)³.

В Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года⁴

Экологическая безопасность является одним из приоритетов устойчивого развития регионов, но, несмотря на очевидный прогресс в нормативной базе и на практике, еще достаточно много проблем, связанных с сохранением и восстановлением природных богатств нашей страны. Этому способствуют, в первую очередь, техногенные факторы, обусловленные экстенсивным характером промышленности и сельского хозяйства, несовершенством и архаичностью части технологий, низкой культурой труда, несознательным отношением к природе и, наконец, экологической безграмотностью большинства граждан, в том числе, не только руководителей государственных предприятий, но и предпринимателей. Погоня за прибылью «любой ценой» приводит к нарушению экологического законо-

дательства, агрессивному использованию окружающей среды, наносит ущерб населению территории присутствия.

Как отмечает Е. С. Силова, если говорить о региональных аспектах устойчивого развития, то ситуация во многих российских регионах в области экологического хозяйствования находится еще только в стадии зарождения, сказывается также очень высокий уровень дифференциации регионов по показателям хозяйственной деятельности⁵.

На наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения исследователя, возможности регионов-лидеров решать эффективно вопросы устойчивого развития территории несопоставимы с возможностями дотационных регионов, кроме этого, современная система управления региональным развитием в России не совершенна.

По нашему мнению, можно выделить следующие проблемы, препятствующие устойчивому региональному развитию Российской Федерации:

- ограниченный набор инструментов, используемых для управления региональным раз-

витаем. Основными являются бюджетные трансферты и федеральные целевые программы. Чрезвычайно медленно идет внедрение в систему государственного управления региональным развитием современных инструментов;

- отсутствие Генеральной схемы пространственного развития страны с обозначением основных приоритетов в отношении конкретных регионов;

- отсутствие культуры планирования использования территории. Координирующая роль Генеральной схемы расселения Российской Федерации, принятая в 1994 году и используемая до сих пор, не отвечает современным реалиям, новой пространственной организации страны. Схема требует доработки;

- отсутствие единой типологии регионов, призванной для каждого типа территории дифференцировать имеющиеся показатели и параметры проводимой политики;

- отсутствие механизмов синхронизации и дополнения федеральных отраслевых стратегий, стратегий регионального развития и стратегий развития муниципальных образований. Как следствие, отсутствие межрегиональной кооперации и неэффективность использования бюджетных средств;

- закрепление различных аспектов деятельности территориального планирования за разными ведомствами, в связи с чем наблюдается несогласованность реформы инфраструктур (транспорт, связь, энергетика, ЖКХ) и в целом последствий реализации пакета реформ на территориальном уровне.

В 2016 году Россия сделала заметные шаги на пути устойчивого развития. Так, был утвержден план реализации Парижского соглашения, в Министерстве экономического развития ведется работа по анализу лучших мировых практик в сфере учета и мониторинга выбросов парниковых газов. Начата работа по созданию модели «зеленой экономики», где главный акцент будет сделан на ресурсосбережении, повышении эффективности использования природных ресурсов, развитии рынка экосистемных услуг при снижении негативного воздействия на все компоненты окружающей среды.

Правительство разрабатывает комплексный план перехода РФ к модели экологически устойчивого развития на 2017-2025 год, а также поэтапного плана устойчивого развития регио-

нов до 2030 года и перспективы развития до 2050 года. Разработка таких долгосрочных стратегий в области устойчивого развития является обычной практикой за рубежом. Так, в 2011 году Европейская Комиссия разработала EU Energy Roadmap 2050, призванную обозначить пути перехода экономики Евросоюза на низкоуглеродные технологии для сокращения выбросов парниковых газов.

В сфере окружающей среды планируется внести изменения в законодательство о выбросах в атмосферу вредных веществ и определения влияния хозяйственной деятельности на окружающую среду. Также будет установлен порядок проведения экологической экспертизы, стандарты качества окружающей среды с оценкой риска здоровью населения.

Переработка бытовых и промышленных отходов — едва ли не самый главный пункт экологической повестки РФ в этом году. В 2016 году регионам было поручено выработать схемы обработки твердых коммунальных отходов, с чем справились далеко не все; вступление в силу соответствующего закона об утилизации таких отходов было отложено до 2019 года. Государство планирует стимулировать переработку отходов, участие населения и малого бизнеса в их сортировке и содействовать строительству объектов для обработки и утилизации отходов (например, мусоросжигательных заводов).

Одной из тенденций устойчивого развития регионов является повышение энергетической эффективности и развитие возобновляемых источников энергии. Предприятиям будет предложено разработать критерии и проекты отчетности в области окружающей среды, а также стать участниками добровольных механизмов экологической ответственности.

Сотрудники исполнительной власти в регионах будут обучены по вопросам перехода на использование наилучших экологических технологий. Регионы также призвали стимулировать создание и развитие инфраструктуры для экологического транспорта, поддерживать волонтерскую и гражданскую деятельность по решению экологических проблем. Большое внимание уделяется усилению позиции России в международной повестке экологически устойчивого развития. Предполагается определить, какую позицию Россия занимает в системе компенсаций за экосистемные услуги как гло-

бальный экологический донор (за счет поглощающей способности огромного лесного фонда), определение открытого Интернет-доступа граждан к экологической информации. Следует отметить, что Россия – одна из немногих стран Евразии, до сих пор, не присоединившихся к Орхусской Конвенции ООН о доступе к информации и правосудию по вопросам окружающей среды.

Основным направлением роста экологической эффективности российской экономики является снижение удельных показателей использования природных ресурсов на единицу ВВП, а также развитие «зеленых» инновационных технологий и рынка экологических услуг.

Внедрение новых технологий требует значительных вложений денег, однако их использование приводит и к экономическим выгодам. Применение российскими регионами «зеленых» финансовых инструментов, построение новой системы «зеленой» экономики является перспективным направлением устойчивого развития регионов. Глобальными трендами в мировой «зеленой» экономике, в частности, являются повышение энергоэффективности и внедрение возобновляемых источников энергии.

Принятая в 2013 году Декларация о внедрении принципов «зеленой» экономики в России нацелена на трансформацию экономической деятельности в направлении, обеспечивающем: высокий уровень качества жизни населения, основанный на создании безопасной для здоровья окружающей среды; высокие темпы развития отраслей, являющихся стратегическими для национальной экономики; бережное и рациональное использование природных ресурсов в интересах будущих поколений; выполнение страной международных экологических обязательств.

Система «зеленого» финансирования в регионах начинает только развиваться, несмотря на то, что инновационные финансовые решения экологических проблем давно используются во всем мире – например, частные фирмы в Мексике и Индии финансируют частные ветропарки; многонациональные трастовые фонды помогают солнечным электростанциям в Индии, Южной Африке и Марокко. В 2014 году инвестиции в возобновляемую энергетику в мире составили \$270,2 млрд и выросли за предыдущее десятилетие (с 2004 года) в шесть раз. Наиболь-

шая доля инвестиций приходится на Китай (31%), Европу (21%) и США (14%)⁶.

По данным UNEP, Китай в 2014 году вложил в эти проекты \$83,3 млрд, увеличив таким образом инвестиции на 39% по сравнению с 2013 годом. Вторым по масштабности инвестором стали США, которые вложили в 2014 году в возобновляемые источники энергии \$38,3 млрд – на 7% больше, чем годом ранее. Третье место по объему инвестиций заняла Япония, которая потратила на «зеленую» энергию \$35,7 млрд, что на 10% выше по сравнению с 2013 годом.

В России к началу 2015 года портфель инвестиционных проектов в сфере возобновляемых источников энергии в России составил более 100 млрд рублей. До 2025 года Минприроды намерено привлечь порядка 3,5 трлн рублей в развитие возобновляемых источников энергии. В 2017 году может быть принято решение о создании банка инвестиций в «зеленые» технологии. Это станет действенным инструментом внедрения «зеленых» технологий в отечественную промышленность, а также помощью компаниям, которые начнут переходить на «наилучшие, доступные «зеленые» технологии».

В государственные стандарты образования будут включены базовые знания в области охраны окружающей среды, повестки дня в области устойчивого развития (UN Agenda 2030 или Цели Устойчивого Развития), Парижского соглашения и обязательств РФ в области противодействия изменению климата.

Осенью 2016 года был утвержден Национальный приоритет развития ЖКХ и формирования комфортной городской среды в Российской Федерации.

Все эти инициативы стали ответом на социальный запрос российского населения на качественную городскую среду, а также на отсутствие в РФ современных требований к организации городского пространства. Конкурентоспособные города, развитие которых является предпосылкой для формирования конкурентоспособных регионов, должны периодически проводить переоценку развития пространства и методов управления, а также совершенствовать инструменты и методы оценки. Мэры российских городов ранее уделяли внимание в основном проблемам привлечения инвестиций, экономического роста, создания новых рабочих мест, увеличения доходов, но в последние пять

лет стали все больше обращаться к вопросам улучшения качества городской среды и экологической обстановки в городах.

Таким образом, существенное влияние на развитие экономики в российских регионах имеют общемировые, глобализационные процессы. Благодаря этим процессам, с одной стороны, увеличиваются темпы экономического роста, с другой стороны, повышается неопределенность и неустойчивость развития регионов и стран. Эти процессы носят непрогнозируемый характер, становятся дестабилизирующим фактором, значительно осложняющим управление региональным развитием.

Традиционно устойчивое развитие оценивается по трем группам показателей: экономическим, экологическим и социальным. Социальные показатели отражают качественные характеристики уровня жизни населения. Однако возникают сложности при трансформации качественных показателей в количественные, и поэтому повышенный интерес вызывают попытки разработать учет социальной составляющей устойчивого развития. Составляющей устойчивого развития региона на основе визуальных методов.

Под экономической устойчивостью региона понимается его способность выполнять свои функции и достигать целей при непредвиденных нарушениях параметров системы или внешней среды⁷. Соответственно, система мониторинга должна быть направлена на изучение таких параметров системы, которые могут меняться в результате воздействия внешних и внутренних факторов. Выбор метода оценки базируется на принципах и особенностях мониторинга и оценки устойчивого развития региона.

Особенностью мониторинга является широкий спектр его объектов, которые и определяют содержание и суть проводимого мониторинга. Широкое применение мониторинг получил в экономике, например, существует социально-экономический, финансовый, банковский, кредитный мониторинг.

В соответствии с разработанной Комиссией по устойчивому развитию ООН системой показателей, к группе социальных показателей относятся индикаторы, которые можно объединить в группы (индикаторы – движущая сила, индикаторы текущего состояния, индикаторы реагирования)⁸.

Индикативный подход был научно обоснован еще в 20-е годы XX столетия Н. Кондратьевым⁹. Также, потребность в разработке индикаторов подтверждает «Повестка дня на XXI век» (глава 40: «Информация для принятия решений» пункт 40.4).

Одним из показателей, рассчитываемых на международном уровне, является индекс человеческого развития (ИЧР) – интегральный показатель уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории¹⁰, который может быть принят в качестве показателя социального блока индикаторов устойчивого развития. Однако ИЧР не отражает все показатели социальной группы из перечня показателей устойчивого развития. Если уровень жизни населения можно принять в качестве показателя уровня бедности, уровень грамотности и образования – в качестве уровня образования, долголетие как показатель здоровья, показатель ИЧР не отображает демографического положения и показатели содействия устойчивому развитию.

Индекс человеческого развития определяется как среднеарифметическое значение суммы индекса ожидаемой продолжительности жизни, индекса образования и индекса дохода. Для более полной характеристики социального уровня к составляющим ИЧР добавим: в качестве демографического показателя – индекс миграции и индекс прироста населения, в качестве показателей содействия устойчивому развитию – индекс доли городского населения и индекс прироста городских поселений. Это позволит получить показатель социального развития региона.

В научной литературе существует множество методик оценки устойчивого развития и страны, и ее регионов, однако, в связи со специфичностью характера их развития и экономики в целом, на наш взгляд, не представляется возможным применение единой методики для всех регионов.

Нами, для сравнительной оценки устойчивости развития регионов (Белгородской и Тюменской области), на основе показателей устойчивого развития, предложен метод «трек-блоков» в основу которого положен количественный анализ экономической, экологической и социальной подсистем устойчивого развития территорий.

Таблица 1
Экономическая подсистема регионов в цифрах за 2017 год.

Показатели УР	Белгородская область	Тюменская область
ВРП на душу населения	470 086,20	632 200
Среднемесячная заработная плата работников	28 000	39 542
Величина прожиточного минимума	8 016	10 197
Доля инвестиций в основной капитал в ВРП (млрд., руб)	120,39 млрд	907.057,6
	77 871 на чел. руб.	130000,9 на чел. руб.
Оборот розничной торговли на душу населения	213,7	227,7
Внутренние затраты на научные исследования и разработки % от среднего уровня по регионам России	104,3	130,1

Таблица 2
Экологическая подсистема регионов в цифрах за 2017 год.

Показатели УР	Белгородская область	Тюменская область
Доля расходов на охрану окружающей среды в бюджете региона	7512	260,9
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух (тыс. т)	33,1	78,6
Сброс загрязненных сточных вод в водные объекты (тыс. т).	325	357
Улавливание загрязняющих атмосферу веществ (тыс.т).	647	27

Цели по определению индекса устойчивого развития регионов, данным исследованием не предусматривалось. На наш взгляд, существу-

Таблица 3
Социальная подсистема регионов в цифрах за 2017 год.

Показатели УР	Белгородская область	Тюменская область
Уровень безработицы (в %)	0,7	4,8
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в %)	14,6	12,1
Доля расходов на образование в общих расходах бюджета (тыс. руб)	16 699 903	25 240 875
Доля расходов на здравоохранение в общих расходах бюджета (тыс. руб.)	5 710 301	19 319 574
Расходы бюджетов на реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан (тыс. руб)	15 934 635	16 841 254
Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения	909	1789
Заболеваемость на 100 тыс. человек населения	155 887,60	153 515,40
Коэффициент естественной убыли населения на 1000 жителей(в %)	13,1	10,8
Коэффициент рождаемости (в %)	13,3	14,4

ющие методики оценки устойчивого развития регионов, с помощью индикаторов, не дают реальной оценки социальной, экономической и экологической оставляющей системы устойчивого развития и требуют более обширной информации и глубокого научного анализа.

Все данные, приведенные в табл. 1-3 получены из открытых официальных источников, аналитических материалов, информационных исследовательских центров по вопросам социально-экономического и экологического развития регионов.

Рассмотрим показатели экономического развития регионов в 2017 году. Как мы видим, Тюменская область лидирует по всем показателям по сравнению с Белгородской областью. Отличается Тюменская область и по инвестиционной привлекательности, так из 85 субъектов РФ больше всего в январе – июне 2017 года привлекла Тюменская область – 907,1 млрд рублей. Доля области в общем объеме инвестиций переваливает за 21%.

Третье место – у нефтегазового Ямало-Ненецкого автономного округа, который привлек 428,6 млрд рублей. Первую пятерку замыкают главный нефтяной регион страны – Ханты-Мансийский АО (388,2 млрд рублей)¹¹. Если сравнивать региональные инвестиции не в абсолютных цифрах, а в расчете на душу населения, то в Тюменской области они выше почти в два раза, чем аналогичный показатель в Белгородской области. В России инвестиции идут в субъекты с явными конкурентными преимуществами (нефтегазовые и крупнейшие агломерации), а также в регионы «больших проектов». Как показывает практика, инвестиции не будут идти туда, где нет экономической активности. Это замкнутый круг: «слабая экономическая база – слабые инвестиции». На наш взгляд, инициатива здесь должна исходить именно от региональных властей, чем и отличается руководство регионом в Тюменской области.

К сожалению, мы можем констатировать, что в российской практике также работает правило: чем слабее регион, тем меньшее участие в его экономической жизни оказывают банки и тем большее – бюджет. «Слабым» регионам остается надеяться на одно государство – чтобы поддерживать и развивать экономику региона, государство само развивает инфраструктуру региона. Частные инвестиции нацелены на прибыль, госинвестиции не ждут никакой отдачи.

Показатели по экологической защите регионов¹², констатируют неблагополучную ситуацию в одном и во втором регионе, экологические проблемы наносят заметный ущерб ВРП. Ситуация с средними выбросами остается крайне неблагополучной: половина городского населения живет в условиях высокого уровня загрязнений воздуха, значительная часть поверхностных вод оценивается сегодня как грязные и экстремально грязные. Одной из мер, которая

позволит существенно снизить выбросы вредных веществ в атмосферу и сбросы в воду и почвы, может стать технологическое перевооружение промышленности.

Первые шаги в этом направлении делают и региональные власти Белгородской и Тюменской областей, однако, Тюменская область значительно больше вкладывает средств в экологическую безопасность территории¹³. Вместе с тем, на наш взгляд, этот показатель связан с более высоким уровнем экономической стабильности региона, возможностью выделять из бюджета региона средства на защиту окружающей среды.

Стоит отметить, что в сфере экологии Белгородского¹⁴ и Тюменского регионов ещё довольно много проблем, ведущаяся годами «агрессивная» хозяйственная деятельность по отношению к окружающей среде привела к глобальным проблемам в сфере экологической безопасности жизнедеятельности населения, нанесла невосполнимый ущерб природному потенциалу регионов.

Изучение состояния экологической составляющей системы устойчивого развития Тюменской области, показало, что низкие позиции Тюменской области, занимающей 79-е место по эколого-экономическому индексу в 2017 году, обусловлены существенным исчерпанием природных ресурсов. Доля добычи полезных ископаемых в структуре ВРП составляет 50,5%. В то же время Тюменская область, включая автономные округа, является одним из основных доноров федерального бюджета, а доходы, получаемые за счет добычи полезных ископаемых на территории области, используются в федеральном масштабе.

На наш взгляд, регионы-доноры, обеспечивающие выживаемость дотационных регионов, должны иметь достаточно средств на восполнение ущерба, нанесенного природным ресурсам в результате хозяйственной деятельности, «экологическая защищенность» бюджета должна обеспечивать в первую очередь внедрение «зеленых» технологий, что в перспективе, значительно снизит региональные затраты на здравоохранение, улучшит демографическую ситуацию в регионе.

Недальновидная политика «перераспределения», «изъятия» средств у регионов-доноров в неразумных пределах, понижает возможнос-

ти устойчивого развития в данных регионах и не решает проблем развития социально-экономической и экологической устойчивости в регионах-потребителях бюджетных средств.

В решении социальных проблем регионы примерно находятся на одном уровне, однако, региональные власти Тюменской области более активно поддерживают образование и здравоохранение в регионе¹⁵. Коэффициент естественной убыли населения на 1000 жителей в Тюменской области намного ниже, чем в Белгородской области, также выше коэффициент рождаемости.

На основании закона «О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Тюменской области» региональные власти оказывают материальную поддержку социально незащищенным слоям населения.¹⁶

В регионе действуют государственные программы Тюменской области по развитию жилищного строительства, содействию занятости населения, охраны окружающей среды, развитие здравоохранения и многие другие программы по социальной защите населения региона.¹⁷

Аналогичные программы существуют и в Белгородской области, например, государственная программа Белгородской области «Социальная поддержка граждан в Белгородской области на 2014 - 2020 годы»

Таким образом, устойчивое развитие региона определяется как система, состоящая из экономической, социальной и экологической подсистем и направлена на решение проблемных задач, возникающих в обеспечении качества жизни населения территории. Движущей силой устойчивого развития региона, на наш взгляд, является экономическая подсистема, которая обеспечивает развитие экологической и социальной подсистем.

Исследование показателей устойчивого развития Белгородской и Тюменской областей выявило прямую зависимость социальной и экологической составляющей системы устойчивого развития регионов, от их экономического развития. Проблемы качества жизни населения территорий невозможно решить без устойчивого экономического развития региона.

Одной из тенденций в области устойчивого развития регионов является управление экономической составляющей, однако, существующее положение в стране, когда страна находится в

условиях экономического кризиса и под давлением «санкций», а экономика продолжает оставаться природно-сырьевой и экспортно-ориентированной, не позволяет успешно применять инструменты и механизмы устойчивого развития территорий, разработанные за рубежом. Отечественный научно-теоретический уровень разработанности механизмов устойчивого развития регионов явно недостаточен для практического применения.

В тоже время сама Концепция устойчивого развития¹⁸ регионов носит больше декларативный характер, что подчеркивает необходимость ее развития, дополнения, уточнения, с учетом процессов, происходящих в реальной социально-эколого-экономической жизни регионов.

Литература

1. Инновационное развитие – основа модернизации экономики России [Текст] : национальный доклад. – М. : ИМЭМО РАН, ГУ-ВШЭ, 2008.
2. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russia-eu.ru/node/14>
3. Доклад о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения Тюменской области по итогам деятельности за 2017 год. Департамент здравоохранения Тюменской области ГАУ ТО «Медицинский информационно-аналитический центр».
4. Закон Тюменской области от 28 декабря 2004 года N 331О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Тюменской области (с изменениями на 20 декабря 2017 года)
5. Государственные программы Тюменской области // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: http://admtumen.ru/ogv_ru/finance/programs.html
6. Корчемкина Е. С. Политика бюджетных расходов Тюменской области: актуальные направления и тенденции / Е. С. Корчемкина, Д. В. Лазутина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. 195.
7. Белгородская область в цифрах. 2017: Крат. стат. сб./Белгородстат. - 2017.
8. Повестка на 21 век. Конференция ООН по охране окружающей среды и развитию. Рио-де-

Жанейро, июнь 1992 г. Извлечения. – М.: Центр координации и информации Социально-экологического союза, 1997. – 31 с.

9. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения/ Избранные труды / Н.Д. Кондратьев; Международный фонд Н.Д. Кондратьева и др.; Ред. колл.: Абалкин Л.И. (пред.) и др.; сост. Яковец Ю.В. – М.: Экономика, 2014.

10. Индекс человеческого развития (дата обращения: 01.05.2018) <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Ссылки:

1 Скоморохина, Е. В. Стратегия (концепция) устойчивого развития: перспективы реализации в мире

и России / Е. В. Скоморохина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. – 2015. – № 4. – С. 15.

2 Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440 О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию.

3 Ванина К.Г. Особенности устойчивого социально-экономического развития на региональном уровне // Nauka-rastudent.ru. – 2015. – № 5 (17) / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:<http://nauka-rastudent.ru/17/2639/>

4 Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/15177#sel=>;

5 См.: Силова Е. С. К проблеме устойчивого развития региона. Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 5 (401). Экономические науки. Вып. 57. С. 9.

6 Петербургский международный экономический форум 2018. worldexpo.pro/exhibition/peterburgskiy...forum-2018

7 См.; Авезов А.Х. Экономическая устойчивость развития региона: сущность и основные понятия // Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук. – Худжанд, 2013. – №3. – С.65.

8 Повестка на 21 век. Конференция ООН по охране окружающей среды и развитию. Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г. Извлечения. – М.: Центр

координации и информации Социально-экологического союза, 1997. – 31 с.

9 См.: Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения/ Избранные труды / Н.Д. Кондратьев; Международный фонд Н.Д. Кондратьева и др.; Ред. колл.: Абалкин Л.И. (пред.) и др.; сост. Яковец Ю.В. – М.: Экономика, 2014.

10 Индекс человеческого развития (дата обращения: 01.05.2018) <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

11 <https://realnoevremya.ru/articles/79327-reyting-regionov-po-investiciyam-v-osnovnoy-kapital>

12 Дегтярь А. В. Экология Белогорья в цифрах [Электронный ресурс] : монография / А. В. Дегтярь, О. И. Григорьева, Р. Ю. Татаринцев // Администрация Шебекинского района : официальный сайт. – Режим доступа : <http://www.admsheb.ru/ecobelgrad/>. – (дата обращения: 24.04.2018)

13 Корчемкина Е. С. Политика бюджетных расходов Тюменской области: актуальные направления и тенденции / Е. С. Корчемкина, Д. В. Лазутина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. 195.

14 Белгородская область в цифрах. 2017: Крат. стат. сб./Белгородстат. - 2017.

15 Доклад о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения Тюменской области по итогам деятельности за 2017 год. Департамент здравоохранения Тюменской области ГАУ ТО «Медицинский информационно-аналитический центр».

16 Закон Тюменской области от 28 декабря 2004 года N 331О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Тюменской области (с изменениями на 20 декабря 2017 года)

17 Государственные программы Тюменской области // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: http://admtumen.ru/ogv_ru/finance/programs.html

18 Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russia-eu.ru/node/14>

Социальная политика города Москвы в области активного долголетия

Тихонова Т.Е.

Рассмотрены некоторые особенности социальной политики города Москвы в области активного долголетия. Определены этапы социальной политики, отличающиеся по характеру решаемых социальных задач по проблеме долголетия, проанализированы показатели социально-экономического развития города, выявлены проблемы.

Предложено осуществить специальную программу, направленную на обеспечение активной и полноценной жизни разных групп населения на протяжении основных этапов их жизненного цикла.

Ключевые слова: социальная политика, активное долголетие, показатели, программа

Tikhonova T.E.

Social policy of the city of Moscow in the field of active longevity

Some features of social policy of the city of Moscow in the field of active longevity are considered. The stages of social policy, distinguished by the nature of social problems to be solved on the problem of longevity, analyzed indicators of socio-economic development of the city, identified problems. It is proposed to implement a special program aimed at ensuring an active and full life of different groups of the population during the main stages of their life cycle.

Keywords: social policy, active longevity, indicators, program

Характерной особенностью современного этапа состояния человечества является ускорение темпов изменения возрастной структуры населения, приводящий к неуклонному росту численности лиц пожилого возраста в большинстве развитых странах мира и в России.

Согласно прогнозам ООН, доля лиц в возрасте 60 лет и старше в составе человечества к 2050 году увеличится вдвое, достигнув 20% населения и превысив 2 млрд. человек [1]. Для условий России проблемы демографического старения населения носят еще более острый характер: если в 1937 г. доля людей в возрасте от 60 лет и старше составляла около 7%, в 2010 г. – уже 21,1 %, то к 2050 г. эта величина превысит 35%.

В социальной политике города Москвы постсоветского периода можно выделить три основных этапа, которые различаются по характеру решаемых социальных задач по проблеме долголетия.

На первом этапе 1991-2000 гг. социальная политика была во многом связана с переходным периодом к обществу, функционирующему на основе рыночных отношений, снижением негативных последствий системных преобразований. Отличительные черты социальной политики на данном этапе: создание новых основ социальной защищенности граждан в условиях рыночных отношений; повышение значимости индивидуального дохода для удовлетворения важнейших нужд населения; перевод социальной сферы с государственного патернализма на социальное партнерство.

В результате осуществления радикальных и в значительной мере неэффективных преобразований произошел катастрофический спад уровня жизни населения. Если в 1990 году естественная убыль населения Москвы составляла 20,5 тыс. человек, то к 1995 году она выросла

до 77,5 тыс. человек. Средняя продолжительность жизни составляла в 1990 году 69,7 лет, а в 1995 году 65,4 лет (мужчины 59 лет, женщины -72,1 лет) [2, с. 20-21]. На этом этапе создавались новые и трансформировались существующие правовые основы, социальные отношения и социальные институты, отражая особенности рыночного механизма.

На втором этапе 2001-2010 гг. социальная политика осуществлялась по закреплению и развитию рыночных отношений, что привело к улучшению ситуации в социальной сфере. Социальная политика в этот период была направлена на формирование модели субсидиарного государства, что требовало решения следующих задач:

- создание механизмов для перераспределения социальных благ в пользу уязвимых и бедствующих групп населения при одновременном сокращении объемов социальных трансфертов, ранее предоставляемых обеспеченным семьям; расширение степени охвата мерами социальной защиты домохозяйств, не обладающих возможностями самостоятельного решения проблем и объективно нуждающимися в господдержке;

- расширение всеобщей доступности базовых социальных благ (медобслуживание, образование) обществу приемлемого качества [3, с. 121-131];

- создание экономических условий повышения собственных доходов гражданам, что позволило им повысить свой уровень социального потребления (в виде комфортного жилья, качества услуг образования и здравоохранения и т.п.);

- развитие институтов, обеспечивающих более широкий выбор населением социальных благ и услуг.

Постепенно, в рамках концепции «социального рыночного государства», приоритет перешел с решения чисто экономических задач на социально-экономические, связанные с обеспечением условий достойной жизни для каждого человека и развитием социальной сферы. На этом этапе выросли доходы и качество жизни населения Москвы. Так, доля населения, имеющая денежные доходы ниже величины прожиточного минимума на 1 этапе (в 1995 году) составляла 19,23%, а к 2010 году сократилась до 10,3%.

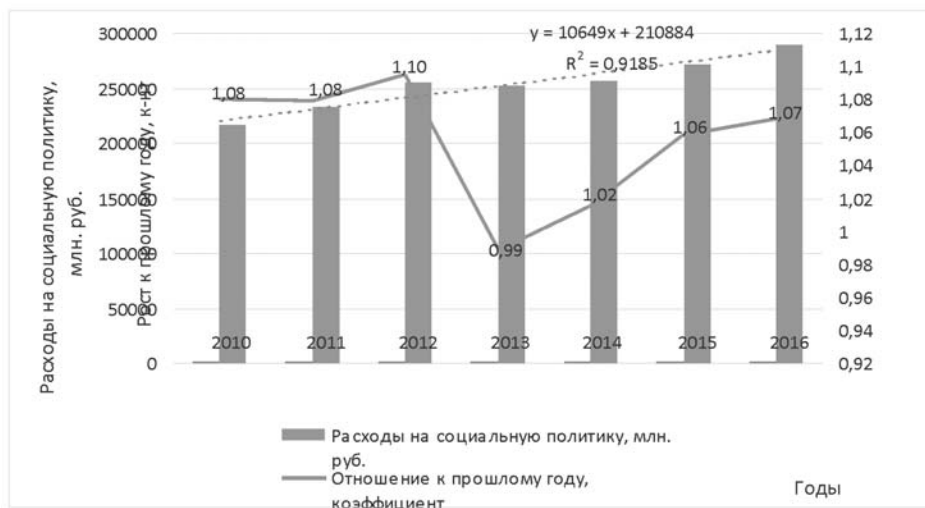
К концу первого этапа (2000 г.) расходы бюджета Москвы на социальную политику составляли 10266 млн. руб., а к концу второго этапа (к 2010 г.) – 183214 млн. руб. (рост в 17,8 раз). Если в 2001 году естественная убыль населения города Москвы составляла 58,9 тыс. человек, то к 2010 году она снизилась до 4 тыс. человек в год (в 14,7 раз). Продолжительность жизни выросла с 69,6 лет в 2001 году до 73,6 лет к 2010 году.

На третьем этапе (2010-2018 гг.) социальная политика Москвы во многом была связана с корректировкой ранее проведенных экономических реформ и повышением уровня общегосударственной политики, переориентацией деятельности институтов на обеспечение национальных интересов России, ликвидацией зависимости власти от криминально-олигархического капитала.

В 2011 году принята государственная программа «Социальная поддержка жителей города Москвы», цели которой направлены на: «повышение уровня и качества жизни граждан, нуждающихся в социальной поддержке, сокращение бедности за счет развития адресных форм социальной защиты населения» [4]. В 2013 году в Москве разработана единая программа развития «Москва – город, удобный для жизни», в которой обобщен накопленный опыт, представлена идеология его модернизации.

На данном этапе Москва превратилась в наиболее развитый субъект России, население которого имеет высокие среднедушевые доходы, значительно превышающие прожиточный минимум, самый низкий уровень безработицы, получает разнообразный перечень социальных благ. Действия правительства Москвы приобрели системный и институциональный характер по повышению продолжительности жизни населения и развитию активного долголетия. Так, почти 40 центров социального обслуживания, имеющих 94 филиала, расположенные в шаговой доступности, а также более 30 организаций социального обслуживания предоставляли социальные услуги в стационарной форме гражданам пожилого возраста. Практически все центры социального обслуживания разработали и осуществляют программы «Активное долголетие». Безусловным приоритетом социальной политики остаются граждане старшего поколения.

Рисунок 1 - Динамика расходов на социальную политику в городе Москве¹

Можно предположить, что с 2019 года может начаться четвёртый этап социальной политики, основным отличительным признаком которого может стать концепция пенсионной реформы, выдвинутая в 2018 году и влекущая за собой необходимость активизации мер по активному долголетию.

Социальная политика города Москва как субъекта России базируется на следующих принципах:

- учете исторических особенностей, культурных традиций и экономических возможностей развития;
- установлении локальных социальных стандартов и норм в рамках общегосударственных требований;
- соблюдении законодательства страны и общей политики государства при осуществлении социальной политики.

Цель социальной политики города Москвы направлена на удовлетворение потребностей и реализацию интересов населения, улучшение его уровня жизни, создание условий для всестороннего развития личности и т.п., отражая приоритетный характер современного этапа развития столицы [5].

Социальная политика Москвы связана с необходимостью повышения качества жизни населения, что предполагает охрану труда и здоровья, установление гарантированного мини-

мального размера оплаты труда, государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, выплату государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты, помощь и поддержку инвалидам и пожилым гражданам, развитие системы социальных служб и т.д. [6].

При общем росте численности населения города Москвы за анализируемый период с 11,4 млн. человек до 12,4 млн. человек (108,8%) доля людей моложе трудоспособного возраста выросла всего на 1,8% (с 12,9% до 14,7%), а доля людей старше трудоспособного возраста выросла на 3,5% (с 23,2% до 26,7%). Доля людей в трудоспособном возрасте снизилась весьма заметно - на 5,4% (с 63,7% до 58,3%). Данная закономерность означает, что в Москве сложилась тенденция демографического старения, которая стала важнейшей тенденцией в современном мире. В целом по России доля людей старше трудоспособного возраста составляет более 24% и продолжает расти дальше.

Социальная политика используется как механизм разрешения противоречий текущих интересов общества с перспективными, а также дисбаланс между различными слоями и общественными институтами, позволяя прогнозировать развитие социальной ситуации [7].

Москва обладает значительным совокупным потенциалом решения социальных проблем

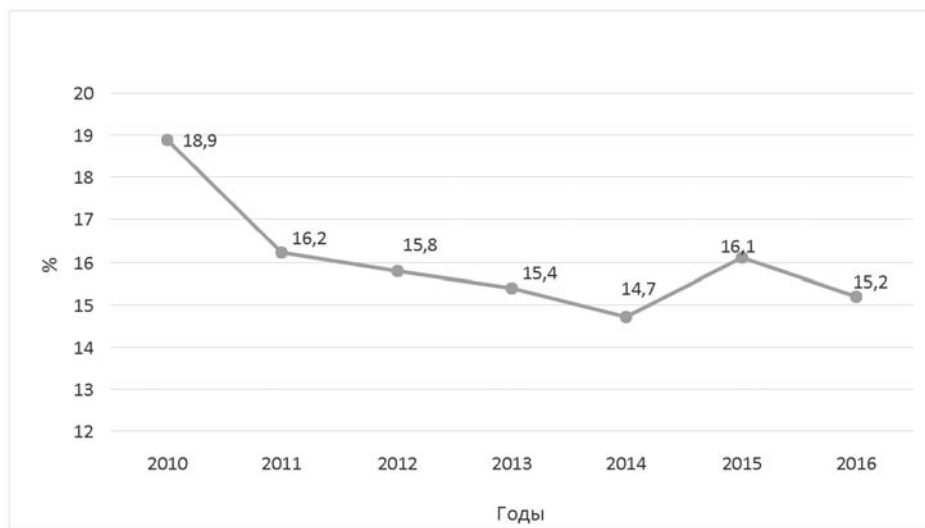

Рисунок 2 - Динамика удельного веса финансовых средств на социальную политику в общем объеме расходов бюджета города Москвы²

населения. Она входит в число 3-х мегаполисов мира по крупнейшим объемам городского бюджета, что позволяет осуществлять значительное число дорогостоящих социальных программ и проектов, обеспечивать комплексные меры по социальной защите и поддержке населения. В бюджете города Москвы предусмотрена отдельная статья финансирования социальной политики. В целом динамика расходов на социальную политику в городе Москве отражена на рисунке 1.

В целом тренд динамики расходов на социальную политику в городе Москве имеет устойчиво восходящий характер, хотя величина роста к прошлому периоду значительно колеблется. В 2010 году сумма расходов составила 216023,6 млн. руб., а в 2016 году – 289714 млн. руб. (рост в 1,3 раза). Помимо данных финансовых объемов на социальную политику в бюджете Москвы также предусмотрены соответствующие средства на поддержку различных направлений социальной сферы: здравоохранение, образование, культуру, физкультуру и спорт.

Вместе с тем, несмотря на рост объемов финансовых вложений в социальную политику, их удельный вес в общем объеме расходов бюджета имеет тенденцию к снижению (рисунок 2).

С 2010 года удельный вес финансовых средств на социальную политику в общем объеме

расходов бюджета города Москвы снизился с 18,9% до 15,2% в 2016 году.

Таким образом, анализ позволяет отметить ряд проблем в социальной политике города Москвы в области активного долголетия.

Во-первых, нарастание половозрастного дисбаланса населения создает сложные отношения между социальными группами и внутри них, включая семьи, изменение социально-психологических взаимодействий, эмоциональных контактов и индивидуальных потребностей ее членов. Повышение доли людей старше трудоспособного возраста, а в их составе – женщин, также трансформирует существующую систему межличностных связей, которые возникают на основе проявления взаимного интереса между индивидами друг к другу. В социальной группе нарушаются механизмы регуляции совместной деятельности, такие как коммуникации, идентификации и т.д.

Во-вторых, выявлено снижение удельного веса финансовых средств на социальную политику в общем объеме расходов бюджета города Москвы.

В-третьих, в настоящее время программы, проекты и мероприятия социальной политики города Москвы в области активного долголетия, во многом ориентированы на категории населения, достигших пенсионного возраста.

Так, например, участниками пилотного проекта «Московское долголетие» могут быть мужчины и женщины в возрасте от 60 и 55 лет соответственно [9]. Между тем, большинство предпосылок и факторов здоровья человека и его долголетия (наследственных, образ жизни, психологических, экологических и др.) закладывается или проявляет себя на более ранних этапах жизни человека.

В социальной политике города Москвы предлагается предусмотреть специальную программу, направленную на обеспечение активной и полноценной жизни разных групп населения на протяжении основных этапов их жизненного цикла с учетом ориентации их на достижение долголетия (заменив действующий в настоящее время пилотный проект «Московское долголетие»). Одной из важнейших направлений такой программы может стать обучение людей всех возрастов навыкам умения самообслуживания («заботы о себе») на всех этапах жизни до наступления старости.

Литература

1. Ageing in the twenty-first century: a celebration and a challenge. New York: United Nations Population Fund (UNFPA), London: HelpAge International, 2012. pp. 12–13. URL: <http://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Ageing%20report.pdf>.

2. Irina Mkrtumova et set. Professional Competence Development of the Social Work Specialists in the Period of Study in the System of Additional Education (Scopus) // International Education Studies; Vol. 8, No. 6; 2015 - Published by Canadian Center of Science and Education (ав-

тор - 0, 2) (Natalia Zueva, Natalya Lebedeva), ISSN 1913-9020 E-ISSN 1913-9039.

3. Московский статистический ежегодник. 2010: Стат.сб./Мосгорстат. М., 2010. 212 с.

4. Айзинова И.М. Социально-экономические проблемы старшего поколения: качество жизни населения старших возрастов // Проблемы прогнозирования, 2017. №4. С. 121-131.

5. Государственная программа города Москвы «Социальная поддержка жителей города Москвы». Утверждена постановлением правительства Москвы от 6.09.2011 г. № 420-ПП.

6. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018. 312 с.

7. Мкртумова И.В. и др. Комплексный мониторинг уровня и качества жизни граждан пожилого возраста в городе Москве: информационно-аналитический доклад. Десятый этап. М., Изд-во ИПК, 2015. 189 с

8. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

9. Мосгорстатистика: URL: <http://moscow.gks.ru>.

10. Методические рекомендации по обеспечению реализации отделами социальных коммуникаций и активного долголетия территориальных центров социального обслуживания пилотного проекта «Московское долголетие».

Ссылки:

1 Составлено автором по данным [8].

2 Расчет автора по данным [8].

И МОЛОДЕЖЬ

Современные субкультуры: понятие и особенности

Алимова О.В.

В данной статье рассматриваются различные подходы к пониманию феномена «субкультура» и анализируются некоторые особенности современных субкультур. Приводятся примеры современных социокультурных явлений с признаками субкультур и описываются их основные характеристики и социально-значимые проявления.

Ключевые слова: субкультура, культура, социокультурные явления, социальные феномены, признаки субкультур

Alimova O.V.

Modern subcultures: concept and features

In this article discusses various approaches to understanding the phenomenon of «subculture» and analyzes some of the features of modern subcultures. Examples of modern socio-cultural phenomena with the features of subcultures are given and their main characteristics and socially significant manifestations are described.

Keywords: subculture, culture, social and cultural phenomena, social phenomena, signs of subcultures

Устойчивый научный интерес к субкультурам наблюдается с середины XX века, поскольку к данному периоду они стали значимым средством трансформации и эволюционного обновления общества. В современное время данный интерес лишь увеличивается, поскольку современные субкультуры становятся частью механизма различных культурных инноваций, благодаря которым современное общество может рассматриваться как более раскованное, плюралистичное и интеллектуальное.

Понятие «субкультура» сформировалось в результате осознания неоднородности культурного пространства. В урбанизированном обществе необходимость в подобном определении стала особенно очевидна. Основанный на понятии «культура», термин «субкультура» на начальном этапе вбирал в себя те явления, которые наблюдались в группах людей, но не могли быть отнесены к традиционной культуре. И если под «культурой» понималась господствующая мировоззренческая система - профессиональная, поддерживаемая существующими в обществе элитами и исходящая от элит, получавшая сакральное подкрепление, то всё, что фиксировалось за ее пределами, - «область профанного, бытового», - лишалось статуса «культуры» [1], относилось к субкультурам.

В современном обществе единой устоявшейся системы взглядов на феномен «субкультура» по-прежнему не существует, что, в первую очередь, вызвано наличием множества подходов и определений понятия «культура». М. Соколов отмечает, что «понятие «субкультура» неоднозначно и приводит множество не впол-

не четких определений, большая часть из которых указывает на разные, хотя и одинаково реальные вещи, поэтому, на его взгляд, затруднительно выделить какое-нибудь определение субкультуры в качестве «правильного» и отметить все остальные как «неверные» [2].

Предложенная К. Соколовым концепция социокультурной стратификации рассматривает субкультуру, в первую очередь, как явление социально-психологическое и художественное, где субкультура — это не что иное, как картина мира, общая для определенной большой группы людей. [3] Отсюда можно предположить, что различия в картинах мира могут порождать разнообразные субкультуры общества.

Согласно концепции М. Брейка, субкультура — это нормы, отделенные от общепринятой системы ценностей и способствующие поддержанию и развитию коллективного стиля жизни, также отделенного от традиционного стиля, принятого в данном обществе. [4] То есть здесь субкультура определяется через понятия «нормы» и «стиля жизни».

К.Т. Теплиц при определении понятия субкультуры опирается на перечисление групповых характеристик: «... если она достаточно велика, если виды деятельности группы достаточно разнообразны, если группа способна создать свою собственную систему ценностей, убеждений, традиций, наконец, свои собственные средства художественного самовыражения...». [5]

Б. Ерасов понимает под субкультурой те социальные образования внутри общества, которые отличаются от преобладающей и нормативной культуры по некоторым своим культурным признакам: обычаям, нормам, ценностным ориентациям, стилям поведения, а иногда и институтам [6]. В свою очередь Б.Гладарев под субкультурой понимает конкретных людей, объединенных в некое сообщество. При этом данная группа должна быть выделена из социума набором общих признаков.

По мнению О.Н. Римской и В.П. Римского, понятие «субкультура» вмещает в себя всё многообразие системных формообразований в современной культуре (прежде всего, в отечественной), которые, включаясь в общий фонд культуры, подобно генофонду в процессах биоэволюции, способны, в конечном итоге, оказывать инновационное воздействие на динамику той или иной культуры [7].

Действительно, в последние десятилетия понятие «субкультура» получает еще более широкое применение, чем ранее. Нормативные схемы, ценности и идеология многих, в т. ч. молодежных, сообществ перестали восприниматься как проявления маргинализованных групп [8] и получили признание как особая, например, «молодежная культура» [9].

Одновременно в современном обществе продолжается процесс возникновения различных новых социо-культурных явлений (ритмология, счастье жизни, реконструкторы, веганы, граффитеры, сибирское здоровье, концепция человекоориентированного подхода и др.), имеющих свои четко определенные характеристики. Интерес к подобным явлениям в обществе можно зафиксировать количеством подписчиков в социальных сетях, (численность варьируется от 1000 до сотен тысяч человек), многие из подобных новых социо-культурных образований содержат признаки субкультуры: мировоззрение в узком смысле или картину мира; свои ценности, не обязательно конфликтующие с ценностями доминирующей культуры; стереотипы; образ и стиль жизни; систему норм и правил поведения как особые социальные институты; процедурное знание; потребности и склонности ее членов. [10]

Однако множественность понятий «субкультура» не позволяет составить единообразного, универсального перечня признаков субкультуры, а значит и классифицировать данные явления, что не исключает необходимости их исследования для оценки практической ценности, общественной значимости и безопасности.

Таким образом, можно предположить, что современные субкультуры как социальные феномены, рождающиеся внутри различных общественных групп, формируются постепенно, но уже на начальном этапе своего становления имеют те существенные социальные проявления, которые можно описывать и изучать как социально-значимые явления.

Литература

1. Стрельцов В.В. Девиантное поведение российской молодежи в субкультурном контексте (концептуальный анализ). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/deviantnoe-povedenie-rossiyskoy-molodezhi-v-subkulturnom-kontekste>

kontseptualnyy-analiz (дата обращения: 19.07.2018)

2. Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга / Под ред. В.В. Костюшева. СПб., 1999. С. 23.

3. Соколов К.Б. Художественная жизнь современного общества. Том 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни. Издательство «Дмитрий Буланин», СПб., 1996. 237 с.

4. Brake M. Comparative Youth Culture: The Sociology of Youth Cultures and Youth Subcultures in America, Britain and Canada. London, 1985. P. 13.

5. Теплиц К.Т. Всё для всех: массовая культура и современный человек. М., 1996. С. 118.

6. Ерасов Б.С. Социальная культурология Ч. 1. М, 1994. С. 268.

7. Практики взаимодействия субкультур: коллективная монография: [сборник / под ред. В. П. Римского]. - Белгород: Белгород, 2015. С.33-34.

8. Чернышенко В. В. Философско-антропологический анализ современных молодежных субкультур: монография / Чернышенко Василий Васильевич - Орел: Изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2012. - 135 с.

9. Сумма субкультур - 2011: юношеские субкультуры Урала: мини-энциклопедия / [ред.-сост.: Ю.В. Шинкаренко]. - Екатеринбург: ДМОО юных корреспондентов Свердловской области, 2011. - 126, [1] с.

10. Слюсаревский Н.Н. Субкультура как объект исследования // Социология: теория, методы, маркетинг 2002. № 3 - С. 117-127.

Политические предпочтения молодежи Северной Осетии

Гаглоев А.Т., Хугаева А.А.

Особенностью современной молодежи России является ее самоотстраненность от политических процессов в стране. В статье рассматривается региональный срез отдельных показателей политической активности молодежи.

Ключевые слова: молодежь, политические интересы молодежи, политическая апатия молодежи.

Gagloev A. T., Khugaeva A. A.

The Political Preferences Of Young People In North Ossetia

The peculiarity of the modern Russian young people is its selflessness from the political process in the country. The article observes the regional section of separate political activity's indicators of young people.

Key words: young people, political preferences of young people, political apathy of young people.

Каждый исторический период жизни государства и общества формирует своё поколение граждан. Речь идет об особой части населения, которая проходит активную вторичную социализацию на определённом этапе своего развития, и, как следствие, наиболее интенсивно впитывает в себя складывающиеся в этих условиях нормы и ценности.

Не стали исключением и последние 25 лет, на протяжении которых в России проводились реформы. Сегодняшняя молодёжь, заставшая в детстве времена плановой экономики, прошла стадию личностного формирования после начала трансформационных процессов. Представители нынешнего поколения молодёжи в нашей стране пошли в школу в постсоветской России, а активная вторичная социализация данной возрастной когорты пришлась на «путинскую эпоху». Определенную специфику на ментальность молодежи Северной Осетии накладывает традиционность осетинского общества с присущими ему особым укладом жизни и ценностями.

Молодежь – это стратегический ресурс государства. Молодые поколения были и остаются «активом» перспектив общественного развития, потенциальными носителями облика будущего. А их качества определяют вектор и направление этого развития. Именно молодежь претерпевает значительные изменения в своих интересах, взглядах, ценностях, культуре. Степень включения молодежи в политические процессы во многом определяет общую политическую ситуацию в стране.

Объектом настоящего исследования являются молодые жители РСО-А в возрасте от 16 до 30 лет.

Молодежь характеризуется как социально-демографическая группа, выделенная на основе возрастных характеристик и отличающаяся от

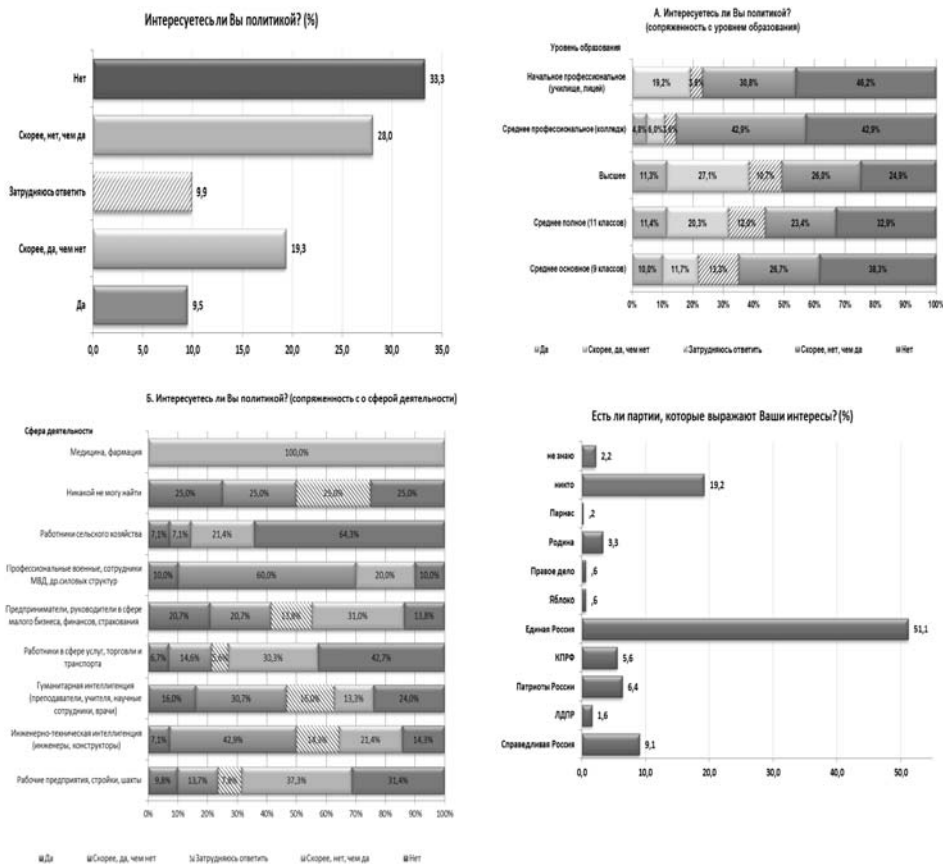

Рис. 1. Интерес молодежи к политике

других социальных групп своими ценностями, интересами, потребностями и положением в обществе. Под молодежь в настоящее время в соответствии с действующими нормативными документами РФ понимаются граждане в возрасте от 14 до 30 лет включительно. Однако, молодежный возраст большинство социологов определяет с 16 до 30 лет, рассматривая молодежь как поколение, существенным признаком которого является не только возраст, но единство убеждений, целей, общность переживаний и отношения к жизни. С возрастом поколение не утрачивает социальных черт, воспитанных эпохой. Общность убеждений, интересов, ценностей, стремлений, симпатий – важный показатель позиции молодежи в обществе. Отличительное социальное качество молодежи определяется способностью молодого поколения

унаследовать и воспроизводить сложившуюся структуру общественных отношений.

В данном исследовании молодежь поделена на три возрастные группы:

- 16-19 лет - юношество. Это период завершения физического созревания, возраст самоопределения – начала самостоятельной профессиональной деятельности или выбора и осуществления качественно новой профессиональной учебы. Начинается разделение жизненных путей юношей и девушек, что в последующем приводит к более глубокой экономической, политической и культурной дифференциации среди них. В этом возрасте начинается процесс социализации - происходит приобретение почти всей полноты гражданских прав, а вместе с тем расширяется диапазон общественно-политических ролей и связанных с ними интересов и ответственности.

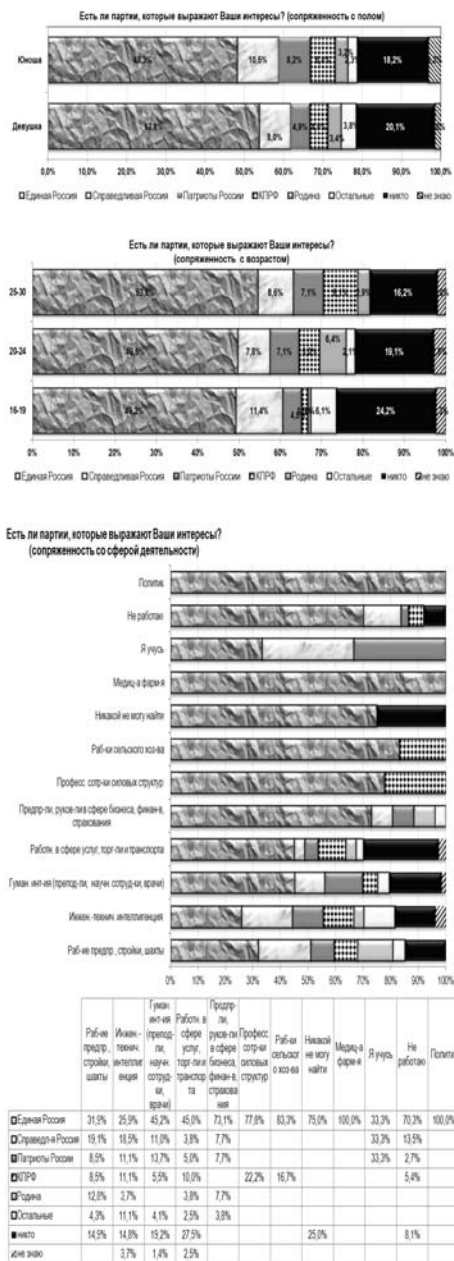

Рис. 2. Отношение молодежи к политическим партиям

- 20-24 года - собственно молодежь. Человек в этом возрасте, являясь взрослым в физиологическом отношении, продолжает процесс социализации. Эту возрастную группу, прежде всего, составляют студенты и молодые люди,

завершающие основную профессиональную подготовку, вступающие в производственную деятельность и создающие собственные семьи.

- 25-30 лет - старшая молодежь. В этом возрасте на основе личного опыта производственной и семейной жизни, а также участия молодежи в политических отношениях завершается процесс формирования зрелой личности. Молодые люди этого возраста играют роль родителей в собственных семьях. Они уже нашли свой путь в жизни.

Эмпирической основой исследования являются материалы очного выборочного опроса молодежи, проживающей в населенных пунктах районов РСО-Алания и в г. Владикавказ в виде формализованного интервью по месту жительства. По каждому району республики (их всего 8) объем выборочной совокупности составляет 36 человек, по г. Владикавказ – 384 человека. Таким образом, в целом по РСО-Алания это составило 672 человека.

Соотношение лиц женского и мужского пола составило 55,2 % к 44,8 %.

Выборка представлена тремя возрастными категориями молодежи:

- лица в возрасте 16-19 лет – 26,8 %;
- лица в возрасте 20-24 года – 28,9 %;
- лица в возрасте 25-30 лет – 44,4 %.

Распределение по трем возрастным категориям позволило проследить вариацию политических настроений с изменением возраста.

Молодежь всегда считалась авангардом общественно-политической жизни общества. Но времена изменились. Молодежь РСО-А, как и в целом России, мало интересуется политикой – треть опрошенных (33,3 %) категорична в своем отрицании интереса к политике и еще более четверти опрошенных (28,0 %) почти не проявляют такой интерес (рисунок 1). Только каждый десятый респондент (9,5 %) признался, что политика однозначно интересует его, а 19,3 % респондентов с некоторой долей сомнения склонны рассуждать о политических процессах. При этом, чем выше уровень образования, тем больше интерес к политике (рисунок 1А).

Различается заинтересованность молодежи политикой и в зависимости от сферы деятельности (рисунок 1Б). Далеки от политики работники сельского хозяйства, сферы услуг, торговли, транспорта, рабочие предприятий, строители. Отличаются повышенным интересом к

политике профессиональные военные, сотрудники других силовых ведомств, гуманитарная и инженерно-техническая интеллигенция, а также предприниматели.

Вероятно, политическая апатия большей части молодежи связана с нечеткими представлениями об основных субъектах политического поля – политических партиях, и их возможностях выражать интересы молодых людей. 21,4 % респондентов не смогли назвать партию, которая бы выражала их интересы (рисунок 2). Подавляющее большинство из них уверены, что политические партии однозначно не выражают интересы молодых людей. Больше всего скепсиса у молодежи в возрасте 16-19 лет, учащейся в школе и в образовательных организациях системы начального профессионального образования, а также у работающих студентов вузов естественно-научной направленности. Предсказуем был относительно высокий уровень нигилизма по отношению к политическим партиям (26,7 %) среди респондентов, которым сегодняшняя жизнь в России не нравится или мало нравится.

Эта часть молодежи – «ничейный» электорат. Необходимо отметить, что в РСО-А его доля значительно меньше, чем в РФ в целом – 20,1 % в Северной Осетии против 90,1 % в России¹.

Остальные в большинстве своем отдадут предпочтение Единой России (51,1 %). Следующие по популярности у молодежи партии – «Справедливая Россия», «Патриоты России», «КПРФ», «Родина» – значительно отстают от Единой России.

Наибольшим доверием Единая Россия пользуется у молодых девушек (53,8 %) старшей возрастной группы (53,8 %), деятельность которых связана с политикой (100 %), медициной и формой (100 %). Выше средней популярности Единой России наблюдается в ответах молодых работников сельского хозяйства (88,3 %), профессиональных военных и работников других силовых структур (77,8 %), предпринимателей, руководителей в сфере малого бизнеса, финансов, страхования (73,1 %), а также неработающей молодежи (73,3 %) (рис. 2).

Инженерно-техническая интеллигенция и рабочие сравнительно реже возлагают свои надежды на Единую Россию, хотя и в этих категориях молодых людей Единая Россия чаще, чем другие ассоциируется с партией, выражающей интересы молодежи.

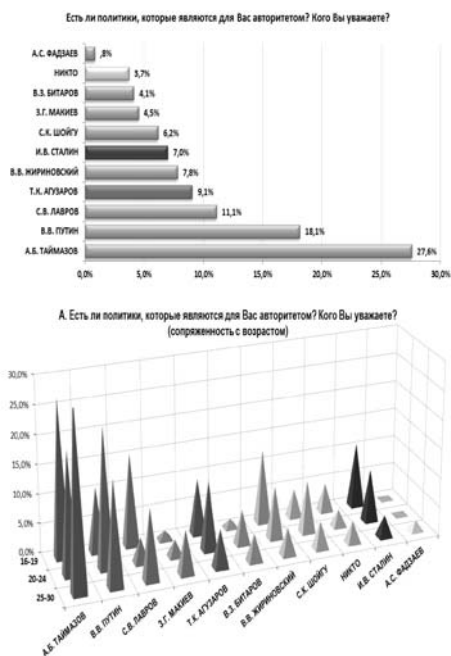

Рис. 3. Авторитетные политики по оценке молодежи

Специалисты полагают, что политическая апатия молодежи есть результат частого расхождения между заявленными целями работы партий и фактическими результатами их деятельности. Молодежь не может найти на российском политическом поле «своих» партий, маркированных в соответствии с идеологическим запросом этой среды, за исключением Единой России, которая проявляет большую активность в регионах, предоставляя молодежи хоть какие-то возможности самореализации.

Свое уважительное отношение к политикам выразили только 39,7 % молодежи. Построенный на их ответах рейтинг (рисунок 3) возглавляет А. Б. Таймазов (27,1 %) – один из самых титулованных борцов в истории вольной борьбы. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва, Заместитель председателя комитета по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи, член фракции «Единая Россия». Достижения А.Б. Таймазова – это реализованная мечта большинства юношей Северной Осетии. Особое уважение у молодежи вызывает тот факт, что добился он всего сам, пройдя путь от

воспитанника сельского спортивного клуба до деятеля большой политики. В сегодняшней своей деятельности он очень активен, многое делает в интересах молодежи. Все это объясняет его авторитет у молодежи, особенно у молодежи старше 25 лет (32,1 %).

Вполне ожидаема была авторитетность В.В. Путина, который занял вторую строчку рейтинга, а группе молодежи 20-24 – первую. Респонденты, называвшие В.В. Путина, часто ставили рядом с ним фигуру С.В. Лаврова, реже – С.К. Шойгу. Эти министры творят вместе с президентом современную историю России, выстраивают ее внешнюю политику, поэтому разделили с В.В. Путиным уважение молодежи республики.

В.В. Жириновский довольно популярен, но больше у младшей возрастной категории молодежи.

В первую десятку попали также региональные политики – В.З. Битаров, З.Г. Макиев и А.С. Фадзаев. Но ни один из них не смог превзойти Т.К. Агузарова, в недавнем прошлом руководившего республикой непродолжительный, но запомнившийся молодому поколению период.

Респондентам при ответе на вопрос об авторитетных политиках не были предложены варианты ответов, следовательно, им было необходимо называть фамилии самим. Тем более неожиданным стало присутствие в этом рейтинге И.В. Сталина – политика, умершего 64 года назад. На период социализации нынешней молодежи пришлось время самого негативного отношения к личности И.В. Сталина в СМИ, литературе, театре, кино, изобразительном искусстве, в учебниках и новой идеологии. Но молодые люди (особенно в возрасте до 25 лет) выразили уважение к нему. Это говорит о том, что молодежь не подвержена прямому воздействию идеологизированной информации.

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать невысокий интерес молодежи к политике, что во многом объективно обусловлено, прежде всего, сосредоточением жизненных интересов подростков и юношества проблеме вхождения во взрослую жизнь. Социальный опыт самых молодых людей пока ограничен межличностными и внутрисемейными коммуникациями. Но по мере увеличения социальных связей в процессе обучения, получения профессии, службы в армии, трудовой деятельности и т.д.) происходит перераспределение жизненных интересов в пользу общественного и политического участия.

Литература

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПИМ, 2010. – 592 с.
2. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. – М.: Московская школа политических исследований, 2011. – 96 с.
3. Лунова Е.В., Фомичев К.А. Молодежь в информационном обществе: монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – 136 с.
4. Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Аналитический доклад Подготовлен Институтом социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Москва – 2007 г. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Molodezh.pdf

Ссылки:

1. Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры. Лаборатория Крыштановской // Интернет-журнал «Гефтер», 24.04.2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/8464>

Отношение студенческой молодежи к распространению суицидального контента в социальных сетях

Гридина В.В.

Последние годы особую актуальность приобрела тема распространения групп в социальных сетях, прямо или косвенно склоняющих подростков к суициду. В настоящее время сложилось несколько различных и даже противоположных позиций в подходе к данной проблеме.

В статье анализируются результаты прикладного социологического исследования, проведенного в 2018 году среди студентов Самарского государственного технического университета. Исследование было посвящено определению степени информированности студентов о деятельности групп в социальных сетях, в которых пропагандируется тема смерти, а также возможных последствиях, которые несут данные сообщества. На основе результатов проведенного опроса предложены меры, направленные на профилактику вовлечения молодежи и подростков в деструктивные «группы смерти».

Ключевые слова: суицид, контент, суггестивность, подростки, Интернет, социальные сети, студенты, группы смерти.

Gridina V.V.

Students' attitudes toward the prevalence of suicidal content through social media platforms

The topic of expansion in the number of particular groups in social networks, that directly or indirectly inciting teenagers to suicide, has acquired particular urgency in recent years. At the moment, there are several different and even opposing opinions on approach to this problem. The article deals with analyse of the results of applied sociological research conducted in 2018 among students of the Samara State Technical University. The study was devoted to determining students' awareness of the activities of such groups in social networks, in which the topic of death is mainstreamed, as well as the possible consequences that these communities may have. According to results of the survey, measures aimed at preventing involvement of youth and teenagers in destructive «death groups» are proposed.

Keywords: suicide, content, teenagers, Internet, social networks, students, groups of death.

Сложные социально-экономические условия, в которых оказалась наша страна после распада СССР, способствовали возникновению комплекса причин и условий для развития суицидальных настроений в подростковой среде. Была разрушена прежняя система ценностей, на месте которой у российского населения, и особенно молодежи, возникло чувство страха, тревоги и неопределенности. По данным ЮНИСЕФ, Россия занимает одно из лидирующих мест в мире по количеству детских и подростковых суицидов. Результаты исследования «Смертность российских подростков от самоубийств» показывают, что показатель подростковой смертности в нашей стране в три раза превышает средний по миру [18]. Изучение проблем суицида среди молодежи показывает, что для многих молодых людей характерны высокий уровень тревожности, состояния депрессии и агрессии. Чтобы адаптироваться в социальной среде, отвлечься от проблем, забыть об ответственности, подросток начинает проводить длительное время в виртуальном мире и социальных сетях. По результатам исследования В.В. Колесниченко и В.В. Колупаевой, среди различных видов деятельности самой популярной для молодежи являются именно социальные сети (85 % респондентов). Постоянное и длительное использование Интернет в повседневной жизни приводит к формированию интернет-зависимости у молодежи [6]. Как отмечает, Д.Н. Краснокутский, «Интернет воплощает в себе возможности не только массовой, но и групповой, а также межличностной коммуникации». Его возможности позволяют «симулировать» межличностное общение людей и человек начинает испытывать потребность в общении посредством социальных сетей [8]. В связи с этим, особую опасность вызывает пропаганда самоубийств в

социальных сетях Интернета. Как отмечает автор, более трети материалов, собранных в социальной сети «ВКонтакте», описывают способы добровольного ухода из жизни или ее агитацию [8]. Многие подростки приходят в такие группы, потому что им интересно, но постепенно группа начинает удовлетворять их потребность в признании и самооценности, у пользователя возникает сначала привязанность, а потом и зависимость от контента группы [4]. В подобных группах присутствуют элементы игры, основанной на суггестивных практиках, ореоле загадочности, сочетании романтики и трагизма [16], поэтому они пользуются широкой популярностью среди подростков.

По данным Роскомнадзора, ежедневно в сети блокируется и удаляется около 200-300 аккаунтов в «ВКонтакте», имеющих в своем содержании суицидальный контент. Отследить подобные аккаунты очень сложно, поскольку их названия постоянно меняются («Разбуди меня в 4:20», «Белый кит», «Море китов» и т.д.), а активность приходится на вечернее и ночное время суток. Руководитель отдела модерации «ВКонтакте» Иван Корнеев сообщил, что с начала января 2017 г. в этой социальной сети было сгенерировано около 3 миллионов сообщений с хештегами и стишками, возможно, призывающими к суициду. Также он заметил, что за этим всплеском просматривается «целенаправленная атака ботов» [11].

По словам руководителя управления «К» МВД России А. Мошкова, за 2017 год была зафиксирована деятельность около 1,4 тыс. «групп смерти» в социальных сетях, общая аудитория которых составила более 12 тыс. пользователей, выявлено более 200 тыс. их публикаций, возбуждено более 230 уголовных дел по факту склонения детей к суициду в «группах смерти», задержаны десятки кураторов и администраторов этих групп. При этом, кураторами чаще всего оказываются дети из благополучных семей в возрасте 13-25 лет [9]. В связи с этим, в УК РФ были введены статьи 110.1 и 110.2, предусматривающие уголовную ответственность за склонение несовершеннолетних к суицидальному поведению, которые предусматривают санкцию вплоть до 15 лет лишения свободы.

Как отмечает Л.В. Жихарева, помимо того, что подросток участвует в смертельном квесте, он является участником множества других паб-

ликов. Подписки играющих подростков на интересные страницы сконцентрированы на депрессивных группах и группах, содержащих сцены насилия и смерти. Если подросток находится в подавленном эмоциональном состоянии, физическом истощении, у него ослабевают механизмы психологической защиты, и им становится легко манипулировать [4]. Ситуация осложняется тем, что в группах смерти применяются различные манипулятивные психологические техники: нейролингвистическое программирование, специальные риторические приемы в аргументировании, способ неспецифического внушения путем воздействия художественными образами и др. [12].

Выполнение квестовых заданий, как подчеркивает Л.В. Жихарева, вызывает у подростка радость и эмоциональную разрядку, он получает похвалу от куратора и признание собственной ценности, от чего ребенок становится зависимым от игры [4]. Игры подобного рода построены на психологических манипуляциях слабостями, страхами, неопытностью детской природы, романтизации образа смерти, характерного для этого возраста. Поскольку подростковый возраст характеризуется стремлением к коллективному объединению и участию в различных субкультурах, в них ребенок реализует свои потребности в общении, самореализации и уважении [5].

Начало распространения так называемого суицидального, опасного контента в сети началось в ноябре 2015 года, когда первой жертвой самоубийства стала Рина Паленкова, которая перед смертью на своей страничке «ВКонтакте» оставила короткую запись «Ня.Пока» и легла под поезд (сегодня на ее страничку в сети подписаны почти 67000 человек). В 2016 г. в «Новой газете» был опубликован материал Галины Мурсалиевой «Группы смерти 18+» [10]. Содержимое публикации сводилось к тому, что в социальных сетях планомерно и систематически склоняют детей и подростков к суициду. Статья получила большой резонанс и способствовала усилению работы органов внутренних дел и общественности по предупреждению подростковых самоубийств. В 2017 г. «группы смерти» активизировали свою деятельность в странах СНГ – Киргизии и Казахстане. Администраторы доработали концепцию игры и продолжили раскручивать сообщества, чтобы продавать рек-

ламу на новых территориях. По сравнению со спадом активности суицидальных групп в конце 2017 года (связанным с задержанием главных администраторов суицидальных пабликов - администратора нескольких групп Филиппа Лиса (Будейкина) и Ильи Сидорова), в 2018 г. вновь участилась динамика создания подобных групп. В настоящее время продолжают создаваться группы с новыми названиями («Новый путь») и новыми хештегами (#тихийлес и #сованикогданеспит). Данные сообщества и игра «Синий кит» в 2017 г. стали переходить из социальной сети «ВКонтакте» в «Инстаграм» и «Telegram». При этом, в социальной сети «ВКонтакте» фиксировалась активная атака ботов, заводились страницы с уже известными тематическими хештегами. В то же время руководство Telegram не передает данные из этих пабликов без решения суда, в результате чего отслеживать данные группы становится сложнее. В марте 2017 года игра попала в социальные сети западных стран, в том числе в Фейсбук [12]. Большой интерес к «группам смерти» появился в США, Латвии, Болгарии, Италии. Кроме того, большой поток сообщений с ключевыми словами на суицидальную тематику был отправлен из аккаунтов, зарегистрированных на Украине.

Осознавая актуальность данной проблемы и необходимости ее дальнейшего мониторинга и анализа, в Самарском государственном техническом университете (СамГТУ) в апреле 2018 г. было проведено социологическое исследование в форме анкетного и интернет-опроса. Поскольку молодые люди являются активными пользователями социальных сетей, объектом исследования стали студенты 1-3 курсов СамГТУ. Исследование было посвящено оценке и анализу степени информированности студенчества о «группах смерти» и отношении молодежи к данной проблеме. Участниками опроса стали 400 респондентов. К задачам исследования было отнесено: определение степени информированности респондентов о принципах работы данных групп, хештегах перехода, используемых «группами смерти», степени осведомленности о психологической поддержке молодых людей в тяжелой жизненной ситуации, а также необходимости принятия мер для обеспечения безопасности молодежи, активно пользующейся социальными сетями.

Опрос показал, что в целом студенты знакомы с контентом социальных сетей деструктивной направленности. Так, отвечая на вопрос о том, чем являются группы смерти, почти 80% респондентов ответили, что они представляют собой «агрессивно настроенное интернет-движение, находящееся в различных социальных сетях («ВКонтакте», «Telegram», «Инстаграм»), главной задачей которого является склонение или доведение детей, подростков и молодых людей до самоубийства» и «сообщества в соцсетях, которые пропагандируют эстетику смерти и подталкивают своих участников к суициду».

Как известно, участники «групп смерти» в своем общении используют характерную терминологию, в которой встречаются такие понятия, как «депра» (состояние депрессии, характерное для участников данных групп) и «самовыпил» (самоубийство, самоуничтожение). Результаты опроса показывают, что основная часть респондентов достаточно точно определяет значение данных понятий. Так, правильные ответы на вопрос о значении понятий «депра» и «самовыпил» выбрали 90% и 87,7% опрошенных соответственно.

Для оценки информированности респондентам было предложено выбрать наиболее используемые символы «групп смерти». Всего 31,5% опрошенных респондентов выбрали правильный вариант ответа «кит». Еще 27% студентов ответили, что не знают ответа на этот вопрос. Оставшиеся респонденты выбрали ответ «дельфин», который является символом «групп жизни», помогающих подросткам выйти из суицидальных групп.

На вопрос об информационных каналах, из которых респонденты узнали о существовании «групп смерти» - большинство ответили, что это Интернет (26,3%) и СМИ (21,8%). Обработка результатов исследования показала, что 70% никогда не встречали данные группы в социальных сетях. От родителей и педагогов студенты слышали о «группах смерти» лишь в 11% случаев, в то время как большую часть своего времени они находятся в стенах учебного заведения или дома.

Мы решили проверить, знают ли респонденты об организационном принципе работы опасных групп. «Группы смерти» имеет пирамидальную структуру, на пике которой нахо-

дится администратор, затем подчиняющиеся ему кураторы — люди, которые связываются с детьми и предлагают проходить задания (чаще всего такие же подростки). Третьим звеном схемы являются обычные пользователи сети — подростки. Ответы показали, что о пирамидальном принципе деятельности данных групп известно лишь трети опрошенных, в то время как подавляющее большинство (61%) выбрали вариант ответа — «не знаю». Уточняющие вопросы также вызвали определенные сложности у респондентов. Так, правильный ответ о внутренней структуре групп смерти — «администратор, кураторы, пользователи (дети)» выбрали 37% опрошенных, а 43% пришлось на ответ «не знаю». Респонденты смогли правильно ответить лишь на вопрос о том, чем занимаются кураторы в группах (более 60% опрошенных). Остальные не знают, кто эти люди и чем они занимаются.

Как показали результаты исследования, большинство опрошенных не знают, где зародилось данное явление (51,7%), 18% считают, что «группы смерти» впервые появились в России, 16% — на Украине и 14,3% — в США.

Как выяснилось в ходе исследования, большинство респондентов практически не знают основных хештегов перехода к «группам смерти». Возможно, это связано с политикой сети «Инстаграм» по блокировке данных хештегов (#синий кит, #тихий дом, #яждуинструкций #хочу играть). Если пользователь вводит один из указанных хештегов в поиске, «Инстаграм» сразу перенаправляет его на страницу, в которой предлагается помощь и поддержка.

Результаты исследования позволяют считать, что студенты в целом информированы о том, что представляют собой и чем занимаются «группы смерти». Они знакомы с историей их появления в России, основными идеями, названиями, символикой, сленгом, отчасти организационной структурой данных групп. При этом в их знаниях имеется ряд пробелов.

Как показал опрос, к студенческому возрасту респонденты имеют постоянный круг общения, осознают ценность семьи, имеют устойчивые связи с ближайшим окружением, в отличие от подростков. Большинство опрошенных в стрессовой ситуации или в случае необходимости обратятся за помощью только к самым близким людям, друзьям и родственникам, поэтому в юношеском возрасте данная проблема менее

актуальна и востребована, поскольку молодой человек определился с планами на будущее, знает, каким способом он будет добиваться поставленных жизненных задач. Однако данная проблема волнует и студентов, которые заинтересованно отнеслись к исследованию и в ходе исследования отмечали, что у них есть младшие братья и сестры, которые все свободное время проводят в социальных сетях и подвержены влиянию сверстников.

Ответы на вопрос «Считаете ли Вы, что с «группами смерти» нужно бороться?» распределились следующим образом: более 70% респондентов считают, что нужно обязательно бороться, 15,7% посчитали это бессмысленным, так как на их место обязательно придут новые, более профессиональные, 7,7% выразили мнение о том, что с «группами смерти» бороться не нужно. Большинство опрошенных советуют своим сверстникам и подросткам «думать своей головой, прежде чем увлекаться подобным контентом (53%)». Около 15% опрошенных ничего не стали бы советовать.

Необходимо отметить, что существует иное мнение по изучаемой проблеме. Ряд авторов и журналистов считают, что суицидальные сообщества не являются частями единого проекта, а представляют собой разрозненные группы, созданные отдельными людьми, руководствующимися личными мотивами. Для организаторов игры (администраторов сообществ) «группы смерти» — своеобразное хобби, возможность достижения легкой популярности, максимальное привлечение внимания целевой аудитории и коммерческий интерес, поэтому они создают эти группы и продают в них рекламу. Содержание критических статей сводится к тому, что «нельзя побудить ребенка совершить суицид, воздействуя на него через интернет». Авторы отмечают, что доказанные случаи подросткового суицида от «групп смерти» — единичны, и в этом возрасте у детей имеются суицидальные наклонности в силу особенностей возраста, а не под влиянием «групп смерти». Также распространено мнение, что СМИ сознательно «подогревают» интерес к данной теме, обсуждая суициды во всех подробностях. Это вызывает обратный эффект и привлекает больше внимания подростков к запретному контенту. В свою очередь, паника вокруг темы суицидального контента способствует формированию нового

социального феномена и новой сферы бизнеса [2; 19; 20].

В некоторой степени можно согласиться с авторами подобных публикаций, особенно в части, касающейся роли СМИ. Однако опасность и масштабы данного явления подтверждает в том числе и тот факт, что в феврале 2017 г. Президент РФ Владимир Путин поручил правительству и регионам усовершенствовать систему профилактики суицидов среди подростков [13], а в марте того же года поддержал ужесточение наказания за склонение детей к суициду через «группы смерти» в социальных сетях [14].

Основываясь на результатах проведенного исследования и анализа мнений экспертов по данной проблеме, можно выделить следующие меры по работе с молодежью и подростками:

1. Создание групп «Анти синий кит» или движение «инсайдеров»

В таких группах молодежь, родители и психологи мониторят открытие новых «групп смерти» и стараются оказать помощь тем, кто интересуется суицидальным контентом. Данное движение внедряется в суицидальные сообщества, чтобы отговорить подростков из группы риска от необдуманных поступков.

2. Создание «групп жизни»

В них родители создают странички от имени детей и сами ищут «группы смерти», размещая на своих страничках хештеги #хочу в игру. Во многих регионах среди родителей и учеников сегодня активно распространяются буклеты с информацией о нежелательных сайтах и их самостоятельном блокировании, в местных СМИ размещается информация о контроле родителей за досугом детей. Описывая региональный опыт в сфере профилактики суицидов среди подростков, М.Ю. Пучнина отмечает, что в городе Тюмень администрация города совместно с волонтерами реализует проект «Киберпатруль», который занимается поиском запрещенного контента в сети Интернет и передачей информации о нем в правоохранительные органы и Роскомнадзор. На территории Республики Башкортостан реализуется проект «МедиаГардия», целью которого является объединение усилий интернет-пользователей для мониторинга социальных сетей на предмет распространения среди подростков информации, побуждающей к совершению самоубийств [15]. Родители погибших детей вместе с волонтерами объе-

диняются в общественные организации, направляют личности детей, проявляющих интерес к суицидальному контенту в соцсетях, связываются с их родителями и местными правоохранительными органами [12].

3. Ужесточение уголовной ответственности

С 7 июня 2017 года в России действует уголовная ответственность за создание «групп смерти» в Интернете, предусматривающая до 6 лет лишения свободы. В июле того же года срок уголовной ответственности за склонение детей к самоубийству увеличен до 15 лет.

4. Внимание со стороны родителей и педагогов

Родителям следует больше уделять внимания детям и стараться замечать любые изменения в их жизни, поведении, отношении с друзьями, обращать внимание на снижение интереса к успеваемости в школе и прежним увлечениям.

Родителям необходимо понимать возрастные психологические сложности подросткового возраста, особенно в период с 11 до 15 лет. В этот период у ребенка меняются авторитеты, друзья становятся важнее, чем родители. Ребенок становится более чувствительным, тревожным и даже агрессивным, поэтому в этот период важно быть рядом, обеспечивая ребенку поддержку и доверие. В подростковом возрасте нередко встречается демонстративный суицид, цель которого — привлечь внимание, показать насколько тяжело эмоционально ребенок себя чувствует. В этом возрасте дети начинают влюбляться и всецело отдаются новому чувству. А если они не видят взаимности или сталкиваются с предательством (разрыв отношений), то начинают считать, что жизнь их бессмысленна [17].

Страничка ребенка в социальных сетях способна рассказать о нем многое. Следует обращать внимание на «псевдоним, аватарку, открытость или закрытость аккаунта, группы, в которых состоит подросток, а также на то, чем наполнена страница: видеозаписи, фотографии, цитаты, музыка и друзья» [1].

5. Нельзя запрещать подросткам делиться своими мыслями о смерти

Если подросток делится суицидальными мыслями или пускает их в ход в качестве угрозы во время конфликтов, нельзя это игнорировать и обесценивать слова ребенка, считая все сказанное им пустыми страхами. Создание запрет-

ных тем порождает интерес, поэтому ребенку следует позволить выговориться.

6. Развенчание «романтики» вокруг темы смерти

Важным моментом является развенчание романтики, которой окутана тема суицида в подростковой среде. Важно честно говорить с подростком о смерти и ее неотвратимости.

7. Распространение информации о каналах помощи

Необходимо как можно чаще распространять информацию о психологической помощи среди подростков, как в школе, так и дома, а также через СМИ, в виде плакатов, рекламы и т.д.

8. Ребенок должен развиваться и заниматься любимым делом

Целесообразно занять ребенка любимым делом, сделать доступными секции, клубы, кружки. Когда ребенок занимается спортом или творчеством, он переключается на полезную деятельность, развивает свои волевые и творческие качества. Важно, чтобы этот вид деятельности был интересен подростку, поскольку удовольствие, которое он получает от любимого дела, формирует чувство уверенности в себе и эмоциональный подъем.

Литература

1. Астрожникова Н. Спасите своего ребенка, пока не поздно: все о подростковом суициде и «группах смерти» [Электронный ресурс]. URL: <https://letidor.ru/psihologiya/spasite-svoego-rebenka-poka-ne-pozdno-vse-o-podrostkovom-suicide-i-gruppah-smerti.htm> (дата обращения: 17.09.2018).

2. Галицына А.М. «Группы смерти» как средство манипулирования сознанием // Развитие общественных наук российскими студентами. – 2017. №4.

3. Ефимов Е.Г., Кузнецов А.А. Виды кризисного потенциала социальных сетей как региональных социально-экономических систем // Инновационный потенциал современного региона: проблемы региональной безопасности и внутрирегиональной интеграции на постсоветском пространстве: Всерос. науч.- практ. конф. - Волгоград, 2011.

4. Жихарева Л.В. Виртуальные группы смерти: методология исследования // Научные ведомости Белгородского государственного уни-

верситета. Серия «Гуманитарные науки». – 2018. - № 1. – Т.37.

5. Клейберг Ю.А. Деструктивная интернет-игра «Синий кит» как девиантологический феномен: постановка проблемы // Электронный научный журнал «Пензенский психологический вестник». – 2017. - №1 (8).

6. Колесниченко М.Б., Колупаева В.В. Социальные аспекты интернет-зависимости молодежи // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. - 2017. - № 1.

7. Корытникова Н.В. Интернет-зависимость и депривация в результате виртуальных взаимодействий // Социологические исследования. – 2010. – № 6. – С. 70–79.

8. Краснокутский Д.Н. Молодежь и социальные сети интернета: теоретико-прикладной анализ // Общество и право. – 2017. - №1(59).

9. «МВД выявило в соцсетях около 1,4 тыс. «групп смерти» в 2017 году» [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/proisshestiya/4612248> (дата обращения: 17.09.2018).

10. Мурсалиева Г. «Группы смерти» (18+) / Г. Мурсалиева [Электронный ресурс] // Новая газета. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (дата обращения: 17.09.2018).

11. Мурсалиева Г. Видите призыв к суициду – срочно жмите на кнопку «пожаловаться» / Г. Мурсалиева // Новая газета. – 2017. – 5 марта

12. Мурсалиева Г., Соколов С. Группы смерти» – год спустя [Электронный ресурс] // «Новая газета» URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/30/72962-gruppy-smerti-god-spustya> (дата обращения: 17.09.2018).

13. Путин поддержал ужесточение наказания за склонение детей к суициду [Электронный ресурс] / News.ru. URL: <http://www.newsru.com/russia/09mar2017/putinza.html> (дата обращения: 17.09.2018).

14. Путин поручил усовершенствовать профилактику суицидов среди подростков [Электронный ресурс] / «Интерфакс». URL: <http://www.interfax.ru/russia/550692> (дата обращения: 17.09.2018).

15. Пучнина М.Ю. Анализ регионального опыта в сфере профилактики подросткового суицида // Вестник Воронежского института МВД России. Серия «Юридические науки». – 2017. - №4. - С.86-91.

16. Сапоровская М. В., Максименко А.А., Тимонин А.Ю., Опарин Г. В. Психометрический анализ группы смерти «синий кит» социальной сети «ВКонтакте» как деструктивного он-лайн квест-ресурса //«Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». - 2017. - №11. – Т.2
17. Селиванова Е.А. Профилактика суицида у подростков: как уберечь ребенка от игр со смертью //Метеор-сити. – 2017. - №3.
18. Смертность российских подростков от самоубийств [Электронный ресурс] URL: <https://unicef-russia.livejournal.com/7783.html> (дата обращения: 17.09.2018).
19. Суходолов А.П., Бычкова А.М. К вопросу о роли средств массовой информации в противодействии пропаганде суицида в социальных сетях// Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты. – 2017. - №1.
20. Что не так с темой «групп смерти»? [Электронный ресурс] URL: <https://academia.fzrw.info/ru/archives/1440> (дата обращения: 17.09.2018).

Взаимовлияние брачно-семейной и трудовой сфер жизни современного человека

Кабайкина О.В., Сущенко О.А.

Статья посвящена трансформации института семьи, ее разновидностям и направлениям развития, основной акцент сделан на взаимосвязи таких явлений как отказ от регистрации брака, вступление в сожитительство и карьерные притязания, стремление к реализации на работе. Для современного человека в иерархии ценностей возрастает роль сферы трудовых отношений, в то же время семья и дети остаются значимыми целями, которые необходимо достигнуть в жизни. В данной статье предпринята попытка социологического осмысления, каким образом семья влияет на работу, как мужчины и женщины распределяют обязанности внутри семьи для успешного совмещения с карьерой и возможности продвижения по службе. В свою очередь трудовые амбиции людей влияют на личный выбор, как и когда создавать семью, отказаться ли на время от регистрации отношений, тем самым иметь возможность при минимальных затратах удовлетворять свои индивидуальные потребности. В заключительной части статьи приводится сравнение сожитительства и брака, какой союз экономически более выгодный для современного человека и каким образом сосуществуют, дополняют друг друга варианты «современной» семьи.

Ключевые слова: семья, брак, карьера, дети, одинокое материнство, эмансипация, сожитительство, фактический брак, трудовые отношения, работа, индивидуализм, распределение обязанностей, гендерное неравенство.

Kabaikina O.V., Sushchenko O.A.

The Interdependence Of Marriage And Family And Work Sphere In The Life Of Modern Human

The article is devoted to the transformation of the family's institution, its types and directions of development, the main emphasis is placed on the relationship of such a phenomenon as rejection of marriage registration, entering into cohabitation and career claims, aspiration for implementation in work. For the modern person in the hierarchy of values, the role of the sphere of labor relations grows, while at the same time the family and children remain significant goals that must be achieved in life. In this article we tried to sociologically understand how the family affects work, how men and women distribute responsibilities within the family for successfully combine with career and career opportunities. In turn the labor ambitions of people affect the personal choice of a person, how and when to create a family, it is possible to postpone the registration of relations for a while, thereby satisfying their individual needs. In the conclusion of the article cohabitation and marriage is compared, which union is economically more profitable for a modern man and how they coexist, complement variants of the «modern» family.

Key words: family, marriage, career, children, single motherhood, emancipation, cohabitation, actual marriage, work relations, work, individualism, division of responsibilities, gender inequality.

Современный мир не стоит на месте, он постоянно меняется, так же как и человек, который на каждом шагу должен осуществлять свой выбор. Семья и труд – это те сферы, которые сопровождают человека на протяжении всей сознательной жизни, при этом степень включенности в каждую из них может варьироваться. Кто-то полностью посвящает себя семье, кто-то стремится сделать карьеру, большинство же старается балансировать между трудовыми и семейными обязанностями, что в условиях ускоряющегося темпа жизни является трудно достижимой целью.

В настоящее время мы являемся свидетелями стремительных изменений, произошедших с семьей за последние полвека, набирают популярность новые формы семьи, число детей в семье и время их появления все чаще планируется, обязанности распределяются согласно принципам равенства и партнерства – не так как это было у предыдущих поколений. Трансформации происходят и в сфере трудовых отношений: рынок труда встраивается в процессы глобализации и урбанизации, виды и формы занятости становятся разнообразными и гибкими, современный человек, проживающий в мегаполисе, имеет возможность самостоятельно выбирать сколько, когда и где ему работать. Работник может полностью посвятить себя карьере, приняв осознанное решение никогда не иметь ни семью, ни детей, либо пытаться сочетать выполнение обязательств в двух самых важных сферах жизни – в семье и на работе.

Как уже было отмечено ранее, институт семьи существует не обособлено, а взаимодействует с внешним миром, вследствие чего подвергается его воздействию, изменяя при этом свои функции, практики и структуру. Институциональными особенностями современных брачно-семейных отношений являются следующие:

приемлемыми становятся как добрачные, так и внебрачные отношения; целомудрие молодых людей до брака утратило моральную ценность; отношения приобретают эгалитарный характер, предполагающий равенство полов при принятии решений в семье; брак больше не является гарантией для построения крепкой, здоровой, существующей на протяжении длительного времени семьи, и расторгается без особых трудностей по желанию любой из сторон.

В последнее время показателями демографической статистики фиксируются изменения института семьи: нуклеаризация семьи, общее снижение рождаемости, уменьшение числа детей в семье (что в целом ведет к уменьшению размера семьи), увеличение удельного веса разводов, неполных семей [1].

Специальные социологические исследования дают возможность утверждать, что происходит процесс размывания системы поведенческих норм и ценностей в сфере брака и семьи, представлений о семейных ролях. Снижение уровня брачности и увеличение среднего возраста вступления в брак [2] свидетельствует о том, что существует тенденция увеличения количества людей брачного возраста, выбирающих альтернативные (внебрачные) формы семейной жизни.

Трансформируется само отношение людей к институту брака [3]. К концу XX века ослабло государственное регулирование личной и семейной жизни, постепенно уходят в прошлое факторы, подталкивавшие как к официальной регистрации брака, так и к его расторжению. К ним можно отнести целый спектр материальных, жилищных, карьерных, образовательных возможностей, которые мог получить человек только за счет изменения своего официального брачного статуса [4]. Регистрация отношений в ЗАГСе утрачивает символическое значение стартового события для начала совместной жизни.

Теперь молодые люди больше готовы к экспериментированию в личной жизни и тестированию друг друга на предмет совместимости. Модные веяния способствуют росту популярности гостевых и экстерриториальных союзов (их еще называют «браками выходного дня»). Супруги проживают в разных квартирах (иногда по соседству), видятся несколько раз в неделю, чаще всего по выходным, считается, что такие союзы заключают занятые работой, мате-

риально обеспеченные люди, которые особенно ценят личную независимость, автономию и боятся рутины повседневности. Еще более редкие и экзотические формы отношений - «открытые» браки, когда каждый из супругов пользуется полной сексуальной свободой, а также групповые браки – атрибутика молодежной культуры. В них объединяются несколько пар (две-три), которые живут «коммуной» в течение нескольких лет. Такие союзы с большей вероятностью можно встретить среди людей, временно живущих и работающих в больших городах [5].

По мере роста и расширения возможностей в карьере, образовании, социальной сфере замужество для девушек перестает восприниматься в качестве единственного способа успешной самореализации. Большая часть женщин, стремящихся к должностям с высоким доходом, выступают за отношения по типу партнерства (равенство прав и обязанностей).

Статистика за последние десятилетия показывает, что более 80% женщин к 25 годам имеют опыт совместного проживания с партнером [6; 7]. Растет вероятность того, что сожительство останется незарегистрированным и не перерастет в официальный брак, так как зачастую основано на удобстве сексуальных отношений, без ориентации на создание полноценной семьи с детьми [8, С. 62]. Об этом можно косвенно судить по увеличению среднего возраста вступления в первый брак [5]. Рост составил почти два года для обоих полов, 26 лет для жениха и 22,6 лет для невесты [7, С. 83]. Согласно данным, исследований, среди респондентов до 20 лет соотношение зарегистрированных браков к сожительствующим парам, не регистрирующим свои отношения, шесть к одному. У молодежи в возрасте 21-24 года неофициальные партнерства не менее популярны, чем зарегистрированный брак [9].

Поколения 1965-1969 годов рождения к 35-летнему возрасту провели около 90% времени совместной жизни с партнерами в официальных браках. Поколения 1970-1974 годов рождения к возрасту 30 лет проводят в официальных браках уже менее 80% этого времени. Поколения 1975-1979 годов рождения к 25 годам - чуть более 75% [7, С. 125].

В поколениях 1950-х годов рождения 50% женщин регистрируют брак с партнером к первому году от начала неформального союза, в

поколениях 1970-х - 30%, т.е. тенденция к раннему началу совместной жизни оказалась сломлена в молодых поколениях [7, С. 125]. Если оформление отношений не происходит к 3-5 годам совместной жизни, шансы на их регистрацию минимальны. Относительная разница между зарегистрировавшими брак к пятому и десятому годам от начала отношений отсутствует.

Таким образом, официальная регистрация партнерских отношений не только откладывается на более поздний возраст у современных поколений, но и вытесняется устойчивыми незарегистрируемыми сожительствами.

Начиная с 1990-х годов незарегистрированные сожительствa становятся социальной нормой [10, С. 100]. Поколения, родившиеся после 1960-го года, все чаще начинают совместную жизнь с партнером не с регистрации брака [6; 7]. С каждым поколением одобрение рождения детей вне брака возрастает.

Сожителство (или конкубинат) - интимные отношения мужчины и женщины без заключения брака [11]. В народе он известен как «гражданский брак» (что является неверным). Люди решают сожительствовать по целому ряду причин, включая тестирование (проверку) отношений, проведение друг с другом больше времени, а также с целью разделения финансовых обязанностей.

Фундаментом, на котором строятся отношения в незарегистрированном браке, являются совместное проживание и сексуальные отношения. Выбор в пользу союза такого рода предопределен проблемой выбора между карьерным ростом, стабилизацией материального положения и созданием собственной семьи на основе официального брака. Пока окончательный выбор не сделан, экспериментальный характер отношений подкрепляется неопределенностью и неуверенностью в совместном будущем.

Одной из важнейших социальных детерминант, определяющих распространение сожителства и, как следствие, изменение отношения к нему, являются социально-экономические трансформации жизненных условий. Смена парадигм общественного развития и нестабильное положение России является причиной социальных деформаций различных слоев населения и может быть рассмотрена по следующим направлениям:

1. Периодически повторяющиеся социально-экономические кризисы в первую очередь наносят удар по институту семьи и брака. Чтобы выжить, люди переходят на режим тотальной экономии и поиск способов дополнительного заработка [12]. Социально-экономическая трансформация, согласно Л.Л. Рыбаковскому, привела к «падению уровня благосостояния населения, с одной стороны, и росту потребности в более высоком стандарте жизни, особенно у молодежи, с другой. В результате значительная часть молодых мужчин и женщин откладывают на неопределенный срок реализацию репродуктивных планов, стремясь создать для себя материальный комфорт или просто выжить в рыночных условиях» [13].

Неофициальный брак является наиболее востребованным и одобряемым в обществе решением проблемы создания семьи «без риска», для богатых вступление в такой союз обусловлено экономической безопасностью, для бедных – экономической выгодой.

2. Современная стратификация в трудовой сфере тесно связана с возрастными ограничениями. Работодатели отдают предпочтение при принятии на работу или рассмотрении кандидатуры потенциальных сотрудников мужчинам и женщинам до 30-35 лет. Таким образом, в наше время на рынке труда всячески поощряется «погоня за карьерой» в молодом возрасте, стремление к успеху и достатку ставится во главу угла.

В структуре ценностных ориентаций среднестатистического молодого человека значимые позиции принадлежат карьере и материальному благополучию. Наблюдается смещение интересов в сторону прагматизма. Деньги принято считать обязательным условием самореализации и полноценного развития личности – физического, интеллектуального, культурного, духовного. Высокий уровень достатка – предпосылка вхождения в обозначенную референтную группу, получения качественного образования и заключения более удачного брака [14].

Рост популярности незарегистрированных союзов, по мнению А. Р. Михеевой, связан с тенденциями демократизации общества, уравниванием прав мужчин и женщин, повышенным вниманием к их индивидуальности и личным особенностям [15, С. 127]. Результаты исследования О. М. Здравомысловой показывают, что

у российских девушек наиболее популярным сочетанием ценностей оказались индивидуалистическая, приватно-ориентированная стратегия (96% стремятся «иметь хорошее образование и высокооплачиваемую работу, чтобы быть независимыми и самостоятельными»). Финансовая самодостаточность, «профессия и брак не стали для женской половины населения взаимоисключающими стратегиями» [16, С. 54-55].

Стремление к независимости и свободе напрямую обуславливают предпочтение незарегистрированной формы отношений. Этот факт подтверждают результаты исследования, проведенному А. А. Павловой. Среди опрошенных респондентов 80 % молодых людей в Ярославской области ощущают себя в незарегистрированном браке – свободными, так как именно в таких отношениях нет посягательства на индивидуальную реализацию и личную независимость [17].

На наших глазах произошло системное смещение в иерархии ценностей в сторону карьерного роста и материального благополучия. К тому же современное поколение молодых людей мыслит довольно прагматично и рационально, оценивая неофициальные отношения как более выгодную с экономической точки зрения форму совместного проживания и ведения хозяйства, особенно при наличии детей (это дает право на различные пособия от государства – у женщины в статусе матери-одиночки; необходимость отчисления алиментов на содержание детей – у мужчин, завершивших подобные отношения).

О карьерном росте у девушек на наш взгляд необходимо поговорить более подробно. Ведь в настоящее время многие работодатели предвзято относятся к молодой девушке, недавно вышедшей замуж. Обусловлено это тем, что вполне естественно, что в обозримом будущем у нее может появиться ребенок, и она уйдет в декретный отпуск. А после декрета даже когда ребёнок пойдёт в детский сад, молодая мама вынуждена часто отпрашиваться, брать больничные по уходу за ребенком и т.д. Многие работодатели размышляют исходя из своих интересов, а самые бесчестные из них стараются сокращать замужних девушек под любыми поводами.

Согласно последним данным в среднем у работающих женщин с детьми зарплата на 4,1%

ниже, чем у бездетных работниц. Но, необходимо уточнить, что «штраф за материнство» имеет место быть именно для женщин с несовершеннолетними детьми [18]. Среди работающих женщин с дипломом вуза подобный «штраф» составляет 6,5%. Кроме того, работницы с высшим образованием сталкиваются с ним уже после рождения первого ребенка, в то время как женщины с более низкой квалификацией начинают ощущать его со второго малыша.

Работодатели предвзято относятся к работницам с детьми. Есть убежденность, что их производительность труда ниже средней. Этой категории «проблемного» персонала работодатель платит меньше, то есть имеет место быть негласная дискриминация в оплате труда. Довольно распространено мнение, что за время отпуска по уходу за ребенком женщина с большой вероятностью теряет профессиональную квалификацию. У таких сотрудниц может быть меньше навыков, им сложнее выполнять задания. При выходе из декретного отпуска требуется время, чтобы восполнить подобные пробелы. К тому же, отпуск по уходу за ребенком не включается в общий стаж и опыт работы. Оба фактора, связанных с квалификацией, «особенно актуальны для России – страны с длинными отпусками по уходу за детьми».

Однако подобная дискриминация молодых матерей – явление не долгосрочное. Отставание в зарплате у женщин присутствует, как правило, в первые несколько лет после рождения ребенка (дошкольный период), когда женщины вынуждены чаще брать больничные, отпрашиваться с работы, чтобы ухаживать за детьми. Со временем ситуация выравнивается, и уже значимых различий между зарплатами работниц со взрослыми детьми и зарплатами бездетных сотрудниц не обнаружено.

В России еще сохраняется традиционное понимание гендерных ролей, которые соответствуют «настоящему мужчине» и «настоящей женщине», они определяют то, какими они должны быть. При этом частично сохраняется «классическая семья», которая состоит из отца-кормильца и матери-домохозяйки, долгое время прожившие в браке и вырастившие несколько детей. Сейчас данная модель представляет собой только один из видов семей, существующих в современном мире. Перед лицом изменений люди меняют свои представления о семье и

гендерных ролях и подстраиваются под нужды времени.

Можно сказать, что на первое место в паре выходит ценность интимности, а не ответственности. Основанная на таких отношениях совместная жизнь продолжается лишь до тех пор, пока сохраняется взаимность, эмоциональное удовлетворение, открытость и доверие друг другу [19, С. 49].

В большинстве современных семей наблюдается переплетение традиционных представлений с современными тенденциями – как в культурном плане, так и в вопросах воспитания подрастающего поколения.

Для современной семьи характерна индивидуализация потребностей членов семьи. Это размывает нормы, которые раньше определяли традиционную семью. Сейчас каждый пункт совместного проживания выдвигается на обсуждение: сексуальная жизнь, распределение домашней работы, отношения родителей и детей, финансовые обязательства. Это делает отношения более неустойчивыми, конфликтными. По мере того как мужчины, женщины и дети перестают ориентироваться на патриархальную субординацию, на первый план выдвигаются индивидуальные потребности, и в семье каждый начинает отстаивать свои интересы [5].

Отмечается, что в настоящее время семья стала своего рода буфером, который способен смягчить социальное напряжение в обществе. Большинство мужчин и женщин в России убеждено в том, важен экономический вклад супругов, хотя на данный момент оба родителя работают, учитывается именно численный эквивалент. Жена также наравне с мужем – кормильцем ходит на работу и может стремиться строить карьеру, но обязанности по воспитанию детей непременно ложатся на ее плечи. При этом вопросы ведения домашнего хозяйства должны решаться супругами совместно, поскольку это тяжело для одной женщины, а брак должен основываться на взаимопомощи и взаимоподдержке.

Можно говорить о том, что революция в представлениях россиян о распределении семейных ролей уже произошла, оно немного не совпадает с реальным положением вещей, которое пока во многом остаётся традиционным. Такой результат показало исследование ВЦИОМ, которое было проведено 6 марта 2018 г

[20]. Основные выводы данного исследования подтверждают тезисы, подчеркнутые нами в статье, а именно: россияне выступают за равноправие в семье - 82% от числа всех опрошенных считают, что так должно быть, 72% среди женатых/проживающих вместе/встречающихся заявляют, что на практике принимают все решения совместно (с 2009 г. – 34% - эта цифра выросла вдвое).

Чаще называют главой семьи мужчину (16% говорят, что так должно быть, 21% - что в их отношениях так и происходит), чем женщину (1% и 6% соответственно). Равенство в семейных обязанностях декларируется практически по всем направлениям, что во многом реализуется на практике. К чисто женским обязанностям сегодня относят только стирку белья, к мужским – мелкий ремонт (по своему опыту в семейных парах стиркой преимущественно занимаются 72% женщин, ремонтом – 67% мужчин). При этом часть функций еще распределяется достаточно традиционно: не только стирка, но и глажка, готовка, уборка – женские дела, в этом признаются семейные пары. Однако отмечается положительная динамика по ответу «делаем совместно».

Материальное обеспечение семьи у большинства респондентов (61%) осуществляется сообща, равно как и управление бюджетом (59%). Мужчины в среднем считают, что женщина должна вносить в общий бюджет треть (32%), женщины называют среднюю цифру 43%. Мужчины, находящиеся в отношениях (женатые/проживающие вместе/встречающиеся), говорят, что вносят в общую копилку около 75%, женщины – 44%.

Данные опроса комментирует аналитик ВЦИОМ Иван Леконцев: «Наибольшее гендерное равенство в российских семьях наблюдается по одному из самых острых вопросов – финансовому. Прежний стереотип, что муж должен полностью обеспечивать семью, необратимо разрушен. Но при этом сохраняются области, где практика отстает от представлений о должном: так, «идеальный», по представлениям россиян, уровень равноправия пока не достигнут в области воспитания детей, оплаты счетов, глажки вещей. В большом количестве семей эти обязанности по-прежнему ложатся только на плечи женщин. Полное равноправие скорее всего недостижимо. Однако пока представ-

ления россиян о необходимости гендерного равноправия обгоняют практику, она неизбежно будет меняться» [20].

Можно с уверенностью утверждать, что люди приспосабливаются к новым условиям жизни, однако в этом будут успешны лишь те, кто готов пересматривать прежние границы и устанавливать новые, менее жесткие правила, меняя тем самым условия «гендерного договора». Что же это такое? Гендерный договор – это неписанные правила взаимодействия, сложившиеся в семье. Именно они оговариваются между супругами и устанавливают зону ответственности в семье, а также границы, нарушение которых может привести к разрыву отношений. Такой договор основывается на гендерной асимметрии, которая сложилась в обществе и определяется повседневной практикой отношений мужчины и женщины в семье [5].

Наиболее ценным внутрисемейным гендерным договором является тот, условием которого является «взаимная жертва», которая, например, заставляет людей ради семьи жертвовать карьерой, это типичный ответ семьи на разобщенность, царящую в социуме, где «каждый за себя». Семья в этом плане дает иллюзию убежища и превращается в сверхценность.

При этом неудивительно, что семья является ценностью не только для женщин, но и мужчин. Многие утверждают, что семья приносит им большее удовлетворение, чем работа (таких, примерно, 40%). Лишь пятая часть мужчин считает, что работа удовлетворяет их больше, чем семья. Остальные (тоже около 40%) заявляют, что семья и работа играют в их жизни примерно одинаковую роль [5].

Даже если мужчина-семьянин не реализовал полностью свой личностный потенциал и не нашел работу по душе, он продолжает тем не менее остро ощущать ответственность за материальное обеспечение семьи. Он занимает более активную позицию на рынке труда, использует разные возможности поиска работы; единственный критерий привлекательности рабочего места – стабильная и хотя бы относительно высокая зарплата [21].

Семья становится более хрупкой и уязвимой, чем в прошлом. Но и мужчинам и женщинам она открывает гораздо больше возможностей удовлетворять индивидуальные потребности именно в семье (а не только за ее предела-

ми), обрести радость общения и богатство эмоциональных переживаний. При этом она значимо влияет на трудовую сферу человека, это может проявляться в нескольких аспектах: например, как создание благоприятных условий для социализации ребенка, поддержка и развитие его способностей и задатков, которые смогут затем реализоваться в успешной карьере, а также повышение статусных возможностей и карьерных перспектив за счет удачного брака.

Можно также отметить, что проводились исследования с целью выявить факторы супружеских отношений, влияющие на удовлетворенность карьерой и стимулирующие к успешной профессиональной деятельности [22].

Выявляется значимость того, насколько руководитель удовлетворен семейными отношениями, это позволяет ему направить личностный потенциал на реализацию других жизненных стратегий, имеющих высокую значимость (профессиональная, научная, досуг и др.). Также важна степень согласованности ценностных ориентаций между супругами, т.е. понимание ими, что для них является удачным браком или успешной карьерой, насколько готовы они идти к компромиссу в отношении значимых целей и средств их достижения. Представляет значимость степень согласованности ролевых ожиданий между супругами: как представляются семейные обязательства, и каково реальное положение дел в семье, это касается распределения обязанностей в семье и фактических нагрузок на работе, преобладания доверия либо контроля в построении внутрисемейного взаимодействия. Отмечается, что особую роль также играет мера схождения профессиональных интересов супругов. При сравнении различных сфер выяснилось, что наиболее высокие показатели конфликтности семейных отношений наблюдаются в сфере образования, взаимной удовлетворенности семейными отношениями – в производственном секторе, значимости карьеры руководителя для его семьи – в торговле [23, С. 23].

В заключение можно сделать следующие выводы, что, несомненно, институт семьи меняется, подстраивается под реалии современного мира и возникают новые формы и виды семьи. Наиболее популярный вид отношений на данный момент – это сожитительство, который для некоторых служит проверкой своих

чувств, с другой гарантией экономической независимости от своего партнера. При этом брак продолжает существовать, возможно, уже не в традиционном виде, однако, как гарант продолжения рода, эмоциональной привязки людей, готовых к ответственности за своего партнера. Также семья положительно влияет на трудовую занятость человека, близкие люди поддерживают друг друга, заставляют развиваться, двигаться по карьерной лестнице. Здесь мы можем наблюдать проблему людей, которые посвящают себя работе, вступают в сожительства, не зная полноценных радостей отцовства и материнства, при этом люди, вступающие в брак и создающих семьи, в традиционном понимании этого слова, принимают на себя обязательства ее обеспечивать. В последнем случае семейные и трудовые сферы не противоречат, а переплетаются друг с другом. Да, возможно у кого-то образуется проблема нехватки времени не семье или же работу, однако это решается в кругу семьи, где каждый готов поддержать и помочь любимого человека.

Литература

1. Кучмаева О. В. Трансформация института семьи и семейные ценности / О. В. Кучмаева, М. Г. Кучмаев, О. Л. Петрякова // Вестник славянских культур. – 2009. – №3. – С. 12–15.
2. Захаров С. В. Куда движется супружество в России? // Демоскоп Weekly. № 545-546 (17 марта). 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema02.php>. (дата обращения: 15.02.2018).
3. Митрофанова Е. С. Семья и брак, матримонимальное, репродуктивное и сексуальное поведение в крестьянской, советской и современной России // Демоскоп Weekly. № 423-424 (24 мая-6 июня). 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0423/student01.php>. (дата обращения: 17.02.2018).
4. Демографическая модернизация России, 1900-2000. Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006.
5. Здравомыслова О. М. Семья: из прошлого в будущее // Интернет-конференция «Гендерные стереотипы в современной России». 01.05.–7.07. 2006. С. 95. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/281530.html>. (дата обращения: 01.03.2018).
6. Долбик-Воробей Т. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // Социологические исследования. – 2003. – № 11. – С. 78–84.
7. Захаров С. В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып.1. / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. – М.: НИСП, 2007. С. 75 – 126.
8. Население России 2005. Тринадцатый ежегодный демографический доклад / Ответственный редактор А.Г. Вишневский. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – 245 с.
9. Вовк Е. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? (Часть 1) // Социальная реальность, № 1, 2005. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_1_05/gur050103 (дата обращения: 12.11.2017).
10. Демографическая модернизация России, 1900–2000 ДЗ1 Под ред. А.Г. Вишневого М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
11. Werro F. Concubinage, mariage et demariage. Berne, 2000 // Муравьева М. Г. Конкубинат / Словарь гендерных терминов. - URL: <http://www.owl.ru/gender/099.htm> (дата обращения: 10.02.2018).
12. Карцева Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 92-99.
13. Рыбаковский Л. Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социологические исследования, 2005. - № 3. С. 71-81.
14. Борисова Л.Г. Социальное качество молодых россиян нового века / Л.Г. Борисова, Л.М. Радова // Социальное качество российской молодежи на рубеже веков: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Теория и практика воспитательной работы в высшей школе», 21–23 марта 2000 г. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. – 154 с.
15. Михеева А Р Сожительства и внебрачная рождаемость признаки кризиса или стабильности социального института семьи // Семья в новых социально-экономических условиях. Материалы международной научно-практической

конференции / Под ред. Саралиевой З. Х. 2-10 октября 1997 г., Н Новгород. – С. 127.

16. Здравомыслова, О. М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации / О. М. Здравомыслова. - М.: УРСС, 2003. - 152 с.

17. Павлова А. А. Проблемы незарегистрированного брака // Материалы Международной научно-практической конференции «Семья в новых социально-экономических условиях» 2-10 октября 1997 г. / Под ред. Проф. З. Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. – Том 2. С. 140-141.

18. Бирюкова С. и Макаренцева А. «Новые оценки штрафа за материнство в России». [Электронный ресурс] URL: <https://iq.hse.ru/news/206412970.html>. (дата обращения: 18.01.2018).

19. Anthony Giddens. The transformation of intimacy: Sexuality, love a. eroticism in modern

societies. - Stanford (Cal.): Stanford univ. press, 1992. – 212 p.

20. Пресс-выпуск № 3597 Равенство в семье: от деклараций - к реальности? // Исследование ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116735> (дата обращения 09.03.2018).

21. Тартаковская И. Н. Мужчины на рынке труда // Социологический журнал, 2002. Том. 0. № 3. С. 112-125.

22. Чернышев Я.А. Семья как основа служебной карьеры руководителя / Я.А.Чернышев - Ульяновск: Изд-во УлГУ.-2003. – С.126-131.

23. Козлов В.Н., Павлов Б.С. Семья и трудовой коллектив: грани социально-экономического сотрудничества // Трудовой коллектив и семья: реализация активной социальной политики. - Екатеринбург, 1992. - С.15 – 30.

Виртуальный дауншифтинг в молодежной среде города Кирова: возрастной аспект

Москвин А.С., Кушова И.А., Коротышева Н.Н.

В настоящей статье рассмотрено проявление виртуального дауншифтинга (то есть частичного или полного отказа от Интернет-активности) в молодежной среде города Кирова (Кировской области). При этом сравниваются две возрастные категории: молодежь 15-19 лет и молодежь 20-24 лет. В работе показано, что виртуальный дауншифтинг не является всеобщей социальной тенденцией в молодежной среде. Несмотря на это, достаточно значительная группа респондентов различными способами ограничивают себя в использовании Интернета: снижают время проведения в сети, меняют роль социальных сетей в жизни, отказываются от использования некоторых социальных сетей, а также создают другие ограничительные правила. Помимо этого, в работе выявляется одна из причин виртуального дауншифтинга – информационная перегрузка (усталость), которая возникает вследствие использования Интернета.

Ключевые слова: виртуальный дауншифтинг, виртуальность, дауншифтинг, медленное движение, медленность, Интернет, молодежь, Киров.

Moskvin A.S., Kushova I.A., Korotysheva N.N.

Virtual downshifting in the youth community of the city of Kirov: the age aspect

In this article, a virtual downshifting (that is, a partial or total rejection of Internet activity) in the youth community of the city of Kirov (Kirov region) is analyzed. Two age groups of youth are compared: youth of 15-19 years and youth of 20-24 years. The paper shows that virtual downshifting is not a generally accepted youth social trend. Despite this, a fairly large group of respondents in various ways restrict themselves in using the Internet: they reduce the time spent on the network, change the role of social networks in life, refuse to use some social networks, and create other restrictive rules. In addition, one of the causes of virtual downshifting is revealed - information overload (fatigue), which is a consequence of using the Internet.

Keywords: virtual downshifting, virtuality, downshifting, slow movement, slowness, Internet, youth, Kirov.

Виртуальный дауншифтинг (то есть частичный или полный отказ от Интернет-активности) – феномен социальной жизни, который входит в жизнь современного человека все больше и больше. Во всероссийском исследовании ВЦИОМ, опубликованном в апреле 2018 года, было выявлено, что «около половины пользователей (45%) в последний год сознательно отключали доступ к интернету (на день или более), 66% вынужденно оставались без сети. При этом 83% из них не чувствовали себя ущемленными, а 7% даже ощутили радость и расслабление. Большинство «интернетчиков» (77%) признают необходимость в периодическом отдыхе от сети, около половины (47%) выбирая место отдыха предпочли бы территорию без доступа к интернету (даже среди ежедневных пользователей эта доля составляет 44%, среди 18-24-летних – 53%)» [11]. Интересно, что к этой ситуации пытается приспособиться и сам Интернет. В частности, создатели различных приложений для смартфонов. «В мобильных приложениях Facebook и Instagram 1 августа (2018 года – прим. авт.) появились функции, которые должны помочь пользователям проводить в них меньше времени и реже отвлекаться на уведомления. Это продолжение одного из главных трендов 2018 года: разработчики популярных приложений и операционных систем встраивают функции, ограничивающие количество времени, которое мы проводим перед экраном телефона» [6].

Дауншифтинг как социальный феномен, а также различные проявления так называемого «медленного движения» подробно рассмотрены в современной научной литературе в работах К. Оноре [9], Е.Н. Кеннеди & Н.Т. Кругмана [17], М.К. Батисты и др. [13], Я.В. Овечкиной [8], Н.Е. Покровским [10], А.Б. Гофманом [2], Н. Димовой [15]. В свою очередь, проблема

Исследование опубликовано в рамках гранта РФФИ № 17-33-01017 «Виртуальный дауншифтинг в молодежной среде».

виртуального дауншифтинга в жизни современного общества малоисследована в научной литературе. Одно из первых упоминаний данного явления можно увидеть в эссе «Не так быстро» журналиста Д. Фримана [16]. Частично виртуального дауншифтинга касаются О.Е. Яцевич [12] и А.В. Гуменский [3]. Виртуальный дауншифтинг с помощью качественных методов социологического исследования в молодежной среде города Кирова рассматривали А.С. Москвин и др. [7]. Проблематика отказа от Интернет-активности поднимается также исследователями так называемых «медленных медиа»: В.В. Витвинчуком [1], Р. Кастрново [14], С. Озменом и О. Огуром [18]. Методологическая проблематика исследования дауншифтинга затронута О.А. Маховой и М.В. Кармановым [5], А.В. Завражинным и М.В. Кармановым [4].

В настоящей статье авторы обращают внимание на тенденции к виртуальному дауншифтингу в молодежной среде города Кирова, обращаясь при этом к двум возрастным категориям: молодежь 15-19 лет (по большей части старшие школьники) и молодежь 20-24 лет (в большей степени студенческая аудитория).

Генеральная совокупность исследования – молодежь города Кирова от 15 до 24 лет. Ее численность (по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кировской области) – 50809 человек. Выборочная совокупность исследования при 95% доверительной вероятности и 5% ошибки выборки, составляет 381 человек. Отбор респондентов производился при помощи квотной выборки.

Изучение молодежи города Кирова дало понимание того, что частичный или полный отказ от Интернет-активности не является устойчивой тенденцией. Тем не менее, значительная часть изучаемой социальной группы все же имеют тенденции к виртуальному дауншифтингу.

В данном исследовании тенденция к виртуальному дауншифтингу определялась по двум показателям: временное ограничение (самоограничение времени, проводимого в Интернете), а также создание ограничений в использовании Интернета (установление каких-либо правил, например проверка почты только утром вечером, но не днем и пр.). Помимо этого, были рассмотрены косвенные показатели виртуального дауншифтинга: изменение места социальных сетей в

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Вы замечаете за собой, что в последнее время стали проводить в Интернете меньше времени, чем раньше?»

Вы замечаете за собой, что в последнее время стали проводить в Интернете меньше времени, чем раньше?	Респонденты от 15 до 19 лет (%)		Респонденты от 20 до 24 лет (%)	
	Кол-во случаев	%	Кол-во случаев	%
Да, меньше, чем раньше (А)	70	43,5	92	41,8
Столько же, как раньше (В)	72	44,7	98	44,5
Нет, больше, чем раньше (С)	14	8,7	23	10,5
Затрудняюсь ответить	5	3,1	7	3,2
Всего (N)	161	100	220	100

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Вы ощущаете переизбыток информации вследствие использования Интернета?»

Вы ощущаете переизбыток информации вследствие использования Интернета?	Респонденты от 15 до 19 лет (%)		Респонденты от 20 до 24 лет (%)	
	Кол-во случаев	%	Кол-во случаев	%
Да, ощущаю	62	38,5	86	39,1
Нет, не ощущаю	82	50,9	126	57,3
Затрудняюсь ответить	17	10,6	8	3,6
Всего	161	100	220	100

Таблица 3

Таблица сопряженности между двумя переменными для респондентов от 15 до 19 лет: ограничение времени, проводимого в Интернете вследствие ощущения переизбытка информации

Вы ощущаете переизбыток информации вследствие использования интернета?	Вы замечаете за собой, что в последнее время стали проводить в Интернете меньше времени, чем раньше?			Всего
	Да, меньше, чем раньше	Столько же, как раньше	Нет, больше, чем раньше	
Да	40	16	6	62
Нет	27	46	6	79
Всего	67	62	12	141

жизни респондентов, а также опыт отказа от них и ощущение переизбытка информации от проведения времени в Интернете.

Рассмотрим данные, полученные в ходе опроса.

Таблица 4

Таблица сопряженности между двумя переменными для респондентов от 20 до 24 лет: ограничение времени, проводимого в Интернете вследствие ощущения переизбытка информации

Вы ощущаете переизбыток информации вследствие использования интернета?	Вы замечаете за собой, что в последнее время стали проводить в Интернете меньше времени, чем раньше?			Всего
	Да, меньше, чем раньше	Столько же, как раньше	Нет, больше, чем раньше	
Да	33	38	12	83
Нет	56	59	7	122
Всего	89	97	19	205

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Вы как-то ограничиваете себя в использовании Интернета (например, отвечаете на сообщения только по вечерам и пр.)?»

Вы как-то ограничиваете себя в использовании Интернета (например, отвечаете на сообщения только по вечерам и пр.)?	Респонденты от 15 до 19 лет (%)		Респонденты от 20 до 24 лет (%)	
	Количество случаев	%	Количество случаев	%
Да, создаю ограничения	40	24,8	53	24,1
Нет, не создаю	121	75,2	167	75,9
Затрудняюсь ответить	0	0	0	0
Всего	161	100	220	100

Обратимся к данным об ограничении проведения респондентами времени в Интернете (см. таблицу 1).

Мы видим, что достаточно большое количество респондентов стали проводить в Интернете меньше времени, чем раньше. Отметим также, что лишь незначительная часть молодежи увеличивает время проведения в Интернете.

Сравним временное ограничение двух возрастных групп с помощью суммирующего коэффициента. Для данной таблицы формула для нахождения суммирующего коэффициента следующая: $K = (2A + B - 2C) / N$.

Таким образом, суммирующий коэффициент для респондентов от 15 до 19 лет равняется 1,14, а для респондентов от 20 до 24 лет он равняется 1,07. Исходя из этого можно сделать вывод, что респонденты от 15 до 19 лет не-

сколько более склонны к виртуальному дауншифтингу по временному показателю.

В ходе исследования был поставлен вопрос о причинах виртуального дауншифтинга. В предыдущем исследовании [7] было высказано предположение о связи виртуального дауншифтинга и ощущения переизбытка информации вследствие использования Интернета. Рассмотрим ответы респондентов на соответствующий вопрос (см. таблицу 2).

Переизбыток информации ощущает достаточно большая группа респондентов в обеих возрастных группах. Более взрослая молодежь все же отличается от молодой тем, что они в большей степени не ощущают переизбытка информации. При этом интересно, что в более молодой возрастной группе больше «сомневающихся».

Рассмотрим корреляции между виртуальным дауншифтингом и ощущением переизбытка информации вследствие использования Интернета, построив таблицы сопряженности (см. таблицу 3 и 4).

Анализ таблиц сопряженности позволил сделать следующие выводы. В более младшей возрастной категории (15-19 лет) существует статистически значимая связь между ощущением переизбытка информации вследствие использования Интернета и временным ограничением (двусторонняя асимптотическая значимость хи-квадрата равна 0,000). А в более старшей возрастной категории отсутствует статистически значимая связь между ощущением переизбытка информации вследствие использования Интернета и временным ограничением (двусторонняя асимптотическая значимость хи-квадрата равна 0,103).

Далее рассмотрим данные о создании ограничений в процессе использования Интернета (см. таблицу 5).

Можно заметить, что достаточно значительная группа молодежи (около четверти респондентов) в обеих возрастных категориях создает ограничения при использовании Интернета. Отметим также, что временное ограничение (таб. 1) является более распространенным видом виртуального дауншифтинга, чем создание ограничений при использовании Интернета.

По аналогии с предыдущим видом виртуального дауншифтинга, выявим корреляции между ощущением переизбытка информации

при использовании Интернета и созданием ограничений при использовании Интернета (см. таблицы 6 и 7).

При анализе таблиц сопряженности было выявлено, что для обеих возрастных категорий существует статистически значимая связь между ощущением переизбытка информации вследствие использования Интернета и созданием ограничений в Интернете (для респондентов 15-19 лет двусторонняя асимптотическая значимость хи-квадрата равна 0,001, для респондентов 20-24 лет двусторонняя асимптотическая значимость хи-квадрата равна 0,002).

Таким образом, сделаем вывод, что ощущение переизбытка информации для всей молодежи города Кирова является стимулом для создания ограничений в Интернете и лишь для более молодых респондентов является стимулом для временного ограничения.

Рассмотрим вопрос о месте социальных сетей в жизнедеятельности молодежи города Кирова (см. таблицу 8).

Мы видим, что у большинства людей место социальных сетей в жизни никаким образом не меняется. Также, из данной таблицы можно увидеть, что в обеих возрастных группах больше людей, в жизни которых социальные сети занимают все меньшее место, чем людей, в жизни которых социальные сети занимают все большее место. Вывод: в настоящее время больше людей ограничивают роль социальных сетей в своей жизни, чем людей, которые ее увеличивают.

Сравним место социальных сетей в жизни респондентов двух возрастных групп с помощью суммирующего коэффициента. Вновь обратимся к формуле: $K = (2A + B - 2C) / N$.

Суммирующий коэффициент для респондентов от 15 до 19 лет равен 0,73, а суммирующий коэффициент для респондентов от 20 до 24 лет равен 0,79. Можно сделать вывод: респонденты более старшего возраста чуть более склонны к уменьшению роли социальных сетей в своей жизни. При этом отметим, что большинство респондентов уже имели опыт отказа от использования некоторых социальных сетей (такой опыт имело 72% респондентов от 15 до 19 лет и 63,3% респондентов от 20 до 24 лет).

В ходе исследования было выяснено, что виртуальный дауншифтинг в молодежной среде города Кирова не является социальным трен-

Таблица 6

Таблица сопряженности между двумя переменными для респондентов от 15 до 19 лет: создание ограничений в Интернете вследствие ощущения переизбытка информации

Вы ощущаете переизбыток информации вследствие использования интернета?	Вы как-то ограничиваете себя в использовании Интернета (например, отвечаете на сообщения только по вечерам)?		Всего
	Да, создаю ограничения	Нет, не создаю	
Да	24	38	62
Нет	12	70	82
Всего	36	108	144

Таблица 7

Таблица сопряженности между двумя переменными для респондентов от 20 до 24 лет: создание ограничений в Интернете вследствие ощущения переизбытка информации

Вы ощущаете переизбыток информации вследствие использования интернета?	Вы как-то ограничиваете себя в использовании Интернета (например, отвечаете на сообщения только по вечерам)?		Всего
	Да, создаю ограничения	Нет, не создаю	
Да	30	56	86
Нет	21	105	126
Всего	51	161	212

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «В последнее время социальные сети в Вашей жизни начали занимать...»

В последнее время социальные сети в Вашей жизни начали занимать	Респонденты от 15 до 19 лет (%)		Респонденты от 20 до 24 лет (%)	
	Количество случаев	%	Количество случаев	%
Все меньшее место (А)	35	21,7	57	25,9
Такое же место (В)	100	62,1	128	58,2
Все большее место (С)	26	16,2	34	15,5
Затрудняюсь ответить	0	0	1	0,4
Всего (N)	161	100	220	100

дом. При этом, значительное количество людей все же уменьшают время, проводимое в Интернете, создают ограничения при использовании Интернета, уменьшают роль социальных сетей в своей жизнедеятельности. Отметим также, что одной из причин виртуального дауншифтинга является ощущение переизбытка информации вследствие использования Интернета.

Литература

1. Витвинчук В.В. Темпоральный парадокс медленных медиа // Журналистский ежегодник. 2015. С. 155-156.
2. Гофман, А.Б. (2017). Слишком быстро? Культура замедления в современном мире // Социологические исследования. 2017. №10. С. 141-150.
3. Гуменский А.В. Связи с общественностью в цифровой среде // Российская школа связей с общественностью. 2016. №8. С. 53-69.
4. Завражин А.В., Карманов М.В. Актуальные вопросы исследования дауншифтинга // Право и образование. 2017. №11. С. 94-101.
5. Махова О.А., Карманов М.В. Дауншифтинг как объект статистического исследования // Статистические методы исследования социально-экономических и экологических систем региона. 2017. С. 296-299.
6. Медуза. 01.08.2018. Google, Apple и Facebook (якобы) хотят, чтобы вы меньше сидели в телефоне. Как это работает? URL: <https://meduza.io/slides/google-apple-i-facebook-yakoby-hotyat-chtoby-vy-menshe-sideli-v-telefone-kak-eto-rabotaet> (Дата обращения: 03.08.2018).
7. Москвин А.С., Полуян Н.Н., Кушова И.А., Колобова Ю.И. Виртуальный дауншифтинг в социальных сетях (в молодежном сообществе города Кирова) // Медиаобразование. 2017. №4. С. 115-125.
8. Овечкина Я.В. Интернет-сообщество дауншифтеров: особенности стиля жизни // Социологические исследования. 2016. №4. С. 131-137.
9. Оноре К. Без суеты. Как перестать спешить и начать жить. М.: «Альпина Пабlishер», 2004.
10. Покровский Н.Е. Новые социальные смыслы пространства России: теоретические и региональные аспекты // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной динамики. 2017. С. 93-98.
11. Пресс-выпуск ВЦИОМ №3624. 04.04.2018. Жизнь в интернете и без него. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116780> (Дата обращения: 03.08.2018).
12. Яцевич О.Е. К вопросу о содержании «медленного движения» // Теория и практика общественного развития. 2015. №15. С. 123-125.
13. Batista M.K., Grisci C.L.I., Gallon S., & Figueiredo M. D. Slow movement: work and time experimentation in the liquid-modern life // *Psicologia & Sociedade*. 2013. 25 (1). P. 30-39.
14. Castronovo R. Information Warfare and Slow Media: Loyalism and the Lesson of Revolutionary Failure // *American Literature*. 2017. №89 (4). P. 821-849.
15. Dimova N. Land, Labour and Rural Downshifting in Post-socialist Bulgaria. // *Bulgarian Cultural Ethnography*. 2017. P. 65-78.
16. Freeman J. Not so fast. Sending and receiving at breakneck speed can make life queasy; a manifesto for slow communication [Электронный ресурс] // *The Wall Street Journal*. 2009. August. 21. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052970203550604574358643117407778> (Дата обращения: 03.08.2018).
17. Kennedy E.H., & Krogman N.T. Downshifting: An Exploration of Motivations, Quality of Life, and Environmental Practices // *Sociological Forum*. 2013. V. 28. Is. 4. P. 764-783.
18. Uzman Ю.У.Ц., Opur O. Diffusion of Slow Media Innovation // *Entrepreneurship and Innovation in New Media Ecosystem: Proceedings of 3rd International New Media Conference (Istanbul, Turkey)*. 2017. P. 179-196.

Современные российские женщины в сфере труда и в семье: карьерные и репродуктивные амбиции

Новоселова Е.Н.

В статье рассматриваются актуальная проблема совмещения материнства с профессиональной деятельностью. В условиях снижения престижности семейного образа жизни, падения рождаемости, увеличения возраста вступления в брак и рождения ребенка, а также перехода с модели двухдетной семьи на модель однодетной, анализируется возможность сочетания женщиной профессиональной и семейной карьер, а также влияние выбора данной жизненной стратегии на репродуктивные планы россиянок. Делается вывод о необходимости проведения социальной, семейной и демографической политик, направленных на смягчение конфликта между материнством и занятостью, а также на предоставление лицам с семейными обязанностями возможности отдать приоритет репродуктивному родительскому труду, без ущерба для благосостояния их семей.

Эмпирической базой является данные Фонда Общественное Мнение, Всероссийского центра изучения общественного мнения, Аналитического центра Юрия Левады, Федеральной службы государственной статистики, а также межрегиональное исследование жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.) кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: родительский труд, репродуктивный труд, женская занятость, двойная занятость, материнство, семья и карьера.

Novoselova E. N.

Contemporary Russian women at work and in the family: career and reproductive ambitions

The article explains the actual problem of combining maternity with professional activity. In conditions of decrease of the family lifestyle prestige, falling birth rate, increasing age of marriage and the birth of a child, and the transition from a two-child family model to a one-child model, the possibility of combining a professional and family careers among woman is analyzed. It is also considered how life strategy choice influences the reproductive planning among Russian women. It is concluded that social, family and demographic policies need to mitigate the conflict between motherhood and employment and to provide those who bear family responsibilities the opportunity to give priority to reproductive behavior without limiting family well-being.

The empirical base is the data of the Public Opinion Foundation, the All-Russian Center for the Study of Public Opinion, the Analytical Center of Yuri Levada, the Federal State Statistics Service, and the interregional study of life values and the non-transference of family-child orientations among women, men and couples on the basis of cross-sectional analysis of comparable data (1976 - 2020) Department of Sociology of Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University.

Keywords: parental labor, reproductive labor, female employment, double employment, motherhood, family and career.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037

В современных условиях феминизации занятости с одной стороны и снижения ценности семейного образа жизни с другой [3], анализ особенностей совмещения женщиной работы и семейных обязанностей становится крайне актуальным. Именно с пресловутой двойной занятостью, по мнению самих женщин, связаны основные жизненные трудности, удивительно, но даже низкая оплата труда в рейтинге сложностей ставится соотечественницами ниже, чем необходимость одновременно реализовывать свои карьерные и репродуктивные амбиции [34], что во многом связано с тем, что требования, предъявляемые женщине семьей и работой довольно противоречивы [43].

По мнению многих исследователей [16, 19, 39], на сегодняшний день, проблема ролевой перегрузки женщины все больше нарастает, сочетать материнство и другие семейные обязанности с оплачиваемой работой становится все сложнее ввиду огромной энергозатратности обеих сфер, поэтому женщины все чаще выбирают работать и зарабатывать, предпочитая семье карьерный рост, рождая детей в более позднем возрасте и меньше, чем им этого хотелось изначально, уделяя уже имеющимся детям только малую часть своего времени.

Несмотря на то, что личный успех по-прежнему, в большей степени, связывается с такими понятиями как: «счастье в личной жизни, благополучие семьи, детей, внуков» (32%), нежели с «хорошей, интересной, любимой работой» (20%) [42], слово «семья» продолжает означать наиболее важное понятие (65%, ФОМ), благополучие безусловно включает в себя семейный образ жизни (91%) [24], а материнство, как таковое, рассматривается как позитивное явление, и считается необходимым этапом в жизни каждой женщины и незаменимым элементом счастья (64%) [5], представительницы прекрасного пола не готовы отказаться от вне-

Таблица 1
Динамика коэффициента суммарной рождаемости в России и некоторых Европейских странах 1950-2016
Источник: Коэффициент суммарной рождаемости, 1950-2016 // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4007.php>

Страна	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2001	2010	2016
Австрия	2,09	2,69	2,29	1,65	1,46	1,36	1,33	1,44	1,53
Бельгия	2,34	2,54	2,25	1,68	1,62	1,67	1,67	1,86	1,68
Болгария	2,94	2,31	2,17	2,05	1,82	1,26	1,21	1,57	1,54
Германия	2,10	2,37	2,03	1,56	1,45	1,38	1,35	1,39	1,60
Греция	2,29	2,23	2,40	2,23	1,39	1,25	1,25	1,48	1,38
Дания	2,57	2,57	1,95	1,55	1,67	1,77	1,74	1,87	1,79
Испания	2,48	2,77	2,88	2,22	1,36	1,22	1,23	1,37	1,34
Италия	2,50	2,37	2,38	1,64	1,33	1,26	1,25	1,46	1,34
Латвия	2,00	1,94	2,02	1,90	2,00	1,25	1,22	1,36	1,74
Норвегия	2,53	2,91	2,50	1,72	1,93	1,85	1,78	1,95	1,71
Польша	3,71	2,98	2,26	2,26	2,06	1,37	1,31	1,41	1,39
Португалия	3,13	3,16	3,01	2,25	1,56	1,55	1,45	1,39	1,36
Россия	2,89	2,56	2,00	1,86	1,89	1,20	1,22	1,57	1,76
Франция	2,95	2,73	2,47	1,95	1,78	1,89	1,90	2,03	1,92
Швеция	2,28	2,20	1,92	1,68	2,13	1,54	1,57	1,98	1,85

семейной занятости, либо в виду своих карьерных амбиций и внутренней мотивации к профессиональному росту (профессиональный тип делово активности), либо ввиду того, что просто не могут себе этого позволить, т.к. в противном случае благополучие, по крайней мере, финансовое, их семей, детей и внуков ставится под угрозу (вынужденный тип деловой активности). Таким образом «рождение детей вступает в конкуренцию с другими событиями жизненного цикла» [19], при этом, хотя номинально семья и занимает первое место в рейтинге сфер жизни, на деле же, по количеству затраченного времени, на первый план выходит работа.

Акценты в деловой и семейной карьерах женщины не всегда расставлялись вышеописанным образом, а положение женщины во внесемейной деятельности претерпело колоссальные изменения за прошедшие столетия. С древних времен роль мужчины, прежде всего, ассоциировалась с функцией добытчика, кормильца и защитника, женщины - с хранительницей очага и воспитателем для детей. Промышленная революция практически положила конец такому традиционному распределению ролей, изжив

сугубо семейно-организованную женскую занятость и сделав женский труд вполне конкурентоспособным, т.к. на рубеже XVIII-XIX веков он был малоквалифицирован, а значит дешев, что и требовалось для фабричного машинного производства. Впоследствии формируются целые отрасли, в которых заняты исключительно женщины, появляются сугубо женские профессии, так профессор И.И. Янжур отмечает, что «на бумаго-ткацких фабриках женщин работало больше, чем мужчин. В других производствах доля женщин составляла от 1/4 до половины всех рабочих» [12].

XX век характеризуется мощным прорывом в сфере женской занятости, которая претерпевает серьезные изменения, труд становится все более разнообразным, с приоритетом квалифицированного труда; стираются грани между традиционно мужскими и женскими сферами занятости, женщины осваивают самые разнообразные профессии, кроме того происходят серьезные социально-психологические перемены в трудовой культуре.

Итак, в последние десятилетия женщины, все более активно заявляют о себе на рынке внесемейного труда, а разрыв между уровнем экономической активности мужчин и женщин неуклонно сокращается. По данным французского социолога Жюль Липовецкого «в 1960 году среди активного населения было менее 7 миллионов француженок, а теперь их более 11 миллионов; таким образом, в 1960 году они составляли 34% активного населения, тогда как в 1994 году на их долю пришлось уже 45%. В наши дни только каждая десятая женщина в возрасте 30 лет никогда не работала по найму» [23]. По данным на 2015 год в экономике ЕС-28 занято 75,9% мужчин и 64,3% женщин в рабочем возрасте, и лаг этот в развитых странах все больше сокращается, в том числе и потому, что уровень экономической активности мужчин несколько снижается [14].

На фоне увеличивающийся женской занятости неизбежно происходят сдвиги в репродуктивном поведении европейцев, значение суммарного коэффициента рождаемости во всех странах ЕС-28 ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства, и варьируясь на 2016 год от 1,34 в Испании и Италии до 1,92 во Франции (см. Таблицу 1.). «Итоговая рождаемость поколений женщин, завершивших репродуктив-

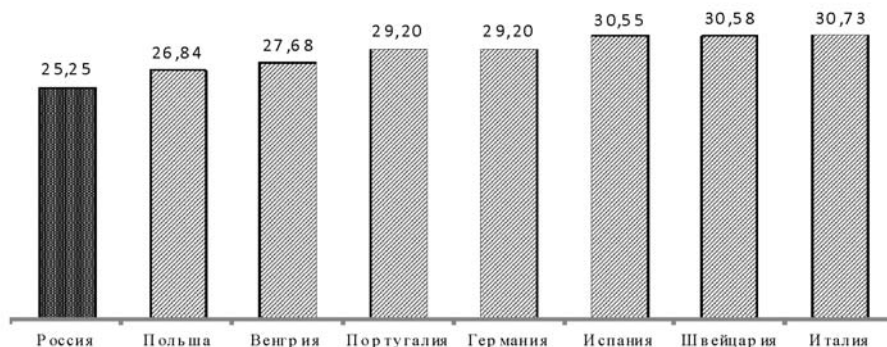

Рис. 1. Возраст рождения первого ребенка в России и некоторых европейских странах (2014 ?)
 Данные по Германии приведены за 2013 год
 Источник: The Human Fertility Database // <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>

ный цикл своей жизни, свидетельствует о сохраняющейся тенденции снижения рождаемости от поколения к поколению» [44]. при этом продолжает расти средний возраст матери при рождении первого ребенка, в Италии, Испании и Швейцарии он уже больше 30 лет [35] (см. Рисунок 1). Такое откладывание материнства увеличивает вероятность остаться бездетной, что «оказывает, скорее, понижающее влияние на уровень рождаемости и вероятности увеличения размера семьи» [44]. В таких странах как Австрия, Испания, Великобритания доля женщин, не родивших ни одного живого ребенка в возрасте 40-44 года и старше, составляет около 20% и более [44].

Массовое вовлечение женщин в рынок труда, несомненно, оказывающее влияние на их репродуктивное поведение, не является чисто западноевропейским явлением, аналогичный процесс мы можем наблюдать и в нашей стране. Российские женщины работали всегда, однако самое серьезное привлечение женщин к внесемейному труду произошло после Октябрьской революции, когда их призывали к «полной экономической независимости от мужчины - отца, мужа, свекра», агитировали становиться «по всем линиям самостоятельным человеком» [Цит по: 32]. Если рассматривать середину XX столетия, то «в России женщины были больше вовлечены, в трудовую деятельность, чем на Западе» [Цит по: 32], к концу 1980-х почти 90% (включая учащих) трудоспособных женщин были втянуты в организованный труд [32]. В советском общественном сознании мысль о том,

что женщина может и не трудиться в общественном производстве, отсутствовала [2], т.к. по мнению советского руководства именно «труд способствует развитию личности женщины, повышает ее роль в жизни общества и семье, дает ей моральное удовлетворение» [15]. Следует отметить, что такая «забота» о женщине была продиктована прежде всего нуждами экономики, а не озабоченностью ее положением в обществе и желанием приравнять ее права к мужским.

На сегодняшний день в нашей стране уровень экономической активности женщин вполне сопоставим с уровнем трудовой активности мужчин, так, по данным на 2015 год в экономике России занято 72324 тыс. человек, из которых 37136 тысяч – мужчины и 35187 женщины, таким образом, женщины составляют 48,6% занятых [40].

Итак, если говорить о России, то также, как и в странах Западной Европы, на фоне роста женской занятости, наблюдается «постарение» рождаемости и снижения числа детей в семье, мало-помалу, но происходит переход от модели двухдетной семьи к однодетной. Значение суммарного коэффициента рождаемости в России уже полвека ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства (см. Таблицу 1) и никакого ее роста в ближайшей перспективе не предвидится, наоборот, естественная убыль населения будет нарастать и с 2025 года превысит 400 тыс. человек ежегодно [40].

По данным Росстата еще тридцать лет назад российские женщины рожали первого ре-

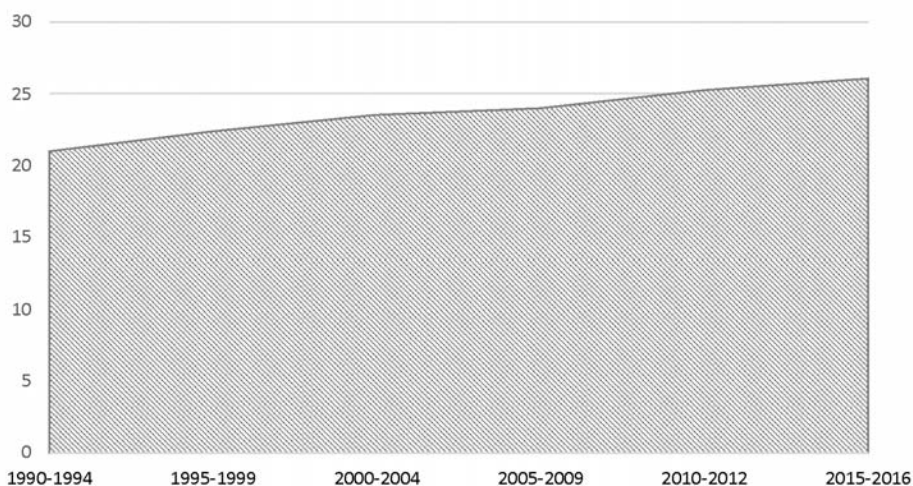

Рис. 2. Динамика изменения возраста матери при рождении первого ребенка в России 1990-2016 (лет)

бенка в 21 год, а доля рождений у матерей моложе 20 лет среди первородящих составляла 25%, на сегодняшний день возраст рождения первенца приблизился к 26 годам (см. Рисунок 2), а доля молодых матерей составляет - 8%, интенсивнее всего рожают первенцев женщины из возрастной группы 25-29 лет (34%) [16].

По некоторым данным именно наличие работы (в купе с высшим образованием) сдвигает роды на 3-4 года [16], что, по-видимому, связано с тем, что стоимость времени работающей женщины высока, это определяет решение отложить рождение ребенка, который, по крайней мере временно, оказывается вытеснен другими ценностями, как материальными, так и нематериальными, причем данный взгляд на жизнь передается из поколения в поколение, с той лишь разницей, что каждое последующее поколение дочерей рождает меньше детей, чем их собственные матери. Так для поколения, рожденных в 1980-х годах, у которого отмечается довольно сильный сдвиг в сторону однодетности и бездетности, итоговая рождаемость неизбежно будет ниже, в среднем на 10% [17], чем у их матерей 1950-1960-х гг. рождения, у которых она составляла 1,8-1,9 рождений на одну женщину [47]. «Для сравнения, их «бабушки», родившиеся в первых десятилетиях XX века, произвели на свет наполовину меньше детей, чем их «прабабушки» - женщины, родившиеся на рубеже XIX и XX веков» [17].

Следует отметить, что изменяется не только число реальных рождений, но и само представления об идеальном числе детей в семье, так лишь 22% молодых россиян в возрасте 18-30 лет, считают идеальной трехдетную модель семьи, в то время как среди 46-60 летних таких 30%, а среди лиц старше 60 лет 34%. Идеальной же моделью семьи молодые считают двухдетную (59%), однако удастся ли им самим реализовать этот идеал, или они все же остановятся на одном ребенке (к слову, идеальным такое число детей считают лишь 5% [30] молодых россиян) пока однозначно сказать нельзя, т.к. это поколение еще находится в репродуктивном возрасте, а его более молодая часть вообще только вступает на рынок репродуктивного труда.

По данным исследования, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Москве [24] 43,7% женщин респонденток полагают, что трое — это идеальное число детей в семье, двое — 37,4%, один — 1,7%, при этом планируют стать трехдетными матерями - 16,7%, двухдетными — 46%, однодетными — 17,2%, т.е. значительно количество опрошенных женщин приблизится к идеалу не стремятся [24].

Здесь также хочется отметить интересный факт, что при ответе на вопрос «Что для Вас наиболее ценимо, важно в вашей жизни», жен-

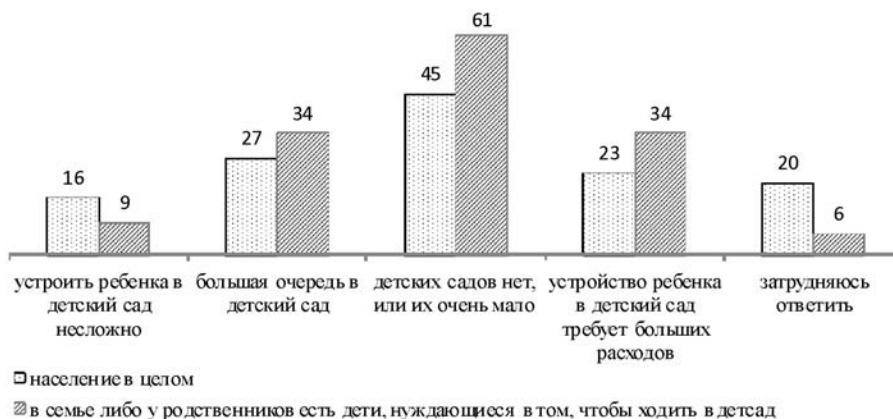

Рис. 3. Сложности, возникающие при устройстве ребенка в детский сад, в %
 Как вам кажется, сегодня там, где вы живете, сложно или несложно устроить ребенка в детский сад? Если сложно, то почему?
 Источник: Мониторинг социальных задач: доступность детских садов // ФОМнибус. 24 февраля 2013. <http://fom.ru/posts/10945>

щины однозначно отдают приоритет семье и детям – 74% ставят данную область на первое и второе места в рейтинге жизненных ценностей (37,9% на первое), при этом если несколько изменить формулировку вопроса и поинтересоваться, что должны наиболее сильно ценить их дети, то семья, конечно, продолжает удерживать первое место, однако ее ценность довольно серьезно падает – 51,7% ставят ее на первые два места, причем на первое лишь 18,4%. Возможно это частично связано с тем, что несмотря на то, что семья – это подлинное счастье, наличие детей заставило опрошенных женщин отказаться от части их стремлений (45% заявляют об этом) либо даже отказаться от очень многого (6%) [24], и они боятся, что та же «учесть» постигнет и их детей и не желают им этого.

Вернемся к занятости российских женщин, которые, как выясняется, работают вне дома даже при наличии нескольких детей. Так трудовая занятость бездетных женщин в России составляет 82,8%, однодетных 76,5%, двухдетных 69,3%, с тремя и более детьми – 57,1% [33]. Процент занятости женщин с детьми неуклонно растет, «при этом также наблюдается тенденция к сокращению возраста ребенка, когда женщина возвращается на рынок труда» [20].

На то, когда женщина выходит на работу немалое влияние оказывает доступность детского дошкольного учреждения по трем основным параметрам: территориальная близость,

т.е. расстояние между работой родителей, домом и ДДУ, качество предоставляемых услуг и их стоимость. Законодательно общедоступность и бесплатность дошкольного образования в государственных или муниципальных образовательных организациях закреплена в Статье 43 Конституции Российской Федерации [22], тем не менее, проблема обеспечения детей местами в ДДУ в нашей стране является весьма острой. Недоступность и высокая стоимость данного вида услуг приводят к тому, что экономика теряет квалифицированные трудовые ресурсы, т.к. сложности в данной сфере могут «негативно отражаться на принятии женщиной решения об участии на рынке труда» [41].

По данным ФОМ [26] россияне, в большинстве своем, считают, что устройство ребенка в детский сад связано с определенными сложностями, такими как: большие очереди, отсутствие садов как таковых, большие расходы, которые несет семья при поступлении ребенка в детский сад. Лишь 16% респондентов думают, что устроить ребенка в дошкольное учреждение несложно, при этом среди россиян, включенных в проблему (те, у кого в семье, либо у близких родственников есть дети, нуждающиеся в том, чтобы ходить в сад) таких еще меньше – 9%. (см. рис. 3).

По данным ВЦИОМ, каждый пятый россиянин (21%) среди основных проблем, связанных с материнством выделяет нехватку детских садов, опережает ее только низкий размер детс-

ких пособий (24%) [10]. «Положение женщин в декрете, по мнению большинства россиян, может улучшить обеспечение места ребенку в детском саду, организованном компанией-работодателем (72%), гибкий рабочий график (69%) и возможность удаленной работы (61%), выделенные предприятием средства на няню (54%). На практике, как показал опрос, эти льготы применяли немногие: о том, что использовали эти возможности лично/пользовалась жена, сообщили от 1% до 7% респондентов» [10].

Тому, что женщина быстро выходит на работу после рождения ребенка, нередко на полный рабочий день, способствует не только женская эмансипация и карьерные амбиции предстательниц прекрасного пола, но и основательный вклад женщин в бюджеты их семей, благосостояние которых серьезно пошатнется без данного финансового вливания. На сегодняшний день в России заработной платы одного кормильца, как правило, не хватает даже для семьи с одним ребенком, и семья, хочет она этого или нет, вынуждена перейти на модель «сочетания заработка двух кормильцев, доход которых сопоставим» [20]. По данным ВЦИОМ 80% опрошенных в 1992 г., 70% в 1994 г. и 77% в 1996г. среди мотивов, побуждающих женщин с детьми работать вне дома, назвали «невозможность прожить только на заработок мужа»; стремление иметь свою зарплату, чтобы быть материально независимыми в качестве мотива указали 17% женщин и лишь 5-9% сказали об интересе к работе [9]. Безусловно, за прошедшие 20 лет мотивы женской занятости несколько изменились, однако есть основания предполагать, что экономические трудности, которые испытывают большинство семей в России, все еще не позволяют однодоходной семье достойно существовать в материальном плане, в качестве косвенного подтверждения данного тезиса можно привести данные опроса Фонда общественного мнения 2015 года, согласно которым 39% женщин бросили бы свою работу имея они достаточно денег, чтобы не работать [29], и опроса 2017 года, который показал, что весомая часть соотечественниц считает, если бы в семье было достаточно денег, то большинство российских женщин предпочли бы не работать (42%) [28]. Согласно данным ВЦИОМ для более чем половины россиян (60%) работа – исключительно источник получения средств к су-

ществованию, лишь для 12% работа интересна независимо от размера зарплаты, 18% считают, что в жизни есть вещи гораздо важнее, чем работа [7].

Серьезной проблемой для российских женщин-матерей, к слову, входящих в одну из наиболее уязвимых групп на рынке труда, является практически полное отсутствие возможности работать неполный рабочий день и неполную рабочую неделю или выбрать фриланс, и то и другое позволило бы женщине полноценно совмещать рабочие и семейные обязанности, а государству, такая «флексбилизация позволила бы временно решать проблемы незанятости» [11]. Между тем, именно гибкий график работы, возможность взять отпуск летом, работа недалеко от дома, сокращенный рабочий день и возможность взять ребенка на работу являются самыми востребованными критериями при устройстве на работу женщин с детьми. Всем этим критериям, так или иначе, отвечает такая форма занятости как фриланс. По очень приблизительным подсчетам на сегодняшний день в России доля фрилансеров работающих на постоянной основе в 2-3 раза ниже чем в Европе и Америке, при этом две трети из них составляют мужчины [36]. Что касается семейного статуса и детности фрилансеров, то несмотря на явковыраженную молодежную направленность фриланса в России (78% лица до 30 лет) 53% состоят в браке (32% - в официальном, 21% - в консенсуальном), почти половина (44%) состоящих в зарегистрированном браке фрилансеров имеют одного ребенка, 14% - двух, только 2% - трех или четырех детей. Бездетными остаются 40% людей в этой группе. Среди состоящих в незарегистрированном браке одного ребенка имеют 14-18%, остальные бездетны. Таким образом, фриланс, по сути, не является выбором замужних детных женщин, которым он мог бы помочь эффективно совмещать разные виды деятельности, а скорее прерогатива молодых (до 30 лет) свободных и независимых мужчин [36].

Российские женщины имеют высокое образование (26% российских женщин и 21% мужчин имеют высшее образование), что способствует как значительному уровню их занятости, т.к. они становятся серьезным конкурентом мужчинам на рынке, так и изменениям в их репродуктивном поведении, т.к., чем выше уровень

человеческого капитала женщины и ее доход, тем позже она рождает ребенка и выше вероятность того, что она не успеет полностью реализовать свои репродуктивные намерения.

В современном обществе уже сложилась традиция, в рамках которой «участие женщин в деятельности, приносящей доход, является приемлемой нормой поведения» [1], более того, ситуация, когда женщина приносит в семью основную доход, также больше не вызывает удивления и непонимания и становится общепринятой. По данным фонда Общественное мнение более половины мужчин 54% и около 60% женщин считают совершенно приемлемой ситуацию, когда жена зарабатывает больше мужа, и лишь для 20% респондентов обоих полов такая ситуация неприемлема [27]. Интересно, что «выполнение мужчиной «исконно женских» ролей вызывает у респондентов несколько больше нареканий, чем выполнение женщиной ролей «исконно мужских». Ситуацию, когда ведением домашнего хозяйства занимается в основном муж, сочли нехорошей, ненормальной 28% опрошенных; ситуацию, когда основным кормильцем семьи является жена – 21%» [27]. Таким образом, женщины входят в рабочую сферу быстрее и с большим желанием, чем мужчины в область домашнего хозяйства.

Итак, «парадигма ответственности женщины за семью преобладает в общественном дискурсе» [25] и помимо работы женщина еще выполняет функции заботы о детях и семье в целом. Если принимать во внимание тот факт, что нагрузка по уходу за детьми составляет около 11 часов в неделю (для маленьких детей значительно больше), плюс на другие домашние обязанности женщина тратит еще 30-40 часов, то становится очевидным, что ей крайне сложно совмещать работу и ведение домашнего хозяйства. Именно здесь и возникает конфликт между материнством и женской занятостью [20]. Тот факт, что домашние заботы, воспитание детей и ответственность за семью чаще лежит на женщине россияне назвали основной причиной того, почему они считают, что женщинам в России живется тяжелее, чем мужчинам (так считают 48% респондентов). Справедливости ради надо отметить, что придерживающихся такой точки зрения все меньше респондентов (48% в 2017, против 65% в 2002 году) [28], видимо потому, что представления о традиционно муж-

ских и традиционно женских ролях в семье постепенно меняются, например, все меньше осуждения вызывает уход мужчины в отпуск по уходу за ребенком, если в 2011 году 21% респондентов оценивали эту ситуацию отрицательно, то в 2017 году их количество сократилось до 15%, причем в гендерном плане здесь наблюдается полный консенсус – 75% мужчин и 77% женщин одобряют такой расклад [31]. Хотя между одобрением и реальным действием, безусловно, есть разница, в России, по разным данным, всего 2-7% мужчин жертвуют работой ради семьи и уходят в отпуск по уходу за ребенком [6], хотя согласно российскому законодательству, «отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет может быть использован полностью либо по частям также отцом ребенка, бабушкой, дедом или другими родственниками, опекуном, фактически осуществляющими уход за ребенком» [21].

Домашние обязанности косвенно сокращают доступ женщины к высокооплачиваемой работе, т.к. имея двойную занятость представительницы прекрасного пола не могут наравне с мужчинами участвовать в конкурентной борьбе на рынке труда, «к тому же довольно часто начало трудовой деятельности у женщин - специалистов совпадает со временем создания семьи и рождением ребенка, что связано с длительными перерывами в работе и оборачивается снижением квалификационных качеств и отставанием профессионального роста по сравнению с мужчинами» [13]. Поэтому российские женщины, несмотря на высокий уровень образования, практически выведены из сферы принятия решений, и реже занимают престижные, высокооплачиваемые должности, так среди руководителей (представителей) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей организаций 38% женщин, среди специалистов высшего уровня квалификации в области естественных и технических наук – 28%. Кроме того, даже на тех же должностях они получают на 30% меньше, нежели мужчины [18], а согласно докладу «Глобальный гендерный разрыв» Россия заняла 53 место из 145 стран по уровню зарплатного неравенства между женщиной и женщиной [46]. При этом, довольно высокие позиции нашей страны в этом рейтинге объясняются прежде всего тем, что российских женщин меньше нанимают на определенные долж-

ности, а не тем, что им меньше недоплачивают [46]. Согласно опросу ФОМ 12% российских женщин сталкивались с трудностями в трудоустройстве или продвижении по службе из-за их половой принадлежности [37], 49% не удовлетворены уровнем своей заработной платы (среди мужчин 36%) [29]. И это несмотря на то, что работающие женщины нередко имеют более высокий уровень образования, чем их коллеги мужчины, так если в общей численности работающих женщин 62% лица с высшим и средне-специальным образованием, то среди мужчин таких 50%.

Многие специалисты [8, 38] говорят о так называемом «штрафе за материнство», который «платят» работницы-матери ввиду того, что работодатель ожидает от них более низкой производительности работы, частых больничных и т.д. По некоторым данным от 4 до 12% составляет разрыв в заработной плате женщин имеющих детей до 18 лет и не имеющих таковых, при этом он увеличивается с ростом уровня образования. Кроме того, несмотря на то, что в Трудовом кодексе РФ есть немало положений, ориентированных на защиту материнства, на деле, работодатели не редко игнорируют требования закона, вынуждают к увольнению беременных женщин и матерей с маленькими детьми, а в случае нелегальной занятости и «серых зарплат» они защищены еще меньше [25]. Во многом поэтому, женщины с детьми выбирают осторожную стратегию на рынке труда и при этом встревожены тем, что могут потерять работу (55-59%), не особенно надеются найти работу лучше, или хотя бы не хуже нынешней, не уверены в своих силах [38].

В заключении следует отметить, что в условиях, когда уровень экономической активности женщин в нашей стране растет и россиянки нацелены на совмещение внесемейного труда и семейных обязанностей, насущной необходимостью является социальная политика, направленная на смягчение конфликта между материнством и внесемейной занятостью. Здесь важным становится вопрос трудового характера родительской деятельности [4], связанной с воспроизводством человеческого капитала в домашнем репродуктивном секторе, ведь «определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни...производство

самого человека, продолжение рода [45]. В условиях снижения рождаемости, старения населения и прогнозируемого дефицита трудовых ресурсов дальнейшее игнорирование родительского репродуктивного труда может привести к весьма печальным последствиям. Применение некоторых категорий экономической науки и социологии труда к традиционным проблемам социологии семьи и демографии, позволит усовершенствовать социальную, демографическую и семейную политику таким образом, что она позволит работать тем женщинам, которые этого хотят и остаться дома и воспитывать детей тем, которые предпочитают профессиональной карьере семейную, ведь именно такой должна быть свободная политика для свободных людей.

Литература

1. Абросимова О.В. Трансформация стратификационной структуры женской занятости: анализ основных тенденций // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2015. №1.
2. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия: очерки политической теории и истории: документальные материалы. 1998.
3. Антонов А.И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // Экономические стратегии. 2016. №1.
4. Багирова А.П., Шутова Н.В. Родительский труд в социально-структурном пространстве российского общества // Теория и практика общественного развития. 2016. №12.
5. Бездетность и нежелание иметь детей // ФОМ. 29.05.2008. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/demo/d082125>
6. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. 2017. №7.
7. Беришвили Н. В кризис россияне переключились на личную жизнь // Известия. 06.01.2017. URL: <https://iz.ru/news/662050>
8. Бирюкова С.С. Макаренцева А.О. Эволюция «штрафа за материнство» в доходах российских женщин // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения) (Девятые Валентеевские чтения): сборник статей и тезисов выступлений. М., 2017.
9. Бодрова В. В. Отношение к занятости женщин в период перехода к рыночной эконо-

мике // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены / ВЦИОМ. М., 1998. № 1.

10. Быть матерью в России-2017 // Данные опросов ВЦИОМ. Пресс-выпуск №3521. 24 ноября 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116546>

11. Вершинина И.А., Маркеева А.В. Трансформация рынка труда глобальных городов и ее социальные последствия // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). № 14.

12. Ворошилова С.В. Законодательное регулирование женского фабричного труда в России и Западной Европе в XIX - начале XX века // Вестник СГЮА. 2012. №2 (85).

13. Груздева Е.В., Ржаницына Л.С., Хоткина З.А. Женщина на рынке труда // Общественные науки и современность. 1992. № 3.

14. Женская занятость: Глобальные тенденции и действия МОТ // Материалы МОТ/ 49-ая сессия Комиссии по положению женщин. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк. 2005.

15. Женщины мира в борьбе за социальный прогресс. М., 1972.

16. Журавлева Т.Л., Гаврилова Я.А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал ВШЭ. 2017. №1.

17. Захаров С. Потенциал структурных факторов роста рождаемости исчерпан? // Демоскоп Weekly. № 731 – 732. 5 - 18 июня 2017. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0731/tema03.php#_ftnref9

18. Индекс гендерного разрыва / Global Gender Gap Report 2015.

19. Исупова О.Г., Уткина В.В. Женщины на государственной службе в России: карьера, семья, репродуктивные намерения // Мониторинг. 2016. №6 (136).

20. Карабчук Т., Нагерняк М. Детерминанты занятости для матерей в России // Журнал исследований социальной политики, Том 11, № 1.

21. Кодекс законов о труде Российской Федерации (утв. ВС РСФСР 09.12.1971) (ред. от 10.07.2001, с изм. от 24.01.2002) Статья 167. Отпуска по уходу за ребенком (в ред. Федерального закона от 24.08.1995 N 152-ФЗ).

22. Конституция Российской Федерации. М. 2014.

23. Липовецкий Ж. Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ. 2003.

24. Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.) // Исследование кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, при участии автора.

25. Мирясова О.А. Проблемы работников с семейными обязанностями и подходы к их решению в профсоюзах Конференции труда России // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения) (Девятые Валентеевские чтения): сборник статей и тезисов выступлений. М., 2017.

26. Мониторинг социальных задач: доступность детских садов // ФОМнибус. 24 февраля 2013. <http://fom.ru/posts/10945>

27. Мужья и жены: распределение семейных обязанностей // ФОМ. 24-25 февраля 2007. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/famil/d070922>

28. О женщинах. Нужны ли женщинам и мужчинам равные права? // ФОМнибус. 26 февраля 2017. URL: <http://fom.ru/posts/13225>

29. О работе. Россияне рассказывают, где работают и как относятся к работе // ФОМнибус. 22 сентября 2015. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/12453>

30. Образ идеальной семьи // ФОМнибус. 14 июля 2013. URL: <http://fom.ru/interaktiv/11024>

31. Семейные роли. Представления россиян о роли матери и отца в семье // ФОМнибус. 30 июля 2017. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/13670>

32. Семенова А., Ващенко В. Эта женщина занята. Как менялась занятость женщин в России на протяжении века // Газета.ru URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/03/07/10562453.shtml#page4>

33. Синявская О., Пайе А. Занятость женщин во Франции и в России: роль детей и гендерных установок. Демоскоп Weekly. № 449 – 450. 1 - 23 января. 2011. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0449/analit01.php#_FN_64

34. Совмещение семьи и работы волнует россиянку больше харассмента // Опрос «Левада-центр», октябрь 2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/12/07/sovmeshhenie-semi-i>

raboty-volnuet-rossiyanok-bolshe-harassmenta/

35. Средний возраст матери при рождении первого ребенка, 1950-2015 // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app40acb1.php>

36. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости (по результатам Первой всероссийской переписи фрилансеров): Препринт WP4/2009/02. М.: Изд. дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2009.

37. Ткач - сугубо мужская профессия, а ткачиха – сугубо женская. Справедливо ли делить профессии на мужские и женские? // ФОМнибус. 4 августа 2013. <http://fom.ru/Rabota-i-dom/11030>

38. Трач Т.М. Штраф за материнство и социально-психологические проблемы трудоустройства и занятости женщин с детьми // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения) (Девятые Валентеевские чтения): сборник статей и тезисов выступлений. М., 2017.

39. Турецкая Г.В. Деловая активность женщин и семья // Социологические исследования. 2001. №2.

40. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

41. Чернова Е.В. Теоретические аспекты эконометрического моделирования занятости женщин в современной России // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. №6.

42. Что такое успех // ФОМнибус. 15 октября 2017. URL: <http://fom.ru/TSennosti/13865>

43. Шиловская В.И. Работа или семья: социально-психологические факторы совладания женщин с жизненными стрессами // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. №1.

44. Щербакова Е. В некоторых странах ОЭСР средний возраст матери при рождении первого ребенка поднялся до 30 лет и выше, доля женщин, не родивших за свою жизнь ни одного ребенка, - до 20% // Демоскоп Weekly. № 731 – 732. 5 - 18 июня 2017. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0731/bagom05.php>

45. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.. –2-е изд. – М. : Политиздат, 1961. – Т. 21.

46. Global Wage Report 2014/15 // International Labour Organization. URL: <http://embargo.ilo.org/global/research/global-reports/global-wage-report/2014/lang-en/index.htm>

47. The Human Fertility Database. URL: <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php?Reg=1>

Функции сельской семьи как отражение её культуры: интерпретация научных подходов

Полуцыган А.А.

В статье рассмотрены различные ракурсы междисциплинарного подхода к определению содержания ведущих функций современной российской сельской семьи. Научная проблема определяется существующей неоднозначностью положения современной российской сельской семьи, необходимостью объяснения сущности и механизмов динамики культуры сельской семьи, которая, сохраняя традиционные коды культуры подвергается системной трансформации под воздействием внешних и внутренних факторов. Особое внимание уделено отражению представленных функций в культуре семьи. Представлена авторская формулировка понятия «культура семьи», выявлена её значимость в развитии современного социокультурного пространства. В заключении приведены выводы относительно содержательных аспектов динамики культуры семьи и высказаны предположения о факторах, наиболее сильно влияющих на её трансформацию.

Ключевые слова: сельская семья, семейные отношения, педагогика семьи, семейные ценности, гендерные роли, культура семьи, функции семьи, социология семьи, социология культуры, социальные процессы.

Polycigan A.A.

Functions of rural family as reflection of her culture: interpretation of scientific approaches

The article considers various perspectives of the interdisciplinary approach to determining the content of the leading functions of the modern Russian rural family. The scientific problem is determined by the existing ambiguity of the position of the modern Russian rural family, the need to explain the nature and mechanisms of the dynamics of the culture of the rural family, which, while maintaining traditional cultural codes, undergoes systemic transformation under the influence of external and internal factors. Particular attention is paid to reflecting the functions presented in the family culture. The author's formulation of the concept of «family culture» is presented, its importance in the development of modern sociocultural space is revealed. In conclusion, conclusions are drawn regarding the content aspects of the dynamics of family culture and suggestions are made about the factors that most strongly influence its transformation.

Key words: rural family, family relations, family pedagogy, family values, gender roles, family culture, family functions, family sociology, sociology of culture, social processes, russian society.

Обращение к анализу культуры семьи также вызвано необходимостью научной рефлексии самого понятия «культура семьи», выявления ее составляющих, а также механизмов динамики. Имеющиеся к настоящему времени теоретико-методологические подходы к репрезентации семьи и ее общественных и культурных ролей, обладая значительной степенью эвристичности, всё же представляют собой некое «мозаичное» полотно этого социокультурного феномена. Целостное рассмотрение культуры сельской семьи способно выработать новые подходы к анализу семьи и наметить контуры ее будущего развития.

Подчеркнём значимые результаты исследований, связанные с анализом феномена семьи в целом. Анализ понятия «семья», теоретические проблемы семьи представлены в работах А.И. Антонова, С.И. Голода, В.В. Елизарова, М.М. Ковалевского, А.А. Магомедова, В.М. Медкова, А.Б. Синельникова, П.А. Сорокина, Л.Уайта, А.Г. Харчева, Л.Я. Штернберга и др. Анализ концепта «семья» представлен в работах Ю.С. Степанова, А.С. Сказко. Институциональные трансформации современной российской семьи представлены в работах А.Г. Харчева, М.С. Мацковского, С.И. Голода, Т. Шанина и др. Подробный анализ сельской семьи на разных исторических этапах развития России содержится в работах О.М. Вербицкой. Тема культуры семьи с позиций различных дисциплинарных подходов рассматривается в работах В.К. Ковальчука, В.И. Самохваловой, А.Я. Флиера, и др.

Однако, несмотря на значительное количество научных источников, проблемы жизнедеятельности современной сельской семьи, ее динамики в условиях системных общественных трансформаций современного российского общества изучены недостаточно, а проблематика культуры сельской семьи находится практически за пределами внимания научного сообщества. Одним из ракурсов рассматриваемой проблематики выступает анализ функций современной сельской семьи, которые

отражают сущностные характеристики её культуры. Рассмотрим более подробно подходы к трактовке функций сельской семьи с учётом динамики российского общества.

Семья, как сложный и многомерный социокультурный феномен, выполняет ряд функций, подробно анализируемых в специальной литературе, среди которых назовем лишь основные: репродуктивная, культурная, хозяйственно-бытовая, производственная, экономическая, сексуальная, социально-психологическая, коммуникативная, эмоционально-психологическая, функция первичной социализации, воспитательная и многие другие. Наряду с перечисленными, для нас особой значимостью обладают ценностно-смысловая, нормативная функция семьи, позволяющие аккумулировать и передавать следующим поколениям, не только и не столько знания, умения и навыки, которыми обладают ее члены, сколько сохранять ценностно-смысловые константы родной культуры путем их межпоколенной внутрисемейной трансляции. В семейном микромире отчетливо проявляются тенденции взаимодействия социокультурных традиций и инноваций, олицетворяемых разными поколениями одной и той же семьи. Функциональное разнообразие и, в то же время, единство находят отражение и в научных подходах к исследованию семьи через актуализацию какой-либо конкретной парадигмы, которая нередко напрямую связана с реализацией определенной функции семьи.

Не составляют исключения и подходы к исследованию феномена семьи с позиций междисциплинарного анализа. Рассмотрим основные содержательные ракурсы, возникающие при обращении к изучению феномена семьи. В научной литературе явно выражены два подхода к пониманию семьи: социоцентристское и антропоцентристское. Их представители по-разному трактуют ведущие функции семьи и оценивают ее предназначение, как в истории развития человечества, так и в современной культуре.

При социоцентристском подходе особое внимание уделяется тем функциям семьи, реализация которых важна для общества. Семья определяется в таком случае как социальный институт, выполняющий особое предназначение в социуме и деятельность членов которого должна быть направлена на решение задач, стоящих перед обществом.

Прежде всего, определим исследования, подчеркивающие регулятивное значение семьи для развития и нормального функционирования общества. В этом случае семья выступает, прежде всего, как социальный институт, играющий определенную общественно значимую роль. Нередко с этих позиций исследуется процесс формирования семьи и его этапы, подчиненные определенным нормам и стандартам (от ухаживания и выбора брачного партнера – до механизмов обеспечения соблюдения норм семейного поведения). Эти идеи отражены в работах К.К. Баздырева, И.А. Герасимова, А.Г. Харчева, Н.Д. Шимины и др. Исследователи обращаются к анализу социального регулирования поведения супругов, процессу конкретизации семейных ролей мужа, жены, отца, матери и т.д. Согласно данному подходу семейные взаимоотношения регулируются посредством специально разработанных норм и санкций. Одни нормы, права и обязанности носят юридический характер и регламентируются правовыми документами, к примеру, Кодексом о браке и семье. Другие нормы брака соблюдаются благодаря морали, обычаям и традициям. Одни и те же традиции и нормы по-разному могут пониматься в зависимости от той или иной стадии жизненного цикла семьи. Несомненен вклад последователей данного подхода в анализ многообразия функций семьи, выявление значимости внутрисемейного взаимодействия в обеспечении стабильности семьи (Т.М. Афанасьева, Н.Г. Юркевич и др.) [1, с. 141-143].

Многие социологи отдают первенство в иерархии общественно значимых функций семьи репродуктивной функции, определяя ее как первую и самую важную среди остальных предназначений семьи. Так, Ж.Т.Тоценко определяет общественную ценность семьи в «производстве и воспроизводстве» непосредственной жизни, воспитании детей, формировании их индивидуального сознания [2, с. 159]. При этом основная задача социологии семьи формулируется как «исследование процессов институционализации физического воспроизводства людей и определения места детей в системе родства» [3, с. 313].

Еще одной важнейшей функцией с позиций социоцентристского подхода выступает функция социализации, а также неразрывно связанная с ней функция инкультурации личности.

Прежде всего, через семью ребенок познает особенности социального устройства, усваивает базовые представления и нормы родной ему культурной среды и формируется как член конкретного культурно-исторического общества.

Социализация трактуется, как «процесс введения человека в систему социального функционирования общества: в разделение труда и функций, в нормы политической лояльности существующему порядку и социальной адекватности как члена социума, в систему разделения и исполнения разнообразных (по ситуации) социальных ролей, коды и языки социальной коммуникации, в знания, умения и навыки какой-либо специальности и т.д.» [4, с. 212]. Общество заинтересовано в полноценной социализации личности, в ходе которой она усваивает нормы и ценности социума, формирует и реализует свои социальные притязания, функционирует как основополагающий элемент общества, действия которого не противоречат общественным интересам и «включены» в общий контекст социальной и культурной динамики.

Средства социализации многообразны. Выделяют специальные средства социализации, которые составляют воспитание и образование (особенно профессиональное). Они формируются, исходя из интересов общества и государства, и выступают в рамках направленной социализации индивида. Наряду со специальными средствами социализации, существуют и обыденные, которые являются первичными и наиболее значимыми для процесса формирования личности. К таким средствам относится весь спектр взаимодействий с социальным окружением, к которым человек начинает прибегать с самого раннего возраста. Одним из наиболее значимых социальных институтов в процессе обыденной социализации выступает семья и ближайшее окружение человека. Именно в семье ребенок узнает, осознает и усваивает принятый в обществе порядок, разделение и воплощение социальных ролей, постигает особенности языка социальной коммуникации, вырабатывает навыки самопрезентации и самовыражения.

С социализацией неразрывно связан процесс инкультурации, заключающийся в придании «личности общей культурной компетентности по отношению к установлениям того общества, в котором она живет. Сюда входит освоение, прежде всего, системы ценностных ори-

ентаций и предпочтений, принятых в обществе, этикетных норм поведения в разных жизненных ситуациях, более или менее общепринятых интерпретативных подходов к различным явлениям и событиям, знакомство с основами социально-политического устройства государства и законопослушного поведения в нем, определенные познания в области национальных и словесных традиций, господствующей морали, нравственности, мировоззрения, обычаев, порядков, обыденной эрудиции в социальных и гуманитарных знаниях и т.п., знакомство с господствующей модой, стилями, символами, регалиями, неформальными статусными ролями национальных авторитетов, современными интеллектуальными и эстетическими течениями, политической и культурной историей данного народа, основными символами национального достоинства, гордости и пр.» [4, с. 212-213].

Средствами инкультурации так же, как и социализации, преимущественно выступает домашнее воспитание, общее образование, а также все многообразие взаимодействий личности с окружением. Отметим, что главную роль в процессе инкультурации играет семья и, в целом, круг общения человека. Во многом она зависит от уровня общей культурной компетентности родителей, а затем и педагогов дошкольных и школьных учреждений, которые непосредственно контактируют с ребенком и формируют его представления о мире культуры, как конкретного народа, так и в целом общие представления о многообразии мира культуры и способах межкультурного взаимодействия. Именно в силу большого субъективизма процесса инкультурации, определенного доминирующим значением в нем семьи, и объясняется многообразие культурных представлений и значительное расхождение интерпретаций и оценок культурных текстов национальных культур, которые демонстрируют члены одного и того же общества, живущие в одну и ту же историческую эпоху.

Еще одной функцией семьи, определяемой, как значимая, с позиций социоцентристского подхода является хозяйственная функция, связанная с производством и потреблением. Для доиндустриального (аграрного) типа социума характерно понимание семьи как производящей структуры, которое затем утрачивается с развитием производства и общества в целом. В настоящее время хозяйственная функция семьи

может рассматриваться шире – как экономическая, обеспечивающая финансово-экономическую устойчивость семьи за счет совместной деятельности ее членов.

Помимо вышеперечисленных социально значимых функций семьи можно также указать на воспитательную функцию, которую традиционно выполняет семья и значимость которой для нормального функционирования и позитивного развития общества трудно переоценить. Именно в семье, усваивая принятые в том или ином обществе ценностно-смысловые ориентиры и поведенческие модели, человек в детстве формирует свое внутреннее «Я», которое будет проявляться всю его жизнь. Освоение в процессе воспитания основополагающих нравственных принципов, норм поведения в обществе, правил взаимодействия в процессе коммуникации с другими людьми – это основные моменты процесса воспитания, которые усваиваются ребенком естественным образом в ходе обыденной практики жизнедеятельности в семье. Огромную роль играет личный пример родителей и родственников, демонстрирующих то или иное отношение и поведение в различных жизненных ситуациях. Очевидным является и то, что ответственность за воспитание ребёнка лежит на семье, как первичной малой социальной группе, составляющей основу общества.

Безусловно, перечисленные функции семьи, выделяемые, как доминирующие, с позиции социологического подхода не являются исчерпывающими, и могут быть многократно дополнены. Однако целью представленного исследования не является исключительно анализ функций семьи. Поэтому, назвав и раскрыв ведущие из них при первом подходе, обратимся к антропоцентристской трактовке функций семьи, основанной уже не на исключительной ориентации семьи на потребности общества, а выдвигающей на первый план личностные потребности и желания человека, вопросы межличностного взаимодействия.

При данном подходе особую значимость обретает социально-психологический анализ семьи, при котором она трактуется как малая социальная группа, члены которой объединены общей социальной деятельностью и находятся в непосредственном личном общении, что является основой для возникновения эмоциональных отношений, групповых норм и групповых

процессов [5]. Схожее понимание сущности семьи содержится в работах ряда отечественных ученых (С.И. Голод, Т.А. Гурко, И.С. Кон, М.Ю. Арутюнян и др.) и позволяет рассматривать проблемы семьи сквозь призму межличностных отношений. Однако взаимодействия в семье нельзя сводить лишь к межличностным контактам, так как во многом они обусловлены с нормами, ценностями и образцами поведения, распространенными в обществе.

Вернемся к анализу доминирующих функций семьи с позиций антропоцентристского подхода. Американские социологи У. Бар, Р. Льюис и Г. Спанье обратили внимание на необходимость преимущественно индивидуалистической трактовки успешности семьи и качества брака. Главным в ней должны были стать достижение поставленных индивидами целей, высокий уровень супружеских отношений и супружеского счастья, достижение высокой степени психологической комфортности семейной жизни. В данной концепции особую значимость предавали коммуникативной и сексуальной функциям семьи [6, с. 142].

Такой подход акцентирует значимость эмоциональной жизни членов семьи, выделяя функцию удовлетворения членами семьи потребностей в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите; функцию духовного общения (удовлетворение потребностей в совместном проведении досуга, взаимном духовном обогащении).

При антропоцентристском подходе воспитательная функция трактуется как удовлетворяющая потребности в отцовстве и материнстве, контактах с детьми, их воспитании, самореализации в детях.

Как социологическая, так и антропоцентристская трактовка феномена семьи абсолютизируют одни функции семьи и умаляют другие, не менее значимые. В этом проявляется их существенная ограниченность, так как для современного понимания, как общества, так и человека характерно их рассмотрение в неразрывном единстве, основанном на многообразии форм взаимодействия людей. Этот принцип является основой антропосоциетального подхода, предложенного Н.И. Лапиным [7, с.25-34]. При таком ракурсе анализа семья рассматривается одновременно сквозь призму макро- и микро- уровней в жизни общества, во взаимосвязях

объективного и субъективного начал социума, учитывая значимость для семьи всех трех компонентов: человек-культура-общество (социум).

При таком подходе одной из наиболее значимых и масштабных выступает социокультурная функция семьи, реализация которой обеспечивает благоприятные условия для самореализации и саморазвития членов семьи (супругов и их детей). Сущностная трактовка социокультурной функции семьи связана с концепцией «культуры согласованно действующей группы людей» (семьи) (А.И. Антонов, В.М. Медков). Ориентация на проблемы культуры семейных отношений нашла отражение в работах ряда социологов (А.Е. Гущина, Л.Н. Коган, Л.Л. Рыбцова и др.), где понимание социокультурной функции семьи напрямую связано с концепцией культуры. Переход от одного представления (семья – ячейка общества) к другому (семья – самооценочность), их сочетание – процесс сложный и противоречивый.

Для современной социологии семьи характерно одновременное существование ряда направлений исследования феномена семьи, наиболее значимыми из которых являются: неопозитивистский функционализм, теория конфликта, феминизм и символический интеракционизм [8]. При этом, с позиций функционализма семья представляет собой стабильный элемент общества, связанный с ним своими функциями. Данный подход выделяет функции семьи и социальные потребности, которым она служит, рассматривая их в контексте культурно-исторической динамики и отмечая произошедшие изменения. Так, за последние 200 лет семья утратила функции исключительного совместного трудового объединения и её члены получили возможность трудиться вне дома. Еще одним радикальным изменением является введение системы массового образования, которое кардинально изменило процессы социализации, увеличив число и разнообразие общественных институтов, выполняющих эту важнейшую функцию семьи.

Сторонники теории конфликта, критикуя функционализм, придают главное значение изучению возникающих конфликтов между членами семейного союза с одной стороны и семьей и обществом – с другой: семья рассматривается как микрокосмос, отражающий общественные конфликты. С теорией конфликта непосредственно связана гендерная теория семьи, отражающая трансформацию семейных ролей

и ведущая своё начало от феминистических теорий пола. Феминистическая парадигма базируется на утверждении равных возможностей для мужчин и женщин, утверждая существование двух типов пола – биологического и социального. И, если биологический пол остаётся с течением исторического времени неизменным, то социальный пол напрямую зависит от принятых в обществе норм поведения, социальных ролей и социального статуса мужчин и женщин, которые заметно изменяются в историко-культурной перспективе. Еще одно направление исследования семьи связано с символическим интеракционизмом, изучающим поведение личности (интеракция – взаимодействие). Основоположник интеракционистской теории Г.Мид утверждал, что общество и его структуры можно изучать только с точки зрения поведения людей, предопределяемое символами, знаками, нравственными ценностями, ориентирами, которые изменяются вместе с трансформацией общества. В русле интеракционистской идеи развивается социологическая теория обмена, согласно которой взаимодействие людей это – обмен ценностями, имеющими социальную значимость. Одним из видных представителей этого направления является американский социолог Эрнст Бэрджесс, который пришел к выводам о том, что нестабильность семейных отношений, несоответствие образцов семейного поведения принятым в обществе нормам и ценностям свидетельствует о процессе качественных социальных изменений [8].

Учитывая изложенные выше положения, формулируем основные выводы относительно отражения функций семьи в её культуре.

1. В контексте социологии культуры семья может рассматриваться как целостность, обладающая признаками субкультурного образования и выступающая основным социальным механизмом сохранения традиций и трансляции ценностно-смыслового комплекса культуры определенного народа социума, группы.

2. Наибольшей эвристичностью обладает социокультурный подход к анализу феномена семьи, которая выступает, с одной стороны, как отражение мира культуры, а с другой – как полноценный субъект культуры.

3. Сельская семья, как объект исследования социологии культуры, занимает особое место, наиболее явно выражая характеристики общественных трансформаций и их последствия, са-

мые резкие и значимые из которых произошли с российским обществом за последние сто лет [9]. Именно на примере сельской семьи, как части российского общества и малой социальной группы, можно отчетливо проследить этапы культурно-исторической динамики России, выделив их характерные черты.

4. Культура семьи – это семантическое единство, исторически сформировавшаяся ценностно-смысловая целостность, которая проявляется в повседневной практике членов семьи, передается из поколения в поколение в рамках обыденного уровня культуры и подвергается изменениям под воздействием внешних и внутренних факторов [10, с. 244].

5. Сельская семья играет определяющую роль в создании необходимых условий для жизни и воспитания детей, в организации их досуга, поскольку сельская местность предоставляет меньше инфраструктурных возможностей для проведения свободного времени. Культурно-досуговая жизнь сельской семьи менее насыщена по сравнению с горожанами как по причине отсутствия или отдаленности учреждений сферы культуры, досуга, спорта, так и занятости в домашнем хозяйстве.

6. Оценки качества жизни современной сельской семьи отражают социально-экономические и общественно-политические процессы, происходящие в стране. Социологические опросы и комплексные исследования показывают устойчивый тренд позитивного движения настроений от растерянного состояния в 1990-х годах – к более осознанному восприятию действительности и стремлению к изменениям условий труда и быта на селе. На фоне естественной убыли сельского населения наблюдается градация территорий по привлекательности для жизни и работы, что подтверждают направления миграционных потоков.

7. Культура сельской семьи подвергается сильному воздействию извне посредством массовой культуры, средств массовой коммуникации, сохраняя при этом более традиционный уклад жизни и ценностно-смысловые ориентации.

8. В условиях системных трансформаций, происходивших в России с начала 1990-х годов, на селе спонтанно появляются и постепенно закрепляются механизмы адаптации к общественным переменам. Культура семьи подвергается серьезному воздействию внешних факторов, демонстрируя достаточно высокий уро-

вень своей устойчивости.

9. Происходит глубинная трансформация образа и уклада сельской жизни, влияющая на культуру семьи. Особая роль в сохранении и позитивном развитии культуры сельской семьи принадлежит социальной и культурной политике государства, способной реально влиять на качество жизни сельского населения.

Таким образом, прослеживается актуализация социокультурного подхода к анализу феномена семьи, которая выступает, с одной стороны, как отражение мира культуры, а с другой – как полноценный субъект культуры.

Литература

1. Кравченко Ю.В. Основные социологические концепции осмысления устойчивости молодой семьи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. Вып. 4. С. 141-143.
2. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М., 2001. С. 159.
3. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М., 1999. С. 313.
4. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический проект, 2002. 492 с.
5. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980. 416 с.
6. Кравченко Ю.В. Основные социологические концепции осмысления устойчивости молодой семьи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. Вып. 4. С. 142.
7. Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 3. С. 25–34.
8. Черняк Е. М. Социология семьи – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2004. – 238 с.
9. Купцова И.А. Культура русской провинции: динамика в контексте общественных трансформаций (вторая половина XIX – начало XXI века). М.: МГТУ им. М.А.Шолохова, 2010. 169 с.
10. Полуцыган А.А. Культура сельской семьи в условиях динамики российского общества: ракурсы современного анализа // Социология. 2018. №3. С. 244

Молодежное движение как инструмент социализации гуманизма

Решетников В. А.

Подчеркивается актуальность исследования интегративных возможностей молодежного движения. Молодежь рассматривается через призму поколенческого и цивилизационного подходов. Отмечается переходный характер современной ситуации с молодежным движением в мире. В полной мере это относится и к ситуации современной России. Констатируется необходимость принципиальной смены типа государственной молодежной политики. Приводятся результаты эмпирического исследования, в котором приняли участие 3500 студентов вузов Западной и Восточной Сибири, а также Дальнего востока. Целью исследования было изучение базовых принципов социализации современного гуманизма в молодежном движении.

Ключевые слова. Молодежь, поколение, государственная молодежная политика, модель, цивилизация, ценности гуманизма, мотивы социальной активности

Rechetnikov V. A., Irkutsk

Youth movement as an instrument of humanism socialization

The relevance of the research of the integrative opportunities of the youth movement is emphasized. Youth is viewed through the prism of generational and civilizational approaches. The transitional nature of the current situation with the youth movement in the world is noted. This fully applies to the situation of modern Russia. The necessity of fundamental change of the type of state youth policy is stated. The results of an empirical study, which was attended by 3,500 students of the universities of Western and Eastern Siberia and the Far East. The aim of the study was to study the basic principles of socialization of modern humanism in the youth movement.

Key word. Youth, generation, state youth policy, model, civilization, values of humanism, motives of social activity

Общеизвестной истиной считается то, что история движется сменой поколений. Каждое новое поколение осуществляет диалектический синтез традиций и модернизаций и поэтому, на каком то этапе, способно нарушить консолидацию общества, особенно в том случае, если общество не прислушивается к молодым людям. Иногда это принимает резкую форму революции. Вспомним молодежные бунты поколения 60 х годов прошлого века. И в наше время все крупные восстания, включая цветные революции, делались молодыми людьми, которые радикальны уже по своей психофизиологии и, вдобавок, легче поддаются пропаганде в силу малого жизненного опыта.

Поколенческая динамика – традиционный объект научного исследования. Уже одно перечисление работ образовало бы отдельный том. Наше внимание особенно привлекли работы исследователей на цивилизационном изломе 60х годов прошлого века- Маргарет Мид, Леопольд Розенмайр, Фридрих Тенбрук, Льюис Фойер, Гельмут Шельский. Свой вклад в теорию молодежи внесли Толкотт Парсонс, Юрген Хабермас, Эрик Эриксон, другие видные социальные философы, социологи, психологи. В России также проводились и проводятся крупные молодежные исследования. Достаточно назвать имена И. С. Кона, С. Н. Иконниковой, В. Н. Шубкина, В. Н. Боряза, В. Т. Лисовского, М. Х. Титмы, Ф. Р. Филиппова, В. А. Лукова, И. А Ильинского. Ими были сделаны основательные попытки концептуализации содержания и форм молодежных движений.

Если внимательно посмотреть на страновую специфику молодежного движения современности, то бросается в глаза его разнородность. Для обобщения выделяют некоторые модели молодежного движения и молодежной политики [1]. Это, например, американская,

европейская, азиатская модели. Однако, не все авторы отдельно выделяют европейскую и скандинавскую модели. В настоящее время концепции государственной молодёжной политики наиболее определённо различаются по вопросу о роли государства в обеспечении прав молодёжи. Концепция, реализованная в США, основывается на минимальном участии государственных структур в социализации молодёжи. Социальная поддержка молодёжи объявляется делом благотворительных частных организаций. Модель государственной молодёжной политики, характерная для Швеции, Финляндии, в значительной мере Германии и ряда других стран, напротив, основывается на особой роли государства, чёткой регламентации законом мер поддержки молодых людей и молодёжных организаций [3,6,7,8]. Между этими моделями — множество переходных вариантов, один из которых утверждается в России с начала 1990-х годов. Нет смысла говорить о единой европейской модели молодежного движения в силу социокультурной разнородности самой Европы, например, разницы Восточной и Западной ее частей, английской и французской моделей и т.д. Классификация моделей, определение их специфики остается проблемной задачей.

Свою специфику имело и имеет российское молодежное движение. В послереволюционное время оно быстро обрело единый характер, и было представлено преимущественно комсомолом. История и развитие комсомола заслуживает отдельного рассмотрения. Отметим только, что через комсомол был реализован мощный идеологический и просветительский импульс развития и саморазвития человека. С другой стороны комсомол выступил эффективной формой интеграции и консолидации молодежи для решения общественно значимых проблем.

В настоящее время российское молодежное движение изменило свою специфику. Возобладало представление о самоорганизации и плюрализме молодежного движения. В сущности, оно строится по американской модели через самопроизвольное развитие [2,5,4,6,13,14]. В итоге молодежное движение малочисленно и раздроблено. В идейном отношении отражает общий духовный кризис общества.

Можно сделать промежуточный вывод о зависимости типа или модели молодежного движения от цивилизационной специфики. Име-

ется в виду цивилизация как определенный и важный этап общественного развития, противостоящий варварству. В основе современных цивилизаций лежит принцип технэ, индустриализма. Именно цивилизация нуждается в консолидации общества через объединение поколенческих ценностей. Однако доминирующая европейская цивилизация оказалась в ситуации крупного духовного кризиса. 179 глав государств и правительств подписали в 1992 году в Рио-де-Жанейро Декларацию «Повестка на XXI век», в которой согласились, что парадигма развития человечества полностью исчерпала себя (либерализм), которой оно следовало последние столетия. В последнем докладе эксперты Римского клуба пришли к выводу, что смена парадигмы мирового развития неизбежна.

Постперестроечная Россия разделила переходность в полной мере. Возможно и в более острой форме. Вопросы экономического благоустройства и материального достатка выступают на первый план [9,10,11,12].

Возрождение смысла развития истории через консолидацию поколений в условиях России возможно только через возрождение сильной государственной молодежной политики. Это обусловлено рядом факторов, в особенности сильнейшей территориальной, этнической и религиозной дифференциацией населения. Интегративной идеей может выступить концепция политической нации или государственной идеология.

На сегодняшний день молодежная политика развивается по остаточному признаку. Ее признание другими органами власти носит символический характер. Нет понимания, что молодежная политика должна быть интегрирована во все социальные и политические процессы. Все это приводит к недооценке системы воспитания обществом в целом.

В связи с этим возможной опорой представляется идея И. М. Ильинского о субъектности молодежи как носителя новых культурно цивилизационных начал. По его мнению, следует опереться на субъектность молодежи и тем самым вытянуть систему в целом. Современное общество должно открыть молодежь как субъект истории как исключительно важный фактор перемен, как носителя новых идей и программ, как социальную ценность особого рода, — таков, по И. Ильинскому, путь к управ-

лению обществом в новых условиях.

В недрах цивилизации (окостеневшей культуры?) всегда зреет новая культура, которая как кокон бабочки вызревает для прорыва постепенности и устойчивости. Лишь в последние годы стала вырисовываться более - менее стабильная картина частично сформировавшейся идеологии, которую часто обозначают как либерально – консервативную. Крепнет простая идея о том, что нельзя тотально отвергать прошлое, а надо объективно и с научных позиций изучать его. Несомненно, что консолидации общества будет способствовать изучение социального опыта работы комсомола.

Однако все эти идеи нуждаются в организационном оформлении и стимулировании, в понимании со стороны властных структур.

С этой целью мы провели собственное исследование, целью которого было изучение базовых принципов социализации современного гуманизма в молодежном движении. Для этого провели опрос 3500 студентов вузов Западной и Восточной Сибири, а также Дальнего востока. В опросе приняло участие 62% девушек и 38% юношей в возрасте от 16 до 24 лет. Все они являются студентами 1-4 курса бакалавриата или 1-2 курса магистратуры, обучаются на разных специальностях (35% на социальных и гуманитарных, 28% на технических и 37% на естественно-научных специальностях).

Из всех опрошенных 64% состоит в институционализированных формах молодежного движения (отряды добровольцев и волонтеров, скауты, КВН-щики, клубы интеллектуалов и спортивные секции), 36% не являются активными членами каких-либо студенческих молодежных организаций, просто обучаются в вузах.

Применяя ценностную шкалу, мы выявили наиболее значимые личные и социальные ориентиры молодежи (см. табл. 1).

Только такая ценность как «ответственность» одинаково важна для двух рассматриваемых групп. Но возникает вопрос в каких сферах или областях ответственность проявляется в поведении каждого молодого человека. Если среди участников молодежного движения (вне зависимости от формы и контекста) – это ориентир на внешнее окружение (защита природы или прав человека, помощи тем, кто в ней нуждается и так далее), то для второй группы в большей степени доминируют мотивы личной выгоды

Таблица 1

Сравнение личных и социальных ориентиров молодежи (в %)*

*Можно было выбрать до 3-х качеств

Качества	Участники институционализированных форм молодежного движения	Студенты не участвующие в институционализированных формах молодежного движения
Ответственность	50	50
Социальная эмпатия	76	24
Патриотизм	82	18
Альтруизм	57	43
Эгоизм	41	59
Социальная активность	89	11
Карьеризм	58	42
Известность	37	63

(получение известности в определенных кругах, построение карьеры и так далее – см. табл. 1).

«Социальная эмпатия» 76% и 24%, «патриотизм» 82% и 18%, «социальная активность» 89% и 11% – отличаются в рассматриваемых группах в три-четыре раза. Это позволяет нам судить о том, что участие в молодежном движении развило (или усилило) имеющиеся практически у всех людей качества социального служения, нашло способ и возможность реализации идей и принципов гуманизма через работу в конкретной некоммерческой организации или общественном движении или инициативной группе. В любом случае, молодых людей, участвующих в молодежном движении объединяет четкая связующая линия как между собой, так и внутри той территории, где они живут, с той страной, где они Родились. А это уже принципы патриотизма находят новые формы воплощения и реализации.

Во время Советского союза данные функции выполнял комсомол, организуя общественную работу молодежных отрядов в разных сферах жизни (от молодежныхстроек, благодаря чему освоили территории Сибири и Дальнего востока, построили города и производства; до индивидуального наставничества и лично-

Таблица 2

Мотивы участия или не участия в молодежном движении (в %)*

*Ответы приводились в форме открытого вопроса, мы сгруппировали ответы по ключевым смысловым блокам

Участники институционализированных форм молодежного движения	
Готовность внести вклад в общее дело	23
Желание помогать тому, кому больше некому помочь	27
Сделать мир лучше	24
Оставить след после себя	26
Студенты не участвующие в институционализированных формах молодежного движения	
Не вижу смысла в этой деятельности	37
У меня другие цели	23
Я думаю сначала о себе, потом о других	29
Каждый может заботиться о себе, если у кого-то это не выходит, то я тут не при чем	11

го роста отдельных граждан). Прививалась личная ответственность не только за свое будущее, но и за будущее тех, кто находится рядом.

Современные формы молодежного движения преследуют по сути те же цели, но из-за ограниченности ресурсов масштаб пока не тот, но в любом случае — изменения в общественном сознании молодежи очевидны.

В табл. 2 нами проанализированы личные мотивы участия или неучастия в молодежном движении.

Как видим, мотивами участия в молодежном движении являются внутренние убеждения и ориентиры, позволяющие молодому человеку делать выбор в сторону социального служения и личного развития или же концентрироваться на личных мотивах достижения и реализации, что выработывает совсем иные стратегии личной реализации.

Мотивами для тех, кто не участвует в молодежном движении, выступают прагматичные, а порой и весьма циничные критерии и оценки участия в молодежном движении.

На наш взгляд, перспективы развития молодежного движения в России достаточно перспективны и могут стать основой для пересмотра не только личной и социальной активности молодежи, но и формирования на новых принципах и основах государственной молодежной политики, патриотического воспитания и гуманизма во всех формах его реализации.

Литература

1. Дружинин Г.В. Справедливость правосудия в России // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. 2018. С. 870-872.

2. Завьялов А.В. К вопросу о месте гуманитарных наук в образовательном процессе // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2017. С. 51-57.

3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.

4. Полюшкевич О.А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. №6. С. 3-18.

5. Полюшкевич О.А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. Серия: Философия. Культурология. 2017. Т.12. № 1. С. 67-75.

6. Решетников В.А. Молодежное движение как следствие и предпосылка консолидации общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск. 2018. С. 7-10.

7. Решетников В.А., Полюшкевич О.А., Федчин В.С. Основные направления социального образования // Социодинамика. 2016. № 4. С. 52-58.

8. Решетникова Е.В. Взаимосвязь социальной политики и социального образования в пространстве регионального развития // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 22. С. 149-154.

9. Скуденков В.А. Гендерные особенности социально-экономических притязаний (на примере городских жителей Иркутской области) // Урбанистика. 2018. № 2. С. 50-58.

10. Скуденков В.А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 118-122.

11. Скуденков В.А. Представления россиян о благосостоянии и успехе в период экономических санкций // DIXI — 2017 : идеи, гипотезы, открытия в социально- гуманитарных исследо-

ваниях сборник научных трудов. Хабаровск, 2017. С. 135-141.

12. Скуденков В.А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82-84.

13. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. 261 с.

14. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

Профилактика синдрома выгорания в процессе профессиональной подготовки социальных работников

Гомцян О.А., Морева Я.А.

В статье сказано о необходимости внедрения новых способов и методов по предупреждению профессионального выгорания в период обучения в вузе. Психологическая подготовка будущих специалистов по социальной работе к профилактике профессионального выгорания рассматривается как ресурс повышения качества их профессионального и личностного развития. Рассмотрены взаимосвязанные компоненты, которые направлены на профилактику профессионального выгорания в процессе учебной подготовки будущих специалистов по социальной работе.

Ключевые слова: «эмоциональное выгорание», «профессиональное выгорание», «профессиональные деструкции», «профессиональные деформации».

Gomtsyan O.A., Moreva Ya.A.

Prevention of a syndrome of burning out in the course of vocational training of social workers

The article describes the need of integration of new ways and methods of prevention of professional burnout during the period of study in University. Psychological training of future social work specialists for prevention of professional burnout is reviews as a resource of improvement of the quality of their professional and personal development. Here are reviewed interrelated components that aim for prevention of professional burnout during the preparation the future social work specialists.

Keywords: «emotional burnout», «professional burnout», «professional destructions», «professional deformation».

Одной из форм профессиональной деформации является эмоциональное выгорание, за последние годы многие научные работы и исследования были посвящены изучению данной проблемы. В таких научных работах и исследованиях раскрывается содержание понятий «профессиональная деформация», «эмоциональное выгорание», «профессиональное выгорание», рассматриваются признаки, факторы, этапы и возможности профилактики профессиональной деформации. Однако, следует заметить, что мало сказано о необходимости внедрения новых способов и методов по предупреждению профессионального выгорания в период обучения в вузе.

Источником эмоционального выгорания выступает хронический стресс: постоянное переживание стрессов приводит к внутреннему накоплению отрицательных эмоций; отсутствие возможности «освобождения» от них приводит к эмоциональному выгоранию — истощению эмоционально-энергетических и личностных ресурсов работающего [1]. Эмоциональное выгорание выступает своеобразным выработанным механизмом психологической защиты, который позволяет человеку полностью или частично исключить эмоции в ответ на психотравмирующие воздействия.

По мнению известного австрийского психотерапевта, основателя современного экзистенциального анализа Альфрида Лэнгле существует два вида выгорания: легкий и хроничес-

кий [2]. Легкое выгорание проявляется на уровне физиологической и психологической реакции организма на чрезмерное перенапряжение. Мы считаем, что многие из нас встречались с симптомами данного вида выгорания, самые распространенные из них – раздражительность, расстройство сна, снижение мотивации, отсутствие желаний и т.д. Зачастую легкое выгорание появляется вследствие выполнения трудоемкой работы (это может быть подготовка к экзаменам, написание научной работы, работа над проектом, воспитание маленьких детей, кризисные ситуации на работе и т.д.). Однако, стоит трудной ситуации завершиться – симптомы исчезают. Помочь преодолеть легкое эмоциональное выгорание может дополнительное время отдыха, смена обстановки, занятия спортом.

Если же человеку не удается отдохнуть, потому что он всё время находится в состоянии напряжения, если он чувствует большую ответственность за проделанную работу, если он испытывает страх, вынужден постоянно контролировать все ситуации, то это приводит к перенапряжению нервной системы. Если напряжение становится хроническим, то выгорание выходит на уровень расстройства, т.е. это уже хроническое выгорание.

Факторов, вследствие которых возникает синдром профессионального выгорания, достаточно много, их можно разделить на две группы – субъективные и объективные. К объективным факторам относятся: производственные стресс-факторы (плохие физические условия труда, опасность для жизни и здоровья, нехватка времени, ролевые конфликты, ответственность за людей, плохие отношения в коллективе и т.д.). К субъективным факторам относятся индивидуальные особенности личности работающего.

Индивидуальность человека – это его особенности как биологического индивида (индивидуальные качества), его характеристики как социального индивида и его личностные особенности.

а) Индивидуальные качества в силу своей биологической обусловленности не могут подвергаться радикальному изменению, их необходимо принять и учитывать при выборе деятельности. Желательно, чтобы в процессе выбора профессии данные черты были диагностированы и

учитывались бы при поступлении в вуз. В психолого-педагогической литературе есть мнение, что «группу риска» по профессиональному выгоранию составляют сотрудники, которым по роду своей деятельности приходится много контактировать с людьми. Ситуация может заметно усугубляться, если эти сотрудники относятся к интровертированному типу личности, так как нам известно, что индивидуально-психологические особенности интровертов не согласуются с требованиями, которые предъявляются к личности коммуникативной профессии.

Однако, нежелательное влияние индивидуально-психологических качеств интроверта на продуктивность профессиональной деятельности можно компенсировать посредством создания индивидуального стиля профессиональной деятельности.

б) К характеристикам индивидуальности социального индивида относятся: знания, умения, навыки, профессиональная компетентность, способности человека. В «группе риска» по профессиональному выгоранию могут оказаться даже молодые специалисты, которые при выполнении ответственной работы почувствовали свою профессиональную некомпетентность. Зачастую это происходит после того как молодые специалисты, которые полны энтузиазма и новых идей не находят поддержки со стороны работодателей, которым эти новшества оказываются не интересны.

в) Среди личностных особенностей, которые выступают как факторы эмоционального выгорания, можно отметить мягкость в общении, склонность к сопереживанию, а также переживанию внутриличностного конфликта, связанного с профессиональной деятельностью.

Представителям разного рода профессий на различных этапах профессионального становления, а также студентам и школьникам необходима квалифицированная помощь психолога, который бы осуществил своевременную диагностику и профилактику профессионального выгорания. В данном контексте одним из способов повышения профессионального развития является психологическая подготовка будущих социальных работников к профилактике профессионального выгорания. Работа в данном направлении только помогает в дальнейшем самим специалистам диагностировать их профессиональное выгорание, но и обеспечивае-

тих психологическую подготовку к диагностике и профилактике данного феномена в их будущей профессиональной деятельности.

Также хотелось бы отметить роль преподавателя вуза в становлении личности будущего специалиста: профессиональные деструкции, которые имеются у преподавателей, транслируются студентам в форме моделей поведения и установок. Из сказанного следует, что профессиональное выгорание оказывает негативное влияние не только на психическое здоровье самого педагога, но и на личность студента. Преподаватели являются наиболее уязвимой группой с точки зрения профессионального выгорания, в виду следующих факторов:

- интенсивность труда;
- возрастающие требования общества к их профессиональным качествам;
- жесткий контроль;
- высокая насыщенность трудового дня объемом;
- необходимость быстрой адаптации к новым людям и быстро меняющимся профессиональным ситуациям.

Для того чтобы снизить риск профессионального выгорания среди преподавателей вуза, необходимо проводить следующую профилактическую работу:

- диагностировать профессиональное выгорание и разрабатывать индивидуальные стратегии его преодоления;
- организовывать тренинги профессионального и личностного роста;
- научить преподавателей способам и приемам саморегуляции и аутокоррекции профессионального выгорания.

Многими психологами и теоретиками отмечено, что выраженность проявлений эмоционального выгорания у студентов усиливается от курса к курсу. Начиная с конца первого курса, студенты в процессе учебной и производственной практики включаются в профессиональную деятельность. Во время прохождения практики студенты не всегда испытывают позитивный профессиональный опыт, отдельные индивиды переживают воздействие разнообразных психотравмирующих факторов. Также отдельные студенты к четвертому курсу уже начинают работать, что способствует увеличению физической и психологической нагрузки.

Исследование, которое было проведено нами в 2017 году на базе КубГУ среди студентов

3 курса направления 39.03.02 «Социальная работа», показало, что у 90% анкетируемых студентов выявлены средние показатели выгорания, у 63% был зафиксирован средний уровень эмоционального истощения, у 80% – средний уровень деперсонализации. Данные результаты говорят нам о том, что необходимо оптимизировать процесс профессионального и личностного развития студентов. Поэтому необходима психологическая подготовка студентов, целью которой будет состоять в профилактике синдрома профессионального выгорания. Следует организовать и провести групповую и индивидуальную работу со студентами, как при профессиональной подготовке, так и для профессиональной ориентации при поступлении, которая бы была направлена на профилактику и преодоление профессионального выгорания.

Одно из важнейших условий успешности личностного и профессионального развития специалиста по социальной работе – осуществление профилактики профессионального выгорания, а также умение осуществлять профилактику собственного профессионального выгорания. Профилактика и преодоление профессионального выгорания среди специалистов по социальной работе направлена на увеличение и пополнение их личных ресурсов. Однако профилактические мероприятия могут быть разработаны только после личной своевременной самодиагностики, которая осуществляется благодаря адекватной профессиональной рефлексии. Профессиональная рефлексия защищает специалиста от профессионального выгорания. Отмечено, что специалист по социальной работе, обладающий оптимальным уровнем профессиональной рефлексии характеризуется тем, что он:

- постоянно стремится к саморазвитию;
- способен контролировать свои собственные эмоции;
- является носителем положительных мотивационных установок;
- способен к профессиональной рефлексии.

Развитию профессиональной рефлексии будущих специалистов по социальной работе способствует:

- своевременное информирование студентов о детерминантах и симптомах профессионального выгорания;
- повышение значимости полученной профессии;

- психологическая поддержка и сопровождение [3].

Процесс формирования профессиональной рефлексии имеет прямое отношение к профессиональному саморазвитию личности, а также к формированию системы установок относительно собственной личности. В учебном процессе желательно использовать в качестве инструмента развития профессиональной рефлексии «Рефлексивный практикум», в результате которого у будущих специалистов будет сформирован качественно новый уровень понимания себя и другого человека.

Таким образом, профилактика профессионального выгорания в процессе учебной деятельности будущих специалистов по социальной работе включает такие взаимосвязанные компоненты, как:

1. Профилактика профессионального выгорания преподавательского состава вуза, который обучает будущих специалистов.

2. Профилактика профессионального выгорания студентов – будущих специалистов в области социальной работы.

3. Подготовка будущих специалистов в области социальной работы к распознаванию, профилактике и коррекции профессионального выгорания в своей будущей трудовой деятельности.

Литература

1. Вербицкий, А.А. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции / А.А. Вербицкий, О.Г. Ларионова. – Москва : Логос, 2009. – 336 с.

2. Лэнгле, А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности / А. Лэнгле. – Москва : Генезис, 2006. – 84 с.

3. Неруш, Т.Г. Профессиональная рефлексия как механизм профилактики выгорания психологов / Т.Г. Неруш // Психология и экономика. – 2008. – Т. 1. – № 1–2. – С. 70–75.

Социальная ответственность бизнеса в социологическом дискурсе

Игумнов О.А.

Несмотря на то, что дискуссии о социальной ответственности бизнеса ведутся с середины XX века, а деятельность компаний в области корпоративной социальной ответственности (КСО) в настоящее время широко распространена и институционализована, социологическая теория уделяет ей ограниченное внимание. Проведённый анализ показал, что современный социологический дискурс основан преимущественно на положениях критической социологии. Взаимоотношения бизнеса и общества рассматриваются, как правило, как antagonistic, а деятельность компаний в области КСО – лишь как маскирующая глубинные противоречия, являясь формой их симуляции восприимчивости к общественному давлению. Однако подтверждённое разнообразие социально-экономической среды, а также целей и ценностей в области КСО на индивидуальном, корпоративном и национальном уровне, позволяет сделать вывод об ограниченности критического подхода и необходимости более сфокусированного анализа культурных и институциональных факторов социальной ответственности бизнеса.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, устойчивое развитие, критическая социология

Igumnov O.A.

Social responsibility of business in sociological discourse

Despite active discussions on businesses' social responsibility since the mid of 20 century, as well as contemporary institutionalization of CSR (corporate social responsibility), sociological theory pays little attention to the problem. It is shown that contemporary sociological discourse on CSR is mainly based on the critical paradigm. Within it the business-society relationship is considered as antagonistic, whereas companies' CSR activities mask the contradictions and only simulate responsibility to public pressures. However, the confirmed fact of the diversity of both the socioeconomic contexts, goals and values underlying CSR at the individual, corporate and national levels, lead to the conclusion that the critical approach has important limitations. Thus, a more focused sociological analysis of cultural and institutional factors of the social responsibility of business is needed.

Keywords: corporate social responsibility, sustainable development, critical sociology

Представление о том, что субъекты хозяйственной деятельности в рыночной экономике должны нести не только правовую ответственность перед своими контрагентами, но и более широкую, моральную ответственность перед обществом в целом, начало формироваться в середине XX века, преимущественно в области политической философии, экономики и управленческих наук [1]. Следствием многолетних дискуссий как о пределах подобной ответственности, так и о самой правомочности такой постановки вопроса, стало формирование современной теории корпоративной социальной ответственности (КСО) и множества её модификаций и ответвлений, таких как концепции корпоративной устойчивости, устойчивого развития, разделяемых ценностей, корпоративного гражданства и др. [2; 3].

Эволюция теории КСО может быть охарактеризована как переход от нормативной концепции, подчёркивающей деонтическую природу ответственности, к стратегической, согласно которой социально ответственное поведение обеспечивает долгосрочную устойчивость и конкурентоспособность компании. Современное понимание социальной ответственности исходит из того, что компания, учитывая не только интересы собственников, но и других заинтересованных сторон (работников, их семей, местных жителей, общественных организаций, общества в целом), обеспечивает более благоприятные внешние условия, облегчающие доступ к ресурсам, повышающие лояльность потребителей, снижающие деловые и регуляторные риски, а на организационном уровне – повышение качества менеджмента, разнообразия рабочей силы, рост возможностей компании [4].

С содержательной точки зрения, в понимании ответственности бизнеса перед обществом выделяют несколько аспектов:

- экономический (насыщение рынка качественными товарами и услугами как главная функция любого экономического субъекта);
- политико-правовой (соблюдение прав человека, соответствие требованиям законодательства, выполнение контрактных обязательств, противодействие коррупции);
- экологический (забота об охране окружающей среды, ресурс- и энергосбережение);
- этический (соответствие деятельности компании базовым ценностям, принятым в обществе);
- добровольный (решения, вытекающие из установок и ценностей самих собственников и менеджеров и не связанные с общественным давлением) [5; 6].

Теория КСО развивалась параллельно с формированием и институционализацией соответствующих социальных и управленческих практик. В настоящее время КСО является частью системы корпоративного управления большинства крупнейших компаний и сформировавшимся социальным институтом. Международными организациями разработан целый ряд стандартов в области КСО и социальной отчётности (ISO 26 000, AA 1000, GRI и др.), которые на добровольной основе применяются компаниями. Ежегодно крупнейшие корпорации публикуют, наряду с обязательными годовыми отчётами, так называемые нефинансовые отчёты. Независимые некоммерческие организации оценивают соблюдение компаниями принципов КСО, тем самым участвуя в формировании их репутации.

На фоне активных дискуссий по проблемам социальной ответственности бизнеса в экономической и управленческой литературе, а также успешной институционализации КСО, в социологическом дискурсе внимание к этой теме носит достаточно ограниченный характер. В исторической перспективе, крупнейшие социологические парадигмы, по сути, воспроизводили позиции, характерные и для экономико-управленческих дискуссий об отношениях между бизнесом и обществом середины – второй половины XX века. Так, в логике функционалистской парадигмы, экономические институты ответственны за экономическую стабильность и обеспечение системы материального воспроизводства социальной системы. В подходе Т. Парсонса это явно предполагается ссылкой на «адап-

тационную» функцию экономических институтов. В этом смысле социальная ответственность компаний сводится к надлежащему выполнению ими базовых экономических функций (производство и распределение товаров и услуг), что соответствует классической логике «главная задача бизнеса – это бизнес», предложенной М. Фридманом.

В рамках конфликтологической (критической) парадигмы социальная ответственность может рассматриваться лишь через призму классового конфликта, как идеологический концепт, маскирующий объективные противоречия в интересах различных социальных групп (собственников, работников, потребителей). Соблюдение же общественных интересов может быть лишь навязано компаниям извне как часть ограничений, накладываемых государством для поддержания минимального баланса интересов. В обоих случаях социологический анализ не выходит за рамки экономико-управленческих дискуссий.

Лишь относительно недавно социологическая теория начала изучать социальную ответственность бизнеса как таковую, с учётом фактического становления института КСО в современном обществе. Анализ современной социологической литературы, посвящённой проблематике КСО, показывает, что доминирующей позицией остаётся критическая социология, демонстрирующая крайне скептическое отношение к представлению о внутренней мотивации бизнеса к социально ответственному поведению.

В наиболее явном виде эта позиция сформулирована в работах специалиста в области социологии и менеджмента Субхабаты Банержи из университета Восточного Сиднея. Анализируя концепции КСО, устойчивого развития и корпоративного гражданства, он приходит к выводу, что характерная для них риторика эмансипации в действительности определяется узкими бизнес-интересами, а сами они являются идеологическими конструктами, цель которых – легитимация и концентрация власти крупных корпораций [7; 8]. Прямо критикуя популярный управленческий дискурс КСО как стратегического инструмента современного менеджмента, он сопоставляет идеологическую риторику КСО и реальность социальных, политических и экономических практик корпораций.

На примере крупнейших мировых ТНК, таких как Enron, Shell, Nike, Exxon др., С. Банерджи показывает, что, демонстрируя приверженность принципам КСО, имея соответствующие подразделения и регулярно публикуя нефинансовые отчёты, эти гиганты мировой экономики одновременно оказываются замешаны в массовом обмане потребителей, использовании, по сути, рабского труда жителей стран «третьего мира» и усилении глобального экономического неравенства.

Вывод индо-австралийского социолога заключается в том, что фундаментальное противоречие между интересами бизнеса и общества является неустранимым, КСО не действует в интересах сообществ и лишь маскирует участие компаний в разрушении экологической, социальной и политической среды. В более общем смысле он заключает, что никакой инструмент корпоративного уровня, каким является КСО, не может обеспечить социальные изменения, а потому не должен рассматриваться как социальный институт, потенциально способный обеспечивать долгосрочные интересы общества, даже чисто экономические.

Другие социологи критически анализируют широко распространённое представление о том, что социально-ответственное поведение компаний является следствием морального давления, которое общественность, посредством СМИ и социальных движений, оказывает на компании [9]. Например, Т. Бартли и К. Чайлд анализируют роль социальных движений в формировании политики компаний в области КСО [10]. На примере социального движения против использования западными компаниями азиатских «потогонных фабрик» авторы показывают, что само такое общественное давление носит избирательный характер, а фирмы имеют разную вероятность стать объектом обвинений. Исследователи, в частности, обнаружили, что наибольшая вероятность стать объектом общественного давления присуща компаниям, имеющим высокую репутацию и проводящим активные рекламные и брендинговые кампании, тогда как деятельность в области КСО, напротив, на такую вероятность не влияет.

В свою очередь, Р. Шамир показывает, что реакция корпораций на давление со стороны общественности представляет собой, прежде всего, противостояние в символическом про-

странстве и борьбу за интерпретацию смыслового содержания понятия социальной ответственности [11]. Более того, компании стремятся навязать такие интерпретации, которые им наиболее удобны, но которые, по сути, лишают концепцию КСО её трансформационного потенциала. Такая цель достигается, в частности, за счёт соблюдения формальных требований международных стандартов вместо содержательного следования принципам, на которых они основаны, а также деятельности некоммерческих организаций в области КСО, щедро спонсируемых корпорациями.

При всей ценности критического подхода, несколько компенсирующего популярный дискурс «социально ответственного бизнеса», необходимо указать на его важное ограничение. Критическая социология, фокусируясь преимущественно на деятельности американских корпораций, склонна воспринимать собственников и топ-менеджмент компаний в качестве однородной социальной группы. Являясь закономерным следствием принятия классовой теории в качестве исходного теоретического фундамента, такой подход лишен, как нам представляется, важных возможностей, которые предоставляет сравнительная перспектива.

Однако исследования показывают, что цели и ценности, которыми руководствуются лица, отвечающие за принятие ключевых решений в корпорациях, равно как и сами практики в области КСО, могут существенно различаться на индивидуальном, корпоративном и национальном уровне [12; 13]. Например, для таких стран, как США, приоритетными являются краткосрочные финансовые цели, тогда как для Китая важнее стабильность бизнеса в долгосрочной перспективе [12]. В странах, для которых особую важность имеют иерархические отношения, менеджеры в большей степени склонны использовать власть в личных целях и меньше думать об общественных интересах [13]. Даже внутри одной страны, для которой КСО является сравнительно новой практикой, существует разное понимание сущности социальной ответственности и разные модели её реализации, в зависимости от типа бизнеса или отраслевой специфики [14; 15].

Высокая вариативность целей и ценностей в области КСО, которым следуют компании в разных отраслях и странах, а также наличие

других институциональных факторов, оказывающих влияние на политику компаний (например, деятельность международных институтов и степень интернационализации экономики [16]) делают недостаточным социологический анализ, основанный исключительно на парадигме критической социологии. Хотя она сохраняет доминирующее положение в социологическом дискурсе, изучение современного института социальной ответственности бизнеса и практик КСО требует преодоления естественных ограничений классовой теории и более явного включения культурных и институциональных факторов деятельности компаний в глобальной социально-экономической среде.

Литература

1. Bowen H. Social Responsibilities of the Businessman. – New York: Harper, 1953.
2. Канаева О.А. Корпоративная социальная ответственность: эволюция теоретических взглядов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Экономика. – 2013. – №2. – С. 130-145.
3. Lee M.-D. P. A review of the theories of corporate social responsibility: its evolutionary path and the road ahead // International Journal of Management Reviews. – 2008. – Vol. 10. – P.53-73.
4. Aguinis H., Glavas A. What we know and don't know about corporate social responsibility: A review and research agenda // Journal of Management. – 2012. – Vol.38. – P.932-968.
5. Carroll A.B. A three-dimensional conceptual model of corporate social performance // Academy of Management Review. – 1979. – Vol.4. – P.497-505.
6. Dahlsrud A. How corporate social responsibility is defined: an analysis of 37 definitions // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. – 2008. – Vol.15. – P.1-13.
7. Banerjee S.B. Corporate Social Responsibility: The Good, the Bad and the Ugly. – Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2007.
8. Banerjee S.B. Corporate Social Responsibility: The good, the bad and the ugly // Critical Sociology. – 2008. – Vol.34. – P.51-79.
9. Besio C., Pronzini A. Morality, ethics, and values outside and inside organizations // Journal of Business Ethics. – 2014. – Vol.119. – P.287-300.
10. Bartley T., Child C. Shaming the corporation: The social production of targets and anti-sweatshop movement // American Sociological Review. – 2014. – Vol.79. – P.653-679.
11. Shamir R. The de-radicalization of Corporate Social Responsibility // Critical Sociology. – 2004. – Vol.30. – P.669-689.
12. Hofstede G. et al. What goals do business leaders pursue? A study in fifteen countries // Journal of International Business Studies. – 2002. – Vol.33. – P.785-803.
13. Waldman D.A. Cultural and leadership predictors of corporate social responsibility values of top management: A GLOBE study of 15 countries // Journal of International Business Studies. – 2006. – Vol.37. – P.823-837.
14. Zhang D. Corporate Social Responsibility in China: Cultural and Ownership Influences on Perceptions and Practices. – Singapore: Springer, 2017.
15. Исследование практики корпоративного управления в России: сравнительный анализ по итогам 2004-2014 гг. – М.: Российский институт директоров, 2015.
16. Lim A., Tsutsui K. Globalization and commitment in corporate social responsibility: Cross-national analyses of institutional and political-economy effect // American Sociological Review. – 2011. – Vol.77. – P.69-98.

Динамика реальной заработной платы как фактор формирования потребительских ожиданий

Камышенков Р.В.

В развивающейся рыночной экономике потребительские ожидания играют важную роль, так как они оказывают непосредственное влияние на формирование потребительского спроса, который в конечном счете играет определяющую роль в динамике внутреннего спроса и соответственно в ускорении или замедлении темпов экономического роста. Исследование потребительских ожиданий позволяет делать обоснованные прогнозы динамики спроса, так как они за несколько месяцев указывают на возможные изменения в экономическом развитии города, региона, страны.

Ключевые слова: экономическая социология, потребительские ожидания, потребительское поведение, индекс потребительской уверенности, опережающие индикаторы, реальная заработная плата

Kamyshenkov R.V.

Real wage's dynamics as the forming factor of consumer expectations. In a developing market economy, consumer expectations play an important role, since they have a direct impact on the formation of consumer demand, which ultimately plays a decisive role in the dynamics of domestic demand and, accordingly, in accelerating or slowing economic growth. The study of consumer expectations makes it possible to make well-founded forecasts of the demand, since they can indicate possible changes in the economic development of a city, region or country. Consumer expectations have been studied extensively and for a long time, and gradually consumer expectations gained more respect amongst sociologists and economists.

Keywords: economic sociology, consumer expectations, consumer behavior, consumer confidence index, leading indicators, real wages

Шведские экономисты (школа в Швеции в экономической теории конца XIX - первой половины XX в.) – первые, кто обнаружил, ссылаясь на работы А. Смита, Д. Риккардо, Дж. С. Милля, что ключ к государственному регулированию, заключался в воздействии на ожидания, в формировании планов экономическими агентами [1, с. 571-576].

Неоклассическая теория XX в. базировалась на том, что на потребительское поведение сильнее всего влияли уровень личных доходов и цены потребительского рынка. Роль потребительских представлений в теории Дж. М. Кейнса становится более значимой. Объективными факторами по Кейнсу, которые определяют склонность к потреблению, являются ожидаемое отношение текущего и будущего уровня доходов [2, с. 106-110].

Наибольшее внимание влиянию потребительских ожиданий на макроэкономические явления уделяется в рамках теории поведенческой или психологической экономики. Связь между психологией людей и макроэкономикой появляется, по мнению Катоны, благодаря тому, что в экономике, особенно современной, воздействие «объективных» условий на поведение людей неизбежно опосредуется их субъективными ожиданиями [3, с. 51]. Для изучения ожиданий, настроений и поведения потребителей по инициативе Дж. Катоны из Мичиганского университета (г. Энн Арбор) в 1946 г. начали проводиться первые опросы потребителей. А в 1950-е гг. группа исследователей Мичиганского университета под руководством Дж. Катоны разработала методику построения агрегатного индекса потребительских настроений [4, с. 73], которая и сегодня используется во многих странах.

Ключевым моментом для теории ожиданий стала публикация статьи в журнале «Экономет-

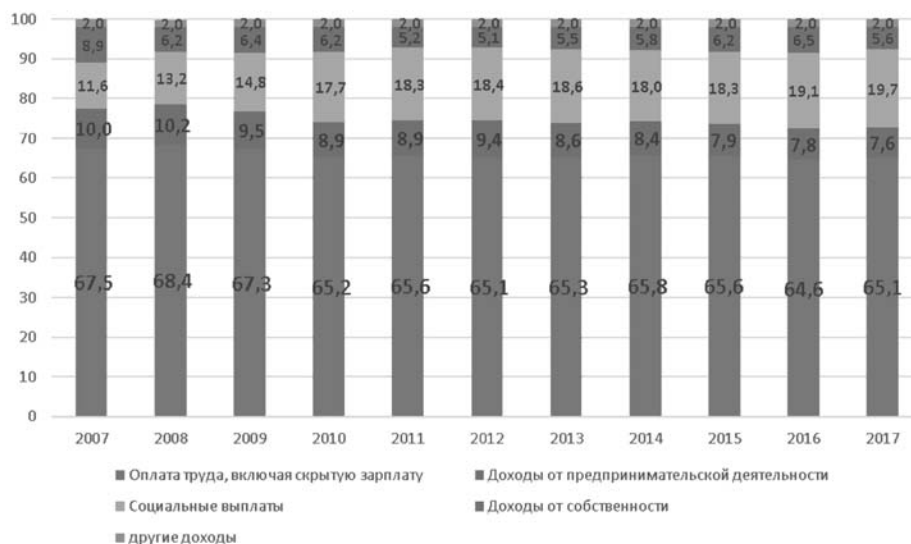

Рисунок 1. Динамика структуры денежных доходов населения, 2007-2017 гг., в %. Источник – Росстат

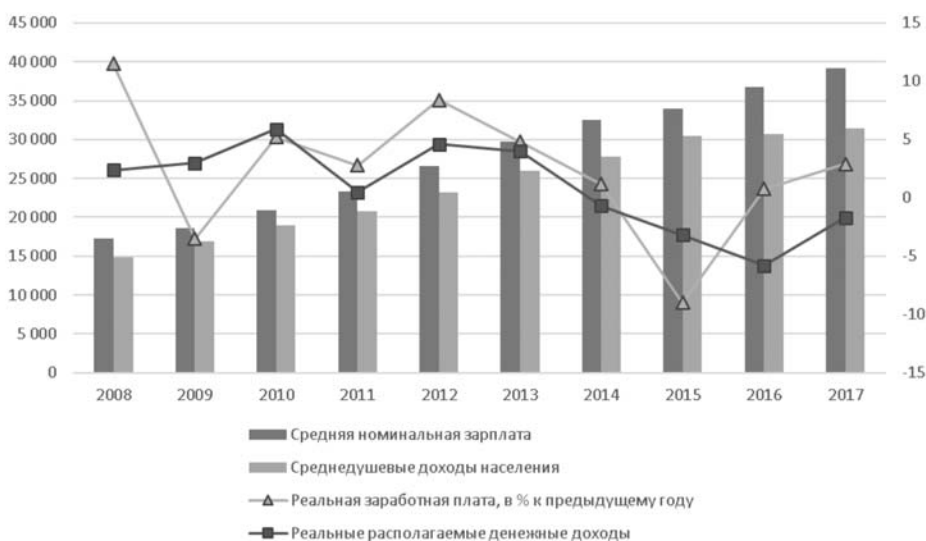

Рисунок 2. Годовая динамика заработной платы, располагаемых денежных доходов (в % к предыдущему году), 2008-2017 годы

рика» Джомом Ф. Муттом, в которой он ввел в оборот понятие «рациональные ожидания», согласно которому люди наилучшим образом используют имеющиеся у них ресурсы, чтобы достичь своих целей» [5, с. 316]. Под рациональными Дж. Мутт подразумевал «ожидания, складывающиеся не только с учетом информации прошлых периодов, а главным образом на основе всей имеющейся в определенный момент

времени информации о современном состоянии и перспективах» [5, с. 315].

В отечественной науке ожидания изучали: Балацкий Е.В., Екимова Н.А., Булгаков В.Н., Тощенко Ж.Т., Филина С.Ю., Гафаров Б.Н., Здравомыслов А.Г., Семенов С.К., Варьяш И.Ю., Зубец А.Н., Шульц Д.Н., Ибрагимов Д.Х., Якименко В. и др.

Оплата труда экономически активного населения в современной рыночной экономике

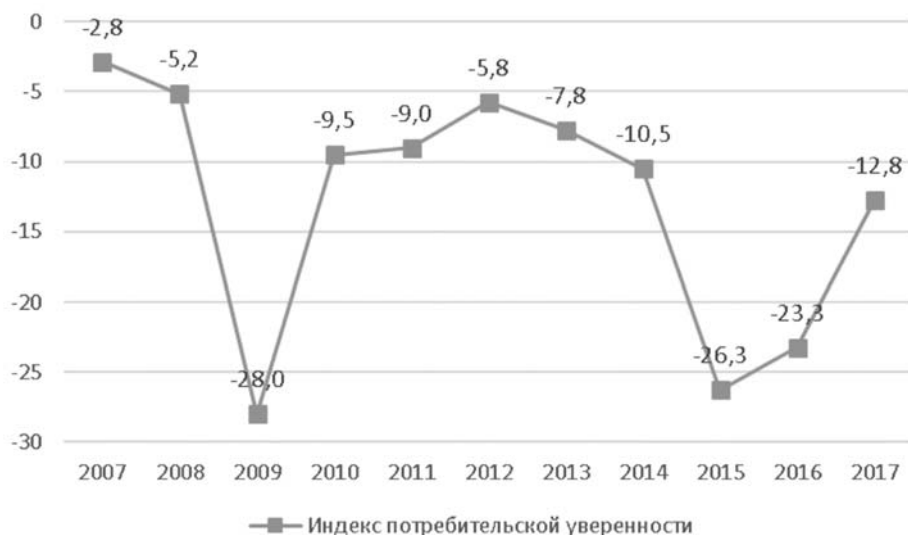

Рисунок 3. Динамика Индекса потребительской уверенности, 2007-2017 гг. Источник - Росстат

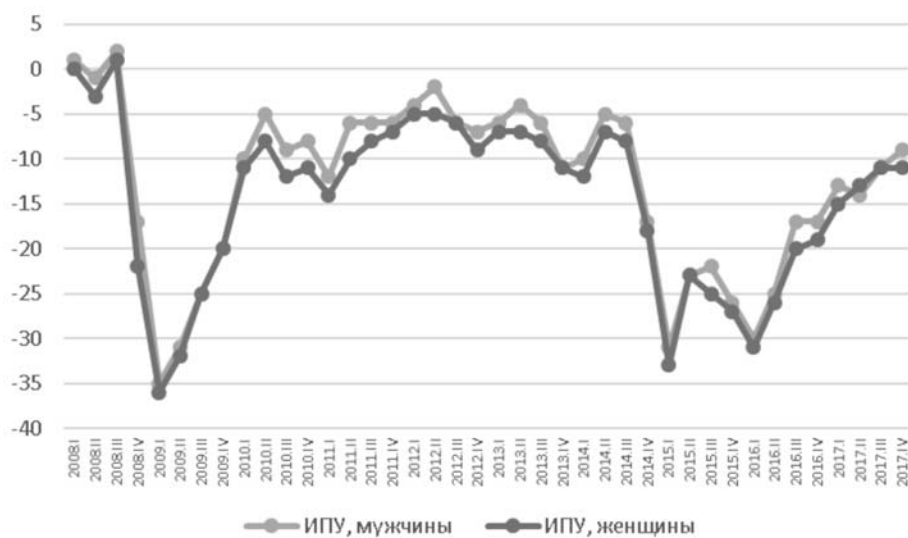

Рисунок 4. Динамика ИПУ, 2008-2017, мужчины/женщины. Источник – Росстат

играет важную роль. Величина оплаты труда формирует текущую потребительскую активность населения и будущее потребление через формирование потребительских ожиданий. В свою очередь именно потребительская активность и потребительские ожидания выступают драйвером экономического роста страны, что является целью любого современного государства с рыночной экономикой.

Для населения России оплата труда является главным источником дохода. Анализ статистических данных Росстата о объеме и структуре денежных доходов населения по источникам поступления позволяет проследить как изменялась доля, приходящаяся на оплату труда в структуре доходов населения России.

Согласно данным Росстата[7] главным источником денежного дохода россиян на протя-

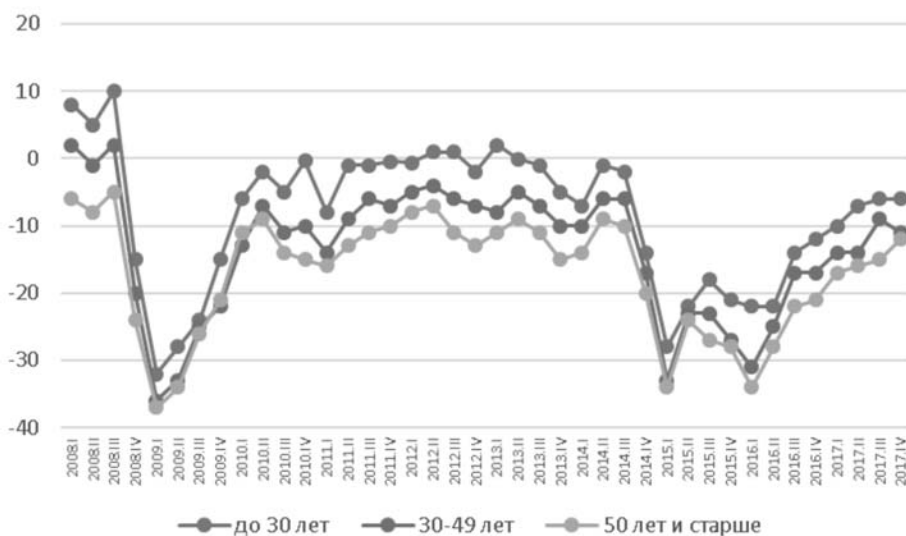

Рисунок 5. Динамика ИПУ, 2008-2017, по возрастным группам. Источник - Росстат

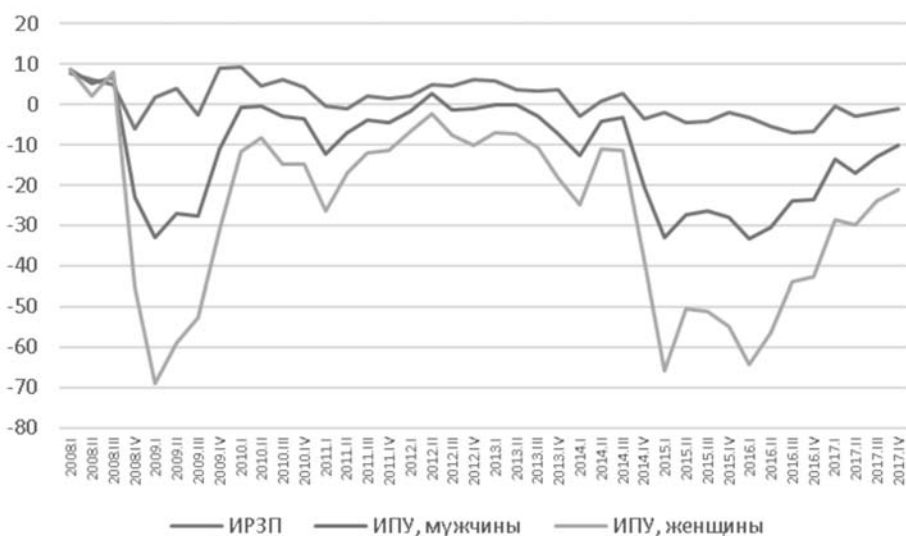

Рисунок 6. Пара ИРЗП и ИПУ. Источник – Росстат

жении 2007 - 2017 гг. служит оплата труда (рисунок 1).

В период 2010-2017 доля оплаты труда в структуре доходов населения оставалась примерно на одном уровне в 65-66%. Не смотря на рост номинальной зарплаты и номинальных доходов населения, с 2014 года наблюдается падение реальной заработной платы (рисунок 2). На протяжении наблюдаемого промежутка

времени отрицательное значение цепного индекса приходилось на промежуток 2008-2009 годов и с 2014 по 2016 год. Реальные располагаемые денежные доходы падают год от к году с 2014 года.

Для анализа того, как изменение реальных доходов формирует потребительские ожидания, использовались данные выборочного обследования потребительских ожиданий населения

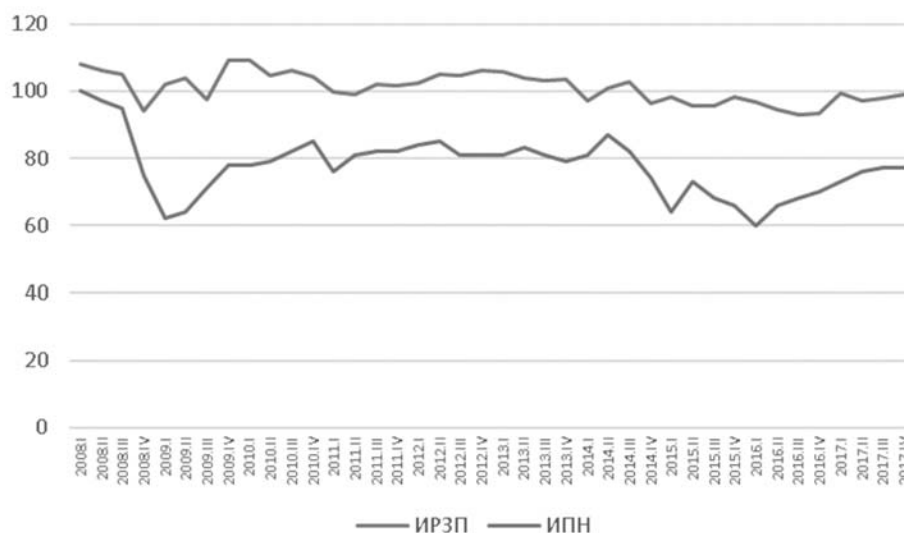

Рисунок 7. Пара ИРЗП/ИПН. Источник – Росстат

Росстата за 2000-2017 год, а именно совокупный индекс потребительской уверенности (ИПУ) и индекс потребительских настроений (ИПН).

Индекс потребительской уверенности (ИПУ) на всем наблюдаемом временном отрезке времени (2007-2017 гг.) имеет отрицательные значения, что означает, что потребители пессимистически настроены (рисунок 3).

Различные социально-демографические группы по-разному воспринимают сложившуюся в экономике ситуацию и оценивают перспективы её развития, то есть имеют различные ожидания. Мужчины по сравнению с женщинами в среднем имеют более позитивные потребительские ожидания (рисунок 4), однако стоит отметить, что в кризисные периоды, которым характерно падение реальных доходов, ожидания мужчин и женщин почти идентичны. На протяжении 10 лет ежеквартально было сделано 40 измерений потребительской уверенности и почти во всех этих периодах значения ИПУ мужчин были выше или равны ИПУ женщин.

Данные ИПУ по возрастным группам (рисунок 5) позволяют сделать вывод о том, что чем выше возраст потребителя, тем ниже его потребительская уверенность. Однако стоит отметить, что в кризисные периоды значения ИПУ по возрастным группам примерно совпадают.

Для оценки степени влияния динамики реальной заработной платы и индексов, измеря-

ющих ожидания, были построены графики для визуальной оценки схожести динамики и проведен корреляционный анализ. Можно наблюдать схожесть динамики ИРЗП (индекс реальной заработной платы) и ИПУ на рисунке 6. Величина корреляция между ИРЗП и ИПУ в рассматриваемый период составила 0,52, что свидетельствует о средней силе связи.

Визуальная схожесть динамики ИРЗП и ИПУ мужчин и женщин продемонстрирована на рисунке 6. Величина корреляция между ИРЗП и ИПУ мужчин/женщин в рассматриваемый период составила 0,51/0,49, что свидетельствует о средней силе связи и примерно равному влиянию ИРЗП на потребительские ожидания мужчин и женщин.

Величина корреляция между ИРЗП и ИПУ до 30 лет/ 30-49 лет/ старше 50 в рассматриваемый период составила 0,51/0,55/0,49 соответственно, что свидетельствует о средней силе связи и более сильному влиянию ИРЗП на потребительские ожидания населения 30-49 лет.

Визуальная схожесть динамики ИРЗП и ИПН продемонстрирована на рисунке 7. Величина корреляция между ИРЗП и ИПН в рассматриваемый период составила 0,61, что свидетельствует о связи средней силы.

Изучая потребительские ожидания необходимо понимать, что отдельный респондент не обладает всей полнотой информации и в сред-

нем оценивает ситуацию имея «обрывки» информации, однако, множество респондентов, как показывает практика, довольно точно видят краткосрочную перспективу, что позволяет использовать ожидания в качестве инструмента для прогнозирования.

Проведенный анализ показал, что заработная плата населения является одним из ключевых факторов, формирующих потребительские ожидания, причем в разной степени в зависимости от половозрастных характеристик.

Литература

1. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / Сопред. научно-ред. совета Г.Г. Фетисов, Л.Г. Худокормов. Т. III. Эпоха социальных переломов / Отв. ред. Л.Г. Худокормов. - М.: Мысль, 2005
2. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978
3. Katona G. Psychological Analysis of Economic Behaviour. N.Y.: McGraw Hill, 1951
4. Katona G. Psychological Economics. N.Y.: Elsevier, 1975
5. Muth J.F. Rational expectations and the theory of price movements // *Econometrica*, 1961, v. 29 (July)
6. Объем и структура денежных доходов населения по источникам поступления. Динамические ряды. [Электронный Ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

История формирования понятия «социальное управление организацией»

Ли Жуннань

В статье определены виды управления и выявлено место и роль социального управления. Автором проведено исследование понятий и подходов к социальному управлению, а также сформирована система социального управления в общем виде. Важность исследования коллективов организаций как неотъемлемого объекта социального управления заключается в том, что в эпоху постиндустриальной экономики и цифровой революции 4.0 практически все процессы автоматизированы – многие функции выполняют программные обеспечения разных уровней, а задача человека сводится к выполнению контроля, учета и анализа полученных данных и продуктов. Но абсолютно избежать использование человеческого капитала не представляется возможным – роль человека в экономической системе очень важна, но подход к оценке человеческого капитала становится принципиально другим. К человеческому капиталу предъявляются высокие требования не только в профессиональном аспекте, но и в морально-социальном. Изучение этого явления и стало важной задачей проведенной работы, исследование которого основывается, прежде всего, на становлении и обобщении теоретико-методологических основ социального управления.

Ключевые слова: социальное управление, система социального управления, коллектив, организация, человеческий капитал.

Li Runnan

History of the concept «social management of the organization» forming The article defines the types of management and the place and role of social management. The author conducted a study of concepts and approaches to social management, and formed a system of social management in General. The importance of the study of organizations' teams as an integral object of social management is that in the era of post – industrial economy and digital revolution 4.0, almost all processes are automated-many functions are performed by software at different levels, and the task of a person is to perform control, accounting and analysis of the data and products. However, it is impossible to avoid the use of human capital – the role of man in the economic system is very important, but the approach to the evaluation of human capital is fundamentally different. Human capital is highly demanded not only in professional aspect, but also in moral and social aspect. The study of this phenomenon has become an important task of the work; the study based primarily on the formation and generalization of theoretical and methodological foundations of social management.

Keywords: social management, social management system, team, organization, human capital.

Введение. Управление - это функция организмов, систем различной природы (биологической, социальной, технической), обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы, цели деятельности [1].

Исследователи выделяют следующие компоненты окружающего мира – управления неживой природой, управление живой природой и управления людьми. Поэтому, правомерно говорить о видах управления:

управления неживой природой (технические науки);

управления живой природой (биологические науки);

социальное управление (общественные науки).

Управление техническими системами (производственно-техническими процессами, механизмами, системами машин), осуществляется в системе «человек-машина». Здесь субъект управления неживой, но мозговой центр представлен человеком.

Управление в живой природе, то есть управление биологическими системами, имеет естественные принципы и заключается в использовании человеком свойств живого и в направлении согласования биологических возможностей человека с его социальными возможностями.

В рамках данной статьи объектом исследования будет выступать, прежде всего, социальное управление, которое отличается от двух предыдущих видов волевым воздействием одних субъектов управленческого воздействия на сознание и волю других, а его объектами является социальная организация общества с присущими ему социальной структурой и социальными процессами.

Рис. 1. Место социального управления в классификации видов управления

Следует отметить, что техническое и биологическое управление осуществляется в рамках социального, поскольку все виды управления связаны с объединением усилий людей для достижения соответствующих целей, но имеют разную направленность [2]. Кроме этого, какими бы сложными не были эти биологические системы управления, которые имеют отношение с человеком, они работают по принципу, способе, методологии, программе поставленной человеком и с целью удовлетворить ее нужды.

Материалы исследования. Социальное управление не однородно ни по содержанию, ни по форме, ни по методам его осуществления. Оно охватывает все сферы социальной жизни и в самом широком смысле этого слова представляет собой управление обществом, прежде всего, как системным образованием.

Самым существенным, что отличает социальное управление от других видов управления (управления живой и неживой природой), является то, что оно осуществляется путем воздействия на сознание и волю, а, следовательно,

интерес человека для достижения поставленной цели. А любая целеполагающая деятельность людей связана с реализацией их интереса как осознанной потребности, что обусловлено их материальным бытием, объективной социально-экономической структурой общества, то есть социальная цель является явлением общественного сознания как выражение общих потребностей и интересов социальных групп [3]. Поэтому мы можем сказать, что социальное управление дуально и поведение людей мы отнесем к микроуровню.

Правомерно говорить о следующих сферах организации общества (рис. 1):

- политическая (сфера межгосударственных и международных отношений, органов государственной власти и различных социальных групп);
- экономическая (сфера производства товаров и услуг необходимых для удовлетворения материальных благ общества);
- духовно-культурная (сфера духовного производства, процессом создания, функционирования и потребления культурных и духовных ценностей, потому что уровень общественной жизни определяется уровнем обеспечения духовно-культурных характеристик).

Однако, все сферы организации общества тесно переплетаются между собой. Например, если уровень образования и науки будет на низком и уровне, то результатом этого будет низкий уровень рабочей силы и невозможность внедрения научно-технического прогресса в производство, что в свою очередь приведет к понижению уровня экономики.

Понятие «управление» основательно вошло в обиход многих областей знаний. Так, существует управление биохимическими процессами в живых организмах, управление техническими устройствами, машинами, управление социальными процессами (рис. 1).

Источник: составлено автором на основе [4]
Его суть определяется как «элемент, функция организмов, систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающих сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию их программ» [6, с. 22].

В широком философском смысле управление – это «элементарная функция организованных систем различной природы (биологичес-

ких, социальных, технических), обеспечивающая сохранение их структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы, цели деятельности» [10].

Толковый словарь по управлению дает такое определение: «Управление – это процесс целенаправленного воздействия управляющей подсистемы или органа управления на управляемую подсистему или объект управления с целью обеспечения его эффективного функционирования и развития» [7, с.30].

В других случаях «управление» определяют как специфическую функцию различных организованных систем природы, общества, технико-производственной сферы, обеспечивающая их жизнедеятельность, целенаправленную динамику развития, реализацию конкретных программ и практических задач. Некоторые авторы считают, что в социальной сфере управление предполагает сознательную деятельность общественных институтов и отдельных индивидов, направленную на регулирование стихийных и осознанных, объективных и субъективных факторов, целесообразное упорядочение общественных отношений.

Социальное управление в самом общем смысле - это управление, осуществляемое в человеческом обществе, людьми в отношении людей. И субъект, и объект управления представлены здесь человеком. Стоит сделать вывод о том, что в управленческих системах, функционирующих в масштабной социальной среде (макроколлективы на крупных предприятиях и в организациях), главенствующим и значимым является именно человеческий фактор.

Социальное управление – это система, поэтому ей присущи все известные элементы системы как: объект, субъект, связи, технологии и функции. Наглядно автором представлена система социального управления на рис. 2. Все известные категории приобретают в социальном управлении конкретное выражение в действиях людей, их коллективов и взаимосвязях [11, с. 49].

Несмотря на то, что управление является объективным свойством, внутренне присущим любой социальной организации (системы), при определении категории социального управления следует всегда исходить из родовых признаков понятия «организация». При этом сущность управления как целенаправленного воз-

Рис. 2. Система социального управления
Источник: составлено автором на основе [8]

действия в тоталитарных и авторитарных государствах оказывается преимущественно в отождествлении государственного управления с социальным (поскольку именно в концепции исторического материализма создается конструкт «общенародной государства»), что вступает в прямое противоречие с принципами самоорганизации, присущими гражданскому обществу и его субъектам. В условиях же функционирования демократической системы управления, базирующаяся на принципах рыночной экономики, сущность социального управления заключается в координации и регуляции связей и отношений между составляющими элементами (или частями) определенной системы.

С позиции системного подхода социальное управление можно рассматривать как набор разнообразных элементов, которые определяют управленческую деятельность в целом. Систему социального управления можно рассматривать как интегрированное понятие, в состав которого входят: факторы управления, цели управления, принципы управления, нормы управления, методы управления, функции управления, технологии управления и подходы к управлению.

Поэтому, для достижения максимального эффекта социальное управление необходимо рассматривать в контексте системы, которая представляет собой совокупность социальных отно-

шений, которая создается в результате совместной деятельности людей и социальных групп.

В совокупности структура и процесс социального управления становятся предметом исследования социологической теории управления. В свою очередь, если организационно-управленческие процессы, характеризующие динамику социального управления, то его структурное состояние (статику) характеризует система социального управления как комплекс взаимосвязанных и взаимоподчиненных организационных звеньев [7, с. 29]. А поскольку сущность организации состоит в создании состояния упорядоченности, а сущность управление организацией – в построении матрицы координации воздействий, то организация социального управления предполагает целенаправленную координационную деятельность, то есть создание соответствующей системы социального управления, а также внесение в нее необходимых изменений относительно составления ее деятельности [9].

Понимая, что социальная организация требует управления, а социальное управление – наличие организации, и что сущность организации состоит в достижении состояния упорядоченности, а управление – в достижении должной степени координации организационных звеньев в поддержании этого состояния, можно сделать вывод о том, что упорядоченность координируется системой управления, а координация управленческих звеньев обеспечивается посредством поддержания упорядоченности, обеспечение чего, собственно, и находится в сфере предметных интересов социологической теории управления [6, с. 29].

Современную науку управления принято разделять на следующие уровни знаний:

- первый представлен теориями социального управления, которые являются частью скорее общих политико-экономических и социально-философских концепций, объясняющих механизм функционирования социума на различных исторических этапах;

- второй – более конкретный, отраслево-эмпирический, который обеспечивает научно-методическую базу для выработки практических рекомендаций в виде прикладных теорий организации и управления, которые включают в себя исследования структур управления, их функциональные особенности и способы взаи-

модействия с объектами управления (механизмы управления).

Таким образом, логика анализа подсказывает, что предметное поле социологической теории управления охватывает структуру организации социального управления, процесс организации социального управления и механизмы организации социального управления.

Как показывает управленческий опыт организации систем управления в различных организациях, функция поддержания постоянства связей внутри коллектива может обеспечиваться несколькими способами:

1. Через непосредственное управление каждым звеном системы управления в рамках тотальной бюрократической машины (напр., высшим министерством, регламентами и приказами).

2. Через создание единых правил игры в коллективе организации (нормативно-юридическая институализация стандартов процесса деятельности);

3. Через поощрение социальной самоорганизации в различных звеньях управленческой системы (организационная культура);

4. Через поощрение межличностных связей внутри коллектива и коллективов партнерских организаций.

5. Через использование не институциональных технологий управления, опирающихся на психонетику и метапсихонетику (когда, собственно, происходит отход от разнообразных традиционно институциональных технологий управления, и последнее как функция отходит на второй план).

Выводы. Таким образом, в статье представлена классификация видов управления, определено социальное управление в широком и узком значении, обосновано понятие субъекта и объекта управления и проиллюстрировано управленческие отношения между ними, рассматривается система социального управления как интегрированное понятие. Также итогом исследования стали предложенные автором способы реализации функции поддержания постоянства связей внутри коллектива как неотъемлемой части социального управления организации.

Литература

1. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М.: Норма, Инфра-М, 2010. – 68 с.

2. Государственное управление: теория и практика / под общ. ред. В.Б. Аверьянова. – К.: Интер, 1998. – 432 с.
3. Гриненко А.М. Социальная политика. – М., 2013. – 139 с.
4. Андреев С. С. Теория социального управления. Субъект и объект социального управления // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – №1. – С. 80–96.
5. Бабосов Е. М. Социология управления: уч. пособие. – Минск, 2014. – 287 с.
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования: Пер. с англ. – М.: Асадемия, 1999. – 783 с.
7. Радугин А.А., Радугин К.А. Социология: курс лекций. – 3-е изд., перераб. и дополн. – М.: Центр, 2016. – 244 с.
8. Слепенков И.М., Аверин Ю.П. Основы теории социального управления. – М.: «Наука», 2010. – 418 с.
9. Шулус А. А. Социэкономика как межотраслевая наука: вопросы предмета, метода и форм институализации // Труд и социальные отношения. – 2008. – № 1. – С. 4–11.
10. Попов Ю. Н. Социальный аудит в системе регулирования социально-трудовых отношений // Социальный аудит: проблема развития: сборник. – М. : Издательский дом «АТИСО», 2008. – 91 с.
11. Основы социального современного управления: теория и методология / Под. ред. В.Н. Иванова. – М.: ОАО НПО «Экономика», 2014. – 271 с.

Особенности институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих контрактной службы

Поплёвкин Н. П.

В статье проанализирован феномен институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих контрактной службы, как сложный динамический процесс формирования системы отношений с профессионально-трудовой средой. На основании рассмотренных модусных конструктов ценностей военнослужащих, понятия социальный институт и феномена институциональной девиаций – выявлен ряд особенностей процесса институционального управления профессиональной социализацией.

Ключевые слова: модус; профессиональная социализация; институциональная девиация; институциональное управление.

Poplevkin N. P.

Features of institutional management of professional socialization of the military personnel of contract service

In article the phenomenon of institutional management of professional socialization of the military personnel of contract service as difficult dynamic process of formation of system of the relations to the professional and labor environment is considered and analysed. On the basis of the considered modusny constructs of values of the military personnel, a concept the social institute and a phenomenon institutional deviation – is revealed a number of features of process of institutional management of professional socialization.

Keywords: mode; professional socialization; institutional deviation; institutional management.

Профессиональная социализация является непростым динамическим процессом, обуславливающим развитие системы отношений к профессионально-трудовой среде. В ходе процесса происходит формирование и выражение профессиональных амбиций и планов, впитывание и усвоение личностью нормативно-ценностного набора альтернатив поведения профессионального сообщества, выступающих образцом социальных коммуникаций в профессиональной сфере.

Профессиональная социализация – не столько личное дело индивида, как например, социализация в семье которая является первичной, хотя она в конечном счёте тоже не является необходимостью только для индивида, сколько вопрос и процесс, в котором заинтересовано общество и профессиональное сообщество. Успешная и эффективная профессиональная социализация в результате дает обществу ценный ресурс – человека обученного, способного и мотивированного к некоей профессиональной деятельности. Экономической эффективностью результата профессиональной социализации объясняется интерес к институциональному управлению этим процессом.

Институциональное управление в широком смысле, по отношению к профессиональной социализации военнослужащего контрактника не вполне возможно. При этом армия как социальный институт, обладающий особыми функциями, получает от политического института – государства, санкционированные обществом привилегии и возможности для воздействия на прочие институты для достижения максимального эффекта. Необходимо подчеркнуть, что успешная профессиональная социализация, будучи вторичной социализацией, является продолжением первичной социализации и её ключевые характеристики, и конеч-

ная успешность являются залогом успешной профессиональной социализации. Проведенные [Корнилович В.А., 2009] исследования социализации учащейся молодежи, а именно молодежь является основным контингентом военной службы по контракту, показывают, что некоторые социальные институты прекращают гарантировать массовую коммуникацию по трансляции социокультурного опыта, осуществляя интегрирующую роль.

Это означает, что далеко не все молодые люди разделяют ценности, обуславливающие эффективную профессиональную социализацию военнослужащего, которая возможна при изначальной сформированности у него набора ценностей, которые позволяли бы выходить в принятии решений и их реализации за грани важных доступных возможностей, быть открытому обучению.

Данные наборы ценностей возможно рассматривать с позиции модусных конструктов.

Модус – это теоретическая конструкция, призванная отразить в сконцентрированном виде ценности, черты, образ деятельности. Преобладание в социальной структуре личности ценностей, свойственных модусу служения, позволяет создавать собственный жизненный мир в принятии мира других. Атрибутами модуса служения являются – самоотверженность и направленность на творчество, что соответствует профессиональной природе военнослужащего, так как ценностные ориентации субъекта, жизненная позиция которого соответствует этому модусу, отвечает профессиональным и корпоративным ценностям военно-профессиональной деятельности. Личность, с развитым модусом служения, отличается чувством повышенной ответственности, высокой степенью готовностью к самоограничениям.

Эффективным дополнением к основному модусу служения может стать модус социальных достижений, поскольку он основан на социальном одобрении и соперничестве, высоком желании достичь успеха.

Формирование в ходе первичной социализации модусов служения и социальных достижений – особая практическая деятельность по реализации программ воспитания и социализации, реализуемой методами институционального управления в широком трактовании этого понятия.

Среди значимых проектов по созданию в группах молодежи именно этих наборов ценностей – добровольческая деятельность.

Исследования [Корнилович В.А., 2009] общественного института добровольчества, как управляемого социализирующего фактора, показывают адекватность норм, ценностей добровольчества профессиональной социализации контрактных военнослужащих. Добровольчество создает условия для успешной идентификации индивида с группой, направленной на служение, пользу обществу, достижение корпоративных целей через ограничение собственных важных потребностей, жертвенной ориентации в поведении по отношению к группе, обеспечения усвоения норм и ценностей в конкретных поступках. Не стоит путать добровольчество с виктимным поведением, в ходе которого индивид отклоняется от общественно признанных норм социализации. В данном случае жертвенность – отказ от удовлетворения ряда индивидуальных потребностей для неограничения удовлетворения неэгоистических потребностей иных индивидов группы.

Исследования ценностей россиян [Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П., 2015, с. 74-93] показывают неутешительное для развития общества преобладание в структуре ценностей модуса обладания. Этот модус характеризуется стремлением к объектному присвоению, в индивиде доминирует присваивающая, потребительская мотивация. Социальный институт, в частности институт военной службы, является объектом и средством для достижения личных целей, нравственные барьеры при целеполагании и выборе средств отсутствуют, что делает профессиональную социализацию контрактного военнослужащего неэффективной.

Таким образом, институциональное управление профессиональной социализацией военнослужащего контрактной службы в широком звучании этого понятия остаётся недоступным институту военной службы ввиду невозможности достаточного проникновения в процесс первичной социализации. Рассмотрим особенности институционального управления профессиональной социализацией контрактного военнослужащего в узком трактовании этого понятия. Институциональное управление учитывает регламентацию поведения военнослужащего в рамках военной службы посредством внедре-

ния ограничений и закрепления конкретных норм. По мнению Д. Новикова «институциональное управление является наиболее жестким и заключается в целенаправленном ограничении центром множества возможных действий и результатов деятельности агентов, которое осуществляется правовыми актами, распоряжениями, приказами или морально-этическими нормами, корпоративной культурой» [Новиков Д.А., 2004, с.10-11]

Для реализации институционального управления профессиональной социализацией контрактного военнослужащего применяются регламентирующие документы, имеющие ограничительный характер и указывающие субъекту осуществление конкретных действий.

Механизмы институционального управления осуществляют сокращение общей неопределенности и содействуют повышению упорядоченности системы, осуществляя согласование между подсистемами, а также компонентами социальной подсистемы между собой, делая их более точными и прогнозируемыми. Однако необходимо учесть, что, в основной своей массе чрезмерная регламентация способствует быстрому снижению лояльности некоторых субъектов и, как результат, неминуемому ослаблению результативного функционирования системы и, как правило, развитие эффекта неуправляемости до тотального разрушения этой системы. Негативное воздействие на эффективность управления профессиональной социализацией оказывает и то, что военнослужащие не в состоянии в полной мере реализовывать все пункты требований, регулирующих их деятельность.

По итогам эксперимента [Ажмухамедов А.И., Копытина Т.А., 2015, с. 10-20], в ходе которого была подтверждена зависимость эффективности деятельности от интенсивности мер институционального управления, выяснилось, что при полной регламентации деятельности подразделения эффективность управления резко снижается – сотрудники перестают соблюдать требования регламентирующих документов. Поэтому применяя институциональные меры необходимо сопровождать их мерами, способствующими укреплению высокой степени лояльности, повышению информированности и уровня мотивированности сотрудников организации, которые в свою очередь осуществляются мето-

дами мотивационного и информационного управления.

Несмотря на то, что в Вооруженных силах как социальном институте элементы мотивационного и информационного управления традиционно существуют, однако не везде применяются в полной мере.

Воздействие институционального управления профессиональной социализацией на личность военнослужащего осуществляется посредством императивных норм, зафиксированных в нормативных актах и положениях. Это формирует предсказуемую среду поведения военнослужащих, что важно для исполнения функций тотального института, каким являются Вооруженные силы. Однако управляющее воздействие посредством только формальных норм не достигает эффективного результата в профессиональной социализации. Эффективность достигается через воздействие неформальных норм, формирующих институциональные девиации [Агранат Д.Л., 2009]¹.

Институциональные девиации, не изменяя и не угрожая позициям формальных норм, дополняют их, позволяя индивиду достигать состояния комфорта в условиях профессиональной социализации, удовлетворяя личные потребности. Институциональные девиации представляют собой элементы мотивационного и информационного управления, реализуемые за пределами институционального управления, и компенсирующими его солирующую неэффективность в управлении профессиональной социализацией военнослужащих.

С таких методологических позиций институциональное управление социализацией военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту рассматривается как создание и обеспечение нормативно ценностных условий в институционально-организованной военной среде в целях формирования профессионально ориентированной системы регуляторов ролевого поведения личности кадрового военнослужащего.

Следовательно, институциональное управление профессиональной социализацией военнослужащего – целенаправленное создание ценностно-нормативных условий, обеспечивающих деятельность военнослужащих по усвоению системы ценностей и нормативов поведе-

ния профессионального сообщества, в целях сохранения целостности и управляемости военно-организационной системы.

Литература

1. Агранат Д.Л. Социализация личности в военизированных организациях: монография / Д.Л. Агранат; Московский гуманитарный ун-т. – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2009. 166 с.

2. Ажмухамедов А.И., Копытина Т.А. Особенности мотивационного, институционального и информационного управления персоналом коммерческого банка // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. – 2015. – № 2 (30). с. 10-20.

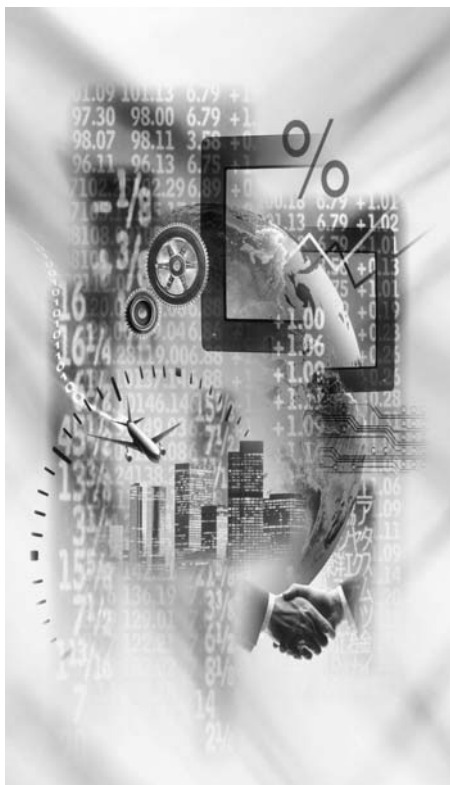
3. Корнилович В.А. Институциональные основы социализации учащейся молодежи: Дисс ... канд. соц. наук: – М., 2009. 191 с.

4. Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П. (2015) Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 3-4 (121). с. 74-93.

5. Новиков Д.А. Институциональное управление организационными системами. М., 2004. с.10-11.

Ссылки:

1 Институциональные девиации – мера допустимого отклонения личности в процессе социализации от социальных норм, которое не ставит под угрозу существование принятого порядка в целом, либо его существенной части, допустимые социальным институтом и не подрывающих его устойчивость.

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Социальная защита населения как институциональная система общества: социологический аспект

Жемерикин А.Б.

Раскрыто содержание социальной защиты населения, как институциональной системы общества в социологическом контексте. Дано понятие институциональной системы социальной защиты населения, определены ее составные элементы и особенности, возможности дальнейшего развития. Социальная защита в виде социального института может быть интерпретирована как взаимообусловленная совокупность: ценностно-нормативного комплекса, специализированных организационных форм, ресурсов, общественно признанной миссии.

Ключевые слова: социальная защита, институты, система, население, общество, государство, функции.

Jimerikin A.B.

Social protection of the population as an institutional system of society: sociological aspect

The content of social protection of the population as an institutional system of society in the sociological context is revealed. The concept of institutional system of social protection of the population is given, its constituent elements and features, opportunities of further development are defined. Social protection in the form of a social institution can be interpreted as a set of interdependent: value-normative complex, specialized organizational forms, resources, socially recognized mission.

Keywords: social protection, institutions, system, population, society, state, functions

Социальную защиту населения относят к важнейшему и приоритетному направлению социальной политики России. Она включает принципы, меры и гарантии, установленные государством в законах и нормативных актах, учреждения и организации, обеспечивающие соблюдение оптимальности жизненных условий, удовлетворение потребностей, правовое обеспечение, поддержание необходимого уровня жизнеобеспечения и возможности деятельного существования отдельной личности, а также различных категорий и социальных групп населения [1; 2].

Социальная защита населения также предполагает совокупность целевых мер и регулярных действий органов государства, общественных организаций и хозяйствующих субъектов, направленных на снижение риска и факторов опасности в жизни населения.

Социальная защита населения осуществляется в государственной и негосударственной формах. В число государственных форм входят: меры социальной поддержки, различные льготы, социальное обслуживание, социальные услуги и т.п.

Негосударственные формы социальной защиты включают: добровольное социальное страхование, частные организации по социальному обслуживанию и предоставлению социальных услуг, благотворительность и т.п.

В целом социальная защита представлена тремя основными направлениями: социальное обеспечение, социальное страхование и социальная помощь, каждое из которых осуществляет свой комплекс функций.

Социальное обеспечение, представляет историко-эволюционную форму, сложившуюся в обществе, удовлетворения жизненных потребностей тех категорий людей, которые непосредственно нуждаются в обязательной поддержке общества [3].

Социальное страхование направлено на обеспечение конституционных прав людей и связано с материальным обеспечением в сложных ситуациях: в старости, на случай болезни, при потере кормильца, при полной или частичной утрате трудоспособности, потери работы [4].

Социальная помощь — это компонент социального обеспечения, охватывающий вопросы предоставления денежных выплат, а также натуральных выдач, оказания услуг отдельным гражданам и семьям, имеющим среднедушевой доход ниже прожиточного минимума [5].

Содержание социальной защиты раскрывается в литературе в различных смыслах: в виде особой формы распределительных отношений; как регулирующая функция государства; в виде государственной системы и форм материального обеспечения в старости и в других неблагоприятных случаях; как отрасль гражданского права; в виде прав граждан, как система социальных отношений по обеспечению жизнедеятельности общества [6;7].

Социальная защита реализует ряд следующих функций: политическую; экономическую; социальную; трудовую; демографическую; реабилитационную независимо от категории населения.

Политическая функция социальной защиты заключается в обеспечении в обществе социальной стабильности и снижении факторов социальной напряженности, например, по причине наличия значительной дифференциации различных слоев населения по уровню жизни.

Экономическую функцию социальная защита осуществляет в виде замещения зарплат или иного дохода, утраченных по разным причинам, а также в оказании материальной помощи малоимущим категориям населения.

Социальная функция социальной защиты связана с поддержкой путем выделения дополнительных средств категориям граждан, имеющим низкую социальную защищенность и наиболее нуждающихся во внешней помощи.

Трудовая функция социальной защиты направлена на регулирование трудовых отношений в обществе, доступности к труду как источнику средств обеспечения жизнедеятельности населения.

Реабилитационная функция социальной защиты выражается в создании оптимальных условий для восстановления здоровья и социального статуса соответствующим категориям населения (инвалидам, больным и т.п.).

Демографическая функция социальной защиты направлена на поддержание процессов стимулирования воспроизводства населения, что связано с перспективами развития страны.

Социальная защита осуществляется в виде государственной политики по соблюдению прав граждан: политических; экономических; социальных; трудовых и т.д.

Социальная защита является одним из основных социальных институтов общества, рассматриваемых в виде исторически сложившихся или созданных целенаправленными усилиями людей форм организации их совместной жизнедеятельности, существование которых диктуется необходимостью удовлетворения разнообразных потребностей населения.

Социальная защита в виде социального института может быть интерпретирована как взаимообусловленная совокупность: ценностно-нормативного комплекса, специализированных организационных форм, ресурсов, общественно признанной миссии.

Ценностно-нормативный комплекс включает в себя ряд определенных ценностей, правил, норм, установок, образцов, стандартов поведения, законов, положений, нормативно-правовых решений, стандартов и т.п., носящих как неформальный характер, так и формализованных в соответствующих документах.

Непременным элементом института является социальный контроль, выступающий механизмом социальной регуляции, располагающий средствами и методами социального воздействия, и, одновременно, социальной практикой их использования. Социальный контроль — это, во-первых, способ осуществления социальной

регуляции, включающий средства и методы социального воздействия, а во-вторых, социальная практика его применения. Основными функциями социального контроля являются социальные нормы и социальные санкции.

В состав социальных норм входят общественно одобряемые (неформальные) или законодательно установленные (формальные) правила, стандарты, нормы, образцы, требования, определяющие поведение людей и их социальных групп.

Социальные санкции связаны с поощрением и наказанием, стимулирующих граждан соблюдать принятые социальные нормы.

Специализированные организационные формы представляют собой организации различного вида (государственные и негосударственные), осуществляющие набор целевых функций по социальной защите и обеспечивающие реализацию элементов ценностно-нормативного комплекса и их продвижение в жизнь общества.

Ресурсы (человеческие, материальные, информационные и др.) необходимы для осуществления предназначения и общественно значимых задач социальных институтов.

Общественно признанная миссия социального института включает направления удовлетворения потребностей общества, цели, функции.

Социальный институт социальной защиты обладает возможностью влияния на поведение групп граждан и индивидов посредством установленных правил через деятельность и потенциал специализированных организационных форм.

Социальная защита в контексте социального института представляет собой государственный общественный механизм, обеспечивающий создание и применение устойчивых социальных отношений и социальных практик, востребованных для удовлетворения потребностей людей в поддержании процессов их жизнедеятельности.

Таким образом, рассмотренное выше позволяет считать социальный институт социальной защиты сложно структурированным многоэлементным образованием, имеющим форму социального мультиинститута, условно отграниченного в социальном пространстве и включающего в себя соответствующие социальные ин-

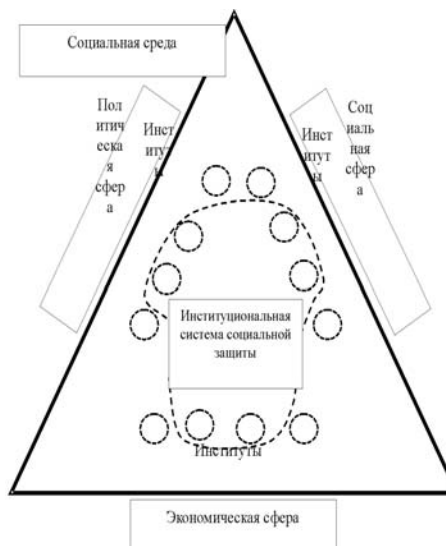

Рис. 1 Содержание институциональной системы социальной защиты населения

ституты социального обеспечения, социального страхования и социальной помощи, проявляющего себя на формально-неформальном уровне воздействия в обществе. Совокупность всех его элементов, социальных связей, отношений и взаимодействий, наличие регуляторных органов и функций позволяют получать новое системное свойство – эмерджентность, или системный эффект, достижение которого невозможно вне данной совокупности – института социальной защиты.

Институциональная система социальной защиты населения представляет собой условно отграниченную в социальном пространстве совокупность взаимодействующих между собой специализированных неформальных и формальных социальных институтов, формирующих и регламентирующих жизнедеятельность общества в области социальной защиты.

Данная система обеспечивает связи и интегрирует элементы, ресурсы, потенциалы и институты различных сфер общества: политической, экономической и социальной (рис. 1).

Особенности институциональной системы социальной защиты населения проявляются в ряде следующих аспектов.

1. Принципиальная особенность институциональной системы социальной защиты населения заключается в том, что центральным яд-

ром ее функционирования является человек, имеющий определенное социальное положение в обществе, социальные отношения и связи, осуществляющий непосредственные взаимодействия с элементами социальной среды. Это обстоятельство отличает характер функционирования институциональной системы социальной защиты населения от человеко-технических систем, работающих на принципах жестко заданного закона.

2. Не стационарность, или регулярная изменчивость отдельных параметров институциональной системы, что во многом вызвано стохастичностью поведения людей и высокой динамичностью их потребностей.

3. Высокая уникальность содержания институциональной системы, ее зависимость от конкретных особенностей государства и общества (политических, экономических, культурных, социальных и др.), в рамках которых создается и функционирует социальная защита населения. Это, например, затрудняет возможность копирования или заимствования эффективных социальных практик, успешно проявивших себя в других странах.

4. Наличие противоречий между желаемым состоянием институциональной системы и ее реальными возможностями, ограниченными фактическими объемами ресурсов и потенциалов (властных, материальных, человеческих, социальных и др.).

5. Способность к изменению своей структуры и функций на основе самоорганизации при сохранении общей целостности, что может быть связано с изменением социальной политики государства, или потребностями общества в отдельных элементах (институтах) социальной защиты населения.

В институциональной системе социальной защиты населения обеспечивается согласованное взаимодействие основных субъектов и институтов, обеспечивающих реализацию краткосрочных задач и долгосрочных целей жизнедеятельности общества. Это требует сбалансированности связей между ее элементами, группами, институтами и уровнями иерархии. Нарушение баланса взаимодействия в системе может привести к диспропорциям в ее функционировании, появлению неэффективных форм разработки и реализации мер социальной защиты населения [8].

Институциональная система социальной защиты населения снижает возможность образования социальной дилеммы между интересами основных субъектов: государства, общества и бизнеса. Причина образования социальной дилеммы обусловлена наличием определенных противоречий между их интересами. Так, для института социальной защиты важной особенностью является, с одной стороны, деперсонализация социальных отношений, возможность получения необходимых услуг независимо от личных данных человека. С другой стороны, множество видов социальной защиты и необходимость социального контроля предполагает именно целевую направленность мер поддержки и обеспечения, что требует обязательной персонализацию получателей социальных услуг. Следует также отметить высокие издержки государства по материальной обеспеченности социальной защиты и низкую экономическую заинтересованность субъектов бизнеса в проводимых мероприятиях.

Очевидно, государству в процессах развития институциональной системы социальной защиты населения следует брать на себя решение ряда чисто социологических задач, создавая сети социального доверия и социальных связей, обеспечивая консолидацию интересов социальных акторов, укрепление взаимодействия между социальными группами [9, с. 133]. Кроме того, необходимо активировать возможности социального капитала, основанного на использовании социальных характеристик человека и приобретающих в настоящее время возрастающее значение. Эти характеристики, как детерминанты развития социума обеспечивают процесс воспроизводства населения и его экономический потенциал. Социальный капитал, проявляясь посредством культурного богатства и традиций, а также устойчивых цивилизационных особенностей общества, может существенно повлиять на различные аспекты социальной защиты населения.

Институциональная система социальной защиты населения, также, как и социальный капитал (согласно Д. Коулману и Р. Патнэму [10; 11]), включает активные взаимосвязи между людьми на основе доверия, норм, общих ценностей, сетей и общностей, что значительно упрощает совместные действия и усиливает демократические принципы социальной органи-

защиты общества при их сбалансированном сочетании с государственным регулированием. Можно предположить, что неуклонная диффузия неформальных социальных отношений и принципов демократии в институциональную систему социальной защиты населения будут способствовать ее развитию.

Литература

1. Бондаренко Н.А., Демьянова И.О. Социальная защита населения и ее нормативно-правовое регулирование. Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». – 2017. - Том 8. - № 1. - С. 429 – 433.
2. Тяпкина Е.Ю. Система социальной защиты населения в современной России // *Nauka-rastudent.ru*. – 2017. – №0. 02 (038) / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://nauka-rastudent.ru/38/4060/>
3. Галаганов В. П. Организация работы органов социального обеспечения / В.П. Галаганов. - М.: Академия, 2016. - 192 с.
4. Роик В. Д. Социальное страхование в меняющемся мире. Каким будет выбор России? / В.Д. Роик. – М.: Наука, 2013. - 352 с.
5. Фирсов М.В., Студенова Е.Г. Технология социальной работы. – М.: Юрайт, 2016. – 557 с.
6. Шимановская К.А., Тяпкина Т.Ю., Козловская Д.И. Сущность, направления и функции социальной защиты населения Российской Федерации В сборнике: Организационно-административная деятельность в системе социальной защиты населения Сборник научных статей. – М. - 2016. - С. 46-52.
7. Беляева Ю.Н. О социальных функциях государства // *Журн. рос. права*. - 2016. - №1. - С.99-106.
8. Салмина А. Социальные запросы россиян к государству: факторы формирования и межстрановые сравнения // *Мир России: социология, этнология*. - 2012. - №3. - С.133-164.
9. Сухарев О.С. Социальная политика и измерение качества жизни населения // *Уровень жизни населения регионов России*. - 2013. - № 6. - С.102-118.
10. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. - 2001. - №3. - С. 121-139.
11. Патнем Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. Пер. с англ. А. Захаров. – М. Ad Marginem, 1996. – 287 с.
12. Мкртумова И.В. Новые векторы социальной справедливости в эпоху постиндустриальной занятости // *Социальная работа в XXI веке: образ будущего*. Коллективная монография. - М., ИДПО – 2018, стр. 60-73, ISBN 978-5-4213-0117-2

Социокультурные задачи работы национальных некоммерческих организаций Сибири и Дальнего Востока

Ким А.С.

В статье рассматриваются социокультурные предпосылки и идеологические задачи создания национальных некоммерческих организаций. Приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного в 2017 году с целью изучения роли национальной некоммерческой организации в мотивации трудовой деятельности и адаптации в принимающем обществе мигрантов из стран СНГ и ближнего зарубежья. Выявляются общие тенденции социальных функций развития национальных некоммерческих организаций в Сибири и на Дальнем востоке.

Ключевые слова: национальные некоммерческие организации, диаспоры, этнонациональная политика, социокультурная солидарность

Kim A.S.

Sociocultural Problems Of The Work Of National Non-Profit Organizations In Siberia And The Far East

The article considers socio-cultural prerequisites and ideological tasks of creating national non-profit organizations. The results of an empirical study conducted in 2017 to study the role of a national non-profit organization in motivating work and adaptation in the host society of migrants from the CIS countries and near abroad are presented. The general tendencies of social functions of development of the national noncommercial organizations in Siberia and in the Far East are revealed.

Keywords: national non-profit organizations, diasporas, ethno-national politics, socio-cultural solidarity

Современные реалии этнополитического развития нашей страны позволяют говорить об укреплении роли диаспор и этнонациональных центров, которые позволяют усилить процессы социальной, культурной, экономической адаптации мигрантов в принимающем обществе. Основным ресурсом и одновременно инструментом этого процесса выступают национальные центры, созданные на азе общин и диаспор. Они, как правило, имеют некоммерческий характер и в основе своей направлены на улучшение социализации и сохранения культурных традиций мигрантов в принимающем обществе.

Новые задачи при социальной и экономической, культурной и политической адаптации мигрантов, новых социально-экономических реалий заставляет нас предположить, что национальные некоммерческие организации приобретают дополнительные смыслы, цели и функции. По нашему мнению, данные организации становятся «производителями» социального капитала мигрантов, способного качественно трансформировать их социально-экономическое и политическое положение в принимающем обществе. Подобные механизмы отмечались в исследованиях А.В. Завьялова [2,3,4,5,6,7] в отношении украинских мигрантов, А.С. Кима [8,9,10,11,12,13,14] в процессе становления диаспор в современной России, Е.Ю. Довгополова [1] в отношении этнополитического пространства открытости миграционным процессам, О.А. Полюшкевич [15] в формировании территориальной идентичности мигрантов и их адаптации на новом месте.

Солидарность национальных некоммерческих организаций может иметь две формы проявления. Первая вызвана желанием сохранения социокультурного единства, коллективной памяти и идентичности. Вторая является реакцией на агрессивные процессы внутри принимаю-

щего общества к мигрантам. Работа национальной некоммерческой организации, прежде всего, опирается на эмоции и чувства своих членов, поэтому, чтобы регулировать данное сообщество, необходимо иметь возможность воздействия именно на эти аспекты социального взаимодействия. Основным инструментом воздействия может служить моральный авторитет одного или нескольких членов, вступлением в коалиции разных групп и сообществ, выработке креативных решений по созданию «групп давления», поддержке как внутри страны, так и за ее пределами бывшими соотечественниками и т.д.

Влиятельность национальной некоммерческой организации зависит от следующих факторов:

- доли мигрантов одного происхождения в численности населения страны;
- концентрация представителей диаспор в определённых отраслях экономики или государственного, регионального и муниципального управления;
- степень локализации диаспоры на определённой территории;
- уровень солидарности и наличие механизмов политической мобилизации;
- степень вовлечённости диаспоры в политические системы территории происхождения и страны пребывания [13].

Ресурсы национальной некоммерческой организации (фактически, их элиты) основаны на солидарности членов сообщества. Солидарность формирует широкий круг механизмов усиления всего сообщества – от политической мобилизации до концентрации материальных средств при лоббировании. Национальные некоммерческие организации могут использовать собственную культуру (литературу, религиозную организацию, особенности кухни), чтобы формировать имидж, который будет определять действия других акторов.

В данной статье предлагается обсудить результаты межрегионального исследования роли и веса национальных некоммерческих организаций в региональной политике различных субъектов РФ. Исследование проходило в 2017 году в 10 субъектах РФ на территории Сибири и Дальнего востока (Иркутская, Новосибирская, Томская, Омская область, Забайкальский край, Красноярский край, Республика Бурятия, Рес-

Таблица 1

Некоммерческие организации мигрантов*

*По данным руководителей и ведущих специалистов диаспор

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Иркутская область	110	105	132	145	149	155	164
Новосибирская область	78	86	87	89	93	93	96
Томская область	54	51	43	48	50	52	54
Омская область	46	49	52	65	62	68	70
Забайкальский край	32	37	42	46	49	45	49
Красноярский край	143	122	136	135	142	134	141
Республика Бурятия	27	34	39	41	44	57	66
Республика Саха	31	39	45	57	68	73	79
Хабаровский край	54	65	69	72	77	85	98
Приморский край	48	52	55	67	78	88	92

Таблица 2

Цель создания НКО мигрантами (в%)

Цели и мотивы	Процент
Создание рабочих мест	30
Дополнительная занятость мигрантов	18
Поддержание связи со своей Родиной через изучение культуры и обычаев	22
Поддержание социокультурной адаптации мигрантов	17
Социальная и психологическая поддержка мигрантов	13

публика Саха, Хабаровский край, Приморский край). В качестве объекта были выбраны ведущие специалисты или руководители крупных диаспор рассматриваемых территорий. В каждом субъекте выбиралось 10 респондентов в возрасте от 25 до 75 лет, имеющих административный стаж работы в диаспоре более 5 лет. В экспертном интервью приняли участие 60 женщин и 40 мужчин.

В рассматриваемых субъектах с 2010 по 2016 годы зарегистрировано множество национальных некоммерческих организаций, функционирующих как самостоятельно, так и как часть работы диаспоры (см. табл. 1).

Таблица 3
Роль диаспоры в некоммерческой организации*
*Можно было выбрать несколько вариантов, поэтому, сумма больше 100%

Вклад	Процент
Финансирование проектов	55
Личное участие	90
Привлечение СМИ	25
Формирование идей распространения культуры и ценностей в принимающем обществе	70

Цели создания некоммерческих организации мигрантов имеют как экономические (создание рабочих мест и дополнительная занятость – 48%), так и социокультурные задачи (изучение культуры и обычаев, социокультурная, социальная и психологическая адаптация и поддержка мигрантов – 52%). Более подробно см. табл. 2.

«Работая в национальной некоммерческой организации, мигранты получают больше уверенности в себе, и получается, что могут лучше социализироваться» (Н.Я., Республика Саха, киргизская диаспора). «Занятость в некоммерческих организациях дает уверенность в том, что твои дети не забудут культуру предков и будут чтить своих Богов» (О.Д., Приморский край, китайская диаспора). «Качество жизни определяется не только экономическими возможностями, но и возможностями общения на родном языке, участии в национальных обычаях и праздниках, пусть и не на родине, но с соотечественниками – некоммерческие организации позволяют дополнительно сплотить мигрантов, это их социальная нагрузка» (И.М., Новосибирская область, член таджикской диаспоры). «Мы хоть и живем на чужой земле, но должны помнить своего Бога, знать свою культуру, язык и обычаи» (О.О., Иркутская область, член еврейской общины).

Ощущение оторванности от Родины, желание общаться и кооперироваться с представителями своей нации, обостренная этническая или этнорелигиозная идентичность, нехватка элементов традиционной культуры и языка может выступать поводом к вступлению в национальную некоммерческую организацию. Противоречия в мотивах к вступлению и форме работы играют ключевую роль в конфликтах внутри таких организаций. Это приводит к тому, что некоторые диаспоры имеют несколько дубли-

рующих друг друга организаций. Внутренние противоречия, в одних случаях строятся на личном непонимании, в других – на мировоззренческом, становятся поводом для созданий множественной социальной системы. В нашем исследовании, около половины респондентов указывали на то, что в их субъекте именно эти факторы стали ключевыми в развитии нескольких векторов аналогичных друг другу некоммерческих организаций.

«Представители корейской общины в Хабаровском крае не могут прийти к единому пониманию целей и задач самой общины, сфер бизнеса и многого другого. Поэтому возникло несколько организаций, возглавляемых оппозиционными друг другу персонами» (Л.Ю., Хабаровский край, член корейской общины). «Сегодня в Иркутске несколько зон контроля китайской диаспоры. Между собой члены диаспоры достаточно в напряженных отношениях, так как бизнес-проекты могут мешать одним и помогать другим. Сейчас этничность становится рычагом регулирования внутренних национальных отношений в регионе» (О.Е., Республика Саха, член китайской диаспоры).

Этничность внутри этнонационального пространства в принимающем обществе становится «прикрытием» для проектов, не имеющих отношения к национальным, культурным или религиозным обычаям страны прибытия членов диаспоры. Внутренние противоречия сказываются и на внешних конфликтах, возникающих в социальном пространстве. «Наша внутренняя грызня всегда отражается на бизнесе, отношениях с органами власти и в целом в социальном благополучии» (Я.Ч., Новосибирская область, член китайской диаспоры). «Внутренние конфликты не могут оставаться внутри диаспоры, то, что мы не едины – ослабляет наши позиции в пространстве города и страны, в пространстве бизнеса и власти, в конце концов, усиливает негативное отношение принимающего общества» (И.Ю. Красноярский край, член корейской диаспоры). «Чрезмерный контроль со стороны властей, и внутренние дрязги, за власть или деньги – приводят к тому, что национальные некоммерческие организации становятся сценой для локальных баталий членов диаспоры, власти, правоохранительных органов, реже бизнеса» (М.И., Томская область, член чеченской диаспоры).

При этом диаспора и ее члены зачастую являются ключевыми инвесторами для проектов некоммерческих организаций, идеологами и участниками всех мероприятий (см. табл. 3).

По мнению респондентов, диаспоры и некоммерческие организации, созданные на их базе, соединяют «теорию и практику», «желание и реальные возможности» для реализации совместных идей и предложений. «Некоммерческие организации позволяют диаспорам легально участвовать социокультурной жизни города, района и страны начиная от самостоятельных коллектив песни и пляски, заканчивая национальными спортивными соревнованиями или сохранению оружейных традиций» (М.Г., Красноярский край, чеченская диаспора). «Некоммерческие организации – это возможность расширения участия диаспоры в медийном дискурсе принимающего общества, возможность дополнительного привлечения к себе внимания с положительной стороны, приобщение к культуре и ценностям мигрантов разных народов» (Н.Д., Иркутская область, корейская диаспора). «Благодаря активной работе диаспоры, развиваются альтернативные модели социокультурной и экономической поддержки мигрантов – национальные организации, вне зависимости от формы организации, являются ресурсом консолидации мигрантов и социокультурной интеграции в принимающем обществе» (И.М., Забайкальский край, китайская диаспора).

Членство в некоммерческих национальных организациях является одним из каналов социального статуса и престижа, поэтому может формально и реально регулировать поведение и мышление членов диаспоры. Оно выступает социальным капиталом мигрантов в принимающем обществе. «Участие в работе, проектах и мероприятиях национальных некоммерческих организаций выстраивает новые социальные связи вдали от Родины: начиная от поиска жениха или невесты, заканчивая местом заключения сделок» (Ф.Х., Омская область, член татарской диаспоры). «Быть членом национальной некоммерческой организации престижно у нас в городе, да и в области – тут можно решить многие вопросы с властью и с бизнесом, если напрямую не получается. Так сложилось, что это пространство стало не только социокультурным пространством сохранения традиций, но и социально-экономическим рычагом решения

многих вопросов. Сегодня, национальные некоммерческие организации – ключевые игроки регионального социального, экономического и политического рынка взаимодействия многих игроков связанных с нашим народом кровно или только в деловом плане» (М.И., Республика Бурятия, китайская диаспора).

Таким образом, некоммерческие организации являются транслятором идей и механизмов, целей и задач диаспоры как социокультурного центра мигрантов в принимающем обществе, из-за финансовой зависимости они включены в цели развития отношений диаспор как таковых, а не своих организаций в частности. Без развития подобных инициатив и форм развития сложно организовать эффективное взаимодействие мигрантов, гармонично выстраивающихся в принимающую среду.

Внутренние отношения в диаспорах, национальных некоммерческих организациях при них становятся основным фактором в формировании этнонациональной политики в регионе. Они играют ключевую роль в формировании мировоззренческих и социально-ориентированных действий членов диаспор и органов власти, бизнеса и иных структур, включенных в социальное взаимодействие.

Социальный капитал национальной некоммерческой организации реально регулирует положение отдельных людей и целых групп в регионе и в стране. Поэтому он выходит за рамки национально-культурных отношений, традиций и норм, он становится многофункциональным регулятором социально-экономических и культурно-политических отношений в принимающем обществе. Этнополитическая ситуация становится фоном не только и не просто сохранения традиций, но пространством, где решаются задачи бизнеса и власти. В связи с этим необходимо находить инструменты мониторинга и анализа изменения функционирования и развития национальных некоммерческих организаций в разных субъектах Российской Федерации.

Литература

1. Довгополов Е.Ю. Институционализация как социологическая проблема и ее методологическое значение для этнической политики // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 10 (112). С. 25-35.

2. Завьялов А. В. Мигрантофобия и гуманизм в миграционной политике // Социодинамика. 2016. № 9. С. 52-66.
3. Завьялов А. В. Мигранты в общественном мнении жителей Иркутской области // Социология. 2018. № 2. С. 180-186.
4. Завьялов А. В. Социальная адаптация мигрантов в контексте современной миграционной политики России // Научное мнение. 2016. № 13. С. 50-58.
5. Завьялов А.В. Адаптация мигрантов в городской среде: новые условия жизни в старых городах // Урбанистика. 2018. № 3. С. 1-11.
6. Завьялов А.В. Мигранты: способствуют нациестроительству или национализму? // Социокультурные аспекты деятельности силовых структур. Сборник материалов межвузовской научной конференции. Иркутск, 2017. С. 185-189.
7. Завьялов А.В. Сочетание естественного и социального в адаптации мигрантов // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. Чита, 2017. № 8. С. 129-135.
8. Ким А.С. Позитивная этнополитика (анализ мультикультуралистской модели) // DIXI – 2015 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2015. С. 141-154.
9. Ким А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика : монография. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. 330 с.
10. Ким А.С., Довгополов Е.Ю. Институционализация этнической политики в современной России (на примере Дальневосточного региона): монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. 166 с.
11. Ким А.С., Полюшкевич О.А. Диаспоры как регуляторы этнополитической мобилизации регионов // DIXI – 2017 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2017. С. 75-81.
12. Ким А.С., Полюшкевич О.А. Диаспоры как ресурс социокультурной солидарности в регионах РФ // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 2017. С. 115-120.
13. Ким А.С., Полюшкевич О.А. Консолидация и дезорганизация национальных некоммерческих организаций в регионах России // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2018. С. 86-91.
14. Ким А.С., Полюшкевич О.А. Роль диаспоры в организации некоммерческой деятельности мигрантов // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен материалы IX Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск, 2017. С. 7-10.
15. Полюшкевич О.А. Территориальная идентичность мигрантов в принимающем обществе // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т 2. Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 527-531.

Академическая мобильность как ресурс интернационализации университетов

Малых С. В.

В статье обосновываются ресурсы, условия и возможности осуществления интернационализации университетов путем увеличения академической мобильности преподавателей и студентов. Анализируются риски и условия социальной адаптации в новых условиях глобализации, формирования миссии университетов через академическую мобильность и систему стратегического моделирования развития вуза. Академическая мобильность выступает одновременно и социальным маркером и структурным стимулом (импульсом) формирования университета будущего. Также в статье приводятся результаты проведенного в 2018 году исследования, показывающего особенности мотивации академической мобильности среди студентов и преподавателей различных вузов Западной и Восточной Сибири, а также Дальнего востока.

Ключевые слова: академическая мобильность, интернационализация университетов, ресурсы развития, изменение университетов, академический капитализм, имидж университета

Malykh S. V.

Academic mobility as a resource for the internationalization of universities. The article proves the resources, conditions and opportunities for internationalization of universities by increasing the academic mobility of teachers and students. The risks and conditions of social adaptation under the new conditions of globalization, the formation of the mission of universities through academic mobility and the system of strategic modeling of the university development are analyzed. Academic mobility is simultaneously a social marker and a structural stimulus (impulse) for the formation of a university of the future. Also in the article are the results of a study conducted in 2018, showing the features of the motivation of academic mobility among students and teachers of various universities in Western and Eastern Siberia, as well as the Far East.

Key words: academic mobility, internationalization of universities, development resources, university change, academic capitalism, university image

Современное общество динамично и изменчиво, это повлекло за собой трансформацию ценностей образования, академической культуры и развития. Университеты в этом аспекте становятся не просто образовательными или научными центрами, но и как социокультурные и экономические центры. Мировое образовательное пространство формируется именно в университетах. Увеличение академической мобильности зарубежных преподавателей и студентов повышает уровень и качество получаемых знаний, так же как и стажировки преподавателей и студентов повышают их уровень компетенций, кругозора и социального опыта.

Университеты «гумбольтовского» периода изжили себя, сегодня выходят на первый план – университеты «нового типа», в которых помимо опыта и знаний, студенты приобретают навыки в развитие общества знаний, в готовность постоянно учиться и обновлять свои компетенции. В то же время, образование все меньше остается общественным благом, и все больше становится товаром, а обладание им – является благом. Наряду с коммерческими студентами, иностранными студентами, развиваются грантовые формы поддержки, как преподавателей, так и студентов, патенты и иные формы повышения качества товара – образования (вне зависимости от того, с какой стороны образовательного процесса находится человек – учит или учится, исследует или обследуется). Это способствует интернационализации его знаний и навыков (международному измерению академической, научной, учебной и любой другой деятельности) [5].

Интернационализация строится на социокультурном контексте развития членов университетского сообщества, развивающему межкультурные взаимодействия на исследовательском и опытном уровне [1, 2]. Но в то же, время, бла-

годаря интернационализации усиливается роль университетов в региональном социуме через большую включенность в экономические процессы, социально-экономическую динамику. В целом, интернационализация имеет два эффекта — дополнительную прибыль университетов и повышение социального капитала университета в регионе, стране, мире.

«Международный контекст» развития университетов видится наиболее перспективным способом развития университетов, а академическая мобильность является одним из его факторов [3].

Интернационализация образования преследует ряд целей:

- расширение источников поступления финансов за счет иностранных преподавателей и студентов;
- расширение профиля и вида учебных планов;
- расширение сети представительств вуза в соседних регионах и странах;
- повышение качества знаний преподавателей и студентов за счет участия в международном процессе формирования и воспроизводства знаний;
- повышение конкурентоспособности вузов во внутренней и внешней среде.

На развитие интернационализации университетов влияет академический капитализм, имидж университета и собственно мобильность преподавателей и студентов.

Академический капитализм в процессах интернационализации

Университет все чаще выступает игроком, который вынужден получать прибыль от своей деятельности. Так называемый «академический капитализм» университета, где вуз воспринимается как предпринимательская структура, а различные исследования совершаются в нем с коммерческой целью. В рамках академического капитализма университет переходит от своих основных функций — обучения, исследований и услуг к деятельности, позволяющей получать прибыль.

Университет, таким образом, становится не только источником знаний и преподавания, но и преобразованием знаний в практику, через новые виды деятельности, новые технологии, новые формы коммуникации и взаимодействия и

т.д. Данная сфера является привлекательной как для местных студентов, так и для иностранных, более того, для преподавателей и ученых, это становится дополнительным стимулом для развития своих навыков и влияет на развитие академической мобильности, так как продавать «старые» знания невыгодно, а новые требуют постоянного поиска, активности, гибкости, что наиболее оптимально приобретает именно через академическую мобильность [3,8].

Роль имиджа университета в процессах интернационализации

Академический капитализм ужесточает конкуренцию на рынке образовательных услуг за абитуриентов и лучших преподавателей, поэтому вопрос имиджа университета становится более актуальным.

Имидж университета — это общее восприятие университета, складывающееся на основе общественных представлений жителей региона или страны, основанное на личном взаимодействии или восприятии информации через СМИ. Имидж зависит от отношений со студентами, их родителями, работодателями, властью и другими институтами, в оценке качества предоставляемых услуг.

Имидж университета строится через многослойное пересечение внутреннего имиджа и внешнего восприятия вуза.

Внутренний имидж — это представления преподавателей и студентов о вузе. Основными моментами тут выступает корпоративная культура вуза и социально-психологический климат. Общие цели и задачи деятельности формируются как на формальном уровне (выполнение своих должностных обязанностей), так и на неформальном (творческие конкурсы, КВН, олимпиады и проч.).

Региональный имидж — это система оценки вуза, основанная на восприятии качества и уровня образования, возможности трудоустройства выпускников в регионе, развитие региона за счет достижений вуза и его выпускников. На данном уровне — возможность применить знания на практике — является ключевым моментом развития интернационализации.

Национальный имидж — зависит от инновационности, уникальности, технологичности образования, новых специальностей, профессиональной компетентности преподавателей и

ученых, научно-исследовательского потенциала школ. Устойчивость университета к экономическим и социальным кризисам, политическим перестановкам, участие в различных социальных и образовательных программах, позволяющих выйти на новый уровень образования и обучения.

Иными словами, интернационализация вуза зависит от того как представлены его лидирующие показатели на региональном и национальном уровне, как подкреплены коллективными убеждениями и установками и какие перспективы развития (объективные и субъективные) имеются в конкретном вузе. Стирание географических границ и увеличение возможностей получения образования увеличивает академическую мобильность студентов и преподавателей и в целом укрепляет статус университета.

Положительный имидж университета в образовательной среде формируется через следующие векторы:

- взаимовыгодные контакты с зарубежными вузами, фондами, журналами, некоммерческими организациями и проч.;
- академическая мобильность преподавателей и студентов;
- активная работа по грантам;
- развитие международных исследовательских и образовательных проектов;
- развитие совместных учебных программ (с выдачей двойного диплома);
- разработка курсов и программ последипломного образования, летние школы, практики и проч.;
- дополнительные образовательные программы и иные продукты для иностранных преподавателей и студентов (о истории и культуре, политике и экономике, экологии и природе и проч.).

Успешный имидж университета – это не конечный продукт, это постоянный процесс, который меняется во времени и пространстве, требует постоянного обновления и расширения.

Академическая мобильность в системе интернационализации образования высшей школы

Задача программ академической мобильности – это интернационализация высшего образования и культурная интеграция студентов и преподавателей разных стран. Академическая

мобильность расширяет кругозор и компетенции, стили и стратегии мышления, языковые и культурные навыки коммуникации, позволяет делиться своим опытом (как учебным / педагогическим, так жизненным / мировоззренческим) как преподавателей, так и студентов.

Академическая мобильность позволяет самостоятельно формировать свою образовательную и профессиональную траекторию, выбирать отдельные курсы и программы обучения [7]. Помимо прочего, академическая мобильность – это ресурс приращения социального капитала университета и его членов, как преподавателей, так и студентов.

Социальная и финансовая поддержка со стороны таких программ, как TEMPUS, ERASMUS, LINGUA, IREX, MUSKIE, FULBRITH и др. оказала серьезное влияние на развитие академической мобильности. Участники этих программ смогли расширить свой личный опыт и стать примером для коллег и одногруппников в мобильности и активности, новом опыте и альтернативных стратегиях реализации.

Мотивами участия преподавателей в программах академической мобильности являются перспективы профессионального роста, получения финансовой прибыли и социального пакета, международного опыта, возможности путешествовать, а также возможности получения информации в соответствии с их научно-исследовательскими интересами [4,6]. Особую ценность приобретает получение преподавателями международного опыта обучения и преподавания в условиях интернационализации образовательного процесса в вузах Европы, Азии и США.

Мотивами участия студентов в программах академической мобильности являются получение нового опыта проживания и обучения в другой стране, появление нового круга общения, получение новых знаний в интересующих сферах жизни, возможность обогатить свой культурный и языковой багаж и т.д.

Таким образом, академическая мобильность – это гибкий инструмент развития современных вузов, которая позволяет преподавателю и студенту удовлетворять свои интеллектуальные, социальные, культурные потребности через активную деятельность в другом вузе, в другой стране.

Характеристика и обсуждение результатов исследования

Данные положения легли в основу проведенного весной 2018 года исследования на тему «Мотивация академической мобильности преподавателей и студентов как ресурса интернационализации университетов». В нем приняли участие 2500 студентов от 18 до 22 лет, обучающихся в разных ВУЗах и на разных специальностях. А также 2500 преподавателей работающих в университете от 1 года до 40 лет в возрасте от 24 до 75 лет, в должностях от ассистентов до профессоров, 22% не имеющих ученой степени, 48% имеющих ученую степень кандидата наук, 30% имеющих ученую степень доктора наук. Исследование проходило на территории Западной и Восточной Сибири, а также территории Дальнего Востока. В вузах, участвующих в исследовании, имеются в активном и в формальном качестве различные формы и схемы, способствующие интернационализации вузов. Мы пытались проследить их эффективность и влияние на интернационализацию образования через мобильность преподавателей и студентов.

В ходе исследования выяснилось, что для студентов получение двойного диплома (российского вуза и зарубежного) является одним из ключевых мотивов для развития мобильности (64%). При этом, только 18% из опрошенных студентов смогли воспользоваться программами двух дипломов, существующими в их вузах.

Для преподавателей, наличие совместных программ обучения и профессиональных стажировок лишь в 31% является мотивом для развития мобильности. При этом, из преподавателей только 15% смогли ими воспользоваться.

Иными словами, наличие программ двух дипломов и контрактов между вузами для преподавателей не является условием повышения активности мобильности. Для студентов это треть, для преподавателей – половина. Ключевым тормозящим фактором выступает – низкое качество знания иностранного языка (73%), на втором месте – отсутствие уверенности в своей компетентности (41%), на третьем месте – финансовые трудности (23%).

При этом, более половины преподавателей (54%) пользуются дистанционными формами взаимодействия с зарубежными вузами. Это пуб-

ликация статей в конференциях и журналах зарубежных вузов – 77%, выступления в качестве экспертов по регистрации патентов, обсуждении материалов исследований и иных научно-исследовательских проектов – 42%, развитию программ с некоммерческими организациями, существующими при зарубежных вузах – 14%.

Для студентов данный вид интернационализации практически не актуален. В нем принимает участие только 12% студентов. В большинстве случаев (95%) – это студенты магистратуры, планирующие поступление в аспирантуру и преподавательскую или научно-исследовательскую деятельность.

Курсами и программами последипломного образования воспользовалось только 8% преподавателей. Летними школами воспользовалось только 6% преподавателей и 22% студентов, практиками за рубежом воспользовалось 14% студентов, из преподавателей – никто ими не воспользовался.

Участие в грантовых программах также является весомым мотивом для развития мобильности и интернационализации образования. Среди преподавателей хотели бы участвовать в грантах 85%, реально участвуют 55%. Среди студентов хотели бы участвовать – 95%, реально участвуют 18% (в основном студенты магистратуры).

Основным препятствием является опять же низкое качество знания языка – 70%, на втором месте сложные требования для участия в конкурсе (наличие публикаций определенного уровня – входящих в базу Web of Science, Scopus и др.) – 55% и на третьем – отсутствие опыта участия в грантах – 28%. Это актуально как для преподавателей, так и для студентов.

Дополнительные образовательные программы и иные продукты для иностранных преподавателей и студентов (о истории и культуре, политике и экономике, экологии и природе и проч.) интересны для студентов и преподавателей других вузов. И по мнению наших респондентов интерес к ним растёт, так как увеличивается их количество. Но аналогичными программами лично они не готовы воспользоваться из-за языковых и финансовых проблем.

Заключение

Итак, интернационализация высшего образования приводит к усилению открытости и

коммуникативной активности как в социокультурном, так и в экономическом аспектах. Вуз от носителя знаний, становится производителем технологий, что изменяет его имидж и конечную привлекательность для преподавателей и студентов. Внутренний, региональный и национальный имидж университета является основным показателем в увеличении академической мобильности преподавателей и студентов.

Академическая мобильность преподавателей и студентов – это основа развития любого вуза. Интернационализация – это обязательное требование и одновременно условие конкурентоспособности на рынке образовательных услуг. Поэтому без расширения возможностей академической мобильности трудно представить будущее любого университета.

Как показали результаты исследования, развитие языковой практики и материальное стимулирование как преподавателей, так и студентов, могут усилить процессы мобильности и интернационализации вузов. В то же время, необходима комплексная работа по расширению сфер и способов внедрения уже существующих форм в повседневную практику преподавателей и студентов.

Литература

1. Завьялов А.В. Проблематика социальной консолидации и солидарности в развивающихся странах (по материалам статей зарубежных авторов) // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного россий-

ского общества: ресурсы, проблемы, перспективы материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ. 2018. С. 192-204.

2. Завьялов А.В. Новые направления научно-исследовательской деятельности студентов // Научно-исследовательская деятельность студентов как эффективный механизм профессионализации и адаптации к рынку труда Материалы межвузовской научно-практической конференции. 2015. С. 30-33.

3. Маевский Д.П., Мельникова Н.А. Проекты университета как ресурс социокультурного развития региона // Высшее образование сегодня. 2016. №11. С. 42-44.

4. Полюшкевич О.А. Корпоративная солидарность университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 12. С. 68-72.

5. Полюшкевич О.А. Социальная ответственность университетов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 11. С. 26-29.

6. Полюшкевич О.А. Социальный капитал преподавателя университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2015. № 5. С. 23-26.

7. Прохоров А. В. Бренд университета как основа территориального бренда // Социально-экономические явления и процессы. 2012. №2 (036). С.201-203.

8. Савицкая Е.В., Алтунина Н.С. Высшее образование: репутационные эффекты, сигнальные искажения и благоприятный отбор // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований) 2017 vol. 9, no. 1. С. 117-133.

Фантастическое как метод построения кинематографических вымышленных вселенных

Маткин А. В.

В статье исследуется генезис фантастического как метода построения вымышленных кинематографических вселенных современного фантастического кинематографа. Автор предлагает адекватное его реалиям определение фантастического; проводит разделение понятий вымышленных миров и вымышленных вселенных; дает основные характеристики метода, применяемого для проектирования вымышленных кинематографических вселенных.

Ключевые слова: научная фантастика, фантастическое, вымышленные вселенные, виртуальная реальность

Matkin A. V.

Fantastic as a method of building cinematic fictional universes

The article investigates the genesis of the fantastic as a method of constructing fictional cinematographic universes of modern fantasy cinema. The author observes a definition of a fantastic; separates the concepts of fictional worlds and fictional universes; gives the main characteristics of the method used to design fictional cinematographic universes.

Keywords: science fiction, fantasy, fictional universes, virtual reality

Фантастика и Другое. Большинство существующих определений фантастического онтологичны, в них «естественное» (обычное, миметическое) противопоставляется «сверхъестественному» (чудесному, антимиметическому). Например, Роже Кайуа предлагал следующее определение фантастического: «это нарушение общепринятого порядка, вторжение в рамки повседневного бытия чего-то недопустимого, противоречащего его незыблемым законам, а не тотальная подмена реальности миром, в котором нет ничего, кроме чудес¹». Основным недостатком этого определения в том, что оно не учитывает специфику научной фантастики, где недопустимое благодаря достижениям науки оказывается допустимым (неслучайно, многие теоретики говорят о принципиально нефантастической природе научной фантастики). Лишено этого недостатка известное семиотическое определение *фантастического* принадлежащее структуралисту Цветану Тодорову: «фантастическое — это колебание, испытываемое человеком, которому знакомы лишь законы природы, когда он наблюдает явление, кажущееся сверхъестественным²». Этот феномен колебания станет общим местом для последующего осмысления феномена *фантастического*, например, канадский писатель Альберто Мангель пишет, что фантастика может так же отражать состояния сна и бодрствования, когда персонаж и читатель сомневаются в четкой идентификации — что есть реальность, а что сон. Само *фантастическое* находится в моменте этого сомнения, но как только решение принято, фантастическое уходит³». При этом, поскольку *фантастическое* не может быть единственным наполнением художественного текста, оно становится его частью, своего рода текстуальным эффектом.

Размышляя о применимости такой литературной теории фантастики к кинематографу,

Сергей Зенкин приходит к выводу: «фантастика в кино имеет не семиотический, а миметический характер, в этом эффекте онтологическая двойственность выступает на первый план, как правило не будучи опосредована колебанием в интерпретации⁴». Исследователь отмечает, с одной стороны, сама аттракционная природа кинематографа превращает *фантастическое* в трюк и технический фокус, а с другой, самые обычные предметы могут быть сняты так, что становятся странными, чуждыми (неслучайно, масса картин фантастического жанра обходится совершенно без каких-либо визуальных сверхъестественных мотивов – как-то «Сталкер» и «Солярис» А. Тарковского или «Птицы» А. Хичкока). Таким образом, *фантастическое* в кинематографе представляется непосредственно в образах, которые зрители однозначно считают как образы *иного*. Сергей Зенкин отмечает, что базовым элементом кинофантастики является мотив чудовищного тела (т.е. однозначно считаваемые образы *Другого*), совмещающий в себе мир реальный и мир *Другой*⁵. И действительно, еще начиная с образов фильмов Франкенштейн (1931, реж. Джеймс Уайл) и Кинг-Конг (1933, реж. Мэриан Купер) все ранние образцы фантастического жанра повествуют о вторжении в наш мир *Другого*. Максимального уровня воплощения такой мотив достиг в фантастике 1950-80-х с характерными сюжетами о встрече с инопланетными монстрами на Земле и в космосе. В свою очередь, дальнейшая «экспансия сверхъестественного ... принимает здесь форму лабиринтного пространства как проекции чудовищного тела⁶». Так, дальнейшая эволюция как изменение мотива *Другого* до мотива вымышленных вселенных феномен сравнительно новый (хотя отдельные сцены в таких фильмах как «Метрополис» Фрица Ланга или «Носферату» Фридриха Мурнау ретроспективно представляются явными предшественниками), с технологической стороны связанный с появлением возможностей создания искусственных кинематографических пространств. Такой мотив разворачивает ситуацию ровно наоборот, если ранее *Другой* оказывался в нашем мире, то вымышленные вселенные помещают человеческого персонажа в мир *Другой*. Этот *Другой* мир зачастую принимает форму лабиринтного пространства (образ мифологически связанный с чудовищем), лишаящего зрителя простран-

ственной ориентации. Ссылаясь на М. Ямпольского С. Зенкин говорит о том⁷, что это иной мир зачастую подменяет собой чудовище превращая сюжет картины в своего рода путешествие по его лабиринтным внутренностям.

Фантастическое и фантастика. Разграничим фантастику как жанр искусства и *фантастическое* как составляющую этого жанра. Джон Клут, один из наиболее известных западных исследователей темы, ввел термин *fantastika* (именно так, синтаксис позаимствован из славянских языков) и разделил его с собственно *фантастическим*, которое, по Клоту, есть специфический способ репрезентации несуществующего, чужого, экстремального, отличающегося, отчужденного. Исследователь пишет, что *fantastika* есть совокупность жанров и существует в нескольких основных формах – фэнтези, научная фантастика и хоррор, при этом, *фантастическое* является основным содержанием этих трех жанров⁸. В этом отношении, Клут продолжает и уточняет идеи Роже Кайуа, предлагавшего ранее схожую классификацию форм существования фантастического: 1. Сказка – мир, в котором *возможное* существует одновременно и равноправно с *невозможным*. 2. Ужасы – мир, в котором существует *невозможное*, оно вторгается в действительный мир и нарушает привычный порядок вещей. 3. Научная фантастика – мир, в котором *невозможное* так же существует равноправно с *возможным*, но при этом имеет рациональное объяснение, таким образом, *невозможное* становится *возможным*⁹.

Станислав Лем дополнил эту классификацию категориями этики и детерминизма. По его мнению, в отличие от событий реального мира, сюжет сказки полностью предопределен - зло будет побеждено добром. Фэнтези, в этой связи, есть современная форма существования сказки, степень детерминизма и этики в котором несколько снижена – современные фэнтезийные картины вполне допускают гибель главных положительных героев. По мнению Лема, мифологическая предопределенность отличается от предопределенности сказочной, действия героев мифа подчиняются неким внешним обстоятельствам – в мифе это высший рок, судьба, законы мироздания, которые оказываются гораздо сильнее желаний и стремлений своих героев. Характерно, схожий детерминизм представляет и научная фантастика, ее причинно-

следственные связи строго ограничены наукой или нашими представлениями о возможных путях научно-технического прогресса. Законы природы предстают тем самым роком, что определяет судьбу мифологических героев.

Роже Кайуа пишет, что основная функция природы фантастического – «направлять ум к реальности еще неизвестной, доступной лишь предчувствию¹⁰». Для жанра научной фантастики эта чудесная реальность получает вполне рациональное объяснение, но сохраняет для зрителя чувство удивительного, сверхъестественного¹¹. Известный теоретик в области научной фантастики Джеймс Ганн также писал, что научная фантастика экстраполирует фантастическое изменение, изображая его глобальное влияние на мир будущего. Таким образом, подобно мифологии, научная фантастика стремится к максимально универсальному глобальному масштабу.

Еще более мифологично фэнтези, форма которого, традиционно, хотя и не обязательно, напоминает историко-приключенческий роман в декорациях средневекового мира, насыщенного магией, мифическими существами и сверхъестественными явлениями. Впрочем, располагающийся на противоположном полюсе насыщенный технологиями мир не обязательно приближает фильм к научной фантастике – многие известные фильмы, притворяющиеся научно-фантастическими, в действительности, оказываются вполне фэнтезийными, таковы космические оперы «Звездные войны» и «Звездный путь». Такой метод характерен и для кинематографа вымышленных вселенных. Формально, такие фильмы предлагает рациональное обоснование существованию супер-героев, но онтологически такое наукообразие даже не претендует на рациональное осмысление – костюм железного человека в «Мстителях» существует наравне с богом Локи, образом скандинавской мифологии.

Таким образом, отличие научной фантастики и фэнтези как жанров *fantastika* и, соответственно, научно-фантастических вымышленных вселенных от фэнтезийных вселенных в том, что научная фантастика экстраполирует известное в науке, занимается своего рода художественным проектированием научного, тогда как фэнтези не стремится объяснить фантастическое в своем мире, невозможное является в нем нор-

мой и существует системно. В свою очередь, хоррор, хотя и содержит необъясненное фантастическое, использует принципиально иной художественный метод – максимальное закрепление чувства, возникающего у зрителя от столкновения со странным, «неснятие изумление». В действительности, для построения вымышленных вселенных методы хоррора и строгой научной фантастики не используются или используются ограниченно. Так, фэнтези является единственной формой существования вымышленных вселенных.

Вымышленные миры и вымышленные вселенные. Вымышленные миры и вымышленные вселенные суть возможные миры (как понятие философского дискурса). В отличие от термина «вымышленный мир», так или иначе используемый в академических гуманитарных текстах, словосочетание «вымышленная вселенная» («fiction universe» или «shared universe») относительно недавно обрело устойчивость и более имеет отношение к журналистике, популярным кино-текстам и большим голливудским фантастическим фильмам. Вероятно, его появление было обусловлено необходимостью обозначения специфических художественных пространств действия сюжетов, которые начали появляться в кинематографе последних десятилетий. Сам анализ текстов, где встречается словосочетание «вымышленные вселенные», показывает, что речь в них чаще всего идет о фильмах, фактическая сторона повествования которых имеет отношение к другим планетам, параллельным вселенным или иным пространственно-временным континуумам. Так, Джон Толкин неоднократно утверждал, что Средиземье находилось на нашей Земле в далеком прошлом, хотя, очевидно, никакого отношения к нашей планете оно не имеет. Характерная для фэнтезийного жанра черта – при определенных формальных сходствах и совпадении тех или иных исторических и бытовых реалий, все они не имеют никакого однозначно зафиксированного пространственно-временной положения в нашей Вселенной. Мы не только не знаем, где и когда происходят события – волшебная страна Нарния цикла «Хроники Нарнии», Азерот вселенной Warcraft, Хагвартс вселенной Гарри Поттера, семь королевств сериала «Игры престолов» и т. д., мы не всегда понимаем физические законы этих миров. Рожденные под влиянием

бурного научно-технического прогресса вселенные «Звездных войн» и «Звездного пути» хотя и манифестируют свою принадлежность к нашей вселенной (ставшим легендарным «давным-давно в далекой галактике» в «Звездных войнах» и планета Земля как член объединенной федерации планет в «Звездном пути»), очевидно, имеет к ней не большее отношение чем классические фэнтезийные миры. На другом полюсе располагается т.н. «альтернативные Земли», например - супер-геройская вселенная компании Marvel (в некоторых источниках известная под именем «Земля-616»), раскинувшаяся на десятки фильмов о супергероях. В определенных аспектах эта вымышленная вселенная совпадает с нашим миром – многие формальные признаки Земли проговариваются прямым текстом – мы узнаем земную географию, политические особенности, города и страны, но оказывается совершенно сказочной в других – бог грома Тор изгоняется из Асгарда, одного из девяти миров, и отправляется в ссылку на Землю. Супер-геройское кино в этом аспекте оказывается своего рода современным фэнтези.

Во всех случаях вымышленные вселенные проявляются в фильмах фэнтезийного жанра (и родственного ему супер-геройского кино) и предполагают использование *фантастического* для своего конструирования. Именно здесь мы проведем границу между вымышленными мирами, которые имеют отношение в нефантастическому и вымышленными вселенными, которые строятся с использованием фантастического. В отличие от слова «мир», допускающего свое ограничение теми или иными обстоятельствами - «западный мир» (значит есть еще восточный), «мировое сообщество» (и не входящие в него страны-изгой), «внутренний мир» (а значит существует еще и внешний) и т. д. - все словосочетания так или иначе предполагают существование чего-то за пределами из значений, тогда как семантика самого слова «Вселенная» абсолютна, она отсылает к бесконечным космическим масштабам, к бесконечному количеству неизведанных миров, неоткрытых планет, неизвестных форм жизни, законов времени и пространства - Вселенная включает в себя сразу все.

Имитация и симуляция. Вымышленные фантастические вселенные суть виртуальные реальности. Славой Жижек отмечает, что спе-

цифика статуса виртуальной реальности определяется различием между симуляцией и имитацией: «виртуальная реальность не имитирует реальность, но симулирует ее с помощью сходства. Иначе говоря, имитация имитирует предсуществующую реальную модель, а симуляция порождает сходство несуществующей реальности - симулирует нечто, что не существует¹²». Для иллюстрации этого тезиса Жижек использует примеры из области компьютерной техники и финансовых рынков, мы же обратимся к кинематографу. Имитация предполагает существование некоей органической объективной реальности, например, художественный фильм об Отечественной войне 1812 года, очевидно, предполагает существование этой войны в истории в прошлом. То есть фильм имитирует нечто объективно существующее или когда-либо существовавшее. Поскольку имитируемое фильмом событие имеет некий знакомый зрителю объективный референс, зритель постоянно и неосознанно сравнивает их друг с другом – покуда в сюжете и образной системе фильма сохранены (или сымитированы, что точнее) максимум знакомых зрителю исторических деталей, он предсказуемо и комфортно воспринимает картину. Неслучайно, критика в адрес исторических фильмов всегда типична – их неполное соответствие *оригиналу* («в фильме все наврали»), неполная имитация; специалист по оружию обнаружит несоответствие оружия в руках солдат реальным образцам, носитель французского языка заметит фальшивый акцент актеров играющих роль солдат армии Наполеона, а историк может обратить внимание на несоответствие погодных условий реальным в изображаемых в фильме районах в те годы. Исследователь Б. Ф. Плужников пишет: «Представим, что в эпизоде ухода французов из горячей Москвы в фильме «Война и мир» зритель обнаружил бы фальшь и бутафорию в кадрах общих планов, снятых с использованием макетов. Общее впечатление от эпизода было бы снижено, у зрителя появилось бы недоверие даже к тем кадрам, которые снимались в условиях настоящей природы¹³».

Так, если мир викторианской Англии требует восстановления исторических деталей – костюмов, бытовых деталей, то вымышленная Вселенная свободна от таких условностей. Появление компьютера в доме Шерлока Холмса мгно-

венно был сфальсифицировало вымышленный мир кинокартин с его участием, тогда как невероятный научно-технический прогресс во вселенной «Звездных войн» никоим образом не мешает жить героям в землянках и путешествовать со скоростью, превышающей световую.

Симуляция не скрывает механизм ответственный за ее появление, будучи искусственной репродукцией, ее экранная реальность и есть единственно возможная реальность – раскрывающаяся в сознании реципиента реальностью виртуальной. Звезда смерти в «Звездных войнах» есть симулякр, не имеющий оригинала в реальности. Невозможно представить зрителя, который во время премьеры «Новой надежды» в 1977 г. сообщил бы о ее неполном соответствии образа Звезды смерти. Не полном соответствии ее образа чему? Характерно, что в 2018 году такого зрителя представить уже можно, образ звезды смерти стал не только частью канона вымышленной вселенной «Звездных войн», но и растиражированным и узнаваемым мифологическим образом массовой культуры, иными словами, происходит своего рода процесс имитации симуляции.

Метод фантастического. *Фантастическое* допускает наряду с миром объективной реальности существование множества иных миров, альтернативных объективному, каждый из которых может обладать собственной системой закономерностей. Вымышленная вселенная может быть практически неотличима от реального мира, за исключением существования героев и событий, явно характеризующих мир вымышленным (например, супергерои во вполне узнаваемых пейзажах мегаполисов). С другой стороны, вымышленная вселенная может практически не иметь или вообще не иметь ничего общего с реальным миром, даже фундаментальные принципы пространства и времени могут быть нарушены (например, кинофильмы «Трон» или «Матрица»). Вымышленные вселенные могут совпадать с объективным в определенной его части и различаться в неопределенной.

Подобно тому, как три типа взаимоотношения фантастического и обыденного сформировали три жанра фантастики – фэнтези, научную фантастику и хоррор, различные формы взаимодействия фантастического и обыденного представляют возможные миры в виде вымышленных миров и в форме вымышленных вселенных.

1. Фантастическое определяет героев и события => вымышленный мир. Приоритет фантастических событий (или их полное отсутствие) перед конструированием фантастической онтологии создает вымышленный мир. Строго говоря, вымышленные миры могут вообще обходиться без фантастического, например, мир супергероя 007 Джеймс Бонда впервые появившийся в книгах Яна Флеминга и развернувшийся уже на 23 картины. Несомненно, это мир со своими неизменными константами, внутренней мифологией, постоянными героями. В этом смысле, «вымышленный мир» характеристика не качественная, но количественная – определенное количество фильмов-сиквелов сюжет которых развивается в одном художественном пространстве создают свой вымышленный мир.

Но коль скоро именно фантастический кинематограф является объектом нашего исследования, то для него принципиальным является аспект вторжения невозможного фантастического в привычное обыденное – американская кинофантастика 50-х, настолько сконцентрированная на теме инопланетного пришествия и так однообразно ее раскрывающая, что весь ее массив целиком можно назвать одним вымышленным миром. Так или иначе, во всех случаях речь идет о вполне узнаваемой *нашей Земле* безо всяких фантастических условностей – невозможными является не ее пространственно-временные или культурные характеристики, а вторгающееся в нашу обыденность *Другое*, что и оказывается главным сюжетным триггером.

2. Фантастическое определяет онтологию => вымышленная вселенная. Обычно, характеристики вымышленных вселенных заметно отличаются от нашего мира. Их составляющие – вымышленные города, страны, планеты, галактики, другие измерения. В тех или иных своих элементах законы мироздания таких вселенных противоречат общепринятым фактам о мире (например, допустимо перемещение со сверхсветовыми скоростями как в «Звездных войнах» или магические заклинания в «Гарри Поттере»). Основная функция фантастического в таких фильмах – определять онтологию универсума прежде, чем фантастических героев и события. Фантастическое в вымышленных вселенных определяет не только и не столько героев и связанные с ними события, сколько про-

странство-время, в котором они действуют, как писал Станислав Лем, вымышленная вселенная есть «структурный элемент художественного произведения, определяющий его онтологию¹⁴». Будучи сформированной, универсум вымышленной вселенной сам начинает формировать героев и события, которые могут произойти с героями. Обладание Гарри Поттером магией не есть фантастическая способность, а природная обыденная черта. В фантастическом мире Хогвардса его магические способности никого не удивляют, в отличие от мира маглов - обыденного Лондона, где использование магии строжайшим образом запрещено для волшебников Хогвардса.

Это своеобразное двоемирие есть структурная особенность серии фильмов о Гарри Поттере – мир обыденного Лондона с населяющими его маглами – обычными людьми и мир фантастического Хогвардса, портал в который открывается на вокзале Кингс-Кросс, как некое иное измерение со своей географией и физическими законами, здесь правит магия, а научно-технический прогресс остановился с изобретением паровых двигателей. Фантастическое в обыденном Лондоне проявляется как вторжение *Другого* (неслучайно, законами Хогвардса строжайше запрещено использовать магию в мире маглов), тогда как фантастическое в мире Хогвардса является абсолютно привычным явлением.

Немаловажным фактором, обеспечивающим популярность фантастического кино вымышленных вселенных, является расцвет спецэффектов в кинематографе, их активное использование в фильме повышает его зрелищность и коммерческую эффективность. Спецэффекты, с одной стороны, еще не утратили способности удивлять зрителя, а с другой – развитие средств их производства позволяет уже не ограничивать творческую фантазию технологическими возможностями. Таким образом, выразительные способности спецэффектов наиболее продуктивно для внешней привлекательности фильма раскрываются именно в вымышленных вселенных, где их существование может быть обусловлено спецификой их пространственно-временного континуума (например, магия в мире «Гарри Поттера» или космические битвы в «Звездных войнах»). Поскольку в кинематографе вымышленных вселенных фантастическое определяет онтологию мира, значит спецэффекты мо-

гут применяться практически неограниченно, что с успехом продемонстрировал фильм «Аватар» (2010, реж. Джеймс Кэмерон).

Итак, всякая вымышленная кинематографическая вселенная содержит фантастическое, но появление фантастического в фильме не обуславливает само по себе превращение вымышленного мира в вымышленную вселенную. Таким образом, вымышленная вселенная – это самостоятельное внутренне непротиворечивое место действия фильма, где фантастическое определяет прежде всего его онтологию, а не персонажей или сюжет. Вымышленная фильма является фентезийным миром, где симуляционные механизмы его репрезентации преобладают над имитационными.

Литература

1. Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. №1. 1998. URL: <http://www.kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (дата обращения: 14.03.2018)
 2. Зенкин С. Эффект фантастики в кино // Фантастическое кино. Эпизод первый. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 408 с.
 3. Кай?уа Р. В глубь фантастического. Отраженные камни / пер. с фр. Н. Кисловой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. 277 с.
 4. Лем, С. Фантастика и футурология. В 2-х томах. Том 1. М.: АСТ, 1970. 562 с.
 5. Плужников Б.Ф. Искусство комбинированных киносъемок. М.: Искусство, 1984. 272 с.
 6. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
 7. Clute J. Pardon this intrusion: fantastika in the world storm. Harold Wood. Essex: Beccon Publications, 2011. 369 pp.
 8. Manguel A. Blackwater: the book of Fantastic Literature. Three Rivers Press, 1984. 967 pp.
- Fantastika in the world storm. A talk / URL: <http://www.johnclute.co.uk/word/?p=15> (дата обращения: 14.12.2017).

Ссылки:

- 1 Кай?уа Р. В глубь фантастического. Отраженные камни. С. 110
- 2 Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. С. 25

- 3 См. Manguel, A. Blackwater: the book of Fantastic literature. P. 56
- 4 Зенкин С. Эффект фантастики в кино // Фантастическое кино. Эпизод первый. С. 61
- 5 См. Зенкин С. Эффект фантастики в кино // Фантастическое кино. Эпизод первый
6 там же. С. 61
- 7 См. Зенкин С. Эффект фантастики в кино // Фантастическое кино. Эпизод первый
- 8 См. Clute J. Pardon this intrusion: fantastika in the world storm.
- 9 См. Кайуа Р. В глубь фантастического. Отраженные камни.
- 10 Кайуа Р. В глубь фантастического. Отраженные камни. С. 112
- 11 Fantastika in the world storm. A talk / URL: <http://www.johnclute.co.uk/word/?p=15> (дата обращения: 14.12.2017).
- 12 Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. №1. 1998. URL: <http://www.kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (дата обращения: 14.03.2018)
- 13 Плужников Б.Ф. Искусство комбинированных киносъемок. С. 4
- 14 Лем С. Фантастика и футурология. С. 23

Детерминанты верификации тоталитарных сект

Нехвядович Э.А., Гурко Г.И., Белов В.Г., Парфенов С.А.,
Сапожников К.В.

Проблема изучения деятельности тоталитарных сект в обществе остается весьма актуальной в силу их разрушительного влияния на адептов, в связи с чем данное явление активно исследуется с целью оградить граждан от влияния тоталитарных сект путём их информирования, реализуя принцип «предупреждён – значит вооружён». Одновременно, отношение к различным, иногда безопасным религиозным объединениям как к тоталитарным сектам также продолжает оставаться актуальным. В данном исследовании определен ряд детерминант и их веса в принятии решения по отнесению той или иной организации к тоталитарной секте. Разработан алгоритм дискриминации деятельности организации, как содержащей или не содержащей признаков тоталитарных сект, который может служить существенным подспорьем в экспертной деятельности при анализе тоталитарных сект и принятии социально-значимых решений в этой сфере

Ключевые слова: тоталитарные секты, критерии тоталитарных сект, дискриминантный анализ

Nekhvyadovich E.A., Gurko G.I., Belov V.G., Parfyonov S.A., Sapozhnikov K.V.

Determinants of verification of totalitarian sects

The problem of studying the activities of totalitarian sects in society remains very relevant due to their destructive influence on adepts, and this phenomenon is actively explored in order to protect citizens from the influence of totalitarian sects by informing them, implementing the principle of «warned - means armed». At the same time, the attitude towards various, sometimes safe, religious associations as to totalitarian sects also continues to be relevant. This study identifies a number of determinants and their weight in deciding whether to classify an organization as a totalitarian sect. An algorithm for discriminating against the activities of an organization as containing or not containing signs of totalitarian sects has been developed, which can serve as an essential tool in expert activity in the analysis of totalitarian sects and the adoption of socially significant solutions in this field.

Keywords: totalitarian sects, criteria of totalitarian sects, discriminant analysis

Введение

В настоящее время в России насчитывается примерно 500 сект при общей численности их последователей около 1 миллиона человек [8, 10]. Основной состав адептов данных религиозных объединений составляют граждане РФ трудоспособного возраста, в связи с чем вовлечение их в секты отрывает их от полноценной жизни и деятельности и определяет важность и актуальность исследований, проводящихся в этом направлении.

Термин «секта» является международным и имеет несколько определений, имеющих схожий смысл. Сектантские организации оказывают разное влияние на социум и здоровье людей. Наибольшую опасность, по мнению многих авторов, представляют тоталитарные секты, деятельность которых представляет опасность для социума [1, 3, 9, 13, 14].

Полемика вокруг применения термина «тоталитарная секта» тоже велика [2, 11, 12, 14], многие ученые считают данный термин несостоятельным с научной точки зрения. Коллектив наших авторов в основном состоит из врачей, поэтому нам в данном предмете показался крайне полезным аспект влияния на здоровье адептов данных организаций, т.е. непосредственно медицинская тематика. В связи с чем термин «тоталитарная секта» в контексте данной статьи использован как синоним выражения «деструктивная», «разрушительная для сознания адепта».

Сложность исследований состоит в том, что как таковой материал для исследований отсутствует – желающих исследовать себя на предмет собственного психического здоровья среди сторонников того или иного объединения, как показал анализ научных публикаций, не так много, и авторам приходится довольствоваться теоретическими рассуждениями. Не заменяя

предложенным в настоящей статье механизмом психолого-психиатрические исследования, мы, однако, предприняли попытку использовать массу имеющихся источников на данную тему, и предложить некоторый вариант её развития.

В целом, на наш взгляд, если в деятельности организации, необязательно религиозной, имеются признаки тоталитарности (деструктивности), то необходимо проведение соответствующих исследований по оценке влияния этих признаков на членов организации и социум в целом для разработки определённого объема коррекционных мер психологического и юридического уровня. Однако, переход от тоталитарных сект (то есть религиозных организаций) к деструктивным организациям в целом в данной статье не предусмотрен и может являться одной из отдалённых задач научного поиска.

Термин «тоталитарные секты» в России был предложен А.Л. Дворкиным в девяностые годы прошлого столетия; согласно мнению данного автора, к ним относятся «особые авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными масками» [8, с. 22]. Восприятие членами тоталитарной секты своего лидера в тоталитарной секте доходит до сакрализации последнего. Они расценивают руководителя как лицо великое, неприкосновенное, защищают его, отказываются давать против него показания. В таком типе поведения членов тоталитарной секты явно прослеживается магифреническая симптоматика, что является критерием отклонения от нормы психического состояния адептов тоталитарной секты.

В зарубежных источниках [16, 19] также имеется определение тоталитарных сект, данное канадской организацией «Info-Calt», где также делается акцент на эксплуататорском отношении организации к своим адептам при осуществлении полного контроля за всеми сферами деятельности новообращённого. Аналогичными являются определения тоталитарных сект, используемые в Германии [17, 18] и Франции [15].

Исходя из вышеперечисленного, проблема тоталитарных сект, а именно, их негативное

влияние на социум путем практически полного исключения из него новообращённых граждан, является не только социальной проблемой России, но и международного сообщества. Влияние тоталитарных сект, как негативных факторов социума, на здоровье отдельно взятых индивидуумов так же весьма существенно [1].

По вопросу определения критериев, присущих сектам, в том числе тоталитарным, проведен ряд научных изысканий как в России, так и за рубежом, однако, исследований, посвящённых оценке величины вклада данных критериев в принятие решения отнести ту или иную организацию к разряду тоталитарных сект, в доступной литературе не найдено.

При этом проблема отношения к различным, иногда безопасным религиозным объединениям, как к тоталитарным сектам и, соответственно, борьба с ними стоит довольно остро по причине отсутствия терминологического единства, индивидуальной оценки деятельности религиозных объединений специалистами, априорного негативного отношения к любым отклонениям от традиционных религиозных учений [2, 10, 11].

Целью настоящего исследования явился анализ феноменологии дискриминации тоталитарной секты и общественной или общественно-религиозной организации, создание механизма выявления манифестации магифренической симптоматики, свойственной групповому поведению адептов.

Необходимо ещё раз отметить, что, ссылаясь на тех или иных авторов, своей задачей мы видели лишь вычленение свойств, имеющих отношение к предмету данной статьи, цель которой не предполагает оценку специфики религиозного, философского, социологического, филологического, лингвистического и культурологического подходов в исследовании сектантства. В задачи настоящего исследования не входит также дифференцировка между понятиями «секта» и «тоталитарная секта» по причине «размытости» трактовки первой. Так, например, Тертуллиан в своем труде «Апологетика» относил раннее христианство к секте. Сейчас же сектой может именоваться любая религиозная группа, имеющая свою идеологию, отличную от господствующей церкви или идеологии, что, несомненно, придаёт понятию «секта» серьёзный религиозно-политический подтекст.

Один из акцентов настоящего исследования сделан на выявлении факторов психотравмирующего воздействия, которые присутствуют в деятельности организаций, значительно вредящих обществу и государству: тоталитарных сект и крайней их формы – деструктивных культов (сект-убийц), где активно пропагандируется убийство и самоубийство адептов. К таким факторам можно отнести, например, угнетающее воздействие лидера секты на психику адептов, что проявляется в магифренической симптоматике в коллективном поведении участников тоталитарной секты и, как следствие, сакрализации самого лидера.

Материал и методы

Достижение цели, поставленной в настоящем исследовании, осуществлено в несколько этапов.

На первом этапе проведён контент-анализ доступной литературы для формирования списка критериев, которые, по мнению различных авторов и социальных институтов, являются неотъемлемыми спутниками деятельности тоталитарных сект в России и за рубежом.

Второй этап заключался в уточнении данного списка, анализе содержания критериев и формировании окончательного перечня предикторов, которые затем будут включены в модель диагностики принадлежности той или иной организации к тоталитарным сектам.

На третьем этапе анализировались, по данным литературы, действующие или действовавшие тоталитарные секты (группа 1, основная). Результаты этого анализа оформлялись в виде матрицы дихотомических переменных (0 – признака нет, 1 – признак есть). Для контроля матрица дополнялась характеристиками обычных общественных организаций, которые входили в группу 2. Всего в матрицу включено 14 тоталитарных сект и 11 разных общественных организаций и институтов, ничего общего с тоталитарными сектами не имеющих. Тоталитарные секты вошли в группу №1, не секты, соответственно, в группу 2. Наличие признаков в характеристике организации из первой или второй группы определялось группой экспертов, состоящей из 10 человек. Из доступных источников – публикаций в интернете [7, 10, 14], монографий [8], материалов интервьюирования членов тоталитарных сект и других источников – гото-

вились справочные материалы. Сбор данных проводился с помощью представления экспертам собранных справочных материалов по каждой организации и последующего анкетирования. В анкете отмечались признаки из списка критериев, полученного на втором этапе, которые, по мнению специалиста, имеются в характеристике исследуемой организации. При обобщении ответов, итоговое наличие/отсутствие признака выставлялось при согласованности мнений экспертов по нему, согласно коэффициенту конкордации Кендалла, более 0,7.

Существенным условием исследования явился междисциплинарный подход и исключительно коллегиальное решение специалистов, чему способствовала выбранная методика. В состав группы экспертов входили врачи, психологи, криминалисты и представители религии, изучающие, каждый со своей стороны, влияние психотравмирующих событий, в том числе сект, на человека. Исходя из имеющихся данных, на наш взгляд, применённый метод является наиболее объективным и научно обоснованным, однако его результаты всё ещё могут быть рассмотрены только в качестве предположительных, т.к. изначально опираются на единственно доступную информацию открытых источников, достоверность которой подтвердить невозможно. Для получения более точных данных необходимы социологические, психиатрические и др. исследования адептов тоталитарных сект.

При проведении исследования выполнялась статистическая обработка полученных результатов на базе персонального компьютера в табличном процессоре Excel 2013 и пакете прикладных программ IBM SPSS Statistics 22.0. В соответствии с целью исследования, были рассчитаны веса предикторов в принятии решения для отнесения рассматриваемой организации к тоталитарным сектам на основании имеющихся номинальных данных. В соответствии с задачей и типом имеющихся данных, выбран метод дискриминантного анализа с одновременным включением всех переменных. Валидность классифицирующей функции проверялась с помощью оценки собственного значения функции, величины канонической корреляции, Л Уилкса и проверки качества дискриминации. Задачей данного этапа явилась разработка алгоритма классификации организаций, как тоталитарных сект или не имеющих к таковым отношения.

Результаты исследования

Активное изучение деятельности различных сект в нашей стране своим началом уходит во времена СССР, когда были впервые выделены наиболее типичные черты, характерные для сектантства:

1. Чрезмерная претензия на истинность избранного пути;
2. Прямое членство (индивидуальное принятие каждого в религиозную секту);
3. Отрицание иерархического принципа управления;
4. Строгая дисциплина;
5. Большая по сравнению с церквями роль религиозных лидеров (авторитетов);
6. Стремление к замкнутости, обособленности, сепаратизму;
7. Нравственная строгость;
8. Психология избранничества;
9. Элитарность, повышенный фанатизм и нетерпимость к инакомыслящим;
10. Прозелитизм и активная миссионерская деятельность.

В российской литературе имеется труд [8], в котором автором обобщен ряд подходов к определению признаков тоталитарной секты, например, мнение христианских западных сектоведов:

1. Наличие гуру (лидера), единственного члена секты, имеющего непосредственную связь с Богом;
2. Специфичная организация, с акцентом на жесткую дисциплину и беспрекословное подчинение;
3. Простое объяснение положительных сторон вступления в секту по принципу: « вступи – и получишь ...»;
4. Особенности религиозные ритуалы, зачастую позиционирующиеся как тайные и ни в коем случае не разглашаемые.

Также автор [8] приводит дополнительно еще несколько критериев:

1. Наличие собственного учения, литературы, их активная пропаганда и распространение;
2. Быстрая интеграция в государственные институты, в том числе получение разрешений на возведение собственных храмов, ведение предпринимательской деятельности, оказание услуг различного спектра населению;

3. Большой административный ресурс тоталитарных сект, позволяющий им практически безнаказанно нарушать законодательство.

4. Свой набор терминов, либо собственный язык;
5. Сложная организационная структура тоталитарной секты;
6. Наличие подразделения вооружённой охраны секты;
7. Наличие «карательного» подразделения;
8. Большой денежный капитал лидера, либо секты в целом.

Правительство ФРГ ещё в конце прошлого столетия предложило 17 признаков тоталитарных сект [18]:

1. Обещание получения всего, чего не хватало, при вступлении в секту;
2. Абсолютно новый взгляд на привычные вещи;
3. Очень простое мировоззрение членов секты, которым можно объяснить практически любой феномен;
4. Требование не проверять факты относительно секты, а принимать их на веру;
5. Наличие вождя, медиума или гуру;
6. Требование отвержения привычных мировоззрений, религии, убеждений при вступлении в секту, так как учение секты является единственно верным;
7. Критика секты со стороны общества является доказательством её правильности;
8. Высшая миссия секты – спасти человечество;
9. Расценивание секты её членами как высшего общества на фоне катящегося к катастрофе человечества;
10. Требование вступить в секту немедленно, без раздумий;
11. Особенности, отграниченные от остального мира, традиции, поведение, одежда, язык;
12. Требование разорвать связи с привычным окружением, семьей и т.д. при вступлении в секту;
13. Насаждаемая сектой своеобразная, подчас извращённая сексуальная культура;
14. Работа на секту, например, рекламирование самой организации, вербовка новых членов, строгий график религиозных обрядов, сбор денег в псевдо-благотворительные фонды;

15. Постоянный контроль со стороны других членов секты;

16. При наличии сомнений относительно успехов членства в секте, адепт подвергается резкой критике, выставляется виноватым в своих неудачах;

17. Требование беспрекословного подчинения дисциплине и правилам секты.

К критериям тоталитарной секты, по мнению канадского Info-Cult [8, 19], относятся:

1. Вера в исключительность лидера или гуру;

2. Сокрывание реальной цели существования секты от новообращённых, обман при вербовке;

3. Беспрекословное подчинение лидеру;

4. Лидер управляет всеми сферами жизни членов секты: сменить работу, завести семью и т.д. нельзя без его разрешения;

5. Акцент работы секты на добывание денег;

6. Лидер группы ни за то не отвечает ни перед кем и никому не подвластен;

7. Разрыв прежних связей новообращённого;

8. Требование от адептов жить и общаться только друг с другом;

9. Вопросы, сомнения и недовольство не приветствуются и даже наказываются, в том числе в наизидание другим членам секты.

10. Курс, которому следует секта, зачастую противоречит устоям государства, что может провоцировать конфликты;

11. Использование целого набора психологических приёмов (игра на чувствах адепта, управление им путем устрашения, вызова чувства стыда и т.д.)

В работе «Les sectes» (Франция) [15] предложена целая методика: для отнесения организации к числу тоталитарных сект, необходимо наличие в её деятельности одного из трёх нижеперечисленных критериев: психические манипуляции, тройное разрешение и тройной обман.

1. Психические манипуляции: индоктринация, контроль мышления, зависимость, давление. Эта характеристика использует три варианта методов:

- Когнитивная техника: заманчивые возможности вступления в секту, адепту активно навя-

зываются идеи секты (многочисленные встречи, курсы, семинары, исследования, чтения, аудиоматериалы, молитвы), которые постепенно вытесняют критическое отношение к теории, методам и практике секты.

- Поведенческая техника, хорошо известная психологам или психиатрам, которая состоит в том, что, начинаясь исподволь, провоцирует подчинение и зависимость, что приводит к потере свободной воли.

- Аффективная техника, при которой адепты проходят три этапа: привлечение обещаниями, лидером, группой, разрушение старых психологических установок, насаждение канонов секты.

2. Тройное разрушение:

- Индивидуума:

о личность, с точки зрения физиологии: недостаток питания, недостаток сна, тяжёлая работа, опасные медицинские процедуры;

о психика: изменение личности, поведения и критического мышления;

о интеллект: сужение областей знаний, не имеющих отношения к секте;

о межличностные взаимоотношения: регрессия навыков общения, разрыв с родственниками;

о социальный: разрыв с обществом.

- Семьи: нападения, оскорбления, клевета; принудительное или добровольное прекращение общения, прекращение отношений между родителем и ребёнком; разводы; вербовка детей и препятствия на пути их социализации.

- Общества: интеграция адептов во все сферы жизни общества, активная вербовка новых адептов, пропаганда антигосударственных настроений.

3. Тройной обман:

- Интеллектуальный: адепт фактически получает «кота в мешке». Многообещающее послание секты является редуцированным и разрушительным.

- Моральный: жестокое обращение с некоторыми последователями вместо обещанного «рая на земле».

- Финансовый: мошеннические финансовые схемы.

Там же [15] предложены дополнительные индексы и критерии секты:

1. Индексы:

- непомерный характер финансовых потребностей;

- нарушения общественного порядка;
- победы в судебных тяжбах;
- использование традиционных экономических схем;
- попытка проникновения в государственные органы;
- собственный язык, либо своя терминология.

2. Критерии:

- психическая дестабилизация;
- разрыв адептов с привычной средой;
- физическое насилие в секте;
- вербовка детей;
- безусловная преданность лидеру;
- учение, предполагающее совершение деяний, противоречащих закону или затрагивающих права и достоинство человека.

В отечественном обзоре, посвященном тоталитарным сектам в США [7], приведен следующий перечень критериев:

1. Наличие лидера секты, живого или мёртвого;
2. Культовое знание – «схема счастья»;
3. Черно-белая доктрина «Мы-они»;
4. Индоктринация фобий членам группы, в частности, боязни покинуть секту;
5. Отрыв от привычной реальности, разрыв контактов со старым окружением;
6. Эзотерический разрыв, т.е. незаметная подмена канонов учения, за которыми новообращённый пришел в секту, другими, реальными целями существования организации;
7. Смещённая система ценностей, например, разрешение убийства в интересах секты;
8. Активный прозелитизм – введение в секту новых членов;
9. Новояз (особый язык секты);
10. Закрытость секты от попыток самостоятельного проникновения извне, попасть можно только через опытного вербовщика.

К признакам тоталитарной секты Роберт Дж. Лифтон [12] относит:

1. Тотальный контроль за адептом;
2. Непонятная структура и скрытые реальные цели секты для адепта;
3. Все представляется в черно-белом свете: сектанты – правы, остальные – неправы;
4. Культ исповеди (покаяния) – отчеты руководству;

5. Абсолютная истинность учения секты, декларируемая адепту;
6. Перевод адепта на мышление стопорящими клише;
7. Доктрина, прививаемая адепту, замещает ему человеческий опыт;
8. Определение тех, кто достоин жить, а кто – нет.

По результатам контент-анализа открытых источников российской и зарубежной литературы можно подытожить, что проблема деятельности тоталитарных сект в социуме весьма острая, активно исследуется: и правительствами, и отдельными исследователями предпринимаются попытки оградить граждан от влияния сект путём их информирования, реализуя принцип «предупреждён – значит вооружён». Однако, внушительная часть материалов, публикуемых в сети «Интернет», за исключением, конечно, научно-периодических изданий, имеет скорее публицистический, нежели научный, стиль изложения: акцент сделан не на доказательности приводимых тезисов, а на их эмоциональности, побуждающей читателя сопереживать авторам материала и людям, попавшим под влияние секты, и негативно относиться к сектантству. Такие публикации, пусть и написанные с самыми благими намерениями, не могут быть приняты на веру в научном поиске, поэтому необходима детальная проработка полученных данных с целью обобщения материалов и выделения критериев, присущих тоталитарным сектам.

Таким образом, в конце первого этапа нашего исследования из различных источников было выделено чуть менее сотни критериев (94 элемента), характерных для сектантства. Данный список является слишком объемным, поэтому необходимо провести критический анализ разнородных перечней критериев для отбора или формирования небольшого, но, в то же время, ёмкого списка для дальнейшей работы, что и явилось задачей второго этапа исследования.

Если принадлежность организации к тоталитарной секте обозначена, как внешний критерий (фактор S, см. таблицу 1), то значения критериев могут быть разделены на два полюса, где положительный полюс означает наличие признака, отрицательный – его отсутствие. Среди 94 имеющихся критериев немалое коли-

чество является сходными по смыслу, а некоторые описывают один признак, но с разных сторон. После исключения «повторов» осталось 19 признаков, которые представлены в таблице 1.

После группировки по смыслу, 19 признаков обобщено и преобразовано в 10. Результаты данного синтеза позволяют подробно описать особенности деятельности исследуемой организации для последующего анализа. Необходимо отметить, что каждый из представленных ниже критериев является собой компонент психотравмирующего воздействия на адептов в тоталитарной секте:

1. Члены тоталитарной секты исповедуют единственно верное, активно пропагандируемое учение, заключающееся в ином толковании Священного Писания или других религиозных догматов, либо абсолютно новое учение. Позиция секты полярна. Её учение – венец всех учений. Ко всем остальным учениям, мировоззрениям и религиям отношение негативное, враждебное, вплоть до применения насилия.

2. Тоталитарная секта стремится к замкнутости, отграниченности от культуры окружающего социума. Вновь прибывающие в секту обязаны порвать со всем кругом общения вне секты: семьёй, друзьями, знакомыми; отказаться от своих убеждений, веры и т.д. В некоторых тоталитарных сектах общение и проживание адептов разрешено только с другими членами секты.

3. Члены тоталитарной секты воспринимают своего лидера как гуру или медиума, авторитета, единственно имеющего прямую связь с Богом (умершим основателем). Восприятие адептами руководителя имеет под собой магифреническую основу, придающую святость и неприкосновенность личности лидера: он – единоличный правитель, он ни перед кем не отвечает, в том числе, перед представителями власти региона, где он находится.

Лидер тоталитарной секты управляет как лично, так и через помощников всеми сферами жизни адептов, особенно новообращённых. Может требовать исповедей от адептов (отчетов об их работе).

4. Тоталитарные секты имеют сложную структуру, где каждый член занят подобранной ему работой на благо лидера либо самой организации, осведомлён о секте, её структуре и целях только в минимально необходимом объё-

Таблица 1
фактор S

Положительный полюс (S+)	Критерий	Отрицательный полюс (S-)
Тоталитарная секта		Не секта
+	Учение, единственно верное, остальные - ложные	-
+	Негативное отношение к другим религиям	-
+	Замкнутость организации	-
+	Общение – только с другими членами	-
+	Обрыв прежних связей	-
+	Магифреническая симптоматика восприятия лидерских качеств руководителя секты	-
+	Структура организации секты, наличие специальных подразделений (карательного и т.д.)	-
+	Вербовка	-
+	Приманивание новых членов обманом	-
+	Строгая дисциплина, система наказаний	-
+	Собственные обряды	-
+	Своя одежда	-
+	Новояз	-
+	Психологическая работа с членами для их удержания и насаждения канонов секты	-
+	Деграция члена секты, как личности	-
+	Интеграция в государственные институты	-
+	Легализация деятельности секты через сектор бизнеса	-
+	Большой административный ресурс лидера, либо секты в целом	-
+	Финансовый акцент на деятельности секты	-

ме, причём не всегда достоверно, либо не осведомлён вовсе. В составе секты могут быть специальные подразделения, например, охранное, карательное, связей с общественностью и т.д.

Таблица 2
Веса критериев в принятии решения отнесения организации к тоталитарным сектам

№	Критерий	Вес
1	Учение	0,579
2	Отчуждение	0,067
3	Лидер	0,497
4	Организация	0,662
5	Специальный отбор	0,194
6	Современные методы вербовки	0,150
7	Дисциплина	-0,026
8	Деструктивные атрибуты	0,786
9	Психическое воздействие	0,508
10	Административный ресурс	-0,265

5. Отбор новых членов тоталитарной секты проводится специально подготовленным адептом, индивидуально. Другими способами попасть в ряды секты нельзя.

6. Характерная для любых сект вербовка в случае с тоталитарными сектами выходит на «новый уровень»: учение может транслироваться любыми средствами массовой информации: радио, телевидение, интернет и т.д. Проводятся проповеди в собственных храмах тоталитарной секты. Организуются съезды, в том числе, международные. Печатная литература производится миллионными тиражами в своих типографиях.

7. Внутри тоталитарной секты царит строгая дисциплина, беспрекословное послушание лидеру, внедрена и активно используются системы непрерывного контроля и наказаний за неповиновение или сомнения, в том числе публичных и жестоких.

8. Традиции, ценности, ритуалы, системы обрядов, модели поведения в тоталитарной секте, в отличие от обычной секты, могут быть извращены вплоть до оправдания насилия, в том числе сексуального, самопожертвования, нарушения общественного порядка, пропаганды антигосударственных настроений, грабежа, наркоторговли, убийства.

9. Для удержания адептов в тоталитарной секте и подавления у них критического взгляда на организацию используется целый арсенал психологических методик: устрашение угрозой жизни самого члена секты и его близких, их гонениями, критика, игра на чувстве стыда и дру-

гих чувствах члена секты, насилие. Проводятся постоянные занятия, семинары в целях активной подмены понятий, насаждения канонов секты. Со временем происходит редукция адепта как члена социума, семьи, как личности. Снижаются интеллектуальные возможности, волевые качества. Исход – слепо повинующийся адепт, не задающий лишних вопросов и не сомневающийся в святости лидера и его великих целях.

10. Тоталитарная секта может активно интегрироваться в государственные институты. Используются финансовые схемы (в том числе мошеннические). Лидер и секта в целом обладают внушительным административным ресурсом и/или капиталом. Члены тоталитарной секты в некоторых случаях занимают государственные посты. Деятельность секты может легализоваться через бизнес.

Для определения вклада, который вносит каждый из вышеперечисленных критериев, на третьем этапе проведен дискриминантный анализ. Для упрощения работы с критериями, им присвоены краткие наименования с сохранением смыслового наполнения, согласно нумерации, указанной выше:

1. Учение;
2. Отчуждение;
3. Лидер;
4. Организация;
5. Специальный отбор;
6. Современные методы вербовки;
7. Дисциплина;
8. Деструктивные атрибуты;
9. Психическое воздействие;
10. Административный ресурс.

Включение в анализируемую матрицу организаций, не имеющих ничего общего с тоталитарными сектами, обусловлено необходимостью «обучения» алгоритма «отличать» тоталитарную секту от не секты. Обычная организация из всех критериев, присущих тоталитарным сектам, может иметь только, например, строгую дисциплину, что характерно для силовых структур, либо может быть интегрировано в государственную систему, как политическая партия. Это обстоятельство «подскажет» математической функции, что тот или иной критерий встречается не только у сект, поэтому его вес в решении классификации будет соответствующим образом уменьшен.

Итак, с помощью дискриминантного анализа получены стандартизованные коэффициенты критериев, отражающие их вклад в классификацию (таблица 2)

Значение центроидов групп «тоталитарные секты» (группа 1) и «не секты» (группа 2) равно соответственно, 4,375 и -5,569, следовательно, все критерии, кроме структуры, имеют положительный вклад, и наличие таких признаков у рассматриваемой организации говорит в пользу отнесения её к тоталитарной секте. Константа дискриминации (А), с которой сравнивается значение классифицирующей функции (S) для определения организации как тоталитарной секты или не секты, равно среднему арифметическому центроидов и составляет -1,193. Если значение функции $S > A$, следовательно, оно ближе к центроиду группы 1 (секты), при $S < A$ организация классифицируется, как не имеющая отношение к сектам.

Отрицательный вклад критериев «Дисциплина» и «Административный ресурс» говорит о том, что не только у тоталитарных сект, но и у многих обычных организаций имеется строгая дисциплина, например, у охранных организаций, и большой административный ресурс членов организации, например, у политической партии, что, впрочем, не противоречит здравому смыслу. При этом, разумеется, нельзя расценивать наличие этих критериев как однозначный аргумент против отнесения организации к числу тоталитарных сект, т.к. наиболее точна только комплексная оценка ситуации по всем десяти критериям.

Среди критериев, как видно из таблицы 2, наибольшие веса имеют критерии «Учение», «Лидер», «Организация», «Деструктивные атрибуты» и «Психическое воздействие», следовательно, данные факторы можно назвать ведущими в формировании тоталитарной секты.

Полученная функция объясняет 98,2% дисперсии зависимого признака, различия между группами статистически достоверны ($L = 0,036$; $p < 0,001$), точность классификации 100%. Всё это говорит о применимости дискриминантной функции S при анализе деятельности организаций.

С помощью нестандартизованных коэффициентов предложена формула классифицирующей функции S:

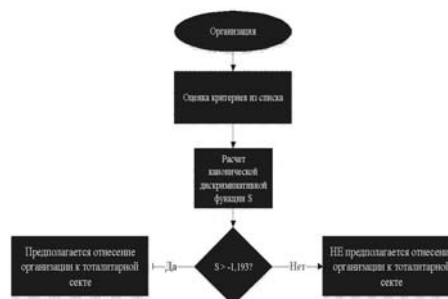

Рисунок 1 – Алгоритм отнесения деятельности организации к сектантской

$$S = -9,46 + Уч*2,91 + Отч*0,15 + Лид*2,50 + Орг*3,33 + СпО*0,41 + СМВ*0,34 - Д*0,07 + ДАтр*2,78 + ПсВ*2,53 - АдмР*0,52, \text{ где}$$

Уч - учение; Отч - отчуждение; Лид - лидер; Орг - организация; СпО - специальный отбор; СМВ - современные методы вербовки; Д - дисциплина; ДАтр - деструктивные атрибуты; ПсВ - психическое воздействие; АдмР - административный ресурс.

Алгоритм поддержки принятия решения, разработанный на основе списка критериев, формулы дискриминирующей функции S и значения константы дискриминации представлен на рисунке 1.

Заключение

Следует отметить, что перед современным российским обществом весьма остро стоит вопрос о представителях различных организаций, использующих техники манипулирования сознанием личности для вербовки и удержания своих членов и осуществляющих тотальный контроль мыслей, чувств и поведения своих приверженцев с целью удовлетворения интересов лидеров или самодовлеющей группы, что делает актуальным любые исследования данного явления.

По результатам исследования выделено 10 критериев, с помощью которых можно оценивать деятельность исследуемой организации. Необходимо отметить, что все они являются факторами психотравмирующего воздействия на людей. Ведущими в формировании тоталитарной секты можно считать критерии «Учение», «Лидер», «Организация», «Деструктивные атрибуты» и «Психическое воздействие».

Полученный нами алгоритм дискриминации деятельности организации, как содержащей или не содержащей признаков тоталитарных сект, может служить существенным подспорьем в экспертной деятельности при анализе тоталитарных сект и принятии социально-значимых решений в этой сфере.

Выводы

1. Проблема изучения деятельности тоталитарных сект в обществе остается весьма актуальной в силу их разрушительного влияния на адептов, в связи с чем данное явление активно исследуется с целью оградить граждан от влияния тоталитарных сект путём их информирования, реализуя принцип «предупреждён – значит вооружён». Одновременно, отношение к различным, иногда безопасным религиозным объединениям как к тоталитарным сектам также продолжает оставаться актуальным.

2. Предложенные в данном исследовании 10 критериев (учение; отчуждение; лидер; организация; специальный отбор; современные методы вербовки; дисциплина; деструктивные атрибуты; психическое воздействие; административный ресурс), характерные для тоталитарных сект, позволяют подробно описать особенности деятельности такой организации для последующего анализа и принятия экспертного решения (возможно, после проведения дополнительных исследований) об отнесенности изучаемой организации к тоталитарной секте. Также вышеперечисленные критерии являются компонентами психотравмирующего воздействия на адептов. Необходимо отметить, что наличие магифренической симптоматики в восприятии лидерских качеств руководителя тоталитарной секты наряду с собственным учением, строгой организацией, использованием деструктивных атрибутов и психическим воздействием являются одними из цементирующих факторов формирования тоталитарной секты.

3. Рассчитанные веса критериев в принятии решения об отнесении деятельности организации к тоталитарной секте и предложенный на их основе механизм выявления деструктивности сект валидны и могут быть применены на практике. При этом они играют достаточно существенную роль при принятии окончательного решения в связи с их высокой дискриминантной способностью.

Литература

1. Абдулганеев, Р.Р. Деструктивные культы и тоталитарные секты как источник распространения религиозного экстремизма / Р.Р. Абдулганеев // Юридическая наука. – 2012. - № 1. – С. 76-79.
2. Артюхов, М. Н. Секта: научная терминология или компрометация новых религиозных движений / М.Н. Артюхов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, №5, ч. 2. – С. 123-126.
3. Асланян, В.Ю. Психологическое воздействие служителей деструктивных религиозных культов как предмет профессиональной оценки экспертами-психологами : дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2009. – 203 с.
4. Белов, В.Г. Здоровье подростка как системное личностное качество / В.Г. Белов, Ю.А. Парфенов // Управленческое консультирование. - 2013. - № 6 (54). - С. 109-116.
5. Белов, В.Г. Психологическая защита и ее роль в процессе формирования адаптационной системы человека / В.Г. Белов, Г.М. Бирюкова, В. В. Федоренко // Гуманизация образования. - 2009. - № 3. - С. 66-71.
6. Белов, В.Г. Социальная поддержка как фактор смягчения кризисного состояния человека / В.Г. Белов, Ю.А. Парфенов // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. - 2012. - Т. 18, № 2. - С. 56-60.
7. Вайкина, А.А. Тоталитарные секты в США / А.А. Вайкина // Международный научный журнал «Символ науки». – 2016. - № 5. – С. 242-246.
8. Дворкин, А.Л. Сектоведение : тоталитарные секты : Опыт систем. исслед. / А.Л. Дворкин. - Н. Новгород : Изд-во Братства во имя св. князя Александра Невского, 2000. - 693 с.
9. Зарубина, Р.В. Секты и национальная безопасность / Р.В. Зарубина // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2009. – № 1. – С. 155-160.
10. Итоговая декларация конференции «Тоталитарные секты и демократическое государство» [электронный ресурс]. – Новосибирск, 2004. URL: <http://www.sektainfo.ru/sekty-i-kulty/spisok-sekt/> (дата обращения 18.5.2018 г.)
11. Курилов, В.А. Понятия секты, религиозного экстремизма и клерикализма в отечественных исследованиях второй половины XX – на-

чала XXI в. / В.А. Курилов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – С. 221-229.

12. Лифтон, Р. Дж. Технология «Промывки мозгов». Психология тоталитаризма / Р. Дж. Лифтон. – СПб., 2005. – 578 с.

13. Мудрик, А.В. Диссоциальное воспитание в контркультурных организациях / А.В. Мудрик // Проблемы современного образования. – 2001. - № 4. – С. 16-21.

14. Пронина, Т.С. Тоталитарные секты в современной России: региональный опыт исследования / Т.С. Пронина // Вестник Тамбовского университета. – 2008. - № 11 (67). – С. 578-581.

15. Gloor, D. Les sects. Approche sociologique et typologie, caractéristiques et mécanismes des

dirives sectaires / D. Gloor. - Gymnase de Morges, 2004 – 23 p.

16. Lalich, J. Take back your life : recovering from cults and abusive relationships / J. Lalich, M.Tobias. - Berkeley, Calif. : Bay Tree, 2006. – 372 p.

17. Murken, S. Prävention im Bereich der «So genannten Sekten und Psychogruppen.» / S. Murken. – Trier, 2004. – 48 s.

18. Röhle, A. ??? «SEKTEN» ??? Risiken und Nebenwirkungen / A. Röhle, I. Kunst. – Berlin : Senatsverwaltung für Schule, Jugend und Sport, 1997. – 130 s.

19. The risk of overestimating and underestimating «religious cults» in South Africa // Stellenbosch Theological Journal. – 2012. – P. 194-207.

Влияние социальных факторов и социальных ролей на гендерную религиозность

Пудовкина Ирина Михайловна

В предлагаемой статье рассмотрены методологические подходы к проблеме гендера, что позволяет выявить факторы влияния на степень религиозности мужчин и женщин. Также была поставлена цель выявить не только уровень вовлеченности женщин в церковные обряды, но и раскрыть причины участия.

Эмпирические данные получены в ходе социологических исследований, проведенных в рамках качественной парадигмы. Использовались два метода: данных анкетирование и контент-анализ при обработке вторичных

Ключевые слова: гендер, фактор культуры, социальное явление, модели поведения, социальная роль, гендерное неравенство, мужская роль, женская роль, религиозность, степень вовлеченности в религиозную жизнь, мотивация.

Pudovkina I.M.

Influence of social factors and social roles on gender religiousness
The proposed article considers methodological approaches to the problem of gender, which allows to reveal the factors influencing the degree of religiosity of men and women. Also, the goal was to identify not only the level of women's involvement in church rites, but also to reveal the reasons for participation.

Empirical data are obtained in the course of sociological research conducted within the framework of a qualitative paradigm. Two methods were used: data survey and content analysis in the processing of secondary

Key words: gender, cultural factor, social phenomenon, behavioral models, social role, gender inequality, male role, female role, religiosity, degree of involvement in religious life, motivation.

Гендер как понятие был введен в научный оборот в конце 60-х гг. американским психоаналитиком Р. Столлером. Но задолго до появления самого термина исследованию гендера были посвящены работы Аристотеля, И. Канта, Г. Гегеля, О. Конта, Э. Дюркгейма, Г. Спенсера, Г. Зиммеля, Т. Парсонса, П. Бурдьё, Э. Гидденса, Р. Бреннона и др. Обширный корпус научных теорий позволяет рассматривать проблему не только в области психологии и психоаналитики. Гендер в большей степени является социальной проблемой и закономерно, что социология, философия и антропология, рассматривают его в связи с социумом, в исторической ретроспективе и перспективе, как феномен культуры, результат деятельности, политический и идеологический фактор, признак неравенства, господства и подчинения.

Гендер связан с биосоциальной природой человека, но по сравнению с полом как природной данностью и первичной структурой, гендер представляет собой вторичное понятие, возникшее по мере развития общества, эволюции мышления человека и его способности к самосознанию и самопознанию, что подтверждается теориями Г. Спенсера, Б. Малиновского, К. Ясперса.

Гендер можно рассматривать как результат эволюции. Согласно теории органицизма Г. Спенсера с ее постулатом «закон органического прогресса есть закон всякого прогресса», есть еще и закон повторяемости как процесса, растянутого во времени, в результате которого появляется нечто новое и совершенное: «зрелое растение или живое существо», дифференцированное в результате эволюции от первоначального примитивного состояния [1. С. 23-24].

На основании определения культуры. Б. Малиновского, как функциональной системы, области выживания человека, условия реализации его биологических потребностей и сферу

сознательной деятельности, направленную на производство материальных и духовных артефактов или ценностей, «далеко выходящие за пределы его животных органических потребностей» [2. С.41-43], гендер представляет собой социальную роль и определяет вклад в развитие общества мужчин и женщин посредством их участия в производственной, познавательной, коммуникативной и духовной деятельности на протяжении истории.

В структуре бытия человека К. Ясперса, пол обнаруживает себя на первом уровне, на котором существование человека связано с телом. Но уже на втором уровне бытия происходят сложные процессы в сознании, под влиянием взаимодействия или сотрудничества или солидарности отдельного индивида с другими членами общества и осознанием себя не только как части целого, но тождественного «себя сознанию других людей» [3. С.53].

Таким образом, во всех теориях речь идет о формировании человека социального, посредством участия в социальных группах, составляющих структуру общества и, сохраняющих «свою преемственность, свою социальную отличительную групповую идентичность вопреки изменениям в личном составе» [4. С.222]. Фактически, речь здесь идет о социализации, которая в понимании Дж. Мида, является фактором идентификации индивида с социальным окружением, значимыми другими, его ориентацией на обобщенного другого и отождествлением себя обществом как всеобщностью других. Э. Дюркгейм считал, что социализация противоречит естественной природе человека, так как ее процесс, ни при каких условиях не может подавить биологические функции и потребности, или осуществлять жесткий контроль над эмоциями, «держат их в узде» в любой ситуации, преодолеть страсти, управлять подсознательными импульсами. Но цель социализации социолог видел в формировании в сознании моральных принципов, нравственных правил, которые позволяют контролировать собственные поступки, ориентируя их на общепринятые модели поведения как образцов для подражания.

С точки зрения гендера общепринятые модели поведения находятся в прямой зависимости от пола, что подтверждается психологическими характеристиками Ч. Кули и если у мальчиков поощряется стремление к самостоятель-

ности, к активным действиям; то у девочек одобрение получают совершенно другие модели поведения: уступчивость послушание, умение прислушиваться к мнению окружающих. В итоге взрослый мужчина независим, ориентируется на вещи или объекты внешнего мира, женщина сосредоточена на внутреннем состоянии, ее мышление субъективно и направлено на конкретного человека, в сознании которого, как в зеркале, она стремится «найти устойчивый и неотразимый образ самой себя, которым она может жить». [5. С.327].

Характеристика Кули строится на противопоставлении мужской и женской психологии, что в обыденном представлении обозначает дихотомию «сила-слабость», «самостоятельность-зависимость».

Ч. Кули не был первым кто использовал подобный методологический подход. А.Рэдклифф-Браун, исследуя примитивные религиозные культы, рассматривал их как фактор, формирующий модели поведения и устанавливающий взаимоотношения в социальных группах по признаку пола. Так, патрилинейные культы, связанные с поклонением предкам по мужской линии, регулируют взаимоотношения между мужчинами, состоящими в близком родстве; матрилинейные культы, посвященные «материнским божествам и сопряженному с ними сакральному комплексу», закрепляли типы поведения в отношении родственников по материнской линии. [6. С. 38].

Сторонником идеи разделения мужского и женского был и О.Конт и при всем пиетете перед женщиной в своей религии человечества, он считал, что ее таланты должны быть приложены исключительно в области домашней деятельности, тогда как предназначением мужчины является сфера общественной жизни и профессиональный труд [7. С.70].

Впоследствии Т. Парсонс также указывал на различие функций в семье и если женщина выполняет экспрессивную функцию, которая делает ее ответственной за домашнее хозяйство, то мужчине отведена инструментальная функция обеспечения, защиты, которая опять же связана с его деятельностью во внешнем мире. Фактически Парсонс продолжал идею Э. Дюркгейма, видевшего в разделении общественного труда появление женских и мужских гендерных ролей, «когда один из полов завладел эмоцио-

нальными функциями, а другой-интеллектуальными» [8.С.60].

Этой точки зрения придерживается и один из известных российских миссионеров, обосновывая ее разделением ролей женщины-матери и мужчины-отца: и если первая отвечает за продолжение и сохранение биологической жизни, то задача отца неизмеримо шире и сводится к тому, чтобы научить детей жить в этом мире, передав им свой собственный опыт и знания, так как здесь его мнение наиболее авторитетно, а его образ «власть, послушание, ответственность» и воплощает цивилизацию [9].

Р. Бреннон и Э. Гидденс аргументируют закономерность оппозиции мужское-женское на основании практической деятельности, разделении «труда по признаку пола», феминности и маскулинности, так как внешний облик мужчины и его «социальные практики принципиально отличны от женского внешнего вида и типов деятельности» [10].

Таким образом, опираясь на гендерные стереотипы, следует сделать вывод: если мужчины, как господствующая сила общества, по признанию ряда исследователей, в том числе Г. Зиммеля [11.С.45], И.С. Кона, К.Хорни на протяжении длительного времени строили цивилизацию, осуществляя деятельность в области политики, науки, экономики, культуры, религии, то они не только создали объективную социальную реальность, но и способствовали ее изменению, смене типов общества, развитию секуляризации и модернизации.

Результаты европейских социологических исследований, показывают, что в постсекулярном мире религия «играет значительно большую роль в жизни женщины, чем в жизни мужчины» как в аспекте принадлежности к конфессии, так и в «ритуальной составляющей религиозной жизни». Эта закономерность выявлена в ряде стран, в том числе и в России, где доля верующих мужчин составляет 40% по отношению к 57% верующих женщин. Соответственно и доля активного участия в религиозных обрядах неравна и составляет 9% мужчин по отношению к 21 % женщин; доля неучастия в религиозных службах верующих мужчин составляет 46%, верующих женщин 21% [12. С.217-218].

Выявленное неравное соотношение меняет традиционную гендерную иерархию и в области религии доминирующее место занимает жен-

щина, независимо от уровня индивидуальной религиозности.

Одним из важных факторов, повлиявших на формирование новой формы гендерного неравенства является секуляризация, в которую первыми были вовлечены мужчины, занятые в общественном производстве, что закономерно сказалось на уровне их религиозности, снижение которой зафиксированы в статистических данных XIX века.

В частности Пермские епархиальные ведомости ссылаясь на данные из приходских источников, показывают динамику участия прихожан в исповеди.

Так, в целом в Пермской губернии в 1886 году исповедовались и причастились мужчин 90 744 человек и женщин - 141 473 человек. В 1887 году количество мужчин продолжало снижаться и составляло 89 902 человек, но число женщин увеличилось почти на 99,3% и насчитывало 142 256 человек. В 1888 году число мужчин и женщин, бывших на исповеди, одновременно снизилось и в количественном соотношении соответственно составляло 74 411 человек к 83 209 человекам, но численность женщин все же превышало на 61, 4% [13].

Тенденция сохраняется и в XX веке, несмотря на то, что женщины в советский период начинают активно осваивать мужские профессии. Как показывают исследования К. Каарийнена и Д. Фурмана, выявивших большой процент верующих женщин – респондентов, особенно старшего поколения от 50-59 лет и старше 60, чье детство, взросление и сознательная трудовая жизнь совпала с советской эпохой. По сравнению с мужчинами-отцами этих возрастных категорий, число верующих женщин - матерей соответственно 56% и 22% и 68% и 43% [14. С. 12].

В настоящее время также продолжает наблюдаться значительный перевес в сторону верующих женщин и степени их вовлеченности в религиозную деятельность как показал опрос студентов I-III курсов очного и очно заочного отделений студентов БФ ПНИПУ, проведенный в мае 2018 года в опросе приняли участие 320 человек в возрасте от 20 до 35 лет.

Суммарные характеристики полученных данных выявили высокий процент верующих среди студентов: 82,1% -женщин и 60, 2% мужчин. Из них 53.9% женщин идентифицируют себя

как верующие православные; 48,7% мужчин также относят себя к православию. Однако, в ритуалы вовлечены с разной степенью постоянством 41,4% женщин и 15% - мужчин. Не принимают участия в культовой ритуальной деятельности 29,6% мужчин и 19,4% - женщин.

Устойчивое численное преимущество женщин объясняется согласно консервативному типу мышления женщин или отмечал Э.Дюркгейм, ее подчинением «авторитету традиции» и руководством «установившимся мнением» относительно данной традиции [15.С.186].

Многие исследователи объясняют уровень религиозности женщин склонностью к эмоциям, типичным для характера женщин, которые находят выход во время богослужения. Однако здесь также важно учитывать экспрессивную роль женщины, которая сводится к заботе о семье и данная роль мотивирует ее вовлеченность в обрядовую деятельность.

Как показали результаты опроса 55,2% верующих женщин приходит в храм, чтобы заказать различные поминовения о здоровье и благополучии своих детей и близких; 12,4% просят в молитвах о счастливой и благополучной семейной жизни; еще 10,1% заходят в храм «просто поставит свечи», но при этом не забывают помолиться о родных и близких. По сравнению: 11,2% мужчин никогда не пишут поминальные записки при посещении храма; 21,2% заходят в храм просто поставит свечи; 7,4% прежде спрашивают у служителей к каим именно икона лучше ставить свечу; 8,2% сопровождают жену (подругу) и выполняют их просьбы относительно записок, свечей и т.д.

В качестве следующего фактора, очевидно, следует признать трансформацию традиционной сегрегации гендерных ролей. И в этом аспекте следует учитывать первое: психологический дискомфорт женщины, вызванный, по признанию Т.Парсонса, отстранением ее от публичной сферы деятельности [16] и созданный вакуум в секулярном обществе компенсируется ее активным участием в общественной жизни и деятельности. В настоящее время женщина способна выполнять как экспрессивную и инструментальную функции, она амбициозна, и способна создать конкуренцию мужчине на рынке труда, что указывает на безличность социальной роли, связанной по определению И.С. Кона, с определенными ожиданиями от человека, за-

нимающего конкретное место в обществе [17.С.45].

В этом фрагменте исследования приводятся ответы только верующих женщин из которых 38,7% просят в молитвах о хорошо оплачиваемой и более престижной работе; 9,8% надеются найти работу после соержения; 12,2% заказывают молебны с подобной просьбой на сайтах монастырей и церквей: 6,5% просят родных и близких знакомых, собравшихся паломнические поездки обратиться с подобной просьбой к досточтимым местным святыням.

Также безличность социальной роли обусловлена знанием, которое также безлично как результат коллективных действий и коллективного опыта принадлежит всем. Это касается и религиозной области и, следовательно, женщина, как и мужчина, может претендовать на роль религиозного авторитета, особенно если учитывать определение религии как открытой системы, функционирующей на основе социальных детерминантов, включающих в себя всю сложную и разнообразную палитру общественных отношений, включая в себя, даже, незначительные, на первый взгляд явления социальной действительности [18.С.205].

Таким образом, исследование социальных факторов, влияющих на уровень религиозности мужчин и женщин позволяет углубить понимание общих религиозных трендов современной России и признать различия в степени вовлеченности в религиозную культовую деятельность как социальный феномен, зависимый от исторически предписываемых мужских и женских ролей.

Литература

- 1.Спенсер Г. Опытные научные, политические и философские. Мн: Современный литератор, 1999-1408 с.
- 2.Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005-184 с.
- 3.Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991-527 с.
- 4.Рэдклифф-Браун А.Р. О социальной структуре //А.Р. Рэдклифф-Боун. Структура и функция в примитивном обществе. М.: «Восточная литература» РАН, 2001-304 с.
- 5.Кули Ч. Социальная самость.//Американская социологическая мысль. Тексты /Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994-496 с.

6. Рэдклифф-Браун А.Р. Брат матери в Южной Африке //А.Р. Рэдклифф-Боаун. Структура и функция в примитивном обществе. М.: «Восточная литература» РАН, 2001-304 с.
7. Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи. Два этюда по женскому вопросу. М.: П.Д. Путилова, 1905 -101 с.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991-576 с.
9. Ткачев А. Мужики, мужики... [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravoslavie.ru/113233.html> (Дата обращения 12 сентября 2018)
10. Сухушина Е.В. Абрамова М.О. Рыкун А.Ю. Современные образы маскулинности // Вестник науки Сибири. 2017 № 4 (27) -С. 168-180
11. Зиммель Г. Культура философии. Лейпциг.: 1911- С.92.
12. Кофанова Е.Н. М.М. Мчедлова. Религиозность россиян и европейцев // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 4 (98)-С.201-230
13. Пермские епархиальные ведомости. Пермь. Типография Поповой. 1889. № 17. – С. 355-445.
14. Фурман Д.Е. Каарияйнен К. Религиозность в России в 90 гг. XX – начале XXI в // Новые церкви, старые верующие-старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России. / Под. ред. К.Каарияйнена, Д. Фурмана. Москва-СПб.: Летний сад, 2007-416 с.
15. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб.: Союз, 1008-494 с.
16. Фридан Б. Загадка женственности. [Электронный ресурс] URL: <https://www.e-reading.by/book.php?book=1019773> (Дата обращения 14 сентября 2018)
17. Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967 -383 с.
18. Яблоков И.Н. Понятие и функции религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011, № 1 – С.204-211.

Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области)

Скуденков В. А.

В статье проводится теоретический анализ последних исследований качества жизни россиян, а также анализируется изменение качества жизни жителей Иркутской области под влиянием экономических санкций против России, введенных в 2014 году. Результаты исследования даются в динамике с 2014 по 2018 год. Приводятся данные по оценке и динамике своего финансово-материального положения жителей Иркутской области в 2014 и 2018 гг., рассматривается уровень удовлетворенностью разными сторонами жизни и восприятие оценки воздействия экономических санкций на жизнь россиян.

Ключевые слова: Качество жизни, экономические санкции, россияне, представления, социально-экономические притязания

Skudenkov V. A.

The role of economic sanctions in changing the quality of life and socioeconomic claims of Russians (on the example of the Irkutsk region) The article analyzes the latest research on the quality of life of Russians, and also analyzes the changes in the quality of life of residents of the Irkutsk region under the influence of economic sanctions against Russia, introduced in 2014. The results of the study are given in the dynamics from 2014 to 2018. Data on the assessment and dynamics of their financial and material situation in the Irkutsk region in 2014 and 2018 are given, the level of satisfaction with different aspects of life and the perception of the assessment of the impact of economic sanctions on the lives of Russians are examined.

Key words: Quality of life, economic sanctions, Russians, views, socioeconomic aspirations

Качество жизни зависит от многих объективных и субъективных характеристик. К первым можно отнести показатели ВВП, уровень безработицы, прожиточный минимум и средний уровень заработной платы и т.д. Ко вторым – уровень удовлетворения социальных и экономических притязаний различных социальных групп, удовлетворенность жизнью в различных аспектах.

Правительством при оценке качества жизни учитываются данные мониторинга качества жизни и развития человека. О значимости и эффективности работы государственных органов можно судить по качеству развития экономики, здравоохранения, общественной безопасности и иным социальным институтам, а также по уровню удовлетворенности работы, досуга и прочими социальным составляющими жизни отдельных людей и социальных групп [2,3,6].

Введение экономических санкций против России привело к трансформации, как формальных условий жизни общества, так и неформальных индивидуальных стратегий адаптации к меняющимся условиям (Татаркина А.И., Куikliна А.А. [13]). Данные процессы привели к изменению качества жизни россиян. Цель данной работы показать условия и формы этих процессов.

Исследования, посвященные качеству жизни, имеют разные приоритеты. В одних работах делается упор на экономическую составляющую качества жизни, оценивается уровень потребления, уровень и условия жизни, уровень доходов и стратификации и т.д. (Акопьян Д.А. [3], Владимиров С.Н. [5], Котомина М.А. [14], Ласточкина М.А. [15], Мартышенко С.Н. [16], Прусова В.И. [18]).

В других раскрываются социальные факторы качества жизни – какие условия для жизни, работы и досуга имеются у людей, могут ли они

эти условия выбирать или подчиняются принятому в обществе порядку; какой уклад жизни считается «нормальным» и приемлемым; какое качество питания, одежды, досуга имеется у той или иной социальной группы (Абрамов А.П., Сороколетова А.О. [2], Бунеева М.В. [4], Гришина А.А. [8], Гусев В.В., Гвашева Ю.Ю. [9]).

В третьих изучаются психологические моменты оценки качества жизни, какими социально-психологическими характеристиками сопровождаются представители той или иной группы условия и механизмы построения своего процесса и качества жизни (Емельянова Т.П. [10], Полюшкевич О.А. [17], Скуденков В.А. [20]).

В четвертых рассматриваются демографические показатели качества жизни среди различных социальных групп (молодёжи или пенсионеров, жителей города или села, жителей мегаполиса или провинциального города (Вяльшина А.А. [6], Голиков Н.А. [7]).

В пятых изучаются политические аспекты воздействия на качество жизни населения. Отдельно стоят исследования посвященные оценке существующих подходов управления качеством жизни на государственном уровне, которые также связаны с политико-экономическими процессами внутри страны и за ее пределами (Скуденков В.А. [19], Чичканов В.П., Васильева Е.В. [21], Яковлева А.Д. [22]).

Изучение воздействия на качество жизни введения экономических санкций против России с 2014 года затрагивает все рассмотренные выше аспекты, поэтому может рассматриваться как междисциплинарный подход оценки качества жизни. Это согласуется с разработанными критериями комплексной оценки качества жизни и внедренными в практику региональными и муниципальными органами власти. В научной среде уже появился ряд исследований, касающихся роли экономических санкций в изменении представлений и качества жизни россиян. Но и они требуют углубления и дальнейшего изучения изменений в социально-экономическом и повседневно-бытовом пространстве россиян.

Характеристика исследования

Исследование проходило в два этапа в 2014 и 2018 году – до введения экономических санкций и спустя два с половиной года после их актуализации.

И на первом и на втором этапе применялся метод опроса и экспертного интервью. В опросе приняло участие 2800 человек, из них 1400 в 2014 году и 1400 в 2018 году. Возраст респондентов составил от 18 до 75 лет, 55% женщин и 45% мужчин, имеющих разное социальное положение, уровень достатка, образования, места проживания. Опрашивалось только городское население Иркутской области в таких городах как Иркутск, Ангарск, Братск, Усолье-Сибирское, Черемхово, Шелехов, Саянск, Тайшет, Усть-Илимск, Тулун. Погрешность выборки 2,4%.

В экспертном интервью приняли участие 40 человек: 20 в 2014 году и 20 в 2018 году. В экспертную группу вошли представители органов региональной и муниципальной власти Иркутской области, научные и педагогические сотрудники высших учебных заведений, члены общественной палаты, представители среднего бизнеса, руководители и ведущие специалисты некоммерческих организаций, молодежные активисты (лидеры студенческих движений).

В статье представлены некоторые результаты исследования.

Результаты исследования

Вхождение Крыма в состав РФ стало толчком для введения ограничений взаимодействия в ключевых отраслях экономики (нефтегазовой, финансовой, военной). Как ответная мера России – стало наложение эмбарго на иностранную продукцию (США и Европы, Австралии и Канады). Результатом этих процессов стало восстановление собственного промышленного и сельскохозяйственного производства. Последствием санкций выступает снижение курса рубля и увеличение инфляции (на июнь 2018 рост инфляции составил 4,4% [11], тогда как за весь 2016 году – 5,4% [12]), рост затрат на сырье, выплату зарплат, увеличения числа неплатежей налогов, закрытия компаний [3] и т.д. Повышение цен на необходимый круг товаров, заставляет население изменять привычки потребления, что приводит к ухудшению качества жизни разных социальных групп.

Изучая динамику финансово-материального положения жителей Иркутской области, мы выяснили оценку своего положения в 2014 и 2018 году и восприятие общего изменения материального положения за два года (см. табл. 1).

Таблица 1
Оценка и динамика своего финансово-материального положения жителей Иркутской области в 2014 и 2018 гг. (в%)

Оценка	Молодежь (18-31 год)		Средний возраст (32-55 лет)		Старший возраст (56-75 лет)		
	2014	2018	2014	2018	2014	2018	
Отличное материальное положение	14	8	12	4	7	5	
Среднее материальное положение	72	60	78	55	68	58	
Плохое материальное положение	14	32	10	41	25	37	
Изменилось ли материальное положение за последние два года?							
Изменилось в лучшую сторону	в	10	2	7	0	4	2
Изменилось в худшую сторону	в	35	68	53	75	36	78
Осталось без изменений	без	55	30	40	25	60	20

Среди молодежи в два раза увеличилось количество тех, кто считает, что у них плохое материальное положение (с 14% в 2014 до 32% в 2018 гг.). Отличное материальное положение сократилось на треть (с 14% в 2014 до 8% в 2018 гг.). Причем, в 2018 году для 68% молодежи за последние два года их материальное положение изменилось в худшую сторону, тогда как в 2014 году таких было 35%.

Молодые респонденты говорят о следующем. "Вроде все осталось, как и было, но все тяжелее получается: и деньги заработать и отдохнуть, в магазин сходить и договориться о новом проекте. Больше напряженности в людях и ситуациях" (И.Т., 26 лет, дизайнер). "Денег всегда не хватает, но в последние два года это стало как-то особо чувствоваться. Меньше возможностей их получить, выше конкуренция" (Т.А., 30 лет, программист).

Среди людей среднего возраста эта цифра имеет разрыв в три раза (с 10% в 2014 до 41% в 2018 гг.). Отличное материальное положение сократилось в три раза (с 12% в 2014 до 4% в 2018 гг.). Для людей среднего возраста в 2018 году за последние два года их материальное положение изменилось в худшую сторону в 75%, тогда как в 2014 году таких было 53%. Изменений в лучшую сторону материальной стороны жизни в 2018 году вообще нет, а в 2014 году было у 7% респондентов.

"Настроение всегда в упадке, нет надежды на то, что я смогу позаботиться о своей семье. Как рыба об лед бьюсь, работаю в два раза больше чем пару лет назад, а денег меньше получаю" (М.Н., 34 года, руководитель отдела в банке). "Сложно выстроить свою жизнь и помогать родителям, меньше премии, больше работы, больше напряга со стороны начальства и коллег. Все более негативно, чем раньше" (Н.Е., 45 лет, менеджер по продажам). "Чем старше, тем больше груз на тебе лежит. До пенсии осталось три года, а на работе нет гарантии, что смогу досидеть. А кто меня возьмет в 52 года на новое место? Вот и соглашаюсь на все, лишь бы не уволили. И работаю в три раза больше и получаю в два раза меньше" (О.Д., 52 года, бухгалтер).

Среди респондентов старшего возраста показатели более стабильны, хотя и они показывают негативную динамику. Плохое материальное положение увеличилось (с 25% в 2014 до 37% в 2018 гг.). Причем, в 2018 году для 78% людей старшего возраста за последние два года их материальное положение изменилось в худшую сторону, тогда как в 2014 году таких было 36%. Изменения в лучшую сторону материальной стороны жизни в 2018 году 2%, а в 2014 году было у 4% респондентов старшего возраста.

"Пожилым всегда тяжело жить, но сейчас особо. Пенсию увеличат на 1,5 процента, а цены

Таблица 2
Уровень удовлетворенности жизнью (в%)
1* – полностью удовлетворен
2* – частично удовлетворен
3* – совсем не удовлетворен

Оценка уровня удовлетворенности	Молодежь (18-31 год)						Средний возраст (32-55 лет)						Старший возраст (56-75 лет)					
	2014 г			2018 г			2014 г			2018 г			2014 г			2018 г		
	1*	2*	3*	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Удовлетворенность материальным положением	40	30	30	10	35	55	45	40	15	12	28	60	30	30	40	13	27	60
Удовлетворенность уровнем заработной платы	34	45	21	15	20	65	40	35	25	18	26	56	47	35	18	15	28	57
Удовлетворенность карьерными стратегиями	32	36	32	16	31	53	24	36	40	17	34	49	56	32	12	35	47	18
Удовлетворенность досугом	57	31	12	31	46	23	37	33	30	13	39	48	41	34	25	28	36	36
Удовлетворенность личными отношениями	58	33	9	31	39	30	54	31	15	22	37	41	35	30	35	27	38	35
Удовлетворенность отношениями на работе	35	21	48	23	55	22	46	31	33	24	29	47	35	41	24	27	42	31
Удовлетворенность отношениями с соседями	29	33	38	18	44	38	47	40	13	25	39	36	56	38	6	41	45	14
Удовлетворенность качеством еды	33	35	32	21	29	50	45	31	24	26	41	33	49	43	8	32	49	19
Удовлетворенность качеством одежды	30	61	9	11	43	46	33	35	32	17	58	25	33	47	20	20	56	24
Удовлетворенность системой образования	31	34	35	16	56	28	27	36	37	12	43	45	47	49	4	33	54	13
Удовлетворенность общественной безопасностью	39	31	30	10	29	61	44	37	19	22	48	30	55	43	2	16	46	38

в магазине на 15% - как тут будешь доволен, когда на всем сэкономишь?” (И.А., 72 года, пенсионер). “Думала на пенсии будет легче, а никак не легче, на рынке продаю то, что вырастила на даче, иначе не прожить совсем” (И.А., 57 лет, пенсионер).

Схожие результаты показывают исследование ФОМ на 2 февраля 2016 года, 28% россиян считают, что находятся в затруднительном финансовом положении, больше половины опрошенных – 62% – утверждают, что их доходы на среднем уровне. Также 46% россиян отмечают, что их финансовое положение стало хуже, столько же утверждают, что практически ничего не изменилось. И всего лишь 6% граждан говорят об улучшении своего финансового со-

стояния [1]. Таким образом, за прошедший год число бедных семей в России значительно возросло.

Большинство негативных последствий касается молодежи и людей среднего возраста, которые формируют основу среднего класса, его доля и состав в структуре общественного воспроизводства существенно сокращается. Само по себе – это тревожная тенденция, но в совокупности с уменьшением уровня удовлетворенности жизнью (см. таблица 2) это выступает еще более негативным примером социальных изменений под влиянием экономических санкций.

Удовлетворенность жизнью в большей части сфер жизни понижается во всех рассматри-

Таблица 3

Заметно ли на себе или на своей семье влияние введения экономических санкций 2014 года (в%)

	Молодежь (18-31 год)	Средний возраст (32-55 лет)	Старший возраст (56-75 лет)
Да, жизнь кардинально изменилась в худшую сторону	55	60	65
Да, жизнь кардинально изменилась в лучшую сторону	10	5	5
Ничего не изменилось	25	20	15
Что-то изменилось, что-то нет	10	15	15

ваемых социальных группах. Это пример негативного воздействия на качество повседневной жизни введения экономических санкций. Когда человек не удовлетворен хотя бы одной сферой своей жизни, то сложно говорить о качестве. Когда сфера не удовлетворения более 50% – можно говорить о кризисе. В нашем случае, уровень неудовлетворенности – критичный. Особенно важно – что этот показатель характерен для разных возрастных групп, что говорит о системном кризисе. И если не будут предприняты кардинальные шаги, то момент пересмотра условий и форм, возможностей и перспектив качества жизни может быть упущен навсегда.

В экспертном интервью, респонденты говорили о том же. “Жить стало сложнее. И это не просто пафосные слова. Надо больше считать – куда тратишь деньги, больше думать о завтрашнем дне, больше искать вариантов. Это все создает больше озабоченности и напряженности” (М.Ю., 49 лет, бизнесмен). “Сегодня нет гарантий в безопасности – начиная от экономической, заканчивая террористической, нет гарантий в стабильности карьеры и благополучии семьи. Все слишком шатко и это не дает уверенности в том, что ты справишься, и будешь жить, как хочешь” (Н.Д., 36 лет, научный сотрудник). “Сегодня нельзя быть чем-то полностью удовлетворенным, мир меняется, каждый день тебе предъявляют новые вызовы – хочешь-ни-хочешь – на них надо отвечать! Государство, семья, соседи, работа – не являются опорой, так как в тех же тисках изменений. Я думаю, сегодня мы как никогда одиноки и предоставлены сами себе. Введение экономических санкций лишь оголило и обострило эту проблему” (М.А., 25 лет, руководитель молодежного парламента г. Иркутска).

Также, респонденты отмечают все больше негативных воздействий на себе и своей семье, после введения экономических санкций (см. табл. 3).

Как видно из табл. 3 более половины респондентов каждой группы – ощущают на себе и своей семье негативные последствия введения экономических санкций (55-65%), изменения в лучшую сторону произошли у 5-10% респондентов каждой группы.

“Сначала, я не восприняла, что моей жизни как-то может коснуться введение санкций, а теперь вижу – цены растут, а зарплата нет. Так что – еще как коснулось и не в лучшую сторону!” (Т.Ю., 41 год, менеджер). “Политики далеко, да дела их близко. Конечно, есть воздействие на всех россиян. Но одни это не замечают, так как не думаю о России, а другие видят – что народу стало тяжелее жить!” (О.П., 64 года, военный пенсионер).

Таким образом, введение экономических санкций против России, коснулось многих жителей нашей страны. Одни более критично это воспринимают, другие с безразличием или покорностью. Но, оценивая изменения качества жизни, можно с уверенностью говорить о трансформации, как объективных условий, так и субъективных критериев качества жизни. Если органы власти не начнут изменения в идеологической работе, в социально-экономическом мониторинге и регулировании общественных отношений, то можно ожидать общественных волнений, социальной аномии и стагнации.

Литература

1. 80% населения России заметили ухудшение уровня жизни. ФОМ. / Новый день [электронный ресурс] URL: <https://newdaynews.ru/economy/519433.html> (дата доступа 01.07.2018)

2. Абрамов А.П., Сороколетова А.О. Потребление одежды: производство себя и коммуникация // Журнал гуманитарных наук. 2016. № 4 (16). С. 3-8.
3. Акопьян Д.А. Рост цен – инфляция – безработица // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2015. №5. С.21-24.
4. Бунеева М.В. Механизм влияния потребления на уровень жизни населения // Economics, management, law: problems of establishing and transformation. Collection of scientific articles. 2016. С. 75-79.
5. Владимиров С.Н. Влияние урбанизированных территорий на качество жизни // Научный альманах. 2018. № 5-3 (31). С. 56-59.
6. Вяльшина А.А. Сельско-городские различия уровня и качества жизни домохозяйств с детьми // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2014. № 1. С. 22-30.
7. Голиков Н.А. Оптимизация качества жизни учащейся молодежи: теория и практика // Среднее профессиональное образование. 2014. № 7. С. 5-7.
8. Гришина А.А. Досуг в обществе потребления: основные тенденции восприятия // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. Т. 195. С. 75-79.
9. Гусев В.В., Гвашева Ю.Ю. Формирование кластера социального питания как фактора снижения социального расслоения населения // Наука и современность. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 39-42.
10. Емельянова Т.П. Психологическое благополучие и социальные представления о жизни в мегаполисе // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 213-223.
11. Инфляция в июне стала неприятным сюрпризом / Ведомости [электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/07/06/712525-inflyatsiya> (дата доступа 01.07.2018)
12. Инфляция за 2016 год стала минимальной в российской истории/ Ведомости [электронный ресурс] URL: <https://meduza.io/news/2016/12/30/inflyatsiya-za-2016-god-stala-minimalnoy-v-rossiyskoy-istorii> (дата доступа 01.07.2018)
13. Комплексная методика диагностики качества жизни в регионе / под ред. А.И. Татаркина, А.А. Куклина. 2-е изд., испр., доп. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010.
14. Котомина М.А. Качество жизни сельского населения: методика оценки и региональные сравнения // Экономика сельского хозяйства России. 2016. № 4. С. 73-79.
15. Ласточкина М.А. Факторы удовлетворенности жизнью: оценка и эмпирический анализ // Проблемы прогнозирования. 2012. №5. С. 132-141.
16. Мартышенко С.Н. Концептуальные модели управления качеством жизни. Аналитический обзор // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2014. № 2 (38). С. 80–92. URL: <http://eee-region.ru/article/3806/?> (01.07.2018).
17. Полюшкевич О.А. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 66-71.
18. Прусова В.И. Уровень жизни населения России в период кризиса // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. №6. С. 52-57.
19. Скуденков В.А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.) // Социология. 2018. №2. С. 118-122.
20. Скуденков В.А. Представления россиян о благосостоянии и успехе в период экономических санкций // DIXI – 2017 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сборник научных трудов : выпуск 7 / под науч. ред. д-ра социолог. наук А. Ю. Завалишина. Хабаровск : РИЦ ХГУЭП, 2017. С. 135-141.
21. Чичканов В.П., Васильева Е.В. Управление качеством жизни в регионе: оценка эффективности и механизм // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 47. Декабрь 2014. С. 163-182.
22. Яковлева А.Д. Последствия влияния санкций на уровень жизни российского населения. Социологический анализ // Научные записки молодых исследователей. 2016. №3. С. 74-78.

Коммунистическая партия Китая как основа правящей элиты КНР

Шу Хуэйшань

Предлагаемая статья посвящена проблеме места и роли Компартии Китая как политической элиты в новых исторических условиях, в период экономических либеральных реформ которые, на первый взгляд, должны бы отрицать централизацию, идеологизацию и даже авторитарную политическую модель. Освещая проблематику взаимоотношений и взаимовлияния в рамках «партия - государство - общество» мы коснемся некоторых деталей политического механизма, общественно-политической ситуации а также дискуссии относительно перспектив на направлений развития политической системы КНР. Конечно, в пределах лишь одной статьи мы не можем претендовать на полноту. Без внимания автора остаются вопросы идеологической идентификации КПК, особенностей внутрипартийной борьбы, соотношение идеологического и цивилизационного начал т.д., - проблемы, которые так или иначе связаны с темой публикации однако требуют отдельного концентрированного рассмотрения.

Ключевые слова: элита, управленческий аппарат, Коммунистическая партия Китая, идеология, управленческие кадры.

Shu Huishan

The Communist party of China as the basis for the ruling elite of China
The proposed article is devoted to the problem of the place and role of the Communist party of China as a political elite in the new historical conditions, in the period of economic liberal reforms which, at first glance, should deny centralization, ideologization and even authoritarian political model. Highlighting the problems of relations and mutual influence within the «party - state - society» we will touch on some details of the political mechanism, the socio-political situation and the discussion on the prospects for the development of the political system of China. Of course, we cannot claim completeness within the limits of only one article. Without attention of the author there are questions of ideological identification of CPC, features of intra-party struggle, the ratio of ideological and civilizational principles, etc., - problems which are somehow connected with the topic of the publication, however, require a separate concentrated consideration.

Keywords: elite management, the Chinese Communist party, ideology, managerial staff.

Введение. Элитическая традиция в социально-политической мысли - одна из старейших, поэтому естественно занимает достойное место в классическом наследии политологии. Идеи разделения общества на «высших» и «низших», «аристократию» и «простолюдинов» возникли в глубокой древности и нашли свое обоснование в трудах Гуань Чжуна, Конфуция, Гераклита, Сократа, Платона, Аристотеля, Макиавелли, Ницше и др.

Древнекитайские мыслители еще в первом тысячелетии до нашей эры отмечали важность роли правителей, их влияние на становление и развитие государства, они пытались построить нормативную модель правителя, которая функционировала на основе законов и правил.

Первым в истории Китая выдвинул концепцию об управлении страной на основании закона («Законы - отец и мать народа») Гуань Чжун. Он говорил о единстве и всеобщности закона: «Правитель и чиновники, высшие и низшие, знатные и подлые - все должны соблюдать закон. Это и называется большим искусством управления». Гуань Чжун, будучи основателем легизма и действующим политиком, пытался поставить закон над правителями, однако более поздние теоретики легизма не поддержали эту идею. Гуань Чжун принимал законы, которые создаются правителями, как являющиеся средством ограничения прав наследования, аристократии на наследование высших административных должностей: «Только управляя на основании закона, можно выдвигать достойных и устранять плохих».

Другой известный древнекитайский мыслитель Хань Фэй, который завершил систематизацию легизма, наблюдая подъем и ослабление царств, пришел к выводу, что главные причины гибели государств связаны с состоянием центральной власти. Хань Фей отмечал, что слабый

правитель и недостаток твердых законов приводят к росту могущества благородных семейств, которые для своего удовлетворения строят роскошные дворцы, разоряя тем самым народ, а, в свою очередь, что беднее народ, беднее государство. В таких государствах процветают маги, и народ «увлекается жертвоприношениями духам». По определению Хань Фэя, мудрый и сильный правитель должен опираться на справедливые законы, уметь использовать силу власти и умело управлять людьми. Законы должны быть обязательными для всех людей. Искусство управления важно потому, что интересы правителя и чиновников, то есть тех, кто будет внедрять законы в жизнь, - противоположны.

Древнекитайские мудрецы считали, что целостность, процветание империй или, наоборот, их упадок и распад зависят прежде всего от качества правителей. Лао-цзы (народ, по преданию в 604 г. до н. э.) считал: «Лучший правитель - о котором знают, что он есть, и все. Которого любят и уважают, то хуже. Еще хуже то, которого народ боится. Хуже всех, над которым смеются». Для даосов самосовершенствование личности, ее элитизация достижима лишь тому, кто взрастил в себе «добродетель», что означает не только соблюдение норм морали, но и получения «полноты жизненных свойств», постижение внутреннего совершенства вещей. Поэтому человек обладающей излучает непоколебимую мощь жизни, всегда и везде привлекает к себе людей, они становятся послушными его воли, но при этом она не требует от других поклонения, она влияет на мир, не выказывая себя, не кичась своим качеством, люди ей верят, берут с нее пример.

Начиная с древнекитайского мыслителя Конфуция идеи разделения общества на высших и низших (теория элит) выделилась в самостоятельное направление политической мысли. Как сторонник четкого социального размежевания, Конфуций выделял благородных мужей не по происхождению, а по моральным качествам.

По учению Конфуция государство является большой патриархальной семьей, в которой власть правителя опирается исключительно на его авторитет, подобный родительскому, а также на чиновников, преданных идее служения общему делу. Он провозглашал одни нормы поведения для «благородных» людей, для тех, кто должен управлять, а другие - для «низких»,

обязанных подчиняться. Конфуций считал, что люди от рождения обладают почти одинаковыми способностями к постижению знаний, остальное зависит уже от их усилий и характера. Конфуций разработал механизмы и технологии отбора для обучения эффективных чиновников и их продвижения по службе. Только систематическое изучение наук, прохождение конкурсных экзаменов (причем многоступенчатых) открывало путь для успешной карьеры. За проведением экзамена на высшую ступень следили высшие чиновники и сам император. Обладатели высших степеней, полученных через систему конкурсных экзаменов («шэньши»), имели институциональные привилегии. Богатство и знатность само по себе не открывало автоматически путь к этому статусу, нужны были личные достижения, то есть это была элита меритократии. Высшей целью системы управления считалось благо государства, благосостояние населения.

Основной материал исследования. Если принимать во внимание колоссальный массив научных публикаций, посвященных современному Китаю и обратить внимание на освещение проблемы функционирования КПК в новых условиях то, как это ни парадоксально, мы найдем очень мало работ. В отечественной историографии эта тема непосредственно еще не затрагивалась. Внутриполитическая ситуация в Китае постоянно находится в поле зрения российских специалистов которые в своих публикациях и монографиях тем или иным образом касаются предмета нашего анализа. Американская и китайская историографии по понятным причинам богаты на разнообразные научные разработки. При этом следует заметить, что для гуманитарной науки в КНР на некоторые темы, связанные с ролью КПК в современных процессах в Китае наложено идеологическое табу. Это достаточно хорошо просматривается в китайской периодике, в том числе и научной даже из названий статей, где, согласно официальным идеологическим установкам более интерпретируются, чем критически анализируются проблемы взаимоотношений правящей партии и общества.

С момента своего основания в 1921 г. не смотря на марксистско-ленинский и маоистский идейно-теоретический и пропагандистский уклон КПК неоднократно демонстрировала зна-

чительную практическую гибкость, когда даже идеологическая основа подчинялась прежде всего конкретным политическим задачам. Союзы с Гоминьданом сменялись периодами войн и советско-китайской дружбой 1950-х гг. В следующие почти три десятилетия быстро «переросла» в затяжной межгосударственный конфликт. Антиимпериалистическая риторика Пекина отнюдь не мешала последнему начать нормализацию отношений с «основной империалистической державой» и завершить ее установлением дипломатических отношений с Вашингтоном в 1979. Почти два десятилетия прежде всего идеологических программ - «большого скачка» и «культурной революции» сменились на прагматичный период «реформ и открытости». За короткий период КПК превратилась из идеологической партии, основной задачей которой было соблюдать определенные маоистских политических стандартов и руководств в реформистскую силу, на практике внедряла новые элементы в общественно экономическую жизнь страны, которые, к тому же, противоречили идеологическим клише.

В результате современный Китай представляет собой уникальное сочетание рыночной экономики (пусть и с официальным приложением «социалистическая») и своеобразной идеологии марксистско-ленинского типа в интерпретации Мао и Дэн Сяопина. В то время, как в экономической сфере в течение длительного времени наблюдается изрядная динамика роста количественного и качественного, на макроэкономическом уровне, в финансовой сфере, технологиях, то политическая система остается практически замороженной. События на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. стали сигналом, политической реформы, в смысле перехода к реальной многопартийности в стране не произойдет и КПК удерживать политическую гегемонию в стране. Как одна из реакций руководства КНР на такие выступления было остановлено процесс мягкой политической реформы, которая заключалась в постепенном разделении функций государственных и партийных органов.

Действия китайского руководства в то время выдавались определенным реликтом маоистской эпохи, - подавление любой оппозиционности, борьба с инакомыслием. Немало критиков Пекина указывало на чрезвычайную консер-

вативность таких шагов. Конец 1980-х стал эпохой демократизации, когда один за другим падали диктаторские режимы. Мировой политической опыт (наиболее характерен в случае с Чили, Бразилией, Республикой Корея и Тайванем) свидетельствовал, что репрессивные режимы, проводя либеральные экономические реформы закладывали под себя, таким образом, мину замедленного действия. Появление новых социальных экономических активных и хорошо образованных групп, информационная глобализация, расширение контактов между обществами приводили к т.н. «Охлаждению» диктатур и, впоследствии, к их разрушению. Но в случае с Китаем сегодняшний день можно говорить о другом парадоксе - удачные экономические реформы и капитализация китайского социума, появление новой категории т.н. «Красных капиталистов», увеличение среднего класса в целом не отразились на позициях правящей элиты в обществе.

Этот парадокс объясняется тем, что реформы в целом принесли позитивные социальные результаты, став своеобразным историческим карт-бланш КПК. Инициатором нового экономического курса Дэн Сяопин и его окружение имели целью в том числе сохранить китайское государство после десятилетий экспериментов и разрушения, спасти имидж партии в глазах китайского общества. Идея экономических реформ зародилась именно в партийной среде, превратившись в некую политическую мантру, которая повторяется в официальных речах и документах. Однако вместе с выражением «построения коммунистического общества» как основной цели деятельности партии ставятся конкретные экономические и политические задачи, например увеличение ВВП или достижение «уровня средней зажиточности». Срок коммунизм, таким образом, в общественном сознании ассоциируется с конкретными положительными результатами. В связи с этим изменилось и обоснование новой исторической роли КПК, - это уже не просто партия-основательница КНР, но двигатель реформ. И именно экономическая политика, а не марксистско-маоистская идеология стали основным идейным фундаментом социальной стабильности.

Изменения в хозяйстве является результатом утверждения нового способа мышления правящей элиты, что, в свою очередь, связано с

качественными изменениями последней. За годы существования КНР Компартия Китая претерпела четырех ротаций партийного руководства. В общем такую эволюцию исследователи определяют как переход власти от идеологов к технологам, или технократов [9]. На смену маоистской эпохе пришёл коммунист-прагматик Дэн Сяопин который, понимая необходимость кадрового обновления способствовал политической реабилитации репрессированных во время «культурной революции» но вместе с тем не допустил эту категорию политиков к высшей политической власти, дав, таким образом, дорогу новым управленцам с новым политическим мышлением. Вообще можно сказать, что именно Дэн начал регулярную кадровую ротацию в партии. В середине 1980-х было принято постановление, согласно которому две трети новых членов должны были быть не старше 35 лет.

После отставки переходной политической фигуры Чжао Цзыяна, которому забросали симпатии по отношению бунтарей на площади Тяньаньмэнь с начала 1990-х начинает восходить политическая звезда Цзян Цзэминя. Новый Генеральный секретарь ЦК КПК и председатель КНР продолжал углублять экономические реформы соблюдая вместе с тем установки Дэна на контролируемость процессов в стране. Цзян называют представителем нового поколения «технократов», основной задачей которого было сделать реформы необратимыми и сосредоточивать больше внимания на совершенствовании существующих политического и экономического механизма в стране. На сегодняшний день у власти находится т.н. «Четвертое поколение» китайских руководителей во главе с Ху Цзиньтао. Это группа лидеров партии и страны, которых можно условно назвать ровесниками КНР (новый китайский лидер родился в 1942) Их образ мышления и политическая карьера сложились именно в период реформ, поэтому политической философии лидеров этой категории присущи понимание мировых процессов и тенденций а также новых перспективных направлений модернизации, которые должны превратить Китай в современную технологически развитую страну.

Сохранение динамики экономических, социальных и других преобразований, по мнению китайских лидеров, невозможно без использо-

вания партии как специфического механизма, ролевой диапазон которого достаточно широк и связан с сохранением контролируемости процессов во всех сферах жизнедеятельности страны. КПК остается «партией-государством». Центральная партийная власть неразделимы. Съезды КПСС являются основными ориентирами и их решения только обсуждаются и легитимируются формально высшим законодательным органом страны - Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП) [11]. Секретари партийных комитетов провинций наделены широкими полномочиями. Партийные структуры влияют на назначение правительственных чиновников, осуществляющих контроль над государственными предприятиями и образованием. Система кадров госслужащих в КНР предусматривает 6 типов кадров. Из них второй - это функционеры КПК и руководители и сотрудники аппарата т. н. демократических партий. В соответствующем документе однозначно заявляется о том, что именно «партия осуществляет управление кадрами» [5]. Можно согласиться с российским автором А. Поповым относительно того, что именно система номенклатуры и работает как основной инструмент контроль КПК над идейно-политическими и социально-экономическими процессами в стране [4, 232]. Слияние партийных и государственных должностей в значительной степени усиливает властные полномочия однако сопровождается негативными последствиями. Бюрократизация и, как одно из последствий коррупция для современного Китая являются серьезными многоплановыми проблемами [12]. По обвинению во взяточничестве в 2005 году были наказаны 13 официальных лиц министерского уровня. Очень часто применяется практика смертной казни, о чем сообщается в прессе. Но, как свидетельствуют официальные цифры даже исключительная мера наказания отнюдь не является профилактикой коррупции. Борьба с последней для КПК является проблемой довольно деликатной, поскольку обществу становится известно немало фактов участия именно партийных функционеров во всевозможных незаконных сделках.

Китай, вместе с тем, можно назвать одной партийной страной только с точки зрения особого статуса КПК. Вместе и Компартией в стране действуют еще восемь политических партий, общая численность которых чуть больше 600

тыс. Эти партии были созданы еще в середине 1940-х, к моменту провозглашения КНР и вошли в Народного политического консультативного совета, который был создан в сентябре 1949 г. в официальных документах КПК отмечается, что роль этих партий состоит в «реализации практики сотрудничества и консультаций Компартии Китая с широкими кругами общественности». На официальном уровне считается, что КПК возглавляет т.н. «Широкий патриотический фронт» в рамках системы многопартийного сотрудничества под руководством коммунистов. Их нельзя назвать оппозиционными, ведь более 8 тыс. Их членов занимают руководящие должности во власти или органах юстиции. Высший аппарат «демократических партий» практически находится на государственной службе. Сегодня они объединяют преимущественно представителей интеллигенции. Многие ее имеют хорошие отношения за рубежом, особенно в кругах китайской эмиграции. На наш взгляд деятельность этих партий больше связана с пропагандистской функцией. Государственная поддержка такой «управляемой многопартийности» направлена на ослабление идеологического давления как внутри так извне. Компартия, таким образом, пытается создать образ политического плюрализма, продемонстрировать свое стремление к учету мнений всех слоев населения и, соответственно, доказать, что важные решения в стране принимаются на основе уникального собственно китайского политического консенсуса.

Этим КПК стремится оставаться и дальше «архитектором» общества. Тенденция реформенных лет свидетельствовала о том, что в связи с дальнейшим развитием рыночной экономики и, соответственно, различием государственной и частной сфер наблюдалась постепенная потеря контроль парторганизаций над экономическими субъектами. Количество последних увеличивается и наличие парторганизаций явно не является целесообразной для ведения экономической деятельности. Поэтому высшее руководство страны искало способы, каким образом восполнить этот пробел.

После внесения дополнений в конституцию 1982 и устава КПК идеи Цзянь Цзэмина по «трем представительствам» (кит. Сань е дайбяо) с февраля 2000 начата соответствующая кампания. Смысл этой теории заключается в том, что роль

КПК на современном этапе заключается в развитии передовых производительных сил, прогрессивному развитию передовой китайской культуры и представлении широких слоев китайского народа. Иными словами, оставаясь рабоче-крестьянской КПК также выступает как выразитель интересов большинства населения вообще. В партию разрешено принимать т.н. «Новых китайцев» - представителей сферы бизнеса и финансов.

Такое теоретическое новшество стало результатом дискуссий в партии относительно соотношения идеологических лозунгов и реалий социально-экономической жизни. В научных кругах такое решение Цзянь Цзэмина комментируется как попытка КПК охватить своим контролем бизнес-круги страны, которые уже сейчас влияют на политику на местном уровне а в перспективе могут превратиться в «спонсоров» оппозиционного движения, следуя закономерности взаимоприращения денег и власти.

На данный момент можно утверждать, что такое решение представляется весьма эффективным с точки зрения дальнейшего следования метафоре Дэна «переходя быструю реку – осторожно нащупывайте камни», или же управляемости процессов в стране. Это своеобразная игра на опережение, ведь пока авторитарный режим для большинства предпринимателей приносит материальную выгоду. Пока КПК обеспечивает экономический рост, к тому времени она будет пользоваться лояльностью экономической элиты. И наоборот, китайский бизнес должен опасаться, что непредсказуемость и политическая нестабильность повредят их интересам. Поэтому можно предположить, что в ближайшем будущем политическая активность ограничиваться получением экономической выгоды. Но если предприниматели почувствуют, что нестабильность будет сопровождаться экономическим упадком то могут составить собой оппозицию или занять нейтральную позицию. Когда в большинстве стран демократизацию поддержали предприниматели то пока «красные капиталисты» Китая опираются на режим. Для КПК, в свою очередь, экономический рост и выгоды от него для широких слоев, в том числе и для бизнес-элит, имеет первостепенное значение. В такой ситуации каких-то внутренних стимулов для политической либерализации не существует и ее будущее связано исключительно с желанием самой Компартии [3].

Изменения в социальной опоре партии являются отражением нового отношения к подбору и качества государственных кадров. Эта тема всегда актуальна для китайского государства, поскольку стабильность последней, учитывая территорию и население в значительной степени связана с работой бюрократии, или другими словами государственными управленцами.

В течение длительного времени КПК позиционировала себя как партия рабочих и крестьян. В условиях экономических реформ ее ряды непременно начали пополняться интеллектуалами, бизнес-управленцами и другими профессионалами. Переход от идей классовой борьбы в экономической модернизации привел к изменению критериев подбора кадров для КПК как признак изменения приоритетов государственного строительства. Когда в 1962 Мао призвал «никогда не забывать о классовой борьбе» а в 1966 объявил борьбу тем элементам в партии, «следуют по капиталистическому пути», то в декабре 1978 ЦК КПК уже анонсирует завершение классовой борьбы и объявляет о том, что ключевой задачей КПК будет экономическая модернизация. В докладах Цзян Цзэминя на съездах постоянно подчеркивается «создание контингента высококвалифицированных кадров в соответствии с курсом на революционизирование, омоложение, интеллектуализацию и специализацию, который должен соответствовать потребностям социалистической модернизации» [7].

Выводы. Партия остается кузницей управленческих государственных кадров. Стать ее членом непросто. Прием в ее ряды может длиться несколько лет, а количество желающих в среднем в восемь раз больше запланированного числа неофитов. Членство в партии символизирует статус, власть, возможности и иногда привилегии. 70 млн. Владельцев партбилетов это примерно только 5% населения том КПК является скорее авангардной политической структурой, а не массовой. Согласно идее «трех представительств» в 2001 г. Цзян Цзэминь в речи на торжественном собрании по случаю 80-летия образования КПК пригласил в партию частных предпринимателей, владельцев, китайцев работников иностранных компаний и совместных предприятий. Таким образом, в социальной опоре режима появляется немалое количество тех, кого можно назвать движущими силами политической элиты.

Но не стоит впадать в крайность, считая, что КПК впоследствии превратится в партию «белых воротничков». После тяньаньменских событий 1989 года одним из выводов, сделанных партийным и государственным руководством страны, стало уделение большего внимания идеологической работе и идеологическому контролю над обществом. В оппозиционных выступлениях участвовали даже члены КПК. Выяснилось, что только наличие партбилета и участие в различных партийных мероприятиях полностью не обеспечивает лояльности к власти. Лейтмотивом многих выступлений по этому вопросу был тезис о важности идеологической сферы как мобилизующей и контролирующей, такой, которая создавала бы определенные рамки для дискуссий и вместе с этим не позволяла нарушать основополагающих официальных выводов об истории КНР и КПК, роль Мао Цзэдуна в процессах, происходивших в стране в конце 1950-х - в 1960-е гг.

В этом плане с точки зрения государственной идеологической целесообразности понятно регулярные и жесткие преследования движения «Фалуньгун», который в Китае набрал такие обороты, что, очевидно, начал представлять собой определенную идеологическую альтернативу правящей партии. По словам Ли Хунчжи, основателя этого учения, количество тех, кто практикует соответствующую методику «духовного оздоровления» превышает количество членов КПК. Даже если это и преувеличение все же и так очевидно, что к этому движению присоединились миллионы людей в Китае, даже члены Компартии. То, что «Фалуньгун» является жестким идеологическим оппонентом КПК видно из документа под названием «Девять комментариев о КПК», размещенного на сайте этого движения, где высказывается резкая дискредитирующая критика партии [2]. Поэтому вполне аргументированной по нашему мнению является характеристика «Фалуньгун» российским синологом Ю. Галеновичем как движения, который носит «политический протестный характер» [1, 186].

Подавление «фалуньгунивской ереси», как и продолжение практики жесткого партийного контроля над религиозными общинами объясняется не только стремлением партии сохранить идеологическую первенство и монолитность. Такая практика, на наш взгляд, является

результатом пребывания на высших ступенях власти уже вышеупомянутого поколения «технократов» для которых религия и духовные потребности вообще противостоят атеистическому и материалистическому воспитанию.

Все же идеологические процессы в КНР выдаются сложными обычному противоборству официальной «теории социализма с китайской спецификой» и разного рода либеральных или духовных течений. Китай нельзя рассматривать только как совокупность государственных институтов и их взаимодействие. Это, прежде всего цивилизационное образование, государственная система которого является надстройкой. Реализация коммунистических доктрин, в частности маоистской, хотя и приводила к разрушению традиционного культурного наследия, однако даже в таких действиях прослеживалась традиционные элементы (Большое количество авторов указывает на соответствие легистских и моистских социальных установок событиям в частности, периода «культурной революции»). Следя за процессами в культурной сфере современного Китая, бросается в глаза стремление вдохнуть новое содержание в традиционную философскую традицию. Многочисленные китайские исторические сериалы, которые уже добрались и наших экранов практически культивируют как необходимые государственные патриотические чувства, так и конфуцианские добродетели.

Литература

1. Галенович Ю.М. Заметки китаеведа. Москва, 2002.
2. Девять комментариев о коммунистической партии <http://www.epochtimes.com.ua/9comments>
3. Диксон Б. Красные капиталисты в Китае. Партия, частные предприниматели и перспективы политических перемен. Москва, 2005.
4. Попов А. П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века. Москва, 2007.
5. Система кадров - государственных служащих // http://russian.china.org.cn/china/archive/politics/txt/2002-05/28/content_2032259.htm
6. Хант М. Воссоздание истории международных отношений КПК // Китай в мировой политике. Москва, 2001.
7. Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. Москва, 2002.
8. XV всекитайский съезд КПК - торжественное событие на пороге нового века. Пекин, 1997.
9. Hong Yung Lee. From revolutionary cadres to party technocrats in socialist China. Berkeley, CA, 1991.
10. Mitchell P The Communist Party of China and Marxism, 1921-1985: a self-portrait // The Journal of Asian Studies, 1989, Vol.48, №1.
11. O'Brien K. Reforms without Liberalization: China's National People's Congress and the politics of Institutional Change. New York, 1990.
12. Xiaobo Lu. Cadres and Corruption: The Organizational involution of the Chinese Communist Party. Stanford, CA, 2000.

Исторический аспект освещения СМИ миграционного вопроса в ФРГ

Пархитко Н.П., Таран И.А.

В статье анализируются исторические предпосылки современного миграционного кризиса в Германии, а также то, как этот вопрос освещался в СМИ на разных исторических этапах развития Федеративной Республики. Автор проводит глубокий и последовательный анализ миграционной политики Германии начиная с 1871 года, с момента образования Германской империи как централизованного германского государства и до современного этапа. Основные методы, использованные автором при подготовке данного исследования, включают в себя историко-аналитический, системный, политологический и компаративный методы.

Ключевые слова: миграция, исторический анализ, ФРГ, волны миграции, миграционный кризис, освещение СМИ

Parkhitko N.P., Taran I.A.

Historical aspect of media coverage of the migration issue in Germany. The article analyzes historical preconditions of the current migration crisis in Germany, as well as how this issue was covered in the media at different historical stages of the Federal Republic development. The author conducts a deep and consistent analysis of the German migration policy since 1871 – the formation of the German Empire as a centralized German state and up to the present stage. The main methods used by the author in the preparation of this study include historical-analytical, systemic, political science and comparative methods.

Key words: migration, historical analysis, Germany, migration waves, migration crisis, media coverage

Введение

Мировая тенденция увеличения интенсивности миграционных процессов характеризуется тем, что основной поток беженцев устремляется в страны с высоким уровнем жизни, к которым в первую очередь относятся государства Евросоюза, а особенно ФРГ.

Политический ландшафт, сформировавшийся в Федеративной Республике Германии по итогам прошедших в стране парламентских выборов 27 сентября 2017 года, подтверждает тезис о том, что миграционный вопрос остается едва ли не ключевым звеном в исходе голосования в целом ряде федеральных земель ФРГ.

Не менее важен исторический взгляд на данную проблему: сопоставление текущей ситуации и той обстановки, которая складывалась в рамках миграционных процессов, начиная с 1871 года с момента возникновения Германской империи как централизованного германского государства впервые в немецкой национальной истории.

Миграционные процессы в Германии в период Империи и Веймарской республики

Вопрос миграции, в том числе и трудовой, для германских земель был актуален и в древности. Голландцы, вальденцы, зальцбургцы, и гугеноты – это первые иммигранты Германии, которые воспринимались как люди, которые пострадали за веру. Коренное население было к ним благосклонно, так как они вызывали своим присутствием определенный интерес. Именно поэтому интеграция инородцев проходила достаточно спокойно и без особых проблем.

Однако и другие юго-восточные, центральные-восточные и восточные регионы германской территории включали специальные поселения, в которых жители обладали особыми привилегиями. Этот факт стал не столь очевидным лишь в тот период, когда начались мировые войны.

Переселения принудительного характера, репрессии, эмиграция неугодных — все это стало причинами того, что граница между коренными жителями страны и теми, кто приехал, стерлась, а если она и была в каких-то районах, то еле заметная.

Кайзеровская Германия, занявшая после объединения ведущие позиции на европейском и одни из ведущих — на мировом рынке, имела несоответствие спроса и предложения в сфере рынка труда, что привело в конце XIX в. к нехватке людей в области сельского хозяйства, рабочих в промышленной отрасли, в сфере строительства дорог и каналов. Начиная с 1890-х гг. стали осуществляться перемещения сезонного характера «иностранцев-отходников» в Германию в массовом порядке. Согласно ведомственным данным, незадолго до начала Первой мировой войны Германия приняла около 1,2 миллионов «иностранцев-отходников», среди которых в большей степени наблюдались поляки и итальянцы. Большинство из них работало на территории бывшего Королевства Пруссия.

В этот период заметно возросла степень влияния прессы, в которой наиболее важной темой стала именно миграция. Ведущие издания данного периода: *Der Anfang* (Berlin 1911, 1-4; 1.1913/14 — 2.1914,4), *Israelitische Wochenschrift* (21.1890,1 — 25.1894,52 (31.Dez.), *Berliner Vereinsbote* (2.1896 — 3.1897), *Handwerk und Gewerbe* (Berlin: Basch, 8.1915 - 9.1916; 12.1920), *Im deutschen Reich* (Berlin : [s.n.], 1.1895 - 28.1922,4) [10].

Помимо партийно-политических изданий развивалась быстрыми темпами коммерческая печать массового характера. Доходы от рекламных объявлений, которые в большом количестве помещали на газетные и журнальные страницы, стали влиять на увеличение тиража изданий [1].

Интересно, что миграционный вопрос освещался в рамках политической мобилизации масс, направленной на антисемитизм. Последний, в свою очередь, трансформировался в Германии в новое содержание и форму.

За основу были взяты теории расового происхождения и отождествление евреев с негативной стороной современного капитализма. Сторонниками антисемитизма был выдвинут тезис, выражающий протест против увеличивающегося влияния индустриального мира.

Веймарская республика (1919-1933) не держивала в силу экономического кризиса занятость иностранных граждан на высоком уровне. На момент краха мировой финансовой системы в 1929 г. этот уровень почти сошел на нет. В прессе миграционный вопрос затрагивался слабо, так как в политике государства этому вопросу не уделялось должного внимания.

Стоит отметить, что этапы развития республики совпадают с этапами развития прессы: 1) 1919-1923 гг. — многочисленные восстания в республике, экономический кризис, быстрый рост цен, гиперинфляция, Веймарская конституция провозглашает свободу слова. 2) 1922 г — закон, согласно которому газету можно закрыть, если она критикует Веймарскую республику. 3) 1919-1923 гг. — стабилизация Веймарской республики. 4) 1929 г. - Великая депрессия (до этого Америка активно влила деньги в Германию). 5) 1929-1933 гг. - рост экстремистских настроений из-за тяжелой экономической и политической ситуации, сложившейся в Веймарской республике.

В материалах прессы Веймарской республики, выпускаемых в большей степени издательством «Scherl Verlag», немецким информационным агентством «Telegraphen-Union», миграционный вопрос затрагивался слабо, так как в политике государства ему не уделялось должного внимания [2]. Пресса была сильно политизирована и монополизирована. В 1916 году был создан Концерн Гугенберга (Hugenberg), на который возлагалась задача пропагандировать идеологию нацистов, освещать партийные документы, правительственную политику, расовые доктрины. В концерн входили издательства, информационные и рекламные агентства, кинокомпании и многочисленные газеты. Именно здесь позже будут устраиваться агитационные мероприятия и помпезные собрания с участием Гитлера.

Национал-социалистская Германия (1933-1945 гг.) астрономически увеличила количество иностранных рабочих. Впрочем, считать их «рабочими» в полном смысле этого слова едва ли представляется корректным. Дело в том, что любому рабочему как индивиду, занимающемуся наемной трудовой деятельностью, полагается хотя бы минимальная, но все-таки оплата его труда. В нацистской же Германии была создана целая сеть предприятий (в основном, работав-

ших на нужды Министерства вооружений), использовавших исключительно дармовый труд военнопленных, численность которых исчислялась миллионами, особенно после начала агрессии против СССР. Таким образом, с 1939 г. численность рабочих мигрантов увеличивалась галопирующими темпами и трансформировалась в конечном итоге в рабский труд «иностранн рабочих» и военнопленных, которые были депортированы согласно программным разработкам «использования иностранцев» в национал-социалистской экономике милитаризованного характера [8].

На момент окончания войны только число выживших «Zwangsarbeiter» (принудительных рабочих) составило 10-12 миллионов человек. Количество погибших в германском плену, в том числе, от непосильного труда и на опасных производствах, также исчисляется миллионами. Разумеется, в годы войны и нацистской тирании внутри самой Германии в прессе об этом не говорилось ни слова.

Скорее, напротив – пресса своим главным пропагандистским орудием в руках нацистов. Все СМИ Германии были под контролем Пауля Йозефа Геббельса (Paul Joseph Goebbels), министра народного просвещения и пропаганды. Все оппозиционные издания запретили. Закон Schriftleitergesetz от 4 октября 1933 года сделал возможной «расовую чистку» журналистики. Либерально-настроенных журналистов или редакторов еврейского происхождения изгоняли из всех изданий. Издательский дом Ульштайна (Ullstein), который был евреем, выкупило нацистское издательство Eher-Verlag. Широко известную в мире газету Frankfurter Zeitung закрыть не стали, чтобы мировая общественность видела нацистский режим с выгодой стороны, однако весь еврейский персонал из издания был уволен.

Особенности миграционных процессов в Германии после II мировой войны

После 1949 года пресса уже окончательно восстанавливается после военного времени, ее число достигает 600 изданий. В 50-е годы наблюдается концентрация прессы. Особенно к этому процессу относится формирование газетной группы независимого характера: Издательский дом Frankfurt am Main. Региональная прес-

са стала сильно ослабевать, центральные СМИ набирали темпы развития и влияния. В середине 1980-х годов рынок прессы поделили между собой издательские концерны: Axel Springer SE, WAZ-group, Sddeutscher Verlag, Dumond, Stuttgarter Zeitung. и др.

9 октября 1949 года провозгласили ГДР во главе с Социалистической Единой Партией Германии (СЕПГ) с газетой Neues Deutschland. Именно это издание стало ядром СМИ ГДР. Популярными в то время стали многотиражные производственные газеты, их издавали партийные комитеты предприятий, государственных учреждений, вузов. Уже концу 80-ых гг. тираж таких газет достиг более двух миллионов. Другим печатным органом ЦК СЕПГ стал журнал Einheit [9].

После Второй мировой войны в Германии происходили крупные процессы иммиграции и интеграции. Полагаем, эти процессы можно структурировать на четыре. Однако стоит отметить, что опыт Восточной и Западной Германии в этом смысле сильно отличается. Имело место доминирование абсолютно противоположной миграционной политики. Первым процессом считается переселение немецких беженцев, которые были в изгнании: Западная часть Германии сочувственно называла их «изгнанными с родины», в Восточной части эту категорию людей называли более формально и отстранено – «переселенцы». В ФРГ организации, выступающие в защиту изгнанных, десятилетиями официально отстаивали право этих людей на родину, а в ГДР «проблема переселенцев» была под запретом, так как действовали по принципу – не так, как в Западной Германии. В западной части возрастание притоков эмигрантов из Восточной и Юго-Восточной Европы проходило уже и после окончания программы по принятию изгнанников: в 1951–1988 гг. через лагеря для перебежчиков границы перешли около 1,6 млн. чел.

В свою очередь Восток, который выступил против «интеграции переселенцев», неохотно принимал переселенцев, потоки которых в этой части были крайне невелики. Переехать сюда можно было только по одной причине – воссоединение с семьей. Сначала тенденция к увеличению беженцев на территории ФРГ была не столь заметна, однако уже к 1890-му году она набирает ощутимые обороты.

ГДР не допускала иммиграцию и интеграцию в полной мере, зато более явно тут протекали эмиграционные и изоляционные процессы из-за переселений и бегства в западную часть. Все эти различия в миграционной политике двух частей Германии обусловлены также и «холодной войной», именно поэтому Запад был за интеграцию, которая подтверждает несовершенство «коммунистической власти» и в то же время стимулирует приток рабочей силы.

Второй крупной волной иммиграции в Федеративной Республике стал приток трудовых мигрантов: как следствие договора Германии и Италии в 1955г, а также соглашения с Турцией, давшего начало организованной вербовке иностранных кадров в Германию на официальных основаниях. Турецкие граждане приезжали на немецкую землю, чтобы восстанавливать страну после войны.

После возведения в Восточном Берлине стены в 1961 году эмиграция из ГДР практически прекратилась и началась постепенное привлечение иностранцев на рабочие места [8].

Задействование иностранной рабочей силы на Западе набирало обороты до 1973 года, когда случился «нефтяной шок», который временно прекратил интенсивный миграционный поток иностранных рабочих. За период второй волны массовых переселений в ФРГ, на ее территорию приехало 14 млн. трудовых мигрантов, из них 3 млн. человек остались жить в стране.

За это время те, кто остались, укоренились в ФРГ, некоторые получили немецкое образование. Так что уже к 1970-му году таких эмигрантских семей стало очень много.

ГДР в это время тоже привлекала иностранную рабочую силу, хоть и не в таких количествах, как это происходило на Западе. Такие рабочие часто были задействованы в труде крайне тяжелом, в фирмах наименее престижных, а условия труда нельзя было сравнить с условиями труда этнических немцев. Надо сказать, что в обеих частях Германии миграционная политика, а также вопрос интеграции не были налажены, правовые акты плохо контролировали эту сторону немецкой политики. Очень часто иностранцы ГДР работали «под прикрытием» стажировки. Кроме того, сами факты того, что иностранцы работают в республике, замалчивались, всячески маскировались и не транслировались общественности.

Однако позже правительство ГДР создало структуру, которая подразумевала шефство над иностранными рабочими, а также распределение иностранцев по специальным общежитиям, которые имели свои территориальные особенности.

После того, как Германии была объединена, произошел следующий парадокс: появились проблемы с иностранными рабочими, но наряду с этим появились сложности и в связи с тем, что немцы теперь разделялись по идеологии. Жителям восточной части было сложно привыкнуть к другой политической ситуации, ровно, как и наоборот. Получается, что в определенный период времени и сами немцы были друг другу чужими, с разным мировосприятием, установками. Получается, что проблема «чужаков» в Германии состоит из нескольких слоев: сами иностранцы и две части диаметрально противоположных немцев (т.н. Ossi и Wessi, т.е. жители бывшей ГДР и ФРГ соответственно).

Третьей группой иммигрантов в послевоенные годы стали люди, которые искали убежище и беженцы других категорий. Ответ западных немцев на прием послевоенного времени или отказ в приеме немецких эмигрантов 1933-1945 гг. - выдержка в ст. 16 конституции в то время вызвала очень много дискуссий. Эта формулировка звучит следующим образом - «Преследуемые по политическим мотивам имеют право на убежище» [7].

К четвертой большой группе относятся выселенцы и немецкие иммигранты из Восточной Европы: иммиграцию переселенцев по-другому можно назвать «возвращением через поколение». Предки мигрантов, покинувшие страну несколько десятилетий, а то и веков назад - являются основанием для их потомков вернуться на истинную Родину.

Те, кто официально были признаны «выселенцами» на основании правовых норм в послевоенное время имели возможность получить германское гражданство, получая при этом все права и обязанности обретенного статуса. Однако тут стоит отметить, что эти люди, которые выросли в других странах в культурном, ментальном смысле все равно другие. Их генетическое родство с немцами выступает лишь как формальный фактор для получения гражданства.

Очень важен в то время был вопрос об ин-

теграции в немецкое общество этих людей. Ведь прибыв в Германию, они смешались с «чужаками» других категорий. Эта проблема стала обостряться, когда количество высленцев стало увеличиваться, а рост иммиграции всех других категорий стал массовым.

Пресса Восточной Германии позитивно освещала миграционную политику государства, в то время как Западная критиковала любые попытки иностранцев проникнуть на их территорию, широко освещались случаи общения местных жителей с иностранцами и расценивались как предательство Родине [6].

Миграционные процессы в ФРГ на современном этапе

Изначально идея миграционной политики ФРГ предполагала, что сезонные рабочие будут уезжать на Родину, как только их двухлетний контракт истечет. В официальных документах этот момент значился как принцип ротации. Однако тот факт, что стране не хватает рабочей силы, побудил правительство изменить законодательство. Случилось это и потому, что принцип ротации вызывал определенные неудобства и делал миграционную систему нелогичной. Так как уже обученные иностранцы через два года уезжали, а взамен приезжали новые, еще неопытные работники, которых заново приходилось учить и вводить в курс дела. Именно поэтому уже в 1964 году закон о ротации был отменен, взамен ввели новое положение, по которому иностранцы могут длительное время оставаться в ФРГ. Помимо этого они получили право привезти семью с собой [5].

Но с учетом выводов, сделанных из последствий кризиса 1973 г., нанесшего ощутимый урон экономике ФРГ, процесс привлечения и воссоединения иностранцев был полностью прекращен. Однако людям дали возможность выбрать, хотят ли они вернуться на Родину или же остаться в ФРГ. Надо сказать, что большая часть иностранных рабочих предпочла остаться в ФРГ со своей семьей. К 1993 г. ФРГ стала вводить ограничения для тех, кто хотел жить на исконно родной территории. Число высленцев в этот год было снижено до 220 тыс. человек и потом с помощью наложения определенных ограничений доведено до 100 тысяч в 1998 г [3].

К такого рода ограничениям можно отнести введение языкового теста в 1996 году. Именно

он в значительной степени повлиял на уменьшение потока высленцев. Однако политика в области интеграции этой иммиграционной группы до сих пор считается образцовой и носит рекомендательный характер и для других категорий мигрантов.

Долгое время иммиграцию высленцев считали образцовым примером миграционной политики в сфере интеграции иностранцев. Из-за того, что экономическая ситуация в ФРГ была сложной, наблюдался бюджетный дефицит, страна стала сокращать пособия по интеграции, однако высленцы при этом все равно остались особо привилегированными в социальном положении и отношении к ним этнических немцев.

Однако при интеграции иностранцев с Востока выявлялись новые серьезные трудности, которые необходимо было каким-либо образом устранять или по крайней мере сглаживать. К числу таких трудностей можно причислить, в том числе, и некоторые осложнения в течение десятилетней интеграции «своих» иностранцев, этнических немцев.

В начале 1992 года в ФРГ прибыло 1,5 миллионов человек, это объясняется тем, что многие этнические немцы после развала СССР и экономических трудностей захотели вернуться на свою этническую родину из республик бывшего Советского Союза. Кроме того, среди этих людей были и те, кто бежал от политического гнета, в большей степени из восточноевропейских государств.

В первую очередь, это были беженцы из Югославии. Этот процесс происходил с 1991 по 1992 год. А также к этой массовой волне миграции этого периода можно отнести выходцев из стран, которые не были частью Европейского союза. По большей мере к этой категории переселенцев относились трудовые мигранты.

На рубеже веков, а особенно в 1999 году поток миграции резко снизился. Однако уже через несколько лет миграционный процесс опять стал набирать силу [4].

СМИ, в свою очередь, стали трактовать миграционные процессы в зависимости от своей политической направленности. Был создан медиахолдинг Deutsche Welle, материалы которого есть и на русском языке. Цель данного холдинга — распространение идей немецкого правительства и трактовка мировых событий в ин-

тересах Германии. Среди русскоязычной прессы ФРГ можно выделить наиболее крупную: Моя газета («Meine Zeitung»), Восточный курьер, Зарубежные записки, Германия плюс, Партнер, Русская Германия, Европа Экспресс, МК Германия, АИФ Европа. Все эти СМИ нельзя охарактеризовать как качественную прессу. Как правило, каждая газета представлена не более чем в 3-ех городах

В 2015 г. ФРГ приняла для проживания 2 млн. 140 тыс. беженцев и трудовых мигрантов. В немецких СМИ говорится о том, что поток беженцев остановлен, так как был закрыт «балканский маршрут». Словенией, Хорватией, Сербией, Македонией и Болгарией в результате саммита ЕС-Турция было объявлено о том, что границы для беженцев с Ближнего Востока будут закрыты. Однако этот маршрут не единственный. В настоящее время основной поток мигрантов проходит через Италию, после чего в Австрию, а потом в Германию.

Заключение

Современная ситуация относительно миграционной политики ФРГ – итог многолетнего опыта страны в этой сфере. Приезжие были необходимы Германии на разных этапах ее развития, в какие-то годы страна наоборот следовала антимиграционному курсу. Пресса в большей степени вела себя так, как требовала этого политическая ситуация в стране. В основном тематику мигрантов и беженцев не затрагивали до современного этапа (1991 года), или же использовали данный вопрос в политических целях. Последнее иллюстрируют события после 1939 года, когда национал-социалистская Германия значительно увеличила численность рабочих мигрантов, а затем использовала рабочий труд «иностранных рабочих» и военнопленных, которые были депортированы согласно программным разработкам «использования иностранцев» в национал-социалистской экономике милитаризованного характера.

На данном этапе просматривается тенденция, когда СМИ трактуют миграционные процессы в зависимости от своей политической направленности, о которой публично не объяв-

ляют, но которая есть, как правило, у каждого издания.

Литература

1. Вороненкова, Г.Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии: монография/ Г.Ф. Вороненкова. - М.: Издательство Московского Университета, 2011. - 648 с.
2. Майн, Г. Средства массовой информации в Федеративной Республике Германии/ Г.Майн; Перевод с немецкого Мелитта Балье, Тамара Маневич. - Констанц: Издательство Ферлагсгезельшафт ГМБХ, 1998 г. – 158с.
3. Менц, Г. «Полезные» гастарбайтеры, обременительные беженцы и вторая волна сокращения социальных расходов: связь между миграцией и государством всеобщего благосостояния/ Г. Менц // Прогнозис. - 2007. - № 1 (9). - С.2-15.
4. Смирнов, В. Легко ли стать европейцем/ В. Смирнов// Вся Европа.ru. -2010. -№3 (42). - С.10-13.
5. Сухов, А.Н. Миграция в Европе и ее последствия/ А.Н. Сухов, С.А. Трыканова. – М.: Фланта, 2013. – 516 с.
6. Meyn, H. Massenmedien in Deutschland/ H.Meyn. – Konstanz:UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2004. – 327 S.
7. Panasjuk, H.H.-J. Deutschland. Land und Leute/ H.H.Panasjuk. – Minsk: Wyschaja Schkola, 1996 - 365 S.
8. Petra, B. Geschichte der europäischen Migrationspolitik. Erste Phase: Koordinierte Politik der Mitgliedsstaaten / B. Petra – Bonn, Deutschland: Bundeszentrale für politische Bildung, 2005. - 25S.
9. Tatsachen über Deutschland. Herausgegeben vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, Societäts-Verlag, Frankfurt/Mein, 1997. S.32-47
10. Sammlungen [Электронный ресурс] / Unifrankfurt - Режим доступа : <http://sammlungen.ub.unifrankfurt.de/cm/nav/index/title/?&facets=type%3D%22document%2C21%22> (Дата обращения: 10.09.2018).

Теоретические предпосылки социологического анализа профессиональной деятельности социальных работников участвующих в оказании медико-социальной помощи

Королев М.А.

Важнейшим направлением медико-социальной работы является медико-социальная помощь. Медико-социальная работа рассматривается как стратегия развития медико-социальной помощи нуждающимся в ней гражданам в современных условиях. Включение социальных работников в систему здравоохранения при успешном их взаимодействии с медиками создает условия для дальнейшего развития систем здравоохранения и социального обслуживания, разработки инновационных программ в этих сферах и повышению качества оказания медико-социальных услуг.

Ключевые слова: социальная работа, медико-социальная работа, медико-социальная помощь, социальный работник, здравоохранение.

Korolev M. A.

Theoretical foundations for sociological analysis of professional activity of social workers taking part in rendering medical-social assistance. The most important direction of medical-social work is medical-social assistance. Medical-social work is reviewed as a strategy of development of medical-social assistance to those in need in modern conditions. Including a social workers in health care system with successful interaction with doctors create conditions for further development of health care system and social service system, development of innovative programs within these areas systems and improve the quality of rendering medical-social services.

Keywords: social work, medical-social work, medical-social assistance, social worker, health care.

Рассмотрение взаимосвязанных проблем медицинского и социального характера, а также роли социальной работы в осуществлении медико-социальной помощи населению требует изучения медико-социальной работы как ключевого направления развития социальной работы, и как вида профессиональной деятельности, в целом.

Социальная работа представляет собой разновидность профессиональной деятельности «по оказанию помощи инвалидам, людям без определенного места жительства, пожилым людям, семьям, группам в реализации их социальных прав и в компенсации физических, психических, интеллектуальных, социальных и иных проблем, препятствующих полноценному социальному функционированию личности».¹ При этом, как отмечает С. И. Оспанов, имея своим объектом наиболее сложные социальные группы, специалисты в области социальной работы принимают самое непосредственное участие в решении насущных проблем представителей этих групп.² В результате эта область знаний нуждается в помощи социологии, как, может быть, ни одна другая. При этом и социологическая наука, в свою очередь, находит свое полноценное применение в этой сравнительно молодой отрасли социальных наук. Поэтому неудивительно, что ряд современных как западных, так и отечественных социологических направлений сыграл большую роль в становлении социальной работы как науки и понимании ее как социокультурного явления.

К первой группе таких направлений О. Н. Шухарева, в числе прочих, относит школу струк-

турно-функционального анализа, ярким представителем которой является Т. Парсонс, а также теорию конфликта (Л. Козер, Р. Дарендорф).

С позиции структурно-функционального анализа социальная работа определяется как «как социальный институт, имеющий не только взаимосвязи с обществом как более общей системой, но и свою внутреннюю логику развития в данной конкретной обстановке. При этом социальная работа как система функций общества выполняет известные обязательства перед обществом, обеспечивая его стабильность, а также перед отдельным человеком, слабыми группами населения, имеющими проблемы, помогая им».³

Положения теории конфликта оказали большое влияние на становление теории и практики социальной работы, поскольку социальный работник в процессе своей профессиональной деятельности постоянно имеет дело с конфликтами, столкновением интересов, как разных социальных групп, так и отдельных личностей. И в силу своей профессии обязан разрешать возникающие конфликтные ситуации, в связи с чем ему чрезвычайно важно понимать и различать явные и латентные интересы своих клиентов, лежащие в основе существующих или возможных конфликтов.

Ко второй группе западных направлений социологии, которые сыграли значимую роль в становлении социальной работы как науки, причисляют символический интеракционизм, представителями которого являются Г. Блумер, Дж. Мид и др., феноменологию, разрабатываемую А. Шюц, Т. Лукманом, этнометодологию, в числе представителей которой называют Г. Гарфинкеля, А. Сикурела, Д. Грейтбетча, Г. Джеферсона, Э. А. Щеглоффа, Д. Херитидж и др. Отличительная особенность данных направлений заключается в том, что в основе лежит концепция личности, утверждается, что только при тщательном анализе ее внутреннего мира, мотивационной и ценностно-смысловой сферы можно создать стройную объяснительную социологическую теорию.

Согласно основным положениям теорий этой группы, в основе социальной работы лежит социальное взаимодействие, интеракции, где акторами выступают социальный работник и клиент. В этой связи важнейшими способностями специалистов социальной работы являются

способности коммуникативные, а конечной целью социальной работы выступает социализация человека как специфическая форма социальной интеракции.

Промежуточную позицию между этими двумя группами социологических направлений занимает подход, делающий акцент на исследовании механизма процесса взаимодействия общества и человека. Одним из основателей данного подхода является П. Сорокин, а одной из социологических концепций современности – теория обмена, представителем которой является Дж. Хомас. В соответствии с данной теорией, началом деятельности и поведения человека служит его стремление к обмену.

Социальные обмены, как отмечает Г. Е. Зборовский, постоянно существуют как в повседневной жизни людей, так и в деятельности многих общественных структур.⁴ Поэтому специалисты в области социальной работы имеют возможность использовать положения теории обмена и как модель для объяснения различных сторон жизни общества, социальных явлений и процессов, и как варианты преодоления различных трудностей, которые неизбежно возникают в ходе социального взаимодействия.

Кроме вышеописанных западных социологических направлений, на становление социальной работы как науки достаточно сильное влияние оказали и работы современных отечественных социологов. Речь идет о трудах И. В. Бестужева-Лады о социальном прогнозировании, Б. А. Грушина о проблемах массового сознания, Т. И. Заславской о динамике изменений в социальной структур современного российского общества, А. Г. Здравомыслова об изучении структуры личности, В. Н. Иванова о социальных конфликтах, Ю. А. Левады о феномене общественного мнения, Г. В. Осипова о показателях социального развития общества, социология быта, здоровья и образа жизни населения Н. М. Римашевской, О. И. Шкаратана о динамике социальной стратификации общества и др.

Следует особо отметить концепцию социологического витализма (социология жизненных сил), которая в последнее время приобретает все большее значение для социальной работы. Как отмечают представители данной теории (С. И. Григорьев, Л. Г. Гусякова, Ю. Е. Растов и др.), виталистская социология, «предлагает комплексное, видение проблем социальной рабо-

ты, стимулирует развитие интегративных теорий социальной работы, соответствующих моделей ее практического осуществления».⁵

Между тем, сама междисциплинарная модель социальной работы, в числе прочего, необходима, как отмечает В. Н. Келасьев, для формирования концепции социальной работы, которая на сегодняшний день представляет собой разрозненные направления и подходы. Такая модель необходима и для повышения престижа и статуса социальной работы в научном сообществе и в глазах общественного мнения.⁶

Важнейшим элементом деятельности социальных работников является медико-социальная работа. Как известно, у абсолютного большинства получателей социальных услуг, которые находятся в трудной жизненной ситуации, есть масса и медицинских, и социальных проблем. В случае отсутствия эффективного взаимодействия между органами здравоохранения и социальной защиты многие проблемы, которые связаны с состоянием здоровья людей, нуждающихся в медико-социальной помощи, с различными их социальными проблемами, условиями проживания и т.д., решить не представляется возможным.

Как отмечает Т. Н. Ильина, институт медико-социальной работы, который сегодня также находится в стадии формирования, нацелен на решение социальных проблем, определяющих уровень здоровья населения, а также на повышение эффективности систем здравоохранения и доступности медико-социальной помощи.⁷

Цель медико-социальной работы состоит в обеспечении наиболее высокого уровня здоровья, жизнедеятельности и адаптации неблагополучных в социальной плане людей с различными как физическими, так и психическими патологиями⁸, а ее особенность состоит в том, что она формируется в рамках социальной политики государства «на границе здравоохранения и социальной защиты населения».⁹

Медико-социальная работа подразделяется А. В. Мартыненко на два направления: первое направление – профилактической направленности и второе направление – патогенетической направленности. Медико-социальные технологии профилактической направленности применяются во всех сферах деятельности социальных работников, а патогенетические – чаще всего в учреждениях здравоохранения,

поскольку имеют отношение, в основном, к лицам, которые уже имеют какую-либо конкретную медицинскую патологию.¹⁰

Причем в одном случае медико-социальная работа может представлять собой вид социальной работы, нацеленной на профилактику и поддержку физического и психического здоровья как отдельного человека, так и населения в целом. В другом случае, ее рассматривают как вид деятельности, цель которой заключается в достижении человеком социального благополучия.

Как отмечают С. А. Суслин, М. Л. Сиротко и др., данная область деятельности, ее виды, направления и формы осуществления зависят как от государственной политики в сфере охраны здоровья, так и от «современной концепции здоровья и теорий социальной защиты населения».¹¹

При этом конкретная модель медико-социальной работы в каждом конкретном случае формируется в зависимости от профиля патологии человека, нуждающегося в медико-социальной помощи.

Составляющей медико-социальной работы является медико-социальная помощь, которая является «комплексом проводимых на государственном и муниципальном уровнях мероприятий; профилактическая, лечебно-диагностическая, реабилитационная помощь, включающая меры социального характера по уходу за больными, нетрудоспособными и инвалидами, содержащая выплату пособий по временной нетрудоспособности».¹²

По мнению М. А. Беляевой, можно выделить следующие основные характеристики медико-социальной помощи:

- во-первых, основными этапами оказания социально-медицинской помощи являются профилактика, диагностика, лечение, реабилитация;
- во-вторых, медико-социальная помощь населению осуществляется на основе межведомственного и междисциплинарного подхода;
- в-третьих, оказание медико-социальной помощи закрепляется на законодательном уровне.¹³

Необходимо подчеркнуть, что «...медико-социальная работа имеет много общего с медико-социальной помощью и деятельностью органов здравоохранения, в целом, предусматривая тесное взаимодействие с медицинским пер-

соналом и четкое разграничение сфер ответственности».¹⁴

Как отмечает М. А. Беляева, из определения понятия «медико-социальная помощь», может сложиться ошибочное мнение, что в обязанности специалиста по социальной работе входит только уход за людьми, которые не в состоянии обслужить себя сами.¹⁵ В обществе распространен стереотип о том, что медико-социальная помощь актуальна лишь для инвалидов, а также людей пожилого и престарелого возраста.

Между тем, уход за нетрудоспособными гражданами представляет собой низкоквалифицированный труд и относится к социальным работникам, имеющих начальный уровень профессиональной подготовки. Специалист же в сфере медико-социальной работы осуществляет комплексную работу по восстановлению и/или поддержанию жизненных сил и здоровья граждан.

Т. В. Васильева подчеркивает, что во всем мире в практике здравоохранения неизбежно встают вопросы о том насколько качественно оказывается медико-социальная помощь. «Вопросы взаимоотношения клиента, нуждающегося в медицинской помощи, и субъекта здравоохранения, оказывающего медицинскую помощь, представляют собой содержание деятельности специалиста в области социальной работы».¹⁶

По мнению О. И. Лебединской и Т. В. Кошовской, функции специалиста по социальной работе в учреждении здравоохранения целесообразно классифицировать на медико-ориентированные, социально-ориентированные и интегративные.¹⁷

При выполнении функции связанной с оказанием медицинской помощи социальный работник проводит санитарно-гигиеническое просвещение, медико-социальный патронаж получателей социальных услуг. К этим же функциям относятся меры по предупреждению рецидивов основного заболевания, инвалидности и смертности. Необходимость участия социального работника в оказании паллиативной помощи не вызывает сомнений.

Социально-ориентированные функции это функции социального работника в представительстве интересов граждан, нуждающихся в медико-социальной помощи, в различных органах власти; обеспечении социальной защиты

прав получателей социальных услуг в области охраны здоровья и получения медико-социальной помощи; информирование граждан о состоянии их среды жизнедеятельности и т.д.

Интегративные функции состоят в следующем: комплексная оценка социального статуса граждан, нуждающихся в медико-социальной помощи; обеспечение выполнения различных профилактических мероприятий как на индивидуальном, так и на групповом и территориальном уровнях; оказание помощи в проведении медико-социальной экспертизы; участие в организации мероприятий, направленных на профилактику ВИЧ-инфекции; формирование установки на здоровый образ жизни как у отдельного человека, так и группы и, в целом, у населения; решение вопросов совместной деятельности специалистов систем здравоохранения и социального обслуживания в решении проблем получателей социальных услуг, которым необходима медико-социальная помощь, организация мероприятий по охране материнства и детства. А также участие в различных программах медицинской и социальной помощи различным категориям нуждающихся в ней и др.

На наш взгляд, заслуживает внимания точка зрения Ж. Д. Турсынбековой, по мнению которой медико-социальная помощь предоставляется на нескольких уровнях, включающих профессиональную деятельность специалистов с высшим образованием, средним специальным образованием, а также волонтеров, готовых на безвозмездной основе оказывать медико-социальную помощь нуждающимся в ней гражданам.¹⁸ Причем, для наибольшего эффекта необходим комплексный подход, заключающийся в одновременном участии специалистов этих трех уровней.

Первый уровень – специалист социальной работы с высшим профессиональным образованием – медицинский работник в социальной сфере. В его обязанности входит получение информации о социальном положении различных групп населения и создание социальной карты региона, представляющей собой электронную базу данных, которая содержит сведения как о числе нуждающихся в медико-социальной помощи граждан, так и о количестве проживающих на данной территории семей.

В функции специалиста медико-социальной направленности с высшим образованием (выс-

шего уровня) должны входить такие направления деятельности, как «составление программы медико-социальной помощи нуждающимся конкретного региона, координация деятельности медико-социальной службы со смежными вневедомственными организациями, проведение социальных мероприятий с работниками среднего звена и контроль за их выполнением, а также решение иных организационных вопросов».¹⁹

Специалист в медико-социальной сфере со средним профессиональным образованием организует и проводит патронажную работу с семьями получателей социальных услуг нуждающихся в медико-социальной помощи. Реализовывает конкретные услуги: первичная медико-санитарная помощь, содействие в обеспечении медикаментами, перевязочными и гигиеническими средствами, проведение санитарно-просветительской работы, а также обучение само- и взаимопомощи. Определение нуждающихся в ортопедической технике и протезах. Участие в мероприятиях по профилактике социально значимых заболеваний, формирование здорового образа жизни у детей и подростков и т.д.

Группу специалистов третьего уровня составляют различные добровольцы, то есть люди, например, из числа верующих, представители различных общественных некоммерческих организаций, которые по личным убеждениям оказывают помощь нуждающимся в ней гражданам. Это может быть различная физическая, моральная, психологическая помощь тяжелобольным, престарелым, одиноким гражданам, людям с ограниченными возможностями здоровья, поводыри у незрячих и т.д.

По убеждению Л. М. Корчагиной и др. исследователей, связь медико-социальной работы с волонтерским движением перспективна, поскольку позволяют преодолевать многочисленные проблемы при участии медико-социального работника.²⁰

Стоит отметить, что, несмотря на то, что в последние десятилетия в системе здравоохранения сложились различные модели служб и учреждений медико-социального профиля, многие задачи организации оказания медико-социальной помощи не решены и сегодня. Так, исследователи выделяют следующие основные проблемные аспекты профессиональной дея-

тельности медицинских и социальных работников, оказывающих медико-социальную помощь населению:

- недоступность медико-социальной помощи для отдельных групп населения²¹;
- незначительное взаимодействие медицинских и социальных структур, которые принимают участие в оказании медико-социальной помощи;
- отсутствие единой информационной базы о нуждающихся в медико-социальной помощи лицах;

Проблемы эффективной интеграции систем здравоохранения и социальной защиты населения при оказании различных видов медико-социальной помощи обусловлены как раз отсутствием взаимодействия в функционировании медицинских и социальных структур, отсутствием единой информационной базы нуждающихся в таких видах помощи, степенью их доступности для отдельных групп населения.²²

Еще одной серьезной проблемой является то, что до настоящего времени четко не определены аспекты взаимодействия медицинских и социальных работников, а именно: формы организации, разграничение функциональных обязанностей, нормативы деятельности социальных работников в учреждениях здравоохранения.²³ По словам Т. В. Васильевой, зачастую именно ведомственная разобщенность выступает тормозом на пути реализации различных прогрессивных программ и проектов в сфере охраны здоровья граждан.²⁴

Ф. Е. Вартамян, Р. А. Хальфин, И. Я. Таджикиев и др. отмечают, что сложившаяся на сегодняшний день сеть медико-социальных учреждений и порядок взаимодействия между ними таковы, что процесс оказания помощи осуществляется неэффективно: стационары перегружены и почти отсутствуют специализированные учреждения долечивания и ухода за больными. Остаются вне поля зрения такие элементы как патронажная, оздоровительная и другие виды медико-социальной деятельности.²⁵

Поэтому неудивительно, что проблема взаимодействия социальных и медицинских работников на сегодняшний день все чаще становится предметом научных и практических исследований. Авторы предлагают различные пути решения данной проблемы. Так, например, Т. В. Васильева полагает, что в социальную работу

необходимо активно вовлекать медицинских работников со средним профессиональным образованием, стремящихся «повысить уровень своего образования без кардинального изменения зоны профессиональной деятельности». ²⁶ Другими словами, совместная профессиональная деятельность специалистов в медицинской и в социальной сферах требует организации профессиональной подготовки бакалавров медико-социального профиля.

Здесь стоит отметить, что ФГОС третьего поколения по направлению подготовки «Социальная работа» предоставляет студенту возможность приобрести по каждой дисциплине (модулю) соответствующие компетенции и, в целом, отражая требования к профессиональной подготовке бакалавров с профилем подготовки медико-социальная работа с населением способствует формированию системы медико-социального образования.

Между тем, как показал анализ ФГОС через призму медико-социальной составляющей, на сегодняшний день бакалавр социальной работы должен обладать гораздо более широким набором компетенций в этой области. Так, например, представляется целесообразным ввести в перечень компетенций те, которыми должен владеть специалист медико-социального профиля для ведения индивидуальной консультативной работы, в частности, владение технологией достижения продуктивного общения с получателем социальных услуг, а также умение обучать его самого и его окружение сохранять и поддерживать наиболее высокий уровень здоровья.

Организация и реализация групповых форм работы с получателями социальных услуг предполагает наличие у специалистов компетенций определения групп риска развития различных заболеваний, организации работы Школ здоровья, знания и проведения санитарно-гигиенического просвещения населения.

В ходе оказания инструментальной помощи и поддержки клиентов и их родственников специалист медико-социального профиля должен владеть методикой выявления необходимости такой помощи, технологией закупки необходимых получателю социальных услуг лекарств, технических средств реабилитации и т.д.

В рамках организации и проведения досуговых и профилактических мероприятий с по-

лучателями социальных услуг от работника медико-социальной службы требуется владение компетенциями определения групп риска развития различных заболеваний, знание методики санитарно-гигиенического просвещения.

Однако, пожалуй, наиболее острым является вопрос введения в перечень компетенций специалиста медико-социального профиля компетенций, связанных с медициной, в частности, организовывать и оказывать неотложную медицинскую помощь, осуществлять контроль состояния лиц с ограниченными возможностями здоровья, одиноких, участников военных действий и лиц из группы социального риска, осуществлять медицинскую реабилитацию, паллиативную помощь, оформлять медицинскую документацию и т.д.

То есть на сегодняшний день необходима дальнейшая конкретизация и расширение профессиональных компетенций, необходимых для выполнения должностных обязанностей специалистами в сфере медико-социальной работы, и введение их в перечень компетенций, определяемых стандартом.

Следует также остановиться на проблеме кадрового обеспечения квалифицированными специалистами хоспис-паллиативной помощи. Как отмечают Е. А. Черкасова, И. Л. Кром, И. Ю. Новичкова, на сегодняшний день организация квалифицированной паллиативной помощи в России крайне неэффективна, а что касается комплексной медико-социальной деятельности в этой сфере, то она практически отсутствует.

Методы воздействия на злокачественные новообразования представляют собой сложный «многоэтапный процесс, при осуществлении которого стремление к улучшению отдельных результатов в лечении зачастую не совпадает с обеспечением больному адекватного образа жизни». ²⁷

Важнейшей частью медико-социальной работы в паллиативной сфере является система поддержки родных и близких инкурабельного больного. Больные и члены их семей, сталкиваясь с материальными трудностями, различными бюрократическими препонами, нарушениями психо-эмоциональной стабильности, зачастую остаются один на один с этими проблемами. Между тем, слабая экономическая, социальная и психологическая защищенность инку-

рабельных больных значительно ухудшает качество их жизни и оказывает крайне неблагоприятное воздействие на прогноз заболевания.

В этой связи представляется логичным позиция Т. Н. Ильиной, по мнению которой паллиативную помощь следует рассматривать, в первую очередь, не как медицинскую, а медико-социальную работу с инкурабельными больными и их семьями, которые находятся в сложной жизненной ситуации, обусловленной болезнью. Это свидетельствует о необходимости подготовки новых специалистов для сферы паллиативной помощи – специалистов медико-социальной работы.²⁸ С. И. Глухих справедливо, на наш взгляд, полагает, что многие из функций специалистов в области паллиативной помощи могли бы взять на себя бакалавры с высшим сестринским образованием²⁹ или, возможно, бакалавры с профилем подготовки медико-социальной работы с населением.

При этом, по утверждению многих исследователей, эффективное развитие системы паллиативной помощи, которое на сегодняшний день является новым направлением формирующегося института медико-социальной работы, возможно не только при государственной финансовой поддержке, но и при условии пересмотра и совершенствования действующего законодательства.³⁰ По словам Т. Н. Ильиной, «паллиативная помощь могла бы стать образцом инновационного подхода к здравоохранению и социальной политике».³¹

Итак, важнейшим направлением медико-социальной работы является медико-социальная помощь. Медико-социальная работа, в свою очередь, может рассматриваться как стратегия развития медико-социальной помощи нуждающимся в ней гражданам в современных условиях. Включение социальных работников в систему здравоохранения при успешном их взаимодействии с медиками создает все условия для дальнейшего развития систем здравоохранения и социального обслуживания, разработки инновационных программ в этих сферах и повышению качества оказания медико-социальных услуг.

При этом, несмотря на очевидную значимость и актуальность медико-социальной работы и ее составляющей – медико-социальной помощи – в нашей стране она еще не заняла должного места в системе сохранения и повы-

шения уровня здоровья населения. Совместная деятельность систем здравоохранения и социальной защиты населения в нашей стране нуждается в реформировании. Здравоохранение сегодня предъявляет новые требования не только к медицинским, но и социальным работникам, формирует принципиально иную систему отношений, которая определяет инновационные юридические, экономические, организационные, социально-психологические основы профессиональной деятельности.

Литература

1. Беляева М. А. Осмысление содержания понятия «медико-социальная работа» // Педагогическое образование в России. – 2008. – № 1. – С. 25-33.
2. Вартамян Ф. Е. Современные тенденции развития здравоохранения // Здравоохранение. – 2008. – № 1. – С. 1623.
3. Васильева С. Г. Организационно-педагогические условия формирования компетентности будущих медицинских сестер: дис. ... канд. пед. наук. – Якутск, 2005. – 190 с.
4. Воробцова Е. С., Мартыненко А. В., Дворянцева Ю. М. О подготовке специалистов, участвующих в оказании медико-социальной помощи населению // Проблемы соц. гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2007. – № 2. – С. 45-58.
5. Глухих С. И. Особенности подготовки медицинских сестер в современном профессиональном образовании // Siberian Pedagogical Journal. – 2016. – № 1. – С. 73-77.
6. Григорьев С. И., Гусякова Л. Г. Социология для социальной работы. – М.: МАГИСТР-ПРЕСС. 2002. – 164 с.
7. Зарубина О. А. Медико-социальные услуги в системе оказания медицинской помощи населению // Сибирская финансовая школа. – 2016. – № 1 (114). – С. 25-29.
8. Зборовский Г. Е. История социологии: классический и современный этапы. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2003. – 872 с.
9. Ильина Т. Н. Паллиативная помощь как направление медико-социальной работы в России // Перспективы развития российского государства и общества в современных условиях: материалы межд. научно-практ. конф. (Саратов, 12 декабря 2014 г.) / под ред. В. Л. Челяева, О. Н. Фомина. – Саратов, 2015. – С. 9-12.

10. Ильина Т. Н. Социальные параметры стратегий медико-социальной работы с инвалидами при болезнях системы кровообращения: дис. ... канд. социол. наук. – Волгоград, 2012. – 166 с.
11. Калинина Ю., Гусякова Л. Исследование стандартизации социального обслуживания: проблемы, перспективы реализации на региональном уровне // Журнал исследований социальной политики. – 2006. – Т. 4. – № 3. – С. 349-367.
12. Келасьев В. Н. Междисциплинарная концепция социальной работы // Ученые записки Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы. – 2012. – Т. 17. – № 1. – С. 38-43.
13. Корчагина Л. М. Региональные аспекты социальной работы с семьей // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2011. – № 30. – С. 19-21.
14. Кром И. Л., Еругина М. В., Новичкова И. Ю. Современная интерпретация паллиативной помощи // Интегративные исследования в медицине: науч. труды III Всерос. (с межд. участием) науч.-практ. конференции. – Саратов, 2014. – С. 78-81;
15. Лебединская О. И., Кошовская Т. В. Роль и место социальных работников в учреждениях здравоохранения // Социальная работа в учреждениях здравоохранения. – М.: Академия, 2002. – 234 с.
16. Мартыненко А. В. Теория медико-социальной работы: учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 97 с.
17. Оспанов С. И. Социология социальной работы: дереонтологическая концепция // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: материалы VI межд. научно-практ. конф. (Белгород, 27-28 ноября 2014 г.) – Белгород, 2014. – С. 72-76.
18. Пантюк И. В. Теоретические основы социальной работы. – Мн.: БГУ, 2013. – 239 с.
19. Суслин С. А., Сиротко М. Л. Организация медико-социальной помощи женщинам. – Самара: Ас Гард, 2014. – 112 с.
20. Турсынбекова Ж. Д. Медико-социальные технологии как средство реализации компетенций социального работника в сфере здравоохранения // Медицина и экология. – 2015. – № 4. – С. 110-118.
21. Хальфин Р. А., Таджиев И. Я. Некоторые итоги и проблемы реформирования системы отечественного здравоохранения // Менеджер здравоохранения. – 2010. – № 5. – С. 7-18.
22. Холостова Е. И. Технологии социальной работы. – М.: Инфра-М, 2001. – 400 с.
23. Черкасова Е. А., Кром И. Л., Новичкова И. Ю. Институционализация медико-социальной работы в онкологии // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10. – С. 1386-1389.
24. Шухарева О. Н. Социологические теории в становлении и развитии социальной работы // Культура & обществе. Интернет-журнал МГУКИ. – 2006.
25. Эпельман Б. В. Оптимизация организации медико-социальной помощи в системе мер социальной защиты населения (на примере административного района крупного города): дис. ... д-ра мед. наук. – СПб., 2011. – 571 с.

Ссылки:

- 1 Глухих С. И. Особенности подготовки медицинских сестер в современном профессиональном образовании // Siberian Pedagogical Journal. – 2016. – № 1. – С. 73-77.
- 2 Оспанов С. И. Социология социальной работы: дереонтологическая концепция // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: материалы VI межд. научно-практ. конф. (Белгород, 27-28 ноября 2014 г.) – Белгород, 2014. – С. 72-76.
- 3 Шухарева О. Н. Социологические теории в становлении и развитии социальной работы // Культура & обществе. Интернет-журнал МГУКИ. – 2006.
- 4 Зборовский Г. Е. История социологии: классический и современный этапы. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2003. – 872 с., с.660.
- 5 Григорьев С. И., Гусякова Л. Г. Социология для социальной работы. – М.: МАГИСТР-ПРЕСС. 2002. – 164 с.
- 6 Келасьев В. Н. Междисциплинарная концепция социальной работы // Ученые записки Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы. – 2012. – Т. 17. – № 1. – С. 38-43.
- 7 Ильина Т. Н. Социальные параметры стратегий медико-социальной работы с инвалидами при болезнях системы кровообращения: дис. ... канд. социол. наук. – Волгоград, 2012. – 166 с., с.33.
- 8 Холостова Е. И. Технологии социальной работы. – М.: Инфра-М, 2001. – 400 с., с.115.
- 9 Зарубина О. А. Медико-социальные услуги в системе оказания медицинской помощи

- населению // Сибирская финансовая школа. – 2016. – № 1 (114). – С. 25-29.
- 10 Мартыненко А. В. Теория медико-социальной работы: учебное пособие. – М.: МПСИ, 2006. – 97 с.
- 11 Суслин С. А., Сиротко М. Л. Организация медико-социальной помощи женщинам. – Самара: Ас Гард, 2014. – 112 с., с.58.
- 12 Пантюк И. В. Теоретические основы социальной работы. – Мн.: БГУ, 2013. – 239 с.,
- 13 Беляева М. А. Осмысление содержания понятия «медико-социальная работа» // Педагогическое образование в России. – 2008. – № 1. – С. 25-33.
- 14 Суслин С. А., Сиротко М. Л. Организация медико-социальной помощи женщинам. – Самара: Ас Гард, 2014. – 112 с., с.39.
- 15 Беляева М. А. Осмысление содержания понятия «медико-социальная работа» // Педагогическое образование в России. – 2008. – № 1. – С. 25-33.
- 16 Васильева С. Г. Организационно-педагогические условия формирования компетентности будущих медицинских сестер: дис. ... канд. пед. наук. – Якутск, 2005. – 190 с., с.135.
- 17 Лебединская О. И., Кошовская Т. В. Роль и место социальных работников в учреждениях здравоохранения // Социальная работа в учреждениях здравоохранения. – М.: Академия, 2002. – 234 с.
- 18 Турсынбекова Ж. Д. Медико-социальные технологии как средство реализации компетенций социального работника в сфере здравоохранения // Медицина и экология. – 2015. – № 4. – С. 110-118.
- 19 Калинина Ю., Гуслякова Л. Исследование стандартизации социального обслуживания: проблемы, перспективы реализации на региональном уровне // Журнал исследований социальной политики. – 2006. – Т. 4. – № 3. – С. 349-367
- 20 Корчагина Л. М. Региональные аспекты социальной работы с семьей // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2011. – № 30. – С. 19-21.
- 21 Максимова Т. М., Лушкина Н. П. Этические и деонтологические проблемы российского здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2009. – № 3. – С. 35;.
- 22 Эпельман Б. В. Оптимизация организации медико-социальной помощи в системе мер социальной защиты населения (на примере административного района крупного города): дис. ... д-ра мед. наук. – СПб., 2011. – 571 с.
- 23 Воробцова Е. С., Мартыненко А. В., Дворянцева Ю. М. О подготовке специалистов, участвующих в оказании медико-социальной помощи населению // Проблемы соц. гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2007. – № 2. – С. 45-58.
- 24 Васильева С. Г. Организационно-педагогические условия формирования компетентности будущих медицинских сестер: дис. ... канд. пед. наук. – Якутск, 2005. – 190 с., с.136.
- 25 Вартамян Ф. Е. Современные тенденции развития здравоохранения // Здравоохранение. – 2008. – № 1. – С. 1623; Хальфин Р. А., Таджикиев И. Я. Некоторые итоги и проблемы реформирования системы отечественного здравоохранения // Менеджер здравоохранения. – 2010. – № 5. – С. 7-18.
- 26 Васильева С. Г. Организационно-педагогические условия формирования компетентности будущих медицинских сестер: дис. ... канд. пед. наук. – Якутск, 2005. – 190 с., с.137.
- 27 Черкасова Е. А., Кром И. Л., Новичкова И. Ю. Институционализация медико-социальной работы в онкологии // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10. – С. 1386-1389.
- 28 Ильина Т. Н. Паллиативная помощь как направление медико-социальной работы в России // Перспективы развития российского государства и общества в современных условиях: материалы межд. научно-практ. конф. (Саратов, 12 декабря 2014 г.) / под ред. В. Л. Челляева, О. Н. Фомина. – Саратов, 2015. – С. 9-12.
- 29 Глухих С. И. Особенности подготовки медицинских сестер в современном профессиональном образовании // Siberian Pedagogical Journal. – 2016. – № 1. – С. 73-77.
- 30 Кром И. Л., Еругина М. В., Новичкова И. Ю. Современная интерпретация паллиативной помощи // Интегративные исследования в медицине: науч. труды III Всерос. (с межд. участием) науч.-практ. конференции. – Саратов, 2014. – С. 78-81.
- 31 Ильина Т. Н. Паллиативная помощь как направление медико-социальной работы в России // Перспективы развития российского государства и общества в современных условиях: материалы межд. научно-практ. конф. (Саратов, 12 декабря 2014 г.) / под ред. В. Л. Челляева, О. Н. Фомина. – Саратов, 2015. – С. 9-12.

Проблемный анализ демографической ситуации в муниципальном районе Стерлитамакский район Республики Башкортостан

Васильев А.Ю., Ягудина А.Р.

В статье проводится анализ демографической ситуации в муниципальном районе Стерлитамакский район Республики Башкортостан, который выявил следующие проблемы: низкий уровень медицинского обслуживания и отсутствие работы по профилактике заболеваний; отсутствие пропаганды ЗОЖ; недостаточное количество мероприятий, направленных на укрепление института семьи. Приоритетными направлениями деятельности являются: снижение смертности трудоспособного населения от заболеваний сердечнососудистой системы; снижение смертности и травматизма в результате дорожно-транспортных происшествий; снижение смертности от отравлений алкоголем и его суррогатами, снижение заболеваемости наркоманией и алкоголизмом; снижение заболеваемости и смертности от ВИЧ/СПИД и туберкулезом; укрепление репродуктивного здоровья населения, здоровья детей и подростков.

Ключевые слова: территория, развитие, социально-экономические показатели, программно-целевой метод, сельское поселение.

Vasilev A.Yu., Yagudina A.R.

Problem analysis of the demographic situation in the municipal district Sterlitamak district of Bashkortostan Republic

The article analyzes the demographic situation in the municipal district of Sterlitamak district of the Republic of Bashkortostan, which revealed the following problems: low level of medical care and lack of work on disease prevention; lack of promotion of healthy lifestyle; insufficient number of measures aimed at strengthening the institution of the family. Priority activities are: reduction of mortality of the able-bodied population from diseases of the cardiovascular system; reduction of mortality and injuries as a result of road accidents; reducing mortality from alcohol poisoning and its surrogates, reducing the incidence of drug addiction and alcoholism; reducing morbidity and mortality from HIV / AIDS and tuberculosis; strengthening the reproductive health of the population, the health of children and adolescents.

Key words: territory, development, socio-economic indicators, program-target method, rural settlement.

Площадь территории Стерлитамакского района - 2216 кв.км. 111 населенных пунктов объединены в 20 сельских поселений. Наиболее крупными являются с. Наумовка, с. Большой Куганак, с. Роцинский. Численность населения района по данным переписи 2010 года - 40325 человек, проживают представители более 20 национальностей (русские, башкиры, татары, чувашы, мордва, украинцы и др.).

Работу по охране здоровья жителей района выполняют центральная районная поликлиника, а также 6 сельских участковых больниц, 2 врачебные амбулатории, 45 фельдшерско-акушерских пунктов, 1 здравпункт, 6 подстанций скорой помощи. В районе работают 54 врача всех специальностей, 217 средних медицинских работников. Деятельность учреждений здравоохранения нацелена на укрепление первичного звена медицинской помощи, развитие профилактики и диспансеризации, повышение доступности высокотехнологичных видов медицинской помощи, улучшение медицинского обслуживания беременных.

Изменения в демографической ситуации происходят за счет естественного движения населения и миграции. Рождаемость и смертность являются основными среди них. На 1 января 2016 года численность постоянного населения Стерлитамакского района составила 41411 человек. Число родившихся в муниципальном районе в 2016 году составило 433 ребенка, а число умерших 511 человек. В 2015 году естественная убыль составила 75 человек. Сохранилось характерное для района превышение численности женщин над численностью мужчин. Изменение соотношения полов связано с высокой смертностью мужчин, несмотря на то, что мальчиков рождается больше, но с возрастом их число постепенно сокращается.

Таблица 1
Максимальный уровень самоубийств

Мужчины		Женщины	
от 30 до 40 лет	36%	35-40 лет	100%
от 20 до 30 лет	22%		

Численность трудоспособного населения с 2014 года по 2016 год уменьшилась на 1,5%; уменьшилась численность населения моложе трудоспособного возраста, что связано с низкими темпами рождаемости. Показатель рождаемости с 2014 года в 2016 году снизился на 18,8%.

В настоящее время в районе проживают 9143 женщины фертильного, т.е. детородного возраста (ВОЗ с 15 лет до 49 лет). Необходимо отметить, что в районе наблюдается снижение уровня смертности. Число умерших в 2016 г. составило 12,3 человек на 1000 населения, снижение по сравнению с 2015 г. составило - 1,4%. Младенческая смертность с 2015 года с 13,5 снизилась в 2016 году до 9,2 (по республике – 7,6), однако выше республиканского показателя. Основными причинами смертности явились смерть новорожденных с экстремально низкой массой тела от 490,0-600,0 грамм. Наибольшую долю по причинам смертности взрослого населения занимают болезни системы кровообращения. Из анализа смертности населения по показателям видно, что ежегодно первое место занимают самоубийства, хотя наблюдается их снижение с 30 человек в 2015 году до 16 человек в 2016 году. Но показатель остается высоким.

В результате высокой смертности населения, особенно в трудоспособном возрасте от воздействия внешних причин низкой остается ожидаемая средняя продолжительность жизни. Сегодня она составляет 62 года 4 месяца при среднереспубликанском – 69,4. Мужчины района живут в среднем 56 лет 8 месяцев, женщины - 69 лет 3 месяца.

За последние годы произошли глобальные изменения в стране, приведшие к ряду негативных последствий, главным из которых является нестабильность в обществе. Это состояние нестабильности предъявляет к людям чрезмерно высокие требования к гибкости мышления и способности к адаптации. Необходимо признать, что не только пожилые люди, но и значительная часть молодежи, детей оказались не-

способными быстро адаптироваться к стремительным изменениям в социальной среде. Психическая жизнь человека – это своеобразное зеркало его социальной жизни. Бегство современной молодежи в оккультизм, увеличение числа алкоголезависимых и психически больных, стремительный рост дезадаптированных в личном, семейном, социальном плане людей приводит к суицидам.

Во всем мире суицид является основной причиной смертности от внешних факторов. Это общественная проблема, приводящая к значительным социальным затратам, страданиям человека, семьи и общества. Количество самоубийств в нашей республике значительно превышает российские показатели и показатели Приволжского федерального округа. В Республике Башкортостан он составляет 33,6 на 100 тыс. населения, в Российской Федерации – 19,1, в Приволжском федеральном округе – 24,6. Причины, побуждающие человека к суициду – воздействие различных стрессогенных факторов: социальных, психологических, физических, экологических, информационных, которые вызывают резкое увеличение числа психических и психосоматических заболеваний, снижение адаптивных функций человека.

С целью определения группы населения повышенного суицидального риска в районе был проведен анализ социо-демографических характеристик носителей суицидального поведения. Максимальный уровень самоубийств среди мужского населения наблюдается в возрасте от 30 до 40 лет (36%) и от 20 до 30 лет (22%), у женщин в возрасте 35-40 лет (100%) (табл. 1).

Общий показатель смертности среди мужчин превышает смертность женщин в 7 раз.

Статистика показывает, что количество суицидов в нашем районе снизилось. Если в 2014 году произошло 54 случая суицида, в 2015 году - 52, то за 2016 год зарегистрировано 33 случая суицида. Психологический смысл суицида чаще всего заключается в отреагировании аффекта, снятии эмоционального напряжения, ухода от той ситуации, в которой волей неволей оказывается человек.

В течение нескольких лет психологами Республиканского центра социально-психологической помощи семье, детям, молодежи оказывается психологическая помощь людям, пытавшимся покончить жизнь самоубийством. После

Таблица 2
Оказание помощи суицидентам

2014 год	2015 год	2016 год
22 чел.	19 чел.	12 чел.

выписки из больницы суицидентам требуется огромная поддержка не только со стороны психолога, но и со стороны значимых для него людей: родных, близких, любимых. С членами их семей также проводятся консультации, беседы. В 2014 году центром социально-психологической помощи оказана помощь 22 суицидентам, в 2015 году – 19, 2016 году – 12 в 2014 году с проблемой суицидального поведения обратились 12 человек (табл. 2).

На территории района отмечается рост смертности от дорожно-транспортных происшествий - с 27 человек, в т.ч. 6 жителей района в 2015 году до 33 человек, 11 из которых жители района в 2016 году. Анализ ДТП показывает, что преобладают случаи, требующие незамедлительного оказания современной высококвалифицированной медицинской помощи. В настоящее время обслуживание выездами машин Скорой помощи на 60 км федеральной трассы Уфа-Оренбург и более 400 км республиканских дорог возложено на Стерлитамакскую районную поликлинику, в распоряжении которой нет ни одного реанимационного автомобиля. Неоднократные обращения Администрации муниципального района в Министерство здравоохранения Республики Башкортостан результатов пока не дали.

Однако, необходимо отметить, что на фоне непропорционального снижения показателей рождаемости и показателей смертности, численность жителей района выросла в последние годы - с начала 2014г. жителей Стерлитамакского района стало на 575 человек больше.

Не последнюю роль в этом сыграл процесс миграции. Миграция один из самых динамичных процессов, влияющих на численность населения, его возрастной и национальный состав, количественную и качественную составляющие трудовых ресурсов. Наблюдается увеличение доли иностранных граждан, приезжающих с целью осуществления трудовой деятельности, в основном прибывающие из Республики Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Азербайджан, Армения и Кыргызстан.

Таблица 3
Количество разводов

2010 год	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
228	231	192	248	240	237	256

По мнению социологов, психологическая травма от разводов занимает, второе место после потери умершего близкого родственника. В районе показатель развода носит волнообразный характер. В 2010 году зарегистрировано 228 разводов, в 2011 году – 231, 2012 году – 192, 2013 году – 248, 2014 году – 240, 2015 году – 237 и 2016 году – 256 разводов (табл. 3).

Анализ показывает, что чаще всего разводятся пары до 5 лет совместной жизни. Эта цифра в 2014 году составила 98 человек (38%), в 2015 году – 104 человек (44%), в 2016 году - 102 человек (40%). Чаще всего разводятся люди в возрасте от 25 до 39 лет – более 50% и от 40 до 49 лет – более 25%.

За прошлый год наблюдается увеличение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, данный показатель в 2016 году составил 38 или на 3 больше показателя 2015 года.

В 2016 году отмечается увеличение общего количества зарегистрированных преступлений на 5,7%, в том числе увеличилось количество зарегистрированных преступлений против личности, который в 2016 году составил 43 зарегистрированных преступлений, что на 12 больше показателей 2015 года. За 2016 год сотрудниками ОМВД выявлено 14 наркопреступлений, 8 из них сбыт наркотических средств.

В рамках рассмотрения данного вопроса разработан проект Плана мероприятий по улучшению демографической ситуации, включая мероприятия по снижению смертности населения на 2015-2017 годы, основные разделы которого содержат мероприятия, направленные на стабилизацию демографической ситуации, меры, направленные на сокращение уровня смертности граждан, прежде всего в трудоспособном возрасте; сокращение уровня материнской и младенческой смертности, укрепление репродуктивного здоровья населения, здоровья детей и подростков, формирование мотивации для ведения здорового образа жизни, укрепление института семьи.

Таблица 4
Программа улучшения демографической ситуации в Стерлитамакском районе

№	Мероприятие	Исполнитель	Сроки исполнения
1.1	Проведение мероприятий по реализации законодательства в области охраны здоровья населения, разработка нормативных правовых актов	ГБУЗ РБ Стерлитамакская Центральная районная поликлиника (по согласованию)	2017-2019гг.
1.2	Создание комплексной системы профилактики заболеваний сердечнососудистой системы у населения, ранней диагностики и коррекции факторов риска	ГБУЗ РБ Стерлитамакская Центральная районная поликлиника (по согласованию)	2017-2019гг.
1.3	Организация межведомственного взаимодействия при оказании медицинской помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях на догоспитальном этапе	ГБУЗ РБ Стерлитамакская Центральная районная поликлиника (по согласованию)	2017-2019гг.
1.4	Разработка и реализация мероприятий республиканской целевой программы «Снижение масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактика алкоголизма среди населения РБ на 2015-2017 годы»	ГБУЗ РБ Стерлитамакская Центральная районная поликлиника (по согласованию)	2017-2019гг.
1.5	Совершенствование методов профилактики ВИЧ/СПИД и туберкулеза, в том числе: разработка информационных программ для населения, образовательных программ для больных и контактирующих с ними лиц, подростков и молодежи по профилактике ВИЧ-инфекции о доступных мерах профилактики ВИЧ/СПИД и туберкулеза	ГБУЗ РБ Стерлитамакская Центральная районная поликлиника (по согласованию)	2017-2019гг.
1.6	Оказание поддержки инициатив ВОЗ/ЮНИСЕФ «Поддержка, поощрение и охрана грудного вскармливания»	ГБУЗ РБ Стерлитамакская Центральная районная поликлиника (по согласованию)	2017-2019гг.
1.7	Организация помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, детям-сиротам, детям оставшимся без попечения родителей, профилактической работы с семьями социального риска	ГКУ РЦСПН (по согласованию)	2017-2019гг.

Таким образом, анализ выявил следующие проблемы:

1) низкий уровень медицинского обслужи-

вания и отсутствие работы по профилактике заболеваний;

2) отсутствие пропаганды ЗОЖ;

Таблица 5

2. Мероприятия, направленные на пропаганду здорового образа жизни				
2.1	Проведение районного фестиваля «Папа, мама, я - спортивная семья!»	Комитет по физической культуре, спорту и туризму, комитет по делам молодежи, органы местного самоуправления сельских поселений, предприятия (по согласованию)	Июнь 2017 г.	Формирование у населения ценностей здорового образа жизни
2.2	Организация районных спортивных соревнований по различным видам спорта	Комитет по физической культуре, спорту и туризму, комитет по делам молодежи, органы местного самоуправления сельских поселений, предприятия (по согласованию)	2017-2019 гг.	Формирование у населения ценностей здорового образа жизни
2.3	Участие в республиканских, федеральных и международных спортивных соревнованиях	Комитет по физической культуре, спорту и туризму	2017-2019 гг.	Формирование у населения ценностей здорового образа жизни
2.4	Организация и проведение спортивных и физкультурно-оздоровительных мероприятий для людей с ограниченными возможностями	Комитет по физической культуре, спорту и туризму	2017-2019 гг.	Создание условий для мотивации к ведению здорового образа жизни, сохранению здоровья населения района
2.5	Развитие спортивной инфраструктуры для детей, подростков и молодежи в образовательных учреждениях и по месту жительства	Комитет по физической культуре, спорту и туризму, комитет по делам молодежи, органы местного самоуправления сельских поселений, предприятия (по согласованию)	2017-2019 гг.	Создание условий для мотивации к ведению здорового образа жизни, сохранению здоровья населения района

3) недостаточное количество мероприятий, направленных на укрепление института семьи.

Предложим мероприятия, направленные на улучшение демографической ситуации в муниципальном районе Стерлитамакский район Республики Башкортостан на 2017-2019гг. (табл. 4)

Приоритетными направлениями деятельности, задачами, на реализацию которых направлены мероприятия будут: снижение смертнос-

ти трудоспособного населения от заболеваний сердечнососудистой системы; снижение смертности и травматизма в результате дорожно-транспортных происшествий; снижение смертности от отравлений алкоголем и его суррогатами, снижение заболеваемости наркоманией и алкоголизмом; снижение заболеваемости и смертности от ВИЧ/СПИД и туберкулезом; укрепление репродуктивного здоровья населения, здоровья детей и подростков (табл. 5).

Таблица 5

3. Мероприятия, направленные на укрепление института семьи				
3.1	Создание и организация деятельности клуба «Молодая семья»	Комитет по физической культуре, спорту и туризму, комитет по делам молодежи, органы местного самоуправления сельских поселений, предприятия (по согласованию)	2017-2019 гг.	Организация досуга молодых семей, повышения престижа института семьи, укрепление семейных ценностей
3.2	Проведение районного конкурса «Молодая семья»	Комитет по физической культуре, спорту и туризму, комитет по делам молодежи, органы местного самоуправления сельских поселений, предприятия (по согласованию)	Октябрь 2017 г.	Организация досуга молодых семей, раскрытие творческого потенциала семьи
3.3	Проведение тематических конкурсов среди учащихся общеобразовательных учреждений (конкурсы рисунков «Это мой папа», «Подарок маме», «Семь цветов счастья», «Я и моя семья»)	Отдел образования, отдел культуры	Февраль 2017 г., март 2017 г., май 2017 г., июль 2017 г.	Укрепление семейных ценностей и традиций, формирование позитивного опыта семейных отношений, пропаганда благополучной семьи
3.4	Торжественная выписка мам и новорожденных, чествование семей юбиляров. Проведение церемонии бракосочетания молодых пар с приглашением представителей Администрации района и предприятий	Комитет по делам молодежи, Отдел ЗАГС Стерлитамакского района Управления ЗАГС РБ, органы местного самоуправления сельских поселений, предприятия (по согласованию)	2017-2019 гг.	Повышение роли молодой семьи в жизни общества, пропаганда среди молодежи ценностей семейной жизни
3.5	Оказание психологической помощи молодым семьям	Комитет по делам молодежи	2017-2019 гг.	Укрепление статуса семьи, повышение престижа института семьи, укрепление семейных ценностей

2) Мероприятия, направленные на пропаганду здорового образа жизни:

Приоритетными направлениями деятельности, задачами, на реализацию которых направлены мероприятия будут: формирование у населения ценностей здорового образа жизни; создание условий для мотивации к ведению здорового образа жизни, сохранению здоровья населения района.

3) Мероприятия, направленные на укрепление института семьи (табл. 6).

3) Мероприятия, направленные на укрепление института семьи

На основе тенденций, сложившихся в обществе экспертами был проведен прогноз о развитии демографических процессов до 2050 года. Согласно таблице 4 и рисунку 1, ожидается увеличение рождаемости до 10,61 промилле, что

Таблица 7
Прогнозируемое изменение коэффициентов демографических процессов до 2050 года (промилле)

Коэффициент	2010	2020	2050
Количество родившихся на 1000 населения	8,47	9,01	10,61
Количество умерших на 1000 населения	16,11	16,33	15,54
Естественный прирост, убыль (-) (человек на 1000 населения)	-6,26	5,82	-5,84
Количество браков на 1000 населения	6,07	6,25	6,62
Количество разводов на 1000 населения	6,20	6,46	6,37

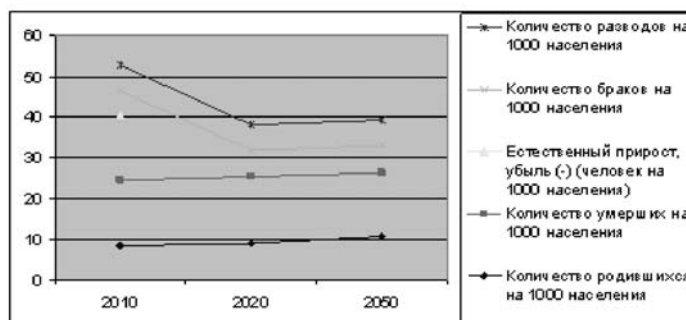

Рисунок 1 - Прогнозируемая динамика изменения коэффициентов демографических показателей до 2050 года

на 2 промилле больше чем в 2010 году, смертность по отношению к 2010 году снизится на 0,6 промилле, а естественный прирост хоть и останется отрицательным, но будет выше, чем в 2010 году (табл. 7).

Таким образом, приоритетными направлениями демографической политики в регионе становятся повышение уровня медицинского обслуживания, профилактика заболеваний, пропаганда здорового образа жизни, укрепление института семьи.

Литература

1. Указ Президента РФ от 09.10.2007г. № 1351 в ред. от 01.07.2014г. «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ, 15.10.2007, № 42, ст. 5009.
2. Распоряжение Правительства РФ от 10.03.2011 N 367-р (ред. от 01.10.2012) «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2011 - 2015 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ, 21.03.2011, № 12, ст. 1655.
3. Антонов А.И. Сорокин С.А.: Судьба семьи в России XXI века. - М.: Статус, 2011. - 123с.

4. Борисов В.А. Депопуляция в России: причины, следствия, пути преодоления // Демографические процессы и семейная политика: региональные проблемы. - Москва, 2010. - 383 с.

5. Бутов В.И. Демография. - М.: Проспект, 2013. - 127с.

6. Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии. - М.: Инфра-М, 2013. - 134с.

7. Верещагина А.В. Демография: учеб. пособие. - М.: Дашков и К, 2011. - 104с.

8. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / Монография. В. И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян и др. Под общей редакцией С.С. Сулакшина. 2-е изд. - М.: ЗАО «Издательство «Экономика», Научный эксперт, 2007. - 888 с.

9. Смирнов В.М., Попков С.Ю. Социально-экономические аспекты демографической ситуации в России: долгосрочные последствия сокращения численности работоспособного населения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2009. - № 16. - С.54-58.

10. Шумаев В.А., Морковкин Д.Е. Ранюк В.В. Развитие механизмов государственной социальной поддержки на региональном уровне // Вестник Самарского государственного экономического университета. - 2015. - № 7 (129). - С. 49-54.

Замещающая семья в общественном мнении

Смак Т.С.

Развитие профессионального института замещающего родительства позволит эффективно решить вопрос семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Наряду с мониторингом положения замещающих семей, важным инструментом регулирования ситуации и понимания сложившейся ситуации является получение актуальной и достоверной информации об этой проблеме в широких кругах населения. В статье представлены результаты регионального исследования общественного мнения на тему отношения к замещающим семьям. География опроса - Архангельская область. Рассмотрены социально-демографические характеристики группы «потенциальных кандидатов». Представлена оценка населением мотивов замещающих родителей, как конструктивных, так и негативных. Результаты исследования включают гендерные, возрастные и иные значимые различия в ответах респондентов. Ключевые слова: замещающая семья, общественное мнение, потенциальные кандидаты в замещающие родители, мотивация, негативные стереотипы, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

Smak T.S.

Substitute family in public opinion

The development of a vocational foster parenting institution will effectively address the issue of family arrangements for orphans and children left without parental care. Along with monitoring the situation of substitute families, an important tool for regulating the situation and understanding the current situation is to obtain relevant and reliable information about this problem in wide circles of the population. The article presents the results of a regional public opinion research on the topic of attitudes towards substitute families. Geography survey - Arkhangelsk region. The socio-demographic characteristics of the group of "potential candidates" are considered. An assessment by the population of the motives of substitute parents, both constructive and negative, is presented. The results of the study include gender, age and other significant differences in the responses of respondents.

Keywords: substitute family, public opinion, potential candidates for substitute parents, motivation, negative stereotypes, orphans and children left without parental care.

Проблема устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – это актуальная для современной России социальная проблема, требующая комплексного подхода к ее решению. В 2017 г. на учете в государственном банке о детях состояло 50,2 тыс. детей, еще 49 520 детей было выявлено в течение 2017 года [3]. Как показывает официальная статистика, в последние годы претерпели изменения характеристики детей, оставшихся без попечения родителей. Почти каждый третий ребенок, сведения о котором содержатся в государственном банке данных, имеет инвалидность (20950 из 71 156 или 29,4% по состоянию на 2015 г.) [10].

Кроме проблемы собственно сиротства, в этой сфере существует ряд других проблем. Трудности ребенка, устроенного в семью, не заканчиваются. За этим следует сложный процесс социально-психологической адаптации, на котором часть семей отказывается от ребенка, что, безусловно, является трагедией. Это явление называется «вторичное сиротство», возрастающее число отказов от приемных детей является негативной тенденцией. По словам И.И. Осиповой, «отказ от детей приемных родителей - явление, носящее сегодня латентный характер. Все регионы стараются замалчивать факты отказов и, как в советские времена, отчитаться о 100%-ном закрытии детских домов из-за отсутствия сирот» [8]. А.Н. Левушкин и А.С. Данилова отмечают, что причины такого явления заключаются в недостаточном правовом регулировании, неконструктивных материальных мотивах принятия ребенка в семью, низком уровне подготовки замещающих семей [6]. Как отмечают, Е.Е. Андреева и Г.Б. Морозов, механизмов контроля и профилактики вторичного сиротства в России нет, а «основой мотивации развития института замещающей семьи со сто-

роны государства стали, к сожалению, материальные стимулы» [1].

Ряд экспертов полагают, что сегодня имеет место распространение такого явления, как скрытое сиротство. Оно обусловлено принятым законом о запрете усыновления детей из РФ гражданами США и представителями однополых браков. Скрытое сиротство проявляется в формальном установлении предварительной опеки, когда фактически ребенок проживает в детском доме; умышленном сокращении дел о лишении родительских прав и пр. [7, 9].

Стоит подчеркнуть, что до сих пор система государственного содержания и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, остается закрытой для общественности. Этот социальный факт усиливает стигматизацию в отношении детей-сирот и затрудняет процесс социализации для воспитанников таких учреждений. Интересные эмпирические данные приводит Ж.А. Захарова:

- 36% детей-сирот вообще против перехода в семью. В качестве основных причин такого отношения называется страх непринятия в замещающей семье, несовместимость характеров и интересов;

- 20% из тех, кто проживал в патронатной семье, имеет негативный опыт (получали упреки в свой адрес, требования благодарности за то, что приняли в семье, сталкивались с пренебрежительным отношением к себе, унижением человеческого достоинства);

- 23% воспитанников всем остальным формам проживания предпочтение отдают детскому дому. Они не хотели бы ничего изменять [4. С. 72].

Решение проблем сиротства возможно в рамках формирования профессионального института замещающего родительства, на становление которого оказывают влияние два ключевых фактора. Во-первых, наличие достаточных материально-кадровых условий, а, во-вторых, готовность общества принять замещающих родителей в роли профессионалов, выполняющих свою работу, имеющих определенные компетенции, получающих за это зарплату и сотрудничающих со специалистами. Если обеспечить материально-кадровые условия возможно путем внесения изменений в законодательство, то установкой общественности подвергаются изменениям очень медленно. Более того, на сегодняшний день масштабных и серьезных ис-

следований на эту тему не проводилось. Ситуация нагнетается СМИ, которые предпочитают детально освещать криминальные случаи приемного родительства, сопряженные с насилием, изъятием детей из семей и пр.

Как пишет Б.З. Докторов: «Формирование и функционирование общественного мнения в современном обществе детерминируют три ведущих фактора: сама социальная реальность, прямо и косвенно воздействующая на людей и фиксируемая их сознанием; культура людей, живущих в этой реальности; массовые информационные и коммуникационные процессы, отражающие эту реальность и культивирующие ее образы в сознании людей» [2, с. 58]. В свете нарастающей виртуализации социальных практик все большее значение приобретают именно информационно-коммуникативные процессы. Их влияние оказывается не всегда благополучным, под сомнение ставятся достоверность и объективность представленной информации, возможность формирования общественной позиции, выгодной акторам данной социальной ситуации [5, 170].

Опросы населения являются источником реального знания об установках, представлениях граждан, в том числе и о замещающих семьях. Общественное мнение в данном случае является необходимым источником информации для принятия грамотных управленческих решений.

В апреле 2018 в ГАУ АО ЦИОМ г. Архангельска было проведено исследование, посвященное теме замещающего родительства. География опроса – Архангельская область. В опросе приняли участие 2003 человека, выборка репрезентативна по полу и возрасту взрослого населения, а также по сельскому и городскому населению. В качестве метода получения информации использовался анкетный телефонный опрос методом CATI (Computer Assisted Telephone Interview). Ошибка выборки не превышает 2,5%.

Близкое по тематике исследование было проведено в 2012 г. ЦСМИ «Форис» г. Архангельска. Тогда было опрошено 1023 человека, выборка репрезентативна по полу и возрасту взрослого населения, по сельскому и городскому населению. Метод сбора информации и география исследования те же. Ошибка выборки не превышает 3,5%. Часть представленных в нашей работе вопросов мы будем сравнивать с результатами исследования 2012 г., формули-

ровки вопросов и варианты ответа совпадают в сравниваемых данных.

Исследование показало, что за истекший период доля лиц, задумывавшихся о возможности принятия в семью на воспитание ребенка, снизилась на 12,4%. В 2018 году показатель составил 32,6%, то есть каждый третий опрошенный; в 2012 – 45%. Условно обозначим группу респондентов, задумывавшихся о принятии в семью ребенка «потенциальные кандидаты». Эту группу отличает преобладание женщин (64%), лиц в возрасте 25-54 лет (66,8%), декларируемый высокий доход (46,4%). Примечательно, что не обнаружено различий в ответах по уровню образования, наличию собственных детей и типу населенного пункта. Исходя из этого наиболее ресурсной группой для замещающего родительства являются молодые женщины и женщины среднего возраста с высоким уровнем дохода.

Один из вопросов исследования касался условий, при которых опрошенные считают возможным принять в семью ребенка. Сомнения отпадают, когда речь идет о знакомом ребенке – каждый третий опрошенный житель области отметил, что готов взять на воспитание знакомого ему ребенка – 32%. Этот мотив является доминирующим. На вторую позицию вышел вариант согласие супруга/супруги. Его указали 22,5% или каждый пятый. Отсутствие собственных детей могло бы стать основополагающим для создания замещающей семьи для 19,8% жителей области. Результаты опроса 2018 года говорят о смещении мотивационных акцентов и изменении установок населения. Если сравнить данные с данными 2012 года, становится очевидным, что объективно-компенсационные мотивы уходят на второй план. В 2012 году с большим отрывом на первое место вышел вариант «если бы знакомый ребенок остался без родителей» - 78%. Второе место осталось за позицией «отсутствие собственных детей» - 46%. В 2018 году поддержка супруга/супруги сместила «бездетность». Это указывает на постепенную трансформацию общественного мнения о замещающих семьях. Компенсаторные мотивы создания замещающей семьи уступают более конструктивным мотивам.

Женщины чаще указывали на значимость таких условий как известный ребенок (35,8%) и согласие со стороны членов семьи (21,7%). Для младшей возрастной группы респондентов (18-24 лет) более актуальными оказались отсутствие

собственных детей (49,6%), поддержка супруга (37,8%), высокий доход (30,7%) и отличные жилищные условия (20,5%). Респонденты среднего возраста акцентировали внимание на согласии близкого окружения (20,4%), уверенности в государственных гарантиях (15,6%). Лица старшего возраста в 18% отметили вариант «ни при каких условиях». Это логично в силу возраста данной группы респондентов.

Отсутствие детей не является доминирующим условием для создания семьи в группе «потенциальных кандидатов». Этой категории важнее согласие супруга (34,3%), поддержка окружения (26,2%), высокий доход (23,1%), отличные жилищные условия (18,5%). Значимые различия присутствуют так же в ответах респондентов, имеющих детей и не имеющих детей. В два раза чаще опрошенные с детьми выбрали вариант «ни при каких условиях» - 11,4%. Тогда как для бездетных респондентов отсутствие детей может стать главным условием для создания замещающей семьи - 38,1%.

Таким образом, представления о замещающей семье претерпевают конструктивные изменения. Сегодня условиями для создания семьи все чаще выступают не бездетность, а поддержка близких, согласие супруга, высокий доход и соответствующие жилищные условия. Стоит обратить внимание на противоречие между курсом государственной и региональной семейной политики, направленной в основном на реализацию социальных гарантий и поддержание необходимого уровня финансового обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и запросом общества на создание «доброжелательной» к замещающей семье среды, положительного дискурса, когда поддержка и согласие близких людей становятся решающими факторами.

Несмотря на то, что бездетность не является ведущим условием для создания замещающей семьи, большинство опрошенных убеждены, что те, кто берет на воспитание в семью ребенка, делают это из-за отсутствия родных детей – 47,5%. На вторую позицию вышли мотивы помогающего поведения – 33-38,6%. 15,7% уверены, что такими людьми движут корыстные побуждения финансовой наживы. См. рис. 1.

Разница в представлениях населения о мотивах принятия детей в семью наблюдается в разрезе половозрастных групп, детности и ус-

тановок на принятие в семью ребенка. Компенсаторные мотивы доминируют в представлениях всех возрастных групп населения, кроме респондентов старшего возраста (55+), где на первое место вышел мотив помогающего поведения (37,3%). Женщины (41%) и молодежь (48%) также чаще указывали на мотивы помогающего поведения. С возрастом акцент на бездетности снижается, в то же время возрастает доля ответов, указывающих на неконструктивные мотивы – стремление заработать на пособиях (18,6% в группе старше 55 лет), страх одиночества (8,3% в группе старше 55 лет). Молодежь в подавляющем большинстве отмечает бездетность как основную причину создания замещающей семьи – 67,7%.

Респонденты, не имеющие собственных детей, в 59,2% случаев полагают, что люди берут на воспитание в семью детей, так как не могут самостоятельно родить. Каждый второй в этой группе отметил желание помочь детям-сиротам обрести семью – 45%. В представлениях «потенциальных кандидатов» ярко выражены установки на помогающее поведение (42,9%).

Насколько сформирован образ профессионального замещающего родителя в общественном мнении показывают такие аспекты как принятие социумом факта необходимости выплачивать вознаграждение таким людям, проходить обучение и специальную подготовку, то есть обладать необходимыми компетенциями. Исследование показало, что в представлениях населения региона доминируют несколько иные установки. Так более половины опрошенных убеждены, что замещающие родители не должны получать оплаты за свой труд – 53%. Несмотря на то, что молодежь в целом демонстрирует более позитивный, конструктивный образ замещающего родителя, чаще апеллируя к мотивам помогающего поведения, в данной группе процент полагающих, что работа замещающего родителя требует вознаграждения (31,5%), ниже на 14,3% в сравнении со старшей возрастной группой (45,8%).

С возрастом понимание того, что воспитание ребенка требует необходимых компетенций, увеличивается и в группе старше 55 лет показатель достигает 88,7%. Этот вариант также чаще указывали женщины – 91,8%. Это может свидетельствовать о большем жизненном опыте, связанном с воспитанием детей и большей вовлеченности женщин в этот процесс. По другим

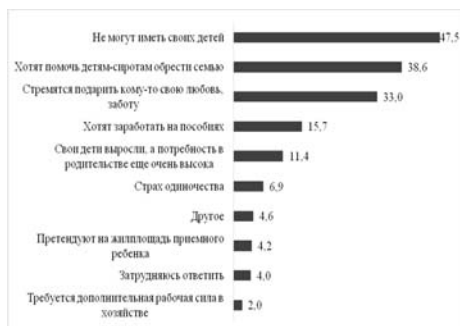

Рисунок 1 – Мотивация замещающих родителей в представлениях населения, %

Рисунок 2 – Отношение к замещающим семьям: доминирующее в обществе и личном, %

социально-демографическим параметрам разницы в ответах на этот вопрос нет.

В ходе опроса респондентам предлагалось также ответить на вопрос о том, как, по их мнению, в современном российском обществе относятся к замещающим семьям и как они лично относятся к данной категории семей. Результаты представлены на рис. 2.

Существует разрыв между личным отношением к замещающим семьям и представлениями об отношении к замещающим семьям в обществе. В первом случае 94,6% давали положительные оценки, во втором 80,8%. Оба показателя являются достаточно высокими, тем не менее 14,1% опрошенных полагают, что социум негативно настроен по отношению к людям, принимающим на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Важным компонентом общественного мнения является наличие предубеждений и негативных стереотипов в отношении детей-сирот. В исследовании 2012 года был включен вопрос о том, что является для Вас препятствием для создания замещающей семьи. Вариант «опасение за здоровье и развитие ребенка из детского дома» указали 42% опрошенных. Действительно, данный фантом сегодня широко распрост-

Рисунок 3 – Представления респондентов об ответственных за развитие института замещающей семьи, %

ранен. Многие убеждены, что дети из детских домов обязательно имеют отклонения в умственном и физическом развитии. Но не все знают, что отставание в развитии имеет связь с длительностью пребывания в учреждении, возрастом изъятия из семьи и прочими факторами, поддающимися корректировке.

Опрос 2018 г. подтверждает наличие стереотипов в отношении детей-сирот. 42,5% указали, что дети из детских домов – такие же дети, как и те, кто воспитывается в родных семьях, а влияние детского дома всегда можно скорректировать в процессе воспитания в семье. Каждый третий житель области убежден, что детский дом оказывает сильное влияние на развитие ребенка и любой ребенок, оказавшись в данном учреждении, неизбежно начинает отставать в развитии (32,1%). Еще 15,1% согласились с тем, что дети из детских домов имеют плохую наследственность и склонны к дурным привычкам и плохому поведению. Таким образом, около половины опрошенных разделяют предубеждения в отношении детей-сирот, что является безусловным препятствием к развитию профессионального института замещающей семьи.

С возрастом негативные установки в отношении детей-сирот усиливаются. Если среди 18-24 летних 57,5% убеждены в положительном влиянии семейного воспитания на детей из интернатных учреждений, то в группе старше 55 лет, показатель уменьшается до 36,4%.

Говоря о том, кто, в первую очередь несет ответственность за положение замещающих семей, опрошенные на первое место поставили специалистов органов опеки и попечительства – 46,9%. С большим отрывом вторую и третью

позицию заняли местные и федеральные власти (11,8% и 11%). См. рис. 3.

В исследовании был также включен вопрос об основных каналах получения информации о замещающих семьях и детях-сиротах. В целом по области лидирующим оказалось телевидение, его указали 72,6%. Примерно равное количество респондентов указали социальные сети (24,8%), сайты в Интернете (23%), разговоры с друзьями (22,6%), газетные статьи (20,6%). Детальное рассмотрение вопроса указало на различия в ответах в зависимости от пола и возраста. Женщины чаще обращают внимание на информацию о детях-сиротах, замещающих семьях в прессе (24,4%), а также чаще обсуждают эту тему в разговорах (26,2%). Молодежь (18-34 лет) в 49,6% - 45% получают такие сведения в социальных сетях.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Постепенно в массовом сознании происходит смещение акцентов о мотивах создания замещающей семьи. На смену компенсаторным и объективным мотивам (принятия на воспитание знакомого ребенка или родственника) приходят мотивы помогающего поведения, хотя в целом доля потенциальных кандидатов за 6 лет снизилась на 12,4% (32,6% в 2018 г);

2. Наиболее ресурсной для создания замещающей семьи является категория женщин репродуктивного возраста, мужчины в два раза реже задумываются о создании замещающей семьи. «Потенциальные кандидаты» в большей степени делают акцент на поддержке близкого окружения и согласии супруга, эти факторы опережают такие условия создания замещающей се-

мы как высокий финансовый доход и необходимые жилищные условия, что свидетельствует о высокой значимости одобрения социальной практики замещающего родительства. Стоит обратить внимание на противоречие между локусом государственной и региональной семейной политики, направленной в основном на реализацию социальных гарантий и поддержание необходимого уровня финансового обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и запросом общества на создание «доброжелательной» к замещающей семье среды, положительного дискурса, когда поддержка и согласие близких людей становятся решающими факторами.

3. Положительное отношение к замещающим семьям сопряжено с представлениями о мотивах принятия в семью ребенка. Негативные установки в большей степени актуализированы в старшей возрастной группе. Они чаще приписывают замещающим родителям компенсаторные и корыстные мотивы. Положительная оценка выражена у тех, кто связывает замещающее родительство с помогающим поведением.

4. Образ профессионального замещающего родителя в массовом сознании сопряжен с необходимостью кандидатов проходить обучение, тогда как идея получения вознаграждения за свою работу не находит поддержки у широких слоев населения.

5. Каждый второй житель области разделяет негативные стереотипы в отношении детей сирот, приписывая им отклонения в развитии, дурную наследственность и склонность к вредным привычкам.

6. В представлениях общества основная ответственность за решение проблем устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лежит на специалистах органов опеки и попечительства.

7. Несмотря на то, что телевидение является для большинства опрошенных основным источником информации о замещающих семьях и проблемах детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в группе 18-35 летних на второе место вышли социальные сети и Интернет, к которым обращается половина молодых людей.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости выстраивания грамотной информационной политики. Особую роль играет позиция формальных каналов информации в сети

Интернет и официальный дискурс. Мониторинг общественного мнения одновременно является и актуальной информацией об отношении к замещающим семья, детям-сиротам, потенциале населения, и оценкой деятельности властей в решении вопросов устройства детей-сирот.

Литература

1. Андреева Е.Е., Морозов Г.Б. Сиротство как социальная эпидемия современной России // Педагогическое образование в России. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sirostvo-kak-sotsialnaya-epidemiya-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 05.01.2019).
2. Докторов Б.З. Обогащенное общественное мнение: понятие, социальная практика, опыт изучения. // Мониторинг общественного мнения №3 (71). 2004. С. 57-70.
3. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2017 год <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/1320>
4. Захарова Ж.А. Проблемы детей-сирот, воспитывающихся в условиях замещающей семьи // Вестник КГУ. 2006. №8. С.70-73
5. Капралова С.В. Прогресс информационно-компьютерных технологий и развитие Интернета как факторы формирования общественного мнения // ИСОМ. 2013. №4. С.169-172
6. Левушкин А. Н., Данилова И. С. «Вторичное сиротство» и меры реагирования органов государственной власти на отказ приемных родителей от ребенка // Власть. 2014. № 8. С. 159-163.
7. Михайлова А. Как изменил жизнь сирот «Закон Димы Яковлева». <http://www.rbc.ru/investigation/society/17/01/2017/> (дата обращения 07.09.2017)
8. Осипова И. И. Феномен вторичного сиротства в современной России // Вестник ВятГУ. 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-vtorichnogo-sirostva-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 05.12.2018).
9. Хазиев Д. Эксперты о сокращении количества детей-сирот в России <http://philanthropy.ru/opinion/2016/04/08/36498/> (дата обращения 14.01.2017)
10. <http://www.usynovite.ru/statistics/2015/2/> - Усыновление в России: интернет-проект Министерства образования и науки РФ.

Наши авторы

Алимова Ольга Владимировна – кандидат социологических наук, кафедра менеджмента и маркетинга, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, olgakuzmi@yandex.ru

Барков Сергей Александрович - д.с.н., профессор, заведующий кафедрой экономической социологии менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. barkserg@live.ru

Батуренко Светлана Алексеевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. level_s@rambler.ru

Белов Василий Георгиевич – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, профессор, Северо-Западный институт управления Российская академия народного хозяйства и государственной службы (СЗИУ РАНХиГС)

Борисова Юлия Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета e-mail: borisovaylia@bk.ru

Ван Ян - аспирант социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Васильев Алексей Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, holod1982@mail.ru

Гаглов Азамат Таймуразович - представитель Фонда содействия инновациям в РСО-Алания. azamatgagloev@gmail.com

Гомця Овсеп Арамаисович – к.с.н., доцент кафедры «Социальной работы, психологии и педагогики высшего образования», Кубанский государственный университет, ovser86@mail.ru

Грacheва Ольга Евгеньевна - соискатель, Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы, 9686438@mail.ru

Грибова Кристина Львовна - аспирант, социологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. k.gribova@inbox.ru

Гридина Вера Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества, Самарский государственный технический университет, samavera@mail.ru

Гурко Глеб Игоревич – доктор медицинских наук, профессор, председатель военно-врачебной комиссии отдела подготовки и призыва граждан на военную службу федерального казенного учреждения «Военный комиссариат города Санкт-Петербурга»

Дзущев Хасан Владимирович - доктор социологических наук, профессор, 1. заведующий Северо-Осетинским отделом социальных исследований

Института социально-политических исследований РАН, 2. заведующий кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ. khasan_dzutsev@mail.ru

Жемерикин Алексей Борисович – аспирант Института дополнительного профессионального образования работников социальной сферы города, zhemerikinab@mos.ru

Зубков Владимир Иванович - д.с.н., профессор кафедры государственного управления и социальных технологий Института инженерной экономики и гуманитарных наук Московского авиационного университета (национального исследовательского университета). v.zubkov@bk.ru

Иванов Николай Васильевич - кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Ivanov.N.V58@mail.ru

Игумнов Олег Александрович – кандидат педагогических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, oleg_igumnov@mail.ru

Кабайкина Ольга Владимировна - аспирантка кафедры современной социологии социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. kabaykinaov@mail.ru

Камышенков Руслан Викторович – аспирант, кафедра зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», kam_er_ton@bk.ru,

Ким Александр Сергеевич - доктор политических наук, профессор кафедры «Социально-гуманитарных наук» ФГБОУ ВПО «Хабаровский государственный университет экономики и права», руководитель Межвузовского конфликтологического центра (Научно-методический центр по профилактике экстремизма и межэтнических конфликтов), Хабаровск. stosorok2005@yandex.ru

Королев Максим Александрович – старший преподаватель кафедры социальной медицины и социальной работы, ФГБОУ ВО Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова, m.korolev10@mail.ru

Коротышева Наталья Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Вятский государственный университет

Кравченко Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. kravchenkoai@mail.ru

Кушова Ирина Андреевна – кандидат философских наук, доцент, кафедры культурологии и социологии, Вятский государственный университет

Лебедь Ольга Леонидовна - доцент кафедры социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования, Институт социологии, психологии и гуманитарных наук, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрав. lebed_olga@mail.ru

Ли Жуньнань – аспирант, Кафедра социологии организаций и менеджмента, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, freedontkg@126.com

Ляликова Софья Викторовна - старший лаборант кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. sofia_lyalikova@outlook.com

Малых Светлана Владимировна – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры русского языка и языкознания ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск. lana.malyx@bk.ru

Мамедов Агамали Куламович - доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. akmnauka@yandex.ru

Маткин Алексей Валерьевич – аспирант, кафедра киноведения. Всероссийский государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК), mail@matkin.ru

Медведев Павел Сергеевич – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, e-mail: medvedevps@tyuiu.ru

Михайлова Светлана Юрьевна - доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Морева Яна Александровна – студент, Кубанский государственный университет

Москвин Артем Сергеевич – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социологии, Вятский государственный университет, masloguk@mail.ru

Нехвядович Эдуард Антонович – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, заместитель директора, Северо-Западный институт управления Российской академия народного хозяйства и государственной службы (СЗИУ РАНХиГС)

Никулин Денис Николаевич – аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук, nikulin.dn.soc@gmail.com

Новоселова Елена Николаевна - кандидат социологических наук, доцент, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

Парфенов Сергей Александрович – кандидат медицинских наук, Северо-Западный институт управления Российской академия народного хозяйства и государственной службы (СЗИУ РАНХиГС)

Пейганович Станислав Сергеевич - аспирант, Высшая школа современных социальных наук, МГУ им. Ломоносова, stempted@gmail.com

Пинчук Антонина Николаевна - научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва. tonya_vsr@mail.ru

Полуцыган Анастасия Александровна – аспирант социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, stasy64rus@yandex.ru

Поплёвкин Николай Петрович – адъюнкт кафедры социологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Obssss@mail.ru

Попова Марина Владимировна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета, marina_popova1990@list.ru

Пархитко Николай Петрович – к.и.н., доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, schamchorst@mail.ru

Пудовкина Ирина Михайловна – старший преподаватель кафедры общенаучные дисциплины ФГБОУ ВО Пермский национальный исследовательский университет, iri14250591@yandex.ru

Решетников Владимир Алексеевич - доктор философских наук, профессор, директор Института социальных наук, заведующий кафедрой социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета.

Сапожников Кирилл Викторович – Северо-Западный институт управления Российская академия народного хозяйства и государственной службы (СЗИУ РАНХиГС), г. Санкт-Петербург

Скуденков Владимир Алексеевич - соискатель кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета. vskudenkov@mail.ru

Смак Татьяна Сергеевна – старший преподаватель, кафедра философии и социологии, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, САФУ им. М.В. Ломоносова, smaktanya@gmail.com

Сущенко Ольга Александровна - аспирантка кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. suschenko Olga@ya.ru

Таран Ирина Андреевна – магистрант кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, iratrn@mail.ru

Тихонова Татьяна Евгеньевна – аспирант РГГУ, tihonova@uszn-cao.ru

Фарахудинов Шамиль Фаритович – кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, fshamil@mail.ru

Хугаева Алла Ахмедовна - кандидат социологических наук, доцент. alladgam@mail.ru

Шу Хуэйшань – аспирант кафедры социологии коммуникативных систем, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ivory110927@gmail.com

Ягудина Аэлита Радиковна – кандидат социологических наук, доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, aelitastar@narod.ru

